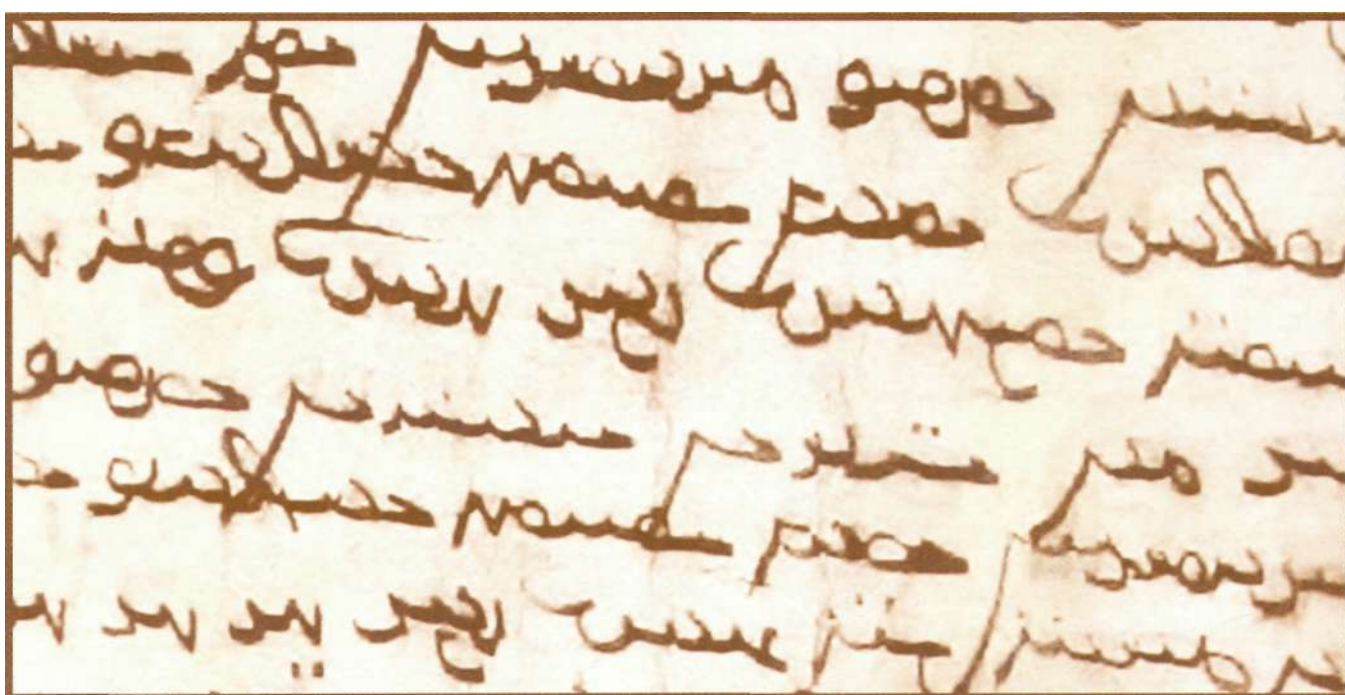

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ

IICAS

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
under the auspices of UNESCO

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ

Материалы Международной конференции
Самарканд, 7-8 сентября 2009 г.

Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии.
Материалы Международной конференции, Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. — Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, SMI-ASIA, 20Ю. - 332 стр.

Редакционная коллегия:

Д. Алимова, Б. Аманбаева, К. Байпаков, Ш. Мустафаев (отв. редактор)
И. Тоган, Т. Ширинов, Ю. Якубов

В издании представлены материалы Международной научной конференции «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии», которая была организована Международным Институтом Центральноазиатских исследований и Институтом истории Академии Наук Узбекистана при поддержке Посольства Франции в Республике Узбекистан.

Доклады отражают историю зарождения и развития культурного взаимодействия народов Центральной Азии, вопросы интеграции и взаимообогащения оседлого и кочевого населения во всем их многообразии и единстве

Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов и мнений, содержащихся в этой книге и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначение и материалы, представленные в книге, не заключают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

ISBN 978-9943-357-08-2 (IICAS)
ISBN 978-9943-17-026-1 (SMI-ASIA)

© Международный Институт Центральноазиатских исследований, 20Ю
© SMI-ASIA, 20Ю (дизайн и верстка)

INTERNATIONAL INSTITUTE
FOR CENTRAL ASIAN STUDIES

INSTITUTE OF HISTORY ACADEMY OF SCIENCE
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

**CIVILIZATIONS AND CULTURES
OF CENTRAL ASIA
IN UNITY AND DIVERSITY**

Proceedings of the International Conference
Samarkand, 7-8 September, 2009

Samarkand-Tashkent—2010

Civilizations and cultures of Central Asia in unity and diversity. Proceedings of the International Conference, 7-8 September, 2009.—Samarkand-Tashkent: IICAS, SMI-ASIA, 2010. 332 pages.

Editorial board:

D. Alimova, B. Amanbaeva, K. Baipakov, Sh. Mustafayev (editor-in-chief)

I. Togan, T. Shirinov, Yu. Yakubov

The publication contains the proceedings from the international scientific conference *Civilisations and Cultures of Central Asia in Unity and Diversity* which was organised by the International Institute for Central Asian Studies and the Institute of History of the Academy of Science of Uzbekistan and supported by the French Embassy in Uzbekistan.

The reports reflect the history of the genesis and development of cultural interaction between the people of Central Asia, and the issues of integration and mutual enrichment between the nomadic and sedentary populace in their diversity and unity.

The authors are responsible for the choice and the presentation of the facts contained in this book and for the opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the organization. Nor do they the expression of any opinions as the part of UNESCO concerning the legal status of any country, territory, city or area or if its authorities, or concerning the delimitation of its frontier of boundaries.

ISBN 978-9943-357-08-2 (IICAS)

ISBN 978-9943-17-026-1 (SMI-ASIA)

© International Institute for Central Asian Studies, 2010

© SMI-ASIA, 2010 (дизайн и верстка)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОЙ И ОСЕДЛОЙ КУЛЬТУР В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

INTERACTION BETWEEN NOMADIC AND SEDENTARY CULTURES IN HISTORY OF CENTRAL ASIA

К. Байпаков
Казахстан

ГОРОДА ОКРУГА КЕНЖИДА-КЕНДЖЕ

Арабский географ X в. Ибн Хаукаль сообщает: «Между Фарабом, Кенджидой и Шашем хорошие пастбища там, около тысячи семей тюрок, которые же приняли ислам... Субаникет главный город Кенджиды». Истахри (X в.) пишет, что «От Испиджаба до Усбаникета два дня пути, от Усбаникета до Кедера, главного города Бараба (Фараба) два легких дневных перехода». Анонимный автор «Худуд ал-Алем» (X в.) сообщает: «Субаникет приятный процветающий богатый город». Согласно Якуту (XII в.), «Усбаникет город в Мавераннахре, один из городов Испиджаба, между ними большой день пути». У аль-Макдиси (X в.) «Арсубаникет — большой, чистый, укрепленный; соборная мечеть в нем, а постройки в рабаде». На основании указания расстояний между Испиджабом и Усбаникетом, Усбаникетом и Кедером В. В. Бартольд локализовал округ Кенджида на средней Арыси [Бартольд, 1963. С. 233]-

Есть мнение, что Арсубаникету соответствует городище Жуантобе либо Шортобе в среднем течении р. Арысь. Развалины Шортобе сейчас заняты современным кладбищем, поэтому оно не исследовано, но по подъемному материалу датируется I-XVII вв. н.э. [Байпаков, 1986. С. 25].

Городище Жуантобе — памятник хорошо известный, его изучение проводилось в 1953¹ - Южно-Казахстанской археологической экспедицией во главе с А. Н. Бернштамом и Е.И. Агеевой [Агеева, Пацевич, 1958. С. 108-109], а в 1988-91 гг. здесь работала экспедиция Южно-Казахстанского областного краеведческого музея во главе с А. Н. Грищенко [Байпаков, Грищенко, 1997- С. 84-89].

Городище имеет двухчастную структуру: центральная часть в виде тобе с площадкой наверху и территория в виде «кольцевого всхолмления», опоясывающего центральную часть, отстоящая на расстоянии от 20 до 60 м от центральной части. Первая — это конической формы бугор с крутыми стенками и площадкой наверху. Его размеры 85 x 75 м, площадки наверху 65 x 55 м, высота тобе — 17 м. На трех углах (кроме северного) прослеживаются остатки башен. Вокруг, у подошвы прослеживается ров шириной до 40 м и глубиной 1,5-2 м, а за ним застройка в виде кольцевого вала шириной в среднем до 60 м и высотой 6-7 м. В восточном углу имеется разрыв шириной до 50 м. Общая площадь городища составляет около 14 га (380 x 380 м) (рис. 1).

В результате работ на «кольцевом всхолмлении» вскрыты остатки двух помещений, участок внешнего фаса оборонительной стены и культурных напластований за ней, а в

центральной части — девять помещений «жилого комплекса» и «согдийского дома».

Керамический комплекс с «кольцевого всхолмления» представлен лепной керамикой. Преобладают кувшины и кружки с широким устьем и дном, диаметр которого меньше диаметра устья. Тулово этих сосудов вытянутое или округлое. Горловина расширяется к устью «раструбом» или «воронкой».

Устье, как правило, с простой закраиной, ПОДтреугольной В сечении. Кружки имеют петлевидную вертикальную ручку со схематическим зооморфным изображением. Отметим, что в качестве декоративного оформления внутренней и внешней поверхности кружек используется ангоб коричневатокрасного цвета и легкое лощение.

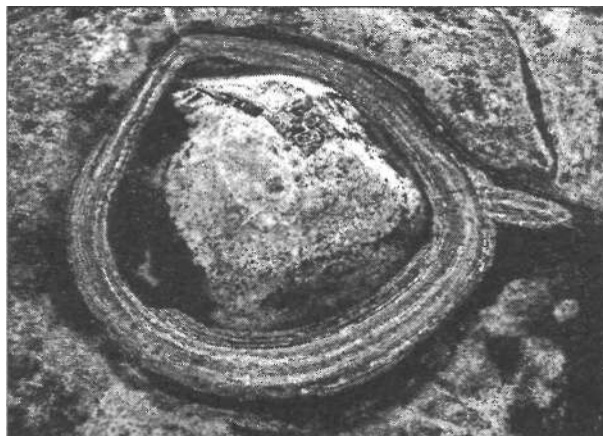

Рис. 1. Городище Жуантобе. Аэрофото.

Параллели кружкам из верхнего строительного горизонта «кольцевого всхолмления» городища Жуантобе прослеживаются в керамических комплексах памятников отрарско-каратауской культуры. Время ее существования определяется с I в. до н. э. до VII-VIII вв. н. э.

«Жилой комплекс» отделен от входа пространством площадью около 600 кв. м, которое названо «внутренним двором». Прослеженные на этом дворе остатки тандыров и печей различных конструкций дают основание предположить их использование в хозяйственно-бытовых целях.

Раскопки «жилого комплекса» выявили группу керамики, аналогичную «кангарскому комплексу» Отрарского оазиса. Это кувшины, кружки, горшки, покрытые коричневым и красным ангобом, с прочерченным орнаментом в виде линий, треугольников, овалов; с зооморфными ручками; обломки чаш, покрытых черным ангобом и украшенные «вихревыми розетками» [Байпаков, Грищенко, 1997- С. 85, рис. 1].

Своеобразная группа керамики была обнаружена при раскопках «согдийского дома» на северном склоне городища. Это кувшины и чаши, которые находят аналогии в комплексах согдийской керамики Пенджикента VIII в. Постройка дома относится к последнему периоду жизни городища [Байпаков, Грищенко, 1997- С. 85, рис. г]. К интересным находкам из верхнего слоя городища относятся терракотовые фигурки (рис. 2).

Одна из них изображает горбоносого мужчину (сохранилась лишь верхняя половина) в круглой плоской шапочке, прямыми плечами и опущенными вниз руками. Глаза и рот показаны налепами. Вторая терракотовая фигурка выполнена в форме образка. В овальном поле выполнено барельефное изображение мужчины с крупным горбатым носом и большими миндалевидными глазами. На голове прическа в виде поднятых вверх волос, усы обозначены рельефом. Мужчина одет в халат, доходящий до середины икры. Край халата украшен полосой из вертикальных линий. В одной руке мужчины булава, а другой — жезл. Высота образка — ю см.

Терракота, аналогичная вышеописанной, достаточно широко известна в коропластике Средней Азии, относится к тюрко-эфталитскому кругу и датируется V-VII вв. [Байпаков, Грищенко, 1997- С. 85, рис. з; Мешкерис, 1962. С. 3²-43- Рис. 8, 2, з; табл. XVII, 302-303].

Там же найдена сасанидская серебряная монета. Лицевая сторона хорошей сохранности, обратная сторона стерта. На лицевой стороне в двойном ободке из мелких перлов — бюст правителя, лицом обращена вправо. На голове корона, увенчанная двумя раскинутыми крыльями. Между крыльями — полумесяц и звезда. Волосы убраны назад, в ухе — серьга. Ворот одеяния украшен мелкими перлами. На плечах — ленты, ниспадающие вниз в виде двойных линий. В поле справа и слева вниз — легенда на пехлеви. Во внешнем поле справа, слева и внизу — полумесяцы со звездами, разделяющие внешнее пространство на четверти. Во второй четверти начертано слово на пехлеви. На оборотной стороне в тройном ободке из мелких точек изображение, которое полностью стерто. Иконография и надпись позволяют отнести данную монету к чекану сасанидского царя Хосрова II (590-628 гг.).

Начиная с 2004 г. отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции ведутся масштабные раскопки на цитадели и шахристане Жуантобе в рамках программы «Культурное наследие». Руководили исследованиями К. Байпаков, Ю. Буряков и Б. Железняков [Байпаков, Буряков, 2005. С. 165-168; Байпаков, Железняков, Беляева, 2005- С. 298-301; Железняков, 2007 С. 146-149; Железняков, Беляева, 2008. С. 296-303; Железняков, 2009. С. 236-240].

На «кольцевом рабаде», недалеко от въезда в город, вскрыт отрезок крепостной стены с продольным внутрисканальным коридором. Сохранившаяся высота стен не позволяет однозначно говорить о наличии узких стрельчатых отверстий для ведения обстрела, но архитектурные особенности сохранившейся нижней части предполагают наличие коридора — галереи, из которой лучники вели стрельбу через узкие бойницы. Данная конструкция говорит о том, что внешняя оборонительная стена шахристана была построена в античное время. Керамический материал из раскопа стены также свидетельствует о раннем этапе ее возникновения, в I-IV вв. н. э.

Основной раскоп был заложен на цитадели городища и явился продолжением раскопов, вскрывших верхние горизонты. Раскопами 2 и 4 была вскрыта площадь около 1000 кв.м по уровню второго строительного горизонта.

Входная группа помещений по уровню третьего строительного горизонта была вскрыта в границах стратиграфического шурфа. В 2009 г. было исследовано заполнение четвертого строительного горизонта. В шурфе обнажена часть помещения с суфой и узкий коридор, стены которого покрыты штукатуркой.

Раскоп № 6 в северной части цитадели вскрыл уровень третьего строительного горизонта. Он находится у северного края цитадели между въездом и северной угловой башней. Раскоп вскрыл 4 жилых помещения, в каждом была пристенная суфа, очаг устраивался у входа. В зимнее время посредине комнаты устанавливался обычно переносной очаг, от которого сохранились следы прокала на поверхности пола. В восточной части раскопа № 6 расчищено 12 жилых помещений. Они имеют подквадратную форму с суфами, отопительными и бытовыми очагами. Стены второго строительного горизонта стояли на стенах третьего строительного горизонта и сложены из сырцового кирпича прямоугольной формы.

В помещениях собрана коллекция керамики, монет, найдено бронзовое зеркало, ювелирные украшения, сурьматаши, терракота.

Интересна терракотовая фигурка, скульптурное изображение мужчины. Образ достаточно четко передает его облик: высокий «ото лба» нос, небольшой рельефный рот, борода и неболь-

Рис. 2. Городище Жуантобе. Терракотовые фигурки.

шие усики, крупные глаза, переданные круглыми впадинами (прослеживаются такие черты, как брови «до виска», массивность нижней челюсти). Характерна свисающая с правого уха серьга. Оригинален головной убор в виде повязки, несколько раз обернутой вокруг головы (рис. 2).

Похожие серьги обнаружены в захоронениях, относящихся к IV-VI вв., на ближайшем некрополе Жуантобе, известны они на тюркских изваяниях.

Самой распространенной находкой является керамика: столовая, хозяйственная и тарная. Столовая керамика изготовлена из теста хорошего обжига. Снаружи сосуды покрыты густым красным ангобом со светлыми и черными пятнами. Интересен горшочек: горловина поставлена прямо, венчик слегка отогнут наружу. От венчика на плечико опущена небольшая кольцевая подпрямоугольная в сечении ручка. Верхняя часть тулова украшена прорезным орнаментом и покрыта густым красным ангобом (рис. 3)- Это так называемая «кангарская» керамика относится к VII — первой половине IX в.

К этому же комплексу керамики относится плоская крышка диаметром 42 см, она орнаментирована ямками-перлами и врезными полосками — лучами, расходящимися радиально от центра.

Интересно круглое бронзовое зеркало с петлевидной ручкой. Диаметр его 7²~73 мм, толщина около 2 мм. Тыльная сторона поделена на концентрические пояса из рельефного орнамента. Подобный тип зеркал характерен для широкой зоны Евразии, но аналогичный орнамент бытовал в VI-VIII вв. н.э., в частности, в Согде.

Найдена курильница, состоящая из круглой неглубокой чаши, края которой оформлены в виде зубчиков на устойчивом коническом основании. Поверхность поддона покрыта резным орнаментом, а вся курильница — светло-коричневым ангобом.

Датируется городище Жуантобе I-IX вв., следовательно, отождествление его с городом Арсубаникетом невозможно.

В послемонгольское время (XIII в.) округ Кенжида меняет название на Кенжде, который известен как место чеканки серебряных чагатайских дирхемов, имевших широкое хождение в Средней Азии и Казахстане [Давидович, 1977- С. 73]-

В Монгольской империи придавали большое значение сбору налогов с подвластного населения. Для удобства его взимания при Менгу-хане была проведена денежная реформа, кото-

рая предусматривала чеканку динаров из золота и серебра на многочисленных монетных дворах. Динары выпускались в городах Отраре, Таразе, Кенжде, Алматы. В монетной реформе выделяются три этапа, проводившиеся с 1251 г. Третий этап начинается реформой купца-правителя Масудбека в 1272-1273 гг., которая

Рис. 3- Городище Жуантобе. Кангарская керамика.

обеспечила государство серебряной монетой. Реформе Масудбека предшествовал курултай 1269 г. на берегах Таласа, где чингизиды во главе с Хайду договорились ограничиться фиксированными налогами с населения [Давидович, 1977- С. 29-72]. Это вызвало подъем уровня городской жизни. В это время столицей области, видимо, стал город Карасаман [Пищулина, 1969. С. 36; Байпаков, 1977- С. 201-202]. Впервые о нем сообщает историк XIV в. Низам ад-дин Шами. Здесь в 1392 г. Эмир Тимур принимал послов Тохтамышша. В начале XV в. город вновь упоминается в связи с войной монголов под началом Шах-Джехана: «Осадил Отрар, Сайрам и дошел до Карасамана, места в окрестностях Карасамана». В XVI в. появилось название еще одного города Халадж Карасаман, о котором пишет историк Хафиз Таныш.

Искать остатки Карасамана и Халадж Карасамана в долине Арыси помогает топонимика. До сих пор сохранились названия Караспан — так называется село, на окраине которого находится памятник Караспантобе. Это же название носит городище Шортобе. Расстояние между ними ю км. Есть также городище Калач в 7 км вниз по течению р. Арыси от села Караспан.

Наиболее крупным из всех памятников является городище Караспантобе. Оно скорее всего и является остатками Карасамана. Городище было обследовано Южно-Казахстанской археологической экспедицией (1948-1951 гг.) [Агеева, Пацевич, 1958. С. 107-108].

Центральная часть городища — высокое подпрямоугольное в плане тобе в основании 220-260 м и высотой 22 м. Вокруг него застройка шахристана, ограниченная валом. Размеры его территории 850x600 м. За пределами шахристана прослеживаются остатки рабада, установить размеры которого невозможно, он распахан и застроен (рис. 4)-

С 2004 г. на городище Караспан проводятся археологические исследования по программе «Культурное наследие». Раскопки на центральной части выявили строительные конструкции XVI-XVIII вв. Вскрыты дома с жилыми и хозяйственными постройками. В жилых помещениях обмазанная суфа занимает 3/4 всей площади, тандыр с дымоходом, проложенным в суфе, и площадка ташнау (санитарно-гигиеническое устройство) перед ним. В помещениях найдены глиняные сосуды — хумы, кувшины, кружки. Интересно, что обязательными находками в жилом помещении является зернотерка — «ручная мельница» и поливной тазик-тагора. Интересно, что тагора в каждом доме оригинальна своим орнаментальным оформлением. На одном из них имеются изображения рыб (рис. 5)-

III

Рис, ф Городище Караспантобе.

При раскопках на центральной части собрана коллекция монет XVI-XVII вв., которые уточняют датировку верхних слоев городища.

Проводились раскопки и на территории шахристана, где был заложен шурф на глубину 3,5 м, давший материал I-XII вв. н.э.

У жителей поселка приобретена серия медных фельсов и серебряных дирхемов XIII в. Таким образом, все более начинает вырисовываться история и культура крупного города на Арыси.

Что касается локализации Халадж-Карасамана, то ему соответствует городище Калаштобе, которое датируется XIII-XVIII вв. [Шербаев, Дудаков, 2005. С. 168-170; Байпаков, Шербаев, 2005- С. 308-310; Талеев, 2007. С. 150; Талеев, 2008. С. 133-135; Талеев, 2008а. С. 136-142].

Упадок городов на Арыси связан с целым рядом причин, среди которых были казахско-джунгарские войны, штурмы и разрушения. Интересны в данной связи сведения русских источников. Из показаний джунгарских послов явствует, что войсками Галдан-Церена было захвачено в 1681 или 1683 гг. десять городов. Согласно русской транскрипции, список из них звучит так: «кроме де Ясу, другой город Сайрам, третий Манкент, четвертый Харасман, пятый Чимэгэт, шестой Тетек, седьмой Бабен-Елген, восьмой Харамурол, девятый Ташкент, десятый Чинак, а одиннадцатому город зов забыли, а стоит он на р. Цырукет» [История Казахстана, 2005. С. 336-337]. Названия большей части городов узнаются достаточно легко — это Яссы, Сайрам, Манкент, Караспан, Чимкент, Тетен?, Бабен-Елген?, Карамурт, Ташкент, Чиназ. Видимо, в это время запустел и Карасаман и жизнь здесь возобновилась в середине XVIII в.

Роль округа Кенджиде-Кенжде в истории древнего и средневекового Казахстана определяется находками письменности, которые были сделаны А. Н. Подушкиным.

Первые находки обожженных кирпичей или плиток с неизвестным письмом были сделаны в ходе раскопок городища Культобе, расположенном неподалеку от городища Караспан. Цитадель памятника практически уничтожена водами реки Арысь. Сохранившаяся часть представляет собой останец высотой 7,5 м и площадью около 150 кв. м с обрывистым западным склоном. В разрезе склона отмечены строительные конструкции из пахсы и прямоугольного кирпича-сырца размерами 35^x 30 x ю см. «Площадка» Культобе имеет неправильную трапециевидную планировку с размерами сторон 210 x 150 x юо x i8о м. Наиболее крутые склоны — в западной части памятника; в центральной и северной частях фиксируется понижение. В южной части отмечены круглые возвышения, судя по всему оборонительные башни. Средняя высота площадки Культобе 5-6 метров.

В ходе археологических работ 1992 г. по изучению территории, прилегающей к городищу Культобе, у кромки старого русла реки Арысь был заложен небольшой рекогносцировочный раскоп. При работах на глубине около 0,5 м от уровня древней поверхности удалось обнаружить верхнюю часть углового соединения двух пахсовых стен: одной массивной, толщиной около метра, другой — менее массивной.

При разборке стен в пахсовой заливке был обнаружен фрагмент изделия с письменностью. Это аморфной формы фрагмент от крупного жженого кирпича размерами 7^x 7,5^x 9^x 3^x 13^{cm} >

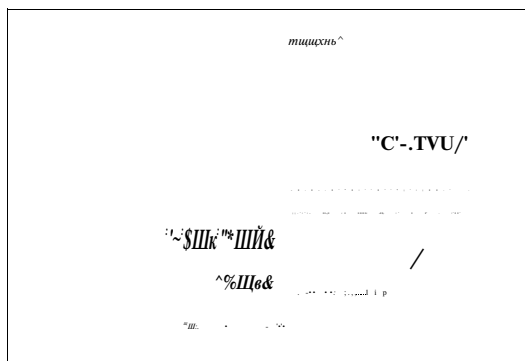

Рис. 5 .Городище Караспантобе. Тагора.

толщиной 5,5 см. На лицевой поверхности зафиксировано около 26 полностью и частично сохранившихся знаков, букв, которые объединены в 6 «строк». Все знаки нанесены техникой вдавливания по сырой глине до обжига. Затем на протяжении отрезка времени вплоть до 2009 г. были обнаружены еще несколько обломков и целая плитка.

В настоящее время в распоряжении ученых имеется пять фрагментов и два почти законченных текста на керамических кирпичках, таблицах общим количеством 250 полностью

и частично прорисованных знаков, которые оформлены в 20 «строк». По технике выполнения письма (вдавливание по сырой глине) и по палеографии все кирпичи с письменностью аналогичны друг другу [Подушкин, 2005. С. 133-139]-

Надписи на плитках были расшифрованы и прочитаны английским востоковедом Николасом Симс-Вильямсом. Самая длинная надпись переведена так: «Этот город был построен предводителем армии, Ч [...] сыном [...]. Он пошел туда так что (?) как (земля) предназначенная (нашему) народу и (земля предназначенная) кочевникам [должна быть...; и лорд Самарканда и [лорд К [иша] лорд Нахшаба и [лорд] Навак-ме [затем договорено (?); и он (?)] взяли все драгоценности [и (земли), принадлежащие [...] как его собственные]».

Историческую интерпретацию надписи сделал французский исследователь Франц Грене. Вероятно, надпись сообщает о строительстве города на месте городища Культобе «предводителем армии», наиболее вероятно, «предводителем армии народа Чача». Видимо, он командовал войском от имени или в союзе с лидерами четырех основных городов-государств центральной и южной Согдианы: Самарканда, Киша, Нахшаба и Бухары. «Земля, принадлежащая (нашему) народу» и «[земля, принадлежащая] кочевникам» может быть понята как земля, захваченная у кочевников и разделенная между согдийцами. Более вероятно, она могла обозначать, что границы между пахотными землями, принадлежащими согдийцам, и пастбищами кочевников были определены обоюдным согласием. Похоже, что «город» стоял на этой границе или за ней. Это городище могло быть частью линий пограничных постов, простирающихся вдоль реки Арысь.

К сожалению, из-за пробелов невозможно увидеть точно, какую роль играли четыре руководителя согдийских городов. По одной вероятности, они захватили «все сокровища», что могло означать награбленное добро или собрали дань во время военной кампании. Если эта интерпретация правильна, то причиной упоминания этого момента было желание продемонстрировать лояльность главы, его справедливость. Другая интерпретация, в равной степени возможная, это показать, что полководец был автором этого действия. Это может сделать конец текста более понятным по отношению к началу: «Город принадлежал предводителю армии Чача потому, что он построил его на своей доле земли, принадлежавшей согдийцам, для того, чтобы укрыть «сокровища». Необходимо отметить, что на языке пахлави и на персидском слово сокровище означает как склад оружия так и денег и драгоценных вещей.

Политическими силами, упомянутыми в надписи 4, выступают владельцы Самарканда, Киша, Нахшаба и Бухары. Датируются надписи I—III, либо IV-V вв. Надписи Культобе характеризуют совместную акцию городов Согда, которая установила границу вдоль реки Арысь. В этом контексте «кочевники» могли принадлежать к реальным кочевническим компонентам Кангюя. Если надписи датированы первой половиной третьего века, то можно интерпретировать установление границы как контрмеру против хунну, которые вторглись в Согд в последующем веке [Sims-Williams., Grenet, 2006. С. 95-96]. Однако, по мнению Э. В. Ртвеладзе, датировка надписей I—II или IV-V вв. данная Н. Симс-Вильямсом и Ф. Грене, может быть оспорена. Он предлагает, опираясь на надписи на монетах Чача, выполненных на том же языке и тем же алфавитом и датированных серединой — второй половиной III в., датировать надписи из Культобе именно этим временем. Э. В. Ртвеладзе также предлагает прочтение имени владельца Чача, которого звали, по его мнению, «Ванван» [Ртвеладзе, 2008. С. 233-238]. Список четырех согдийских городов-государств появляется как предтеча раннего китайского списка согдийских владельцев в Суйшу, чья информация датируется началом VII века. Первенство дано Самарканду, Кишу, Нахшабу и Бухаре, которые есть в этом списке и к которому добавляются шесть менее значительных княжеств: Маймург, Кабудан, Кушания, Харгхан, Вунахо и Му. Владение Чач как одно из федеративных согдийских государств появляется только в последующем списке, данном в Тангшу. Самарканд, Киш и Нахшаб были значительными городами уже в ахеменидский период. Интересно отметить, что в средневековый период, в X в., при Саманидах города центрального и южного Согда традиционно устанавливали военное присутствие в приграничной зоне с Южным Казахстаном. Это видно из сочинений арабского географа ал-Макдиси, который указывает, что «Испиджаб — большой окружной город... в столице края находились рабаты: рабат нахшабцев, рабат бухарцев, рабат Самаркандцев.» [Волин, 1960. С. 80].

Таким образом, концентрация городов Арсубаникет, Карасаман, Халадж-Карасаман, девяти городищ на Средней Арыси, в округе Канджида-Кендже, а также открытие здесь эпиграфики эпохи государства Кангюй, наличие монетного двора Чагатайского государства позволяют сделать вывод о значимости этой области и его городов в истории Казахстана.

Литература

Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1958. Т V.

Байпаков К. М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана // СА, 1977, № 2.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

Байпаков К. М., Буряков Ю. Ф. Археологические исследования на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2004»- Алматы, 2005.

Байпаков К., Грищенко А. Раскопки городища Жуантобе // Новости археологии. Туркестан, 1997- Вып. 1.

- Байпаков К.М., Железняков Б. А., Беляева Т. В.** Отчет о раскопках городища Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2005». Алматы, 2005.
- Байпаков К.М., Шербаев Р. К.** Археологические исследования на городище Караспан // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2005». Алматы, 2005.
- Бартольд В. В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Москва, 1963- Т. I.
- Волин С. Л.** Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. VIII.
- Давидович Е.А.** Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. Москва, 1977-
- Железняков Б. А.** О раскопках на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2008». Алматы, 2009.
- Железняков Б. А.** Предварительный полевой отчет по работам на городище Жуантобе в 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие гооб». Алматы, 2007.
- Железняков Б. А., Беляева Т. В.** Краткие результаты работ на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2007». Алматы, 2008.
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Алматы, 2005.
- Мешкерис В. А.** Терракоты Самаркандского музея. Ленинград, 1962.
- Пищулина К. А.** Присырдарьинские города и их значение в истории Казахского ханства в XV-XVII вв. // Казахстан в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1969.
- Подушкин А. Н.** Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // Shygyz-Kazakhstan. Алматы, 2005. № 2.
- Ртвеладзе Э. В.** Исторический контекст согдийских надписей из Культобе // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. Шымкент, 2008.
- Талеев Д. А.** Итоги исследования городища Караспан // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие гооб». Алматы, 2007.
- Талеев Д. А.** Караспан Калашаганды зертеулер корытындысы // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. Шымкент, 2008.
- Талеев Д. А.** Карасаман жэне Калаштобе // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. Шымкент, 2008.
- Шербаев Ф.К., Дудаков С.А.** Археологические исследования на городище Караспан // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2004»- Алматы, 2005.
- Sims-Williams N., Grenet F.** The sogdian inscriptions of Kultobe // Shygyz-Kazakhstan. Алматы, гооб. № 1.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ (В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

С глубокой древности Средняя Азия выступала в качестве северного форпоста цивилизации Евразии. Своеобразие природных условий ее географических зон определило особенности развития хозяйственного уклада различных регионов, где с эпохи бронзы выдвигаются две крупные зоны:

Южные историко-культурные области с преобладанием оседло-земледельческой линии развития хозяйства, сближающиеся с регионами Среднего Востока.

Северные — с более подвижными пастушеско-земледельческими формами хозяйства, этнически и культурно включающиеся в обширную зону Великой степи, охватывающей территорию от Дона на западе до Арала и сибирских степей на востоке.

Это разделение определило и особенности системы расселения и материальной культуры. Оседло-земледельческие области явились основной базой формирования древнейших городов как центров военно-административной, производственной и культовой жизни с особой материальной культурой

Обширные просторы евразийских степей способствовали сложению более подвижного образа жизни и определили своеобразный набор материальной культуры.

Эпоха раннего железного века Центральной Азии характеризуется, с одной стороны, развитием земледельческой экономики, с другой — формированием этнических групп, основным занятием которых являлось кочевое скотоводство. Активные миграции как следствие экологических стрессов приводят к нивелировке многих археологических комплексов, сопровождающейся изменениями материальной и духовной культуры, комплексов крашеной керамики и в южных (Кучук 1, Яз 1, Тиля 1), и в северных (Чует, Бургулюк) областях. Складываются оседло-земледельческие комплексы Согда, Нахшаба, Ферганы. Адаптация пастушеско-земледельческих племен в степной зоне способствовала активизации кочевого скотоводства с устойчивой материальной культурой, развитием колесного транспорта, верхового коня, подвижных жилищ, вооружения, приспособленного для кавалерийской атаки, формированию эстетических канонов и эталонов [Массон, 2002. С. 27-28]. В кочевой среде исследователи отмечают активные продвижения на запад традиций сибирской карасукской культуры, прослеженных по орудиям труда и по оружию [Тереножкин, 1940]- В Средней Азии это время сложных переплетений земледельческих и кочевых культур, формировавшихся в неоднородных почвенно-климатических и географических условиях оазисов, степей и горно-предгорных регионов.

Одним из таких регионов является бассейн Сырдарьи (Яксарт — Жемчужная река, Сейхун, Иошашуй). Рождаясь как горная река в Западном Тяньшане она, вырываясь из предгорий, поворачивает на север к Аралу, орошая равнинные площади Ташкентского оазиса и Южного Казахстана.

На этом отрезке выделяются:

- а) бассейн нижней Сырдарьи — пониженная гигантская равнина площадью около трех млн. гектаров с системой русел древней Сырдарьи — Инкардарьи, Жаныдарьи, Кувандарьи,

разливавшихся протоками в северо-западном направлении. Земли эти с богатой растительностью были прекрасными пастбищами оседлого и отгонного полукочевого хозяйства и каирного земледелия,

- б) бассейн среднего течения Сырдарьи с предгорными равнинами, ниспадающими на юго-запад отрогов Западного Тяньшаня — Каржантау, Каратау, Чаткала, Кураминского хребта со сложной гидросетью рек Арыси, Келеса, Чирчика и Ахангарана.

Этот регион обладает большим географическим разнообразием от степных зон, кочевых пастбищ, оазисов и заболоченных равнин, благоприятных для ирригационного земледелия, до предгорных и горных зон богарного земледелия и отгонного скотоводства. Богат полезными ископаемыми, особенно цветными и благородными металлами. Район, включающий территории Ташкентского и Отрарского оазисов, был одним из важнейших перекрестков сухопутных торгово-экономических трасс.

Основной базой нашего сообщения являются материалы одной из ключевых областей Средней Азии — Ташкентского оазиса, где исследования проводились в течение нескольких десятилетий, включали составление Свода памятников древней культуры и стационарное изучение поселений эпох, горнорудных и металлургических пунктов, погребальных сооружений, внутренних и транзитных трасс караванных путей. Проведенная работа позволила выявить динамику жизни одной из крупнейших историко-культурных областей Средней Азии, экономика и культура которой в течение тысячелетий развивалась в зоне активных взаимосвязей и взаимодействий оседлых и кочевых народов бассейна второй крупнейшей реки Средней Азии. Как показывают материалы, палеоэкологическая ситуация, вызванная аридизацией климата уже с рубежа Ш-П тыс. до н.э., способствовала определенной передвижке племен из мест раннего обитания, обстановка в котором становилась кризисной для хозяйственной деятельности [Демкин, 1999- С. 304-305]- На северных границах Ташкентского оазиса для эпохи бронзы исследователи отмечают памятники андроновской культурной общности — могильник Таутары в Сузакском районе и подкурганное захоронения Сарыагача [Максимова, 1962. С. 36-37; Максимова, 1968. С. 175-180]. В самом оазисе отмечены погребения в Аурахмате и Искандаре, погребальный обряд и инвентарь которых (бронзовые браслеты с рожками) характерен для позднеандроновского этапа [Воронец, 1948. С. 65-70]. А. И. Тереножкин описал погребения, вскрытые в Янгиюле, обряд которых характерен для срубной культуры [Тереножкин, 1940. С. 91]. С памятниками срубной культуры связываются и металлические изделия Чимбайлыкского клада, что дало основание Н.М. Виноградовой и Е.Е. Кузьминой считать Ташкентский оазис южным форпостом андроновской и срубной культур [Виноградова в соавт., 1986. С. 47¹²⁹]- На территории оазиса и самого Ташкента встречаются и отдельные случайные находки этого времени.

В конце II тыс. до н.э. и начале раннего железного века снова отмечается потепление и увлажнение климата. Более активно осваиваются под комплексное хозяйство — полуседлое скотоводство и земледелие — различные локальные участки предгорий.

Для начала I тыс. до н.э. на равнинных территориях Ташкентского региона открыты памятники, оставленные племенами, комплекс материальной культуры и технология производства которых свидетельствуют о переходе к оседлому жизни. Нас интересует, в первую очередь, бургулюкская культура, названная по месту первой находки в долине Бургулюкская — притока Ахангарана. На сегодня в долинах Чирчика, Ахангарана и в пред-

горной зоне выявлено более 20 пунктов этой культуры. Наиболее густое обживание отмечено в Туябугузе (среднее течение Ахангарана). Поселения характеризуются жилищами легкого типа — землянками и наземными постройками с каркасными стенами, с хозяйственными ямами и очагами. Встреченные остатки обводной стены позволяют предположить зарождение системы защиты. Материальная культура этих поселений представлена керамическим комплексом. Это — лепная круглодонная посуда ограниченного набора форм — мисок, котлов-горшков, хумов. Характерная черта котлов и хумов — ручки в виде выступов-ушек и носики. Некоторые сосуды были украшены росписью красной смывающейся охрой. В формовке сосудов применялся матерчатый шаблон.

В комплексе также представлен бронзовый инвентарь [Дуке, 1982. С. 44~56]. Это — серпы, прямые и изогнутые ножи коленчатой формы, шилья, стамеска, втульчатые листовидные наконечники стрел, туалетная ложечка и др. Выявлены небольшие открытые горны-лунницы для расплава металла, рядом с ними обломки глиняных одноразовых форм, капли разлитого металла и шлак.

Если обращаться к аналогиям, можно отметить, что подобные наконечники стрел найдены и на памятниках поздней бронзы, и культуры Яз 1 и Яз 2, в Кучуктепа и Чуετε. На основании этих материалов Х. И. Дуке датировал комплексы Туябугуза IX-VII вв. до н. э., но отметил, что пока не удалось определить этапы развития бургулюкской культуры и что дальнейший сбор материала и стратиграфические исследования позволят ликвидировать хронологический разрыв и по-новому представить процесс становления земледельческой культуры древнего Чача [Дуке, 1982. С. 93]. Широкие археологические раскопки памятников бургулюкской культуры были проведены в долине Чирчика. Здесь открыты поселения Каунчитепа, Ниязбаштепа, Кулокчинтепа, Ахмадтепа [Буряков в соавт., 1973- С. 41-46]. Наиболее детально исследовано городище Шаштепа в Ташкенте, где на значительной площади были вскрыты слои бургулюкской культуры (мощностью до 3,5 м). Исследовавшая памятник М. И. Филанович, сравнив его комплекс с туябугузским, отметила особенности керамики Шаштепа и отнесла ее к этапу Бургулюк II, датировав VI-IV вв. до н. э. Была представлена отработанная хронологическая шкала с периодизацией нижней группы (Шаш I) VI-IV вв. до н. э. и перекрывающей его переходной группой (Шаш II) от бургулюкской культуры к более поздней каунчинской. Переход этот был датирован IV-III вв. до н. э. [Филанович, 1983. С. 38-53; Филанович в соавт., 1990].

Как показали исследования, поселения бургулюкской культуры располагаются не только в центральных и северных районах Ташкентского оазиса. Они известны и в предгорной зоне, где наряду с землями, удобными для отгонного скотоводства, есть небольшие участки вдоль саев, освоенные земледельцами юго-западных районов. Крупное поселение бургулюкской культуры было открыто в левобережье Чирчика к юго-востоку от Ташкента близ селения Кавардан в нижних слоях одноименного античного городища под слоем чистого лёсса. Археологами К. А. Алимовым и Г. И. Богомолковым здесь вскрыты жилища-полуземлянки подпрямоугольной формы с очагами вдоль одной из стен, набором зернотерок, каменной теркой для растирания красной краски. Обнаружено большое количество керамики, в основном круглодонной, изготовленной на матерчатом шаблоне ленточным способом. Это — миски, горшки, миниатюрные сосуды, жаровни и крышки. Но вместе с тем есть и новые компоненты керамических форм, характерные для последующей каунчин-

ской культуры: плоскодонные сосуды с процарапанным орнаментом (волны и треугольники). Комплекс Кавардана датирован авторами финальной фазой бургулюкской культуры (VI-IV вв. до н. э.) [Алимов в соавт., 1995- С. 19-20]. К этому же времени относится и небольшое поселение в Заркенте, непосредственно перекрытое каунчинским комплексом поселений древнего Зеранкета [Алимов в соавт., 1995- С. 20].

Однако в настоящее время М. И. Филанович отказалась от принятой ранее даты. Представив поселение Шаштепа как единственный памятник бургулюкской культуры в долине Чирчика, отнесла его к начальному этапу бургулюкской культуры — IX-VII вв. до н. э. [Филанович, 2009. С. 3]. Остается неясным, во-первых, куда делись переходные материалы с прослеженной автором эволюцией форм от бургулюкской к последующей каунчинской культуре; во-вторых, как соотносить вновь предложенную дату с железными изделиями, найденными в описанных слоях Шаштепа. Автор сообщает, что жители поселка отливали различные бронзовые изделия, однако ни орудия труда, ни формы не представлены [Филанович, 2009- С. 9]. Далее автор датирует этим же временем всю бургулюкскую культуру Ташкентского оазиса, хотя как сами материалы основных и переходных слоев Шаштепа, так и комплекс неорнаментированных сосудов из Кавардана, Каунчи и Заркента находит аналогии в сакских и усуньских курганах Казахстана, некоторое сходство усматривается в материалах эйлатано-актамской культуры Ферганы.

Следует отметить аналогии Бургулюка с регионами Восточного Туркестана, что не исключает культурных и этнических взаимосвязей, объясняющих движение восточных племен в Среднюю Азию и в последующее время как возврат к ранним продвижениям на восток.

Прослеживаются связи этой культуры и в западном направлении. В Сырдарьинской области в местности Хватак на берегу Ниджонисая выявлено поселение Нуртепа, в комплексе материальной культуры которого есть аналогии Бургулюку [Негматов в соавт., 1982. С. 89,9¹ю8]. На городище Афрасиаб (древний Самарканд) также встречены фрагменты лепной керамики бургулюкского типа. Подобная керамика и аналогичной формы кладки кирпичных стен были открыты в нижних слоях VI-VII вв. до н. э. на городище Коктепа близ Челека в 30 км к западу от Самарканда [Исамиддинов, 2002. С. 58-62; Рапен, 2007. С. 32]. Все эти находки вливаются в широкий ареал распространения культур лепной расписной керамики, границы которого на западе доходят до Южной Туркмении. Письменные источники и археологические материалы показывают, что во второй половине I тысячелетия до н. э. отмечается активизация сако-усуньских племен в долине Сырдарьи и в Семиречье. Это время характеризуется демографическим подъемом в восточных районах Центральной Азии, связанным с расширением рациональной экономики, позволяющей скотоводам быстро увеличивать прибавочный продукт. Поэтому земли за Сырдарьей в представлении авторов античного мира были просторами азиатских кочевых скифских народов — саков. «За Яксартом живут саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков самые искусные, не пускающие стрелы наудачу» — пишет Дионисий Периегит [Древние авторы..., 1940- С. 23].

Археологическими исследованиями в Ташкентском оазисе выявлено большое количество погребальных комплексов кочевников античного времени. Исследователи неоднократно подчеркивали, что оазис занимает одно из первых мест в Средней Азии по насыщенности ими и их разнообразию. Кроме лёссовых курганов встречены каменные насыпи и выкладки, каменные ящики, подземные и наземные склепы, наземные сырцовые

и пахсовые сооружения, оставленные разными этническими группами [Левина, 1971- С. 63]. В эпоху Македонского и его наследников отмечается усиление кочевнического давления на земледельческие оазисы, что подтверждается запустением некоторых поселений бургулюкской культуры, перекрывающихся в последующем погребальными комплексами кочевников. В частности, погребения, перекрывающие бургулюкские слои Шаштепа, выявлены и в Ташкенте.

Однако, описывая кочевые народы, античные авторы упоминают и города. Еще В. В. Григорьев отмечая, что скифы отделяли себя от варваров, предполагал, что ими они считали оседлых жителей Средней Азии [Григорьев, 1871].

Интересно, что изучая Каршинский оазис — древний Нахшаб Р. Х. Сулейманов отметил, что еще Александр Македонский строил Александрии как города-крепости, защищавшие оазисы от нашествия скифов. По периферии оазиса им прослежена цепочка военных крепостей, возводившихся центральной властью по стандартной планировке. В центре оазиса на месте современного Карши вырос большой город крепостного типа Калаи-Захаки-Марон. Он был возведен в один прием в виде единого архитектурного сооружения с громадной квадратной неприступной башней в центре, окруженной тремя рядами мощных стен (наружный вал имел размеры 1,5 x 15 км). Автор полагает, что Калаи-Захаки-Марон мог быть городом-ставкой скифов, простиравших свою власть далеко за пределы Каршинского оазиса. Прежний столичный город региона на Еркургане со своей эллинизированной культурой, и возможно настроенный оппозиционно к новым династиям — выходцам из кочевой среды, отходит на второй план, сохраняя роль ремесленного и культового центра владения [Манби в соавт., 2006. С. 93-94]-

Аналогичную картину можно отметить и в Ташкентском оазисе. Археологическими исследованиями в юго-западной части Ташкентского оазиса открыты руины древнейшего памятника городского типа — городище Канка. Ядром его является крепость площадью 6,5 га, возведенная на культурных слоях жилищ-землянок бургулюкской культуры, сходных по планировке с жилищами Кавардана. Крепость правильной подквадратной формы с мощной цитаделью, поднятой на искусственной платформе. Оборонительная система города с двойными крепостными стенами, округлыми башнями, внутрискладными галереями выдвинута за пределы стен невысокой бермой и глубоким рвом, сужающимся лишь в центре юго-западного фаса. Стены из квадратного кирпича античного стандарта. Найдены фрагменты сосудов эллинизированного облика, характерных для Согда IV—III вв. до н.э.

В древности Ташкентский оазис не входил в состав ни ахеменидского Ирана, ни государства Александра Македонского — этих крупных восточных держав с урбанизированной структурой. Однако из источников известно, что на грани IV-III вв. до н. э. полководец Селевкидов Демодам в войне с саками впервые перешел Яксарт и «воздвиг там алтари Аполлону». И на античных картах появился город «Антиохия Заяксартская», которая может быть локализована только на городище Канка [Буряков, 1982. С. 103-106].

В конце Ш-П вв. до н. э. отмечается новый этап аридизации климата и сокращение водного баланса крупных рек. Этот экологический стресс привел к обострению борьбы за пастбища и вторжению в оазисы кочевых и земледельческих племен из низовьев Яксарта. В Ташкентском оазисе оседает этнический пласт переселенцев со сложившимися градостроительными традициями и своеобразной материальной культурой. М. И. Филанович

считает ими носителей чирикратской культуры, располагавшихся в Южном Приаралье близ Хорезма [Филанович, 2009. С. 47~\]- Однако их архитектурно-строительная традиция представлена в основном неукрепленными поселениями, а материальная культура отлична от формирующейся в Ташкентском оазисе. По нашему мнению, ведущим компонентом оседавшего здесь населения из низовий Яксарта были сако-усуньские племена — строители довольно мощных крепостей, владевшие приемами градостроительства — носители джетысарской культуры, материальная культура которых более близка к новой формирующейся культуре оазиса. Античная крепость на Канке просуществовала недолго. Именно в III в. до н. э. ранняя античная крепость превращается в цитадель громадного города (площадь около 160 га) уже иного стандарта, окруженного сложной системой стен и башен, возведенных из пахсы и кирпича. В культурных слоях — артефакты, представленные плоскодонной, в основном лепной, керамикой, характерные не для эллинистической, а для новой культуры, которая получила название каунчинской по месту находки первого комплекса на городище Каунчи.

Город на Канке по площади мало уступал античным столицам Согда и Нахшаба и, вероятно, был столицей владения, описанного в китайских источниках под именем Юени и носившего название Юеничен. В отличие от Нахшаба, где отмечается распределение функций царского города в Калаи-Захаки-Марон и ремесленного на Еркургане, здесь мы видим совмещение их в пределах единого центра. Уже вдоль оборонительных стен шахристана I прослежены мастерские керамистов и металлостов, которые традиционно функционировали на том же месте и в последующие века. А в шахристане III вырастают целые кварталы металлургов, выплавлявших железо и сталь.

С этого времени на северных границах оазиса, так же как и в Нахшабе, складывается система укрепленных поселений и крепостей (Каунчитепа, Кугаитепа, Мингурик, Таукаттепа и некоторые другие). В их формировании, как мы считаем, основную роль играет джетысарский строительный компонент (крупный прямоугольный стандарт кирпича, материальная культура), но в то же время наблюдается определенное влияние западных античных урбанистических традиций, прослеживаемых и в отдельных формах сосудов, и во включении в строительство кирпича квадратного стандарта. На Мингурике, Кугаитепа наряду с прямоугольным встречается и традиционный античный стандарт квадратного кирпича. Наиболее крупным из них является Мингурик, планировка которого складывается в виде крепости, занимавшей часть будущего города. В материальной культуре нижних слоев Мингурика встречен фрагмент античного бокала и тонкостенной чаши с высокими стенками, характерных для античного комплекса [Зильпер, 1972. С. 18 и ел.].

Китайские хроники эпохи Хань (III до н. э. — III в. н. э.) сообщают о государстве Кангюй, ядром которого являлась долина Яксарта. Владение Юни (Юени) входило в его состав в числе других пяти. Китайские источники сообщали также, что «кангюйский владетель зимнее пребывание имеет в Лоюени» [Бичурин, 1950- С. 84]. Это позволяет утверждать, что локализованная на месте Канки столица Юени, вероятно, была главным зимним городом всего Кангюя, чем объясняется такой стремительный рост ее территории. Наряду с военной большое значение начинает приобретать и торгово-экономическая функция. На Великом Шелковом пути складывается северная трасса вдоль Сырдарьи через Кангюй, Янцы и Яньцай, т. е. вплоть до Южного Урала. Это способствовало включению Юени в ми-

ровые торговые связи. Владение в рамках Кангюя усиливается и его столица вновь укрепляется. Внутри оазиса формируются города, связанные с горнорудным производством извлечения благородных и цветных металлов, железа, и пункты на торговом пути.

На грани I в. до н.э. — I в. н.э. владение и его столица выступают под новым именем — Чач-Ши-Чжеши. Китайские источники сообщали, что «правитель Ши живет в городе Чжеши, место которого принадлежало Юни» [Бичурин, 1950- С. 272-273]- Смысловое значение китайского перевода топонима Чач означает «камень». Поэтому в науке и столица, и владение стали трактоваться как «каменная крепость» «каменный проход», и сравнивались с мифическими сообщениями о каменной башне. Подробная сводка этих данных приведена в работе финского исследователя Аальто Пентти [Pentti, 1977- P- 193-1971- Однако никаких каменных крепостей и проходов в пределах Чача нет, а название это может означать не только «камень», но и «благородный камень». Проанализировав заново источники и материал, мы обратили внимание на то, что Чач в иероглифической китайской передаче, как и в древнетюркском языке (сес), означает «благородный камень» и конкретно бирюзу [Буряков, 2007. С. 7-9; Древнетюркский словарь, С. 143]- Следует отметить, что китайские хроники, сообщая о Чаче, всегда подчеркивают, что во владении к юго-востоку от его столицы находится большая гора, в которой добываются благородные камни сэ-сэ [Бичурин, 1950. С. 313]- Об их ценности можно судить по тому, что в победной реляции китайского военачальника Гаосян Чжи после штурма в 75° г. столицы Чача сообщается о захвате в качестве главных богатств золота, породистых коней и благородного камня сэ-сэ. Синолог Э. Шефер сообщает, что Чач был известен как главный поставщик камня сэ-сэ в Центральную и Восточную Азию [Shafer, 1963; Шефер, 1981. С. 305,478]. Бирюза известна как особо благородный, элитный самоцвет. «Камень победы» — как он назывался у персов, действительно, добывался в гигантском руднике Унгурликан в северных отрогах Кураминского хребта, к юго-востоку от столицы, размещавшемся на городище Канка. По геологическим подсчетам здесь в древности было отработано более 320 тыс. м³ породы, содержащей бирюзу. По археологическим данным, его разработка была начата в каунчинскую эпоху.

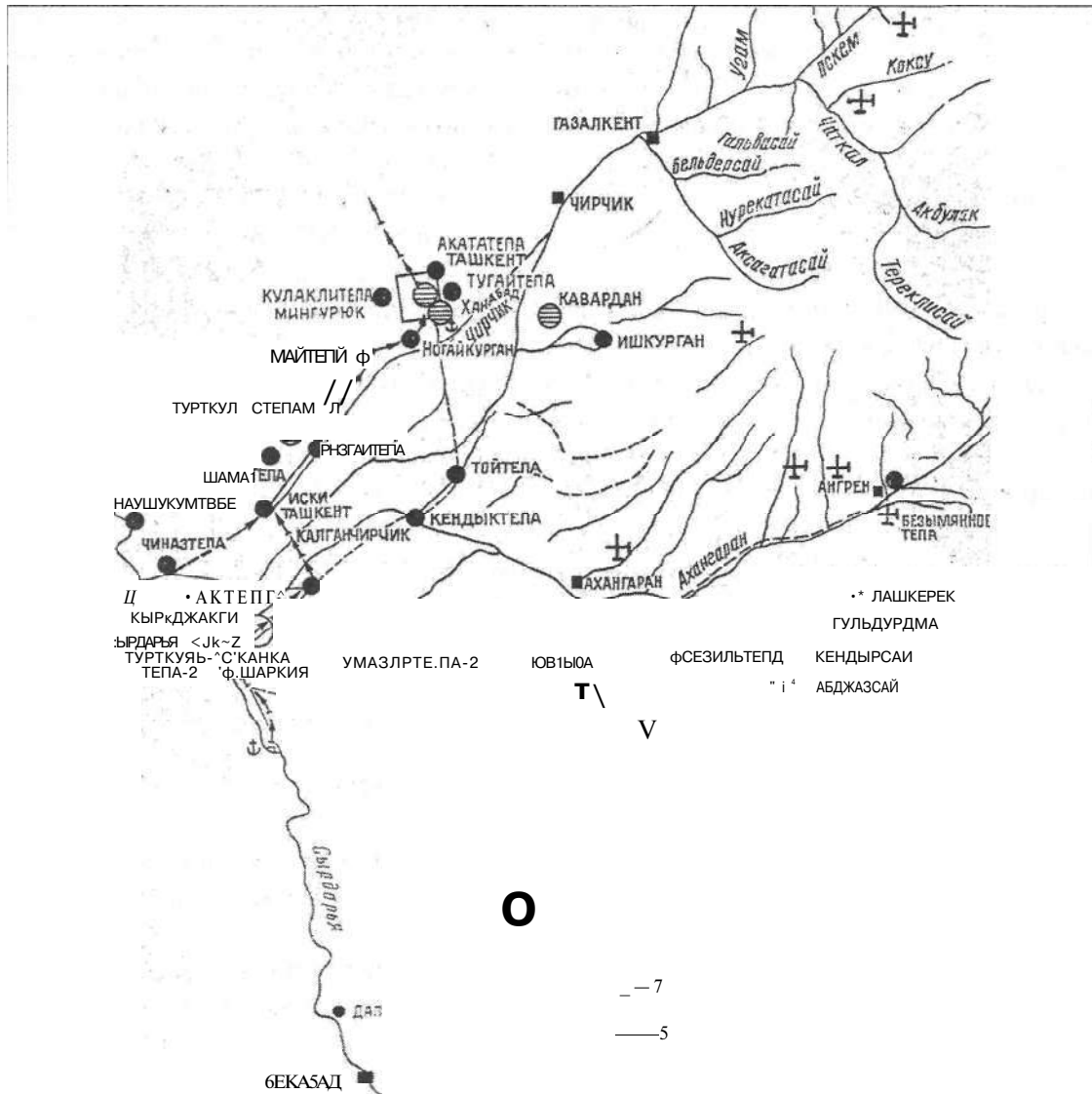
С первых веков н. э. Чач чеканит свою монету, сотни экземпляров которой найдены на

Городища Канка (снимок из космоса).

— Канке и в городах владения. Монета медная, но, возможно, покрывалась тонким слоем серебра. По художественному исполнению превосходит монеты согдийских владений. Следует отметить, что чачская монета встречается и в соседних владениях — Согде, в Западной Фергане, т. е. государственная монета Чача имела хождение и за его пределами.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ (В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Города и поселения Ташкентского оазиса в VI—VIII вв. н.э.: 1 — крупный город; а — средний город; з — малый город; 4 — рудник; 5 — переправа; 6 — современный город; 7 — транзитный путь; 8 — внутренний путь.

Военная роль Чача в составе Кангюя постепенно возрастает, свидетельством чему является строительство предводителем войск Чача в первые века н. э. крепости в долине р. Арысь для охраны территории или торгового пути Согда, Кеша и Бухары от кочевников-номадов. Об этом говорит надпись на фасаде крепости Культобе [Sims-Williams, Grenet, 2006 P. 95]-

Распад античных держав, в том числе и Кангюя в III—IV вв. н.э., привел к выделению ряда самостоятельных владений, Чач среди них назван «происходящим из дома Кангюя».

В последующие столетия Чач входил в состав государства эфталитов (V-VI вв. н.э.). Китайские летописи описывают Чач того времени как цветущее владение. Городская культура Чача разрастается за счет активизации горнорудного производства и торговли.

Чачские купцы в торговых колониях Восточного Туркестана занимали по численности третье место после купцов Самарканда и Бухары. В период Тюркского каганата, особенно в VII–VIII вв. н. э., в Чаче наблюдается резкий подъем экономики и развитие товарно-денежных отношений. Ведущие трассы караванных путей из Китая в Византию перемещаются в северные районы Средней Азии, так как каганы были заинтересованы в караванной торговле. Первый пункт прошел через Узгенд, Ош, Фергану на Ходжент, второй, основной — через степи Южного Казахстана в Тараз, Исфиджаб, Чач и далее в Согд.

Эти материалы говорят о том, что Чач, занимавший выгодное положение на перекрестке торгово-экономических и культурно-этнических движений народов Центральной Азии, выделялся среди оседлых оазисов тем, что располагался в зоне активных контактов земледельцев и кочевых племен прилегающей степи. Эти контакты и сменявшие друг друга волны кочевых миграций оставили свой след в многогранной истории Ташкентского оазиса.

Литература

- Алимов Г., Богомолов Г. И.** О некоторых проблемах бургулюкской культуры // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Самарканд, 1995-
- Бичурин Н.Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Москва-Ленинград, 1950. Т. II.
- Буряков Ю., Дадабаев Г.** Памятники античного времени в Ташкентском оазисе // ИМКУ 1973- Выш. ю.
- Буряков Ю. Ф.** Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент. 1982.
- Буряков Ю.Ф.** К динамике развития городской культуры древнего и средневекового Чача // «Чач-Бинкат-Ташкент» (историческое прошлое и современность). Матер, науч. конф. Ташкент, 2007.
- Виноградова Н. М., Кузьмина Е.Е.** Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Москва, 1986.
- Воронец М. Э.** Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР // Труды ИИА АН УзССР. 1948. Т. I.
- Григорьев В. В.** О скифском народе саках. Санкт-Петербург, 1871.
- Демкин В. А.** Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III—I тыс. до н. э. Челябинск: Аркаим, 1999-
- Древнетюркский словарь. Ленинград, 1963.
- Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Ташкент, 1940.
- Дуке Х. И.** Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
- Зильпер Д. Г.** Минг Урюк — древнейшее городское образование / Древности Ташкента. Ташкент, 1972-
- Исамидинов М. Х.** Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности) Ташкент, 2002.

- Левина Л. М.** Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. до н. э. Москва, 197*-
- Максимова А. Г.** Могильник эпохи бронзы в урочище Таутары // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т. 14.
- Максимова АГ.** Могильник Жаман-тагай // Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Манби Дж., Халид Ф., Перриман А., Арутюнова В., Сулейманов Р., Муминов О.** Опыт применения GIS технологий в археологическом изучении древней системы поселений Каршинского оазиса // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент-Карши, 2006.
- Массон В.М.** Вопросы культурного наследия. Ашхабад, 2002.
- Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К.** К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982.
- Рапен К.** Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Тереножкин А. И.** Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия Уз ФАН СССР. 1940. № 9-
- Филанович МЛ И.** Ташкент: зарождение города и городской культуры. Ташкент, 1983.
- Филанович МЛ И., Дукс Х. О** древнейшем поселении на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ 1990. Вып. 24-
- Филанович М. И.** Новые данные археологии о происхождении городской культуры Ташкента // O'zbekiston tarihi. 2009. № 1.
- Филанович М. И.** Ташкент: зарождение города и развитие городской культуры в древности и средневековье // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет // Труды международной научной конференции. Ташкент, 2009.
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. Москва: ГРВЛ, 1981.
- Pentti Aalto.** The name of Tashkent // Central Asian Journal. Vol. XXI № 3-4. Wiesbaden, 1977.
- Shafer E. H.** The golden peaches of Samarkand. A study of Tang Exotics, Berikelly — Los Angeles, 1963.
- Sims-Williams N., Grenet F.** The Sogdian inscriptions of Kultobe // Shygis. 2006. № 2.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ АВТОРЫ

Одним из важнейших компонентов духовной культуры любого народа является его историческая память. Овладение письменной культурой, как правило, влечет за собой письменную фиксацию различных проявлений исторической памяти. С известными оговорками, касающимися неполноты письменного выражения собственной истории в любом архаическом социуме, зафиксированная историческая память определяет временную глубину самой культурной традиции. Вместе с тем, именно в исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные стереотипы, определяющие пути поиска истоков культурного наследия.

Наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркские рунические памятники Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана, памятники, обладающие двумя существенными для историка и неоспоримыми достоинствами – автортонностью и аутентичностью. Однако в какой мере рунические тексты являются носителями исторической памяти?

Уже в конце XIX-начале XX в. выдающиеся востоковеды своего времени В. В. Бартольд и И. Маркварт первыми исследовали с этой позиции тюркские памятники, выявили содержащуюся в них значительную долю историографической информации, сопоставили с иными группами источников и очень высоко оценили памятники как источник важных сведений, касающихся истории самих тюрков и созданных ими государств¹. Были четко определены три основные группы эпиграфических текстов, достаточно насыщенных историографической информацией. Это, прежде всего, собственно тюркские памятники Северной Монголии (орхонские памятники), затем немногочисленные тогда, в начале XX в., памятники уйгурской эпохи, найденные там же, где и тюркские, и, наконец, историографически наименее информативные из-за трудностей датирования, енисейские памятники древних кыргызов. Начавшиеся в 60-70 гг. прошлого века дискуссии о жанре памятников и их ценности как исторических источников так и не смогли поколебать уже сложившуюся высокую историографическую оценку рунических текстов. Более того, новые открытия древнетюркских памятников, связанные главным образом с полевыми исследованиями Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969-1990 гг.), принесли неожиданные результаты, касающиеся письменной фиксации исторической памяти у тюркских народов древности. Немало было сделано и в изучении енисейской эпиграфики.

Успехи изучения древнетюркской письменности к шестидесятым годам XX в. создали ощущение известной завершенности историографической обработки этой сравнительно небольшой группы текстов. Между тем именно сенсационные результаты начального периода выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось надолго отложенным. Остановимся лишь на некоторых из возникших загадок и тех открытиях, которые способствовали их разрешению.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 55¹ г. и, распространившись от Хинганских гор до Керченского пролива, стал первой евразийской империей, просущество-

вавшей восемьдесят лет. Каганат был разрушен в 630 г., в период максимальной экспансии Танской империи, но через пятьдесят лет возродился и просуществовал еще пятьдесят лет. Все обнаруженные до недавнего времени на территории каганата памятники относились ко второму периоду его существования, к 20–30 гг. VIII в. Следовало ли, исходя из этого факта сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в поминальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в эпоху Второго каганата? Такой вывод делался. Приведем мнение выдающегося знатока тюркской археологии Л. Р. Кызласова, опубликованное им в 1965 г.: «Установка вертикальных стел с надписями (у курганов в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-тугю и другими племенами, входившими в Первый Тюркский каганат» [Кызласов, 1965. С. 431– И тогда никаких прямых доказательств иной альтернативы не было. А через три года была обнаружена стела с согдийским текстом, которую по месту находки я назвал Бугутской, стела, оказавшаяся частью погребального комплекса четвертого тюркского кагана Таспара [Кляшторный, 1969. С. 5¹–55; 1971– С. 121–146; Klyashtorniy, Livshits, 197²– Р- 63–102]. По своему типу и содержанию стела совершенно подобна появившимся через сто пятьдесят лет орхонским памятникам. Бугутская стела была установлена в 582 г. Среди событий, датированных по двенадцатилетнему циклу, там упомянуто и об учреждении в каганате буддийской сангхи.

Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию, а идеологическая жизнь тюркского социума в VI в. отнюдь не была примитивной. Вместе с тем, употребление здесь согдийского языка и письменности указывает, по крайней мере, на то, что великолепная культура и образованность Средней Азии была для тюрков явлением достаточно обычным и привычным.

Другая историко-культурная проблема связана с ареалом распространения тюркского рунического письма. Почти все найденные памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии и являлись составной частью княжеских поминальных комплексов. Исходя из этого, следовало бы признать, что письменная культура в Тюркском каганате была достоянием узкой аристократической группы, а территория её распространения была очень ограничена.

Во время полевых работ в Монголии в 70–80 гг. докладчик, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов для решения проблемы, осуществил целенаправленные рекогносцировки в Хангайской горной стране, Хэнтэе, Монгольском и Гобийском Алтае, в котловине Больших озер и в Южной Гоби. В ходе рекогносцировок было установлено, что руническая письменность была распространена и использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племен. А отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительное число людей, владевших письмом и использовавших его в обыденной жизни. В сравнении с раннесредневековой Европой Тюркский каганат можно считать страной сплошной грамотности.

Обратимся теперь к другой группе памятников, к памятникам Уйгурского каганата. До шестидесятых годов XX в. их было известно всего два — Карабалгасунская надпись и надпись из Могон-Шине-Усу. В ходе работ СМИКЭ были открыты еще три крупных памятника разной степени сохранности [Кляшторный в соавт. 1971; Klyashtorniy, Livshits, 1972;

Кляшторный, 1980; Klyashtomiy, 1983. P. 335~336; Кляшторный, 1983; Klyashtorniy, 1985. P. 137-156; Кляшторный, 1987 С. 19-37]- Какова их историографическая составляющая?

Две стелы, открытые в Хангайской горной стране, были названы мной по долинам рек — Терхинская и Тэсинская. Они были сооружены в 753 " 762 гг. Историографические разделы надписей, судя по сохранившейся части, достаточно близки по содержанию и главная идея этих разделов казалась бы парадоксальна — уйгурские каганы восьмого века, правившие в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуро-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, Элетмиш Бильге и Бёгю, которым посвящено повествование, сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камнях декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль — кочевую империю и осудили тех, кто разрушал Эль в междоусобных и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей, включая события более чем двухсотлетней давности. В начальных строках их повествования история слилась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках. Время повествования определяется упоминанием общего кагана тюрков и огузов, Бумына, т. е. серединой VI в., а пространство событий — вся евразийская степь.

Итак, первыми памятниками тюркской письменности стали камнеписные эпитафийные тексты. Однако эпитафиями крупнейшие из этих текстов являлись только по первому целевому назначению. Не менее важной для их авторов была иная цель — восстановив событийный ряд, связанный с усопшим героем, оплакав и прославив его в безудержном панегирике, изложив свою политическую и этическую оценку событий, сформулировать, прямо или косвенно, свое социальное кредо и свою политическую философию, убедить «слушателей» в безусловной и безупречной правдивости и правильности своих утверждений и своих оценок.

Обычно в древнетюркских рунических памятниках повествование ведется либо от лица покойного героя надписи, либо оно анонимно. И в том и в другом случае подлинный творец текста никак не проявляет осознание своей роли в его создании, не обозначает своего авторства.

Однако три случая из множества других показывают, что фольклорная традиция неосознанного авторства уже не была всеобщей — речь идет о памятнике Тоньюкука, двух Кошо-Цайдамских текстах (надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана) и надписи в честь Кули-чора.

Пространная надпись Тоньюкука (62 строки длиной в 160-170 см) написаны от лица самого героя, но не им самим — в 58-й строке сообщается, что надпись написана по приказу Тоньюкука: «Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [эту надпись] для государства тюркского Бильге-кагана». Но стиль надписи отнюдь не эпитафийный — это яркий литературный текст, полный нескрываемых полемических суждений, диалогов, притч и поговорок. Само повествование столь эмоционально и непринужденно, столь явно приближается к родившемуся через много веков жанру автобиографии, что делает наиболее вероятным предположение о фиксации в тексте подлинной речи самого Тоньюкука.

Большая часть повествования в обоих Кошо-Цайдамских памятниках ведется от имени Бильге-кагана и в надписях несколько раз подчеркнута заявлено, что все сказанное

и записанное — его «подлинная речь», которую высекли на камне китайские резчики. Но трижды в надписи Кюль-тегина и один раз — в надписи Бильге-кагана названо другое имя творца надписей: «Столько много надписей написавший я, племянник Кюль-тегина, Йоллыг-тегин, это написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень (это) все я, Йоллыг-тегин, написал» (памятник в честь Кюль-тегина). «Надпись Бильге-кагану, я Йоллыг-тегин, написал... Я, племянник тюркского Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, проведя (за работой) месяц и четыре дня, покрыл надписями и украсил» (памятник в честь Бильге-кагана).

Член каганского рода и его герольд Йоллыг-тегин был, как он сам заявляет, автором многих надписей, пожалуй, первым известным нам по имени писателем, писавшим на тюркском языке. Это он своей рукой нанес на камень (процарапал или написал тушью) текст надписей, высеченный затем китайскими резчиками. Ему принадлежали также не сохранившиеся надписи на стенах заупокойных храмов. Несомненно, что памятник как литературное произведение и образец древнетюркской письменности был написан им. Однако вряд ли стоит преувеличивать самостоятельность политического мышления Йоллыг-тегина и приписывать исключительно ему разработку тех политических взглядов, которые отражены в памятниках. Йоллыг-тегин писал то, что соответствовало мыслям, словам и действиям его сюзерена и родича — Бильге-кагана; недаром все политические формулировки изложены от лица Бильге-кагана, с указанием, что резчики не исказили его «речи». Кошо-Цайдамские надписи являются крупнейшими памятниками древнетюркской рунической письменности. Их значение для древнетюркской филологии и истории невозможно преувеличить. Наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи.

Третий случай самообозначения автора камнеписного текста отмечен в надписи в честь Кули-чора (надпись из Ихе Хушоту): «Я, Бинтир, столь много надписей написал и о том, чего я сам не знал, и о том, что я сам знал и помнил. Надпись Кули-чору я (тоже) написал». Автор надписи ссылается на какую-то информацию, устную или письменную, о событиях, которые он не знал или не помнил. Такого рода констатация, пока единственная в древнетюркских текстах и она, возможно, свидетельствует о наличии историографической традиции и о существовании людей, которые эту традицию сохраняли.

Очевидно, что в трех отмеченных случаях проявилось разное ощущение или осознание авторства. Это осознание никак не связано исключительно с реальным начертанием (вырезанием или иным обозначением) знаков письма, но оно прямо касается процесса создания текста. Тоньюкук диктует исполнителю (резчику?) свою речь, насыщенную экспрессивными и полемическими оборотами, создающими неповторимый стиль изложения, и, по существу, является единственным творцом текста. Йоллыг-тегин долго и тщательно готовит текст для резчика-исполнителя, сам его наносит на поверхность стелы, не врезая в камень, сам украшает стелу некоторыми символами-рисунками. Он пишет о себе как о создателе текста, указывая даже количество затраченных дней. И, однако, считает главным в своей работе точную передачу «сердечной речи» своего сородича и сюзерена Бильге-кагана.

Не исключено, что политическая философия Бильге-кагана если не ментально, то вербально и литературно формируется именно Йоллыг-тегином, а его заявление о своем не-

малом и долгом труде над текстом прозрачно свидетельствуют о его собственном авторском вкладе.

И совершенно осознанно и недвусмысленно заявляет о своем авторстве профессиональный панегирист — историограф, подвизавшийся при дворе Кули-чора Тардушского. Возможно, Бинтир — типологически знаковая фигура древнетюркского придворного интеллектуала, одного из тех грамотеев, чьими усилиями создавались и поддерживались полугендарные представления о героях минувших поколений и формировались образы участников актуальных коллизий. Этот сложный сплав соперничающих повествований и оценок отдаленного и недавнего прошлого, запечатленный на фоне жестких межклановых, политических, военных и социальных столкновений, имперских амбиций и сепаратистских устремлений, делал авторов древнетюркских эпитафий глашатаями и судьями их мира.

Примечания

¹ Подробнее об изучении древнетюркских рунических памятников и их историографической оценки в специальной литературе см.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва: Наука, 1964. С. 5~V> Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 37~70

Литература

- Кляшторный С.** Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. 1980. № 3-
- Кляшторный С.** Тэсинская стела. Предварительная публикация // Советская тюркология. 1983- № 6.
- Кляшторный С.** Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. Москва: Наука, 1987.
- Кляшторный С, Лившиц В.** Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ленинград, 1969.
- Кляшторный С, Лившиц В.** Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971- Т. X.
- Кляшторный С, Лившиц В.** Сэврэйский камень // Советская тюркология. 1971. № 3-
- Кызласов Л.** О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3.
- Klyashtornyj S., Livshic V.** The Sogdian inscription of Bugut revised|Acta Orientalia Hungarica 1972. Т. XXVI.
- Klyashtornyj S., Livshits V.** line inscription inedited torque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Meridionale) // Journal Asiatique. Т. 259,1972.
- Klyashtornyj S.** The Terkhin inscription // Acta Orientalia Hungarica. Т. XXXVI, fasc. 1-3,1983.
- Klyashtornyj S.** The Tes inscription of the Uigur B4gb Qaghan // Acta Orientalia Hungarica. Т. 39-1985, fasc. 1.

Д. Алимова
Узбекистан

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОЧЕВОЙ И ОСЕДЛОЙ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Средняя Азия и Казахстан — древнейшая историко-культурная область Центральной Азии со своеобразной системой традиционного хозяйства и культуры. Особенностью этого региона является непрерывное сосуществование, органическая взаимосвязь и взаимодействие оседлого и кочевого населения, открытое для широких этнокультурных инвазий. Этому способствовало во многом и расположение на перекрестке торгово-экономических путей, обеспечивавших связи народов на обширных просторах Евразии. Отсюда проникали, трансформировались и обогащались мировые религии и философские учения, происходил синтез культур. Зороастризм, иудаизм, христианство, буддизм, манихейство и ислам укоренились здесь наряду с разнообразными культурами кочевых народов.

Культура кочевников и земледельцев Центральной Азии развивалась на протяжении веков в тесной органической связи, принимавшей разнообразные формы — от мирного взаимодействия и торговых контактов до военных конфликтов. Древние и средневековые цивилизации этого региона были порождением этой связи.

Анализ вклада каждого компонента в экономику и культуру, государственность и цивилизацию этого громадного ареала является одним из ведущих направлений научной жизни общества. Однако исследования комплексного характера взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого компонентов на данный момент представляет более актуальную проблему. Ей посвящена объемная историография с разными позициями и подходами. При этом в изучении этого процесса имела определенная, в некоторых случаях четко выраженная разобщенность и тенденциозность. В разработке истории оседлых и кочевых составных частей этого громадного единого в географическом и историческом отношении ареала наблюдалось противопоставление оседло-земледельческой культуры кочевнической. На этой базе часто искаженно выстраивалась и схема государственности и цивилизации.

Характерным в этом плане был доклад М. А. Итиной на II Советско-американском симпозиуме в Самарканде «Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы» [Древние ..., 1986. С. 129-137]- Такое противопоставление особенно было свойственно публикациям советского периода, основывавшемся на формационном подходе, когда рабовладельческая форма экономики и социальных отношений Греции и Рима догматично переносилась на всемирную историю, хотя она явно не вписывалась в рамки развития в первую очередь кочевых и многих земледельческих народов, у которых рабство существовало лишь как уклад. Даже такие крупные исследователи Средней Азии как С. П. Толстов и М. Е. Массой, имея дело с конкретным археологическим материалом и древними письменными источниками, были вынуждены рассматривать историю Древнего Хорезма, Парфянского и Кушанского государства в рамках рабовладельческой формации. В 30-60-е годы постоянно проходили дискуссии и конферен-

Д. АЛИМОВА

ции на тему «Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства», но формационное направление в методике исторического исследования оставалось догмой, сковывающей творческую мысль исследователей.

В настоящее время возможность объективного анализа исторического процесса оговорила историко-цивилизационный подход, который издавна применяли многие западные исследователи. Однако и здесь появилась «детская болезнь левизны», которая ведет подчас к искажениям. Это в полной мере относится и к истории центральноазиатского региона. Суть происходящего удачно охарактеризовала М.Х. Абусеитова, отметив, что «суверенизация независимых государств Центральной Азии усугубила разрыв культурно-исторического пространства, что привело к мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, к преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объективной реальности...» [Абусеитова, 2000 С. 3]- А это в свою очередь еще более углубило раздельный подход к истории двух культур и превознесении одной в ущерб другой.

Использование цивилизационного подхода в «советском» понимании не может решить все проблемы объективно. Если он будет положен в основу теоретической разработки истории государственности и цивилизации общества в целом, то эталонами цивилизации должны стать состояние развития городов, ремесел, монументальной архитектуры и письменности. В таком случае, в какие рамки развития следует включать кочевые народы? При решении этой проблемы многие современные исследователи считают необходимым использование различных методов, не отбрасывая элементы формационного подхода [Массой В., 1989. С. 33-35]-

Учитывая, что культура кочевников и земледельцев Центральной Азии развивалась в тесной органической взаимосвязи, нельзя считать древние и средневековые цивилизации Центральной Азии результатом деятельности только оседлой земледельческой части населения. Известно, что значение номуадизма выражается в хозяйственном и культурном освоении больших территорий, в использовании конницы как высшей формы вооруженного соединения, что активизировало политическую жизнь, участие в развитии товарно-денежных отношений, формировании этногенеза и его особенностей в этом регионе и т.д.

Археологические и источниковедческие исследования показывают, что уже раннеземледельческие общества и первые цивилизации образовывали многополюсный культурный мир с собственными устойчивыми традициями, достаточно четкими и в условиях торгового и культурного взаимодействия [Дьяконов, 1956; Массон В., 1999 С. 5].

Археологические исследования среднеазиатско-казахстанского региона раскрыли значение традиционных путей передвижения скотоводческих племен в сложении торговых путей древности, т. е. показали важную роль кочевников в формировании здесь цивилизации [Горбунова, 1999- С. 33]- Архитектурные штудии также помогают решить проблему взаимовлияния кочевого и оседло-земледельческого мира в средневековый период [Иманкулов, 2005- С. 196].

В цивилизационном подходе особое место отведено государству, выступающему по мнению одних исследователей главной причиной возникновения цивилизации, тогда как другим оно ассоциируется с фазой подъема цивилизации [Оразбаева, 2005. С. 9].

Весь комплекс вопросов наталкивает на то, что с методологической точки зрения необходимо отказаться от прежнего определения того, что входит в понятие «цивилизация».

В последние десятилетия наука постсоветского пространства рассматривает этот вопрос и как связь цивилизации с государственностью. Исследователи приходят к мнению, что понятие «цивилизация», введенное французскими просветителями в XVIII в. для обозначения гражданского общества, основанного на свободе разума и справедливости, уже в начале XIX в. приобретает некий «этнографический» оттенок как совокупность материальных и духовных ценностей того или иного народа. Утверждается представление о цивилизации как стадии в развитии общества вообще, характеризующейся определенным способом производства, политическим строем и уровнем потребностей знаний и духовного развития. Различаются мировые и локальные цивилизации, последовательная смена которых выражает поступательное движение исторического прогресса. Такой взгляд на цивилизацию примирил стороны в разразившейся в 80-х годах XX в. дискуссии, в которой одни рассматривали цивилизацию как категорию, присущую обществу с оседло-земледельческой культурой и городами, а другие считали правомочным применять её также к обществу скотоводов-кочевников.¹

Приняв постулат А. Дж. Тойнби, что локальные цивилизации — это культурно-исторические системы в эволюционном ряду [Тойнби, 1991- С. 86, 87], многие исследователи, археологи и историки, без оговорок стали оперировать понятием «цивилизация» как в изучении оседло-земледельческих обществ так и мира скотоводов степей.²

Общий вывод о том, что государственность при разнообразии её форм — есть логический итог развития общества этих двух систем и неотъемлемый признак цивилизации, воспринимается как наиболее верный и корректный.

С конца 80-х гг. в науке восстанавливается понимание сбалансированного участия локального и привнесенного компонентов в формировании цивилизаций. Ранее в среднеазиатской археологии, например, имело место представление о пресловутой «автохтонности» формирования местных культур, слагавшихся якобы только на собственной базе без вмешательства извне. О миграции и её роли в историческом процессе умалчивалось или она даже отрицалась.

Объективное отношение к истории, однако, диктовало признание роли обоих факторов в сложении как археологических культур, так и цивилизации в целом. В. М. Массой теоретически обосновал сочетание традиций и инноваций в формировании культур древних обществ [Массой В., 1982. С. 9-14], а исследователи К. Акишев, А. Мартынов подошли к изучению кочевнической культуры как важнейшего компонента цивилизации Центральной Азии [Акишев, 199¹; Мартынов, 1989. С. 284-292].

Исследования археологов Центральной Азии последних лет дают возможность раскрыть непрерывно нарастающий процесс симбиоза (сближения) и даже вращивания в единые блоки оседло-земледельческого и кочевого компонента в политическом и культурном аспектах на протяжении веков. В политическом аспекте этот процесс начинается с глубокой древности в деятельности пастушеско-земледельческих племен, отраженной в Авесте, где представлены первые протогосударственные и протогородские образования, хозяйственная жизнь скотоводов и земледельцев как и их первичная социальная структура.

В античную эпоху в результате этнокультурных перемещений из Великой степи и политической активности кочевого компонента на территории Центральной Азии были соз-

даны крупнейшие государства: Парфянское и Кушанское, Кангюй, Хорезмское царство. Если в развитии их государственности и цивилизации ведущую роль сыграл оседло-земледельческий компонент, то в самых ярких образцах городского искусства и культуры высвечивается симбиоз культурного наследия оседлых и кочевых народов. Адекватные процессы происходили в Эфталитском государстве, Тюркском каганате. Еще более ярко это проявляется в раннесредневековый период в многокомпонентном формировании согдийской цивилизации. Долгие годы согдийская культура рассматривалась в науке, в основном, через призму её взаимосвязей с сасанидской, причем именно последняя выступала в качестве эталонного образца. Исследования последних десятилетий на большом фактическом материале археологии выявили её параллельное с сасанидским Ираном развитие, причем в Средней Азии предисламского времени именно согдийская цивилизация была самой высокоразвитой.

Однако и сейчас многие исследователи традиционно изыскивают культурные аналогии в иранских, индийских эллинистических регионах, характеризуя их как культурные эталоны, на базе которых пытаются раскрыть характер древних цивилизаций Средней Азии. Степным же народам при этом подчас отводится место враждебного антипода, подчеркиваются разрушительные вторжения кочевников в мирные оазисы земледельцев.

В противовес этому другие учения утверждают, что «оседлое население не желало инкорпорировать кочевое общество при сохранении его самобытности, и оседлые цивилизации стремились насильственно ассимилировать кочевников, растворить их культуру под предлогом превосходства земледельческой цивилизации над кочевой» [Джуманалиев, 2005- С. 72]. И те и другие подходы одинаково упрощают и искажают историю взаимоотношений двух миров Центральной Азии, которые имели более сложную и многообразную картину развития.

Время показало, что методически корректно рассматривать согдийскую цивилизацию поры раннего средневековья как многокомпонентное соединение традиций древнего Согда и стандартов засырдарьинской культуры Каунчи, обогащенное элементами кушанского культурного наследия, органически включавшего индийские и компоненты сасанидского Ирана. Все это подтверждает необходимость сбалансированного подхода и проведения многочисленных конференций, посвященных истории номадизма и истории оседло-земледельческих цивилизаций. В связи с этим актуализируется вопрос о международном форуме по проблеме взаимодействия двух культур начиная с эпохи бронзы вплоть до XIX в. В конечном итоге это не только историческая, но и политическая проблема. Как верно отмечает М. Абусейтова, «необходим новый комплексный подход, который объединил бы народы Центральной Азии. Это прежде всего проведение центральноазиатскими государствами согласованной и взаимоприемлемой стратегии решения наиболее сложных, конфликтных проблем, чреватых нарушением мира, региональной стабильности и безопасности. Актуальность диалога в регионе Центральной Азии обусловлена сложившейся геополитической ситуацией, условиями переходного периода, экономическими, этническими и культурно-цивилизационными факторами» [Абусейтова, 2005. С. j \]. Считаю абсолютно правильным и предложение о необходимости координированных усилий в разработке концепции.

Примечания

¹В частности, взрыв этой дискуссии имел место на международном симпозиуме по археологии в Алматы, само название которого содержит оценку понимания цивилизации: «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» (Октябрь 1987 г.). См. статью Мартынова А. И. О степной цивилизации I тыс. до н.э. В сборнике тезисов докладов симпозиума.

²См., напр., «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии» // Доклады международной конференции «Цивилизации Центральной Азии. Земледельцы и скотоводы: традиции и современность». Самарканд-Бишкек, 2005.

Литература

Абусейтова М. Х. История Центральной Азии: концепции и реальность // Shygis. Алматы, 2005- № 1.

Акишев К. А. Древние кочевники и мировые цивилизации: генезис, проблемы, перспективы // Вестник Академии Наук Казахстана, 1991- № ю.

Горбунова Н. Г. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности // Формирование трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.

Джуманалиев Т.Д. Проблема политогенеза номадов Притяньшаня во II в. до н.э. — I в. н. э. // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек: МИЦАИ, 2005.

Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до IV в. до н. э. Москва-Ленинград, 1956.

Иманкулов Д. Вопросы взаимовлияния кочевой и оседло-земледельческой цивилизации средневековья на примере архитектуры Центральной Азии // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек: МИЦАИ, 2005.

Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Массон В.М. Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в древней Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Душанбе, 1982.

Массон В.М. Первые цивилизации. Ленинград, 1989.

Массон В. М. Традиционализм в культурном наследии цивилизации Востока // Изучение культурного наследия Востока. Санкт-Петербург, 1999-

Оразбаева А. И. Теоретические вопросы цивилизационных основ казахской государственности // Shygys. Алматы. 2005. № 1.

Тойнби А. Дж. Постигение истории. Москва, 199¹-

ДЛИННЫЕ СТЕНЫ: ЗАБЫТАЯ ГРАНИЦА С КОЧЕВНИКАМИ- ТЮРКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В VII-X ВВ.

Термин «длинные стены» китайского происхождения, именно так — «Чанг-ченг» (*Changcheng*) — называли китайцы Великую Китайскую стену, строительство которой они начали в III в. до н. э. для защиты от набегов кочевников — хунну. Длинная стена была не только, а может и не столько, фортификационным сооружением, сколько должна была служить северной границей экспансии самих китайцев, она должна была предохранять подданных «Срединной империи» от слияния с варварами и способствовать консолидации только что завоёванных царств в единую империю. Стена фиксировала северные пределы китайской цивилизации и была культурной границей, преодолев которую население как с одной так и с другой стороны оказывалось в чужеродной среде на положении изгоев или же было обречено на полную ассимиляцию. Стена восстанавливалась сильными династиями Китая, всегда служила пространственным пределом китайской государственности и символом этнической общности китайцев. Так было на протяжении столетий.

Возведение длинных стен происходило и на западных пределах обитания евразийских кочевников. После Великой Китайской Стены вторым по протяженности сооружением такого типа была так называемая Великая Горганская Стена, известная также как Александров вал, а у археологов получившая название «Красная Змея» по цвету кирпичей. Стена преграждала так называемый Каспийский проход, или Каспийские врата, и предназначалась для предотвращения набегов центрально-азиатских кочевников во внутренние области Ирана. Каспийскими вратами античные авторы могли также называть горные проходы Северного Кавказа, о которых будет сказано ниже. На эту путаницу в использовании термина Каспийские врата еще в I в. н. э. обратил внимание Плиний Старший [Сулейманова, С. 128, 130]. Через Каспийские врата в Южном Прикаспии Александр Македонский совершил свой марш на Восток в Центральную Азию. Строительство этих стен, вполне возможно, начиналось в древнейшие времена, однако результаты проведенного недавно радиоуглеродного анализа позволяют отнести сохранившиеся участки к V-VI вв. н. э., т. е. ко времени сасанидских шахиншахов [Omranı Rekavandi, H., Sauer, E., Wilkinson, T. & Nokandeh, J. P. 12-22, 18]. По этой причине «Красную Змею» называли также Вал Ануширвана или Вал Фируза.

К инициативам Сасанидов относится также возведение фортификационных сооружений на Кавказе, откуда через горные проходы еще с древнейших времен происходило проникновение кочевников с севера в зону оседлости на Среднем и Ближнем Востоке. Принято считать, что нашествия загадочных киммерийцев в VII в. до н. э., хлынувших через кавказские проходы на Ближний Восток, легли в основу библейских представлений о мифических народах Гог и Магог. Князь Гог и «земля Магог» названы вместе с Гомером (отождествляют с киммерийцами) «со всеми отрядами его» в составе «великого сборища полчищ», которые вторгнутся в землю Израиля «от пределов севера» [Иезекииль, гл. 38, ст. 6-15.]. Последующие доработки преданий о Гоге и Магоге в равнинистической литера-

туре и христианской традиции представляли эти мифические народы как жестоких захватчиков, которым предназначено заполнить цивилизованный мир перед пришествием Спасителя [Тог и Магог. Электронная еврейская энциклопедия].

Сюжет о варварских народах Гог и Магог был включен и в предания о подвигах Александра Македонского, в частности в популярный «Роман об Александре», получивший широкое распространение в христианское средневековье. Наиболее ранняя редакция романа может быть отнесена к III веку н. э. Однако базовая версия, по-видимому, сформировалась в VI в. н. э., т. е. за столетие до появления коранического предания о постройке стены Йаджуджа и Маджуджа Зу-л-Карнейном, традиционно отождествляемым с Александром Македонским [Крачковский, С. 48].

Досасанидский контекст преданий о стене Гога и Магог делает возможным и предположение о более ранних попытках возведения крупных оборонительных сооружений на севере от традиционной зоны оседлости в регионе. Некоторые исследователи склонны считать, что первые фортификации на Кавказе были построены еще Ахеменидами, а отправленные Александром подразделения могли заниматься лишь ремонтными работами с намерением укрепить границу, за которую македонский полководец собственно похода и не совершал [http://en.wikipedia.org/wiki/Gates_of_Alexander]. Высказывалось предположение о более ранних усилиях по строительству также и южно-каспийских фортификаций, относимых ко времени Парфянского царства [Omranı Rekavandı et al., P. 13].

Как бы то ни было, есть основания для вывода о практически одновременном старте возведения длинных стен против кочевников Евразии на востоке в Китае и на западе в Южном Прикаспии и на Кавказе, т. е. примерно в те времена, когда на востоке от Каспийского моря появилась могущественная кочевая держава хунну, а на западе из-за Кавказского хребта происходило давление сармато-аланских и раннетюркских племен. При Сасанидах, особенно после создания Великого Тюркского Каганата, давление кочевников могло только усилиться, и вполне закономерно, что сасанидские правители тратили огромные ресурсы на возведение и поддержание пограничных стен. Результаты международной археологической экспедиции 2005 года, выявившей ряд вспомогательных сооружений и казарм вдоль южно-каспийской стены Александра, помогли исследователям подсчитать, что только на 200-километровом участке военную службу могли нести от 15 до 36 тысяч сасанидских воинов [Omranı Rekavandı et al., P. 13].

Включение истории Зу-л-Карнейна и оградительной стены в коранический текст позволяет утверждать, что представлениям о неотвратимой угрозе кочевников с севера и необходимости защитной стены от их набегов находилось место и в устроениях первых мусульман. Следовательно, в деятельности арабов в эпоху мусульманских завоеваний также закономерно было бы искать соответствующие усилия по возведению длинных стен. И действительно, имеются свидетельства о строительстве арабами оборонительных стен по линии оседлости в районе Рашта, Бухары и Шаша, т. е. вдоль границы с землями, подвластными тюркам-кочевникам. Эта деятельность арабских наместников относится ко второй половине VIII в., причем в некоторых случаях упоминается, что арабы только лишь восстанавливали старые, пришедшие в упадок стены.

Однако срок этих стен оказался недолговечным, и уже в начале X века Исмаил ас-Самани отказался поддерживать их. В XII веке стена предстает в виде развалин, и местные

жители пренебрежительно называют ее Кемпирек — «Старушка» [Бартольд. Туркестан, С. 121, 163-164, 229-230, 259]- Интересно отметить два обстоятельства: во-первых, ко времени арабского завоевания длинные стены на Среднем Востоке, во всяком случае часть их, приходят в упадок и арабы занимаются их восстановлением; во-вторых, достаточно контрастным представляется отношение к своим длинным стенам у китайцев и у жителей Центральной Азии.

В связи с первым обстоятельством обратимся к состоянию крупнейшего фортификационного сооружения Сасанидов — Горганской Стене накануне арабского завоевания. Ранние мусульманские авторы ал-Балазури (IX в.) и Кудама б. Джафар (X в.) сообщают, что оборонительные стены, некогда возведенные в Гургане против тюрков, ко времени похода на Гурган и Дихистан арабского наместника Йазида б. Мухаллаба оказались внутри владений самих тюрков. Правителем этих тюрков назван некий Сул. Еще более раннее свидетельство об этих тюрках в Гургане относится к событиям сразу после битвы при Нехавенде (642 г.). С тюрками заключаются мирные договоры с условием сохранения местной династии у власти и выплаты дани [Ахмад б. Йахья ал-Балазури. *Китаб Фугух ал-Булдан*. С. 412-413; *Excerpta e kitab al-Kharadj* P. 261; *Annales ser. I*, 2658, 2839, *ser II*, 1320-1322]. Есть основание считать, что тюркская династия сохраняла контроль над этой уже внутренней областью халифата вплоть до 835 г. [Асадов. С. 6-8].

В последний период существования сасанидского государства воздвигнутые пограничные укрепления, по-видимому, утратили свое военное значение, а возможно даже перестали быть культурной границей между тюрками-кочевниками и иранцами-земледельцами. Как известно, тюрки достаточно широко привлекались к участию во внутривосточных событиях на последних порах истории сасанидского Ирана [Пигулевская. С. 104-110]. Сохраняя свои культурные традиции и бытовые привычки, они составляли значительную часть войска Сасанидов. Очень показательное свидетельство арабского историка ат-Табари о захваченных в Мадаине (Ктесифоне) сосудах с золотом, стоявших в «тюркских шатрах» [Annales, I, 2444-2445]-

Но не только вопросы безопасности и военного сотрудничества помогали преодолению длинных стен и культурной границы. Евразийские степи и Иран были транзитными странами на торговых маршрутах из Китая в Европу, впоследствии получивших название Великого Шелкового пути. Мирная граница обеспечивала участие в торговых предприятиях и доход от беспрепятственного прохождения иноземных товаров. Возникающие новые империи могли по инерции стремиться к распространению прямого контроля над землями вдоль мировых торговых путей, однако встречные амбиции соседних держав рано или поздно приводили к взаимовыгодным компромиссам.

Так, вероятно, и было после появления на политической арене державы кок-тюрков, Великого Тюркского Каганата, вошедшего в столкновение с эфталитами и Ираном. После сокрушения государства эфталитов, оставшиеся на арене тюрки и Иран периодически сближались на почве очевидных общих, в том числе и экономических, интересов. Интересы партнеров на Шелковом Пути вплоть до разгрома Сасанидов гарантировали более или менее регулярное прохождение торговых караванов из Китая как через Иран, так и по северному пути через Хорезм и Хазарию [Кляшторный, Султанов. С. юг]. Безусловно, внутренняя нестабильность в государстве Сасанидов и интересы третьей дер-

жавы, Византии, могли гальванизировать враждебность и военные конфликты, однако, мир позднесасанидских иранцев и мир их современников тюрков Центральной Азии, как можно утверждать, не могли уже оставаться системами взаимоисключающих ценностей.

Примерная аналогичная ситуация стала складываться с появлением арабов-мусульман и халифата. Новая держава не начинала с белого листа, но повторяла путь, пройденный предшественниками. Заняв пространство Сасанидского Ирана, арабы сначала должны были определить свои модели взаимодействия с местным населением и политическими силами в регионе. С Византией столкновение политических и идеологических интересов привело к постоянному противостоянию. Война с тюрками Центральной Азии была упорной, и на границе с ними арабы впервые перешли от наступления к обороне [Бартольд. История... С. 244]- Почти полтора столетия арабы вели упорную борьбу с хазарами за контроль над Южным Кавказом и только в правление Харуна ар-Рашида с ними также был установлен мир и союз [Буниятов. С. 115].

Баланс интересов и военное равновесие были необходимыми условиями возобновления торговых операций на Шелковом пути, южные маршруты которого неизбежно должны были блокироваться в период военной экспансии арабов, которую можно считать растянувшейся до конца VIII века. Хорошее представление об отношениях трех сторон — местного оседлого населения, тюрков-кочевников и мусульманской власти, ново-явленной силы, вторгнувшейся в относительно устоявшиеся отношения между первыми сторонами — дает рассказ о борьбе арабов за обладание Самаркандом, сохранившийся у ал-Балазури. В 724 г. правитель Хорасана, Асад б. Абдаллах назначил наместником в Самарканд ал-Хасана ибн Аби-л-Амаррату. Тюрки часто нападали на Самарканд, и ал-Хасан не мог обеспечить защиту города. Он бросался в преследование, но никак не мог их догнать. После очередной неудачи он проклял тюрков: «О Аллах! Смети их с лица земли, ускори их смерть и свяжи им ноги!» Далее ал-Балазури сообщает: «Самаркандцы в тайне ругали его за это и говорили: «Наоборот, Аллах завязал наши ноги, а их сделал быстроногими.» [Ахмад ибн Йахья ибн Джабир ал-Балазури. Завоевание. С. 273]- Для жителей Самарканда, чей город всего лишь за десяток лет до назначения ал-Хасана был взят войсками Кутайбы б. Муслима (712 г.), арабский наместник был, очевидно, не ближе, чем тюрки, с кем их связывали долгие торговые контакты, а также совместное сопротивление первым завоевательным походам арабов.

Позже и для арабов приходит время налаживания мирных контактов с оставшимися на сцене политическими силами, возобновления мер безопасности на торговых путях. Первые попытки происходили уже в момент наибольшего напряжения военного противостояния с тюрками Центральной Азии, в правление омейядского халифа ал-Хишама (724-743)- Посольство ал-Хишама прибывает к самому яростному противнику арабов тюркешскому кагану Сулуку для мирных переговоров, и возможно, с намерением предложить переход в ислам, что могло быть формальностью для закрепления союзнических отношений. Об исключительно мирных намерениях и стоворчивости арабов говорит следующая деталь встречи, сохранившаяся в Мешхедской рукописи сочинения Ибн ал-Факиха ал-Хамадани: «Когда посланник халифа вошел к хакану, тот обстругивал седло и бросил переводчику: Кто это? Посланник царя арабов, — ответил тот. Моего слуги? — переспросил хакан. Да, — ответил толмач.» [Ибн ал-Факих ал-Хамадани. «Ахбар ал-Булдан». Л. 1686].

Однако мирного соглашения добиться не удалось, более того, Сулук не преминул продемонстрировать послу свою военную мощь на специально организованном параде и подчеркнул разницу в образе жизни и занятиях тюрков и арабов, сказав послу, что если его воины примут ислам, они не смогут заняться ремеслами и им нечего будет есть. Сулук, получивший у арабов прозвище Абу Музахим («Бодающийся»), до конца своих дней оставался непримиримым противником арабов. Однако после его гибели мусульмане смогли окончательно утвердиться в земледельческих районах Центральной Азии [Кляшторный, Султанов. С. 106-ю8].

Смена династий в халифате, борьба политических противников после прихода к власти Аббасидов несколько десятилетий отвлекали на себя силы халифата. И только в правление Харуна ар-Рашида (787-809) центральное правительство возобновило свои попытки установления мира и безопасности на торговых путях. На границе с кочевниками так называемых добровольцев в борьбе за веру («ал-мутатаваин»), прежде сражавшихся с тюрками с оружием в руках, теперь могли использовать в качестве послов доброй воли по налаживанию мирных контактов. Одним из первых таких посланцев, прошедшим весь путь до столицы уйгуров в Каракоруме, был Тамим ибн Бахр ал-Мутавваи. Миссия состоялась, по нашим предположениям, около 808 г. [Асадов. С. 3¹ 33]-

Противоречивое правление Харуна ар-Рашида не дало решения альтернативным приоритетам развития восточной политики халифата. Сделав преемником на престоле своего сына от жены-арабки халифа ал-Амина (809-813) и вместе с тем оговорив права другого сына ал-Мамуна как правителя восточных областей, он оставил своим наследникам решать, что должно составить фундамент мусульманской государственности и политики на восточных рубежах империи. Победу ал-Мамуна считали не только политическим изменением, но и, по мнению некоторых историков, фундаментальным культурным сдвигом в истории халифата [Гумилев. С. 67]. «Мусульманская культура» стала многообразна, арена культурной жизни стала авансценой столкновения, соперничества и взаимодействия различных традиций, помещенных в мировоззренческие рамки ислама. Каждому народу и его традициям подыскивалось достойное место в пространстве мусульманского мира.

Тенденция многокультурности возникла не вдруг и не только как результат давления внешних факторов. Еще в первой половине VIII в. уже упоминавшийся нами наместник Хорасана Асад б. Абдаллах, хорошо понимал, какими должны быть условия стабильности арабского влияния в регионе: это использование предыдущего опыта взаимоотношений между кочевыми тюрками и оседлым населением Мавераннахра и распространение ислама через убеждение наряду с сильной местной властью. Вот как о нем говорит Наршахи: «По преданию, он был человек весьма добродетельный и храбрый. Он заботился о поддержке знатных и древних родов и почитал родовитых людей, как из арабов, так и из туземцев.» [Мухаммад Наршахи. История Бухары. С. 77]-

При ал-Мамуне отпрыски местных династий Мавераннахра и тюркская знать участвуют в военных советах, на которых обсуждалась и решалась политика халифата по отношению к центрально-азиатским тюркам. Описание одного такого совета сохранилось у автора середины IX в. ал-Джахиза [Tria opuscula. P. 25]. Представителей тюркских правящих династий назначали на должности наместников в халифате. Помимо примеров, широко известных в литературе, хотелось бы особо упомянуть Сул-тегина, отпрыска династии

тюркских правителей Джурджана и Дихистана, который в 839 году отмечен как правитель Дамаска [Annates, III, 1313]

Для судеб «длинных стен» в истории мусульманской цивилизации характерен легендарный рассказ о путешествии некоего Саллама Гарджумана к стене Йаджуджа и Маджуджа. Сведения о путешествии в наиболее полном виде сохранил для нас Ибн Хордадбех [Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 162-170]. Халиф ал-Васик (842-847) видит сон, что стена, ограждающая Гога и Магога, разрушается. Проснувшись, он отдает приказ об отправке экспедиции, чтобы проверить тревожное знамение, которая возвращается с доказательствами о сохранности стены. По поводу этого сообщения существует обширная полемика, состоялась ли экспедиция и где именно побывали Саллам и его спутники.

Однако для нас важно отметить, что выводы экспедиции удостоверяли: в пределах известного мусульманам мира, населенного арабами, тюрками, персами и другими к тому времени хорошо известными арабским авторам народами, стен, отгораживающих этот мир от варваров нет. А кораническое предание, справедливость которого никто не мог подвергнуть сомнению, повествует о стене на краю цивилизованного мира, за пределами которой остаются варвары, не имеющие отношения к тюркам. Именно такой вывод сформулировал известный прозаик ал-Джахиз в специальном трактате «О достоинствах тюрков и халифского войска», написанном буквально через несколько лет после предполагаемого путешествия Саллама Гарджумана [Tria opuscula. P. 49]-

Характер партнерских отношений на торговых путях во многом определял возможности и доминирующие факторы культурного взаимодействия народов. Китай был производителем важнейшего предмета международной торговли — шелка, а также конечным потребителем товаров, привозимых с Запада. Кроме того, в значительные периоды функционирования Шелкового пути торговый обмен с тюрками, контролировавшими путь на Запад, был неадекватным в силу постоянных военных столкновений и военно-политического доминирования тюрков на северных границах Китая. Религиозно-этические ценности китайского общества и государства обусловили невосприимчивость и враждебность населения по отношению к миру кочевников. Л. Н. Гумилев этот фактор взаимодействия культурно-этнических общностей определяет словом «комплиментарность» и считает, что она может быть позитивной и негативной, в зависимости от совместимости «культурно-психологических доминант» [Гумилев. С. 19]. И потому Китайская стена оставалась политической и культурной границей на протяжении столетий.

Отношения кочевников-тюрков и земледельческих и торговых центров Центральной Азии формировались под влиянием общих интересов торгового транзита на Шелковом Пути. Вполне закономерно сложился тюрко-согдийский торговый союз в эпоху доминирования Тюркского Каганата в евразийских степях. Для отношений с сасанидским Ираном, также находившимся в положении транзитной страны, этот союз, безусловно, имел позитивное значение, хотя тюркско-сасанидские отношения складывались на фоне противостояния Ирана и Византии, и следовательно, в определенные периоды его обострения тюрки могли входить в конфликт с Ираном и прокладывать караванные маршруты через Северный Прикаспий [Кляшторный, Султанов. С. юо-юoi].

Появление арабов нарушило устоявшиеся отношения, новая империя искала свои пути в международную торговлю и политику. Примерно до конца VIII века продолжалась кон-

фронтация с тюрками в Центральной Азии и на Кавказе, и арабы приводили в порядок обветшавшие заградительные стены. В последующую эпоху возникают общие интересы и возобновляются торговые маршруты. Арабы, пожалуй, больше, чем персы и согдийцы были подготовлены к культурному взаимодействию на рубежах с тюркским миром, несмотря на первые враждебные восприятия, явившиеся результатом ожесточенных военных столкновений. Используя термин Л. Гумилева, необходимый уровень позитивной комплиментарное™ был подготовлен предшествующей историей арабов и ислама. Кочевники и горожане на Аравийском полуострове со времен древности составляли среду, в которой у каждой из двух групп населения была своя роль в обеспечении мировой торговли благовониями.

Для арабов-горожан мир бедуинов был не враждебной средой, а скорее системой культурно-этических ценностей, достаточно дорогих для их восприятия и к тому же освященных историей пророка и ислама. Мусульманское общество продуцировало общественные институты и общемусульманские ритуалы и практику, способствовавшие формированию единой религиозно-культурной среды: упорядоченное налогообложение, равноправие в отправлении религиозных ритуалов, институт общественной интеграции «вала».

Ослабление центральной власти в халифате, начавшееся в IX веке, не привело к кризису этого приоритетного направления. Ожившие тенденции возрождения иранской государственности как отрицания широкой культурной интеграции не имели превосходящего успеха. И если представитель старой иранской знати Саманид Нух б. Асад, установив контроль над тюркским Исфиджабом в 840 г. отдает дань традиции строительства заградительных стен, [Бартольд. Туркестан... С. 269-270], то его более знаменитый преемник и признанный устроитель династии Саманидов Исмаил б. Ахмад (892-907) отказался поддерживать стены вокруг земледельческого района Бухары, заявив, что пока он жив, он будет стеной Бухары [Мухаммад Наршахи. История Бухары. С. 47] • Столкновения с тюрками происходили и при Исмаиле и после него и фортификационные сооружения еще могли иметь военное значение. Тем не менее, стены, по-видимому, перестали служить символом сплоченности и противостояния и превратились всего лишь в дорогостоящее предприятие. Вместе с тем, смягчение культурных противоречий и исламизация тюрков подготовили смену династии Саманидов в восточной части мусульманского мира первой тюркской династией кочевников Караханидов, на что современники реагировали спокойно, как на вполне естественный процесс.

Литература

- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993-
Ахмад ибн Йахья ибн Джабир ал-Балазури. Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-булдан»). Душанбе: Дониш, 1987.
Ахмад б. Йахья ал-Балазури. Китаб Футух ал-Булдан. Ал-Кахира, 1958.
Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч. Ч. I. Москва. 1963. Т. II.
Бартольд ВЛЗ. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Москва. 1963. Т. 1.
Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1965.
Гог и Магог. Электронная еврейская энциклопедия: <http://www.eleven.co.il/article/11219>
Гумилев ЛЛ-1. Древняя Русь и Великая Степь. Москва: Мысль, 1989.

Ибн ал Факих ал Хамадани. «Ахбар ал-Булдан». Мешхедская рукопись. Библиотека Санкт-Петербургского Центра Востоковедения, инв. 1937, **Ф-В**, 202.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: древность и средневековье. Второе издание, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург, 2004.

Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV.

Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод с перс. Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент. 1897

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже V-VI вв. Москва-Ленинград. 1946.

Сулейманова С. «Каспийские ворота» в Албанской области Лпиния // Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового Пути. Матер, междунар. конф. Баку, 28-29 ноября 2008. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2009.

Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammad b. Djarir at-Tabari. Cumallis ed. M. J. de Goeje. Ser. I—III, Lugduni Batavorum, 1879-1901.

Excerpta e kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Djafar. Edidit M. J. de Goeje. — Lugduni Batavorum, 1889;

Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. Auctore Abu'l Kasem Obaidallah ibn Khordadbeh. Edidit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.

Omran Rekavandi, H., Sauer, E., Wilkinson, T. & Nokandeh, J. (2008), The enigma of the red snake: revealing one of the world's greatest frontier walls — Current World Archaeology, No. 27, February/March 2008, pp. 12-22.

Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi. Quae edidit G. van Vloten. Lugduni Batavorum, 1903.

VARIATIONS ON A THEME: TURKIC SPEAKING PEOPLES AND ISLAM*

It is from historical information and shared legends or myths that we learn how the Turkic peoples converted to Islam at various times in their histories. In his study on these conversions, a colleague voiced his disappointment at not being able to find "neat" narratives in his area of research. It seems that conversion narratives came into being as part of a need, and the historical experiences- the remembrance of them as well as the new circumstances in which they are narrated- play roles. In this sense these narratives have the power of myth.

Here I understand myth as Bruce Lincoln defined it, as a story with authority and credibility that can legitimate action and mobilize social groupings, enabling them to deal with problematic situations.* In the present study we will see that two of the conversion narratives were recorded in the 18th-19th centuries, when the need arose for the people to assert themselves in their Muslim identities. The examples are from the Volga-Ural region and present Xinjiang.

When there are no narratives, legends and myths to lead us, we end up with historical information which is sometimes used for the formation of identity. At other times we see that a myth is amended by historical information, as we see in the case of Turkey.

History textbooks in Turkey speak of a historical event that happened in the Kashgar area. According to the telling, 200 000 tents (i. e. about a million people) converted to Islam when the Qarakhanid ruler himself converted in the 10th century. The event is presented in such a way that it is assumed that there was only one conversion for all Turkic peoples. When traveling along the UNESCO Silk Road in 1990 I heard and read the same story in Artush near Kashgar. It is understandable that in Kashgar they would tell a Kashgarian story. But why was this particular story chosen in Turkey, when there were also other conversion narratives?

A closer look into historiography reveals that the narrative in Turkey changed over time and that this change was parallel to the change in its social composition. The initial conversion narrative was a story uniting the freeborn Muslims vis-a-vis the kul, the converted servants of the state. This was the story of Oghuz Qaghan who was born as a believer and refused to be breastfed by his mother, as she was not a believer. The community that adopted this narrative consisted of born believers, converted and not-yet-converted people, as well as of people from various paths of belief systems. Later in the 17th century this story was replaced by the "information" provided by the Qarakhanid conversion. This narrative was first introduced by the then historian Munecimbasi. By that time the distinction between the freeborn Muslims and the kul had diminished as the number of the latter decreased. Later, when all the wars, migrations and exchange of populations had transformed Republican Turkey into a predominantly Muslim society, this information was adopted as a matter of identity in its historiography.

Furthermore, there are also "converter stories." These stories in Turkish hagiography signify the incorporation of the "other" into the mainstream. But many of these stories were not incorporated into the mainstream narrative and remained local. It seems there was an acknowledgment that some peoples' parentage might have descended from these "incorporated others." The Qarakhanid story, which is about a voluntary conversion (ihtida), was regarded as the only leg-

acy. It is notable that Turkey has no legends related to the conversion of the Turkic peoples from a very early period.

Another issue that is frequently discussed and debated is whether conversion was voluntary or forced.² In Turkey both of these views have adherents, who base their arguments mostly on their current political convictions, rather than on historical analysis and evidence.³ When we look into these questions more carefully we see that we can make a distinction between individual and mass conversions. Individual conversions started very early and continue into our present times. Information on this issue is scattered in various historical sources.⁴ As to mass conversions there were, in fact, four different mass conversions, occurring in the periods spanning the 10th and 14th centuries. Each case is accompanied by both legend and lore and is also recorded in historical sources. There are also historical records for these events. In other words, there are four legends, two from the east and two from the west going back to the 10th and 14th centuries. In actual fact, in both time periods (10th and 14th c.) these mass conversions took place first in the west of Eurasia and then in the eastern parts of Central Asia. Here I would like to speak first of individual conversions and then turn to mass conversions.

Individual conversions

Individual conversions occurred in the 8th-10th centuries when people, mostly men captured between Khurasan and Transoxiana—between present Iran, Turkmenistan and Uzbekistan—were brought into the Islamic lands. These captives were then converted to Islam. Although as an end result this seems to have been a process where conversion was probably not voluntary, it is tempting to think that these captives had some inkling as to their whereabouts before they were captured. This was a time period when the state and empire of the Early Turk (552-630 and 681-742) first halted and then eventually dissolved altogether, especially in the western parts of Asia. The Early Turks were replaced by the Uighurs, who came to power in the east of Asia, while the western parts came under the impact of the penetrating armies of Islam. It was in these penetrations that Turks were carried off and became individual converts. These captives—called mamluk- were trained and educated in the lands of the Caliph where a special settlement that was to become the later capital Samarra was built to accommodate them.⁵ The development of Samarra has been described by M. Hattstein and P. Delius.⁶ These early converts achieved a high status and gradually turned into kingmakers in the Near East.⁷ However, not all of the individual converts were participants of the mamluk system.

Newly converted Sogdian merchants as well as Sufi masters were also instrumental in these individual conversions.⁸ Sufi masters were involved in individual or group conversions among different communities. The miraculous stories of Sufi masters are actually stories about those who are doing the converting—the converter—and in these stories the convert himself becomes objectified. While these stories do not provide us with the view point of the converted,⁹ the stories of the converters have been eternalized by tombs erected in their memory. It is to be noted that the tomb culture goes back to the pre-Islamic ancestral cults.

Some other individually converted Central Asians settled in the borderlands of Islam and thus in the east and southeast of present Turkey.¹⁰ There were also those like Hiiseyin Gazi—a saint of Ankara- who was a warrior of Arab descent. Such warrior saints were adopted by the Turkic peo-

pie who settled in these lands. Hiisevin Gazi for instance, is regarded to be a descendant of Ali, the nephew of the prophet Muhammad. But the mountain-top location of his tomb is reminiscent of those of Central Asian saints coming from animistic and Lamaist Buddhistic traditions. If we would study the case from the Central Asian scholarly tradition, then we could say that his soul and the spirit of the mountain are in a union, but in Turkey nobody thinks of him as an Arab, nor of his tomb as being in connection with earlier belief systems that go back to Central Asia. There are also those who hold that Hiiseyin Gazi actually was a converted Turk who came from Central Asia to Ankara and therefore his tomb is located on top of the mountain that incidentally carries his name as Mount Hiiseyin Gazi. In that connection they draw parallels with the tomb of Hiiseyin Beg near Ufa on the Ural Mountains (Bashkortostan, RF). In their view both Hiiseyins were proselytizers spreading Islam. Although the tomb of Hiiseyin Gazi in Ankara cannot be clearly dated, the two tombs bear a resemblance as being solitary square tombs in stone architecture. Interestingly, this type is more common in the Volga region than in Turkey. In Turkey there are other tombs that go back to warrior saints. Sometimes they are buried with their beloved as in the case of Seyit Gazi, or Seyit Battal Gazi. According to the legend, he was the son of Hiiseyin Gazi. Battal Gazi has been immortalized in the epic literature called *Battalname*. It is probably through this epic literature that the name Battal was also used as man's name in the Volga region. "Seyit Gazi's beloved is called in Turkish "Rum kizi Elenora," that is Elenora, daughter of the Greeks. We see that there has not been an effort to convert her into a Muslim nor to change her name. These individual saints have been depicted in the oral literature as we know from publications by Melikoff and Dedes.¹² Here we have stories of individual conversion.

When the caliphal envoy Ibn Fadlan traveled into Bulghar (present Kazan area) in 922, he passed through the country of the Oghuz who were located in the area between the Caspian and the Aral Lake. These Oghuz, from whom the Turks of Turkey derive their ancestry, had not yet converted to Islam, but they were somewhat familiar with Islam, so that when they met a Muslim traveler they would pronounce the shahade, the Muslim profession of faith. They would also say "one god" using the Turkic word "Tengri" for God, rather than the Arabic "Allah." Towards the end of the 10th century, some of the Oghuz, notably those under Seljuk of the Kmik, converted to Islam.¹³ As Carter Findley rightly points out, his sons carried biblical names such as Mikail, Israil, Musa (Moses), Yunus (Jonah), suggesting "previous familiarity with either Khazar Judaism or Nestorian Christianity." These conversions in the western parts of Central Asia were individual conversions. They were independent of the mass conversion of 920 that took place in the Kashgar area (in Xinjiang, PRC). After the second wave of conversions in the 14th century, we hear of further individual conversions. For instance at the beginning of the 15th century there were still Buddhist temples in the Turfan area. But when Bahaeddin Naqqash was sent as an ambassador to China around the middle of the 15th century, Islam had taken hold of the area and no more temples were to be seen.¹⁴

Sufi masters were active in both the eastern and western parts of Asia. For instance during the 14-15th centuries dervishes in the Balkans were instrumental in conversion, as well as in the establishment of Sufism as in the case of the Albanian Bektashi convents.¹⁵ According to Anis al-Talibin (a work from the end of the 17th century Kashgar) Yasavi and Naqshbandi dervishes were performing miracles and converting "pagan" Kyrgyz along the Tianshan. These activities are described in hagiographical works.¹⁶ Using other sources the Kyrgyz scholar Anvarbek Mokeev

has taken up this issue in a recent article.^v Sufis and merchants, or merchants who were affiliated with sufi orders, were active in the spread of Islam throughout the historical periods. For instance, Sumatra and Indonesia became Muslim through the activities of Muslim merchants during the time of the Mongols in China.

Mass conversions

While individual conversions were more on a voluntary level among loosely organized groups, mass conversions seem to be related to the emergence or resurgence of confederations or state structures. In other words, local political authority seems to have been instrumental in these mass conversions. The legend and the lore speaking of the conversion of the rulers, shows that the situation was not only a matter of faith but also political considerations coupled with issues of faith.

A mobile altar from the 6-7th century Kucha in Xinjiang might lead us into understanding the situation in the first wave of conversion. This altar, presently located in the Musee Guimet in Paris, is about a young boy called Sumati. This mobile altar tells us that there was a belief in a kind of predestination in Central Asian Buddhism during that period. This small sculpture shows Buddha pointing out that the young Sumati would one day achieve Nirvana.¹⁸ This tendency to predestination is an indication that this was a society where people were divided into estates, and that they were actually not able to achieve salvation by their own efforts as it becomes possible with the Greater Vehicle in Buddhism.

In fact, the Early Turk society of about the same period also had estates. On the one hand there was the ruling family that was predestined to rule, while, on the other, there were also dignitaries, commanders, tribal leaders (begs). The common people do not seem to be involved with issues of rule; they would only vote with their feet and decamp. As later history in Inner Asia is represented by strife between predestined ruling family members and leadership aiming at supreme rule, we can say that the bottlenecks that were created by the estates and aristocratization produced an environment that was conducive for socio-political change. Islam, which as a religion was not conducive to aristocratization, acted perhaps as a catalysis for change. Within this process of change, Central Asian and Near Eastern Turkic rulers were intent on keeping spiritual and, temporal rule separate. The term sultan as holder of authority is witness to this separation.

The first conversion legend referring to the beginning of the 10th century: the case of the Volga Bulgars. While the mass conversion narrative of the Bulghar area stems actually from a much later period, it is obvious that it incorporates elements from oral literature. Here in this narrative we hear of a ruler in Bulghar-Almish¹⁹—whose only daughter was paralyzed and no cure was available. Just at that time his minister—named Borach²⁰—informs the khan of three Muslim healers. According to the legend, these healers were contemporaries (sahaba) of the Prophet Muhammad who had arrived in the Bulghar area nine years after the Hegira (631). Upon being summoned by the ruler, they performed miracles with the help of the materials—a turban, a stab and medicines—that the Prophet had given them (by placing the medicine towards the stab, they turned the stab into a tree which produced green leaves in the midst of the winter); as a result they were able to cure the daughter and upon this the khan showed his willingness to convert to Islam. The khan was then followed immediately by his minister, and the people, seeing this, "all became Muslims." According to the legend, these three men stayed for about three years in this region where they

taught the religion and built mosques and schools (madrasa). Later two of them returned home, but the third married the khan's daughter and remained in Bulghar.²¹

This narrative is echoed by the travel records of the caliphal envoy Ibn Fadlan (922), who speaks of bringing medicine to the khan's wife and daughters. According to Ibn Fadlan, the Bulghar ruler Almish adopted the Muslim name Jafer, as it was the name of the caliph, but he called his father Abdullah as he has been a non-Muslim. What is interesting is that in the long account²² on the Muslim Bulghar ruler, we become aware of sectarian differences in the call for prayer. Ibn Fadlan, a Shafiite, makes corrections in the call for prayers, corrections that in time were rejected by the Hanefite ruler.²³ This incident shows that they were already informed about Islamic practices and that the Bulghars, as well as their ruler, seem already to have been familiar with Islam. The Oghuz, through whose country Ibn Fadlan passed on his way to Bulghar, as mentioned earlier, knew about Islam but they were not Muslims as yet. Ibn Fadlan's account shows that the Oghuz acquired this familiarity due to their location between Baghdad and Bulghar. Later these people were to move westerly, and eventually into present Turkey. Although conversion in the Bulghar region happened earlier than in other areas and despite the fact that it is located close to both the original homeland of the Oghuz and to Anatolia in present Turkey, the story of the conversion of the Bulghar is not part of the information on the adoption of Islam. The version adopted in Turkey is the frequently cited conversion that happened in the Kashgar area.

Second conversion story referring to the events in the second half of the 10th century: the case of Kashgar:

As mentioned above, it was Satuq Bughra Khan who converted to Islam. Satuq Bughra Khan's tomb in Artush (near Kashgar) is actually located in a complex that includes another tomb, a mosque, a pond and an orchard. When one visits this complex today it becomes apparent that one of the important points of the visit is the tomb of Nasr Samani.²⁴ The visitor is first taken to Samani's tomb, because he was the guide, the teacher. This kind of a power-sharing arrangement leads us to become aware of the kind of limitations of influence that can be encountered frequently in Central Asia. While the aim may be the visit to an important person's tomb, it becomes apparent that before visiting this site, the tomb of the other person who was very influential in educating the famous person deserves the initial visit. (Temir and his mentor or Baha al-Din Naqshband and his mother are other examples). According to the 13th century Jamal Qarshi, Nasr Samani had taken refuge among the Qarakhanids and Artush was given to him to govern.²⁵ The conversion of Satuq Bughra Khan and his wars with his paternal uncle, the Buddhist Oghulchaq Qadir Khan, are an important part of the legend. The story has come down to us in manuscript form as "The Legend of Satuq Bughra Khan."²⁶ Dating from the later period, this manuscript incorporates important elements in relation to Inner Asian history.

This version of the legend, which incorporates elements from Inner Asian history, has been prevalent in Central Asia. For instance, one of these elements is the presence of Ala Nur Khanim, the daughter of Satuq Bughra. The fact that these accounts speak of this woman called Ala who became pregnant from light (nur) shows clearly that this legend is connected with the legend of Alan, the Fair (Alan Gh'oa) in the Secret History of the Mongols.²⁷ In later history she represented the beginning of history for the Inner Asian nomads in their histories called Chinggisname. The Chinggisname narratives have not been influential in the historiography in Turkey. As a re-

suit these specific features of the conversion legend had no use value and, therefore, would not resonate in the minds of the listeners.

In this sense, conversion to Islam was transmitted in Turkey only in the form of historical information. The story of Satuq Bughra's conversion did not attain the power of a myth and it never grew into a legend that connected the people to the soil of Turkey. It has, rather, become a story that historians read from publications.²⁸ Furthermore, despite the fact that in pre-modern times a concept comprising the conversion of all Turkic peoples was not prevalent in Turkey, at present this information is used as a way of understanding the conversion of all Turkic peoples. This is assumed to be the case, in spite of the collective term Atrak "Turks" used in Persian and Arabic sources. The Armenian historian Moses Khorenatsi, as well Byzantine sources, also speak at times of Turks as a generic category, like the Arabs. But for a long period of time the Ottomans, who were familiar with some of these sources, were not interested in this generic category. As a more detailed discussion below shows, it was only in the 17th century that the information itself that was introduced into Turkey and this information did not include the legend.

Oghuz Khan celebrates adoption of Islam

In Central Asia, on the other hand, the conversion story was transmitted from generation to generation, connecting the people, the land and the historical experience. In this sense, the conversion story, which was remembered as part of shared identity, surpassed being simply a legend and gained the force of a **myth**.

Differences in perception of history

Although the legend and the lore surrounding Satuq Bughra Khan are not familiar in Turkey, the account on Satuq Bughra Khan's conversion later became a turning point in the study of the history of Central Asia. As the present textbooks show, Satuq Bughra's conversion is taken as an event symbolizing all Turkic peoples' adoption of Islam. It is to be noted that Turkey's take on the account is not one of legend, but rather a story of historical significance. This historical information apparently goes back to a work from the 13th century by way of an Ottoman work from the end of the 17th century.²⁹ Apparently, before that time the need for exploring this issue was not felt.³⁰

Earlier historians (pre-17thc.) were content with assuming that the legendary Oghuz Khan was born as a "Muslim" and rejected his mother's milk because she was not a believer. (Plate

27) To be born as a Muslim rather than being a converted Muslim had a more receptive audience in a country (Ottoman) where there was a difference between a free-born Muslim and a kul, a converted person in the service of the state. But at the same time there was also an acceptance of these differences and it is thus understandable that the early Ottoman historiography does not provide a narrative on the adoption of Islam by Turks. The 15th century³¹ Ottoman historiography dealing with the origins of the dynasty incorporated the essence of the legend of Oghuz Khan with connections to biblical history. This connection to biblical history and the legendary Oghuz Khan made in the 15th century provided the Ottomans with the channel of legitimacy that they needed, one that gave a place to their kul in their historiography.³² In Central Asia, on the other hand, the Oghuz legend was only one of many. Historiography and oral history in Central Asia had room for other mythological accounts.³³ Thus, for the people of the Kashgar region and later rulers in the Tarim Basin, the connection between themselves and Satuq Bughra Khan was one of the important points of legitimacy and, therefore, the legend survived in different versions. In these versions there was not only connection to Alan, the Fair from the Mongol period, but also to other figures, such as Sultan ilig Madi from the Qarakhanids. According to that legend:³⁴ He was the first ruler who ceased worshipping Buddhist idols and was converted to Islam. His name was Satuq Bughra Khan. He was born in 944 and was twelve years old when he converted to Islam. The legends concerning him are many and very wonderful. The day he was born a miracle took place: the earth shook, springs surged forth from the center of the earth and watered the ground and the trees budded and flowers started to grow even though it was winter. His conversion happened in the following way: Young Satuq Bughra Khan, who was already the ruler of the land since his father had died six years earlier, was on a hunting expedition somewhere outside Kashgar. A hare jumped out before him from a thorny bush. Satuq Bughra Khan left his forty companions and took off alone after the hare. Just when he was about to shoot it, the hare stopped and turned into a man, who told him to approach and listen. "Why do you continue worshipping idols? Why don't you follow the way of the prophet?" the man wanted to know. Along conversation ensued between them, and finally the man said: "Oh, my son! Blessed boy! I do not wish to see your young body in hell. Just thinking about it makes me suffer!" Satuq Bughra Khan, who had never heard about hell, asked cautiously, "Oh, venerable wise man! What sort of place is this hell?" And the wise man answered: "My child! Hell is a place where a constant fire burns, it is full of scorpions, a place to which all sinners and all unfaithful are banished, and where they are tortured in every possible way." Satuq Bughra Khan, scared, asked what he should do in order to avoid going to that place, and the wise man answered that he should say after him the declaration of the Islamic faith. Satuq Bughra Khan did so, and thereby became the first Mohammedan ruler of East Turkistan. However, before repeating the wise man's words, he had asked him about the meaning of this declaration, and had received the following answer: "My son, by means of making this declaration you will become a Mohammedan, and that means that you will go to paradise, where there are beautiful women, young men, and wine. If you don't repeat my words, you will go to hell and experience all of the horrors of that place" Naturally, the choice was not difficult for Satuq Bughra Khan.

Central Asian hagiographical literature of the later periods was always eager to point out the connection to Satuq Bughra Khan and his descendants. In other words, while it was the conversion

of Satuq Bughra Khan that was important as a piece of historical information in Turkey, in Central Asia, on the other hand, it was his person that provided the legitimacy and thus was important.

This difference in historiographical traditions that becomes apparent in distinguishing between information and knowledge on the one hand, and the person and personality, on the other hand, is an important aspect regarding the values of the two regions.³⁵ This is also one of the main differences between oral and written traditions.³⁶ Ottoman historiography of earlier periods shows that oral traditions were important components of historiography, whereas after the 16th century historiography developed more into written information and interpretation. In Central Asia this trend of distinguishing between hagiography and history also started to become visible towards the end of the 17th century, but the trend did not become as well-established as in the case of Ottoman Turkey.

In all the accounts of the first wave of conversion to Islam (Bulghar and Kashgar), we see that rulers emerge as the heroes of the event. The followers then follow suit. This statement is also true when our information is in legendary form (*Tewarikh-i Bulghariyya*, *Tazkira-i Satuq Bughra Khan*), that is oral or historical information in the historiography of Central Asia and Turkey. Rulers who in the earlier stages of their dynasties could acquire an impetus with the help of the new faith and could rally different forces together, had their own mythology.³⁷

Narratives related to the second wave of conversion in the 14th century have been discussed and analyzed in earlier studies by DeWeese and by myself. Here I will not go into the details of these studies.³⁸ I would like to point out that in these narratives related to the 14th century in each case it was the people, the tribal leaders who converted to Islam and who became instrumental in the conversion of the khan.³⁹ In that sense the second wave of mass conversions signaled the assertion of tribal leadership over the predestined charismatic clan members. While in the first mass conversion legends it was the charismatic ruler who converted with his entourage and people then following suit, in the second wave it was the tribal leadership who converted first and then the ruler followed them. In the two cases of this second wave of conversion, the rulers who followed the leadership were youths: Ozbeg Khan in the west and Tughluq Temiir Khan in the east, both of whom were both brought up outside and entered this newly converted Muslim environment as young boys. They became Muslims after their arrival into their homelands. They had been carried away from their homeland to escape dangers, and they were brought back from far away by the tribal leadership at the crucial moment. The self-assertion of the tribal leadership would pave the way for rulers coming from tribal leadership in the 18th century. At this point it is interesting to note that both the legend and the historical information related to the second wave of conversion has not been as prevalent in Turkey as it has been in Central Asia. When the second wave of conversion occurred in the 14th century Central Asia, nomadic tribes of both Turkic and Mongolian origin converted to Islam and thus became part of the ideological and socio-economic networks of the Islamic world. This was not a top-down policy as in the first wave of conversion. These tribal people of nomadic backgrounds had remained outside of the intellectual and commercial networks of the Islamic world that began to dominate most of Asia (except for China and India) in the 9th-12th centuries.⁴⁰ Their participation in the state and empire that Chinggis Khan founded brought them closer to these circles. By conversion they became active participants within these networks. Their participation is exemplified by the rich literature and architectural works displaying their place within the intellectual and aesthetic patterns of the Islamic civilization.

Turks in Turkey, on the other hand, had been part of these networks since the 11th century. Furthermore, by the 14th century nomadic tribal leadership in Anatolia had been fairly reduced by becoming sedentary and by being incorporated into the then young Ottoman state. As a result, centralized state traditions of the Near East, rather than the power-sharing culture of Inner Asia, became prevalent. The legends of the second wave of conversion that found a receptive audience among the power-sharing peoples of Central Asia, had no useful value in Turkey.

Later in the 15th-16th centuries, as Ottoman administration asserted its control over nomadic tribes and tribal leadership, those who did not want to be the subjects of a bureaucratic state mechanism moved to Iran and later became part of the Shi'a.

Conclusion:

From the discussion above we see that it is the makeup of the society and its historical experience which makes a legend popular and turns it into myth. This happens when there is a need for mobilization, and historical memory chooses a particular event fit for remembrance. In other words, it is not so much the ideology but the historical experience that has the power to develop a legend into a myth. E. Fernea's words, "Words of God, words of men" help us account for these differences.⁴¹

Yet in telling the history of the introduction of Islam through an architectural form, the tomb, I also would like to point out the persistence of the pre-Islamic past with veneration of ancestors in reflecting the new religion.⁴²

Here again the Central Asian practice rests more in the public sphere in the realm of history. In Turkey, on the other hand, these tombs represent the more private area of life with individual and local shrines (folk-Islam).

The above discussion on whether historical information or legends and myths are the sources of knowledge for any particular area illustrates clearly that there are different ways of perception of conversion in Turkey and Central Asia. Perception, memory, information transmitted in written historical records or legends transmitted orally and/or in written form are all witnesses to the fact that we cannot speak of monolithic Islam and conversion history. This is the case only when we speak of Turkic speaking peoples and ignore the others who express themselves in other language groups. This is why it is important to understand the issue of Turkic speaking peoples and Islam in terms of what is shared and what is particular.

Notes

This study was partially supported by the Turkish Academy of Sciences. Earlier versions of this paper were presented at Niuewe Kerk, Amsterdam/ Prince Claus Fund, The Hague (2007) and Kenyon College, Ohio (2008).

¹ Lincoln 1989: 28 and 24.

² For a discussion of this problem as an adoption without problems see A. Y. Ocak 1999: 20. See also Mokeev 2006.

³ Ahmet Yaşar Ocak points out at this issue as a subject that needs serious study (Ocak 1999: 26-27 and 36, n. 22)

⁴ For a detailed account of this early period see Hakki Dursun Yildiz 1976.

⁵Yildizi976: 79.

⁶Hattstein and P. Delius 2000:102.

⁷al-Jahiz by Seşen 1967 and şeşen 1988; Beckwith (1984: 39-40).

⁸Ocak 1999: 31 and 31, n. 12.

⁹Hagiographical literature related to Hacı Bektas and Sari Saltuk in Anatolia and the Balkans respectively and to Makhdum'i 'Azam's descendants (Naqshbandiyy) among the Kirgiz are a few examples.

"Mtikrimin Halil Yinanc 1944.

"For instance, the Tatar writer Abdullah Battal Taymas carried this name.

¹²George Dedes, *The Battalname. Sources of Oriental languages and Literatures*, Cambridge, Mass. 1996 «Findley gives the date as 985 (2005: 68).

¹⁴Joseph Fletcher 1968 and Candarhoglu 1994.

¹⁵O. L. Barkan 1943. Also Omer Turan 2004: 32, 33, 34.

¹⁶Shah Mahmud Choras, "Anis al-talibm."

¹⁷Mokeyev 2006:125-136.

¹⁸Jacques Gies 1995: 230.

"See Z. V. Togan 1939: §1 (pp. 104-105) and for the legend Z. V. Togan 1939: "Anhang iiber Saqaliba" *8 (pp. 37-308). The name of this ruler is sometimes rendered as Aydar or Haydar. Z. V. Togan sees in Aydar a corruption of eltabar. See Z. V. Togan 1939: Exk. §47a (pp. 162-166)

²⁰Z. V. Togan sees in the name Borach the name of the fourth tribe of the Bulghar, the other three being Bulghar, Suwar and Asgil. See Z. V. Togan 1939: Exk. §43a (especially pp. 156-157).

²¹Tawarikh-i Bulghariyya for instance renders the name of the ruler as Aydar. For this episode see Tawarikh-i Bulghariyya Kazan, 1902 pp. 15-17 Just a few years ago 1989 the 1100th anniversary of the adoption of Islam was celebrated in the days of pereistroika in Kazan and in Ufa.

²²R. Sesen 1976: 43-64 Zeki Velidi Togan 1939:

²³R. şesen 1975: 49 and n. 81R. şesen 191975: 49 and n. 81.

²⁴According to Barthold he must be the son of Nuh b. Nasr (1969: 255-256)

²⁵Actually Qarshi takes this information from an 11th century work called Tarikh-i Kashgar. See Bartholdi968: 51-52 and 254; R. şesen 1998: 203-204.

²⁶DeWeesei996.

²⁷1. Togan "Mogol Tarih yaziminda Kadmlar" unpublished article

²⁸O. Turan 1940.

²⁹The works concerned are MuneccimbasTs work from the end of the 17th century which apparently goes back to Ibn Athir's work (IX, p. 82) from the 13th century. I would like to express my thanks to Evrim Binbas who supplied the information as well as the reference. In Miineccinbaşı's work there are also two other legendary accounts about Satuq Bughra's conversion stemming from Ibn al-Athir's work (IX, p. 82). Muneccimbaşı Seyh Ahmed Dede Efendi, 1940 (pp. 2-3). See also Golden 1992, p. 215, n. 149. Soner Hunkan (2007) who recently published a work on the Qarakhanids does not dwell on this issue. He mentions historical works and compares their information with the legend which he finds not trustworthy

³⁰However what the Ottoman source (Mtineccimbasi) cites in the section on the Qarakhanids is not the account on the conversion of 200 000 tents. His excerpt is a different account on Satuq Bughra Khan. This account also goes back to Ibn al-Athir (VII, p. 396), in relation to another narrative. See also Barthold 1968: 255 and Ibn al-Athir VII, p. 396.

³¹ Aşıkpaşazade (1949), Yazicizade Ali (still unpublished) and Bayath Hasan Cam-i Cem Ayin are all from the 15th century.

³² Rashid al-Din's Iran had also similar converted people. In other words, in the 15th century the conversion was not emphasized, when the distinction between the free born Muslim and the kul was apparent. In the 17th century, on the other hand, this distinction had been minimized and it is only then that we see conversion narratives in Ottoman historiography.

³³ The earliest account is from Jamal Qarshi as mentioned above.

³⁴ Jarring 1976: 117.

³⁵ For instance when you visit an architectural site in Turkey, you are given information about the material and architectural style, whereas in Central Asia you are provided with a narrative about the person who was instrumental in building the site or who is buried at that site. We know that Evliya (Jelebi from the 17th century tells us all the stories related to sites. Matrakci from the 16th century when speaking of the conquest of cities, paints all the tombs of saints in those cities. But later in the 19th century giving information about architectural sites was based on European models (Serpil Bagci, personal communication). See also Ahmet E. Ersoy 2000.

³⁶ Gumilev 1987. p. 31

³⁷ For similar cases see Bruce Lincoln 1989:15-37.

³⁸ De Weese 1994; L Togan. 2004; Pfeiffer 2003.

³⁹ Pfeifer 2006.

⁴⁰ Hodgson 1974.

⁴¹ Fernea 1977: xvii-xxxv.

⁴² See I. Togan 2002.

References

Amitai-prreis, Reuven. "Ghazan, Islam and Mongol Traditions: A View from the Mamluk Sultanate". BSOAS 59 (1996). 1-10.

Aşıkpaşazade (Aşıkpaşaoğlu. Ahmed Aşki). Tevârih-i Al-i Osman. Ciftcioglu N. Atsız (yay.). Osmanlı Tarihleri I. İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1949. (s. 91-319)

Barkan, O. Lutfi. "Kolonizator Türk Dervişleri". Vakıflar Dergisi 2 (1943). 279-386.

Bayath Mahmud Oğlu Hasan. Cam-i Cem Ayin. Kirzioğlu Fahreddin (sadelesTiren)... İstanbul: Türkiye Yayınevi, 1949 (s. 371-403).

Beckwith, C. "Aspects of the Early History of the Central Asian Guard Corps in Islam." AEMAE 4 (1984). 29-43.

Biran, Michal. The Chaghadaids and islam: The conversion of Tarmashirin Khan (1331-34). Journal of the American oriental society 122 (2002). 4: 742-754.

Candarhoglu, G. Orta Asya'da Timuriler, Çin'de Ming miinasebetleri, Ch'en Chen Elcilik Raporu. İstanbul: Mimar Sinan Üniversitesi yayınlari, 1994.

DeWeese, Devin. "The Tadhkira-I Bughra-khan and the 'Uvaysi' Sufis of Central Asia: Notes in Review of Imaginary Muslims." CAJ 40 (1996). 1: 87-127.

Ersoy, Ahmet E. "On the Sources of the 'Ottoman Renaissance': Architectural Revival and its Discourse During the Abdilaziz Era (1861-76)" Harvard University, Ph. D. dissertation, 2000.

- Fernea, Elizabeth** Warnock and Basima Qattan Bezirgan. *Middle Eastern Women Speak*. Austin: University of Texas, 1977.
- Fmdley, Carter Vaughn**. *The Turks in World History*. Oxford U. Press, 2005.
- Fletcher, Joseph F.** "China and Central Asia, 1368-1884." *The Chinese World Order* ed. by John King Fairbank (ed.) Cambridge, Mass. Harvard U. Press, 1968 (pp. 206-224).
- Gies, Jacques** (ed.) *Les arts de l'Asie centrale: la collection Paul Pelliot du musee national des arts asiatiques- Guimet*. Paris: Reunion des musees nationaux, 1995-1996, C1994.
- Golden, Peter**. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
- Gumilev, L.V.** *Searches for an Imaginary Kingdom. The Legend of the Kingdom of Prester John*. Trans. By R. E. F. Smith. Cambridge: Cambridge U. Press, 1987.
- Hattstem, M.** and P. Delius. *Islam. Art and Architecture*. Koln: Konemann, 2000.
- Hunkan, Omer Soner**. *Tiirk Hakanligi. Karahanlilar (766-1212)*. Istanbul: IQ Yaymlari., 2007 (2. baski).
- Jarring, Gunnar**. *Return to Kashgar*. Durham: Duke University Press, 1986.
- Lincoln, Bruce**. *Myth, Cosmos and Society-Indo-European Themes of Creation and Destruction*. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1986.
- Marek, J. ve W. Forman**. *Tschings-Chan und sein Reich*. Praha: Artia, 1963.
- Mokeyev, Anvarbek**. "Rol' sufiyskikh sheykhov v rastprostraneniі islamskoi religii v Kyrgyzstane," *Journal of Turkic Civilization Studies* 2 (2006). 125-136.
- Miineccimbasi Seyh Ahmed Dede Efendi, *Karahanlilar ve Anadolu Selcukleri*, excerpt from *Cami'ud-Diivl*. Hasan Fehmi Turgal and Necati Lugal (trans.). Istanbul: Tiirkiye Yayınevi, 1940 (pp. 2-3)
- Ocak, Ahmet Yaşar**. *Tiirkler, Tiirkiye ve islam*. Istanbul: iletifim, 1999.
- Pfeiffer, Judith**. "Conversion to Islam among the Ilkhans in Muslim Narrative Traditions." *The Case of Ahmed Tegüider*. Chicago University, Ph. D. dissertation, 2003.
- Pfeiffer, Judith**. "Reflections on a 'Double Rapprochement: Conversion to Islam among the Mongol elite during the early Ilkhanate." in Linda Komaroff (ed.) *Beyond the Legacy of Chinggis Khan*. E. J. Mil, 2006 (pp. 369-389).
- Şesen, **Ramazan**. *Hilafet Ordusunun Menkibeleri ve Tiirklerin Faziletleri*. Ankara: Turk Kultüriinu Arastırma Enstitüsü, 1967.
- Şesen, Ramazan, *Islam Cografyacılama Gore Tiirkler ve Tiirk Ulkeleri*. Ankara: Tiirk Kulturunu Arastırma Enstitüsü, 1998a.
- Shah Mahmud Choras**, "Anis al-talibin." (completd ca. 1107/1695-96), Bodleian ms. 2494.
- Togan, **isenbike**. "Disciplines, Boundaries and Silk Road Networks: A Personal Account of Recent Work" *Proceedings of the Tokyo Symposium for Digital Silk Roads*. Tokyo (Japan): International Institute of Informatics (pp. 201-212).
- Togan, **isenbike**. "Second Wave of Islam and Ozbeg Khan," in *Proceedings of the International Symposium on Islamic Civilization in the Volga-Ural Region*, Istanbul, IRCCA, 2004, (p. 15-33).
- Togan, **isenbike**. "Mogol Tarih yazımında Kadınlar" unpublished article.
- Togan, **Zeki Velidi**. *Ibn Fadlan's Reisebericht Leipzig: Deutsche Morgenlandische Gesellschaft*, 1939b.
- Togan, **Zeki Velidi**. *Oguz Destani*, Istanbul: Enderun, 1982 (2. baski).
- Turan, **Osman**. "Satuk Bugra Han Menkibesi ve Tarih, in *Selcuklular ve Islamiyet*," Istanbul: Turan Nesriyat Yurdu, 1971 (originally in 1940), pp. 147-187.

Turan, Omer ve Mehmet Z. Ibrahimgil Balkanlardaki Tiirk Mimari Eserlerinden Ornekler. TBMM Kiiltiir, Sanat ve Yayin Kurulu Yayinlan - yaym no: 97, TBMM Kiiltiir, Sanat ve Yaym Kurulu yayinlan - no. 97. Ankara, 2004.

Veliyev, Rafael M. ve Cerria. Muhamretsjn, Buyiik Bolgar. Bolgar-Tatar Uygargimn Aniti. Ankara, Tiirksoy: 2000.

Willams, Brian Glyn. "Mystics, Nomadsand Heretics: a History of the diffusion of Muslim syn-cherism from Central Asia to the Thirteenth Century Turco-Byzantine Dobruca." International Journal of turkish Studies 782001). 1-24.

Yazici-oglu Ali. MS at Topkapi Palace Museum Library, Revan 1390 and 1391,1392,1393; Paris, Bibliotheque nationale, suppl. Turc. 1185. See also **Bayram Urekli,** "Yazici-oglu Ali'nin 'Tarih-i Al-i Selguk' Adh Eserinin Oguzlar ve Buyiik Selcuklular Boliimii." Ankara: Hacettepe Universitesi. Yuksek Lisans Tezi, 1987.

Yildiz, Hakki Dursun. islamiyet ve Tiirkler. Istanbul: IU. Ed. Fak. Yayinlan, 1976.

Yinanc, Miikrimin. Tiirkiye Tarihi Selcuklular Devri. Istanbul: Biirhaneddin Matbaasi, 1944.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ГОРОДА - ЦЕНТРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСЕДЛОЙ И КОЧЕВОЙ КУЛЬТУР (XVI - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Города Узбекистана — древнейшие очаги общечеловеческой цивилизации были важным звеном, соединявшим Восток и Запад, и представляли центры ремесла и торговли на трассах Великого Шелкового пути и перекрестках многочисленных караванных дорог. Как показатель общественного развития и культурного роста населения города играли важную роль в жизни региона. Будучи центрами политической, социально-экономической и культурной жизни они занимали значимое место на всех этапах исторической действительности центральноазиатского общества.

Одним из сложных и противоречивых периодов истории Узбекистана является XVI — первая половина XIX века, определяемого как «период ханств». Он характеризуется событиями, которые во многом повлияли на исторический ход развития Средней Азии. В самом конце XV века раздробленное на части государство Темуридов было завоевано войсками Мухаммада Шайбани-хана. В 60-х годах XVI века столица государства окончательно перешла в Бухару и возникло Бухарское ханство. В начале этого столетия возникло новое государственное объединение в Хорезме. Позже в начале XVIII века в результате отделения Ферганской долины от Бухары образовалось еще одно ханство — Кокандское. Именно в рамках этого периода, охватывающего около 350 лет, происходили сложные процессы в политической, социально-экономической и культурной истории Узбекистана.

В периоды усиления центральной власти в социально-экономической и культурной жизни наблюдались позитивные тенденции. С установлением мира между ханствами происходил хозяйственный подъем и рост уровня жизни населения, шли процессы, которые сопровождались ростом и усилением специализации городов, оживлением экономики и расцветом культуры, расширением взаимосвязей и взаимовлияний территорий.

На территории среднеазиатских ханств были города, которые соответствовали известным центрам других стран. Так, А. Дженкинсон в 1558¹-1559^{rr} - отметил о Бухаре: «Город очень велик» [Дженкинсон, 1937- С. 182]. Данная оценка человека, знавшего многие города Европы и России, свидетельствует о соразмерности величины стольного города Бухарского ханства с другими городами мира.

Эти центры играли важную роль и во взаимоотношениях оседлого и кочевого населения. В них происходили активные процессы взаимовлияния оседлой и кочевой культуры в различных сферах жизни общества — ремесленном производстве, торговле, культуре. Они в определенной степени оказали влияние и на развитие экономики городов среднеазиатских ханств. В этом плане особо следует выделить города, которые находились ближе к кочевой степи. Здесь в отличие от других центров (например, от Бухары) продукция некоторых видов ремесла изготовлялась с учетом потребностей кочевников. Например, согласно данным источников XIX века, ювелиры Ташкента были искусными мастерами в изготовлении серебряных украшений для женщин Дашти Кипчака. В расчете на зажиточную

часть населения из города в кочевую степь поставлялись и другие виды ювелирных изделий. «Ювелиры оправляют в серебро ножи, сабли, перстни; в золото уборы для киргизок и приготавливают украшения для конской упряжки и седел», — отмечает автор 20-х годов XIX века Е. К. Мейендорф [1975- С. 116-117]. Продукция данного вида ремесла в среднеазиатских центрах производилась в большом количестве. Среди кочевников, как и у оседлого населения, в широких масштабах находила сбыт прежде всего продукция ткачей — материалы из хлопка — боз (карбас), чит, алача и др. Так, по образному выражению автора XVI в. Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфохани, население Дашта постоянно нуждалось в «одежде и саване», для чего потребовался «карбас», поставляемый из Мавераннахра [Фазлаллах, 1976. С. 66]. Потребности населения кочевой степи в одежде также в значительной степени удовлетворялись и городскими ремесленниками. Из города в степь поставлялись предметы одежды — рубашки, халаты стеганные, сапоги, ичиги и кафши.

Природно-климатические условия степей ставили ее обитателей в зависимое положение от земледельческих оазисов. Это, прежде всего, отражалось в обеспечении ее зерном и зерновыми продуктами. Автор 30-х годов XIX века П. И. Демезон так характеризует торговлю городов Бухарского ханства с кочевой степью: казахи получали от бухарских городов «... пшеницу, джугару и другие бухарские товары» [Записки..., 1983. С. 117]. Большим спросом у кочевой степи пользовались и предметы домашнего обихода. Это были — посуда керамическая, котлы железные, которые умели искусно изготавливать ремесленники городов среднеазиатских ханств. В ремесленном производстве среднеазиатских городов значительное место занимала выработка кожи и других видов сырья, из которых изготавливались и реализовывались различные изделия, средства передвижения (арба) и снаряжения — седла, мешки для хранения корма животных (сомон турва, ем турва), бурдюки (меш), хурджуны, веревки. Большинство из них производилось не только для нужд кочевников, но и обеспечивало торговые караваны, следовавшие в дальний путь.

Как свидетельствуют источники XIX в., у ремесленников имело место практика изготовления товаров по индивидуальному заказу потребителя на месте, оплату они получали в виде сырья. Об одном из таких случаев сообщает А. Диваев. Согласно его сведениям, ташкентский мастер-обувщик-Азим-хожа вспоминал, что, получив от кожевников обработанную кожу, он направлялся в дашт (степь) к киргизам (казахам). Там он шил обувь для семей местных чабанов, его труд оплачивали сырой кожей [Диваев, 1990. С. 147]-

Население кочевой степи было не только потребителем различной продукции, которой активно торговали в городах среднеазиатских ханств. Оно также являлось поставщиком многих товаров, изготавливаемых мастерами кочевых и полукочевых народов. Источники XVI в. сообщают, что казахские мастера выделывали кафтаны из овчины, окрашенной в разные цвета. «Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы», — отмечает автор XVI века [Мукминова, 1976. С. 132]. Для населения городов и сельских местностей предназначались циновки (буйра), основная часть которых поставлялась народами, ведущими кочевой и полукочевой образ жизни. Они также привозили в города грубые шерстяные ткани из верблюжьей шерсти, из которой изготавливались кошмы, юрты. Эти товары пользовались широким спросом у населения как сельской местности так и городов. Например, в расходной книге хивинского хана, относящейся к XIX веку, зафиксирована покупка на базаре декоративной широкой ленты

(тесма) — «бел ип», которая предназначалась для обвязывания юрт [Хива давлат..., 1960. С. 139,164]²¹¹ > 233]- Часть такого рода товаров изготовлялась и поставлялась в города туркменами и народами, живущими на территории ханства и ведущими полукочевой и кочевой образ жизни. Н. Муравьев отмечал, что «туркмены, живущие в Хиве работают кибитки, ткнут армянину из верблюжьей шерсти и хорошие прочные ковры», которые они реализовывали на базарах ханства. Ими также поставлялись ткани из верблюжьей шерсти.

Основной продукцией торговли кочевого и полукочевого населения был скот, который доставлялся на многочисленные городские базары туркменами, каракалпаками и казаками. Даниил Рукавкин, посетивший Хиву в 1753 г. отмечал: «Скотоводство они не имеют, а довольствуются покупкою скота от Киргиз-кайсаков и Аральцев» [Рукавкин, 1823. С. 127]. Другой источник описывает породы домашних и вьючных животных, привозимых на рынок: верблюды — одногорбые и двухгорбые; лошади — киргизские карабаиры и аргамаки, отмечая, что большая часть лошадей поставлялась туркменами [Данилевский, 1851. С. 127]. Ими же поставлялся и пушной товар. Геодезист Муравин (середина XVIII века) сообщает, что «каракалпаки торг производят в Хиве ... скотом, лисицами и корсаком» [Ханыков. С. 37]- Торговля в основном было меновой. Автор 30-х годов XIX века П. И. Демезон относительно Бухары пишет, что «торговля, которую ведут бухарцы с киргизами, значительна, как кажется, особенно выгодна бухарцам. Киргизы поставляют в Бухарию овец, лошадей и верблюдов в обмен на пшеницу, джугару и другие бухарские товары». Поставщиками скота являлись также арабы, которые вели кочевой и полукочевого образ жизни в пределах Бухарского ханства. Они располагали огромными стадами овец особой каракулевской породы [Записки..., 1983. С. ю8]. Кочевыми и полукочевыми народами в среднеазиатские центры поставлялись и продукты питания — животный жир, вяленое мясо и т. д. По мнению Е. К. Мейендорфа, туркмены, владея большим количеством скота, снабжали Бухару маслом, доставляемым в бараньих бурдюках [Мейендорф, 1975- С. 117]. В некоторых случаях купля-продажа производилась за наличный расчет. Относительно городов Бухарского ханства автор XIX века отмечал, что «бараны в Бухаре дороже, чем их продают киргизы в пограничных районах России. Последние привозят их за сотни миль в Бухару, где продают примерно по 16 рублей ассигнациями за голову. На вырученные деньги они покупают шелковые халаты, грубые бумажные материи, пшеницу, ячмень джугару, горох и продают с барышом в степи то из них, что им не нужно» [Мейендорф, 1975- С. 117].

Экономические взаимоотношения оседлого и кочевого населения, взаимодействие их культур оказали заметное влияние и на развитие торговой инфраструктуры — рынков, караван-сараев и др. Базары, где велась активная внутренняя, внешняя и транзитная торговля, играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии городов Средней Азии. Они всегда были и оставались обязательным компонентом города. Автор XVI века относительно Сыгнака писал, что он является городом, так как здесь есть «городские власти, основание мечети и рынок» [Фазлаллах. С. 117; Мукминова, 1976. С. 32].

Большинство базаров, особенно в крупных центрах ремесла и торговли, были специализированными. Относительно Самарканда Бабур отмечал, что здесь «для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом». Аналогичны замечания англичанина Антония Дженкинсона относительно базаров Бухары: «...каждое ремесло имеет здесь особое место и особый рынок» [Дженкинсон, 1937- С. 184]. Данная тен-

денция к специализации базаров города сохранялась и в следующие столетия. Например, в XIX веке в Ташкенте были рынки, где производилась торговля войлоком, веревками, мешками, сбруей и хурджунами, а также «Козокпуруш бозор», где продавали алачи, полосатый ситец, бязь, тулупы, кушаки и платки для кочевого населения [Маев, 1876. С. 103]. Были специализированные базары, где торговали домашними животными. Такого рода базары обычно находились на окраине и за пределами города, рядом обычно располагался алаф-базар, где продавался корм для животных и некоторые сельскохозяйственные продукты. Так, например, один из рынков Бухары по продаже лошадей, по данным автора первой половины XIX века, был расположен в 1,5 верстах от «Самаркандских ворот» города, другой — за Имамскими воротами и еще один находился за воротами Намазгах [Ханыков, 1843- С. 9²-931-

Экономические взаимосвязи среднеазиатских городов с населением кочевой степи оказали заметное влияние и на топографию базаров. Они в большинстве случаев располагались за городскими стенами вдоль проезжих дорог. Согласно данным Г. И. Данилевского, так были расположены в 40-х годах XIX века большинство хивинских рынков. К их числу можно отнести базары городов Иглана, *jo* лавок которого были расположены по дороге из Хивы в Хазарасп; Кята, состоящий из 40 лавок и разместившийся на возвышенности против городских ворот; Хазараспа — 150 лавок которого вытянулись в три ряда с внешней стороны города; 85 дуканов Ханки были выстроены перед городскими воротами., а базар Ташауза, состоящий из 180 лавок, был расположен вне города — «у деревянного моста канала» [Данилевский, 1851. С. 105].

Жители кочевых степей осуществляли торговлю также и в южно-казахстанских и присырдарьинских городах. Сведения Фазлаллаха ибн Рузбихана, относящиеся к Сыгнаку (XVI век) показывают, что город был важным центром торговли степи с оазисами Средней Азии. В позднее средневековье для каждого города были установлены определенные базарные дни, что обеспечивало цикличное функционирование рынков. Например, в Бухарском ханстве, согласно сведениям автора первой половины XIX века, в Самарканде и Карши торговля велась в воскресенье и среду; для Карманы это был понедельник, а для Каттакургана суббота и т.д. [Путешествие..., 1857- С. 196.; Хорошхин, 1876. С. 195; Ханыков, 1868. С. 203]. Такая же картина характерна и для городов Хивинского ханства, где по ханскому указу было запрещено торговать одновременно в двух городах страны [Муравьев, 1821. С. 90]. Аналогичная ситуация была свойственна и для базаров Кокандского ханства. Так, согласно Ф. Назарову, в самой столице ханства «два дня недели являлись базарными днями» [Назаров, 1968. С. 51]. Такая определенность базарных дней также способствовала расширению экономических связей и взаимовлиянию культур оседлого и кочевого населения.

Во взаимодействии оседлой и кочевой культуры существовали и совсем простые формы купли-продажи, типа современной торговли «с колес». Например, в Шурахане не было ни стационарных базаров, ни лавок, торговали с лошадями, а в городах, расположенных рядом с реками (например, Чимбай), товар раскладывался на лодках [Костенко, 1879- С. 130].

Взаимосвязи оседлого и кочевого населения оказали влияние на экономику городов, особенно тех, которые были расположены на границе с кочевой степью. Они сочетали все виды основного производства — ремесло, торговлю, сельское хозяйство, а также скотоводство. Во многих случаях, это можно показать на примере Ташкента, горожане имели не-

большие участки земли в пределах или за городом, где выращивали зерновые и бахчевые культуры, хлопок, разводили сады или успешно занимались скотоводством.

Позднесредневековые города Средней Азии были не только средоточием торговли, но на всех этапах истории оставались центрами культурной жизни, центрами просвещения и науки. Во всех крупных городах функционировали медресе, где преподавали не только основы религии, но и светские науки. В числе студентов медресе могли быть и представители кочевого общества. Мухаммад Шайбани, еще задолго до завоевания Мавераннахра обучался в медресе в Бухаре [Камалиддин Бинаи, 1969. С. юз; Фазлаллах, 1976. С. 28]. В 1682 г. в Бухаре была построена больница Дар-уш-шифо, которая выполняла и функции медресе по обучению молодежи основам медицины. Здесь же находилась аптека и богатая медицинской литературой библиотека. В наиболее крупных городах — Самарканде, Бухаре, Хиве, Коканде, Ургенче были специализированные книжные рынки и магазины. Например, по сообщению автора XIX века, в Ташкенте было и книжных дуканов [Хорошхин, 1876. С. 92], чей товар вполне мог быть доступен и представителям кочевых народов.

Таким образом, города среднеазиатских ханств являлись крупными центрами, где происходили активные процессы взаимовлияния оседлой и кочевой культуры в разных сферах жизни общества, которые послужили основой происходящих в Центральной Азии интеграционных процессов.

Литература

- Данилевский Г.** Описание Хивинского ханства. Составлено в 1843 г., подполковником Генерального штаба Г. И. Данилевским // ЗИРГО. Кн. 5- Санкт-Петербург, 1851.
- Данилевский Г. И.** Описание Хивинского ханства // Записки Импер. Рус. Геогр. общества. Санкт-Петербург 1851. Кн. 5-
- Дженкинсон А.** Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Перевод с английского Ю. В. Готье. Ленинград. 1937-
- Диваев А.** Предание о возникновении азиатского гор. Ташкента // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1900.
- Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). Москва: Наука, 1983.
- Маев Н.** Азиатский Ташкент // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1. 1876.
- Мейендорф Е. Л.** Путешествие из Оренбурга в Бухару. Москва, 1975-
- Мукминова Р. Г.** Очерки по истории ремесла Самарканда и Бухары в XVI в. Ташкент: Фан, 1976.
- Муравьев Н.** Путешествие в Туркмению и Хиву. Москва, 1821.
- Камалиддин Бинаи.** Шейбанинамэ // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из перс. и тюрк. соч.) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. —Алма-Ата: Наука, 1969.
- Костенко Л.** Город Хива в 1873 году // Туркестанский сборник. Санкт-Петербург, 1879- Т. 82.
- Назаров Ф.** Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. Москва: Наука, 1968.
- Путешествие Мир Иззет Уллы от границы Кокандского ханства до города Самарканда // Труды САГУ. Новая серия. Книга. 14- Серия. История. Ташкент, 1957-

Г. АГЗАМОВА

Рукавкин Д. Описание пути из Оренбурга к Хиве и Бухаре с принадлежащими обстоятельствами бывшего Самарского купца Данилы Рукавкина // *Новости литературы*. Москва, 1823. Ч. 5- № 3-4-

Фазлаллах ибн Рузбехан Исфхани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер. Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. Москва, 1976.

Ханыков Я. Описание Бухарского ханства. Москва, 1843-

Ханыков Я. Самарканд. Рассказ очевидца // *Русский инвалид*. 1868. № 161.

Хива давлат хужжатлари. Уз ФА корр. — аъзоси М. М. Иулдошев тахрири остида. Тошкент, 1960. ГИИ.

Хорошхин А. Самарканд (Листки из памятной книжки). // *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края* А. П. Хорошхина. Санкт-Петербург, 1876.

Хорошхин А. П. Очерки Ташкента // *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края* А. П. Хорошхина. Санкт-Петербург, 1876.

Б. Абдуллаев
Узбекистан

ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЯХ ФЕРГАНЫ*

Предлагаемая публикация охватывает изучение городов и оборонительных сооружений носителей чувской и эйлатанской культур Ферганской долины в эпоху бронзы и раннего железа через призму подобных памятников Урала, Сибири и Ближнего Востока. Мы постарались по новому подойти к решению проблемы возникновения городской культуры на территории «контактных зон». До настоящего времени в историографии доминирует мнение (отчасти оправдавшее себя!), что основным критерием возникновения городов было стремление древних земледельцев защититься от вторжений кочевников [Туребеков, 1991- С. 5]. Последнее привело к поиску истоков градостроительства в земледельческих регионах Древнего Востока. Однако ни закономерности, ни критерии возникновения развития городов, взятые как эталон, не работают, когда речь идет о городах «контактных зон». В то же время, целый ряд археологических открытий указывает не только на факт существования градостроительства у кочевников [Зданович, 1997; Кузьмина, 1997] но и на перенесение их традиций во многие цивилизации Древнего Востока [Гуревич, 1989], где в последующем преобладали земледелие и интенсивная урбанизация. Также выявлена взаимосвязь земледельцев и кочевников «контактных зон» [Briant, 1982]. Ферганская долина, издревле находясь в контактной зоне кочевых и оседлых культур Средней Азии, представляла своеобразный буфер. Все археологические материалы указывают на тесные взаимосвязи древних жителей долины с кочевыми племенами, что являлось характерным для «контактных зон» в целом.

Известно, что носители чувской культуры (XII-VII вв. до н. э.), перешедшие к оседлому образу жизни, были племенами степного происхождения [Литвинский, 1981. С. 154-155] постоянно поддерживали кровнородственные отношения с номадами. Последнее, все же, не привело осевших кочевников к отказу от строительства оборонительных сооружений, поскольку данное соседство не всегда являлось мирным и нередко заканчивалось военными столкновениями, что подтверждается и результатами археологических раскопок. Вероятнее всего, камнем преткновения являлись «внутриполитические вопросы» [Абдуллаев, 2006. С. 7-8].

Фортификация Ферганы эпохи поздней бронзы (кон. II — нач. I тыс. до н. э.) явственно отличалась от подобных сооружений как земледельческого юга Средней Азии, так и кочевого мира Евразийских степей. Однако процессы формирования и развития цитаделей, а также формы планировок городищ Ферганы на ранних этапах имеют определенные параллели с фортификацией кочевых племен [Абдуллаев, гооб. С. 8-ю].

Новые исследования древних городов кочевых культур Евразии и Ближнего Востока, а также оборонительных сооружений Ферганской долины представляют достаточно материалов, позволяющих внести ряд поправок в общепринятую концепцию возникновения фортификации и градостроительства, а также обозначить определенную закономерность возникновения и развития ранних городов в «контактных зонах». Для этой цели нами проведен ряд сравнительных параллелей элементов фортификации Ферганы с подобными сооружениями кочевых культур вышеуказанных регионов.

Истоки происхождения рвов и валов

В историографии в течение длительного времени доминировало мнение, что сооружение первой линии обороны — ровов было связано с возведением вала или крепостных стен в Средней Азии оседлыми племенами для защиты от кочевников [Воронина, 1964- С. 431]. Однако на современном этапе археологических исследований выявлены материалы, позволяющие говорить о более раннем появлении рвов как части культурных традиций кочевников Евразии. Известно, что характерным для кочевников являлось сооружение курганов, уходящих своими корнями в V тыс. до н. э. [Gimbutas, 1977, P 39~43; Lebedynsky, 2004, P. 63-64], известных также и кочевым культурам Средней Азии [Массон, 2006. С. 39]- Исходя из имеющихся материалов, отдельные исследователи датируют курганы с ровиками эпохой бронзы [Флёрова, 2001. С. 73]- Хотя предпочтительнее определять возраст рвов согласно возрасту курганов как составной части последних. В этом отношении особое значение имеет мнение некоторых исследователей Палестины, утверждающих, что наличие укреплений в виде валов не являлось в изучаемый период фактором градостроительства или оседлости, поскольку эти сооружения являлись традиционными для кочевых или полукочевых племен еще с эпохи неолита [Cristophe Nicolle, 1999> P 96].

Традиция обводить курганы рвами в последующем стала отправной точкой для кочевников эпохи бронзы в защите своих поселений и была связана с демографическим ростом носителей этой культуры. Известно, что кочевые племена нуждались в постоянном обновлении пастбищ, приводивших к частому противоборству. В конце III тыс. до н.э. с развитием подвижного скотоводства в степях Евразии стало происходить постепенное освоение широких территорий, сложились гигантские культурные общности. Последнее привело к военным столкновениям кочевников и, видимо, к возведению ими в отдельных центрах поселений, укрепленных оборонительными стенами и рвами [Кузьмина, 1997- С. 84-85].

Первоначально в качестве оборонительной линии определяются рвы и валы, сооружение которых являлось менее трудоемким и достаточным. Подобное отмечено французско-китайской экспедицией для кочевников, перешедших на оседлый образ жизни в эпоху раннего железа. Так, исследователями городища Джумбулак Кум Таримского оазиса в Синьцзяне выявлен оборонительный вал, на гребне которого найдены следы плетеного каркаса из стволов тополя (диам. — $j-10$ см), вбитых попарно через каждые 45-60 см и переплетенных между собой ветками тamarиска [Debain-Francfort C, Idrisse A., 2005, P. 121, 126]. Однако реконструкция оборонительной стены городища, подготовлен-

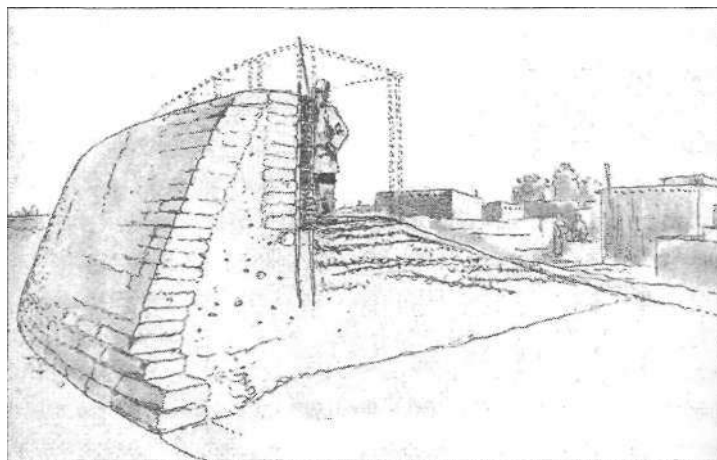

Рис. 1. Вариант реконструкции оборонительной стены городища Джумбулак Кум (по Т. Фурнэ).

няя французскими коллегами [Debain-Francfort C, Idrisse A., 2005, P. 122-123], является, на наш взгляд, слишком громоздкой и главное она полностью исключает основные качества конструкции из древесно-плетеного каркаса — простоту и легкость ее возведения (рис. 1).

Изучение истории подобных конструкций¹ и фото представленного сооружения (рис. 2) позволили нам подготовить другой вариант реконструкции, по которой возведение плетеного каркаса на гребне вала с последующей глиняной обмазкой наряду с увеличением общей высоты делали стену прочной и устойчивой против луков и пращей нападавших (рис. 3)- Следовательно, облицовка кирпичной кладкой оборонительных валов являлось необязательной и производилась в случаях, когда здесь располагалась резиденция военно-демократических конфедераций. В последующем это укрепленное поселение или городище становилось центром округа или региона как Михайловка [Шапошникова, 1985. С. 84-85] или Аркаим [Зданович, 1997]- Несколько иная интерпретация возникновения поселений среди кочевых культур, где переход к оседлости или полуоседлости происходил из-за климатических изменений, позволяющих заниматься богарным земледелием, была предложена исследователями Ближнего Востока [Ze'ev, 199², P124-126].

Вышеприведенные факты позволяют предположить, что сооружение рвов в градостроительстве контактных зон привнесено из кочевнической культуры возведения курганов.

Истоки происхождения цитаделей

Наряду с исследованием появления и развития элементов фортификации в контактных зонах особое внимание было обращено на формирование цитаделей в архаичную эпоху. Цитадель Ферганы эпохи поздней бронзы известна из городища Дальверзин. Она имела округлую форму площадью 2,2 га. Первый исследователь городища Ю.А. Заднепровский, проводя сравнительный анализ с аналогичными объектами земледельческих и кочевых племен того времени, отметил, что оно не имеет себе равных [Заднепровский, 1995- С. 23]. Так, городища носителей земледельческой культуры Средней Азии не имели оборонительных стен, а кочевнические — были настолько малы, что их размеры могли быть сопоставимы лишь с площадью цитадели Дальверзина. Однако строительный материал и планировка цитадели последнего больше напоминали традиции строительства сооружений у кочевников. Несомненно, причиной тому было происхождение носителей чустской культуры, непосредственно связанных кровнородственными узами с кочевыми племенами Евразии.

Необходимо отметить, что признаки перехода к оседлости или полуоседлости у всех кочевнических культур Евразии и Ближнего Востока имеют большое сходство — выращивание злаков и строительство укрепленных поселений.² Изучение эпохи протоурбанизации евразийских степей и Ближнего Востока дает возможность утверждать, что первые укрепленные поселения представляли собой архитектурный комплекс из 25-30 домов, возведенных на возвышенности сомкнутыми рядами и окружавших площадь в 2-3 га [Ze'ev, 1992, P. 131-132; Зданович, 1997]- Сведения о ранних округлых городах кочевников содержатся во 2 фрагменте Видевдата — наиболее архаичной части Авесты [Гуревич, 1989. С. 48].

Характерным для такого перехода является тождественность сооружения цитадели Дальверзина с перечисленными укреплениями. Результаты наших раскопок и предшествующих исследователей позволяют представить цитадель в округлой форме с сомкнутыми рядами помещений по ее краю.

В отличие от большинства кочевых культур Евразии и Ближнего Востока, которые прошли

в своем эволюционном развитии определенные периоды перехода к оседлому или полuosедлому образу жизни, связанные с изменениями климата, носители чувтской культуры имели более подходящие условия для продолжения и совершенствования земледельческого образа жизни.³ Последнее привело к тому, что из-за демографического роста населения первоначальное поселение на месте цитадели городища Дальверзин постепенно начало расширяться территориально, достигнув площади в 24 га с тремя частями, обособленными оборонительной стеной. Нашими исследованиями установлена одновременность возведения этих стен [Матбабаев, Пардаев, Абдуллаев, 2005. С. 66; Абдуллаев, 2007. С. ю] в следующей последовательности — цитадель (Д-Ш), основная жилая зона (Д-И) и загон для скота (Д-П).

Таким образом, чувтские племена при возведении оборонительных сооружений использовали методику, непосредственно связанную с кочевыми традициями. Следовательно, можно утверждать, что жители городища Дальверзин изначально, при переходе к оседлости, имели оборонительную систему в виде поселения (на месте цитадели), укрепленного сомкнутыми рядами помещений по его периферии. В последующем в процессе долгого эволюционного развития оседлого образа жизни архитектура носителей чувтской культуры видоизменилась и утратила элементы зодчества кочевых сородичей.

Планировка городищ

Исследование оборонительных сооружений древнейших городов и поселений периодов чувтской и эйлатанской культур позволяет представить их двумя этапами единой эволюции в процессе формирования архаичной фортификации Ферганы [Абдуллаев, 2007. С. 17-19], где отчетливо прослеживаются отдельные традиции, отмеченные в градостроительной культуре кочевых племен степной бронзы Евразии.

По характеру планировки городище Дальверзин имело некоторое сходство с такими памятниками эпохи бронзы юга Туркменистана, как Намазга и Алтындепе, где первоначаль-

i JU 'mшШ^m^^

Рис. 2. Фото французско-китайской экспедиции: сохранившиеся части оборонительной стены городища Джумбулак Кум (по К. Дебан-Франкфор и А. Идрис).

чальной системой обороны являлись внешние стены помещений больших домов [Абдуллаев, 2005- С. 132]. Характерно, что эта система обороны, зафиксированная еще в древности, начиная с VI тыс. до н. э. [Массой, 1966. С. 42; Массой, 1967. С. 170; Массой, 1970. С. 418; Хлопин, 1964- С. 83], сохраняется в Средней Азии и в средневековый

период [Соловьев, 1997- С. ю8]. Следовательно, схожесть эволюционного развития ранних городов Средней Азии привела к выявлению у них наличия одинаковой неправильной (трапециевидной) планировки.

Изучение материалов оборонительных сооружений эйлатанского городища показывает, что в развитии фортификационных систем Ферганской долины этот период занимает несколько обособленное место. В отличие от чустских поселений с неправильной планировкой городище Эйлатан имело прямоугольную форму. Оно охватывало огромную площадь и состояло из двух частей — внутреннего и внешнего городища⁴ без цитадели. Его оборонительные стены усиливались квадратными башнями, расположенными по периметру на равном друг от друга расстоянии. Тем не менее, в строительной технике и в использовании строительных материалов на Эйлатане можно отметить определенное сходство с предшествующим чустским периодом как дальнейшее продолжение его традиций [Заднепровский, 1962. С. 187; Абдуллаев, 2005. С. 138; Он же, 2009. С. 22-23; Массой, 2006. С. 196].

Эволюция планировки городищ архаичной Ферганы (переход от трапециевидной к четырехугольной форме) являлась также характерной и для «аркаимского культурного комплекса» степной бронзы, условно названного «Страной городов» с 17 пунктами и 21 укрепленным поселением, размещенных на территории площадью 1,5-2 тыс. км² [Зданович, 1997- С. 59]- Наиболее ранними для этого комплекса являлись оборонительные сооружения овальной формы, затем округлые и прямоугольные. Особенным в эволюции планировок являлось то, что эти формы поселений какое-то время сосуществовали, но завершили развитие военного зодчества бронзового века прямоугольные в плане крепостные сооружения [Зданович, 1997- С. 59]-

Таким образом, из приведенных фактов следует, что при исследовании истории формирования укрепленных поселений и городищ Ферганы и Средней Азии, в целом, необходимо учитывать не только влияние градостроительной культуры земледельческих цивилизаций Древнего Востока, но и влияние кочевых культур эпохи бронзы и раннего железа.

Рис. 3- Наш вариант реконструкции оборонительной стены городища Д жумбулак Кум (откорректировано по чертежам Т. Фурнэ).

Б. АБДУЛЛАЕВ

Примечания

* Исследование проведено при финансовой помощи Международного фонда Дидро (Maison des Sciences de l'Homme). Автор также благодарит французских коллег, любезно предоставивших свою помощь и поддержку.

¹ Подобная традиция имела место в Синьцзяне с древнейших времен до современности (Debain-Francfort C, Idrisse A., 2005, p. 34-47, fig-1-7! P- 56-63, fig-1-3. 8-16), а также отмечена у среднеазиатских кочевых племен, переходивших к оседлому образу жизни в XI-VII вв. до н. э. (Массой, 2006, с. ио-ш),

² Учитывая, что аспект нашего исследования охватывает сферу формирования и развития фортификации в архаичный период истории, мы будем рассматривать строительное дело, а для ознакомления со сферой земледелия ограничимся лишь ссылками на источник.

³ Для кочевников Евразии и Ближнего Востока переход к оседлости был временным явлением (Zéev, 1992, p. 145; Кузьмина, 1997- С. 88).

⁴ Внешние стены Эйлатана не исследованы и поэтому мы не можем говорить, что они были возведены одновременно с внутренним городищем.

Литература

Абдуллаев Б.М. Некоторые итоги изучения древнейшей фортификации Ферганы // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.

Абдуллаев Б.М. Цитадели в оборонительной системе древней Ферганы // Вестник Международного Института Центральноазиатских исследований. Самарканд-Бишкек, 2006. № 3-

Абдуллаев Б.М. Возникновение и этапы развития фортификации Ферганы в древности и средневековье (кон. II тыс. до н. э. — нач. II тыс. н. э.). // Автореф. дис... к.и.н. Самарканд, 2007-

Абдуллаев Б.М. Древнейшая фортификация Ферганы в свете новых исследований в Синьцзяне (поздняя бронза и раннежелезный век) // ИМКУ. Ташкент, 2010 (в печати).

Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации // Советская археология. 1964. № 2.

Гуревич Л. Л. О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации. Тезисы докл. региональной конференции. Наманган, 1989.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. Вып. и8.

Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии // Автореф. дисс... д.и.н. Ленинград. 1978.

Заднепровский Ю.А. Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н. э. — сер. I тыс. н.э.)! // Фортификация в древности и в средневековье. Санкт-Петербург, 1995-

Зданович Г. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997- № 2.

Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ. 1997- № 2.

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). Москва, 1976.

- Массон В.М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений // КСИА. 1966. Вып. ю8.
Массой В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // Советская археология. 1967. № 3-
- Массон В.М.** Раскопки на Алтын-депе // Археологические открытия — 69. Москва, 1970.
Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. Санкт-Петербург, гооб.
- Матбабаев Б.Х., Пардаев М.Х., Абдуллаев Б.М.** Новое об оборонительных стенах городища Дальверзинтепа // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Соловьев В. Северный Тохаристан в раннем средневековье (V-VIII вв.). Изд. Елец. пед. инс-та. 1997-
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент, ЗСЮО.
- Туребеков М.Т. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990.
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград: Наука, 1964.
- Шапошникова О. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. 1985. Т. I.
- Briant P. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge; Paris, 1982.
- Cristophe Nicolle. L'epoque des premiers bourgs fortifies. Pertinence de l'existence d'un processus d'urbanisation dans le Levant Sud au Troisieme Mfflinaire. Beyrouth, 1999.
- Debain-Francfort C, Idrisse A. Keriya, nmmoires d'un fleuve. Paris, 2005.
- Gimbutas M. A sensationally rich cemetery of the Karanovo civilization, about 4500 B. C Varna, 1977 — Expedition 19, — n 4: — 39-46.
- Lebedynsky I. Les cimmeriens. Les premiers nomades des steppes europeennes IXe-VIIe siecle av. J.-C. Paris, 2004.
- Ze'ev Herzog. The Beer-Sheba Valley // From nomadism to monarchy. Jerusalem, 1992.

ДРЕВНЯЯ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

CENTRAL ASIA IN ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES: ORIGIN AND DEVELOPMENT OF CULTURAL INTERACTIONS

А. Сагдуллаев
Узбекистан

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ)

В настоящей работе поставлена задача кратко охарактеризовать некоторые итоги изучения этнокультурных процессов в Центральной Азии (ЦА) в эпоху бронзы. Благодаря многолетним исследованиям ученых — археологов, антропологов, этнографов и историков по этой теме накоплен огромный фактический материал, опубликованы многочисленные статьи, монографии и материалы конференций, посвященных этническим проблемам истории ЦА в древности, вопросам культурных взаимодействий между племенами с различным экономическим базисом [Этнические..., 1981; Древние..., 1986; Взаимодействие..., 1987].

В рамках доклада нереальным было бы пытаться охватить основные результаты исследований ученых ряда поколений. Данная проблема может служить темой специальной обобщающей историографической работы. Систематизированный анализ опубликованных научных материалов и различных теорий имеет актуальное значение, поскольку на современном этапе обращение к древней истории, к вопросам этнической истории и этногенеза народов Центральной Азии приобретает все более широкий характер. При этом некоторые авторы совершенно не используют данные историографии, в результате попытка пересмотреть историю нередко доводит до абсурда.

Как известно, эпоха бронзы — важный период в этнической истории Центральной Азии. В это время происходили сложные процессы взаимодействия автохтонного населения с племенами, проникавшими в регион с других территорий. В XX веке большое внимание было уделено так называемой арийской проблеме, происхождению индоиранских племен. Выдвинуты различные гипотезы о времени и путях их расселения на территории ЦА.

Дискуссия приобрела особый характер в связи с открытием и изучением многочисленных древнеземледельческих поселений в Маргиане и Бактрии [Аскарлов, 1977; Сарияниди, 1977; Масимов, 1986]. Сравнительный анализ археологического материала, строительных приемов и конструкций, жилой и монументальной архитектуры, а также фортификации позволил сделать вывод, что поселения были основаны не теми индоиранцами, историче-

екая прародина которых в научной литературе локализовалась в степях Евразии и связывалась с территорией расселения срубно-андроновских племен. На основе изучения текстов Ригведы и Авесты было указано на отсутствие в этих источниках терминологии, связанной со специализированным ремеслом и торговлей, городами, фортификацией, монументальными дворцами и храмами [Кузьмина, 1981. С. юб]. В Бактрии и Маргиане, напротив, открыты дворцы, храмы, а также поселения, укрепленные оборонительными стенами, жилые дома из пахсы и сырцового кирпича и ремесленные мастерские. Отмечалось также расхождение во времени между началом освоения земледельцами территории Маргианы и Бактрии и началом передвижения скотоводческого населения евразийских степей в ЦА. В этом свете предпочтительней становилась гипотеза о локализации прародины индоиранцев в Передней Азии и севере Иранского нагорья [Гамкрелидзе в соавт., 1989], а также концепция о возможном формировании индоиранцев на территории юга Средней Азии, Восточного Ирана и Западного Афганистана [Сарианиди, 1990. С. 90-102; Филанович, 2000. С. 121-126]. Однако определение этнической принадлежности населения Маргианы и Бактрии эпохи бронзы при отсутствии письменных свидетельств сталкивается со значительными трудностями. Не располагая письменной информацией о древнем населении той или иной территории, мы не можем говорить о нем как о представителе конкретного этноса.

В сравнении с хронологией формирования оседло-земледельческих поселений в Маргиане и Бактрии данные Авесты характеризуют иную этнокультурную среду и относятся к более позднему времени, видимо, к концу II-нач. I тыс. до н. э. В связи с этим весьма проблематично опираясь на Авесту предпринимать попытку анализа этнокультурной ситуации, сложившейся в Центральной Азии в III-перв. пол. II тыс. до н. э. Специфика истории Центральной Азии заключается в том, что уже в глубокой древности состав местного населения пополнялся не только за счет внутреннего роста, но и внешних миграций. Как показывают археологические данные, миграционные процессы особенно усиливаются в эпоху неолита и бронзы. В этом плане особого внимания заслуживают результаты исследований на поселениях Саразм и Шортугай. Изучение археологических комплексов позволило сделать вывод о миграции в Саразм (долину Зеравшана) геоксюркского населения юга Туркмении и раннеземледельческих общин Белуджистана [Исаков, 1982], была отмечена также поэтапная инфильтрация белуджистанского и хараппского населения с юга Афганистана и долины Инда в бассейн Пянджа [Gardin, Lyonnet, 1978-1979; Frankfort, 19853].

Элементы Хараппской культуры прослеживаются в археологических комплексах предгорий Копетдага, а также Маргианы и Бактрии. Высказывалось мнение, что маргианские строители, возводя квадратные крепости, стены которых были фланкированы башнями, взяли за образец хараппские строительные традиции, где многие поселения имели квадратную планировку и оборонительные стены, фланкированные башнями [Массой, 1979- С. 33]-

Другим центром, откуда происходила миграция населения в Центральную Азию, исследователи считают Переднюю Азию. Основные причины древнейших миграций были вызваны экологическими, экономическими и социальными факторами [Adams, 1968; Мерперт, 1978]. Это рост населения, ограниченность обрабатываемых земель и пастбищ, нехватка или отсутствие сырья, необходимого для развития металлургии, и наконец, на примере цивилизаций Месопотамии — это соперничество, войны между городами-государствами за обладание пахотными землями и торговыми путями [Йоффи, 1986. С. 120]. И не слу-

чайно, исследователи приводят факты шумерской колонизации Северо-Западного и Юго-Западного Ирана, где обнаружена материальная культура, идентичная культуре шумерийцев [Ламберг-Карловски, 1986. С. 167-168]. Можно допустить, не отрицая при этом и другие возможные причины миграций, что в конце III-начале II тыс. до н.э. в результате участвовавших в Передней Азии войн и набегов отдельные общины, видимо, вынужденно покидали родные места и расселялись в отдаленных более спокойных районах Востока.

Процессы миграций были связаны также с развитием дальней торговли. Заслуживает внимания вывод о том, что в начале II тыс. до н.э. ассирийские торговые караваны отправлялись за оловом к далеким источникам, как считают, находившимся в Афганистане [Адаме, 1986. С. 14]. Колонизация Саразма, видимо, была осуществлена населением, испытывавшем острую нужду в металлургическом сырье, причем не исключается совместное проживание в этом поселении местного населения и пришлых этносов.

Примером накопления ценностей посредством обмена и торговли, видимо, служат предметы Хакского клада в Фергане и Фуллолского клада в Афганистане. Техника изготовления и особенности орнамента серебряных и золотых чаш второго клада находят аналогии в ремесленной продукции Месопотамии [Tosi, Wardak, 1972]. Известно, что ассирийские купцы в обмен на экспортируемые товары приобретали золото и серебро.

Едва ли можно согласиться с выводом, что культуры Маргианы и Бактрии эпохи бронзы — это периферийный вариант культур переднеазиатского круга [Кузьмина, 1981. С. 108]. Напротив, в данном случае речь должна идти о формировании новых очагов более развитых культур и расширении ареала цивилизаций Древнего Востока, что признается большинством исследователей. Ко времени прихода высокоразвитых колонистов в низовья Мургаба и Балхаба, здесь не было развито земледелие, поселения возводились на свободных пространствах. В условиях слабой заселенности территорий, обилия земельных и водных ресурсов пришельцы казались бы не имели соперников, тем не менее в чуждой местной среде колонисты строили крепости по известным в их метрополиях строительным канонам. Трудно судить о количественном соотношении аборигенного и пришлого населения. Во всяком случае, представляется, что территория Бактрии была заселена местными племенами, которые являлись представителями иной культурно-хозяйственной среды. В таком случае пришлое население ассимилировало аборигенов, которые постепенно заимствовали культуру и язык пришельцев.

Вопрос о субстратном языке юга Центральной Азии III—II тыс. до н.э. является дискуссионным. В середине-второй половине XX в. выдвигалась гипотеза, согласно которой население юга Центральной Азии могло быть дравидоязычным или же говорило на родственном хурритскому этносу языке, предполагая миграцию хурритских племен в Центральную Азию, язык подвергся в последующем иранизации [Ртвеладзе, 2001. С. 124-126].

Отметим, что некоторые среднеазиатские топонимы и этнонимы повторяют вавилонские и индийские понятия. Это область Паретакена в Бактрии. Согласно Геродоту (I, 101), «паретакены» — самоназвание одного из шести индийских племен. О паретаках писал и Арриан: «Александр, покончив с Согдианой и овладев Скалой, пошёл на паретаков» [Ртвеладзе, 2002. С. 120]. Далее, это провинция и город Ниса в Парфии, дублирующая топоним Нисайя-долины в Мидии [Геродот, VII, 40]. Нисайя упоминается и в «Авесте». То же самое можно сказать о городе Газа в Уструшане и городе Газа в Палестине [Арриан, IV, 2, 1] (последний намного древнее первого). И наконец, топоним Киш (Кеш) в Южном Согде перекликается с названием месопото-

тамского города Киш, известного еще в III-II тыс. до н. э. Отметим также, что в новых письменных документах, найденных в Южной Бактрии, упоминается бактрийский храм, посвященный вавилонскому богу Белу [Кошеленко, 2007. С. 54]- В этой связи ранее обращалось внимание на определенные сходства конструкций оборонительной стены Узункыра VII-VI вв. до н. э. (Южный Согд) с фортификацией Вавилона и индийской крепости VIII-VII вв. до н. э., изображение которой известно по ассирийским рельефам из Дур-Шаррукина. Вместе с тем, такие особенности стены Узункыра, как пилястры, прямоугольные башни, стрельчатые бойницы повторяют фортификационные традиции Маргианы и Бактрии эпохи бронзы, которые, как считают ныне, имеют месопотамские корни [Мамедов, 2003. С. 24-28, прим. 391

Как результат новых исследований гипотеза о миграции населения Передней Азии и возможная экспансия Мидийской державы на юг Центральной Азии находит все больше сторонников. Миграции в большинстве случаев способствовали культурному, техническому и экономическому прогрессу [Ртвеладзе, 2005. С. 32], что фиксируется в археологических комплексах и архитектурно-планировочных традициях Маргианы и Бактрии.

Таким образом, сложные этнокультурные процессы, протекавшие в Центральной Азии в эпоху бронзы, едва ли целесообразно трактовать однозначно. Тем не менее, в 90-х годах прошлого века в связи с началом широкомасштабной переоценки истории народов Центральной Азии в ряде публикаций преобладающее место занял метод вольного обращения с историческими фактами, когда стало возможным не обременять себя знанием темы, источников и требованием строгой научной аргументации выводов. Так родилась идея, что один из современных народов Центральной (Средней) Азии является прямым этнокультурным потомком древнейшего арийского населения III-II тысячелетий до н. э. Или же без малейшей тени сомнения утверждалось, что этноним (самоназвание) другого современного народа появляется вместе с конкретным названием государства этого народа в глубокой древности, пять тысяч лет назад, т. е. в III тысячелетии до н. э. [Ртвеладзе в соавт., 2007] Высказано также мнение о том, что древние арии были не ираноязычными, а тюркоязычными племенами [Аскаров, 2005]. В работах подобного рода полностью отрицаются (именно отрицаются, а не опровергаются) все прежние результаты исследований, труды многих поколений ученых. Такой подход характерен не только для современной историографии Центральной Азии. Аналогичный процесс наблюдается и в других странах постсоветского пространства, которые имеют общие территориальные границы, общую историю и культуру. Вопросы все те же — попытки более широкой локализации исторической прародины, какой народ древнее, спор о шумерском, арийском и т. п. наследиях [Куртов, 2003]. Конечно, можно было бы ограничиться тем, что в научных кругах псевдоистория не заслуживает серьезного внимания и опровержения. Но едва ли это выход из создавшегося положения. Подобные идеи занимают все больше места в различного рода изданиях и в электронных СМИ. К сожалению, многие люди воспринимают современные мифы о прошлом как открытие для себя родной истории.

Изучение этнокультурных процессов в различных регионах мира уже не раз приводило исследователей к выводу о том, что развитие древней этнической истории следует по схеме: автохтонные традиции — миграции — этнокультурный синтез-обновление, вновь традиции и проявление этнокультурных инноваций. Древнейшая история Центральной Азии также характеризовалась наличием миграций, процессами ассимиляции и длитель-

ными культурными взаимодействиями между различными племенами. И как было сказано, все это приводило к культурному и экономическому прогрессу.

Современные теории о прямолинейном развитии этногенеза не могут опровергнуть общеприятную точку зрения о синтезе автохтонности и миграционности как движущей силы этнокультурного процесса.

Как показывают археологические материалы, в начале I тыс. до н. э. выходцы из Маргианы и Бактрии осваивают районы среднего течения Амударьи и территорию Согда. В VIII-VII вв. до н.э. южные колонисты проникают в Хорезм. Этот факт может пролить свет на дискуссию о хорасмиях Гекатея Милетского, согласно данным которого хорасмии первоначально проживали на юге Средней Азии. На самом деле, видимо, речь должна идти не о хорасмиях, т. е. хорезмийцах, а о маргианском и бактрийском населении, которое, переселившись на территорию Хорезма, ассимилировалось здесь с местными племенами и вошло в состав этноса, известного в письменных источниках как хорасмии.

Маргиана и Бактрия, где в эпоху бронзы получили развитие традиции переднеазиатской и индской цивилизаций, со временем стали центрами распространения культурных инноваций и архитектурно-строительных достижений в другие области Центральной Азии.

Литература

Адаме Р. Изучение бронзового века Месопотамии и соседних регионов // Древнейшие цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

Аскарлов Л. А. Древнеземледельческая культура на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977

Аскарлов А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент: Фан, 2005.

Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1, 2. Тбилиси, 1989-

Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан. 1986.

Исаков А. П. Изучение древнеземледельческого поселения Саразм в долине Зарафшана // Древнейшие культуры Бактрии. Душанбе: Дониш, 1982.

Йоффи Н. Сферы взаимодействия в Месопотамии // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

Кошеленко Г. А. Новые письменные документы по истории Центральноазиатского региона в древности // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Самарканд, 2007.

Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва: Наука, 1981.

Куртов А. А. Образ России в национальных историях постсоветского пространства: синтез науки, идеологии и мифотворства // История: проблемы объективности и нравственности. Ташкент, 2003.

Ламберг-Карловски К. К. Контуры древнейшей истории Иранского плато // Древнейшие цивилизации Востока. Ташкент, 1986.

Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.

- Масимов И. С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986.
- Массой В.М. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке // Этнография и археология Средней Азии. Москва: Наука, 1979-
- Мерперт Н.Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита. Советская археология, 1978- № 3-
Ртвеладзе Э. К вопросу о субстратном языке юга Средней Азии (III-II тысячелетие до н. э.) // Тарих, мустакилик, миллий гоя. Ташкент: Академия, 2001.
- Ртвеладзе Э. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002
- Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2005.
- Ртвеладзе Э. Сагдуллаев А. С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Издание 2-е, дополненное. Ташкент, 2007.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Москва: Наука, 1977-
- Сарианиди В. И. Древности страны Маргш. Ашхабад: Ёлым, 1990.
- Филанович М. И. К вопросу о расселении ариев по данным археологии Средней Азии // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
- Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва: Наука, 1981.
- Adams W. Invasion, Diffusion, Evolution? -Antiquity. XLII. 1968, № 167.
- Frankfort H.-P. Tradition harappenne et innovation bactrienne a' Shortughai // L'archeologie de la Bactriana ancienne. — Paris, 1985.
- Gardin J.C, Lyonnet B. La prospection archeologique de la Bactriane orientale (1974-1978): premiers resultats // Mesopotamia. 1978-1979, XIII-XIV. .
- Tosi M., Wardak R. The Fullol Hoard: a new find from Bronze Age Afganistan //East and West. Vol. 22.1972.

Ф. Грене
Франция

УЗБЕКСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СОГДИАНЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

Узбекско-французская экспедиция в Согдиане, которой я руковожу совместно с М. Исамиддиновым и А. Атаходжаевым, работает на протяжении двадцати лет. В течение этого периода основные наши усилия здесь в Самарканде были направлены на раскопки и разведку в первую очередь на городище Афрасиаб, а также на других важных памятниках древнего Согда. Трое моих коллег — К. Рапен, М. Исамиддинов и Ж. Раевски представят, или уже представили, некоторые результаты своих работ.

Теоретически, археолог прекращает интересоваться памятником или предметом, когда он уже описан, сфотографирован, зарисован, в некоторых случаях получены анализы, в общем, готов к публикации, и далее его судьба находится под ответственностью местных властей. В реальности, естественно, все иначе. Археолог, тем более в начале XXI века, не может оставаться равнодушным к дальнейшей судьбе своих открытий, к тому, что он оставит стране, которая его приняла, а также туристам, которые будут посещать эти памятники, в том числе и сограждане археолога, чьи налоги частично оплачивали его работу.

В самом Самарканде — главном объекте наших раскопок, монументальное наследие эпохи Тимуридов уже несколько лет является объектом масштабных реставрационных работ и трансформации городского пространства. Конечно, эти трансформации исходят от местной инициативы и в принципе не касаются нашей экспедиции. Тем не менее, лично из-за любви к этому городу не могу скрыть беспокойство перед некоторыми негармоничными и не аутентичными результатами подобной реставрации, особенно в Шахи Зинда. В прошлом году эти изменения побудили экспертную миссию ЮНЕСКО рассматривать возможность исключить Самарканд из Списка мирового наследия. Надо надеяться, что будут приняты меры во избежание таких печальных решений.

Одним из художественных памятников, над которым работала в Самарканде наша экспедиция, является известная на весь мир настенная роспись, хранящаяся в Музее основания города (рис. 1). Этот живописный цикл, открытый в 1965 году и известный как «Роспись с послами», датируется примерно 660 г. н. э., т. е., за полвека до арабского завоевания. На четырёх стенах — иллюстрации в честь самаркандского царя Вархумана, как встречающего послов из близких и дальних стран, так и участвующего в праздновании Навруза. На других стенах изображены сцены из жизни китайского двора, с которым накануне Вархуман заключил договор, а также Индия, с которой согдийские купцы были в тесном контакте. Когда мы приехали в Самарканд в 1989 году, состояние живописи вызывало тревогу: в помещение проникал дождь, из-за отсутствия кондиционера контраст между температурой и влажностью в скором времени мог привести к необратимым разрушениям. Мы обратились к нашей французской коллеге Алике Барбе, международному специалисту по настенной живописи, которая организовала две миссии по экспертизе, работавшие в сотрудничестве с дирекцией музея и реставраторами лаборатории Института археологии. В представленном отчёте был поставлен «диагноз» и даны рекомендации. Благодаря целенаправленному спонсорству

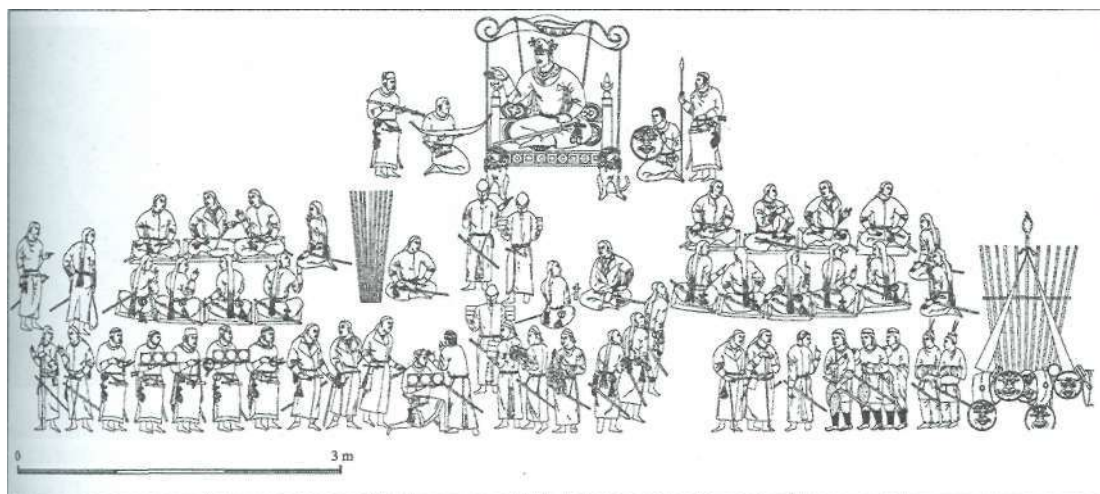

Рис. 1. «Изображение послов», Самарканд, с. 660: а) реконструкция изображения на западной стене по Ф. Грене и Ф. Ори; б) деталь росписей южной стены (шествие в честь Навруза).

французской фирмы «La Lyonnaise des Eaux» мы смогли установить дорогостоящие увлажняющие аппараты, которые позволили восстановить в помещении необходимые условия. Но прошло десять лет и это оборудование необходимо заменить. Дирекция Отдела Культурного Наследия при UNESCO, как представляется, будет готова взять на себя эту процедуру, но при условии, что запрос будет официально сформулирован руководством Узбекистана.

Наша экспедиция внесла новые дополнения в интерпретацию этой живописи.

В 2005 году в Венеции был проведен международный коллоквиум, специально посвященный этой настенной росписи. Он объединил в своей работе членов нашей экспедиции, многие из которых были задействованы в археологических исследованиях в предшествующий советский период, и других специалистов различного профиля из многих стран. Материалы этого коллоквиума опубликованы [Comparati, Vaissiere, 2006]. Основные его результаты представлены публике здесь, в Музее Основания Города, в виде пояснений и предполагаемых графических реконструкций комплекса настенных росписей. Мы по-прежнему продолжаем контролировать состояние росписей, и в этом году наша сотрудница Жеральдин Фрэ провела экстренные работы по закреплению живописи, отслоившейся в трех местах от основы, на которой она смонтирована в музее.

Среди ряда археологических объектов, которые мы непосредственно копали или обследовали, представлен фортификационный комплекс «Железные ворота» в Дербенте (рис. 2, 3), в сотне километров к югу от Самарканда, являющийся исторической границей между

Рис. 2. «Железные Ворота» Дербента: стена кушанского времени, до разрушения.

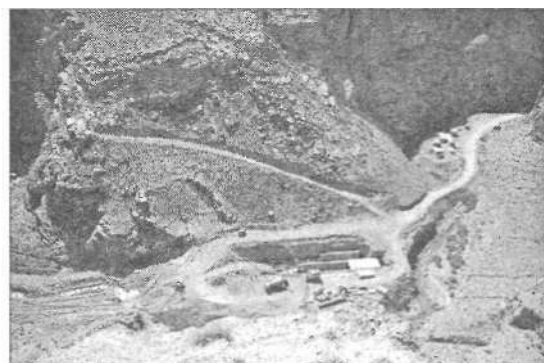

Рис. 3- Археологический памятник «Железные Ворота» после разрушения.

Согдианой и Бактрией-Тохаристаном. Протяженная стена, перегораживающая долину, была впервые обнаружена в 80 годах Эдвардом Ртвеладзе. Отряд нашей экспедиции под руководством Клода Рапена и Шахимардана Рахманова провел раскопки на самой стене. Эти работы показали наличие двух основных этапов строительства — греческого и последующего периода Кушанской империи. Замок продолжал осуществлять контроль над местностью и в периоды истории, предшествующие арабскому завоеванию. Кроме того, систематические разведки оборонительных сооружений в этой зоне позволили предложить полную реконструкцию походов Александра Македонского в этом горном секторе, включая идентификацию «Скалы Хориена» (рис. 4), на которой состоялась свадьба Александра и Роксаны. По предположению Леонида Сверчкова, археологический объект Кырк-Кыз прекрасно вписывается в описание Арриана; на поверхности найдена керамика этого времени. Клод Рапен дополнит результаты этих исследований в своей презентации. Здесь я хотел бы подчеркнуть исключительно богатое наследие региона Дербента, который может привлечь как любителей древней истории, так и ценителей красивых природных пейзажей и знатоков национального фольклора. Последний остался в Дербенте очень живым и обусловил проведение серии фестивалей. Но туристическое будущее Дербента скомпрометировано проведением железной дороги (рис. 3), которая разрушила ущелье Сурхаба — главную природную достопримечательность региона, являющегося и частью античной фортификационной системы.

Рис. 4- Кызкурган, археологический памятник «Скала Хориена».

Рис. 5- Греческое зернохранилище. Афрасиаб (III в. до н.э.).

На других наших объектах в особенности на Афрасиабе и Куктепа, мы, безусловно, не можем обеспечить консервацию всех вскрытых архитектурных элементов из сырцового кирпича и пахсы. Наиболее мудрым решением является повторное засыпание грунтом после завершения исследований. На Афрасиабе мы, к сожалению, будем вынуждены засыпать монументальное зернохранилище, наиболее впечатляющий остаток военного греческого присутствия в Самарканде-Мараканде в течение двух столетий после завоевания Македонского. Это зернохранилище погибло в результате пожара, о чем свидетельствуют его обгорелые до красноты стены (рис. 5) и его руины, содержащие обугленные остатки проса. Могу подтвердить эффект, который производит этот памятник на группы туристов, некоторых из них я сопровождал. Мы хотели бы предложить строительство защитной кровли из материалов, доступных на местном уровне, таких же, какие были удачно применены для сооружения защитного перекрытия над небольшим хаммамом у подножия Шахи Зинда и совсем недавно в Ташкенте на памятнике Минг-Урюк. Только местные власти или ЮНЕСКО могли бы взять на себя осуществление этой консервации.

В заключение, вкратце представлю действия по изучению и сохранению культурного наследия, которыми мы заняты более всего в настоящее время. Они включают подготовку к экспозиции в Музее Основания Города ансамбля настенной росписи позднекараханидского времени (конец XII-начало XIII века), выявленного нашим коллегой Юрием Каревым в парадном павильоне, у подножия цитадели Афрасиаб [Karev, 2003. P. 1685-1731, Karev, 2005. P. 45-84; Karev, 2009. C. 25-42, табл. II-V]. Павильон был подвергнут жестокому разрушению накануне монгольского нашествия с целью расчистки места для размещения гарнизона, фрагменты налегали друг на друга слоями, иногда до десяти слоев. Только благодаря компетенции реставраторов Института археологии мы смогли спасти часть этого уникального декора. Несколько лет было затрачено на соединение фрагментов и разработку общей интерпретации. Постепенно была восстановлена единая живописная карти-

Ж

III'

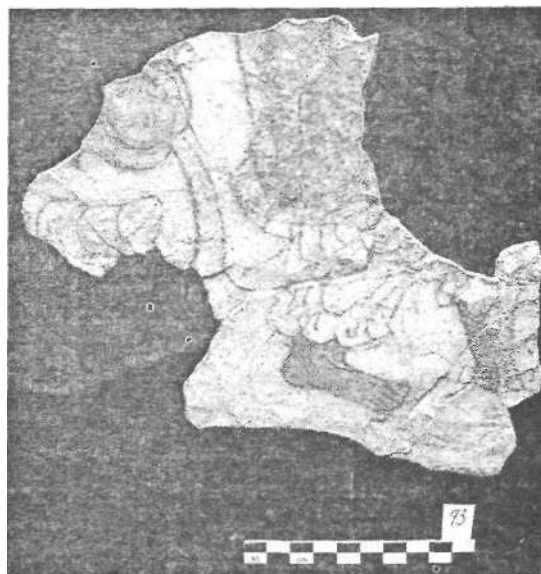

Рис. 6. Цитадель Афрасиаба, караханидский павильон (кон. XII — нач. XIII в.), тронная сцена.

Рис. 7- Цитадель Афрасиаба. Сцена с танцем.

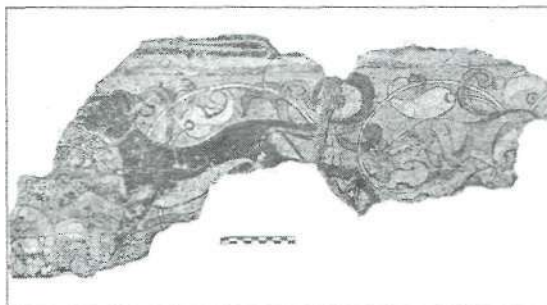

Рис. 8. Цитадель Афрасиаба, охотничьи собаки.

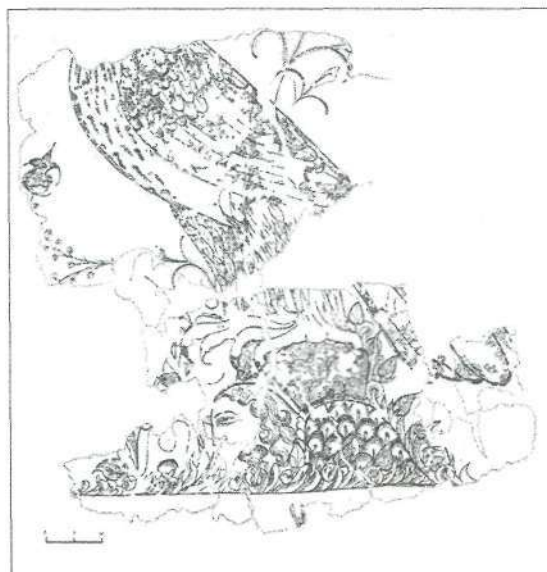

Рис. 10. Цитадель Афрасиаба, птица Анка (в виде орла) с лицом женщины на горе Каф.

Рис. 9. Цитадель Афрасиаба, райские птицы в обрамлении эпиграфического орнамента.

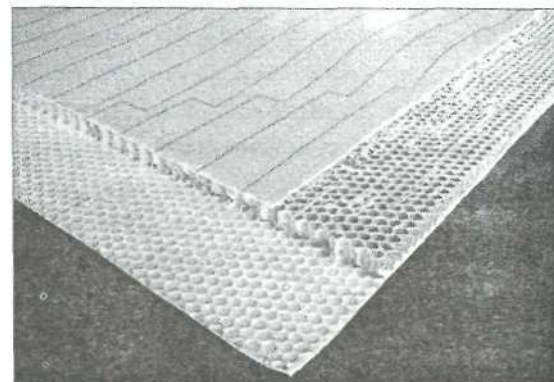

Рис. 11. Алюминиевая ячеистая пластина, использованная как основа для монтажа фрагментов настенной живописи с целью последующей экспозиции.

на, передающая сцены придворной жизни: восседающий на троне караханидский султан в окружении жен и высокопоставленных приближенных лиц (рис. 6), танец (рис. 7), охота (рис. 8), райские птицы, связанные с поэмой на фарси (рис. 9), а также миф о птице Анка с женским лицом на горе Каф (рис. 10). Никакие религиозные аллюзии не присутствуют в этой частной обстановке. Этот уникальный ансамбль выступает как основной ключ к пониманию художественного фонда, из которого спустя век возникнет персидская миниатюра.

Важно, чтобы этот комплекс живописи был представлен в лучшем виде и стал доступен для туристов и специалистов. Это будет сделано в следующем году, в Музее Основания Города уже отведено для этого место, размеры которого точно соответствуют размерам самого павильона и позволяют нам реконструировать его в натуральной величине. Наша сотрудница Жеральдин Фрэ применяет новую технологическую методику по закреплению фрагментов живописи на алюминиевой ячеистой пластине, разработанной в Италии (рис. 11). Материал в сравнении с использовавшимся ранее пено-

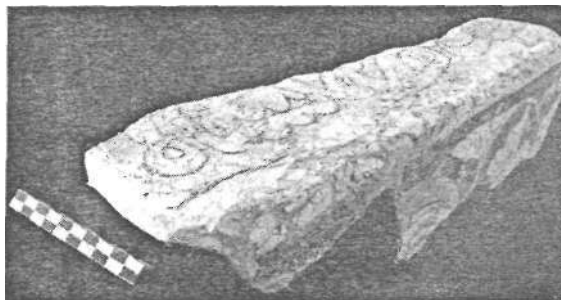

Рис. 12. Фрагменты живописи из караханидского павильона, подготовленные для экспозиции в Музее.

пластом имеет тройное преимущество: малый вес, устойчивость к воздействию светового излучения и несгораемость. Я представляю здесь некоторые примеры подготовленных панно (рис. 12).

Этой зримой активностью по обогащению культурно-исторического наследия Узбекистана и развитию его значения как туристического центра наша экспедиция надеется стать достойной того гостеприимства, которое нам оказывало в течение двадцати лет население регионов, где мы работали, того творческого и дружественного климата, встречавшего нас в научных учреждениях республики.

Примечание

¹ Общее изложение результатов (с библиографией): Исамидинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002. Иневаткина О. Н. Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э. - материальная культура Востока. Вып. 3-М, 2002, сс. 24-46. Grenet F. Maracanda/Samarkand, une metropole pre-mongole. Sources ecrites et archeologie. - Annales. Histoire, Sciences Sociales. Paris, 2004, p. 1043-1067. Rapin C Nomads and the shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan period. — Crihb J., Herrmann G. (ed.), After Alexander. Central Asia before Islam. Oxford, 2007, p. 29-72.

Литература

Карев Ю. Открытие караханидской настенной живописи в Самарканде // Вестник истории, литературы и искусства. Москва, 2009. Т. 6.

Compareti M., la Vaissiere È. de. Royal Nauruz in Samarkand. Proceedings of the Conference held in Venice on the pre-Islamic painting at Afrasiab. Pisa-Roma, 2006.

Karev Yu. Un cycle de peintures murales d'epoque qarakhanide (Xlle-XIIIe siecles) a la citadelle de Samarkand: le souverain et le peintre. - CRAIBL. Paris, 2003.

Karev Yu. Qarakhanid wall paintings in the citadel of Samarqand: first report and preliminary observations. — Muqarnas, vol. 22. Leiden, 2005.

**ДАТИРОВКА МОГИЛЬНИКА ЗАМАНБАБА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРАКОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА)**

В VI тысячелетии до Р.Х. на юге Центральной Азии начинается процесс формирования древнеземледельческих племён, территория расселения которых в VI-IV тысячелетиях до Р. Х. простиралась от долины Сумбара на юго-западе Туркменистана до среднего течения Зеравшана в северо-западном Таджикистане [Исаков, 1991; Массон, 197¹, 1981; Сарияниди, 1990; Хлопин, 1997]- В III тысячелетии до Р.Х. культурное влияние земледельческих оазисов распространилось далее к северу в те регионы Центральной Азии, которые были заселены племенами так называемой степной бронзы.

Древнейшие свидетельства культурных связей севера и юга Центральной Азии были получены во время раскопок памятников культуры Заманбаба (два поселения и могильник), ареал охватывал низовья Зеравшана на юго-востоке Узбекистана [Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. С. 118-170]. Речь идёт о фрагментах двух привозных сосудов, изготовленных на гончарном круге; о крестовидных каменных бусах; медных зеркалах; металлических стержнях с навершием в виде лопаточки и каплевидным утолщением на конце; каменных и терракотовых «навершиях»; а также о терракотовой статуэтке.

По мнению ряда исследователей, упомянутые артефакты имеют аналогии в земледельческих поселениях бронзового века Южного Туркменистана (конец периода Намазга IV — начало периода Намазга V) и северо-восточного Ирана (Гиссар IIIВ-IIIС, Шах-тепе П-Ш) [Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 72; Кузьмина, 1958. С. 33; 1968. С. 304-306; 2008. С. 46; Массон, 1957- С. 48; 1964, С. 185; 1966. С. 208; 2006. С. 82]. Сторонники этой точки зрения также единодушны в том, что обнаруженная в погребении № 27 могильника Заманбаба нижняя часть расписного глиняного сосуда, который был изготовлен на гончарном круге [Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. С. 125], является фрагментом импортного изделия, доставленного в низовья Зеравшана из ареала анауской культуры, причём сосуд был изготовлен в конце периода Намазга IV. Впервые эту мысль высказал В. М. Массон [Массон, 1957- С. 48] и она до сих пор никем не опровергнута. В целом названные археологи, исходя из имеющихся у них представлений об абсолютной хронологии бронзового века Южного Туркменистана и Северного Ирана, синхронизируют культуру Заманбаба с концом III — началом II тысячелетия до Р. Х., хотя существует и более широкая датировка рассматриваемого памятника: конец III — первая половина II тысячелетия до Р. Х. [Мандельштам, 197²- С. 8].

Однако некоторые из вышеупомянутых находок, например металлические косметические стержни, а также терракотовые и каменные «навершия», были в употреблении на юге Центральной Азии и на Среднем Востоке в широком хронологическом диапазоне: от V/IV тысячелетия до Р.Х. до начала II тысячелетия до Р.Х.). Следовательно, их нельзя использовать для определения абсолютного возраста памятников культуры Заманбаба.

Существует и другая точка зрения о датировке рассматриваемой культуры. Авторы раскопок могильника Заманбаба полагали, что в керамической коллекции памятника

представлена не только посуда времени Намазга IV и Намазга V, но и раннего Намазга VI. Исходя из этого, они, следуя уже устаревшей к тому времени хронологической схеме развития анауской культуры [Массон, 1956. С. 326], синхронизировали могильник Заманбаба с первой половиной II тысячелетия до Р.Х. [Гулямов, Исламов, Аскар, 1966. С. 163-166].

Детализируя эту точку зрения, А. А. Аскар, усматривавший сходство некоторых керамических форм рассматриваемого памятника с посудой поздних этапов культуры Сапалли, предложил датировать могильник Заманбаба второй четвертью II тысячелетия до Р.Х. [Аскар, 1981]. Ещё более радикальную позицию занял В.И. Сарияниди. По его мнению, отдельные артефакты, найденные в захоронениях рассматриваемого кладбища (каменные крестовидные бусы, косметические стержни с навершием в виде лопаточки, керамические изделия в виде «кормушек»), имеют аналогии в могильниках Северного Афганистана, расположенных на окраинах поселений, относящихся к рубежу II—I тысячелетий до Р.Х. Следовательно, могильник Заманбаба должен относиться именно к этому времени [Сарияниди, 1979]. Сторонниками омоложения датировки могильника Заманбаба были также И. Н. Хлопин, считавший, что рассматриваемый памятник следует относить к середине II тысячелетия до Р.Х. [Хлопин, 1983. С. 70], и Л. Т. Пьянкова, относившая могильник к последней четверти II тысячелетия до Р.Х. [Пьянкова, 1989. С. 61].

Недавно Ю. Г. Кутимов, археолог из Санкт-Петербурга, предпринял детальное исследование могильника Заманбаба, рассмотрев, в первую очередь, его керамический комплекс. Оказалось, что глиняная посуда этого кладбища весьма сходна с керамикой ямной культуры, в то время как упоминавшийся выше фрагмент импортного расписного сосуда действительно относится ко времени позднего Намазга IV. Некоторые детали погребального обряда могильника (ориентировка умерших, подсыпка из охры и мела, расположение инвентаря в могиле) тяготеют к похоронным традициям ямной культуры. Исходя из этого, исследователь датировал данный памятник серединой III тысячелетия до Р.Х., что не противоречит радиоуглеродным калиброванным датам поздней ямной культуры и второй половины эпохи Намазга IV [Кутимов, 2005]. Поскольку археологи до сих пор не могут прийти к однозначному выводу о датировке культуры Заманбаба, следует детально рассмотреть глиняную фигурку заманбабинского могильника, которую исследователи, за исключением Е.Е. Кузьминой, обходили своим вниманием.

Плоская терракота, обнаруженная в погребении № 2, где была захоронена предположительно женщина старческого возраста [Гулямов, Исламов, Аскар, 1966. С. 120, 121, 158, табл. V: 5], изображает стоящее человеческое существо без признаков пола. Однако специалисты единодушны в том, что рассматриваемая фигурка представляет собой женский образ. Они считают, что население, оставившее могильник Заманбаба, заимствовало традицию изготовления женских статуэток из южных земледельческих оазисов Центральной Азии [Алёкшин, 1986. С. 98, 99; 1989- С. 152-154; Кузьмина, 2008. С. 45, 46; Массон, 1966. С. 210-212; 2006. С. 82, 83].

Внешний облик заманбабинской статуэтки (голова изображена в виде небольшого стержня, выступающего из верхней части торса; лицо не моделировано; показаны прямоугольные плечи, но полностью отсутствуют руки; туловище сужается к талии и расширяется в районе бёдер; неразделённые ноги постепенно сужаются от бёдер к ступням; левая «нога» от бедра до ступни сохранила следы красной краски. Причём в данном случае речь идёт именно о раскраске статуэтки, так как в могиле 2, в отличие от ряда других захороне-

ний могильника Заманбаба, отсутствует охра (табл. I: i) [Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. С. 120, 121, 158, табл. V: 5J) подтолкнул Е.Е. Кузьмину к выводу, что эта терракота близка женским фигуркам времени среднего бронзового века юга Туркменистана и, следовательно, относится к периоду Намазга V [Кузьмина, 1958. С. 28]. До сих пор это заключение никем не было оспорено. Даже Ю. Г. Кутимов [Кутимов, 2005] опустил вопрос о сравнении рассматриваемой статуэтки с женскими терракотами древнеземледельческих культур юга Центральной Азии, хотя такое сопоставление является единственно возможным для определения абсолютного возраста данной фигурки. Анализируя рассматриваемую находку, прежде всего, следует указать на то, что она не имеет точного соответствия в коропластике древнеземледельческих оазисов Южного

Туркменистана и Таджикистана. Ближайшее к заманбабинским памятникам поселение оседлых земледельцев Саразм располагалось на северо-западе Таджикистана в среднем течении Зеравшана. Его древнейшие культурные напластования относятся ко времени позднего Намазга II - раннего Намазга III [Исаков, 1991; Кирчо, 2007. С. 197, 198, 203]. При раскопках самых ранних горизонтов этого памятника (Саразм I) обнаружено всего четыре женские терракоты [Исаков, 1991- С. 82, рис. 68; 1991a. Вкладка; 1992. С. 65, 67, 68, 72, рис. 2: 4, 5, 74, рис. 4- i; Кирчо, 2007. С. 198, 199- Рис. 2: 1-4]. Они, по мнению Л. Б. Кирчо, восходят к южно-туркменским прототипам раннего геоксюрского или даже позднего ялангачского времени [Кирчо, 2007. С. 198]. Две из них, выявленные в могиле 5 (тройное одновременное погребение женщины, мужчины и подростка) некрополя Саразма, сходны с заманбабинской статуэткой отсутствием рук и моделировкой неразделённых ног; одна фигурка была, несомненно, связана с захоронением женщины [Исаков, 199²- С. 65, 68, 72, рис. 2: 4, 5]

Автор раскопок этого могильника отнёс его к периоду Саразм I и датировал 3500/3300-3400/3200 гг. до Р. Х. [Исаков, 199¹- С. из; 199^{1a}- С. 22]. Л. Б. Кирчо, посвятившая отдельную работу торговым связям древних земледельцев Южного Таджикистана и Туркменистана в эпоху энеолита, несколько расширила эти хронологические рамки и предложила датировать период Саразм I, соответствующий времени среднего и позднего Намазга II - раннего Намазга III, в интервале от 3500/3400 гг. до Р. Х. до 3100/3000 гг. до Р. Х. [Кирчо, 2007. С. 203]. Однако целесообразнее сравнить заманбабинскую статуэтку с терракотами подгорной полосы Копетдага, где традиция изготовления глиняных женских фигурок возникла гораздо раньше, чем в любом другом регионе Центральной Азии и где зафиксировано,

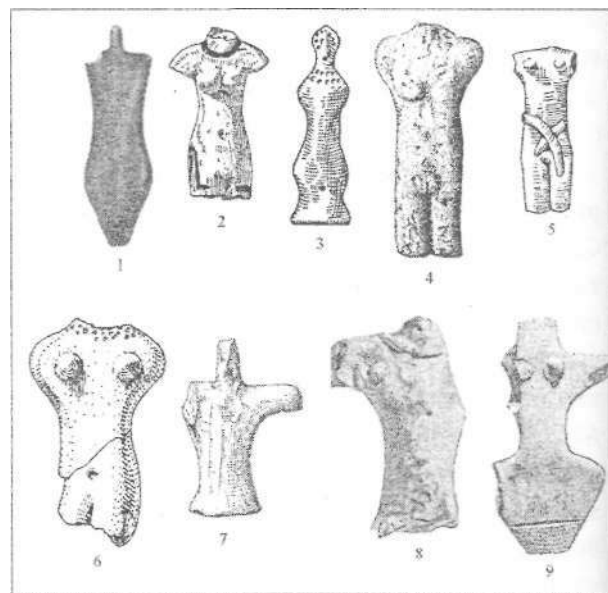

Таблица I. Терракота Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века (без масштаба): 1 — Заманбаба, 2 — Кара-депе (позднее Намазга I), 3 — Дашлыджиде (позднее Намазга I), 4 — северный холм Анау (Намазга II), 5 — Янги-кала (Намазга II?), 6, 7 — Алтын-депе (позднее Намазга III), 8 — Алтын-депе (Намазга IV), 9 — Намазга-депе (Намазга V).

начиная с эпохи раннего энеолита, типологическое разнообразие этих артефактов.

Стоящие женские статуэтки известны на юге Туркменистана начиная с эпохи раннего энеолита (период Намазга I) вплоть до среднего бронзового века (период Намазга V) (табл. I: 2-9) [Кирчо, 2008. С. 97,99, 289, табл. 112: ю, С. 319, табл. 142: 4; Массон, Сарияниди, 1973- С. 9, ^п> 23, 28, 203, 204, табл. VII: 8, XVIII: 3, 5, XXVI: 5, 6, XXVIII: i; Ремпель, 1951. С. 171, рис. 2; Хлопин, 1963. С. 11,16, табл. XXIII: 1, 8].

Отсутствие рук у женских статуэток подгорной полосы Копетдага также отмечено ещё для раннего энеолита (позднее Намазга I). Речь идёт о терракоте (табл. И: 2), обнаруженной в III (самом нижнем) строительном горизонте поселения Дашлыджи-депе, в мусорном заполнении одного из помещений [Массой, Сарияниди, 1973- С. и; Хлопин, 1960. С. 175, 176, рис. i8, С. 219, табл. XII: i; 1963. С. i6, табл. XXIII: 8; 1964. С. 50, 52, рис. 26: 1, С. 65, рис. 351- Эта деталь моделировки фигурок свойственна также части статуэток времени среднего энеолита (раннее и среднее Намазга II)

[Массон, Сарияниди, 1973- С. 13,141- В качестве примера можно указать на терракоту раннего ялангачского времени из верхнего слоя поселения Ялангач-депе (табл. II: 3) [Хлопин, 1960. С. 177, 221, табл. XIV, XV; 1964. С. 29, 64, рис. 33, с 107, рис. 45, с. 159; Ю[^]>9- С 29, 3», 43, табл. XIV], на фигурку позднего ялангачского времени из поселения Илгынлы-депе (табл. II: 4), найденную в помещении 26 горизонта IV раскопа 3 [Соловьёва, 2008. С. 68, табл. II: 192, С. 221, 222], а также — на статуэтку из северного холма Анау (табл. II: 5) [Ремпель, 1951. С. 171, рис. 2]. Однако наибольшее распространение данный стилистический приём получил в геоксюрский, а также в постгеоксюрский (раннее и позднее Намазга III) период (табл. II: 6, 7) [Массон, 1964. С. 162, рис. 27: нижний ряд, справа; Массон, Сарияниди, 1973- С. i6, 17; Сарияниди, 1965. Табл. XXIV: у;]. Эта традиция присуща и части статуэток раннего бронзового века (период Намазга IV) (табл. И: 8, 9) [Массон, Сарияниди, 1973- С. 20, 21,173, !92, табл. XXIII: 4, XXXVIII: 2]. Она угасает лишь в среднем бронзовом веке (период Намазга V) (табл. II: ю), когда моделировка рук становится характерной особенностью почти всех терракот [Массон, Сарияниди, 1973- С. 28, 29,157, табл. X: 51

Женские фигурки, лишённые груди, тоже появляются в эпоху раннего энеолита (позднее Намазга I). В качестве примера следует вновь сослаться на вышеупомянутую статуэтку из Дашлыджи-депе (табл. И: 2). Эта стилистическая особенность свойственна и неко-

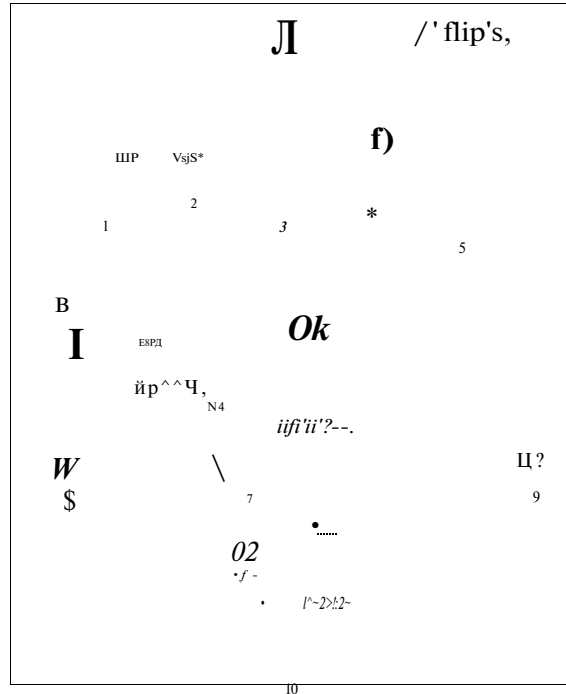

Таблица II. Терракота Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века (без масштаба): 1 — Заманбаба, 2- Дашлыджи-депе (позднее Намазга I), 3 — Ялангач-депе (Намазга II), 4 -Илгынлы-депе (Намазга II), 5 — северный холм Анау (Намазга II), 6 — Геоксюр I (раннее Намазга III), 7 — Кара-депе (позднее Намазга III), 8 — Хапуз-депе (Намазга IV), 9 — Улуг-депе (Намазга IV), ю — Алтын-депе (Намазга V).

торым терракотам позднего ялангачского времени (среднее Намазга II) (табл. II: 4) [Соловьёва, 2008. С. 68, табл. II: 192, С. 221, 222]. Широкое распространение данный приём моделирования получает на фигурках геоксюрского этапа (позднее Намазга II — раннее Намазга III), а также на статуэтках периода позднего Намазга III (табл. II: 6, 7) [Массой, Сарияниди, 1973- С. 16]. Рассматриваемая традиция в ряде случаев продолжается в эпоху раннего бронзового века (период Намазга IV) (табл. II: 8, 9) [Массой, Сарияниди, 1973- С. 20, 21, 173, 192, табл. XXIII: 4, XXXVIII: 2] и, видимо, постепенно исчезает в среднем бронзовом веке (период Намазга V) (табл. II: 10) [Массой, Сарияниди, 1973- С. 28, 29, 157 табл. X: 5].

Иногда лица статуэток, детали их фигуры и одежды, а также их украшения и орнаменты на плечах, спине, бёдрах или ногах расписывали красками. Этот приём украшения терракот, возникший ещё в раннем энеолите (период Намазга I), получил широкое распространение в среднем энеолите (период Намазга II). Однако в позднем энеолите (период Намазга III) статуэтки почти перестали раскрашивать, хотя в отдельных случаях этот приём орнаментации терракот встречается даже в раннем бронзовом веке (период Намазга IV) [Массой, Сарияниди, 1973- С. 9, 13-15, V, 24, 173, 174, табл. XXVI: 1; Соловьёва 2008. С. 31, 3²]- Недавно была высказана точка зрения: в раннем и позднем энеолите статуэтки раскрашивали до обжига, а в позднем энеолите предпочтение стали отдавать окраске после обжига, вследствие чего она сохраняется очень редко [Кирчо, 2008. С. 97, 98].

Много лет назад В. М. Массой отметил, что некоторые статуэтки с примитивно оформленными головами внешне похожи на терракоты, у которых отломана верхняя часть. Однако это впечатление обманчиво. В действительности их головы моделированы в виде небольших выступающих стерженьков [Массой, 1960. С. 365]- Такая схематичная моделировка головы характерна для отдельных южно-туркменских статуэток, начиная со времени позднего Намазга II (табл. III: 2), продолжается в период Намазга III (табл. III: 3, 4) и заканчивается в период Намазга IV (табл. III: 5, 6) [Массой, 1964. С. 162, рис. 27: средний ряд, в центре; Массой, Сарияниди, 1973- Табл. XXXVIII: 2, табл. XLIII: 5; Сарияниди, 1965. Табл. XXII: 4; Соловьёва, 2008. С. 67, табл. I: 8, 186, 302, С. 165, 219, 220, 255, 256]. Некоторые терракоты эпохи ранней бронзы (период Намазга IV) не имеют разделяющей ноги бороздки (табл. III: 5, 6, 8). Речь идёт о статуэтках, найденных на Хапуз-депе [Массой, Сарияниди, 1973- С. 172, табл. XXIII: 8] и Улуг-депе [Массой, Сарияниди, 1973- С. 192, табл. XXXVIII: 2, табл. XLIII: 5]- Однако именно эта деталь сближает фигурки эпохи ранней бронзы с терракотой финальной стадии энеолита, обнаруженной на Алтын-депе (раскоп 5, горизонт ю) [Кирчо, 2008. С. 99, 289, табл. 112

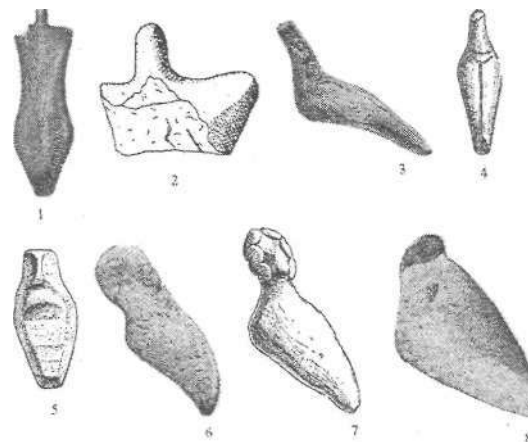

Таблица III. Терракота Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века (без масштаба): 1 — Заманбаба, 2 — Илгынлы-депе (позднее Намазга II), 3 — Чонг-депе (позднее Намазга III), 4 — Кара-депе (позднее Намазга III), 5, 6 — Улуг-депе (Намазга IV), 7 — Алтын-депе (позднее Намазга III), 8 — Хапуз-депе (Намазга IV).

], а также со второй статуэткой, выявленной в погребальной камере 2 раскопа 15 (поздний энеолит, Алтын ю) (табл. III: 7) [Алёкшин, Кирчо, 2005. Табл. 114: 15], причём обе последние фигурки, так же как и вышеупомянутые терракоты Улуг-депе, имеют крайне схематично моделированные головы — признак, характерный для ряда

Энеолитических статуэток геоксюрского стиля [Массон, Сарияниди, 1973- С. 16]. Хотя некоторые ИЗ вышеназван-

ных деталей заманбабинской статуэтки существуют на юге Туркмении

в широком хронологическом диапазоне от периода Намазга I до Намазга IV (раскрашивание отдельных частей терракот) или даже до Намазга V (стоящая поза, отсутствие рук и груди) [Массой, Сарияниди, 1973- С. 17, 24, 28, 157, табл. X: 5], другие детали моделировки изучаемой фигурки существенно сужают этот временной диапазон. Схематическое оформление головы статуэтки зафиксировано в интервале от позднего Намазга II до Намазга IV, а отсутствие бороздки, разделяющей ноги — в диапазоне от позднего Намазга III до Намазга IV.

Другие особенности заманбабинской фигурки, о которых речь пойдёт ниже, также сопоставимы с соответствующими характеристиками статуэток анауской культуры. Найденные на древнейших поселениях юга Туркменистана терракоты с туловищем, сужающимся к талии и расширяющимся в районе бёдер, представлены в культурных напластованиях, начиная с периода позднего Намазга I и заканчивая временем Намазга V (табл. IV: 2-6) [Массой, 1962. С. 163, рис. 4; Массой, Сарияниди, 1973- С. 9, 11, 14, 23, 24, 28, 29, рис. 3- С. 148, 171, 17², табл. III: 4, XXIV: 6; Хлопин, 1963. С. 16, табл. XXIII: 8; 1969- С. 29, зо, 43, табл. XIV].

Специфической особенностью статуэток подгорной полосы Копетдага является моделировка их плеч. Для энеолитических периодов анауской культуры (периоды Намазга I — Намазга III) характерны округлые или покатые плечи женских фигурок (табл. V: 2-9) [Кирчо, 2008. С. 97, 222, табл. 45: 1, С. 232, табл. 55Б: 1, С. 289, табл. иг: ю; Массой, 1960, С. 364, 3&5, 430, табл. XI: 6; 1964, С. 162, рис. 27: правая статуэтка среднего ряда; 1981. Табл. XXVI: 17; 1982. С. 87. Табл. XXI: 17; Массой, Сарияниди, 1973- С. 9, 13, 14, 16; Ремпель, 1951- С. 171, рис. 2; Соловьёва, 2008. С. 69, табл. III: 547, С. 72, табл. VI: 2, 3, С. 80, табл. XIV: 79, С. 163, 164, 187, 188, 320, 321; Хлопин, 1963. Табл. XXIII: i; 1969. Табл. XIV]. Терракотам эпохи бронзового века эта стилистическая деталь не свойственна, за исключением нескольких фигурок, найденных на поселении Алтын-депе (табл. V: ю, и) [Массой, Сарияниди, 1973- С. 22, 23, 28, 149, 150, 157, 160, табл. II: i, III: 2, 3, VII: 3, X: 5, XПГ. Ц].

Моделировка широких прямоугольных или подквадратных плеч, присущая заманбабинской статуэтке, впервые появляется на некоторых терракотах подгорной полосы Копетдага в культурных отложениях времени позднего Намазга II (начало геоксюрского пе-

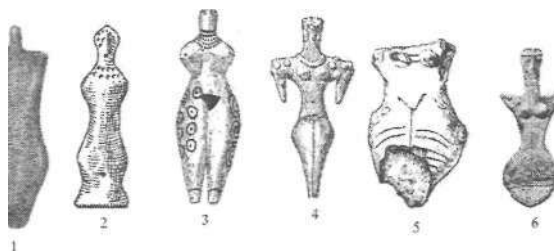

Таблица IV. Терракота Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века (без масштаба): 1- Заманбаба, 2- Дашлыджи-депе (позднее Намазга I), 3 - Ялангач-депе (Намазга II), 4 - Кара-депе (позднее Намазга III), 5 — Алтын-депе (Намазга IV), 6- Алтын-депе (Намазга V).

риода) (табл. VI: 2, з) [Соловьёва, 2008. С. 82. Табл. XVI: 125, С. 83. Табл. XVII: 139, С. 8% табл. XXI: 104, С. 196,202,206,207]. Впоследствии этот приём формовки торса фигурки использовали как мастера эпохи позднего энеолита (Кара-депе, слой IA; Алтын-депе: раскоп 1, горизонт Алтын 9; раскоп 5, горизонты Алтын 9 и ю) (табл. VI: 4-6) [Кирчо, 2008. С. 98, 99. ²84, табл. 107: 2, С. 200, табл. 23: 4, С. 318, табл. 141: 11, С. 319, табл. 142: 4; Массой, 1960. С. 347, 350-352; 1962. С. 163, рис. 4; 1982. С. 36, 43; Массой, Сариниди, 1973- С. 17], так и ремесленники раннего бронзового века (Алтын-депе и Намазга-депе, период Намазга IV) (табл. VI: 7-9) [Массой, Сариниди, 1973- С. 21-23,151,155,166, табл. VII: 8, X: 8; Куфтин, 1956. С. 289, рис. 43]-

Наконец, плоские статуэтки появляются в Южном

Туркменистане в культурных отложениях времени Намазга IV (табл. VI: ш, и) [Массой, Сариниди, 1973- С. 24,173, табл. XXV: г], возможно, лишь в поздней части отложений этого периода [Массой, Сариниди, 1973- С. 25,151, табл. VIII: 41" широко распространяются лишь в среднем бронзовом веке (период Намазга V) [Массой, Сариниди, 1973- С. 28, 2,].

Необходимо также отметить, что находка из могильника Заманбаба не имеет сходства с поломанной статуэткой, обнаруженной в погребении № 6 могильника Янги-кала (табл. I: 5, V: 4), который относится к периоду Намазга VI подгорной полосы Копетдага [Ганялин, 1956. С. 378, рис. 2]. Пропорции последней терракоты, моделировка её ног, сохранившиеся детали, указывающие на наличие рук, и чётко выраженные половые признаки — всё это отличает янгикалинскую фигурку от заманбабинской.

Впрочем, вопрос о датировке терракоты из могильника Янги-кала в настоящее время не может быть решён однозначно. Ниже погребений этого кладбища эпохи поздней бронзы залегал культурный слой, в котором был также найден фрагмент плоской женской фигурки [Ганялин, 1956. С. 378]- Поэтому нельзя исключить вероятность того, что рассматриваемая статуэтка попала в заполнение могильной ямы из нижележащего слоя в процессе создания захоронения № 6. К сожалению, А. Ф. Ганялин не смог установить хронологическую и культурную принадлежность слоя, располагавшегося под погребениями могильника Янги-кала [Ганялин, 1956. С. 376].

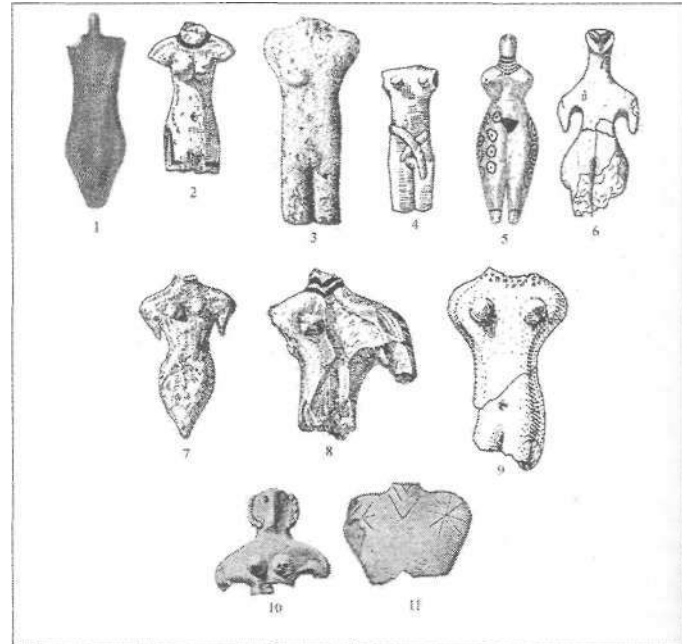

Таблица V. Терракота Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века (без масштаба):
1 — Заманбаба, 2 — Кара-депе (позднее Намазга D), 3 — Северный холм Анау (Намазга II), 4 — Янги-кала (Намазга II?), 5 — Ялангач-депе (Намазга II), 6 — Илгылы-депе (Намазга II), 7 — Кара-депе (позднее Намазга III), 8, 9 — Алтын-депе (позднее Намазга III), Ю — Алтын-депе (Намазга IV), 11 — Алтын-депе (Намазга V).

В литературе уже было высказано мнение о том, что терракота из Янги-калы относится к более раннему времени [Массой, Сарияниди, 1973- С. 28]. В этой связи необходимо сказать, что янгикалинская фигурка сходна со статуэткой, обнаруженной на северном холме Анау [Ремпель, 1951- С. 171, рис. 2], которую специалисты относят ко времени раннего Намазга II [Массой, Сарияниди, 1973- С. 14].

Рассмотрев все признаки, свойственные заманбабинской статуэтке, следует сделать три вывода. Во-первых, такие её характерные черты как стоящая поза и форма туловища, а также отсутствие рук и груди в южнотуркменской коропластике существовали в широком хронологическом диапазоне (позднее Намазга I — Намазга V) и поэтому их нельзя использовать для датировки рассматриваемой терракоты.

Во-вторых, некоторые стилистические особенности заманбабинской фигурки (раскраска ноги, схематичная моделировка головы, прямоугольные плечи и отсутствие прочерченной линии, разделяющей ноги) весьма архаичны, причём все эти детали отделки статуэток, возникшие в различные периоды эпохи энеолита (Намазга I — Намазга III), зафиксированы и на некоторых терракотах ранней стадии бронзового века Южного Туркменистана (Намазга IV). Однако на фигурках среднего бронзового века (Намазга V) упомянутые элементы не представлены.

В-третьих, и уплощённые и плоские женские фигурки, широко распространённые в пору среднего бронзового века (Намазга V), появляются ещё в эпоху раннего бронзового века (Намазга IV), возможно, на поздней стадии этого периода.

Таким образом, результаты, полученные при анализе статуэтки из могильника Заманбаба, позволяют датировать её временем позднего Намазга IV, что хорошо согласуется с находкой на этом кладбище части импортного расписного сосуда, который, по мнению специалистов, также относится к поздней стадии раннего бронзового века Южного Туркменистана. Этот вывод является ещё одним аргументом в пользу датировки могильника Заманбаба серединой III тысячелетия до Р. Х. Именно к этому времени и относятся первые свидетельства о контактах древнеземледельческого населения Центральной Азии и племён степной бронзы, обитавших в низовьях Зеравшана.

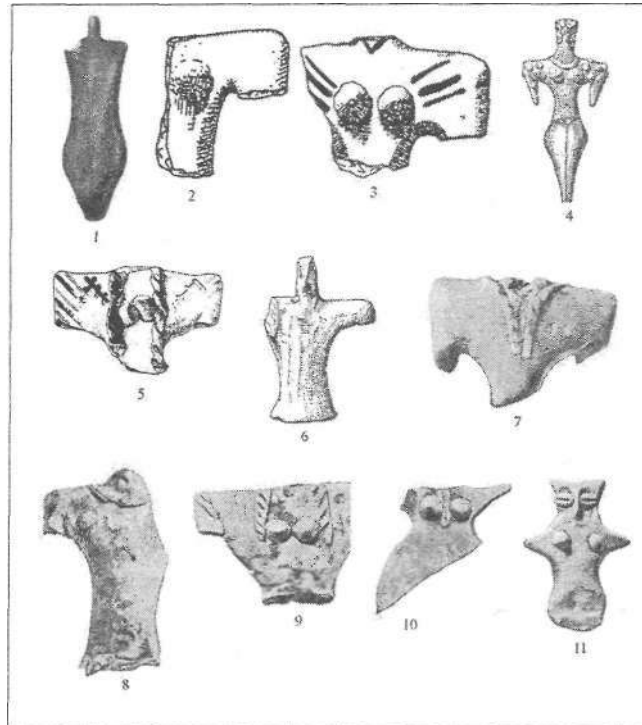

Таблица VI. Терракота Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века (без масштаба): 1 — Заманбаба, 2, 3 — Илгынлы-депе (Намазга II), 4 — Кара-депе (позднее Намазга III), 5, 6 — Алгын-депе (позднее Намазга III), 7 — Намазга-депе (Намазга IV), 8, 9, 10 — Алгын-депе (Намазга IV), 11 — Намазга-депе (Намазга IV).

Литература

- Алёкшин В. А.** Проблемы происхождения археологических культур неолита-бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // МАИКЦА. Информационный бюллетень. М., 1986. Вып. 11.
- Алёкшин В. А.** Культурные контакты древних племён Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Алёкшин В. А., Кирчо Л. Б.** Часть I. Каталог погребений Алтын-депе. Ч. I. // Хронология эпохи позднего энеолита-средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). Труды ИИМК РАН. Санкт-Петербург, 2005. Т. XVI.
- Аскарлов А.** К датировке культуры Заманбаба // Культура и искусство древнего Хорезма. Москва, 1981.
- Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т.** Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование // Труды ХАЭЭ. Москва, 1986. Т. XV.
- Ганялин А. Ф.** Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. VII.
- Гулямов Я. Х., Исламов У., Аскарлов А.** Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана // Труды Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Ташкент, 1966. Кн. I.
- Исаков А. И.** Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины, раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе, 1991-
- Исаков А. И.** Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху) // Автореф. дисс... д.и.н., Ленинград, 1991-
- Исаков А. И.** Богатое женское погребение из Саразма // Археология востока. 1992- № 1.
- Кирчо Л. Б.** Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Среднюю Азию) // ЗИИМК РАН. Санкт-Петербург, 2007. № 2.
- Кирчо Л. Б.** Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху энеолита // Кирчо Л. Б., Г. Ф. Коробкова, В. М. Массон. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. С-Пб., 2008.
- Кузьмина Е. Е.** Могильник Заман-Баба // Советская этнография. 1958. № 2.
- Кузьмина Е. Е.** Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // Советская археология 1968. № 2.
- Кузьмина Е. Е.** Арии — путь на юг. Москва-Санкт-Петербург, 2008.
- Кутимов Ю. Г.** Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // АВ. 2005- № 12.
- Курфин Б. А.** Полевой отчёт о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. VII.
- Мандельштам А. М.** История скотоводческих племён и ранних кочевников на юге Средней Азии // Автореф. дисс... д.и.н. Москва-Ленинград, 1972-

- Массой В.М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Труды ЮТАКЭ Ашхабад, 1956. Т. VII.
- Массой В.М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии // Советская археология. 1957- № 4-
- Массой В.М. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953-1957 гг.) // Труды ЮТАКЭ. 1960. Т. X.
- Массой В.М. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе (к эволюции жилых домов у раннеземледельческих племён) // Советская археология. 1962. № 3-
- Массой В.М. Средняя Азия и Древний Восток. Москва-Ленинград, 1964.
- Массой В.М. Культура Заман-баба // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва-Ленинград, 1966.
- Массой В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики) // МИА. Ленинград, 1971- № 180.
- Массой В.М. Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ. Ленинград, 1981. Т. XVIII.
- Массой В.М. Энеолит Средней Азии // Археология СССР. Энеолит СССР. Москва, 1982.
- Массой В.М. Культурогенез древней Центральной Азии // Серия «Азиатика». Санкт-Петербург, 2006.
- Массой В.М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации // Культура народов Востока. Материалы и исследования. Москва, 1973-
- Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. По материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка». Душанбе, 1989.
- Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1951. Т. П.
- Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении // САИ Б 3~8. Москва, 1965. Ч. IV
- Сарияниди В. И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979-
- Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 199°-
- Соловьёва Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе) // Труды ИИМК РАН. Санкт-Петербург, 2008. Т. XXIX.
- Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. X.
- Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // САИ Б 3~8. Москва-Ленинград, 1963. Ч. I.
- Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. Москва-Ленинград, 1964.
- Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ Б 3~8. Л. 1969. Ч. III.
- Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Ленинград, 1983.
- Хлопин И. Н. Энеолит юго-западного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. СПб. 1997- Т. XX.

НЕОЛИТ КАРАТЮБЕ СРЕДНЕГО ЗЕРАВШАНА

Археологическая экспедиция Самаркандского Государственного университета ежегодно проводит свои исследования на северных склонах горного массива Каратюбе Среднего Зеравшана. Объектом нашего исследования является изучение памятников Сазаганской неолитической культуры. Данная статья посвящена некоторым научным итогам этого исследования.

Неолит (новый каменный век) — по археологической периодизации заключительный этап каменного века — на территории Средней Азии исследован лучше, чем палеолит и мезолит (рис. 1). В результате на сегодня известны и научно обоснованы нижеследующие неолитические культуры: джейтунская (Юг Туркмении) [Массон, 1966; 1971]; кельтеминарская (в низовьях Амударьи и Зеравшана в Кызылкумах) [Толстов, 1948; Виноградов, 1968; 1981]; гиссарская (средняя и южная часть Таджикистана) [Ранов, 1982; 1985; 1998. С. 105-123], центральноферганская (в Ферганской долине) [Исламов, Тимофеев, 1986]; сазаганская (Средний Зеравшан) [Джуракулов, Холматов, 1991]; устюртская (Плато Устюрт) [Бижанов, 1978; 1982; 1996. С. 3-42]. Хронологические рамки этих культур охватывают VII—VI—III тыс. до. н. э., что позволяет определить характерные особенности материальной культуры неолитических племен данного региона.

Памятники сазаганской культуры открыты и исследуются в северных предгорьях горного массива Каратюбе (Средний Зеравшан), в районе города Самарканда. Горный массив Каратюбе, на северных склонах которого находятся стоянки сазаганской культуры (их сейчас свыше 30-ти), прорезан системой глубоких террасированных саев, выходящих на

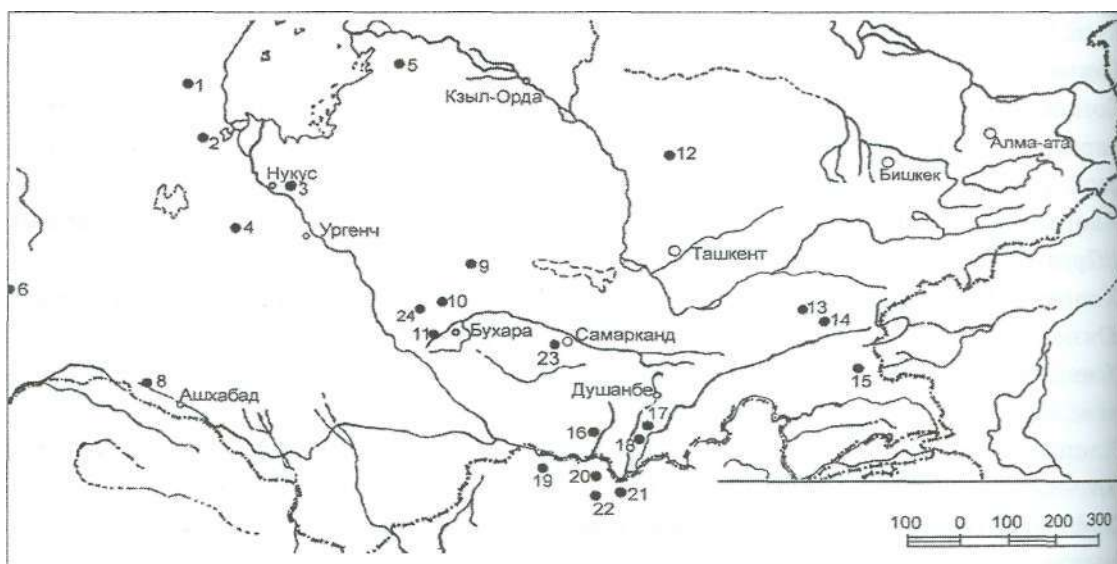

Рис. 1. Карта расположения неолитических памятников Средней Азии: 1, 2-Устюрт, 3-Кельтеминар, 8-Джейтунская культура, 13, 14-Центрально-Ферганская культура. 16, 17, 18-Гиссарская культура, 23-Сазаганская культура.

долину. К третьей террасе саев приурочены все известные позднемезолитические и неолитические стоянки. В мезолитическое и неолитическое время, в условиях льявляканской аллювиальной фазы [Виноградов, Мамедов, 1975] ландшафтно-климатическая среда была здесь еще более благоприятной для обитания человека. В это время выпадало больше атмосферных осадков. Пресная вода, густой растительный покров, богатый животный мир, несомненно, привлекали сюда человека. Сейчас здесь исследованы пять стоянок, расположенных в разных долинах. Это Сазаган 1, 2, Джангал 1, Тепакул 3, 4. Кроме того, обнаружены еще свыше 20-ти стоянок открытого типа, изучение которых еще не начато, более десяти стоянок пещерного типа, в некоторых из них обнаружены следы культуры первобытного времени (Каракамар, пещера Очил и т.д.).

Все стоянки сазаганской культуры расположены в полосе высот 900-1000 м. Небезынтересно, что эти высоты соответствуют нижней границе распространения памятников гиссарской культуры в Южном Таджикистане. Типологический состав коллекции изделий из камня стоянок сазаганской культуры практически идентичен. Основой каменной индустрии служило галечное сырьё, получаемое из аллювиальных отложений долины Зеравшана. Главным образом это были обломки кремнистых сланцев; собственно кремнь использовался сравнительно редко.

По всем показателям индустрия сазаганских стоянок относится к типу отщепово-пластинчатых. Орудия из первичных отщепов характеризуются случайной формой, а производные от них пластины и орудия имеют правильную форму. Другим существенным признаком пластинчатой части является ведущая роль микро- и мелких пластин шириной до 1 см (82%). Появилась возможность исследовать проблему хронологии сазаганской культуры на новой фактологической основе. Также проведены более детальные геологические и геоморфологические исследования, касающиеся датировки террасового комплекса саев и значительно расширен массив собственно археологических источников.

Геолого-геоморфологические данные показывают, что террасовый комплекс сазаганской предгорной равнины и соответствующий ему комплекс террас Сазаганская сформировался в голодностепское сырдарьинское время. Третья терраса с сазаганскими стоянками относится скорее всего к этому времени, а оседание людей на ней датируется концом голодностепской-началом сырдарьинской эпохи, т. е. концом позднего плейстоцена или ранним голоценом. Эти выводы в настоящее время более соответствуют представлениям, полученным на основе археологических данных.

Полученные в ходе раскопок материалы стоянок сазаганской культуры датируются концом мезолита и неолита. Каменная индустрия сазаганской культуры представляет культуру иного от кельтеминара типа, хотя сазаганцы были хорошо знакомы и с пластинчатой техникой, основную часть орудий они делали из небольших отщепов (рис. 2). Среди орудий имеются формы, унаследованные от мезолита (например, небольшие долотовидные орудия, высокие скребки и др.), однако, истоки их иные чем у кельтеминарцев. В небольшом количестве здесь имеются и галечные орудия. Элементы мезолитического характера, бесспорно, присутствуют в сазаганской индустрии и в более чистом виде представлены на стоянке Сазаган 1, где в отличие от остальных не найдена неолитическая керамика. При определении раннего хронологического рубежа сазаганской культуры необходимо учитывать общую палеогеографическую и, в частности, палеоклиматическую обстановку Средней Азии. Археологические

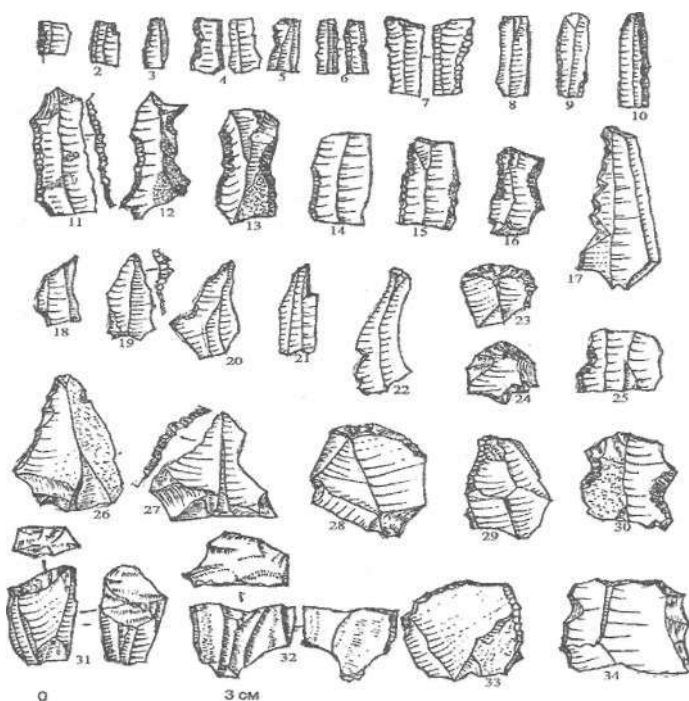

Рис. 2. Сазаганская культура. Каменные изделия (Тепакул-3).

материалы из равнинных областей Средней Азии показывают жесткую зависимость расселения человека от ландшафтно-климатических условий. Массированное освоение равнин Средней Азии началось в конце мезолита (VII-VI тыс. до н. э.), в период льявляканского плювиала [Виноградов в соавт., 1975; Мамедов, 1979 - С. 24]. Более благоприятные условия для постоянного обитания были возможны на низкогорных останцевых возвышенностях и обращенных на равнину предгорьях, в том числе и низких предгорьях Каратюбе.

Так, в пещерных памятниках у склонов хребта Большой Балхан в западной Туркмении представлены не только позднемезолитические и неолитические, но и раннемезолитические, а возможно и позднепалеолитические, материалы [Окладников, 1956; Марков, 1966]. Не исключено, что аналогичного возраста памятники будут со временем найдены и в низкогорных возвышенностях Кызылкумов (Султаниуздаг, Букантау, Мурунтау), где при общей крайней аридности климата могли возникать гидро- и гидрогеологические ситуации для поселения человека. Ландшафтные условия сазаганских стоянок заметно отличались от существовавших в аридное предлявляканское время в Кызылкумах. Можно допустить наличие здесь раннемезолитических и палеолитических памятников. Недавно была открыта палеолитическая стоянка Олмабулок (в центре сел. Сазаган).

Очень сложно определить верхнюю хронологическую границу сазаганской культуры, особенно в абсолютных датах. Поздненеолитические материалы для горного неолита и неолита равнин не доброкачественны. В Кызылкумах нет стратифицированных материалов конца неолита. Верхняя граница неолитической эпохи определяется материалами, датируемыми, предположительно, эпохой ранней бронзы (первая половина II тыс. до н. э.). В горных районах Средней Азии ситуация, в целом, аналогичная. Позднепалеолитические слои маломощны, не выразительны, материал перемешан с находками эпохи поздней бронзы. Следует отметить, что в отличие от Центральной Ферганы и низовий Зеравшана на северных склонах Каратюбе имеется перспектива уточнения поздненеолитических дат и особенностей культуры этого времени. Это связано с ландшафтно-климатическими особенностями расположения стоянок сазаганской культуры. Северные предгорья Зеравшанского

хребта (в данном случае массива Каратюбе) в климатическом отношении не были схожи ни с Центральной Ферганой, ни с Центральным Кызылкумом. Не очень многоводные, но достаточно стабильные источники вод (родники и речки) могли привлекать сюда группы населения, заинтересованные в эксплуатации предгорных и равнинных экологических ниш. В пользу этого говорят материалы стоянок Тепакул 3 и Тепакул 4-

Таким образом, материалы стоянок сазаганской культуры хронологически охватывают период от VIII—VII до III тыс. до н. э. Наиболее важным в материальной культуре Сазагана с хронологической точки зрения является развитие изделий из пластин и отщепов, наличие нуклеусов торцевого типа, высоких скребков, выемчатых пластин, пластин со скошенным концом, с резовыми сколами, долотовидных орудий, двусторонне обработанных наконечников стрел. Точнее, динамика этих типов в рамках территориально замкнутой серии коллекций, бесспорно, имеет хронологическое значение, так как увеличение доли пластин и микропластин, в частности, сокращение количества нуклеусов торцевого типа, высоких скребков, пластин с резовыми сколами, изделий долотовидной формы свидетельствуют о переходе от более раннего к более позднему этапу освоения северных предгорий Каратюбе. На это указывает также постепенное увеличение доли выемчатых пластин, пластин со скошенным концом, низких скребков, двусторонне обработанных наконечников стрел, призматических и конических нуклеусов для пластинок и микропластин. Эти признаки характерны для материалов не только центральноферганских, но и гиссарских, кельтеминарских памятников.

Говоря об относительной датировке стоянок сазаганской культуры, нельзя не обратиться к керамическим находкам. Имеются в виду, прежде всего, фрагменты лепной керамики с орнаментом, характер которого не оставляет сомнений в их неолитическом возрасте. Следует указать, что в материалах стоянки Сазаган 1 (и в материалах раскопок, и в подъемке) керамика, которую даже предположительно можно было бы отнести к неолиту, отсутствует. Однако она имеется на всех других стоянках этой культуры: Сазаган 2, Джангал 1, Тепакул 3, 4, Очилгор. На первых двух, особенно на стоянке Джангал 1, это достаточно вы-

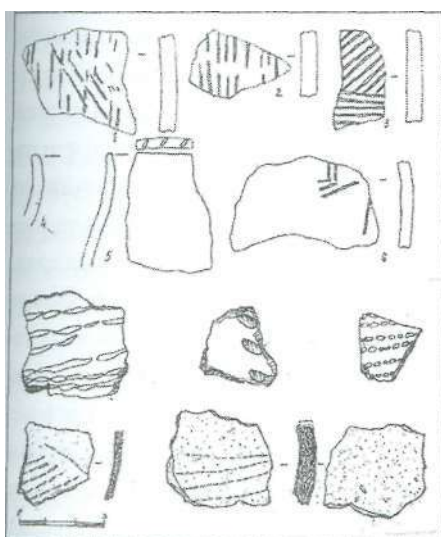

Рис. 3- Сазаганская культура. Керамика.

разительная орнаментированная керамика. Мелкие обломки такого же по составу теста, характеру обжига (анализ А. Б. Бобринского, ИА РАН) и форме керамики найдены на стоянках Тепакул 3, 4, Очилгор. Керамика эта уже по техническим характеристикам — тонкостенная, рыхлая, плохо обожженная — близка находкам на стоянке Учащи 131. Техника нанесения орнамента характерна для равнинных памятников указанного периода, об этом можно судить по фрагментам, элементам и мотивам рисунка с применением техники «отступающей палочки», метода вдавливания, насечек, прочерчивания, а также с использованием оттисков зубчатого штампа. Об орнаментальных мотивах известно мало, по фрагментам можно предполагать, что наряду с простыми повторяющимися элементами и мотивами (мож-

но говорить о «елке» и линиях вдавленности) были и композиции из крупных, иногда неправильных геометрических фигур, заполненных параллельными прочерченными (прямыми) или нанесенными «отступающей палочкой» линиями, мотив который чрезвычайно характерен для Кельтеминара (рис. 3).

В данное время археологическая экспедиция СамГУ продолжает исследовать памятники сазаганской культуры. Наряду с этим систематически проводились археологические разведки в соседних саях Сазагана, в процессе которых удалось нанести на археологическую карту данной территории более 30 пещер. В частности, нужно отметить Лолаб — неолитического времени, Кара-Камар — мезолитического времени, Очилгор мезолит-неолитического времени. Начиная с 2004 года, проводится исследование пещеры Очилгор, она расположена на расстоянии 700-800 метров над стоянкой Сазаган 2 выше по ущелью. В ходе работ был вскрыт культурный слой площадью более 40 кв. м (рис. 4)- Мощность культурных отложений составляет местами до 2 м 20 см. Получено около 2000 каменных орудий, многочисленные фрагменты костей животных, а также интересные фрагменты керамики неолитического времени. Нам удалось предварительно выделить 4 культурных слоя, все они связаны с очагами. Типологический анализ каменных орудий со слоев позволяет предварительно определить, что нижние слои относятся к мезолиту и, возможно, верхнему палеолиту, а верхние слои к неолиту, где встречается керамика новокаменного века (рис. 5).

В заключение необходимо сделать следующие выводы: 1. Материалы стоянки сазаганской культуры и вновь открытые памятники: Очилгор, Каракамар, Лолаб позволят осветить характерные особенности неолитической культуры на территории Среднего Зеравшана. 2.

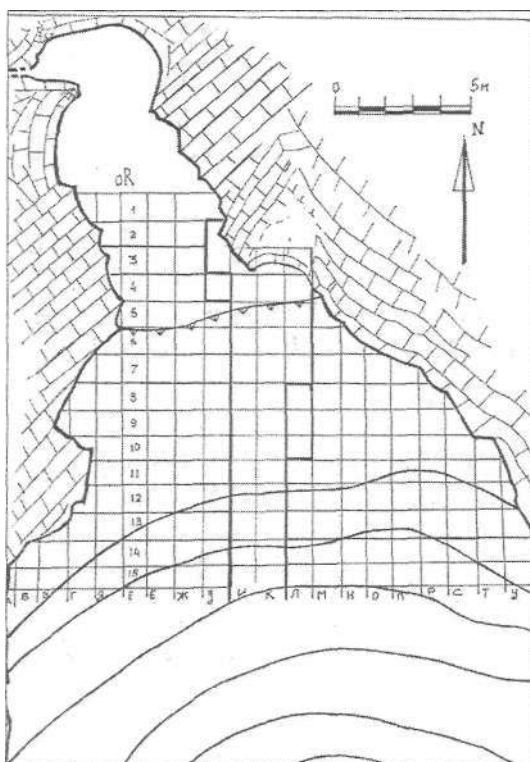

Рис. 4- План Очилгор.

Памятники, обнаруженные в долинах северного склона гор Каратюбе, в настоящее время рассматриваются как самостоятельные в рамках «горного» неолита историко-культурные образования. Новые материалы данного региона не противоречат, а наоборот, дополняют характерные черты сазаганской культуры (VI—VI—III тыс. л. до н.э.). 3- До недавнего времени все изученные памятники сазаганской культуры были связаны с террасами крупных саяв. Но последние исследования показали, что население неолитической эпохи предпочитало жить в гротах и пещерах, которые были расположены в ущельях этих же крупных саяв. Таким образом, здесь стали известны памятники открытого и пещерного типа. 4- Также установлено, что район Каратюбе является своего рода «микрокультурным регионом», где имеются памятники не только неолитического, но также мезолитического (Каракамар, Сазаган I, Очилгор) и палеолитического (Олмабулак) времени. Это важно тем, что позволяет выяс-

ний генезис сазаганской культуры. До этого происхождение сазаганской культуры исследователи связывали с Самаркандской верхнепалеолитической стоянкой [Джуракулов, 1987], но в то время мезолитический культурный пласт отсутствовал. Открытие мезолитических памятников: Чорбакпы [Холматов, 2007], Каракамар, Очилгор позволили исследователям заполнить эту лауну. Стало ясно, что сазаганская культура происходила и развивалась на основе культур вышеназванных мезолитических памятников и вполне можно считать, что сазаганская культура автохтонна. 5- Исследования показали, что сазаганцы жили не изолированно, а имели культурные контакты с не-

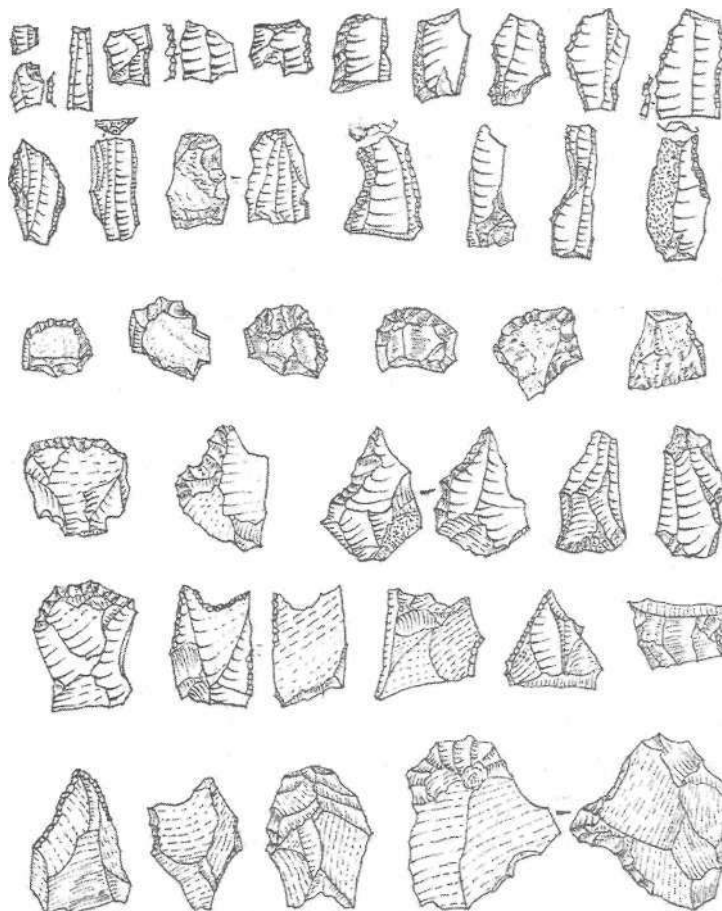

Рис. 5. Очилгор. Каменные изделия.

олитическими племенами соседних территорий (Кельтеминар, Гиссар, Центральная Фергана).

В целом, имеющиеся данные позволяют рассматривать группу памятников в районе селения Сазаган как материальное отражение совокупности обществ, населявших в конце мезолита и неолите северные предгорья Каратюбе и характеризовавшихся определенным культурным своеобразием. Это своеобразие при бесспорном родстве с населением Центральной Ферганы, очевидно, обусловлено и значительной территориальной разобщенностью и существенными различиями ландшафтно-климатических условий, а также интенсивными контактами сазаганцев с кельтеминарцами низовьев Зеравшана и с неолитическими племенами Юго-Западных Кызылкумов.

Литература

- Бижанов Е.Б. Неолитические памятники юго-восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент: Фан, 1978.
- Бижанов Е.Б. Мезолитические и неолитические памятники северо-западного Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент: Фан, 1982. Вып. 1.

Н. ХОЛМАТОВ

- Бижанов Е.Б.** Каменный век Устюрта. Автореф. дисс... д.и.н. Нукус, 1996.
- Виноградов А. В.** Неолитические памятники Хорезма // МЭХ. Москва: Наука, 1968. Вып. 8.
- Виноградов А. В.** Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ, Москва: Наука, 1981. Т. XIII.
- Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.** Первобытный Лявлякан // Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов // МЭХ. Москва: Наука, 1975- Вып. ю.
- Джуракулов М. Д.** Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: 1987.
- Джуракулов М. Д., Холматов Н.У.** Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент: Фан, 1991.
- Исламов У. И., Тимофеев В. И.** Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент. 1986.
- Мамедов Э. Д.** Динамика природных процессов на равнинах Средней Азии // Вопросы природоведения Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ, № 591- Ташкент, 1979-
- Марков Г. Е.** Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии // Советская археология. 1966. № 2.
- Массон В.М.** Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур // Труды ЮТАКЭ, 1960. Т. ю.
- Массон В.М.** Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Ленинград: Наука, 1966;
- Массон В.М.** Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Ленинград: Наука, 1971- (МИА, № 180).
- Окладников А. П.** Пещера Джебел-памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // ТЮТАКЭ, 1956. Т. 7-
- Ранов В. А.** Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982;
- Ранов В. А.** Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985.
- Ранов В. А.** Неолит (гиссарская культура). История Таджикского народа. Том 1. Душанбе, 1998.
- Толстов С.П.** Древней Хорезм. Москва: Издательство МГУ, 1948.
- Холматов Н.У.** Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. Ташкент: Фан, 2007.

В. Рузанов
Узбекистан

МЕТАЛЛУРГИЯ СОГДА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

В палеоэкономике населения, проживавшего на территории бассейнов рек Зеравшан и Кашкадарья в эпоху раннего металла, где впоследствии сложились историческая область и государство Согд, важную роль играли металлургия и горнорудный промысел. Знакомство племен с металлом и формирование первых центров металлообработки на этой территории состоялось на рубеже IV—III тыс. до н.э. В эпоху средней и поздней бронзы Согд аккумулировал в себе разные этнокультурные памятники, что придало гетерогенный характер местной металлообработке.

Согдийская металлообработка эпохи энеолита и бронзы изучена слабо, о чём свидетельствует небольшое количество публикаций. Чаще всего в них рассматривались изделия отдельных памятников, причём, главное внимание учёные уделяли морфологии находок. Данных же о химическом составе металла Согда не много; нам известны публикации результатов анализов лишь зб изделий, полученных в лабораториях Института истории материальной культуры (бывший ЛОИА) и музея Пибоди в Гарвардском университете [Гулямов и др., 1966; Наумов, 1972; Исаков, 1991]- Их дополняют краткие сведения о химико-металлургической характеристике 58 предметов из могильников Чакка и Муминабад, которые привела Н.А. Аванесова [Аванесова, 199¹]-

В настоящей статье мы расскажем о результатах статистико-математической обработки данных химического состава 272 изделий из памятников земледельческих (Саразм) и степных (Заманбаба Гуджайли, Чакка, Муминабад и Дашти-Козы) культур Согда эпохи позднего энеолита и бронзы. Они позволят сделать некоторые заключения о химико-металлургической характеристике металла, помогут установить импульсы, приведшие к сложению металлургических очагов, определить их связи. Все эти материалы станут основой для воссоздания этапов развития металлообработки на исследованной территории. Кроме того, в этой работе мы привлечём данные геолого-археологических обследований рудных источников Согда.

Рудная база Согда характеризуется геохимически различными месторождениями с оловянным, полиметаллическим и медным типом оруднения, среди которых оловянные и свинцово-цинковые имеют широкое развитие. Эти объекты расположены в Нурагинском, Зирабулак-Каратюбе-Зеравшанском, Туркестанском и Гиссарском районах. В некоторых из них встречаются рудопроявления сурьмы, мышьяка, ртути, серебра и золота.

Среди вышеупомянутых горнорудных районов Зирабулак-Каратюбе-Зеравшанский выделяется наличием больших запасов олова: здесь примерно в 50 пунктах зафиксированы более или менее значительные скопления касситерита. Из оловянных рудных объектов, находящихся в среднем бассейне реки Зеравшан, надо отметить такие месторождения, как Карнаб, Лапас, Семизкудук, Чангали и Кочкарлы, имеющие более или менее значительные скопления касситерита с содержанием в руде 0,3-0,5% олова [Литвинский, 1950; Рузанов, 1979; Рузанов и др., 1999]- Другая группа оловянных рудных точек расположена в верхнем бассейне Зеравшана на территории Таджикистана. Среди них известны весьма крупные оловянно-медно-серебряные месторождения Мушистон, Веж и ряд мелких рудопроявлений со сходным минералогическим составом [Литвиненко и др. 1994]- Из россыпных проявлений кас-

ситерита в Зеравшанской металлогенической провинции следует отметить Миран-кульское, Мадрас-Ташское и Тулакульское месторождения с содержанием олова в руде до 1%, расположенные в горах Кара-Тюбе. В верхнем бассейне Зеравшана широко распространены полиметаллические месторождения с рудами, содержащими олово, золото, серебро, медь, свинец, сурьму мышьяк [Литвиненко и др., 1994]- Так, в бассейне речки Мичиан известны золото-мышьяково-медно-висмутовые (Конизак и Дагоны-дарбаза), золото-мышьяковые (Чукурак), свинцово-цинково-серебряные (Даникон) месторождения. В бассейне речки Арчамайдан находятся свинцово-серебряное месторождение Конинукра и свинцово-цинково-серебряное рудопроявление Нагнут. В окрестностях озера Искандеркуль известны золото-сурьмяное (Скальное), золото-мышьяково-ртутное (Канчоч) месторождения.

Археологически установлено, что оловянные месторождения Карнаб, Лапас, Чангали и Мушистон эксплуатировались горняками андроновских племен в эпоху поздней бронзы [Alimov and other. 1998, 1999; Рузанов. 2000, 2002, 2008]. Среди них более полно изучены рудники Карнаб и Мушистон, обследование которых проводили узбекско-немецкая и таджикско-немецкая археологические экспедиции. На то, что Карнаб разрабатывался в эпоху поздней бронзы, кроме керамики и каменных орудий, указывают радиоуглеродные анализы органики из древних выработок и поселения горняков Карнаб-Сичкончи, расположенного близ этого рудника [Parzinger, Voroffka, 2003].

Сырьевая база западных отрогов Гиссарского хребта в Южном Согде также богата полиметаллами. Здесь в бассейнах рек Ак-Су, Кызыл-Дарья и Тахаз-Дарья выявлены десятки таких месторождений [Пругер, 1986]. По оценке Е. Б. Пругера, общий объем древней выработки полиметаллов в Яккабагских горах составляет сотни тысяч кубических метров. Судя по археологическим находкам, освоение рудокопами здешних рудников началось в V в. н. э. и продолжалось по XIV в. Одновременно здесь добывали свинец, железо, сурьму, ртуть и серебро.

Согдийская коллекция изделий расчленяется на ряд металлургических и химических групп. Некоторые из них находят соответствие в общих группах, выделенных в материалах памятников ряда культурно-исторических областей Узбекистана и Таджикистана, а также Южной Туркмении, Северного Афганистана и бронзовых культур Евразии.

Металлургические группы представляют медно-оловянные, медно-мышьяковые, медно-оловянно-свинцовые, медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковые, медно-оловянно-свинцово-сурьмяно-мышьяковые сплавы и «чистую» медь. Кроме того, установлены изделия, изготовленные из сплавов на оловянной и серебряной основе. Среди выделенных типов сплавов самой крупной является серия медно-оловянных бронз, которая представлена 102 образцами (33Д% от общего количества проанализированных изделий). Как показывают статистические наблюдения, границей отчленения искусственных медно-оловянных сплавов является концентрация 0,7-1,0%. На долю медно-мышьяковых бронз приходится 6 образцов, составляющих 1,9% предметов коллекции. Границей искусственных сплавов, легированных мышьяком и свинцом, можно считать концентрацию, близкую 3%- Группу медно-оловянно-свинцовых сплавов представляют 8 изделий (2,6%). Группы медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковых и медно-оловянно-свинцово-сурьмяно-мышьяковых бронз, представленные ϕ (14,9%) и 22 (7Д%) предметами, носят, скорее всего, химико-металлургический характер. Их металл выплавлен из руды, обогащенной оловом, сурьмой, мышьяком и свинцом. Изделий, изготовленных на оловянной основе, в согдийской коллекции насчитыва-

еся 34 (и,0% предметов коллекции). Группу сплавов из «чистой» меди составляет 84 изделия (27,3%)– И, наконец, 4 предмета (i,3%) из серебра.

В металлической коллекции Согда удалось выделить *ш* химических групп. Их сопоставление с геохимией месторождений Согда и химическим составом изделий близких по времени памятников сопредельных территорий позволяет связать изученный металл со следующими рудными районами.

Три группы, не находящие химических аналогий в рудах месторождений Узбекистана и Таджикистана, скорее всего, связаны с рудными источниками Ирана и Афганистана. Такой металл выявлен в материалах Саразма [Исаков, Рузанов, 2008] и Заманбабы [Рузанов, 1982].

Две группы связываются с рудными проявлениями Кызылкумских гор Узбекистана. Их металл установлен в комплексах Заманбаба и Гуджайли [Рузанов; 1982, 2007].

Другие две группы химически сходны с рудами источников, находящихся в горах верхнего бассейна Зеравшана на территории Таджикистана. Таким металлом пользовались племена, оставившие могильники Чакка, Муминабад и Дашти-Козы [Рузанов, 1982; 1990; 1995]–

Одна группа связана с месторождением в горах Южного Чаткала Узбекистана. Таким металлом пользовались племена, оставившие могильники Чакка, Муминабад и Дашти-Козы [Рузанов, 1982; 1990; 1995]–

Другая группа связывается с рудным источником, расположенным либо в Западном Узбекистане (Кызылкумские горы), либо в Восточном или Центральном Казахстане. Из такого металла изготовлены некоторые изделия Саразма [Исаков, Рузанов, 2008], Гуджайли и Чакки [Рузанов, 1982, 1990].

И, наконец, две группы, имеющие евразийское происхождение, связываются с месторождениями Уральской горно-металлургической области. Этот металл был установлен в материалах Гуджайли, Чакка и Дашти-Козы [Рузанов, 1982, 1990].

Как видим, металл памятников Согда эпохи энеолита и бронзы связан с рудными источниками, расположенными в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, России, Иране и Афганистане.

Какими же были обменные и этнокультурные связи вышеупомянутых памятников Согда? Об этом можно судить по значениям критериев химической и типологической близости (они варьируют от 0 до 1 включительно), рассчитанных с помощью математической формулы [Черных, 1970]. Следует отметить, что для эпохи раннего металла критерий типологического сходства в первую очередь характеризует этнокультурную близость производителей металлической продукции и в меньшей степени отражает существование прямых связей между ними. Химико-металлургическая же близость металла, прежде всего, выражает наличие связей между носителями сравниваемых комплексов.

К сожалению, за исключением саразмского металла, проанализированная нами серия металлических находок заманбабинской культуры мала и недостаточна для расчётов степени химического сходства. Аналогичная ситуация складывается с гуджайлинским металлом. Поэтому анализ показателей химического и типологического критериев мы провели только по материалам могильников Чакка, Дашти-Козы и Муминабад (таблица 1).

Для сравнения были привлечены комплексы из памятников второй половины II — начала I тыс. до н.э. среднеазиатского междуречья. В частности, это могильники Бустон \-j, Тандыр-йул, Кангурттут и Кумсай, поселения Кангурттут и Дальверзин, а также памятники бургулюкской (комплекс Бургулюк I), кайраккумской и тазабагъябской культур.

Таблица 1. Степень типологической и химической близости между металлом могильников Чакка, Муминабад, Дашти-Козы и некоторых памятников, а также комплексов культур Средней Азии эпохи бронзы

Памятник, культура	Чакка	Муминабад	Дашти-Козы	Чакка	Муминабад	Дашти-Козы
	Критерии					
	типологический			химический		
Чакка	-	0,38	0,43	-	0,53	0,55
Муминабад	0,38	-	0,8	0,53	-	0,87
Дашти-Козы	0,43	0,8	-	0,55	0,87	-
Кумсай	0,29	0,37	0,52	0,48	0,89	0,89
Кайраккумская культура	0,5	0,29	0,46	0,35	0,1	0,34
Тазабагыбская культура	0,34	0,48	0,64	-	-	-
Тандыр-йул	-	0,16	0,1	0,48	0,95	0,83
Кангурттут	-	-	0,05	0,46	0,76	0,49
Бустон	0,11	-	0,04	0,57	0,82	0,67
Дальверзин	0,12	0,12	0,8	0,5	0,88	0,76
Бургулюкская культура	-	0,07	0,06	0,6	0,91	0,76

Могильник Чакка. Наивысшие показатели степени химического сходства чаккинского металла фиксируются с комплексами Бургулюка (0,6), Бустона (0,57), Дашти-Козы (0,55) и Муминабада (0,53)- Однако, судя по абсолютным значениям критерия, отметим, что эта близость небольшая и свидетельствует о слабой связи между металлом Чакки и этих памятников. Ещё ниже химическая близость, а значит ещё слабее связь, чаккинских изделий с коллекциями из Дальверзина (0,5), Тандыр-йула (0,48), Кумсай (0,48), Кангурттута (0,46) и кайраккумской культуры (0,35)- Нулевое значение критерия химического сходства металла Чакки и тазабагыбской культуры указывает на отсутствие каких-либо металлургических связей между ними. В типологическом плане самыми близкими аналогами чаккинскому комплексу являются коллекции из Дашти-Козы (0,43), Муминабада (0,38) и тазабагыбской культуры (0,34)- Хотя и здесь следует отметить довольно низкую степень сходства. Выявленное различие, очевидно, связано либо с хронологической, либо этнокультурной разницей между Чаккой и всей остальной вышеупомянутой свитой памятников среднеазиатского междуречья.

Могильник Дашти-Козы. Высокая степень химической близости устанавливается между металлом этого памятника с коллекцией Муминабада (0,87)- Столь же высока между ними критерий типологического сходства (0,8). Всё это говорит о тесных обменных связях между памятниками, а также об их этнокультурной и хронологической близости. Также значительно проявляется степень химического сходства комплекса Дашти-Козы с металлом Кумсай (0,89) и Тандыр-йула (0,83). Очевидно, производственные связи между даштикозинцами и населением, обитавшим в западной части Гиссарской долины Южного Таджикистана, были активными. Не столь тесные связи даштикозинцы поддерживали с земледельческими племенами. Но и здесь можно отметить довольно высокие значения химической близости металла Дашти-Козы и культур с лепной расписной керамикой Ферганы (Дальверзин; 0,76), Ташкентского оазиса (Бургулюк; 0,76), а также памятников Северной Бактрии (Бустон; 0,67). Критерии типологической близости даштикозинского металла и вышеупомянутых памят-

никс значительно ниже, чем химические показатели. Исключением является, как мы уже указали ранее, коллекция из Муминабада. Обращает на себя внимание и весьма заметное типологическое сходство металла Дашти-Козы и тазабагьябской культуры. Правда, контакты между населением, оставившим эти памятники, не установлены.

Могильник Муминабад. Металлургические связи Муминабада с большинством из вышеотмеченных памятников были очень тесными. В этом ряду мы видим как памятники степного (Кумсай, 0,89; Дашти-Козы, 0,87) так и земледельческого с расписной керамикой (Бургулюк, 0,91; Дальверзин, 0,88) и древневосточного (Бустон, 0,82; Тандыр-йул, 0,95; Кангуртут, 0,76) типов. Значительно слабее обменные связи прослеживаются между Муминабадом и Чаккой (0,53) — Муминабадцы не поддерживали связи с тазабагьябской и кайраккумской культурами. По типологическому показателю самой близкой металлу Муминабада является коллекция из Дашти-Козы (0,8). Критерии типологического сходства с другими степными памятниками значительно ниже (0,29-0,48), не говоря уже о металле земледельческих племён, который имеет нулевое или же мизерное значение такого сходства. На основании установленных археологами дат поселения Саразм [Исаков, 199¹] стоянок и могильников Заманбабы и Гуджайли [Аскарлов, 1962; Гулямов и др., 1966], некрополей Чакка, Муминабад [Лев, 1966; Аскарлов, 1969, 1970; Аванесова, 199¹] и Дашти-Козы [Исаков, Потемкина, 1989; Кузьмина, 1966] мы составили таблицу хронологических диапазонов металлургических и химических групп (рис. 1). Наблюдения за распределением их образцов позволили сделать следующие выводы. На начальной стадии (на рубеже IV/III тыс. до н.э.) в металлообработке Согда использовались два типа сплавов — «чистая» медь и медно-мышьяковые бронзы. Вместе с ними в это время использовалось серебро. В начале II тыс. до н.э. мышьяковые сплавы выходят из употребления. Медно-оловянные бронзы впервые появляются в Согде приблизительно в последней трети III тыс. до н.э., причём не у литейщиков степных культур, а в металлообработке древневосточных племен (Саразм). В середине-второй половине II тыс. до н.э. бинарные оловянные сплавы были уже широко распространены в этой культурно-исторической области. В последней трети II тыс. до н.э. вместе с ними здесь используются сложные медно-оловянно-свинцовые, медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковые и медно-оловянно-свинцово-сурьмяно-мышьяковые сплавы. Кроме того, согдийские кузнецы-литейщики применяли «чистую» медь и «чистое» олово.

Теперь рассмотрим хронологию химических групп. Как видно из той же таблицы (рис. 1), хронологические диапазоны этих групп различны. Так, металл ирано-афганских источников, появившийся в Согде на рубеже IV/III тыс. до н.э., использовался примерно до второй трети II тыс. до н.э. Во второй половине III тыс. до н.э. начинается разработка кзыл-кумских медных месторождений, металл которых проникает в заманбабинскую культуру в низовья Зеравшана и далее на восток к поселенцам Саразма в верхний бассейн Зеравшана. В последней четверти III тыс. до н.э. саразмскими горняками-металлургами разрабатываются верхнезеравшанские месторождения меди. Там же в середине-второй половине II тыс. до н.э. начинается эксплуатация новых источников сырья, из которого согдийские металлурги выплавляли «чистую» медь и «чистое» олово, обогащенные сурьмой, мышьяком, свинцом, и на их базе изготавливали сложные сплавы.

Полученные сведения о химическом составе металлических изделий из Саразма подтверждают предложенную ранее А. Исаковым версию о генетической связи между этим

поселением и южно-туркменистанскими памятниками эпохи энеолита. Доказательства такой связи мы видим теперь не только в керамике, но и в металле, который находит соответствие в геоксюрских и пархайских изделиях эпохи позднего энеолита. Поэтому правы А. И. Исаков [1991] и И. Н. Хлопин [1997] высказавшие предположение о миграции какой-то части населения из Южной Туркмении в бассейн р. Зеравшан.

Определённое сходство можно отметить между металлом Саразма и памятников с лепной расписной керамикой Ферганы и Ташкентского оазиса. Именно здесь в ранних комплексах чувстской (дальверзинский этап) и бургулюкской (Бургулюк I) культур фиксируется примерно такое же, как и в саразмской коллекции, соотношение рецептуры сплавов и встречаются изделия со сходным химическим составом. Все эти химико-металлургические совпадения, видимо, связаны с традицией наследования и допускают генетическую связь между саразмской метал-

вв до н.э.	Группы											
	металлургические								химические			
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	1	2	3	4
X												
XI												
XII												
XIII												
XIV												
XV												
XVI												
XVII												
XVIII												
XIX												
XX												
XXI												
XXII												
XXIII												
XXIV												
XXV												
XXVI												
XXVII												
XXVIII												
XXIX												
XXX												

Рис. 1. Хронологическая таблица типов сплавов и химических групп металла Согда эпохи энеолита и бронзы. Условные обозначения. Типы сплавов: I — Cu+Sn; II — Cu+As; III — Cu+Sn+Pb; IV — Cu+Sn+Sb+As; V — Cu+Sn+Pb+Sb+As; VI — Sn; VII — Cu; VIII — Ag. Химические группы: 1-КМ I, КМ II, ЧК III, ЧК IV, ВЗ I, ВЗ II - узбекско-таджикские источники сырья; 2. — ЮС 1а, ЮС 1г, СА — ирано-афганские источники сырья; 3 — ЮС 1б или ВУ — узбекский или казахский источник сырья. 4 — ЕУ, ТК — евразийские источники сырья. Пунктирная линия указывает на то, что точная дата начала использования металла химической группы КМ I не установлена.

лообработкой и производствами земледельческих племен с лепной крашеной керамикой фергано-ташкентского региона. Надо отметить, что высказанная А. И. Исаковым [1991] идея о возможном переселении саразмских племен на север - в Ферганскую долину становится всё более реальной. Приход сюда в первой половине II тыс. до н. э. древневосточных племен, скорее всего саразмцев, подтверждают не только находки характерной для Саразма серой и чёрной керамики и сходство металла, но и недавно открытый недалеко от Узгена могильник Шагым, датированный исследователями первой половиной II тыс. до н.э. [Аманбаева и др.,

2006]. Погребальный инвентарь этого памятника имеет типологические аналогии в материалах Саразма и других древневосточных памятников эпохи бронзы.

Подводя итог исследованию изделий эпохи раннего металла и рудных источников Согда, можно сделать следующее заключение. Начало металлообрабатывающего производства в Согде восходит к рубежу IV/III тыс. до н.э. Развитая технология употребления типов сплавов и развитые металлические формы свидетельствуют не о конвергентном становлении металлообработки на этой территории, а о внешних воздействиях, приведших к её возникновению. Формы изделий и их химико-металлургическая характеристика позволяют связать эти влияния с несколькими импульсами, исходившими из центров с разной культурной ориентацией. Типологические и химико-металлургические изменения в металле дают основание наметить две фазы развития древней согдийской металлургии (рис. 2).

I фаза — XXX-XVIII/XVII вв. до н. э. — характеризуется южными импульсами, связанными скорее всего с восточным южно-туркменистанским центром металлообработки вызвавшими зарождение металлообработки в бассейне реки Зеравшан. Ранний импульс на рубеже IV/III тыс. до н. э. связан с проникновением металла и форм в верховья Зеравшана в результате переселения племен из Юго-Восточной Туркмении. В результате этого возникает саразмский центр. Вначале он был металлообрабатывающим и работал на ирано-афганском сырье, доставлявшимся из Южной Туркмении. В последней четверти III тыс. до н. э. начинается эксплуатация местных месторождений. Об этом свидетельствуют руда и ряд изделий из Саразма со своеобразным химическим составом металла, не имеющим химических аналогий в материалах других памятников Средней Азии. Начиная с рубежа III/II тыс. до н. э. саразмские литейщики применяют медь, источники которой локализуются либо в Северо-Западном Узбекистане (Кызылкумские горы), либо в Казахстане. В литейной практике саразмские мастера использовали искусственные мышьяковые, оловянные бронзы биллон, а также серебро. Правда, применение таких сплавов было ограниченным. Чаще всего для изготовления орудий труда, оружия и украшений употреблялась «чистая» медь.

Другой поздний (середина-последняя треть III тыс. до н.э.) южно-туркменистанский импульс вызвал возникновение металлообработки у пастушеско-земледельческих племен культуры Заманбаба. Южное влияние здесь проявляется не только в типологии инвентаря, но и на химических показателях металла. Так, заманбабинские литейщики использовали сырье, характерное для производств юга Средней Азии. Вместе с тем ряд изделий этой культуры сделан из металла северного происхождения, который получали из руды, добытой в Кызылкумских горах. Не исключается возможность, что заманбабинцы являлись посредниками в передаче металла северных источников на юг Средней Азии. Литейщики Заманбабы не знали бронз и изготавливали инвентарь из «чистой» меди, некоторые украшения делались из серебра.

II фаза — XVIII/XVII-X вв. до н.э. — характеризуется северными — степными (андроно-вскими) и земледельческими (культура лепной расписной керамики) импульсами, которые связаны с миграциями в бассейн реки Зеравшан носителей культур, представлявших южно-казахстанские и восточно-казахстанские, хорезмский (тазабагыбский), ферганский и ташкентский (дальверзино-бургулюкский) производственные центры. В это время характер металлопроизводства и рудной базы населения Согда резко из-

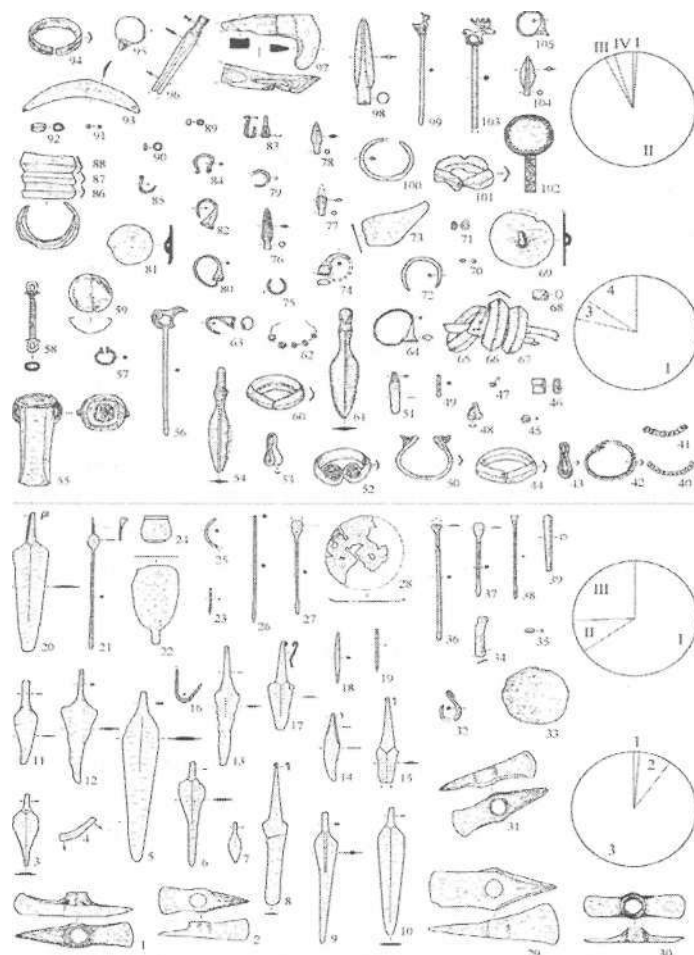

Рис. 2. Фазы развития древней металлургии Согда. Характерные типы изделий в коллекциях памятников и диаграммы распределения химико-металлургических групп /доля, %/.
 Условные обозначения: 1-28 — Саразм; 29 — Пянджикент; 30 — Джем, Сигиртепа; 31* — Мысыр; 32-39 — Заманбаба; 40-43 — Гуджайли; 44-52 — Чакка; 53 — Сиаб, Самарканд; 54 — Джембай; 55 — Бедак; 56-59 — Зарча-Халифа; 60-63 — Гус; 64-72 — Муминабад; 73-78 — Сазаган 2; 79-93 — Дашти-Козы; 94-95 — Чорбог; 96-97 — Гилан; 98 — окрестности Самарканда /? /; 100-105 — Джем, Галашерик. Масштаб изделий равен 1/4-1/10 их натуральной величины. I — оловосодержащие сплавы; 2 — мышьяковые бронзы; 3 — «чистая» медь; 4 — «чистое» олово. I — металл ирано-афганских рудных источников; II — металл узбекско-таджикских рудных источников; III — металл узбекского или казахского рудного источника; IV — металл евразийских рудных источников.

меняется. Выходит из употребления металл ирано-афганских источников сырья. Ведущее место в производстве племен занимает металл, выплавленный из руды полиметаллических и касситеритовых месторождений Зеравшанской металлогенической провинции. Кроме металла местных источников, согдийские кузнецы-литейщики применяли бронзу и медь, которые производились в тазабагыябском и дальверзино-бургулюкском металлургических центрах, функционировавших в Хорезме и Фергано-Ташкентском регионе. Также, правда весьма редко, в согдийских комплексах встречается металл, характерный для центров Евразийской металлургической провинции. Мастера Согда использовали медно-оловянные, медно-мышьяковые, медно-оловянно-свинцовые бронзы и «чистую» медь. На территории Восточного Согда в это время появляются медно-оловянно-сурьмяно-мышьяковые и медно-оловянно-свинцово-сурьмяно-мышьяковые

сплавы, которые отличаются от прочих бронз сложностью своей рецептуры. Другой особенностью металлообработки Согда является большая насыщенность комплексов оловосодержащими сплавами (на их долю приходится от 50 до 100% изделий коллекции). Здесь впервые в Средней Азии появляются бусы и бисер, сделанные на оловянной основе. Кроме того, вторая фаза характеризуется исчезновением многих древневосточных

металлических форм и появлением степных, а также наличием в продукции согдийских центров изделий со смешанным морфологическим обликом, несущим элементы металлообработки производств Евразийской и Ирано-Афганской металлургических провинций (см. рис. 4 зеркало № Ю2).

Не вполне ясен пока вопрос о роли мастеров-металлургов культур с лепной расписной керамикой в развитии металлургии Согда в эпоху поздней бронзы. О том, что инфильтрация племен этого круга культур из Фергано-Ташкентского региона в бассейн Зеравшана в последний четверти II тыс. до н. э. имела место, свидетельствует поселение Сазаган II, в слоях которого наряду со степными предметами встречены материалы чувстско-бургулюкского типа. Ярким доказательством такого проникновения служит поселение Кок-тепа [Исамиддинов, 2002]. В нижних слоях этого памятника обнаружены металлические изделия и следы мелкого производства — литейные формы, капли металла и фрагменты тиглей эпохи поздней бронзы и раннего железа. Однако металл этих находок не изучен. Памятники поселения Чимкурган, Турткуль-тепа, Еркурган, Узункир с керамикой культур лепной расписной керамики открыты южнее Зеравшана в восточной зоне долины Кашкадарьи. Металлические материалы эпохи бронзы в них пока не найдены, хотя металл раннего железного века (VIII—VII вв. до н. э.) известен.

Литература

- Аванесова Н. А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР /По металлическим изделиям. Ташкент, 199¹-
- Аванесова Н. А., Шайдуллаев Ш. Б., Еркулов А.** К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
- Аманбаева Б. Э., Рогожинский А.У., Мэрфи Д.М.** Могильник Шагым — новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы //АИ Уз. в 2005 г. Ташкент, 2006.
- Аскарлов А. А.** Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. 1969. Вып. 8.
- Аскарлов А. А.** Могильник эпохи бронзы в Муминабаде //КСИА. 1970. Вып. 122.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.** Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Джуракулов М. Д., Аванесова Н. А.** Новые исследования по Сазаганскому поселению //ИМКУ. 1984. Вып. 19.
- Исаков А. И.** Саразм / К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-¹983 гг.). Душанбе, 199¹-
- Исаков А.И., Потемкина Т.М.** Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология. 1989. № 1.
- Исаков А. И., Рузанов В. Д.** Результаты спектральных исследований металла поселения Саразм // Труды МАЭ. 2008. Т. 2.
- Исамиддинов М.Х.** Истоки городской культуры Самаркандского Согда (Проблемы взаимодействий культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
- Кузьмина Е. Е.** Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. 1966. Вып. В4-9-

- Лев Д. Н. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. 1966. Вып. ю8.
- Литвиненко К. И., Радилиловский В. В., Якубов Ю.Я. Древнее горнорудное производство бассейна реки Зеравшан // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Тезисы докл. Межд. науч. конф. Худжанд, 1994-
- Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане // Труды САГУ. Новая серия. Вып. п. Ташкент, 1950.
- Наумов Д. В. Химический состав металлических украшений Муминабадского могильника // Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 2i8. Самарканд, 1972.
- Пругер Е. Б. Горный промысел Южного Согда — Кеша /Учебное пособие/. Ташкент, 1986.
- Рузанов В. Д. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. 1979- Вып. 15.
- Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа / Автореф. дисс... к.и.н. Москва, 1982.
- Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. 1990. Вып. 24.
- Рузанов В.Д. Новые данные о металле могильника Муминабад // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств: Тезисы докл. Межд. науч. конф. Самарканд, 1995-
- Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение — источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. 2000. Вып. 31.
- Рузанов В.Д. Ранние рудники в Узбекистане // Материалы международного полевого Симпозиума: Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс. Москва, 2002.
- Рузанов В.Д. Некоторые итоги изучения металла заманбабинской культуры // ИМКУ. 2007- Вып. зб.
- Рузанов В.Д. Результаты обследования древней выработки группы № 3 на касситеритовом месторождении Карнаб // ИМКУ. 2008. Вып. 36.
- Рузанов В. Д., Циерны Я., Вайсгербер Г. Об итогах работы международной узбекско-немецкой экспедиции в 1997-1998 гг. по археологическому обследованию древних источников олова в Зирабулак-Зиаэтдинских горах // ОНУ. Ташкент. 1999- № 7-8.
- Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 1997-
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья //МИА. 1970. № 172.
- Якубов Я. Бронзовый топор-кельт из Джиргиталья / случайные находки/ // АРТ. Вып. XXVII. Душанбе, гооо.
- Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjkov Yu., Cierny Y., Yakubov Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Radililovski V., Ruzanov V., Syirinov T., Starshinin D., Weisgerber Y. Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasien //Eurasia Antiqua. — Band 4. — Berlin, 1998.
- Alimov K., Boroffka N., Burjkov Yu., Cierny Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Ruzanov V., Syirinov T., Weisgerber Y. Research at Karnab, Uzbekistan // ИМКУ — Вып. зб. Самарканд, 1999-
- Bobomulloev S. Ein bronzezeitliches Grab aus Zardcha Chalifa bei Pedjikent (Zeravshan-Tal). V: Archaologische mitteilungen aus Aran and Turan — Band 29. — Berlin, 1997.
- Parzinger H., Boroffka N. Das Zinn der bronzezeit in Mittelasien I. Archflogie in Iran und Turan. — Band 5. — Mainz am Rhein, 2003.

Н. Аванесова
Узбекистан

ПРОЯВЛЕНИЕ СТЕПНЫХ ТРАДИЦИЙ В САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сапаллинская культура (СК) — одна из интереснейших бесписьменных цивилизаций бронзового века Центральной Азии, соответствующая территории Северной Бактрии античных историков. Открыта в ходе раскопок А. А. Аскарлова на юге Узбекистана, в среднем течении Амударьи [Аскарлов, 1973? 1977]- Она входит в зону расселения общин древних земледельцев (северобактрийский вариант БМАК) и относится к комплексам типа древневосточной цивилизации урбанистического облика. Важное место в истории СК занимает проблема взаимодействия со степным миром. Тема эта представляет одну из наиболее сложных задач науки, решение которой проясняет истоки и механизм сложения бактрийского культурогенеза.

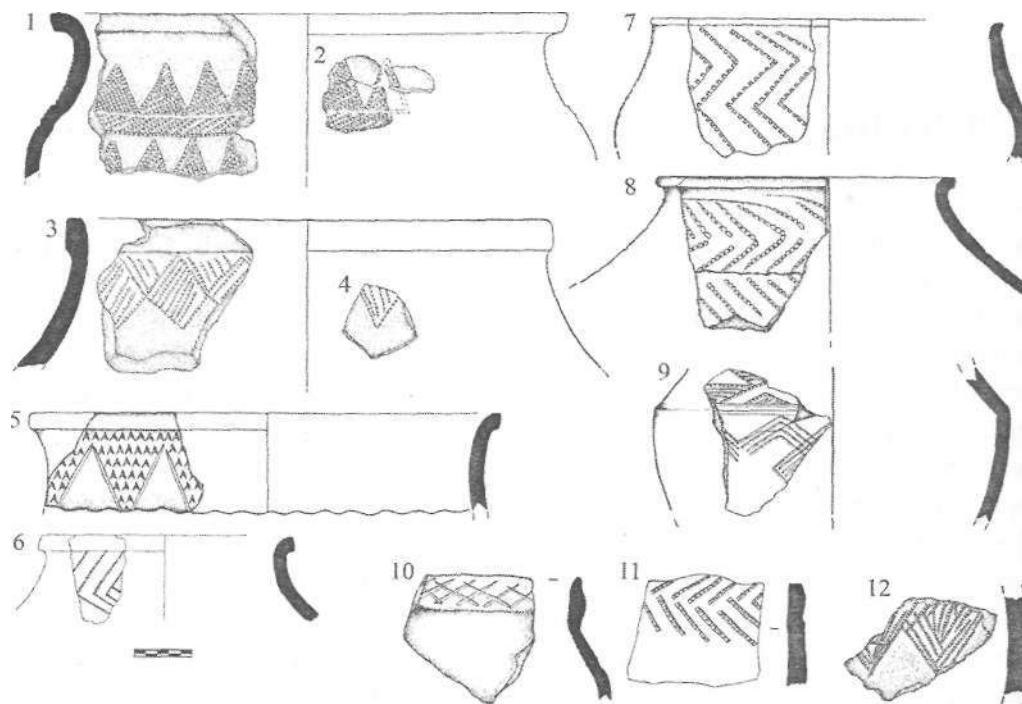
Всесторонние аспекты взаимодействия и контактов земледельческого населения доисторической Бактрии с населением Евразийских степей в научной литературе уже рассматривались [Рахманов, 1982, С. 15-19; Рахманов, Шайдуллаев, 1985. С. 58-63; Аскарлов, 1989. С. 158-166; 1990. С. 3~4; Пьянкова, 1999- С. 286-297; Аванесова, Ташпулатова, 1999- С. 27-36; Виноградова, 2000. С. 89-109; Аванесова, 2003. С. 3~6]. Настоящее обращение к данной теме продиктовано накопленными за последние годы данными, подтверждающими, что эти процессы в регионе были крайне динамичными и многообразными. Значительные свидетельства новых археологических источников, углубленное переосмысление и тщательная обработка старых позволяют внести уточнения в историческую ситуацию не только раннеурбанистической Бактрии, но и сопредельных территорий. Систематизация материала по обозначенной проблеме из сапаллинского, джаркутанского и бустонских комплексов позволяет точнее, на внутрорегиональном уровне конкретизировать время, характер, интенсивность взаимных связей и проникновений, дает более детальную картину взаимодействия степных обществ с населением СК. Культурный пласт проявлений документируется широким спектром фактов из материальной культуры (керамика, металлические, каменные, костяные изделия), важными обрядовыми показателями (детали погребальных конструкций; ритуалы и культовые церемонии с возжиганием огня; использование камня и дерева; различные способы захоронения усопших и пр.).

Сопоставление ряда артефактов и остатков погребальных процедур носителей степных традиций, присутствующих в закрытых комплексах СК, позволяет наметить новые линии синхронизации, а также:

1. выяснить на каких этапах развития земледельческой культуры и с какими группами андроновских, срубных, тазабагьябских и др. объединений сапаллинцы более всего были связаны;
2. определить из каких районов степного ареала проникали вещи или их носители;
3. уточнить и оценить степень воздействия степных инноваций на СК.

Новые материалы некрополей Бустон VI-VII дают, как нам представляется, возможность документально проследить, как немногочисленные группы инокультурного населения были интегрированы в сапаллинское общество. Естественно, этот процесс не сле-

НАВАНЕСОВА

ЁР^

ы? Si

ШШШ

*в(ш)и

Рис. 1. Джаркутан. Инокультурная керамика.

Рис. 2. Бустон VII. Степная керамика.

дует рассматривать как единовременное расселение или вторжение. Обоюдные контакты и влияние двух культурных миров, безусловно, имели долгую историю, проходили довольно мирно и завершились, вероятно, взаимосмешением. Степной импульс маркирует культурные составляющие ерубно-андроновских и постандроновских древностей. Характер и интенсивность связей имеет четкую пространственную обусловленность.

Для синхронизации и выяснения механизмов взаимодействия, поиска культурной среды особое значение имеет детальное изучение всех категорий вещевого материала. Рассмотрим, насколько значителен пласт вещей степного типа в поселенческих и погребальных комплексах Сапаллинской культуры.

Начнем с керамики, одного из основных общепринятых в археологии источников в силу ее информационных возможностей и массовости. Гончарная продукция, изготовленная способом ручной лепки, демонстрирует хронологическую и культурную неоднородность. Коллекция включает более 50 обломков от 31 сосуда, выделенных и реконструированных по венчикам с прилегающими стенками. Некоторые крупные фрагменты с венчиком позволяют судить о форме сосуда. Многие из них по внешним очертаниям могут быть отнесены к корчагам-хумам (тарная, хозяйственная посуда с диаметром венчика 40-45 см) I и горшечно-баночным емкостям. В коллекции из раскопок могильников Джаркутан 4В Бустон VI, VII имеются также 4 целых сосуда, выполненные в лепной технике и 3 необожженных вотивных монофункциональных сосудика с орнаментом, точно воспроизводящие формы горшковидных сосудов федоровского и тагискено-карасукского типа. Что касается способов формовки, судить о них затруднительно из-за фрагментарности находок. Большая часть из них декорирована. Основой сравнительного анализа является комплексный подход с оценкой как морфологии керамики, так и технологии системы орнаментации.

Выборка обсуждаемой керамики статистически незначительна, поэтому ее анализ проводится лишь на содержательном уровне. По учетным данным, на поселении и могильнике 4В' Джаркутана удалось выявить 12 фрагментов лепной керамики. Интересная закономерность прослеживается при анализе планиграфического распределения находок: 4 из них зарегистрированы в храмовом комплексе (холм 6), один фрагмент из цитадели (холм 5), еще один в стратиграфическом раскопе холма 4 и обломок корпуса сосуда в русле канала.¹ Имеются находки (3 экз.) из нестратифицированных поверхностных сборов поселения Джаркутан. Заслуживает внимания керамика из некрополей Бустон VI–VII, поскольку эти комплексы, в отличие от других могильников СК, дают значительные выборки — более 40 фрагментов.² Большинство из них обнаружены вне захоронений: в кострищах; крематориях; ритуальных ямах-жертвенниках; алтарных устройствах; с остатками тризны; несколько мелких обломков найдено в кирпичной массе.³ Находки в могилах также встречаются, но они крайне редки. Хотя не всегда с полной уверенностью можно определить культурную принадлежность гончарных изделий на морфологическом уровне, есть основание выделить в анализируемой керамике петровскую, алакульскую, федоровскую, тазабагыбскую и постандроновскую посуду. Приведем некоторые характеристики с четко фиксируемыми культурными признаками, придерживаясь принципа условного разделения на хронологические группы.

Верхняя часть сосуда с открытым устьем, суженной шейей, расходящимися стенками горловины (рис. i-з) - Край венчика отогнут наружу, срез уплощенный, с внешней сто-

ны имеет плоское утолщение (отмечаемое исследователями как «воротничок», «манет»). Орнамент расположен одной зоной по шейке, представлен из ленты косо заштрихованных вертикальных ромбов, соединенных между собой боковыми углами, вершины которых упираются в нижнюю кромку венчика, формируя равнобедренные треугольники без основания. Композиция представлена чередующимися вписанными друг в друга фигурами, образующими единый горизонтальный пояс. Ромбы и треугольники заполнены разнонаправленными оттисками гребенчатого штампа с крупными зубцами. Посуда равномерного обжига (видимо не костровый), поверхность тщательно заглажена, светло-охристого цвета, черепок в изломе коричневато-розовый, фактура не плотная. Диаметр венчика 42 см, толщина стенок 1,2-1,5 см, ширина налепа-венчика — 3 см. В качестве отщипеля в тесте использована толченая раковина, слюда, песок.⁴

Описанная керамика происходит с пола коридора 3 (коридорообразные помещения — «реликварий») храма Джаркутан, обнаружена с фрагментами сосуда джаркутанского этапа.⁵ Сошлемся также на тождественный небольшой фрагмент стенки сосуда, выявленный в джаркутанском слое цитадели (холм 5, раскопки Ш.Б. Шайдуллаева) одноименного поселения (рис. 1-4). Прямых аналогов найти не удалось. Следует отметить, что среди доандоновской керамики практически не известны одинаковые сосуды. На уровне композиции, зональной приуроченности, техники и приема нанесения орнамента наибольшее сходство отмечается с керамикой синташтинской культуры могильника Танаберген II Южного Приуралья [Ткачев, 2007. рис. 4-4; 51⁻¹⁴]- Причастность к синташтинско-петровским комплексам маркируют: орнаментальный пояс на шейке, утолщенный налест с внешней стороны и горизонтальный срез венчика [Малютина, Зданович, 2003. С. 120; Виноградов, 2007. С. 22-23, С. 27-28].

Заслуживает внимания еще одна находка. Фрагмент представляет собой часть плечика тулова острореберного сосуда горшечно-баночной формы (рис. 1-9). Форму с известной долей условности можно определить как горшок с ребристым профилем и вогнутым плечом (I. 2. 2) по типологии синташтинской керамики Южного Приуралья по В. В. Ткачеву [2007- С. 142]. Корпус емкости с ярко выраженным ребром, сформированным при переходе от вогнутого плечика в выпуклые стенки тулова. Орнамент имеет сложную композицию — комбинация из треугольников, занимающих зону плеча. Узор состоит из ряда сгруппированных равнобедренных, заштрихованных (чередование рядов горизонтальных и косых штрихов) треугольников. Зона изгиба ребра выделена горизонтальными неглубокими желобками, по тулову нанесен четырехрядный горизонтальный зигзаг. Рисунок выполнен прочерченной техникой плоского и оттисками гребенчатого (обрамление треугольников) штампов. Поверхность тщательно заглажена со следами лощения, на внутренней стороне имеются следы затертости щепой. Обжиг равномерный, цвет черепка темно-серый, в изломе буровато-серый. Толщина стенок 0,6-0,8 см. Тесто формовочной массы включает тальковую крошку, органику и шамот. Происходит описанная керамика из разреза сухого русла водосборного канала поселения Джаркутан, который функционировал только на раннем этапе освоения этого региона [Аскарлов, Ширинов, 1993- С. 76-77]-⁶ Обсуждаемая керамика может быть идентифицирована как посуда петровского типа Урало-Казахстанского региона. К числу значимых культуuroобразующих показателей последнего исследователи относят: острореберные горшки (переход от плеча к тулову оформлен как высоко поднятое

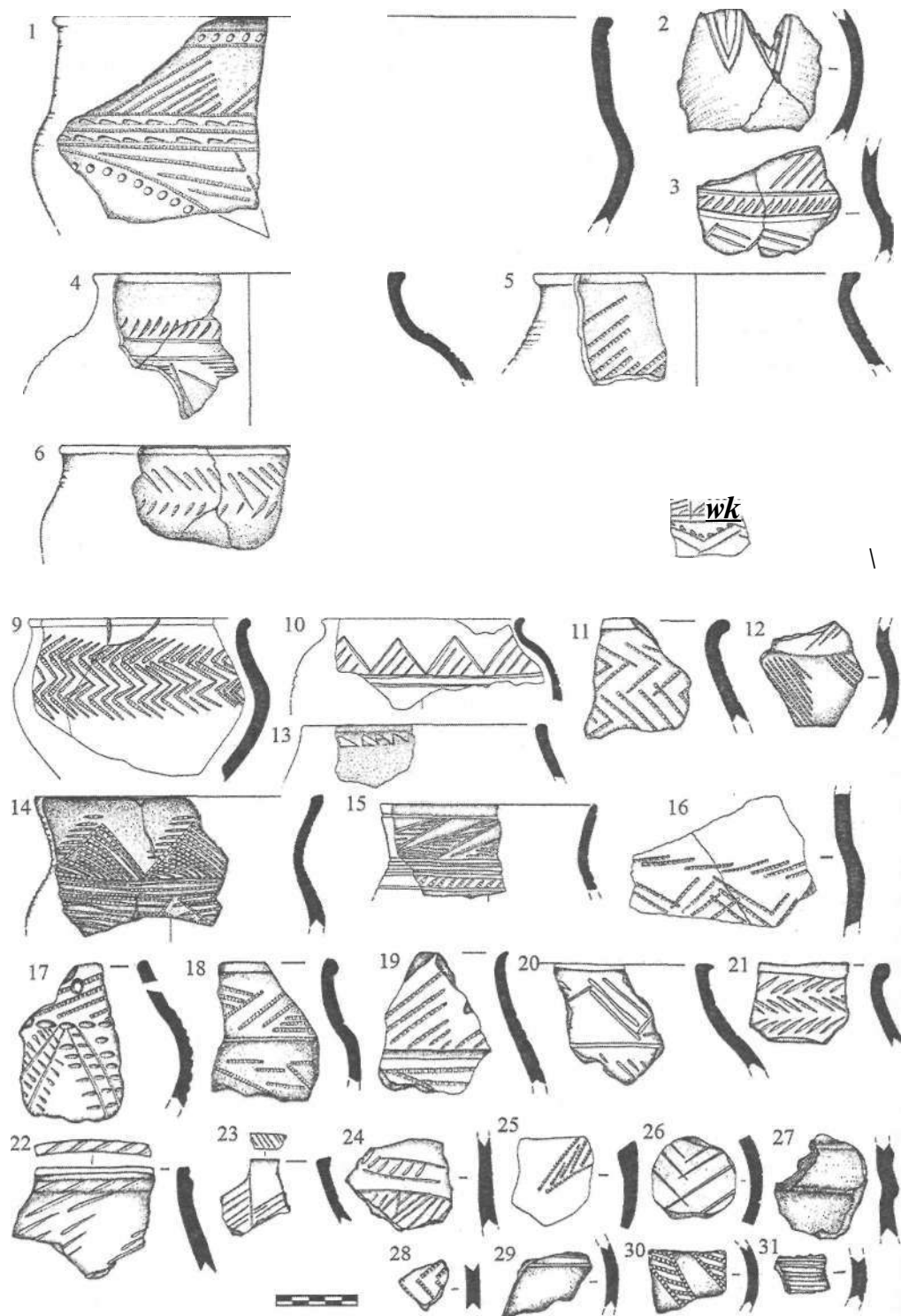

Рис. 3- Бустон VI. Степная керамика.

ПРОЯВЛЕНИЕ СТЕПНЫХ ТРАДИЦИИ В САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

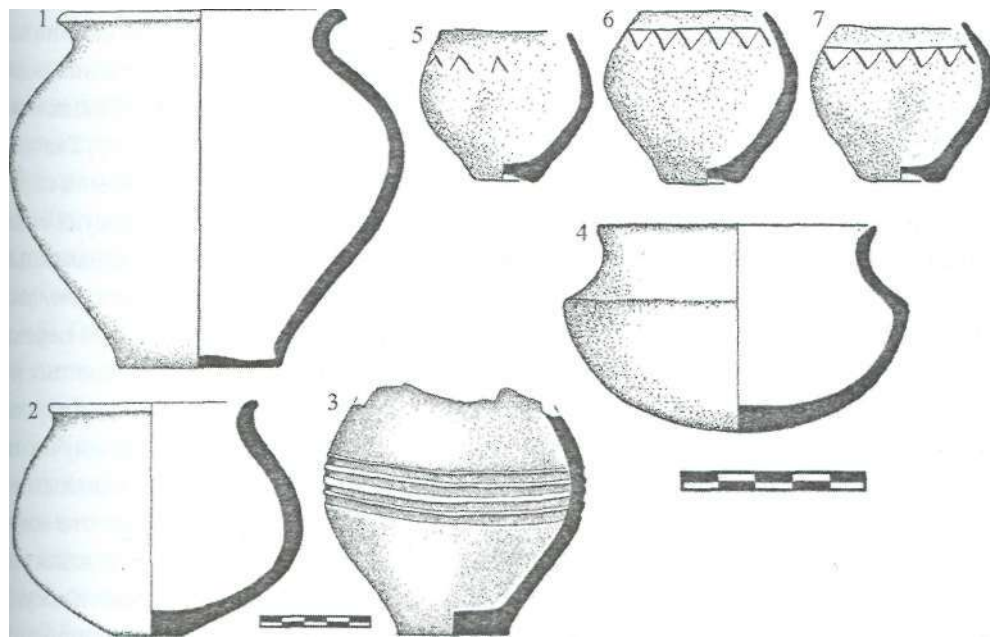

Рис. 4- Керамика степного типа из могильника Сапаллинской культуры.

ребро); орнамент выполнен преимущественно гладким штампом, прочерчиванием, занимает шейку, верхнюю часть тулова, в большинстве это равнобедренные, наклонно заштрихованные треугольники в сочетании с горизонтальными зигзагами; лощение поверхности; рецептура формовочной массы включает тальковую дресву и шамот [Зданович, 1983. С. 60-61; 1988. С. но; 2002. С. 42; Гудков, 2003. С. 316; Виноградов, 2007. С. 27; Ткачев, 2007. С. 327-33¹]- Перечисленные ключевые позиции соответствуют анализируемой керамике.

Несомненный интерес представляет обломок верхней части крупного сосуда типа хума с близкими очертаниями горшечной формы. Характеризуется четко оформленным отогнутым наружу утолщенным венчиком, широко расширенным к верху устьем, выделенной вогнутой утолщенной шейкой со сглаженным валиковым уступом при переходе от плечиков к округлому тулову (рис. 1-1). Орнаментированная композиция состоит из двух ярусов равнобедренных треугольников с наклонной штриховкой, обращенных вершинами вверх с разделительным горизонтальным поясом (наклонных оттисков) между ними. Для нанесения узора использовался гребенчатый штамп с крупными прямоугольными зубцами в прерывистой глубоко оттиснутой технике по еще сырой поверхности, что создавало рельефность. Треугольники и штриховка выполнены небрежно, сбоями. В нанесении орнамента наблюдается горизонтальная зональность. По сохранившейся части сосуда можно отметить, что в орнаментальном поле выделяются три основные зоны: шейка, разделительный пояс у основания шейки и плечики. Обе поверхности имеют следы механической обработки в виде заглаживания. Цвет сосуда светло-коричневый с большими черными пятнами нагара от неравномерного кострового обжига, в изломе черепок коричневаточерный, фактура неплотная. В качестве искусственных добавок к глине использовался шамот, песок с частицами кварца и измельченные створки раковин. Диаметр устья 44 см, толщина стенок 0,9-1,4 см. Рассматриваемая керамика зафиксирована в помещении 5 (хранилище священной золы) храма Джаркутан.⁷

По формальным признакам с данной гончарной продукцией сближаются сосуды горшечной формы поселения Аркаим [тип Г-Ш по Малютиной, Здановичу, 2003. С. 116-117, рис. 6-6]. Сопоставимы и с баночными сосудами большой емкости, стенки которых у горловины имеют выраженные утолщения [Зданович, 1997- С. 53, рис. 8-1, 2]. Следует отметить, что последнее становится одним из диагностирующих признаков в оформлении горловины алакульской керамики (см. рис. 1-1; 2-4). Зональное размещение многоярусных треугольников находит параллели в декоре гончарных изделий из поселения Петровка II, эпонимного и Болынекараганского могильников [Зданович, Зданович С, 1980. С. 188, рис. 3-ю, и; Зданович, 1988. С. 51, рис. 18-11; табл. 10А-23; Боталов и др., 1996. С. 78, рис. 14-6]. Обратим еще внимание на технику и стиль исполнения орнамента, создающих рельефность джаркутанской керамики и демонстрирующих определенное сходство с синташтинскими памятниками Южного Приуралья [Ткачев, 2007. С. 181-182]. В целом, керамика характеризуется таким сочетанием признаков, которые не позволяют однозначного интерпретирования. Мы полагаем, что общий облик сосуда больше соответствует керамике петровского типа.

Еще один обломок из Джаркутана требует отдельного описания. Небольшой фрагмент широкогорлого хума с отогнутым округло-утолщенным краем венчика (рис. 1-5). По основанию последнего нанесена полоса горизонтальных угловых отпечатков, изображенных остриями вверх, а ниже, по шейке — пояс из равнобедренных треугольников, обращенных

вершинами вниз. Они образованы глубокими прочерченными линиями и заполнены рядами таких же горизонтальных угловых оттисков. Орнамент нанесен остроугольным гладким штампом техникой глубокого вдавления в сочетании с резьбой. Поверхность шероховатая, покрыта псевдоангобом (жидкой красно-коричневой глиняной обмазкой, что обеспечивало водонепроницаемость), обжиг неравномерный, в изломе черепок красноватого цвета. В тесте значительные добавки мелких фракций толченого известняка и кварцевого песка. Диаметр устья 36 см, толщина стенок 1,2 см. Обнаружена в помещении 7 (жертвенная комната) храма, где основная часть керамики представлена хумами и относится к бустонскому этапу [Аскарлов и др., 1984- С. 13, рис. ю-18; Аскарлов, Ширинов, 1993- С. юб., рис. 44-18]. Описанная керамика не имеет абсолютных аналогий. Внешне она идентична степной гончарной продукции, но технологическая обработка поверхности и рецептура формовочной массы обнаруживают высокую степень сходства с кухонной керамикой СК. Таким образом, сосуд отражает синтез местной и инокультурной традиций. Своеобразие фрагменту сосуда придает сравнительно редко применяемый элемент декорирования и техника нанесения орнамента при помощи фигурного штампа, что вызывает определенные тагискено-бегазинские ассоциации [Маргулан, 1979- С. 143, рис. ю8-2, 4! Итина, Яблонский, 2001, рис. 100-684]. В равной степени схема построения орнамента из угловых вдавлений близка и к андроновской керамике [Сорокин, 1966, табл. VIII-4, табл. XVI-3, 4; Липвинский и др., 197², рис. 19-41 Однако там они выполняли разделительную или горизонтальную функции (см. рис. 3~7) или использовались для окантовки геометрических фигур [Комарова, 1962, рис. 2-22; 4-22]. В таком качестве узор известен и на тазабагыябской посуде [Итина, 1977- С. 78, рис. 32, табл. 63].

Хотелось бы отметить, что техника нанесения орнамента у андроновцев, тагискенцев и бегазинцев отличается. Первые использовали прием вдавления углом орнамента, последние применяли фигурный штамп. В аспекте обсуждения культурной принадлежности джаркутанской керамики нам представляется, что она является результатом подражания бегазинским образцам. Такой факт далеко не единичный, подобной репликой (местная гончарная продукция с элементами степного декора) является и другой фрагмент (рис. 1-6), выявленный в хозяйственной части храма Джаркутан [Аскарлов и др., 1984, рис. ю; Рахманов, Шайдуллаев, 1985. С. 60, рис. 1-3]. Несмотря на известное своеобразие, нет оснований исключать эти фрагменты из комплекса степной керамики, в которой они представляют вариант, пока нам малоизвестный. Что же касается рассмотренной керамики бегазинского типа, то ее поздняя позиция подтверждается стратиграфическим условием залегания в комплексе с бустонской посудой. Необходимо указать, что в могильниках БустонУ1, VII есть импорт бегазинской и тагискентской керамики (рис. 2-3; 3-² > !3)- Обращает на себя внимание, что сосуды из могильников Джаркутан 4В' и Бустон VII, представленные в погребениях бустонского времени, по форме и технической обработке (серолощенные сосуды с короткой, слегка изогнутой шейкой, сферическим туловом и уплощенным дном) также имеют тагискено-бегазинские аналогии (рис. 4-2, 4)-

К сожалению, ограниченные рамки статьи не позволяют подробно остановиться на описательной характеристике каждого фрагмента. Вместе с тем отдельного внимания заслуживают некоторые образцы горшков из некрополей Бустон VI, VII, которые в системе

андроновских древностей находят соответствие с алакульской и федоровской гончарной продукцией.

Среди многочисленных фрагментов особо выделяется крупный обломок сосуда с вы-
раженными алакульскими диагностическими признаками (рис. 2-4). По форме горшеч-
ного типа емкость имеет широко открытый верх, прямую шейку, слабовыпуклое тулова
с уступчатым плечом, отделяющим шейку от тулова. Срез венчика округло-уплощенный.
Орнамент украшает приустьевую часть шейки, состоит из гладкой зигзагообразной по-
лосы между двумя рядами заштрихованных треугольных фигур, обращенных вершина-
ми в противоположные стороны. Реберчатый уступ подчеркивает наклонно заштрихован-
ная горизонтальная лента. Под ним располагается меандровый узор, состоящий из сое-
диненных между собой прямых отрезков косо заштрихованных лент. Техника нанесения
узора — резной способ и гребенчатый штамп с мелкими, неглубоко посаженными зубца-
ми. Наружная поверхность со следами лощения серо-черного цвета. Обжиг неравномер-
ный с белесыми пятнами, черепок в изломе черного цвета, изготовлен из глины с приме-
сью измельченной слюды, песка и шамота. Диаметр устья 21 см, толщина стенок — 0,7 см,
шейки — 1,1 см. Зафиксирован в кострище-жертвеннике (М 19, Б-VII) вместе с фрагментами
керамики кузалинского типа. Идентичная керамика найдена в кострище № 13 (рис. 2-5),
в облике которой четко фиксируются (в рецепте формовочной массы слюда) алакульские
черты. Место анализируемой посуды в системе андроновских древностей мы определяем
как гончарную продукцию алакульских племен. Наибольшее сходство (зональное разме-
шение, мотив орнамента, отсутствие узора в зоне основания шейки, техника нанесения де-
кора, рецептура формовочной массы) имеет с алакульскими изделиями западных райо-
нов андроновской общности [Сорокин, 1966]. Здесь нельзя не отметить почти абсолютно-
го сходства с сосудами могильника Тасты-Бутак 1 [Сорокин, 1962, табл. XLIV-n, 34-49, 61].

Обратим внимание и на керамику, в котором мы усматриваем федоровские черты, пред-
ставленную в коллекции Б-VI несколькими находками. Большая часть из них обнаруже-
на в заполнениях кострищ, алтарных устройствах. Целесообразно рассмотреть подробно
два фрагмента.

А) Горшечной формы сосуд имеет широкую горловину, прямой с закругленным краем
венчик, слабопрофилированную шейку, слегка округлые плечики (рис. 3-8). Орнамент рас-
пределен по трем зонам: венчик, нижняя часть шейки и плечики. Линейные и зигзаговые
мотивы сочетаются с прямоугольными косо заштрихованными треугольниками и капле-
видными вдавлениями. Техника декорирования с преобладанием гребенчатого штампа
с плотно расположенными подпрямоугольными зубьями. Внешняя поверхность залоще-
на до блеска, обжиг равномерный, фактура черепка плотная, легкая, тонкостенная, тол-
щина 0,4-0,6 см, в изломе темно-коричневая. В качестве отошителя использовали шамот,
органику и песок. Диаметр устья — 2/ см. Найдена в заполнении могильной ямы 64 вме-
сте с молалинской керамикой.

Б) Наиболее отчетливо федоровский компонент проявляется в керамике с орнаменталь-
ной схемой, выполненной в стиле аппликации (рис. 3-15)- Вытянутая, зауженная шейка
с отогнутым округленным венчиком и слабо намеченные плечики приближают фрагмент
к кувшиновидному сосуду. Узор покрыт сплошной зоной. Основу композиции составляют
крупные косо вытянутые треугольники (заполнены наклонными оттисками гребенчато-

го штампа) вершиной вверх. Техника нанесения узора — мелкозубчатый и плоский штамп в сочетании с каннелюрами. Изготовлен из хорошо промешанного теста с примесью шамота и песка. Обжиг равномерный, поверхность залощена, коричневого цвета. Диаметр устья 12 см, толщина стенок 0,4–0,6 см. Определенное своеобразие придает наличие раструбообразного горла. Обнаружен в кострище (М 335) сакрального комплекса вместе с посудой молалинского времени. Имеются два мелких фрагмента с орнаментом такого же типа, выявленные в кирпичной массе (рис. 3-26, 30).

Описанные сосуды отличает: аккуратно выполненная мелко гребенчатая техника орнамента; общие принципы построения декора на венчике, шейке и плечиках с разделителем между ними; в том числе элементы узора (косые и прямоугольные треугольники, каннелюры), тщательная обработка поверхности (лощение), режим обжига и рецептура формовочной массы. Сочетания всех перечисленных признаков близки диагностирующим показателям посуды федоровского типа [Сорокин, 1966]. Некоторые соответствия можно провести и с керамикой поселения Кокча 15 тазабагъябской культуры [Итина, 1977: рис. 17-1; рис. 20-1, 2, 3]. Наибольшее сходство (морфологические и декоративные признаки) наши материалы демонстрируют с керамикой федоровской стоянки у совхоза Кирова и небольшой коллекцией поселения Кангуртут Юго-Западного Таджикистана [Литвинский, Соловьев, 1972, рис. 19Б-1,2, рис. 20Б-1,4, и; Виноградова, 2004, рис. 25, рис. 44Б-6; Виноградова и др., 2008, рис. 7~36; рис. 24-2, 3; рис. 35²6, 27]. Вытянутые косые теругольники Е. Е. Кузьмина считают особенностью федоровской посуды Таджикистана [Кузьмина, 2008. С. 94].

Условия залегания федоровской керамики некрополя Бустон VI надежно связаны с молалинским этапом СК, что позволяет синхронизировать их. Имеются основания считать, что сосуд, зафиксированный в некрополе Джаркутан 4В' (Ionesov, 2002, fig. 7), является продукцией местных гончаров, но выполнен в традиции федоровских мастеров. Своим появлением в молалинском комплексе (М 83) он обязан федоровским горшкам с плавно профилированным туловом. Последнее небрежно покрыто многорядными желобками — каннелюрами, что также принято считать привилегией посуды федоровского типа. Верхняя часть не сохранилась, поэтому о характере венчика и шейки говорить не приходится. Поверхность заглажена. В глиняном тесте основной примесью является шамот с известковой крошкой. Диаметр тулова — 12 см, диаметр дна 5 см (рис. 4-3). Черты сходства обнаруживаются с сосудами могильника Дашти-Козы [Потемкина, 2005, рис. 13-2, i]. Близкие аналогии видятся и в могильнике Тасты-Бутак, где В. С. Сорокин отмечает, что желобки чаще всего встречаются на неорнаментированной посуде [Сорокин, 1962. С. 70, табл. XLVIII 36; XLIX 45; LVII-98; LX-117].

Как андроновско-федоровское наследие следует рассматривать неорнаментированный сосуд горшечной формы с плавным профилем тулова, относительно узким дном и выраженной шейкой (рис. 4-1). Обнаружен в поминальном комплексе (М 34) вместе с молалинскими сосудами. Это местная керамика (рецептура формовочной массы, обработка поверхности) с подражанием образцам андроновской посуды изготовлена гончаром с устойчивым навыком формообразования федоровских сосудов.

Отмечая схожесть описанной посуды с сосудами федоровского типа, нельзя не заметить ее большую близость также со станковыми горшками с округлым туловом на намечающемся поддоне [Аскарлов, Абдуллаев, 1983, рис. 8-3,4; табл. XXXVII-4, 51]. Существенно, что

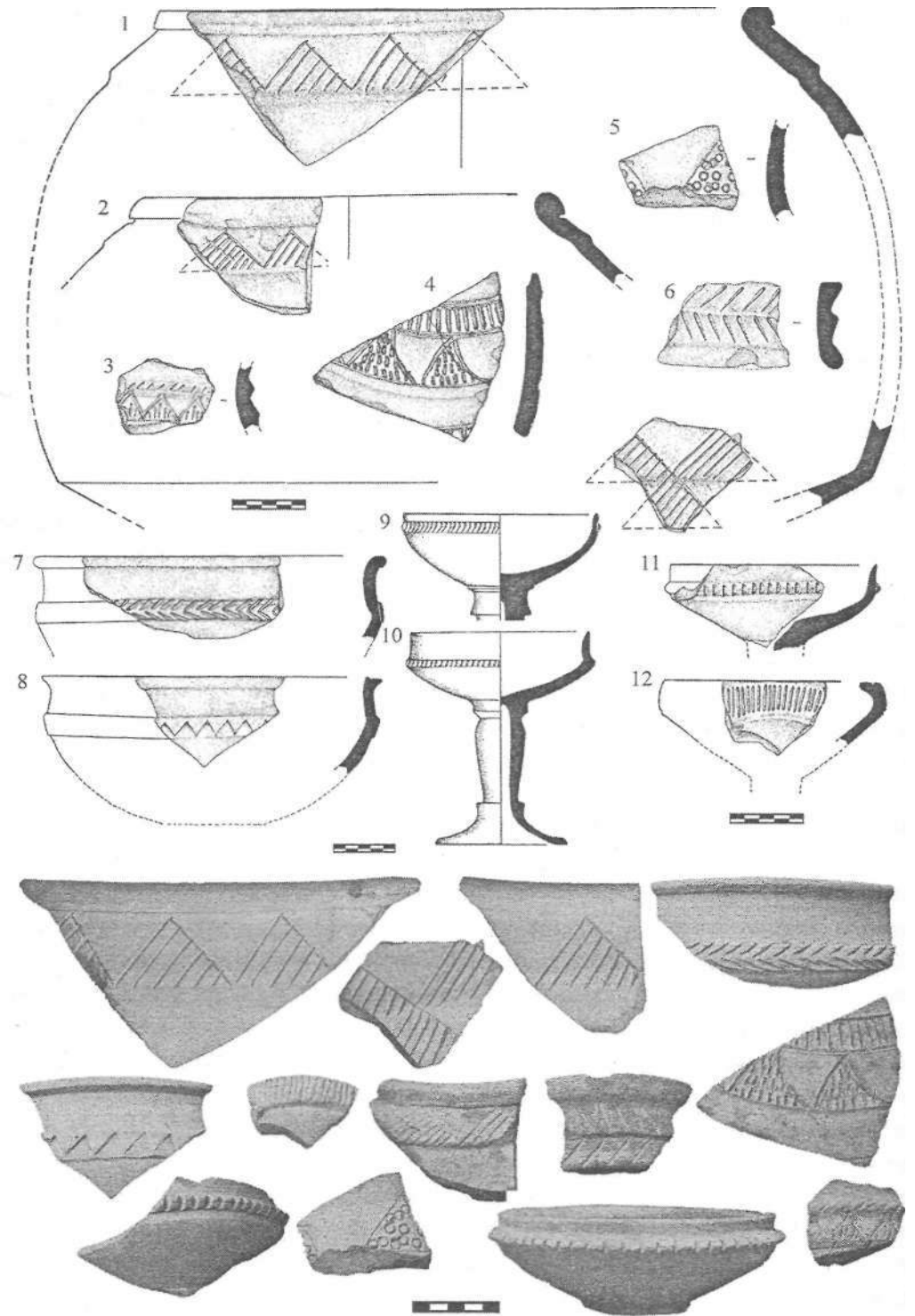

Рис. 5- Джаркутан. Станковая керамика с инородными проявлениями.

ПРОЯВЛЕНИЕ СТЕПНЫХ ТРАДИЦИЙ В САПАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

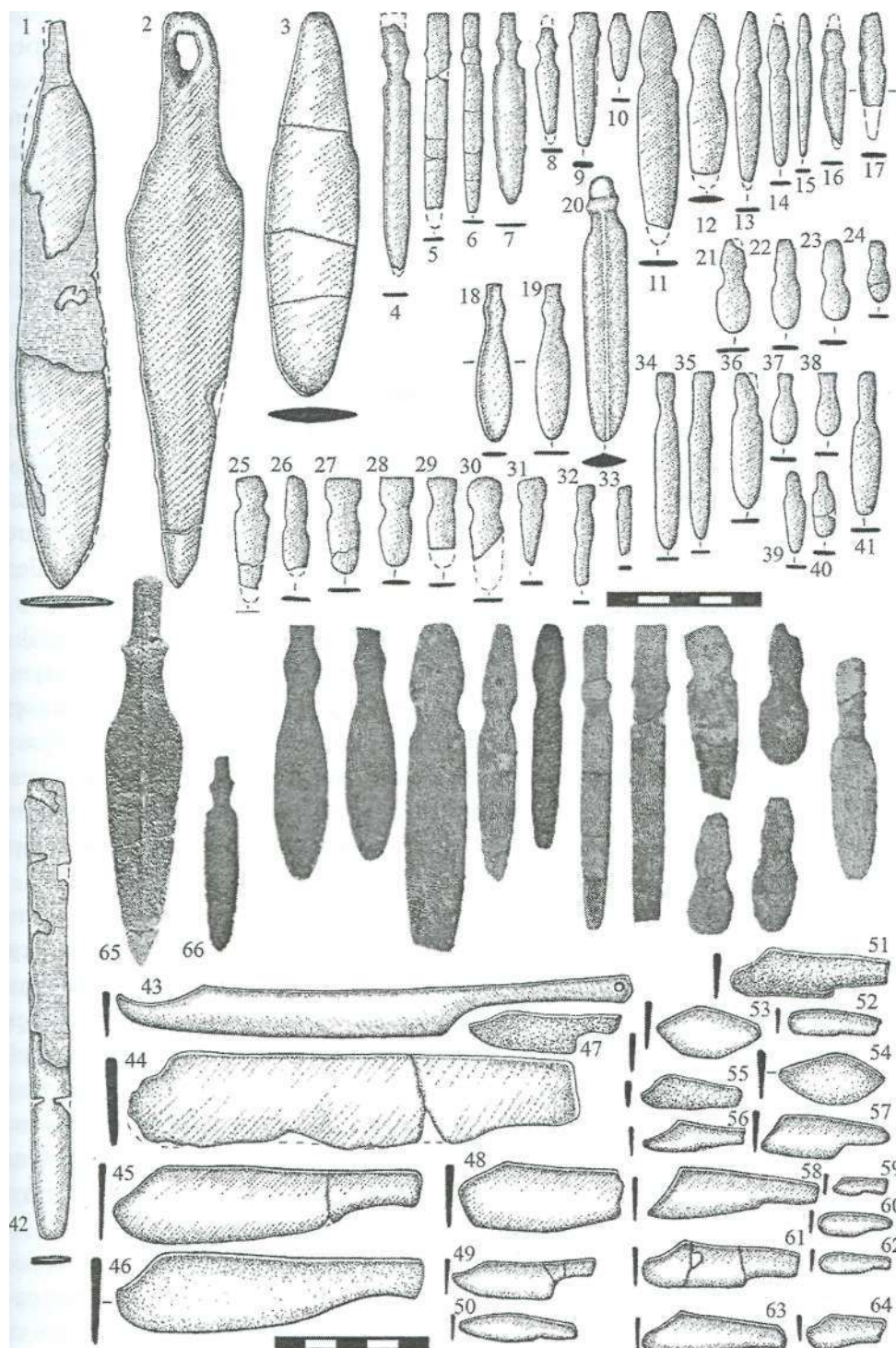

Рис. 6. Ножи степного типа в памятниках Сапалинской культуры: 1-Сапаллитепа; 2-4, 7> *6, 42-44-Джаркутан; 8, 18, 46-47* 51> 54> 63-Бустон VII; 65-могилище Зевакино (Вост. Казахстан); 66-Джаркутан, мог-к 4В; остальные-Бустон VI.

в керамической продукции СК впервые они появляются на кузалинском этапе. Возможно, мастер-горшечник того времени был выходцем из андроновской среды. Обратим внимание еще на новый орнаментальный прием кузалинской керамики — появление на плечах кувшинов прочерченных многорядных линий. Эту разновидность керамики с большей или меньшей степенью вероятности можно принимать как подражание федоровскому декору типа каннелюр. Весьма наглядная параллель просматривается с цилиндрическими сосудами («остодоны»-«курильницы»), украшенными горизонтальными рядами концентрических желобков, что придавало сосуду рельефность [Аванесова, 2000. С. 121, рис. 5].

К проявлениям федоровской керамической традиции мы относим необожженные лепные миниатюрные сосуды, полученные в ходе раскопок некрополя Бустон VI (рис. 4-5, 61 у). Это профилированный, горшковидный с раздутым туловом, плоским маленьким дном с уступчиком сосудов. На линии плечика нанесен одной зоной ряд треугольников вершинами вниз. Техника орнаментации резная, манера исполнения небрежная. Сосуды тонкостенные. Высота 4-5 см, диаметр венчика 3,8-4 см, диаметр дна 1,8-2,2 см. Выявлены вместе с молалинским комплексом [Аванесова, 2000. С. 126,127, рис. 6, j]. Решающим подтверждением авторства андроновских мастеров (помимо морфологической характеристики) является их положение в могиле — вверх дном на угольной «подстилке». Подобная практика хорошо известна в Аллакульском могильнике, в Субботино, Жаман-Узен II и др. [Сальников, 195²- С. 52-62; Аванесова, 1975- С. но, рис. i; Потемкина, 1985. С. 239]-

Кроме описанной керамики мы располагаем довольно своеобразной гончарной продукцией, которая по ряду ключевых показателей (форма сосуда, схема и мотив орнамента, обработка поверхности, цвет и структура черепка) сопоставима с тазабагьябской посудой. Коллекция включает обломки и сосудов, среди которых представлены горшки, банки, узкогорлая посуда. Абсолютные соответствия в материалах пос. Кават 3 имеет крупный фрагмент верхней части горшковидного сосуда, найденный в крематории VII (рис. 3-1) [см. Итина, 1977, рис. 55-2].

Горшок открытой формы, с округло-уплощенным венчиком, со слабо выделенной шейкой, сферическим туловом. Сохранилась часть орнаментальной композиции из трех зон, выполненных оттисками среднезубчатого штампа, ногтевыми и жемчужными вдавлениями. По венчику проходят две параллельные линии, между которыми расположен ряд жемчужин. Под ним нанесен косо заштрихованный незамкнутый треугольник вершиной вверх, который сочетается с остроугольником, выполненным горизонтальной штриховкой и обрамленным бахромой из жемчужных вдавлений. Между треугольниками располагается лента-разделитель, образованная двумя рядами ногтевых вдавлений с включением горизонтальных линий. Поверхность розовато-коричневого цвета, залощена, а изнутри затерта. Обжиг не равномерный, со следами нагара, излом черепка темно-серый, двухслойный. В тесте примесь песка и толченых раковин. Это был крупный горшок с диаметром устья — 34 см, толщина стенок 0,9-1,1 см. Как мы уже отмечали, степень культурной близости определяется тазабагьябскими древностями. Но нельзя не заметить, что техника нанесения узора, элементы орнамента и лощение близки гончарным изделиям федоровских, западно-казахстанских и южно-уральских мастеров. Присутствие федоровских компонентов в материалах тазабагьябской культуры и Северного Тагискена наглядно продемонстрировала М. А. Итина [1977; Итина, Яблонский, 2001. С. 94]-

В керамическом комплексе некрополей Джаркутан, Бустон VI, VII имеются легко узнаваемые формы собственно тазабагьябской посуды. Ниже мы даем суммарную характеристику (рис. 1-7, 8; 2-2; 3-5 > 6, и, 14, 17-19J^{21> 22}) - Более всего своеобразие проявляется в узкогорлых сосудах и открытых горшках с типично тазабагьябскими раздутыми формами плеча и тулова [Итина, 1977- С. иб, и8, 124; тип 4, 8]. Некоторые из венчиков в большей или меньшей степени отогнуты наружу и усилены по краю валиками. Узоры на них преимущественно выполнены гребенчатым, реже гладким штампом. Орнамент состоит из ограниченного числа простых мотивов — в виде вертикальных зигзагов (они доминируют) или поясков горизонтальной и вертикальной елочки, которые украшают горло и тулово, есть с одной выделенной зоной, захватывающей горло и плечики. В декоре неизменно присутствуют и незамкнутые треугольники. Один из сосудов украшен крупными треугольниками, обрамленными бахромой из коротких насечек — устойчивый прием орнаментики федоровских сосудов (рис. 3-14)- Встречается в коллекции ранний (сформированный) валик под венчиком — украшен орнаментом, который не выделяет его из общей орнаментальной композиции, состоящей из резных косых насечек (рис. 3-22). Уместно отметить, что большинство орнаментальных мотивов (многорядный горизонтальный и вертикальный) не имеет четкой культурной привязки. Они фиксируются в конце II тыс. до н. э. почти во всех памятниках степной поздней бронзы Евразии. Тазабагьябским стандартам отвечает лишь внешний облик и рецептура теста керамики. В качестве отощителя использовали толченую раковину, кварцевый песок, но встречаются фрагменты, где имеется шамот с раковинной. Поверхности заглажены снаружи и изнутри, окрашены в желто-красные, красновато-кирпичные, кремовато-коричневые тона, что контрастно отличает тазабагьябскую посуду от остальной степной керамики, которая в основном окрашена в коричневато-бурые, черно-серые цвета, что надо полагать, связано с особым режимом обжига керамики и источником сырья. Излом черепка черный или серый, иногда двухслойный. Толщина стенок сосудов разных размеров, варьирует от 0,6 до 1,2 см. Значительная часть из них соответствует морфологическим стандартам керамики стоянок Анга 5, Кават 3 [Итина, 1977, рис. 52-4, 75 53⁻¹; 55-5; 56-1, 2, 5]. Принадлежность последних определяется М. А. Итиной поздним этапом тазабагьябской культуры XIII-XI вв. до н. э. В системе относительной хронологии СК часть исследуемой керамики одновременна молалинскому этапу, другая — бустонскому.

Отдельную группу составляет керамика постандроновского времени. Укажем, в частности, на миниатюрный сосуд, лишенный декора (рис. 4-4)- Сферической формы, круглодонный, мискообразный сосуд отличается зауженной, невысокой отогнутой наружу шейкой и наличием уступа у основания. Покрит темно-серым ангобом, лощение сплошное, до зеркального блеска. Сделан из хорошо отмученной глины с примесью шамота и измельченной раковины. Обжиг равномерный, излом черепка темно-серый. Диаметр устья 7,5 см, высота 5,7^{см}, толщина стенок 0,4-0,9 см. Выявлен в закрытом комплексе погребения (М 71-VIII) бустонского этапа. Близкие аналогии видятся в керамике с уступом носителей карасукской культурной традиции [Новгородова, 1970, рис. 2; П-з. 4; Грязнов, 1979, рис. 19; Поляков, гооб. С. 8, табл. 1-16]. Но стоит обратить внимание на различие в оформлении шейки сосуда — у карасукской керамики она больше вертикальная. Некоторое сходство (ангобирование, серолощенность, изогнутое горло, круглодонность) наблюдается сре-

ди керамики амирабадского и тагискенского типов [Итина, 1963- С. 119, рис. ю-2, з; 1977 С. 155,167, Р"с. 8о-7; Итина, Яблонский, 2001. С. юб, рис. 64"3!9]-

Интерес вызывает еще один сосуд, зафиксированный в бустонском комплексе некрополя Джаркутан 4В [Ionesov, 2002. fig. 50-1; 52]. Он имеет приземистую горшковидную форму, нечетко выраженную шейку с отогнутым наружу округлым венчиком, шаровидное тулово и уплощенное небольшое донце. Поверхность шероховатая, несмотря на заглаживание, цвет черно-серый, обжиг не равномерный. Изготовлен из глины с примесью разнозернистых известковых фракций и песка. Высота и см, диаметр устья ю см, диаметр дна з см, толщина стенок о,9-1,1 см (рис. 4-2). Сосуд при всей своей самобытности несет черты сходства, близкие 4 типу кухонной посуды амирабадской культуры [Итина, 1977- С. 155, Р"с 73¹⁰]- Принадлежность к местной продукции (кухонного типа) маркирует состав формовочной массы и обжиг.

К амарабадско-тагискенскому кругу следует отнести два фрагмента черно-лощенной керамики с резным решетчатым пояском по воротничковому венчику и с орнаментом в виде вписанных вершинами вниз треугольников (рис. 1-ю; 3-2). Типично поздними образцами представлены также верхние части сосудов с сосцевидным налепом и с использованием приема заполнения орнамента белой пастой (рис. 2-3; 3⁻¹³) [Итина, 1977- рис. 74-75 8о-ю; 64; Итина Яблонский, 2001. рис. 88-578,58о; рис. 93-632]. Достаточную степень близости посуды с указанными чертами имеет и с бегазы-дандыбайскими комплексами [Маргулан, 1979].

Черты значительного своеобразия отмечают фрагменты валиковой посуды. Два из них маловыразительны, валики сформованы, изготовлены по местной технологии, выявлены в молалинских комплексах (рис. 2-12; 3-27)- Два других фрагмента (налепной и сформован- I ный) имеют морфологические связи с федоровской керамикой — обнаружены в кирпичной массе бустонских погребений (рис. 2-7,13)-

Анализ всего фонда керамики степного типа СК свидетельствует, что проникновение гасушеских племен в Бактрию началось в доандроновское время (петровский период)⁸ с территории Южного Приуралья, но заметно усилилось в федоровский период. Как мы увидим ниже, удельный вес федоровских компонентов в СК представляется внушительным. Как аномалию следует отметить то, что лепная керамика федоровского, тазабагыбского и постандроновского типов встречается и в других земледельческих оазисах доисторической (Шартугай, Кангуртут и др.) Бактрии [Сарианиди, 1977- С. 144, рис. 66; Francfort, 1989, pi- 58-11-13; Виноградова, 2004, рис. 24, 26-34; 42-1-18.19; Виноградова и др., 2сю8, рис. 24; 31-и, 12; 393, но нигде не образует сколько-нибудь значительной коллекции. Действительно, факт вызывающий удивление, которому и у нас пока нет однозначного объяснения. С учетом того, что в основном подобная керамика (преобладают фрагменты — надо полагать, что ритуал требовал этой детали) известна из культовых объектов, мы рассматриваем их как свидетельства каких-то общественных церемоний. Возможно, андроновцы, проживая в инокультурной среде и стремясь как-то сохранить свои традиции, берегли свою посуду, используя ее только в обрядовых целях,

Рассмотренные материалы (сочетание различных керамических традиций) отражают сложную культурно-историческую ситуацию, имевшую место в СК, демонстрируя более широкий спектр культурных связей с населением степного мира, что позволяет выйти на новые аспекты исторической реконструкции. Как мы могли заметить, присутствует керамика как прямого импорта, так и изготовленная на месте по рецептуре степных традиций. Вне сомнения, что импульс к восприятию степных традиций исходил от андроновцев, опосредованно через таза-

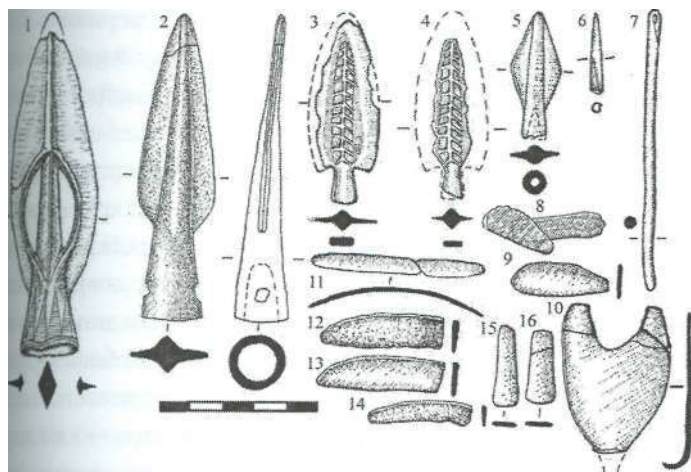

Рис. 7. Оружие и бытовой инвентарь степного типа: 3-Сапаллитена. М82 (полевой рисунок О.М. Грязнова); 4- тот же наконечник после очистки электрохимическим методом.

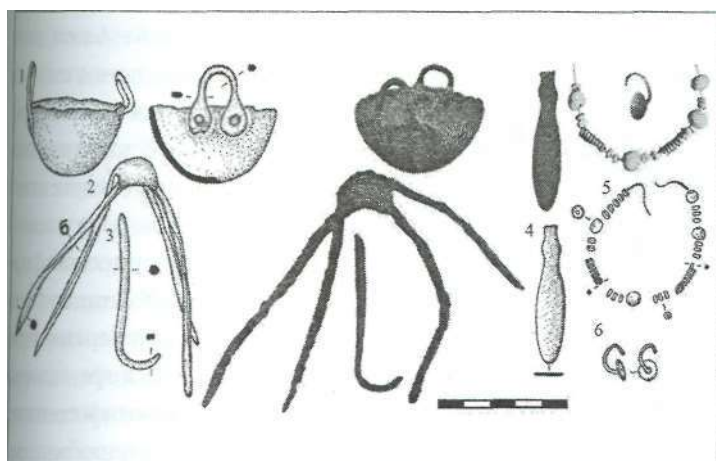

Рис. 8. Бустон VI. М 331- Вотивный инвентарь ранних кочевников.

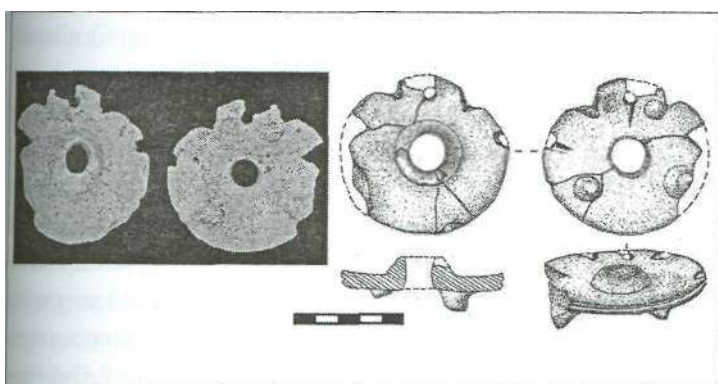

Рис. 9. Дзаркутан — храм. Псалий.

багьябцев. В свете наших материалов, особую важность приобретает культурно-хронологическое соотношение степных и сапалинских древностей. Мы умышленно не затрагиваем здесь проблему хронологии. Эта тема выходит за рамки настоящего исследования и требует специального рассмотрения.⁹

Следует вкратце остановиться на удивительном феномене гончарного производства СК, который не укладывается в керамические стандарты земледельческой культуры, что еще раз указывает на специфику развития древних земледельцев Северной Бактрии.

На кузалинском этапе развития СК появляется станковая посуда с инородными проявлениями: украшенная рельефной валиковой лентой с оттисками наклонных насечек, ногтевых вдавлений, с поперечной штриховкой, однорядной елочкой. Валики чаще всего наклеены на поверхность сосуда, но есть и сформованные. Они часто выступают как самостоятельный элемент декора с подчеркнутой разделительной функцией. Обычно локализуются под венчиком и туловом. Техника нанесения орнамента — вдавления гладким и кружковым штампом, глубокое прочерчивание, сле-

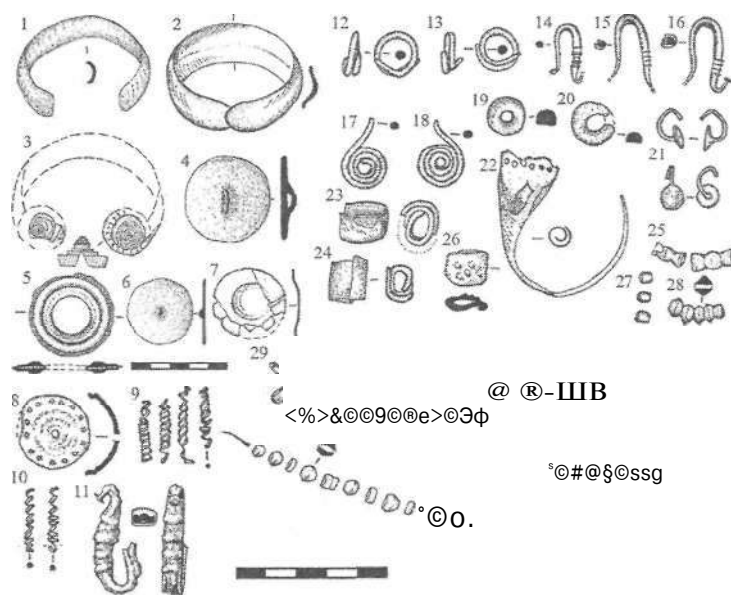

Рис. ю. Украшения и предметы туалета андроновского типа в Сапаллинской культуре.

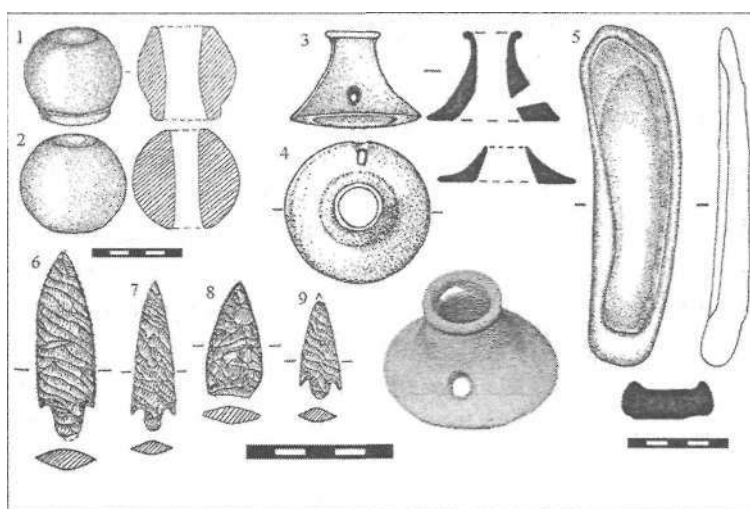

Рис. 11. Каменный инвентарь степного типа в Сапаллинской культуре.

ланное острым предметом по сырой поверхности. Вся она изготовлена на гончарном круге быстрого вращения из хорошей эластичной глины. Обжиг равномерный. Черепок в изломе красно-розовых тонов. Подавляющее, большинство покрыто плотным, светлым ангобом и лощением. Подобная керамика чаще встречается в храме, очень редко — в могилах. К сожалению, целые формы почти отсутствуют. Есть фрагменты венчика с боковой виной, предположительно и отнесенного к хумам (диаметр устья 61-64 см, толщина стенок 1,3-1,5 см). Щескам, имеются изящные вазы (рис. 5, 1-12). Кроме перечисленных типов, следует отметить подставки и курильницы цилиндрической формы с манжетовидным венчиком и прорезными прямоугольными и треугольными отверстиями в стенках. Последние подробно рассмотрены А. А. Аскарковым и Т. Ш. Шириновым [1991. С. 46-50 Р^{nc} - 5, 6], поэтому нет необходимости на них останавливаться. Заметим лишь, что, возможно, джаркутанские курильницы (учитывая, что они без следов огня) копируют терракотовые коробочки-реликварии Алтындепе, стенки которых покрыты также прорезным геометрическим орнаментом [Массой, 1981, табл. XVIII; Массон, Кирчо, 1999- С. 68, рис. 2, 3]. В связи с этим, нам представляется, что нельзя исключать земледельческие истоки орнамента на кузалинской посуде (на некоторой ее части). Керамика, с выраженным геометризмом в декорировании, широко представлена в южно-туркменистанских памятниках эпохи палеометалла [Кирчо, 1999]- Отметим также наличие орнамента в виде заштрихованных свисающих треугольников на стеопитовых

звидных сосудах из ценного святилища и двора Дашльз [Сарианиди, 1977» •ис. 5i-i]. Еще более убедительными в этом отношении являются стеопитовые миниатюрные сосуды, украшенные треугольниками и решетчатым орнаментом из джаркутанского слоя одной цитадели [Хуфф, Шайдуллаев, 1999- С. 23, рис. 5]. Острота проблемы во многом обусловлена малочисленностью подобной керамики, как в синхронных памятниках, так и в самой СК. Все же надо признать, что появление рельефного валикового пояса, украшенного насечками, на гончарной керамике кузалинско-могалинского периода — лишь имитация федоровской ипостандроновской валиковой посуды. Не исключено, что распространение этого приема произошло в период интенсификации связей сапалинцев с северными соседями. Обитатели СК, восприняв андроновскую моду, переработали ее с учетом местных керамических традиций.

Следует отметить, что сосуды описанного типа просуществовали недолго, в бустонское время они уже вышли из употребления. Керамика, как круговая так и лепная, служит временным индикатором трансформации гончарного производства СК.

Подробный анализ всех изделий материального мира из-за ограниченности объема статьи невозможен. Предметом настоящей публикации является, прежде всего, введение в научный оборот материалов СК, отражающих присутствие степных традиций в СК, поэтому, прежде чем сделать заключение, кратко охарактеризуем металлические и другие предметы, а также обрядовую символику некрополя Бустон VI.

Металлические изделия, характерные для степных обществ, представлены оружием, орудием, бытовым инвентарем и украшениями. Показателен набор специфических

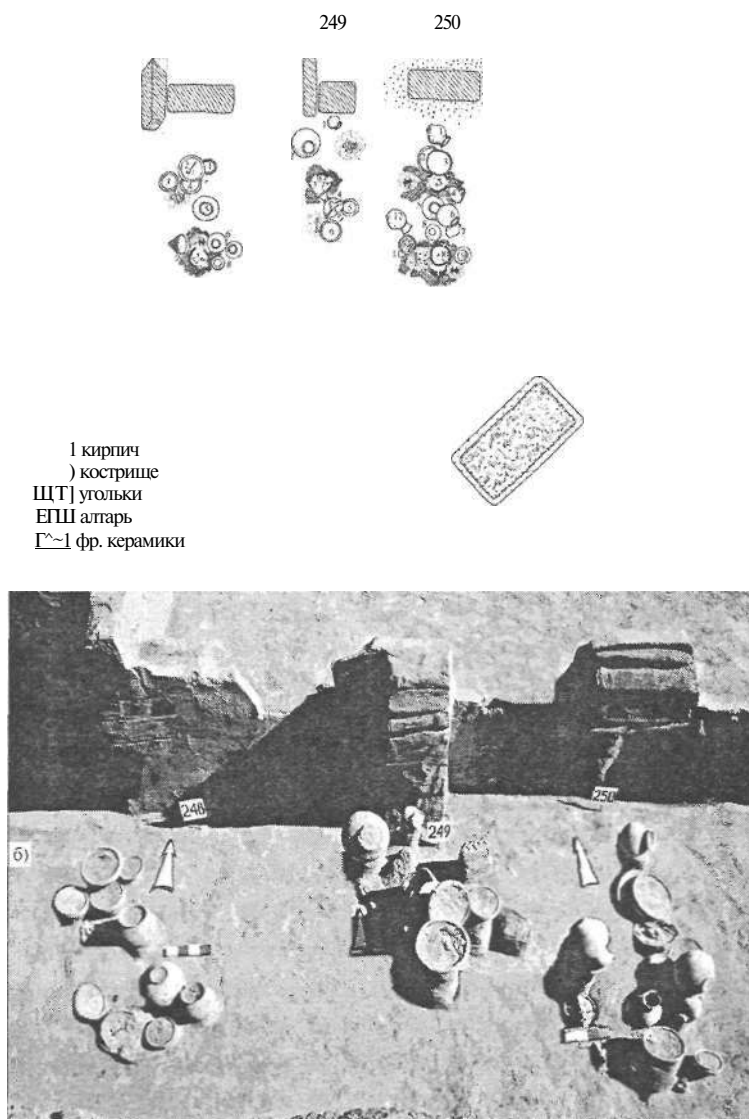

Рис. 12. Некрополь Бустон VI: а) сакральная площадка, б) фрагмент сакральной площадки — поминальник.

синташтинско-петровского типа изделий (пластинчатые ножи и кинжал без ребра жесткости), которые происходят из сапаллинского и джаркутанского этапов: листовидные черенковые и бесчеренковые ножи с выемкой, кинжал с выделенной рукоятью; однолезвийный бесчеренковый и черенковые ножи (рис. 6, 1-3, 4² > 44) - Конструктивные особенности последних легко узнаваемы в системе Евразийской провинции. Особо следует также отметить черешковый орнаментированный наконечник стрелы синташтинского типа из сапаллинского погребения (рис. 7, 3-4) - Из предметов, выделяющихся из общей серии кузалинских комплексов, отметим наконечник копья постсейменского типа с расширяющимся раструбом втулки (рис. 7-2) и однолезвийный нож с отогнутым назад концом лезвия (рис. 6-43) - С кузалинского времени происходит кардинальная переоценка в отношении стратегического сырья — металла. В целях экономии в погребальной практике отмечаются вотивные изделия, которые являются реальными вещественными прототипами СК. Подавляющее большинство металлокомплекса состоит из имитации в миниатюре функциональных орудий и оружия (см. рис. 6, 65-66), в том числе однолезвийных и двулезвийных ножей андроновских и срубных типов — кинжалы с выемками у основания, с устойчивым перекрестием (рис. 6-47, 8), серия однолезвийных черенковых ножей в различных модификациях (рис. 6, 43-64) - Значительная часть этих находок, демонстрируя вариабельность форм, продолжает бытовать на молалинском и бустонском этапах, что свидетельствует о преемственности традиций металлообработки. Примечательна бритва с фигурным пластинчатым лезвием из молалинской могилы (рис. 7-8). Важным временным и этническим идентификатором ранних древностей бустонского этапа являются ножи-кинжалы с кольцевым упором (рис. 6, 18-20) и втульчатый наконечник стрелы с округлой нервюрой (рис. 7-5) - Отдельную категорию составляют ножи-бритвы, тесла, серпы с выделенной рукоятью (рис. т. 8-16). Они и ножи-кинжалы, несмотря на очень упрощенные формы, демонстрируют определенные черты преемственности срубно-андроновской металлообработки. Интерес представляет наконечник копья с прорезным пером (городище старого Термеза), позволяющим синхронизировать его с хорошо датируемыми комплексами Волго-Уралья, Северного Причерноморья, Казахстана ХП-Хвв. до н.э. [Козловский, Аванесова, 1983. С. 341] К числу специфических степных соответствий относятся миниатюрный котел полусферической формы с петлевидными ручками, черешковый крюк и жертвенник, которые, бесспорно, являются прототипом ритуального реквизита ранних номадов (рис. 8).

Инокультурность демонстрируют и металлические украшения, известные с кузалинского времени (желобчатый браслет) [Аскарлов, Абдуллаев, 1983. табл. XLV-17], но широко представленные на двух заключительных этапах сапаллинской культуры. Ядро данной коллекции составляют: серьги с раструбом, в том числе литая, золотая (рис. ю-20, 21); серьги со спиралевидным завитком (рис. ю-16, 17); подвески в полтора оборота (рис. ю-12, 13); браслет со спиралевидным завершением (рис. ю-3); зеркало с петелькой (рис. ю-4, 5); конические бляхи с орнаментом (рис. ю-7, и); пронизь и биконические бусы (рис. 10-25, 28); бронзовая кольцевидная пряжка-запонка (между дисками сохранилась ткань), имитирующая форму своих катакомбных костяных предшественников (рис. ю-6). Морфологические особенности андроновских украшений легко узнаваемы (см. рис. ю). Своеобразие форм, техника изготовления позволяют видеть в них характерный этнический признак. Влияние андроновского златокузнечества отражено в некоторых формах серег и подвесок (с элемен-

ими синтеза двух традиций), которые изготовлены оковкой бронзового сердечника золотой фольгой (рис. ю, ю, 14-16). В целом металлический инвентарь, сопровождавший сапаллинские комплексы, укладывается в рамки андроновской металлообработки, демонстрирует ту же направленность эволюции предметов культуры населения, что и синхронные комплексы андроновского и позднебронзового мира и является основанием для уточнения времени контактов. Основные территориальные аналогии для металлических изделий охватывают широкий ареал Урало-Казахстанских степей.

Каменные изделия представлены выразительными крупными черешковыми наконечниками стрел с утилитарной ретушью синташтинского типа (рис. 11-6,7), навершием булавы сферической формы, известных из джаркутанского (рис. и-2) и молалинского слоев (рис. li-i). Интересны находки пряжек с двумя разновеликими отверстиями из молалинских погребений, близкие к культуре многоваликовой керамики (рис. 11-3,4). Материальным свидетельством присутствия андроновцев в доисторической Бактрии является створка формы для I описки ножевидного серпа, обнаруженная с ранней джаркутанской керамикой (рис. 11-5).

Набор этнорепрезентативных предметов степной бронзы дополняет роговой дисковидный вульварий псалий с монолитными шипами, который выступает ярким социокультурным и хронологическим маркером (рис. 9). Он обнаружен в башне храма Джаркутана в стерильном I слое с джаркутанской керамикой (Хуфф Д., Шайдуллаев, 1999- С. 25). Псалий такого типа широко представлены в памятниках потаповско-синташтинского круга. Джаркутанский псалий известен как самая южная находка [Аванесова, 2005. С. 8-12, рис. i]. По степени морфологической близости, соответствие джаркутанскому псалию имеется в погребениях Зардча Халифа и Сагаганса. Среднеазиатские изделия конского снаряжения в линии эволюции типов этой детали упряжи относятся к одному из древнейших, архаичных щитковых псалиев Евразии.

В целом, наибольшее число самых существенных аналогий из сапаллинских комплексов происходит с памятников Волго-Уралья и Казахстана. Модифицированные степные составляющие в материальных комплексах предполагают наличие генетических связей. На заключительном этапе СК количество вещей степного круга в несколько раз превышает таковое самих сапаллинских изделий, при этом, есть многочисленные фрагменты, не дающие типологической информации. Все изделия изготовлены из тонкой бронзовой пластины техникой литья или ковкой, i Увеличение в материальной культуре артефактов степного происхождения сопровождается появлением практики **новых обрядов и ритуалов**, связанных с беспрецедентным многообразием ритуально-символической функции огня. Как известно, применение огня в оседлых культурах скорее редкость, чем норма. Наиболее интересным объектом на VI, определяющим роль культа огня, являются остатки восьми полуназемных архитектурных строений, трактуемых нами как сооружения для кремации усопших. Они по способу кладки в грунтовой яме кирпичей сочетают в своей конструкции черты андроновских ящиков и цист. Вокруг них формируется сакрализованное пространство, где происходили различные культовые действия, церемонии литургического характера, как в момент погребения, так и после (Аванесова, 1995- С. 65, рис. 1-2). Об участии степного населения в формировании новой культово-обрядовой практики свидетельствуют кремация и наличие сакрализованных площадок, связанных с поминальным культом. Резкое увеличение удельного веса захоронений с кремацией наблюдается на бустонском этапе. При этом необходимо отметить, что могильные ямы с остатками от кремации за редким исключением кроме самого обряда не от-

личаются от других погребений. Отправление культов поминального характера занимало склоны русла Бустонсая. Есть случаи, когда они включают ряды из кирпичных стел, у основания которых находится скопление сосудов с остатками тризны и дарами (рис. 12). Прямой репликой являются аналогичные поминальные святилища таштыкской культуры Южной Сибири [Грязнов, 1979- С. 131-134; рис. 78]. Кульгово-церемониальные комплексы СК — наиболее ранние формы «храма» открытого типа [Аванесова, 2006. рис. 1-2].

В ряду инноваций могут рассматриваться: топография могил, которая по своим планиграфическим решениям образует кольцевую структуру, близкую срубно-андроновским курганам (Бустон VI); появление сепаратных детских кладбищ (некрополь Бустон VII. Свидетельством конструктивных инноваций при сооружении погребальных камер является использование камня, дерева и надмогильных сооружений, которые имеют глубокие корни в степной Евразии. Новация отмечена также в появлении западной и юго-западной ориентировки усопших и погребальных камер, вытянутых с востока на запад. Выразительные следы степного наследия демонстрируют такие заменители символики огня, как охра, мед, зола, используемые в ритуалах Бустон VI, VII, где имеет место окраска костяков охрой, следы подсыпки дна могилы охрой, мелом, золой, угольками. Традиции севера ярко проявляются в ритуальных захоронениях животных и в обильном жертвоприношении, в том числе остатках тризны. Безусловно, с андроновскими стереотипами связана устойчивая традиция с мясной пищей помешать нож. Вписывается в ритуальный контекст андроновцев и сосуществование неадекватных друг другу способов захоронений. Показательно, что отдельные признаки обряда и артефактов, отражают профессиональную принадлежность умерших. Традиция подобных погребений восходит к срубной общности.

Подводя итоги изложенному выше, позволим себе сделать некоторые выводы. В анализируемых источниках (инвентарь, погребальный обряд) трудно не заметить доказательств присутствия нового этноса в доисторической Северной Бактрии. В них можно увидеть сложное и редкое сочетание традиций не только инокультурных по этнокультурной принадлежности, но и весьма отдаленных друг от друга пространственно. Степной пласт в бактрийском комплексе неоднороден. Проникновение, и возможно переселение отдельных групп северного населения, носило не единовременный характер. Процесс интеграции был длительным и растянут во времени и, судя по всему, носил мирный характер. Временные стоянки пастухов-металлургов существуют одновременно с крупными земледельческими центрами Согда и Бактрии [Аванесова, 1995; Виноградова, 2004, 2008]. Активизация пастушеского населения на периферии андроновского ареала наблюдается с петровского времени (псалий, пластинчатые ножи, литейная форма серпа, черешковый наконечник и др.) и вызвана экономическими причинами — поиском новых минерально-сырьевых источников и развитием торговли в связи с кризисом стратегически важных ресурсов и возросшими потребностями колесничной элиты. Андроновская колесница в начале II тыс. до н. э. из Волго-Уральских степей углубилась в азиатские степи и далее через трансчерашанский коридор (псалий Зарчхалифа и Староречье Сазагансая) в урбанистическую Бактрию [Аванесова, 2010]. Инфильтрация пастушеского населения способствовала появлению оловянистой бронзы в земледельческих оазисах [Рузанов, 1999- С. 391 Таким образом, новый уровень технического обеспечения (псалий), связанный с передвижением, позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности. Мобильность ско-

товодов, несомненно, способствовала активизации миграционных процессов и расширению круга экономических и культурных связей. Вместе с тем, для сапаллинского и джаркуанского этапов нельзя говорить о массовом проникновении пастушеских обществ — связи носили характер торговых операций, результатом чего является наличие единичных изделий петровско-синташтинского типов. Тенденция нарастания доли степных артефактов и инородные обрядовые действия выявляются с кузалинско-молалинского этапа что хронологически совпадает с ассимиляцией андроновского (федоровского) населения. Это подтверждает и наличие андроновского антропологического типа в некрополе Бустон VII [Мустафакулов, 1987. С. 28-33]- О прямой инфильтрации носителей культур степной бронзы отчетливо свидетельствует палеоантропологический материал некрополя Бустон VI [Аванесова и др., 2010]. Видимо, появление степных племен вызвало активизацию скотоводческой отрасли в хозяйстве СК, где с середины II тыс. до н.э. происходит кардинальная переоценка в стаде млекопитающих — появляются лошади. Их костные останки занимают третье место после крупного и мелкого рогатого скота, в то время как на ранних этапах Сапалли они отсутствуют [Батыров Б., 1974; Батыров А., 1999]- Наиболее активной частью степного мира азиатского региона оставались андроновцы-федоровцы. Федоровская волна была мобильнее и мощнее: она охватила всю Бактрию (северо-западный Афганистан, юго-западный Таджикистан), именно она качественно видоизменила облик сапаллинской культуры, активизировав механизм культурогенеза бактрийской цивилизации. Процесс культурного синтеза породил в чем-то родственную, но без сомнения новую, отличную культуру, т. е. культурная невилировка и трансформация привела к образованию новой общности и идеологии, основанной на огненно-соляной символической системе. Смена идеологических представлений происходила при сохранении земледельческих экономических традиций, но с преобладанием скотоводства. Близкие стадийно-хронологические аналогии такому явлению обнаруживаются в памятниках Таджикистана и Афганистана. Видимо, в конце II тыс. до н.э., сапаллинцы, стимулируемые степным влиянием, ускорили процесс бактрийского политогенеза (образование государственных структур), однако необходимо подчеркнуть, что они не были его исходной причиной. Надо также особо заметить, что иллюстрируемые материалы СК позволяют считать, что мы находимся на стадии качественного скачка в разработке проблем индоарийцев [Кузьмина, 2008]. Мы допускаем, что на исходе СК население было вовлечено в события, связанные с передвижениями индоариев, о чем свидетельствуют материалы, прежде всего, некрополя Бустон VI. Широкое освоение южных оазисов степными сообществами началось лишь тогда, когда эта территория уже была ими основательно обжита. Именно в это время (последняя четверть II тыс. до н. э.) наблюдается сложная динамичная система прямых и обратных связей между Северо-Западом и Югом. Уместно отметить, что связи между разнокультурными племенами — процесс двусторонний, чему есть немало свидетельств, отмечаемых в доандроновских, андроновских и постандроновских памятниках. В литературе неоднократно рассматривались вопросы о наличии земледельческого импорта (керамика, отдельные украшения), некоторых черт обряда (захоронение детей в полах жилища и др.), строительных приемов (использование пахсовых блоков и др.), не характерных для степных сообществ [Зданович Г., Зданович С, 1980; Зданович, 2002; Аванесова, 1987; 1991; Итина, 1987; Малютина, 1991; Виноградов, 1995; Евдакимов, Варфоломеев, 2002; Варфоломеев, 2008].

В целом, приходится констатировать, что многоплановые обоюдные контакты выражались в инфильтрации отдельных групп населения, в экономических и культурных связях. Они видоизменялись или трансформировались, не представляя собой какую-то постоянную модель.

Примечания

¹Выражаю признательность Ш. Б. Шайдуллаеву за помощь в определении топографии и стратиграфии находок на поселении Джаркутан и использование неопубликованных материалов.

² В реальности, керамики типа степных культур Евразии было бы значительно больше, если бы раскопки могильников велись широкими площадями.

³ Находки измельченных фрагментов керамики в кирпичной массе позволяют предполагать наличие небольших кратковременных стоянок в Шерабадском оазисе. Видимо, богатая минерально-сырьевая база доисторической Бактрии привлекала внимание подвижных скотоводов. Вероятно, со временем будут открыты памятники пастушеских племен, которые дополнят и расширят наши представления о взаимоотношениях Севера и Юга. Но в целом, фрагментированная керамика в комплексах некрополей скорее всего связана с особенностями погребального обряда.

⁴ Диагностика формовочной массы обсуждаемой коллекции проведена визуальным наблюдением, а также микроскопическим и химическим методами старшим научным сотрудником «Самаркандгеология» Н. М. Саркисовой, за что выражаю ей искреннюю признательность.

⁵ Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш., Дуке Х. Отчет Шерабадского археологического отряда за 1983 г. По раскопкам на поселении Джаркутан. Самарканд, 1984. Фонды научного архива Института археологии АН. РУз. <5> Оп-1, Д-125, стр. 42-44-

⁶ Выражаю глубокую признательность заведующей отделом фондов археологии Госмузея Самарканда Е. В. Лушниковой, указавшей на эту находку (КП-4802, А-433/16) и за предоставленную возможность изучения коллекций СК.

⁷ Хотелось бы прояснить ситуацию относительно позиции условия залегания этой находки. В одной из первых публикаций, где представлен рисунок обсуждаемого фрагмента, отмечается, что «керамический комплекс из одного культурного отложения состоит из курильниц, лепных андроновских сосудов, ваз, кувшинов, характерных для кузалинского этапа СК» (Аскарлов, Ширинов, 199*- С. 51, рис. 7-8). В монографическом исследовании эта же керамика датируется временем Джаркутан I б, т.е. докузалинским периодом (Аскарлов, Ширинов, 1993- С. 89, рис. 47. П1-8). Важно отметить, что в 1997 г. в стратиграфическом раскопе холма 4 выявлена абсолютно идентичная керамика (рис. 1-2) из жаркутанского строительного горизонта (материал любезно предоставлен Ш. Б. Шайдуллаевым). Стоит указать, что по сведениям А. А. Аскарлова в заполнении резервуара хранилища священной золы «встречены несколько фрагментов керамики степной культуры» (Аскарлов, 1989- С. 165). К сожалению, они оказались мне не доступны, а автором надлежащим образом не проиллюстрированы. Следовательно, с учетом сказанного цифра, указанная выше (12 находок) не носит абсолютно характера.

⁸ Мы рассматриваем петровские древности как самостоятельное культурное образование доандоновской эпохи.

⁹ Решение проблемы культурно-хронологической синхронизации значительно усложнено разногласиями в понимании вопросов культурного статуса отдельных этапов андроновской общности и периодизации, происхождения, датировки СК.

Литература

- Аванесова Н. А. Степи Севера и оазисы Юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов Алма-Ата, 1987.
- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991-
- Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде Сапаллинской культуры // Археологич. вєсти № 4, СПб, 1995-
- Аванесова Н. А. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы Узбекистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб, 1995-
- Аванесова Н. А. Монофункциональные сосуды доурбанистической Бактрии (по материалам исследования могильника Бустон VI) // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной: Средняя Азия, археология, история, культура. Москва, 2000.
- Аванесова Н. А. Степной пласт доисторической Бактрии // Центральная Азия — источники, история, культура. Тезисы докладов конференции посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского, Москва, 2003.
- Аванесова Н. А. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам Сапаллинской культуры) // История Узбекистана в арх. и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Аванесова Н. А. Двенадцатый полевой сезон на некрополе Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы. Вып. 5, Ташкент, 2006.
- Аванесова Н.А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // Труды Маргианской археологической экспедиции, том 3- Сб. ст. к 80-летию В.И.Сарианиди. Москва, 20Ю.
- Аванесова **Н.А.**, **Дубова Н.А.**, **Куфтерин В.В.** Палеоантропология некрополя Сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).
- Аскарлов А. А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Аскарлов А. А. Степные компоненты в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Тез. докладов конференции, поев. 90-летию со дня рождения Б.А.Латынина. Ленинград, 1990.
- Аскарлов А. А., Абуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., **Ширинов Т.Ш.** О некоторых группах культовой керамики Джаркутана //История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1991- Вып. 25.
- Аскарлов А., **Ширинов Т.** Ранняя городская культура эпохи бронзы Средней Азии. Самарканд, 1993-
- Батыров А.Х. Фаунистические остатки млекопитающих поселения Джаркутан // ИМКУ. Т. 1990. Вып. 24.

- Батыров Б.Х.** Фауна поселения Сапаллитепа // ИМКУ. Ташкент, 1974- Вып. п.
- Боталов С. Г. Григорьев С. А., Зданович Г. Б.** Погребальные комплексы эпохи бронзы Больнекараганского могильника // Матер, по арх. и этнографии Южного Урала. Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.
- Варфоломеев В. В.** Среднеазиатская керамика из памятников Бегазы-дандыбайской культуры // Номады казахстанских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Сборник материалов международной научной конференции. Астана, 2008.
- Виноградов Н.Б.** Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы Средней Азии и Восточной Европы. СПб, 1995-
- Виноградов Н. Б.** Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003-
- Виноградов Н. Б.** Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. // Автореф. дисс... д.и.н. Москва, 2007.
- Виноградова Н. М.** Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. Москва, 2004.
- Виноградова Н.М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.** Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). Москва, 2008.
- Грязное М. П.** Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Ленинград, 1979-
- Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.** Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.
- Зданович Г. Б.** Аркаим — культурный комплекс эпохи Средней бронзы Южного Зауралья // Российская археология, № 2,1997-
- Зданович Г. Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зданович Г. Б.** Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Зданович Г. Б.** Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы // Автореф. дисс. докт. ист. наук в форме научного доклада. Челябинск, 2002.
- Зданович Г. Б., Зданович С. Я.** Могильник эпохи бронзы у с. Петровка. СА, № 3, 1980.
- Итина М. А.** Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958-1959) // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6, Москва, 1963.
- Итина М. А.** История степных племен Южного Приаралья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва, 1977- Вып. X.
- Итина М. А.** Бронзовый век Средней Азии в свете контактов земледельческого юга и скотоводческого Севера. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987
- Итина М. А., Яблонский Л.Т.** Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.
- Кирчо Л. Б.** К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана. Санкт-Петербург, 1999
- Козловский В.А., Аванесова Н.А.** Прорезной втульчатый наконечник копья с берега Амударьи // ИМКУ. Ташкент, 1983. Вып. 18.
- Комарова М. Н.** Относительная хронология памятников андроновской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии.

- Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1962. Вып. 5-Кузьмина Е. Е. Арии — путь на Юг. Москва — Санкт-Петербург, 2008.
- Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // *Узбеки среднеазиатской археологии*. Ленинград, 1972- Вып. 1.
- Малютина Т. С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях Казахстанских степей. // *Древности восточно-европейской лесостепи*. Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1991-
- Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Керамика укрепленного поселения Аркаим // *Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода*. Челябинск, 2003.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979-
- Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Мустафакулов С И. Анализ палеоантропологических материалов эпохи бронзы из Бустон VII// ИМКУ. Самарканд, 1987. Вып. 28.
- Новгородова Э.А. Центральная Азия и Карасукская проблема. Москва, 1970-
- Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников) // Автореф. дисс... к.и.н. Санкт-Петербург, 2суб.
- Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Москва, 1985.
- Потемкина Т. М. Система организации сакрального пространства могильников степной бронзы (по материалам раскопок Дашти-Кози в Средней Азии) // *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Донецк, 2005. Вып. 2
- Рахронов У. Об орнаментации керамики с поселения Джаркутан // ИМКУ. Ташкент, 1982. Вып. 17-
- Рахронов У., Шайдуллаев Ш. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы Сапаллинской культуры // *Общественные науки Узбекистана*. № 11,1985.
- Рузанов В. Д. К вопросу о истоках оловянистых бронз в металлообрабатывающих производствах племен юга Средней Азии в эпоху бронзы // ИМКУ. Самарканд, 1999- Вып. 30.
- Сальников К. В. Курганы у озера Алакуль // *Материалы Института Археологии*. 1952- № 24.
- Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. Москва, 1967.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Москва, 1977-
- Сорокин В. С. Андроновская культура. Памятники Западных областей // *Свод археологических источников*. Вып. В 3~2. Москва-Ленинград, 1966.
- Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак i в Западном Казахстане // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Москва-Ленинград, 1962. Вып. 120.
- Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Ionesov V.I. The struggle between life and death in Proto-Bactrian Culture: Ritual and conflict. *Mellen studies in Anthropology* 5 (Lewiston 2002).
- Francfort H.P. Fouilles de Shortuhai Recherches sur LAsie Centrale protohistorique. Vol. I, II. Paris, 1989.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗАРАТУШТРЫ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Из настенных росписей древнего Пенджикента, Афрасиаба, Шахристана и других памятников древнего периода становится очевидно, что сюжеты, которые разрабатывались художниками, были очень разнообразны по тематике: культовые, этические, фольклорные, исторические. Мы здесь коснемся только последней темы. Как известно, живопись Афрасиаба посвящена коронации ихшида Согда Вархумана и все персонажи, участники являются историческими личностями [Альбаум, 1975] С. 54~56].

Из указа царя Канишки мы узнаем, что в храме богов стояли не только скульптурные и портретные изображения богов авестийского пантеона, но и скульптуры исторических царей кушанов, в том числе самого Канишки [Wieliams, Striibb, 1996. P. 83-90].

Как известно, на потолке ниши Малой Будды в Бамиане нарисован человек-птица: выше пояса изображен человек в одежде зороастрийского мубада-мага, ниже — птица с крыльями. Человек-птица в левой руке держит миджмар-факел (светильник с пламенем), в правой руке пальчики барсама, символ вечного растительного мира. Вокруг головы изображен нимб. От плеча человека отходят языки пламени. Исследование религии Согда и Бактрии показало, что последний элемент есть у всех авестийских богов, обожествленных царей центральноазиатского происхождения. Языки пламени автор рассматривает как атрибут принадлежности к зороастризму [Якубов, 1996. С. 122-123]. По нашему мнению, этот человек-птица является изображением самого пророка Заратуштры (рис. i). Наше предположение подтверждается сообщениями письменных источников. Например, Абурайхан Беруни в «Асар ал-бакия» пишет: «Маги утверждают, что Зардушт опустился на крышу дворца в Балхе в полудневную пору, и крыша раздвинулась для него. Виштасп пробудился от полуденного сна, и Заратуштра призвал его принять веру магов, признать, что это есть вера в истинного бога, славиться и святить его имя, отказаться от поклонения сатане и повиновения другим богам» [Беруни, 1957 С. 205]. Вышеприведенное из произведения ал-Беруни повторяется в «Шахнаме». Фирдавси пишет, что Заратуштра пришел и сказал Виштаспу: «Я посланник бога и призываю тебе принять новую веру, этот миджмар огня я привез из рая» как символ веры, света, божественного творения, жизни на земле.

Ба шохи жахон гуфт пайгамбарам,
Туро суй Яздон хаме рохбарам.
Яке мижмар оташ биёвард боз,
Бигуфт аз бихишт овардам фароз (Фирдавси).

Таким образом, на потолке ниши Малой Будды художник III в. н. э. отразил вышеприведенную легенду.

Вторая картина, которую я хочу интерпретировать, — это росписи Пенджикента из 13-го помещения VI объекта. Помещение представляет собой большой парадный зал размера-

127 x 79 м- Стены его были расписаны на праздничные и торжественные темы. Однако рисунки сохранились фрагментарно, причем лучше — на северной и западной стенах.

На северной стене остались изображения группы музыкантов и вооруженных всадников (рис. 2), на западной — находятся два сильно испорченных фрагмента батальных сцен: всадники в доспехах, движущиеся влево.

Особый интерес представляет большой двухъярусный фрагмент росписи на северной стене (рис. 3)- Изображение верхнего яруса плохо сохранилось и не поддается расшифровке. А. М. Беленицкий эту сцену связывает с игрой типа нарды [1959- С. 19]. Г. Л. Семенов считает, что сюжет росписи этой игры из «Махабхараты» [1985. С. 216-225]. На мой взгляд, доводы вышеназванных авторов неубедительны, так как картина состоит из разных эпизодов, связанных между собой общей темой.

Остановимся на сюжете первого яруса. По моему мнению, здесь изображена сцена прихода Заратуштры во дворец Виштаспа. Как видно, здесь нарисован двухэтажный дом или дворец. Основные события происходят во дворе и внутри дворца. По сюжетам мы разбили картину на четыре эпизода. Первый эпизод — в дверях нарисован молодой человек в красной одежде с книгой в руках. На голове у него своеобразная корона.

На втором эпизоде этот молодой человек сидит вместе с тремя новыми персонажами. Перед ними находится книга, а точнее — на коленях пожилого персонажа с длинной бородой, без головного убора. Старик сидит в кресле, у него длинные волосы, зачесанные назад, завязанные золотой лентой, на шее два ряда ожерелья.

Второй персонаж богато одет, имеет сложный головной убор типа короны. На поясе у него кинжал. От четвертого, крайний справа, и от третьего персонажей сохранились лишь голова и рука. Головы всех фигур окружены нимбами. Интересно, что второй, третий, и возможно четвертый, персонажи держат руки с поднятыми указательными пальцами на разных уровнях.

Первый персонаж в правой руке держит зеркало, а левая рука поднята ладонью вверх. Все участники этой сцены решают какой-то очень важный вопрос, по моему мнению, они обсуждают Авесту, которую принес Заратуштра, т. е. новую предложенную религию. Какие у нас доказательства для данного предположения? Начнем с первого персонажа: человека в красной одежде, он одет скромно, но имеет зеркало — символ чистоты и правды в зороастризме, он религиозный человек.

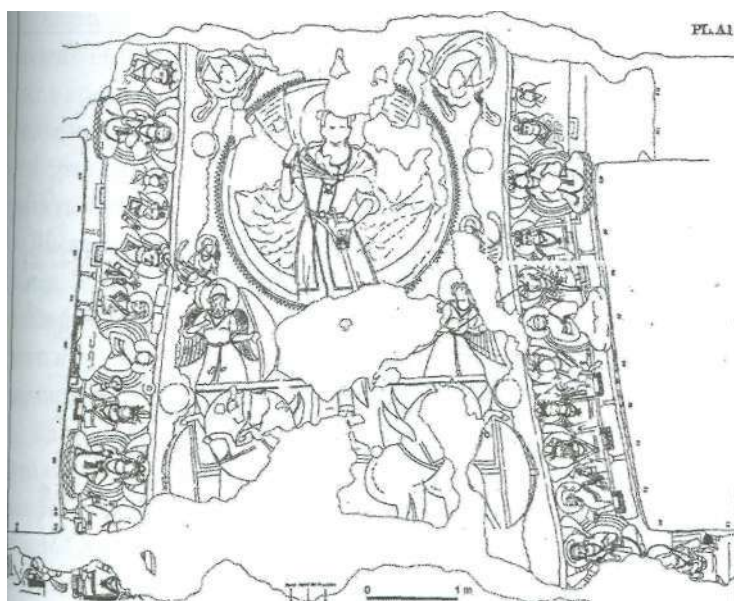

Рис. 1. Изображение Заратуштры на Бомианской нише,

Источники сообщают, что Заратуштру было 30 лет, когда к нему пришел Вахуман и объявил, что он является посланником бога, т. е. к нему пришло откровение. Этому возрасту соответствует персонаж в красной рубашке, т. е. это Заратуштра, он пришел к Виштаспу и принес собой божественную книгу — Авесту. Беруни в «Асар ал-бакия» пишет: «Зардушт принес с собой книгу, называемую Авеста. Она (написана) на языке, отличающемся от языков всех других народов, и построена особым образом: число букв (ее языка) превосходит число букв во всех других религиях, чтобы люди, говорящие на каком-либо одном языке, не имели преимущество в знании этой книги перед другими. Заратуштра положил эту книгу перед Виштаспом» [Беруни, 1957- С. 205-206].

Сидящий в кресле старик с седыми волосами не имеет короны, он не царь, но очень важный человек, так как сидит на троне, на брюках имеется изображение льва, это свидетельствует о том, что он связан с царским тронем. По моему мнению, это Лухросп, отец Виштаспа, он отрекся от престола и жил в храме и тоже пришел на обсуждение Авесты.

Третий персонаж с короткой бородой и короной, по нашему предположению Виштасп-Гуштасп, царь Каянидов — Бактрии на момент явления Заратуштры ему было 50 лет. Изображение соответствует этому возрасту [Довуд, 1999- С. 267-269].

Четвертый персонаж плохо сохранился, он в шлеме и возможно, вооружен, нарисован на тре-

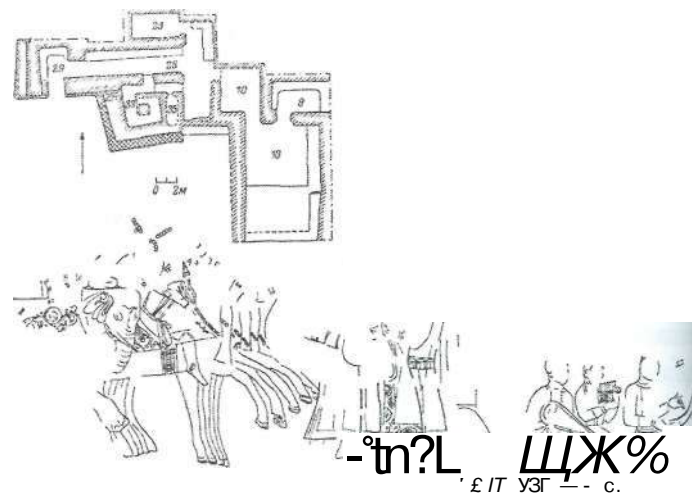

Рис. 2. План помещения 6-го объекта древнего Пенджикента и сцена изображения музыкантов и вооруженных людей.

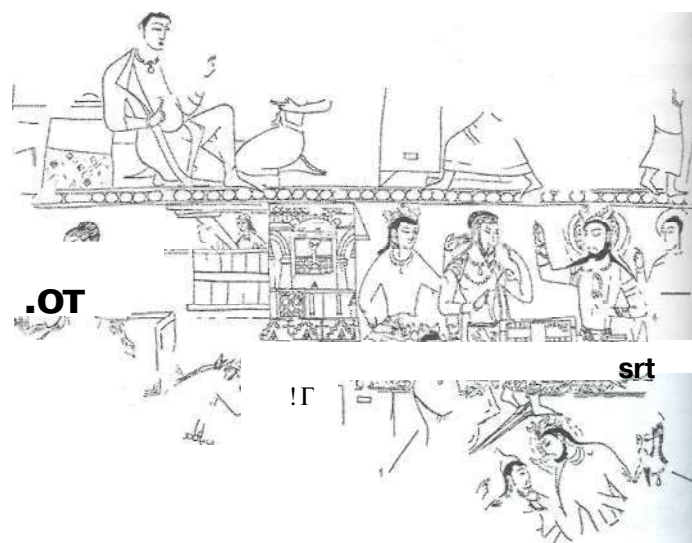

Рис. 3- Сцена прихода Заратуштры ко двору Виштаспа.

тем эпизоде, где с ним беседует царь [Гуштасп и рядом стоит Лухросп. Мы знаем, что Гуштасп признал новую религию и стал ее распространителем в Ариэ. Он со своим сыном Исфандиёром организовал поход против тех, кто не хотел добровольно принять зороастризм. По нашему предположению, четвертым молодым человеком в шлеме является сын Бишага Исфандиёр.

На четвертом эпизоде Исфандиёр уже в полной боевой готовности, сидит на коне, а рядом на колеснице его дед—Лухросп, дает ему последние наставления перед походом.

На балконе изображены две юные девушки, наблюдающие за событиями, происходящими во дворе и перед дворцом (замком). Это сестры Исфандиёра — Хумой и Бехофарид.

Таким образом, наша интерпретация совпадает с данными письменных источников о приходе Заратуштры во дворец царя Бактрии Вишгаспу (Гуштаспу). Художник на стенах 13-го помещения VI объекта нарисовал торжества по случаю принятия зороастризма, отразил историческую хроника — приход пророка Заратуштра к царю Гуштаспу.

Еще одно портретное изображение Заратуштры происходит из подземного митраистического святилища парфянского города Дуро-Европас из Сирии (рис. 4)- Здесь пророк сидит в кресле в одежде парфянина. На плече кандиз, закрепленный брошкой. На шее ожерелье из крупных камней, пояс тоже украшен камнями. На голове у него красная шапка. Изображение подобно бамианским относится к III в. н. э., и здесь и там пророк имеет короткую бороду, а оба изображения очень похожи друг на друга.

На картине из Дуро-Европас пророк в правой руке держит миджмар, а в левой аштаропок. Ценность этого рисунка в том, что художник привел имя изображенного: Заратуштра написано на греческом алфавите. Возможно, этот портрет художник срисовал с аналогичного изображения более древнего периода, и скорее всего, он является реальным изображением пророка [Сарианиди, 2сюб. С. 291].

Еще одно барельефное изображение с короткой бородой имеется на камне в Пасаргарде. Это крылатый человек со сложной короной, которая напоминает корону египетского фараона Тутанхамона [The Ancient... P. 145]- Пасаргардский крылатый человек имеет удлиненное лицо подобно персонажу из Дуро-Европас. Считается, что это изображение Кира Великого. Мы предполагаем, что это портретное изображение Заратуштры. Ведь существовало предание о том, что пророк опустился на крышу дворца. Крыша раздвинулась, он вошел и объявил, что он посланник бога.

Рис. 4- Изображения Заратуштры в подземном святилище г. Дуро-Европас в Сирии

Ю. ЯКУБОВ

Литература

- Абураихон Беруни.** Асар ал-бакия — памятники минувших поколений. Ташкент, 1951
- Альбаум Л. И.** Живопись Афросиаба. Ташкент, 1975-
- Беленицкий А.М.** Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Москва. 1959-
- Пури Довуд.** Яштхо. ч. 2, Техран, 1999- (на арабской графике и языке фарси).
- Сарианиди В.М.** Ганурдепе. Ашгабад, 2006.
- Семенов Г. Л.** Сюжет из «Махабхараты» в живописи Пенджикента: Культурное наследие Востока. М. 1985.
- Якубов Ю.** Религия древнего Согда. Душанбе, 1996.
- Sims Williams and Joe Criibb.** A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great. — Silk Road art and archaeology. № 4, 1996.

Клод Рапэн
Франция

ОТ КОКТЕПЕ ДО КИНДИКЛИ-ТЕПЕ: НОВЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИРРИГАЦИИ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ *

Данная статья отражает результаты научных исследований, проводимых в течение 20 лет MAFOuz-Sogdiane по тематике истории обживания Согды в доисламскую эпоху.

Одной из отправных точек настоящих размышлений стали раскопки памятника Железные Ворота (рядом с Дербентом, на границе Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей), которые были проведены двенадцать лет тому назад по инициативе нашего покойного коллеги Шахимардана А. Рахманова.²

Большая часть этого оборонительного сооружения датируется периодом немного более поздним, чем рубеж нашей эры, когда оно представляет настоящую северную границу Кушанской империи. Однако первоначальные этапы его строительства восходят к III в. до н.э., возможно к его завершению, отмеченному царствованием Евтидема, когда нашествие кочевых племен со стороны Согдианы виделось как явная угроза греко-бактрийскому царству. Соответственно, с учетом этой опасности, естественная преграда в виде Гиссарского горного хребта, разделяющая эти два региона, была усилена возведением стены. С другой стороны, археологические исследования наших предшественников, в частности Эдуарда В. Ртвеладзе [Ртвеладзе, 2002], и тщательный анализ письменных греко-римских источников привели нас к пересмотру исторической географии региона в отношении завоевательных походов Александра Великого в Бактрию-Согдиану. В частности, были предложены новые интерпретации маршрутов Александра в период между 329 и 327 гг. до н.э., [особенности маршрута з²8 г. до н.э. между Бактрами и Маракандой, когда, перед тем как пересечь отроги Гиссарского хребта, были окружены и захвачены оазисы в бассейне Окса.³ В этом же исследовании мы, совместно с Францем Грене, предложили отождествление на конкретной местности значительного количества топонимов, известных по сообщениям греко-римских источников, и перемещение административной границы между эллинистическими Согдианой и Бактрией от Железных Ворот на реки Вахш и Амударья (рис. 1).

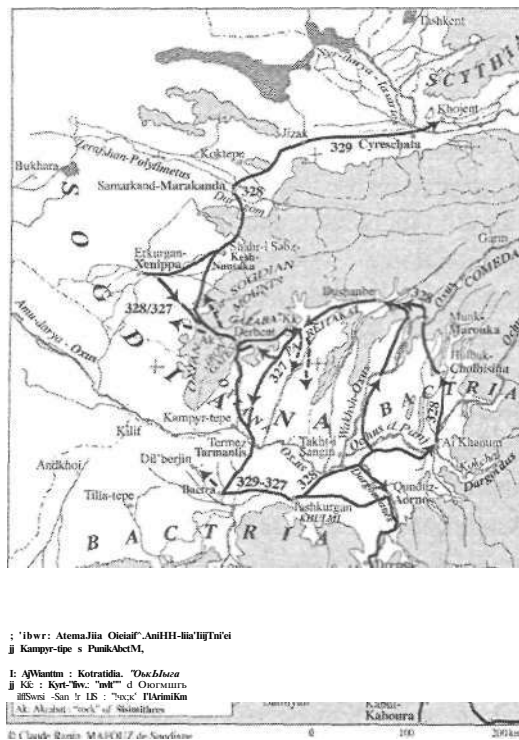

Рис. 1. Маршрут Александра Македонского (329-327 До н.э.) и топонимия Бактрии и Согдианы. © Cl. R.

Страны и области

Порядок географического расположения таких «стран», как Согдиана, Бактрия, Маргиана, Ария и Арахосия, ставших позднее административно-территориальными единицами Ахеменидской империи, существовал уже как минимум с VII-VI вв. до н.э., как о том свидетельствуют авестийские тексты [Gnoli, 1980 Grenet, 2005]. Эти топонимы обозначали изначально небольшие регионы, часто с акцентом на привязку к речным бассейнам, например, таким как река Бактрии, наименование которой на первых этапах было использовано только для обозначения оазиса вокруг города. Вероятнее всего ситуация изменяется на следующем этапе, в ахеменидскую эпоху, когда Средняя Азия была реорганизована в ходе централизаторской политики империи. В результате этой перегруппировки такие области, как Бактрия и Согдиана выходят за пределы своих исторических «ядер» для формирования более обширных объединений. В случае с Бактрией её территория была увеличена за счет поглощения всех оазисов по левому берегу Окса (Вахш и Амударья), в то время как Согдиана была расширена благодаря включению в неё всех земель по обеим сторонам Хиссарского хребта, от р. Зеравшан до р. Оке. Как правило, в античной Средней Азии границы как стран, так и их административных подразделений пролегают, по малонаселенным зонам аридных предгорий и степей. Исключение составляет лишь верхнее течение Амударьи, по которой в настоящее время проходит часть северной границы Афганистана и которая уже в эпоху античности представляла собой сегмент реальной границы между Бактрией и Согдианой. Пролегание границы по этой части реки объясняется тем, что её левобережье представляет собой обширную пустынную зону и воды последней не могли быть использованы для орошения прибрежных земель.

Исследования, проведенные в 1970-е гг. Французской Археологической Делегацией в Афганистане (DAFA), показали, что бактрийская ирригационная сеть была уже существенно развита в ахеменидский период [Gentelle, 1978]. Что касается конца этого и последовавшего за ним эллинистического периода, то источники истории завоевания! Александром Македонским Средней Азии позволяют составить перечень территориальных подразделений Бактрии и Согдианы, границы которых не выходили за пределы бассейнов крупнейших региональных рек и связанных с ними ирригационных сетей (Наутака = Кашка-Дарья, Оксиана = Шерабад-Дарья, Паретакена = верхний бассейн! Сурхандарьи, Бубакена = Кафирниган [?], Дрепса = район Сурх-Котала, Аорн = район! Кундуза, территория хульмов = район Ташкурмана, Бактры и т.д.). Обретя статус областей, они управлялись наместниками (сатрапами), которые располагались в отдельных более или менее урбанизированных центрах (Спитамен в Мараканде, Датаферн I в Ксениппе [?], Сисимитр в Наутаке, Аримаз в Оксиане, Хориен в Паретакене, Капан I в Бубакене [?], Бесс в Бактрах и т.д.).⁴

Однако их социально-экономическая история не может быть правильно оценена без учета такого существенного компонента, как кочевое скотоводство, которое на периферии, представленной либо степями, либо горными районами, серьезно влияет на формирование внутренней экономики оазисов.

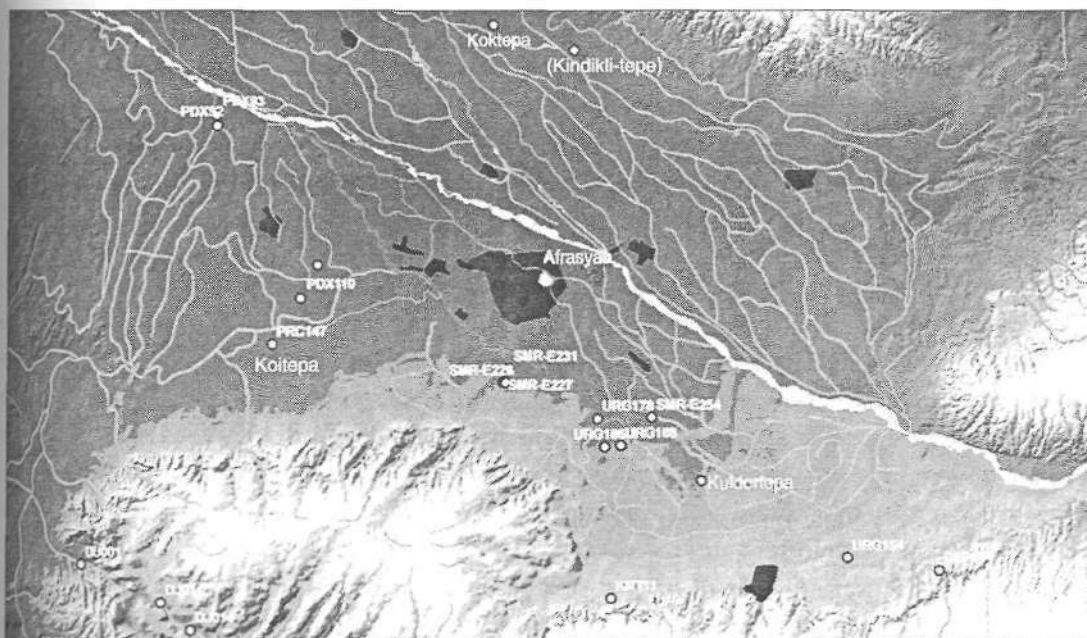

Рис. 2. Археологические городища ахеменидского времени южной и западной части долины среднего течения Зеравшана (GIS, сУзбекско-Итальянская экспедиция Самарканда).

Бассейн Зеравшана

В настоящее время предмет исследований—северная равнина Зеравшана, расположенная в сердце Согдианы, поблизости к степной полосе (рис. 2). Отдельные результаты работ допускают наличие в этом регионе собственной траектории развития, которая могла отличаться от моделей развития бактрийско-согдийской низменности (в том числе в бассейне Ока и его притоков) [Stride, Rondelli, Mantellini, 2009].

Датировки ирригационных сооружений этой равнины неоднозначны: многочисленные предположения, сделанные советскими и постсоветскими исследователями, в частности о времени сооружения канала Даргом, охватывают очень широкий период между VI—V вв. до н. э. и ранним средневековьем. Важнейшей и сложной проблемой исторического развития на территории Зеравшанской равнины является определение взаимосвязи в развитии урбанистических процессов и расширения оросительной сети. Попытку решения этой проблемы мы представляем здесь на основе результатов археологического изучения трех археологических памятников, исследовавшихся MAFOuz — Sogdiane: Самарканд-Афрасиаб,⁵ Коктепе⁶ и Киндикли-тепе.⁷

Афрасиаб и Коктепе это древнейшие из центров политической власти среди известных на этой равнине. Представляется, что рост их укрепленной территории, охватывавшей сотни гектаров, происходил одновременно. Своих максимальных пропорций оба города, вероятно, достигают в период перехода всего региона в целом под власть Ахеменидов в последней трети VI в. до н. э. Однако согласно хорошо известной нам теперь истории Коктепе, его развитие началось уже в последней трети II тысячелетия до н. э., тогда как первые этапы формирования Мараканды-города в свете архитектурных открытий не мо-

гут быть датированы ранее момента прихода сюда Ахеменидов. Несмотря на находки на Афрасиабе образцов наиболее древней для этого памятника керамики, на сегодняшний день не представляется возможным определить ареал распространения нетронутых археологических слоев, относящихся к раннему железному веку, которые могут быть сопоставлены с Коктепе.

Что касается урбанизации, начальные этапы которой проходили на заре ахеменидской эпохи, то одновременное существование двух городов-близнецов, удаленных друг от друга всего лишь на 30 км, представляется проблематичным. На спутниковых фотографиях бактрийско-согдийской низменности по четким краям оазисов можно легко выявить границы территориальных подразделений, тогда как равнина Зеравшана выглядит скорее как единое неделимое целое. Афрасиаб и Коктепе, два главных центра, тесно соседствуют с двумя основными ирригационными каналами, отведенными параллельно из одной и той же реки (Зеравшан) — Даргом на юге и Булунгур на севере. В других же регионах Зеравшанской долины орошение основано на сети каналов, выведенных из основной региональной реки, с которой нельзя связать, согласно нынешнему состоянию наших знаний, какой-либо урбанистический центр, по важности сравнимый с Афрасиабом или Коктепе.⁸ Таким образом, в первой фазе ахеменидской эпохи, на территории этой равнины никакие внутренние границы не выделяются и никакой из известных урбанизированных населенных пунктов не может рассматриваться как доминирующий над всеми остальными.

Афрасиаб и Даргом

Как видно из названия «Dargomanes», упомянутого Птолемеем, Даргом существует в виде канала как минимум с начала периода присутствия здесь Ахеменидов, то есть с момента возведения последними оборонительных стен Афрасиаба. Хотя некоторые исследователи считают, что канал всегда снабжал город через водозабор из Зеравшана, расположенный выше по течению [Иваницкии, Иневаткина, 1999; Gentelle, 2003], другие допускают, что ирригация посредством этого канала осуществлялась отводом вод из саев гор южнее Самарканда. При этом они предполагают, что нынешнее ложе Даргома не может датироваться ранее периода поздней античности [Stride, Rondelli, Mantellini, 2009]-⁹

Коктепе и Булунгур

Решение проблемы Даргома остается неоднозначным. Предпринятая здесь попытка прояснения этого вопроса основывается на расширении поля исследования в сторону северной части равнины, где симметричный Даргому канал Булунгур, возможно, имел ту же историю возникновения, что и первый.

В первые годы своего существования на протяжении железного века, который начался здесь в последней трети II-го тысячелетия до н. э., городище Коктепе выглядит как важный центр сельскохозяйственного и ремесленного производства, несмотря на скромность своей архитектуры [так называемый период «Коктепе I»: Рапен, 2007; Лионе, 2009; Люилье, Рапен, 2010]. Выбор этой местности для заселения, вероятно, был продикто-

ны, как на то указывают исследователи узбекско-итальянской экспедиции, близостью с северо-восточной стороны предгорного сая, который, по крайней мере на начальном этапе и в прерывистом режиме, мог предоставлять достаточное количество воды для нужд городского центра.

Начиная с VII-VI вв. до н. э. городище переживает ряд реконструкций, связанных с реализацией нескольких монументальных архитектурных программ, представленных первоначально крупными укрепленными дворами (строительный этап «Коктепе II»), затем платформами, одна из которых явно имела религиозное назначение. Этот последний строительный период, который мы определили как «Коктепе III», восходит, вероятно, к моменту ахеменидского завоевания в последней трети VI вв. до н. э. В этот период городище, как думается, достигает своего максимального территориального расширения и получает мощную фортификационную систему, выстроенную по окрестной равнине и сравнимо по размерам с укреплениями Афрасиаба, которые, как показали раскопки, появились к этому же моменту и достигали 5 км в длину. Отметим, однако, что эти значительные укрепленные оборонительными стенами пространства Коктепе и Афрасиаба нельзя рассматривать как городские агломерации современного типа, предполагающие сеть улиц и кварталы жилых домов. Скорее всего, в данную эпоху они выполняли роль убежища для оседлого населения ближайших окраин и поголовья домашнего скота в случае возможной вражеской агрессии. Только позже, при поздних Ахеменидах, Мараканда, благодаря своему географически центральному положению приобретает характер центра, доминирующего в долине.

В отличие от Афрасиаба на внутренней территории укрепленного городища Коктепе не обнаружено никаких следов ирригационных сооружений ахеменидского времени. Однако это городище расположено неподалеку от двух важных каналов — Булунгура, который орошает равнину, лежащую ниже террасы Коктепе, и Пай-арыка, который несет свои воды к равнине, лежащей на северо-востоке, и одно из ответвлений которого протекает по руслу древнего подгорного сая (см. выше).

Несмотря на то, что в настоящее время городище хорошо обеспечено водоснабжением, неясно, когда именно эти каналы появляются в окрестностях Коктепе и когда была прорыта для водозабора из Зеравшана верхняя часть существующего ныне канала Булунгур. Как мы уже отметили выше, в ранне-ахеменидскую эпоху на территории Зеравшанской долины не выделяются сколько-нибудь значимые памятники, сравнимые с Афрасиабом и Коктепе. Близкое расположение этих пунктов к двум магистральным каналам равнины подогревает соблазн увязать все эти элементы воедино и предположить, вслед за сторонниками более ранней датировки Даргома, что постройка каналов относится к ахеменидскому времени. В таком случае уместно допустить, что только централизованная и действенная власть могла выступить организующим фактором в столь крупномасштабной взаимосвязанной программе урбанизации и ирригации. Как уже отмечалось, эта дата ставится под сомнение сторонниками поздних датировок, аргументация которых базируется на социально-политическом анализе феодального характера, присущего поздней античности. Обнаруженный на северной окраине равнины замок Киндикли-тепе позволяет возобновить обсуждение вопроса о времени сооружения канала Булунгур.

Киндикли-тепе и экономическое обновление в период поздней античности

Вопреки широко распространенной в течение долгого времени идее, падение греко-бактрийского царства не означало обязательное запустение урбанистических центров или же сокращение численности населения на обжитых территориях. Так, начало новой эры отмечено, в частности, наличием погребальных памятников богатого аристократического общества, связанного одновременно и с миром степей, и с миром, который унаследовал традиции эллинистического периода. На Афрасиабе архитектурные фазы развиваются без серьезных перерывов в течение так называемых «темных» веков, которые начинаются с момента падения Евкратиды I (около 145 г. до н.э.) и продолжаются вплоть до эфталитов. Жилищная застройка в городах и в сельской местности становится все более плотной, особенно в период так называемой согдийской независимости, между концом III и V вв. н.э., и позднее, I несмотря на различные нашествия, продолжает активно развиваться при кидаритах во-круг замков местных владетелей. Именно во время кидаритского владычества, примерно в середине V в. н.э., сооружается цитадель Афрасиаба в центральной части верхнего города и городское население концентрируется, вероятно, в пределах средней укрепленной се-

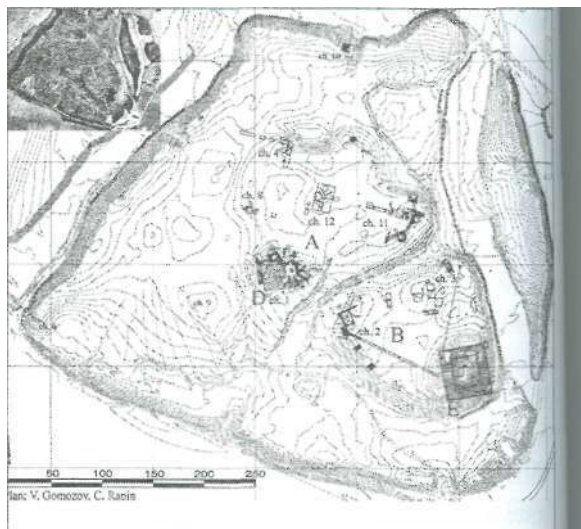

Рис. 3- План и аэрофотосъемка городища Коктепе © MAFOuz de Sogdiane.

Рис. 4- Аэрофотосъемка городища Афрасиаб с указанием урбанистической схемы города раннего средневековья. © Google.

Рис. 5- Аэрофотосъемка зоны городища Киндикли-тепе с замком и платиной. © Google.

вы на юге от верхнего города и его цитадели (рис. 3).

В последнее время этот социально-экономический контекст привел к повторной постановке вопроса о корреляции между централизованным ахеменидским управлением и прорытием канала Даргом.

Данные GIS-мониторинга южной части Зеравшанской равнины, проведенного узбекско-итальянской археологической экспедицией, показывают, что значительное количество археологических памятников ахеменидского периода расположено не по течению Даргома, а вдоль трасс предгорных саев при их выходе на равнину. Это наблюдение наводит на предположение, что канал Даргом не был сооружен непосредственно в античный период в том виде, в каком он существует в настоящее время, но скорее формировался поэтапно в социально-экономическом контексте уплотнения населения вокруг местных властителей феодального типа с первых веков н. э. и особенно в III—IV вв. н. э. [Stride, Rondelli, Mantellini, 2009].

Именно в этот период и был возведен замок Киндикли-тепе, который расположен на правом берегу канала Булунгур, в 9 км на ЮВ от Коктепе [Mantellini, Rapin, Rondelli, Stride, 2009; Рапен, Хасанов, 2010] (рис. 4-5) - По планиграфии этот памятник относится к традиционным крепостям, связанным с реками или ирригационными каналами, которые встречаются вплоть до раннего средневековья на обширном пространстве от Ташкентского оазиса [Алимова, Филанович, 2009] до Беграма, к югу от Гиндукуша [Kuwayama, 2002], включая и древнейшие слои памятника на территории Зеравшанской равнины — Джар-тепе ! (Бердимуратов, Самибаев, 1999) (рис. 6).

Локализация Коктепе объясняется не столько наличием канала Булунгур, но скорее его непосредственной близостью к водораспределительному комплексу этого канала, который, как мы уже отмечали выше, являлся основой орошения округа Коктепе (рис. 7~9) - В 550 м ниже замка Булунгур разветвляется благодаря плотинному сооружению на два второстепенных канала, которые далее текут по равнине на разновысотных уровнях. Эта же плотина регулирует и сток воды. Благодаря этому вододелителю часть вод Булунгура сбрасывается влево на лежащую двумя метрами ниже террасу. Затем воды Булунгура следуют в сторону равнины и протекают примерно в 700 м южнее Коктепе. Другая часть течения Булунгура следует своему руслу и уходя вправо получает название Пай-арык, выходя затем на прилегающую к Коктепе равнину, лежащую приблизительно в 3 км выше Коктепе. Таким образом, прохождение канала Булунгур в непосредственной близости от Киндикли-тепе может быть объяснено лишь наличием это-

Рис. 6. Городище Киндикли-тепе. © MAFOuz de Sogdiane.

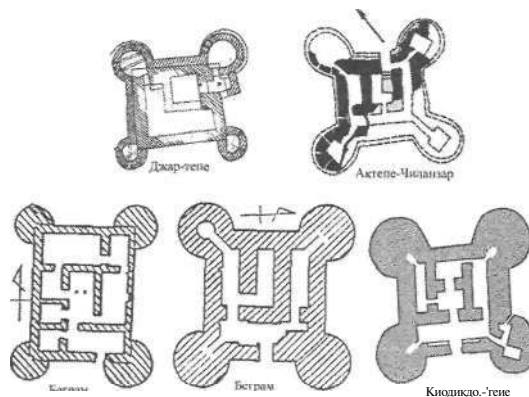

Рис. 7- Планы замков, связанных с ирригационными сетями.

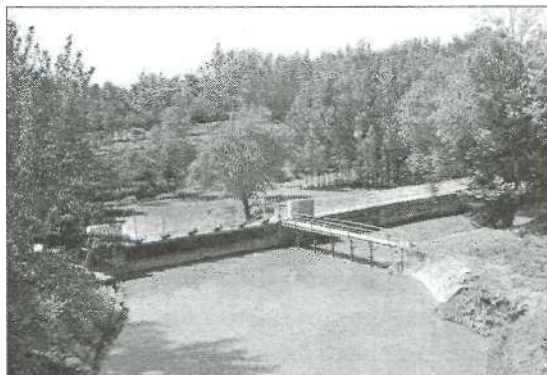
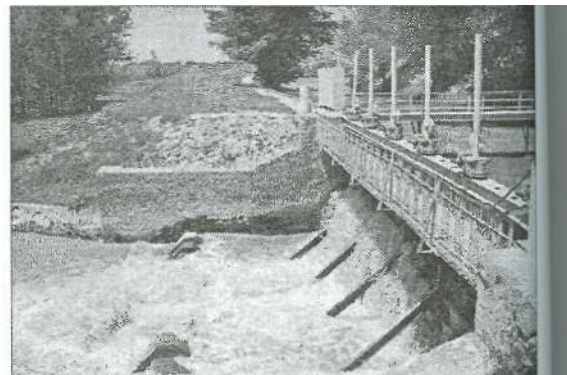

Рис. 8. Вид на развилку канала Булунгур, разделяемого плотиной на нижний Булунгур и Пай-арык. © MAFOuz de Sogdiane.

§ Рис. д. Плотина канала Булунгур (слева — течение нижнего Булунгура по нижней нивелировке рельефа; справа, на уровне плотины — начало Пай-арыка по верхней нивелировке равнины). © MAFOuz de Sogdiane.

го разделяющего узла, включающего в себя высокий водосброс. Предположив, что такое I сложное по конструкции, резкое разноуровневое водоразделение можно было бы избежать, I мы должны были бы искать выше по течению наличие другого благоприятного рельефа и других возможных направлений русел, отличных от того, что пролегает поблизости от Киндикли-тепе. Однако в рельефе местности не обнаруживается сколько-нибудь допустимых для такого обхода вариантов. Форма бифуркации предполагает, что две ветви канала были прорыты в одно и то же время и что их расположение в пространстве не сильно-видцизменилось с течением времени. Как показывают фотографии, сделанные в конце XIX в., окрестный пейзаж долго мог оставаться неизменным.

В начале раннего средневековья замок является самой важной частью этого сегмента Булунгура. По своей функциональной нагрузке контроля за водоснабжением обширной географической территории, лежавшей ниже водоразделителя, значение замка Киндикли-тепе превышает узко локальные рамки. Его роль, видимо, была не только экономическая, но и, несомненно, политико-административная. Вполне возможно, что владелец этой местности каким-то образом был в связи и в зависимости от централизованной власти равнины.

Исследования по определению времени строительства каналов еще продолжаются. Подтверждение поздних датировок нуждается в дополнительных работ в этом направлении. В нынешнем состоянии изученности территории предложение более ранних датировок, связывающих памятник с ахеменидским периодом, представляется нам более правдоподобным, с учетом внутренне согласованных данных анализа и предположений относительно исторического развития равнины.

Время существования замка, как представляется, не намного выходит за рамки V в. Вблизи от Киндикли-тепе наблюдается только один единственный иной археологический памятник, представляющий собой плато, по-видимому, укрепленное в средневековье. Оно I расположено на половине пути между плотиной и замком. Очевидно, что канал и его водоразделитель могли существовать сами по себе, без наличия специальных служебных построек, призванных поддерживать в рабочем состоянии. Таким образом, датировка этих I

памятников в окрестностях Булунгура не обязательно совпадает по времени с периодом прорытия этого канала. Кроме того, керамический материал, собранный на поверхности территорий, прилегающих к Киндикли-тепе, представлен образцами античной керамики, среди которых есть также образцы, относящиеся, возможно, к раннему железному веку. Таким образом, без твердой уверенности мы не можем исключить отнесение времени сооружения этого канала к периоду античности.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать следующее. Если водоснабжение каналов, расположенных поблизости от Афрасиаба и Коктепе, обеспечивалось в ахеменидский период отводом вод предгорных саев, то можно предположить, что подобные условия способствовали также развитию и других городских центров по линии предгорий Зеравшана. Однако среди других ахеменидских памятников, расположенных вдоль горных саев южной части Зеравшанской долины, уже достаточно хорошо изученной в ходе разведок, нет ни одного сравнимого по размерам с Афрасиабом или Коктепе. Кроме того, несмотря на монументальность размеров, ни Афрасиаб, ни Коктепе не были аггломерациями, предназначенными для собственно городского населения. Как то следует из размеров их укрепленных территорий, они являлись скорее всего временными убежищами для окрестных деревенских жителей и их домашнего скота во время вражеских нашествий. Административно контролируемая округа этих городов была гораздо шире территорий, орошаемых предгорными саями.

Согласно соображениям, высказанным выше по поводу допустимой привязки Коктепе к каналу Булунгур и Афрасиаба к каналу Даргом, неясно, можно ли относить их к более позднему историческому периоду, что поставило бы орошение долины Зеравшана в особый ряд, отличающийся от систем ирригации в более южных регионах Средней Азии. Скорее создается впечатление, что эти два города, хорошо интегрированные в окружающий географический ландшафт и орошаемые двумя каналами, зарождаются в ахеменидскую эпоху (как и сами каналы). На юге плато Афрасиаба было специально реорганизовано для получения воды из древнего канала Даргом, бывшего основой обеспечения жизни и в городе, и в окружающей сельской местности. На севере, на Коктепе, рельеф не сохранил никаких следов, указывающих на наличие специальных ирригационных сооружений, подобных афрасиабским. Вместе с тем, здесь существуют два ответвления канала Булунгур (Пай-арык и нижнее течение Булунгура), которые благодаря водоразделителю около Киндикли-тепе тесно охватывают со всех сторон округу Коктепе, что наводит на мысль о существовании определенной ирригационной программы.

Открытым остается вопрос о датировке каналов. Особенно важными будут точные результаты анализов и наблюдений в пользу предполагаемого омоложения датировки Даргома. В нынешнем состоянии исследований, осуществленных на основе согласования полученных данных и сведений исторических источников по периоду завоевания Средней Азии Александром Македонским, предположения склоняются в пользу ахеменидской эпохи.

Рис. ю. Вид Пай-арыка (направо) и нижнего Булунгура (налево) после плотины. © MAFOuz de Sogdiane.

истории, вероятно, были периоды запустения, обусловленные властью местных владетелей или кочевников. В конце ахеменидского периода, к моменту завоевания Александром,¹ Самарканд уже являлся единственной столицей региона, в то время как Коктепе было низведено до статуса регионального укрепления. В более общем плане, долина среднего течения р. Зеравшан представляла собой политико-экономико-административный централизованный регион, сформированный вокруг ирригационной сети на основе представленной выше модели оазисов бактрийско-согдийской низменности, лежащей южнее оборонительной стены Дербента.

Примечания

¹Автор выражает глубокую благодарность Анвару Атаходжаеву за перевод статьи с французского на русский язык, а также Светлане Горшенине — за внесенные исправления.

² Раскопки проводились в 1995–1996 гг. под руководством Ш. Рахманова, К. Рапэна и М. Хасанова.

³ Рапен, Бо, Грене, Рахманов, 2006: в данном исследовании предлагается ряд новых гипотез об известных скалах, захваченных македонцами. Эти идентификации в значительной степени совпадают с идеями Сверчкова, высказанными им после археологического изучения памятника I Курганзол (20 о 8).

⁴ Распределение Александром своих военачальников на среднеазиатской территории могло, возможно, отражать последовательность оазисов-областей, пройденных македонцами: Аттинас был помещен к западу от Бактр (в Александрии Бактрианы?), а Кратер в Бактрах. Затем, в порядке следо-

Конечно, можно допустить, что первоначальные этапы генезиса Коктепе в раннем железном веке были обусловлены наличием не-поливного земледелия, которое было связано с предгорными водными потоками. Возможно I предположить, даже с учетом того, что свидетельства ограничены исключительно находками керамики, что и Афрасиаб пережил подобный этап заселения. Несомненно, что оба города одновременно достигают своей значимости, без видимого превалирования одного над другим, в начале ахеменидского периода. Поскольку наиболее древние археологические памятники на Зеравшанской равнине погребены под позднейшими слоями, невозможно установить плотность населения в периоды, предшествующие нашей эре. Однако, исходя из величины обоих городов, численность их населения могла быть очень значительной на региональном уровне. Хотя, как! показали раскопки на Афрасиабе и Коктепе,¹ на ахеменидском и эллинистическом этапах I

внии маршрутом похода 328 г. до н. э. можно полагать, что Полисперхоном был занят оазис Хульма, Аретий утвердился на реке Кундуз, Аттал вдоль Пянджа, к западу от Ай-Ханум, Горгий в районе к северу от Ай-Ханум, Мелеагр на левом берегу верхнего течения Вахша, в районе Холбисины (Хульбук) или Маруки, Гестеион за Вахшем, в районе современного Душанбе, Птолемей в Кафирнигане, Пердик в Паретакене и Артабаз в районе Железных ворот и в Оксиане.

Раскопки проводились под руководством М. Исамиддинова и Ф. Грэнэ, начиная с 1989 г., в рамках MAFOuz de Sogdiane, однако проблематика античного урбанизма была затронута ранее, начиная с 1960 г. советскими археологами.

Раскопки проводились в 1994–2008 гг. под руководством М. Исамиддинова и К. Рапэна.

Раскопки проводились в 2007 г. под руководством М. Хасанова и К. Рапэна.

Как подчеркивается археологами, древние археологические слои на памятниках Зеравшанской равнины залегают на значительной глубине, их выявление в ходе раскопок затруднительно.

П. Жантель предполагает, что песок из афрасиабских каналов ахеменидского времени происходит из р. Зеравшан. В 2009 г. Узбекско-итальянской экспедицией взяты новые пробы с целью проверки версии о происхождении этого песка из предгорных саев. Результаты анализов пока нам неизвестны.

Литература

Алимова Д.А., Филанович М.И. Тошкент тарихи (История Ташкента). Тошкент, Art Fax, 2009.

Бердимуратов А., Самбаев М. Храм Джартепа-II (к проблемам культурной жизни Согды в IV–VIII вв.) — The temple of Jar-tepa-II (The problems of cultural life of Sogdiana in the 4th-8th c.A.D.). Т. 1999.

Иваницкий И. Д., Иневаткина О. И. Периодизация и этапы развития водоснабжения Афрасиаба (по материалам раскопок магистрального канала в 1996–1997 гг.) // ИМКУ. Вып 30, 1999-

Люне (Lyonnep) Б. Бактрия и Согдиана или два исторических пути, самобытных и взаимодополняющих // Труды международной научной конференции. Ташкент, 2009.

Люлье (Lhuillier) Ж., К. Рапэн (Rapin) Раннежелезный век северной Согдианы: характеристика и предварительная типологическая хронология // ИМКУ! Ташкент, 2010. В печати.

Рапэн К. (Rapin) Коктепа в период Железного века до прихода ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития / Матер, межд. науч. симп. -а. Ташкент-Самарканд, 2007.

Рапэн (Rapin) К., Бо (Baud) А., Гренэ (Grenet) Ф., Рахманов Ш.А. Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // ИМКУ. Вып. 35-Ташкент 2006.

Рапэн (Rapin) К., Хасанов М. Раскопки MAFOuz Согдианы на городище Киндикли-тепе // Археологические исследования. Ташкент, 2010. В печати.

Ртвеладзе Э. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане: Историко-географические очерки // Alexander the Great in Bactria and Sogd: Historical and geographic sketches. Ташкент, 2002.

Gentelle P. Ai Khanoum (Afghanistan) et son irrigation depuis les temps antiques, Publications de la recherche archéologique n°10, Valbonne-Sophia Antipolis. 1978.

Gentelle P. Traces d'eau. Un géographe chez les archéologues, Paris. 2003.

КЛОД РАПЭН

Gnoli G. Zoroaster's time and homeland. A Study of the origins of Mazdeism and related problems I (Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor, 7), Naples. 1980.

Grenet F. "An archaeologist's approach to Avestan geography", in Birth of the Persian Empire, I Ed. V. Sarkosh Curtis and S. Stewart, London, New York, 2005.

Kuwayama S. Across the Hindukush of the First Millenium. A Collection of Papers, Kyoto. 2002. I

Mantellini S., C. Rapin, B. Rondelli et S. Stride. Pouvoir et grands travaux dans la plaine I de Samarkand de l'Ège du Fer au haut Moyen-Ège (nouvelles données pour la comparaison avec I le site d'Aktepe-Chilanzar de Tashkent), Rol' Tashkenta v razvitii mirovoj civilizacii. Materialy I Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashchennoj 2200-letiju goroda Tashkenta, 9 april'ja 2009 I goda, shtab-kvartira Junesko, Parizh (Le rôle de Tachkent dans le développement de la civilisation I mondiale, Actes du Symposium International consacré aux 2200 ans de la ville de Tachkent, 9 avrilB 2009, Siège de l'UNESCO, Paris). Tashkent: Fan, 2009.

Stride S., Rondelli B. and Mantellini S. Canals versus horses: political power in the oasis of • Samarkand, World Archaeology, 41: 1. 2009.

Sverchkov L.M. The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era)», I Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 14, 2008.

М. Исамиддинов
Узбекистан

РЕМЕСЛО ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ОБЩЕСТВО АВЕСТЫ

В конце II в начале I тысячелетий до н.э. в основных оседло-земледельческих оазисах Средней Азии была распространена культура лепной-расписной керамики, характерная для земледельческих племен. Ареал этой культуры на юге охватывал северо-восточные районы Ирана, Северный Афганистан, южные районы Таджикистана и Узбекистана, а на севере и северо-востоке простирался до Ташкентского оазиса, Ферганской долины, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Преобладающее большинство племен этой культуры жили в основном в землянках, полуземлянках и жилищах легкого типа, основанных на каркасных конструкциях, занимались земледелием, а керамику изготавливали лепным способом и украшали росписью. Анализ материальной культуры этих племен дает возможность предположить, что общество, описанное в «Авесте», по уровню своего развития совпадает с племенами культуры лепной-расписной керамики Средней Азии, где совершенно отсутствуют города, ремесленные продукции и, особенно, гончарный круг.

Преобладающее большинство исследователей «Авесты» определяют время создания как VI—V вв. до н. э., т. е. доахеменидским периодом.¹

В «Авесте» отсутствуют названия областей Западного Ирана, Персиды, Греции, Египта, Сирии, Месопотамии и Малой Азии. Это свидетельствует о том, что древнейшая часть Авесты — «Гаты» — создавалась раньше VI в. до н.э., и, самое главное, вышеотмеченные регионы не участвовали в создании «Авесты».

Исследуя язык «Авесты», И. М. Дьяконов предпочел отнести район возникновения либо к Средней Азии и востоку Ирана (нынешнему Хорасану и Афганистану), либо крайнему востоку Мидии [Дьяконов, 1956. 4⁶ с], отодвинув несколько позднее уже в районы Мерва, Чарджу и Ургенча. Мы в настоящей статье хотели выдвинуть идею о том, что именно территория Согды являлась одним из основных районов возникновения Авесты. Постараемся обосновать данную точку зрения.

В поздних вариантах «Авесты» упоминаются Хорезм, Согдиана, Бактрия, Арея (область вокруг Герата). Судя по тексту «Авесты», она была создана индо-арийскими племенами.

г Что дают археологические материалы по этому вопросу?

К племенам, создавшим «Авесту», не может быть отнесено население Бактрии и Маргианы, где в эпоху бронзы и даже в раннежелезном веке имелась высокоразвитая гончарная керамика. По верованиям индо-арийских племен, выпуск и употребление пищи из таких сосудов считалось недозволенным, т. е. не богоугодным делом. Е. Е. Кузьмина произвела очень интересное наблюдение в горных районах Индии, где она вместе с местными учеными встречалась с современными гончарами. Местное население в это время готовилось к празднику Дашера, и в семьях шло приготовление к совершению жертвоприношения. Как ей объяснили местные гончары, для этого обряда пригодны особые сосуды традиционной формы и совершенно непригоден сосуд, изготовленный на гончарном круге. По их мнению, то, что скручено на круге, принадлежит асурам (так арии на-

зывали враждебную группу богов), что сделано без круга, принадлежит богам [Кузьми 1986. С. 3-132].

В Упанишадах и «Брахманах» предписывается, чтобы арий своими руками сделал суд, так как его лепили отцы и деды, предки питары и прародитель Ангирас, обученны гончарству богиней Адити, и ни в коем случае не покупал горшка у ремесленника – дры, не принадлежащего к арийской общине и делающего горшки на продажу с помощью гончарного круга, неугодного богам: «Асуровский сосуд выходит из рук гончара, асуровский сосуд делает гончар на круге» [Кузьмина, 1986. С. 591- Далее Е. Е. Кузьмина ссылается на работу индийских и немецких ученых Ш. Сингха, М. Панди и В. Рау, где подробно и в деталях описывается строго регламентированный процесс традиционного гончарства предков ведических ариев. Аналогичный процесс изготовления сосудов сохранился у современного населения горных районов Памира [Пешерева, 1959]-

Но самые близкие параллели к описанному способу изготовления керамики ариев можно обнаружить в материальной культуре племен лепной расписной керамики Средней Азии эпохи раннежелезного века (РЖВ). В обоих случаях керамика обязательно изготавливается из трех лент глины. В первую очередь обязательно должна была изготавливаться нижняя часть сосуда, потом – тулова и в самую последнюю очередь – его верхняя часть. Даже процесс изготовления сосудов, состоящих из трех лент и трех операций, у ариев назывался «триюдхи». Процесс изготовления сосудов сравнивается с актом сотворения мира – сам сосуд – со Вселенной: «делает он укхи – это земное жизненное пространство», второе кольцо – это сфера людей и зверей, а третье – это небо» [Кузьмина, 1986. С. 60]. Как мы убедились, в древности для арийской общины процесс изготовления сосуда был почти магическим явлением и никогда не выходил за его рамки.

Имеется ряд параллелей в названии сосудов в таких странах, как в Индия, Пакистан на Памире и в Ягнобе. В частности, у гончаров вышеотмеченных регионов «каля» (глина, сосуд), аналогично таджикскому «кулла» (миска), и этот же термин имеется и в санскрите – «кулала» (горшечник). Памирское «бунук» (нижняя часть сосуда) восходит к авестийскому «буна» (низ, основание) и санскритскому «Бундья» (нижний мир). Е. Е. Кузьмина, анализируя терминологию древних гончаров, делает вывод: «раз термины, связанные гончарным производством, одинаковы, значит, одинаковы и традиции гончарного производства у разных индоарийских народов». По ее мнению, Средняя Азия не может быть родиной индо-арийских племен, где гончарное производство известно со времен Намазга-V, и она считает, что первоначальная родина индоариев находилась, как и предполагали В. А. Городцов и его последователь М.Е. Воеводский, в центрально-евроазиатской зоне, и позже они двигались на юг. Почти такой же точки зрения придерживаются и многие другие ученые.

За последние годы в ходе археологических изысканий на территории Согда, Ферганы и в Ташкентском оазисе были открыты новые уникальные памятники, восходящие к эпохе энеолита и ранней бронзы (Саразм). Такие памятники были обнаружены и на территории Южного Согда [Заднепровский, 1997; Исамиддинов, 2002; Исаков, 1986; 1991; Раимкулов в соавт., 1990]. Так, в Самаркандском Согде было обнаружено городище Коктепа, где можно проследить развитие материальной культуры от эпохи поздней бронзы вплоть до ранних этапов эллинизма [Исамиддинов, 2002]. По всей территории

И Согда лепная керамика в слоях РЖВ составляет более 99% и по способу изготовления состоит из трех частей, как это предписано в Упанишадах и «Брахманах», т. е. как в описаниях ведических ариев.

Как отмечено выше, вся зона распространения гончарной керамики, в том числе территория Бактрии и Маргианы, не могла быть родиной индо-арийских племен. Из этого можно сделать вывод, что первоначальное оседание индо-арийских племен на территории Средней Азии произошло, видимо, в Согде, Фергане и Ташкентском оазисе, где гончарная посуда в слоях раннежелезного века (РЖВ) составляет около 1%. Кроме того, археологические работы, проведенные на территории Средней Азии, в какой-то степени дают возможность решить проблему времени и места происхождения зороастризма и Авесты.

Судя по самой «Авесте», общество, где родилась «Авеста», должно было вести земледельческий образ жизни, т. к. там фигурируют реки, каналы, поля, должны были быть «селения», окруженные оборонительными стенами. Кроме того, были получены ценные материалы, указывающие, что эти земледельческие племена занимались и животноводством. На данном этапе изучения к таким оазисам можно было отнести территорию Согда, Ферганы и Чача. По нашему мнению, геометрический орнамент (особенно треугольный и ромбовидный), нанесенный на поверхность лепных сосудов в эпоху РЖВ, носил культовую нагрузку. Подобными треугольными или ромбовидными орнаментами украшались именно ритуально-культовые сосуды и изделия. Хотя истоки появления таких орнаментов относятся к эпохе энеолита и бронзы, они продолжают в ритуально-культовых предметах, сосудах данного региона почти до сегодняшнего дня [Рахманов, 1982. С. *vj.* рис., фигуры 1, 5-6; Исамиддинов в соавт., 1977- С. 66, рис.]. Таким образом, становится ясно, что среди вышеотмеченных древнеземледельческих областей древние согдийцы были самыми «верующими», а Согд самой вероятной областью зарождения «Авесты». Возможно, поэтому в поселении Турткультепа на территории Южного Согда расписная посуда составляла около 25% от всех сосудов, в то же время на территории Бактрии 12-15%, а в период Кучук — и-12%. В то же время в чустской культуре Ферганы и бургулюкской культуре Ташкентского оазиса число расписных сосудов не превышало 1-2% от общего числа сосудов.

Все женские терракоты эпохи энеолита и бронзы юга Туркмении были украшены треугольными прочерченными орнаментами, нанесенными на животе фигурки. Треугольными или ромбовидными росписями были украшены лепные сосуды. Такие же орнаменты на культовых сосудах несли в себе смысловую нагрузку и они переходили из эпохи в эпоху до сегодняшних дней.

В этих знаках мы видим сложение на основе первобытных взглядов, обычаев и верований системы древнейших религий, которые охватывали древнеземледельческие регионы Востока и распространились на северо-восточные районы. Эта древнейшая религия, возникшая на юге Средней Азии, была, видимо, связана с почитанием огня.

Судя по «Авесте», население наряду с земледелием должно было заниматься и домашним животноводством. Однако в Хорезме такие «селения», где бы в VI-VII вв. до н.э. занимались подобным производящим хозяйством, пока отсутствуют. А на территории Чача и Ферганы расписная керамика составляет очень небольшой процент.

Учитывая факт, что в процентном отношении расписные сосуды составляют в Согде самое большое количество и что традиция изготовления этих сосудов уходит в глубь веков, то самой вероятной областью зарождения «Авесты» должна была быть территория Согдианы.

Как известно, спорным остается вопрос об имени самого Заратуштры. В «Гатах» не сказано, где была родина Зороастра. Видимо, слушателям она была хорошо известна, поэтому упоминание о ней не попало в текст. Сохранились данные о его семье. Судя по описанию I в «Гатах», он был из небогатого рода Спитама, отца звали Поурушаспа, а мать — Дудова.

Здесь интересное совпадение, на которое до сих пор никто не обращал особого внимания. Речь идет о названии рода, из которого происходит Заратуштра, т. е. рода Спитама, созвучного с именем согдийского народного героя Спитамена («Спитамен»-гречизированная форма имени, которое в согдийском звучало как Спитамана). Очевидно то, что название рода, из которого происходил Заратуштра — Спитама — является типично согдийским.

Имеются самые разные точки зрения о времени создания «Авесты». И. М. Дьяконов считает, что общество, описанное в «Авесте», совершенно не знает ремесла. Гончарные печи упоминаются, но о гончарном круге ни слова. Жизнь в обществе, описанной в «Авесте»,! проходит в тех местах, где нет ни государства, ни городов, ни денег, ни денежных отношений [Дьяконов, 1971- С. 138-140]. Недавно на раскопках в городище Коктепа в слоях РЖВ I был обнаружен керамический шлак, но совершенно отсутствует гончарная керамика. Это еще раз убеждает нас в том, что территория возникновения «Авесты», по ее же описанию, совпадает с территорией Согда раннежелезного века, т. е. с XII-VIII вв. до н. э.

Самые ранние предания об основании города Самарканда имеются в книге среднеперсидского времени «Города Эраншахра», в котором реальные исторические факты и реальная география переплелись с легендой. В частности, в одном из преданий говорится, что в восточной стороне Кавус, сын Кавата, завершил его. Кай-Хосрав, сын Сиявуша, там родился и он установил (в этом городе) чудотворный алтарь огня. Затем Заратуштра принес (свою) религию. По приказу царя Виштаспа он вырезал и написал на золотых табличках буквами (священного) писания 1200 глав и поместил их в сокровищницу того (храма) огня. И затем проклятый Александр сжег и бросил в море книги веры, (повествующие) о семи правителях. А выражение семь правителей означает, что там (в Самарканде) было семь царей: Джемшид, Феруддин, Манучехр, Кавус, Кай Хосрав, Лохрасп и Виштаспшах. Затем проклятый туранец Афрасиаб из всех обителей богов, которые были (в Самарканде), сделал места поклонения девам [A catalogue... 1931- P- 8-ю].

В вышеотмеченном тексте отражена эпическая традиция, согласно которой столица Согда была религиозным центром древних земледельческих племен, обитавших в Зеравшанской долине и сопредельных территориях. В некоторых других сочинениях среднеперсидского времени процесс уничтожения «Авесты» Александром Македонским будто бы происходит уже в Истахре (Персополе), т. е. в Фарсе.

К VIII-VII вв. до н.э. зороастризм распространяется на территорию всего Ирана и самые впечатляющие памятники этой религии были обнаружены на священных террасах Масжид-и Солайман, Бард-э Нешандэ, Калгэ, Кала-и Барди, Кала-и Лит и т. д.

В дальнейшем эти памятники Ирана, видимо, превратились как бы в образец или символ зороастризма и оказывали обратное влияние на территорию Согда, Бактрии, Маргианы вплоть до распространения ислама на территории Средней Азии.

Примечание

Подробную литературу по этой проблеме см. Лившиц В. А. Общество Авесты // История таджикского народа. Том I, М.: 1963, с. 139-15°; Крюкова В. Ю. Зороастризм. — «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2005. 288 с.

Литература

- Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новой постановки вопроса) // История иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства и культуры. Москва-Ленинград: Изд. АН. 1956.
- Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможной постановке вопроса) // История иранского государства и культуры. Москва: Наука, 1971-
- Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997-
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV-VVV. н.э. // ИМКУ. Ташкент, 1977- Вып. 13.
- Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху древности и в период античности). Ташкент: [Издательство народного наследия им. А. Кадыри, 2002.
- Исаков А. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА, 1986. № 1.
- Исаков А. Саразм (к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зерафшанской долины (раскопки 1977-1983 гг). Душанбе: Дониш. 1991-
- Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шанья. Фрунзе: Илым, 1986.
- Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. Москва-Ленинград: Наука, 1959-
- Раимкулов А., Исамиддинов М. Турткультепа — новый памятник эпохи финальной бронзы в Южном Согде // В сб.: Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент: Фан, 1990.
- Рахманов У. Об орнаментации керамики с поселения Джаркутан // ИМКУ. Ташкент, 1982. • выш. 17-
- A catalogue of the provincial capitals of Eranshahr, Pahlavi text, version and commentary by J. Markwart. Roma. 1931.

А. Бердимуратов
Узбекистан

БУЛЛЫ КАФИРКАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА

В 12 км к юго-востоку от Афрасиаба, на левом берегу канала Даргом находится крупное (почти 16 га) городище Кафиркала (рис. 1). Археологические раскопки этого памятника были начаты в 1939 году А. Ю. Якубовским [Якубовский, 1940] и продолжены Г. В. Григорьевым [Григорьев, 1941; 1946] и И. А. Сухаревым. Был открыт квартал гончаров с целым рядом печей, на окраине обнаружено кладбище оссуариев, большое количество керамики. Среди находок преобладала керамика сасанидского стиля, терракотовые статуэтки, относящиеся к VI-VII в. н. э., изображающие людей и животных.

В начале 40-х годов работы были прерваны, но интерес к памятнику далеко не исчерпан. Спустя 30 лет после первых раскопок археологический отряд Института археологии ИАН РУз под руководством автора вновь начал исследования Кафиркалы и продолжил их в рамках Узбекско-итальянской археологической экспедиции [Berdimuradov, Cazzoli, Cereti, I Mantinelli, 2005].

Городище состоит из цитадели, шахристана и рабада (рис. 1). В северо-восточном углу был расчищен вход в цитадель и привратная башня. Стратиграфические слои распределялись следующим образом: верхний гумусный слой толщиной около 20 см; затем на глубине 30~55 см залегал слой, включающий фрагменты костей, керамики, куски пахоты. Далее шел мощный (90-100 см) слой с большим включением золы, древесных улей и обгоревшей глины. В этом слое найдены фрагменты бревен, примечательно, что некоторые из них были украшены декоративной резьбой. По всей видимости, они представляли собой стволы колонн, базы которых были найдены в двадцатисантиметровом слое пола. Таких баз в этом помещении было найдено 6, и можно предположить, что они принадлежали помещению либо айванного типа, либо полуоткрытого вестибюля. Именно здесь была собрана коллекция булл, составлявшая около 500 экземпляров, ставших темой настоящего доклада.

Рис. 1. Аэро-фото съемка городища Кафиркала.
© Google.

Буллы были найдены на полу, часть их лежала кучкой, часть раскиданы по всему полу (рис. 2), что можно объяснить следствием сильнейшего пожара, благодаря которому глиняные печати были обожжены и приобрели высокую прочность.

Столь крупное собрание булл говорит об обширной переписке, которую вели обитатели замка с адресатами из различных географических точек, то есть о деловых, экономических, административных или политических связях правителей города. Это увлекательное расследование, но ограниченность времени

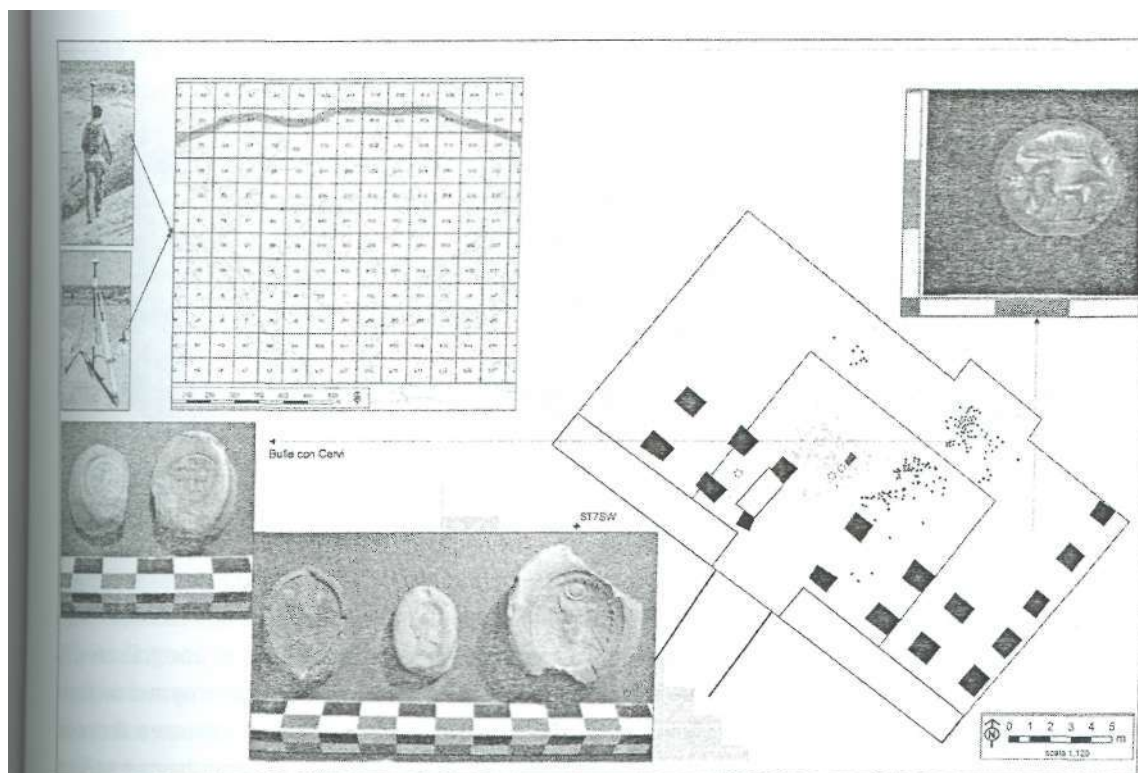

Рис. 2. Карта расположения памятника Кафиркала и план-схема расположения булл.

заставляет нас более кратко и четко сформулировать задачу: определить круг географических пунктов, связанных перепиской с согдийским городом Ривдад (?), ныне известным нам как Кафиркала. К сожалению, сами документы не сохранились и об их содержании мы можем только строить догадки. Таким образом, лишь сами буллы, их стилистика и тематика может подсказать направление поиска.

С этой точки зрения всю коллекцию булл можно разделить на несколько групп. В настоящем сообщении мы приведем наиболее популярные сюжеты. Анализ булл на основе стилистических признаков позволяет выделить две основные группы. Первая группа включает образцы, созданные под влиянием традиций античной глиптики. Вторая группа, более многочисленная, представлена различными изображениями, выполненными в сасанидском стиле. Ниже мы приводим наиболее представительные образцы обеих групп.

Буллы античного стиля

Они включают в себя фигуры, выполненные в полный рост. Чаще всего фигура показана в профиль либо в три четверти. Интересна в этом отношении довольно массивная по размерам булла с изображением обнаженного юноши атлетического сложения, идущего вправо (рис. 3). В правой руке, протянутой вперед и согнутой в локте, он держит шлем, левая рука поднята вверх, от нее вниз следует прямая линия, изображающая, возможно, копье. За спиной развевающийся плащ, показанный крупными вертикальными складками примерно

Рис. 3- Фигура обнаженного юноши вправо.

Рис. 4- Голова молодого персонажа.

Рис. 5- Женская обнаженная фигура.

от середины. Образ демонстрирует безупречное владение пластикой, а композиция в целом более всего напоминает сцену приношения [Абдуллаев, Бердимуратов, 2005. С. 26-27].

Следующим образом, близким к античной традиции, является фигура стоящей женщины в складчатом одеянии. Манера изображения платья, состоящего из хитона и пеплоса, во многом напоминает античные образы в искусстве пластики. Нога, выдвинутая вперед, обрисована сквозь ткань, фигура движется влево, в верхнем правом поле изображен предмет, напоминающий растение или цветок. Недостаточная четкость изображения, и особенно скол в левой части буллы, затрудняет идентификацию персонажа, однако по стилю достаточно уверенно можно сказать, что создавалась она под влиянием античной глиптики.

Глядя на блестяще исполненную голову молодого персонажа (Афродита) в профиль влево, можно с уверенностью говорить о традиции античной глиптики. Оттиск, как и сама булла, почти округлых очертаний или небольшого овала (25 x 21 мм). Голова вписана в овал и занимает почти всю лицевую поверхность буллы (рис. 4)- Рельеф изображения довольно высокий, оттиск произведен инталией с глубокой резьбой. Прическа сложной формы, округлые завитки волос обрамляют голову. Два наиболее крупных из них расположены за ухом и предположительно под ушной раковиной. Над лбом небольшой удлиненный валик волос, над ним неширокая рельефная полоска, передающая ленту.

На затылочной части фактура волос показана гладким рельефом и тонкими прямыми линиями. Под затылком два крупных завитка полукруглой формы один за другим. Лицо правильных очертаний с прямым гладким лбом, прямой формы нос с рельефно выраженными крыльями. Короткими, косо расположенными один над другим рельефами показан чуть приоткрытый, пухлый рот. Широко раскрытые глаза переданы двумя черточками, образующими угол, между которыми помещен зрачок. Взор устремлен вперед и чуть вверх. Гладким плавным рельефом переданы подбородок и шея.

Оттиск передает идеализированный портрет, такой тип изображения свойствен, как правило, божественным образам в искусстве античности, тема также применяется в изображениях царственных особ. Блестящим примером в этом отношении может служить образ царя Митридата VI. Портрет этого прославленного в эллинистическом мире правите-

ля был весьма популярен и воплощен в различных категориях изобразительного искусства, включая глиптику. Идеализированный портрет Митридата представляется художниками в различных ипостасях популярных греческих богов, таких, например, как Геракл или Дионис. В образах Митридата привлекает внимание экспрессивная манера трактовки **прински** с развевающимися локонами. Выражение устремленного вверх взгляда сближает этот образ с портретом на кафиркалинской булле [Абдуллаев, Бердимуратов, 2005/ С. 27].

С образами античной мифологии можно связать изображение на крупной по размерам булле с обнаженной женской фигурой (рис. 5). Оттиск как и само изображение крупных размеров по длинной оси 42 мм. По центру во фронтальной позе показана женская фигура удлиненных пропорций, ее левая рука поднята до уровня плеч и согнута в локте. От кисти **низ** проходит тонкая рельефная линия, передающая, по всей очевидности, спадающий I сплечшарф. В правой, опущенной руке — рог изобилия — атрибут, позволяющий определить функциональные особенности изображенного персонажа. В эллинистическом искусстве этот атрибут, как известно, характерен для богини Тихе-Фортуны. Функция этого божества связана с понятиями «удачи», «изобилия», «плодородия» и т. д. Изображение фортуны можно видеть на гемме, найденной в Северной Бактрии на городище Дальверзинтепа [Пугаченкова, Тургунов, 1974]- В позднеантичном искусстве, а именно в искусстве кушанской эпохи, рог изобилия характерен для богини Ардохшо. Это наблюдается на аверсах монет Васудевы с именем божества.

Близкую функцию в кушанском пантеоне имеет и другое женское божество — Нана. **Нана** или Нанайя в определенной мере также олицетворяет богатство и благоденствие. Следует отметить, что в раннесредневеком Согде культ богини Наны приобретает особую популярность [Grenet, Marshak, 1998].

Следующий сюжет напрямую связан с античной мифологией. Речь идет о небольшой овальной формы булле с оттиском геммы-инталии аналогичной формы (размеры оттиска да. 13 мм), опубликованной в 2005 году [Абдуллаев, Бердимуратов, 2005. С. 30]. Композиция **вписана** по длинной оси и почти всю поверхность занимает фигура волчицы вправо (Волчица, кормящая младенцев). Голова вместе с шеей прогнута назад, острая морда обращена к двум младенцам, расположенным под сосцами волчицы. Фигурки младенцев едва различимы, они **сидят** друг против друга, руки подняты вверх, головы тянутся к сосцам.

I Сюжет волчицы, кормящей младенцев, в искусстве Средней Азии известен по золотому брактеату, найденному при раскопках второго храма Пенджикента, опубликованному АМ Беленицким [Беленицкий, 1958]. Открытие настенной живописи в Таджикистане на городище Калаи Кахкаха со сценой волчицы, кормящей близнецов, свидетельствует о том,

сюжет этот был популярным и известным для мастеров и что населению он был достаточно знаком [Негматов, Соколовский, 1975]- Религиозно-мифологический контекст, восходящий к более древнему культурному пласту Востока и Запада как бы перерождается в раннесредневековую эпоху Средней Азии.

Сюжеты сасанидского стиля

Самой многочисленной группой являются буллы с изображением царственного персонажа в **короне** сасанидского типа. Крупный оттиск (23 x 24 мм) почти круглой формы включает по-

трудный портрет. Грудь и плечи развернуты фронтально, голова с легким разворотом в три четверти, сложный головной убор. Верхняя часть короны оформлена в виде шара, заключенного в полумесяц с рожками вверх, под ними рельеф в виде трилистника, затем следует сама корона, представляющая два ряда перлов обрамляющих лоб, по обеим сторонам коих выступающие рельефы передающие зубцы короны (?). Над ними по обеим сторонам расширяющиеся к концам ленты, показанные заштрихованной поверхностью. Такие же ленты, но чуть меньших размеров происходят из-за плеч. Над правой бровью рельеф, по форме напоминающий удлиненный и заостренный к концу лист. Тонкие черты лица: длинные дугообразные брови, широкий разрез глаз, длинный тонкий нос, маленький рот. Показана правая раковина уха, с мочки свисает подвеска с шарообразной бусиной. Прическа показана в виде трех рядов завитков, расположенных по обоим бокам. Округлый разрез рубах дополняется ожерельем из округлых бусин с одной крупной посередине. Еще одно ожерелье спускается ниже. Края платья и плечи украшены также округлыми рельефами, передающими нашивные украшения (?). Сохранившаяся легенда бактрийским письмом следует от и часов до 5.

Аналогичная булла из частной коллекции была опубликована не так давно Ф. Грне, А. Ур-Рахманом и Н. Симс-Уильямсом. Надпись дешифрована Симс-Уильямсом и передает имя «царя гуннов, великого Кушан-шаха самаркандского из рода Африган» [Grenet, Ur-Rakhman, Sims-Williams, 2006].

Среди булл Кафиркалы по числу одинаковых отпечатков, т.е. по числу адресатов, одним из наиболее распространенных типов изображения являются буллы с отпечатком изображения кабана (7 экземпляров одного типа). Эта категория булл одна из наиболее многочисленных. По всей очевидности, эти буллы происходят из того же источника (канцелярии), что и буллы с изображением бюста царственного персонажа (хионитского царя). О том, что они одинакового происхождения, свидетельствует манера оформления буллы и метод крепления. На обратной стороне имеются широкие скрещивающиеся полоски, оставленные лентами-завязками. Ширина ленты примерно одинакова с шириной ленты вышеуказанной категории булл. Оттиск имеет овальную форму по горизонтальной оси. В центре в реалистичной манере изображен кабан вправо. Пасть с клыками широко открыта. Щетина на загривке показана вертикальными линиями. Обе левые ноги выдвинуты вперед. Зверь стоит на фоне ветвистого дерева (дуб?). В нижнем правом поле надпись из трех букв (на пехлеви).

Дикий кабан (вепрь) ассоциируется с образом Вретрагны из иранской мифологии [Борисов, Луконин, 1963. С. 32]. Считается, что кабан — одна из ипостасей героя, популярного среди ираноязычного населения Средней Азии. Известно, что в искусстве эллинизированной Средней Азии образ Вретрагны сливается иконографически с греческим Гераклом [Abdullaev, 2007]. Другим изображением, символизирующим Вретрагну, является композиция, изображающая борьбу героя со львом. В коллекции булл из Кафиркалы такое изображение встречается редко (1 экземпляр). Изображение кабана, как это демонстрируют памятники изобразительного искусства, довольно популярно в искусстве сасанидского Ирана и раннесредневековой Средней Азии. Можно предположить, что образ кабана возникает в искусстве Согда под влиянием сасанидской изобразительной традиции. Напомним, например, орнаментальный мотив в росписях Афрасиаба, который включает протому кабана в медальоне из перлов [Альбаум, 1975]-

Другим популярным сюжетом в коллекции кафиркалинских булл является изображение петуха. Петух на оттисках представлен несколькими различными типами, причем на трех экземплярах петух обращен вправо, на трех других — влево. Оперение хвоста — в виде трех вертикально расположенных перьев, на некоторых экземплярах они закручены назад. Четко показан гребешок на голове птицы. В зороастрийской мифологии образу петуха отведено одно из наиболее заметных мест. Функция петуха как оберега, предвестника зари, зафиксирована в Вендидаде (глава 18), где он борется с демоном сна Бушьянстой, последний олицетворяет также лень, нечистую силу и связан с бездеятельностью человека. В Вендидаде говорится, что «петух возвышает голос, (встречая) могущественную зари «Воспряньте о люди! Иначе придет к вам длиннорукий Бушьянста, который усыпляет все живые творения, едва они проснутся засветло, (говоря)... «Поспи еще, человек, еще не время»... Вывает огонь: «На помощь! Землепашец, разводящий скот, встань, на день свои одежды, вымой руки, достань дров, принеси их сюда, чтобы я вновь запылал».

Как видно из этого отрывка, образ петуха символизирует также и огонь — одну из наиболее почитаемых стихий зороастрийской религии. Петух как предвестник утренней зари, опоняющий темные силы, а также страж дома зороастрийца присутствует в верованиях населения не только Ирана, но и Средней Азии и Кавказа [Борисов, Луконин, 1963. С. 36]. Из других зооморфных изображений можно отметить изображения льва, коня, слона. Из фантастических животных буллы передают образы грифона, крылатого коня.

Буллы Кафиркалы как памятники глиптики раннесредневекового Согда являются важным источником для изучения художественной культуры и религиозного мировоззрения древнего населения региона.

Литература

- Абдуллаев К., Бердимуратов А. Античные сюжеты в раннесредневековой глиптике Согда по буллам городища Кафыркала под Самаркандом // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005-
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975-
- Беленицкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте // КСИИМК. 1954- Вып. 55-
- Беленицкий А. М. Археологические заметки // Известия Отделения общественных наук • АНТадж. ССР. 1957- Вып. 14.
- Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (i95i~11953 гг.) // Труды ТАЭ. Т. III. 1958 (МИА, № 66).
- Беленицкий А. М. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. Москва, 1977-
- Бердимуратов А.Э., Менги Э., Самибаяев М.К. Раскопки на Кафир-кале // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент, 2003.
- Борисов А.Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Ленинград, 1963.
- Григорьев Г. В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда // КСИИМК. 1946. Вып. XII.
- Григорьев Г. В. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Архив ЛОИА АН, 1941- № 35, оп. 2, № 35 № 92.

- Григорьев Г. В.** Городище Тали-Барзу // Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. 1940- Т. III
- Кропоткин В. В.** Клады византийских монет на территории СССР. Москва, 1962 (САИ, Е4~4)
- Массон М. Е.** Золотой медальон византийского облика из Ахангарана (еще к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии // ОНУ, 1972, № 7-
- Неверов О.** Митридат-Дионис // Сообщ. Государственного Эрмитажа. XXXVII. Ленинград, 1973-
- Негматов Н.Н., Соколовский В.М.** «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры. Новые открытия 1974- Москва, 1975-
- Маршак Б. И.** Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. // Труды ТАЭ. Т. IV// 1964 (МИА СССР, №124).
- Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А.** Исследование Дальверзин-тепе в 1972 // Древняя Бактрия. 1974-
- Распопова В. И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. Ленинград, 1980.
- Якубовский А. Ю.** Зарафшанская археологическая экспедиция 1939^г- // КСИА. 1940. № 4-
- Якубовский А. Ю.** Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939^г- // Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. 1940. Т. II.
- Abdullaev K.** Nana in Bactrian Art // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 9. 2003.
- Abdullaev K.** Images et cultes de l'Occident dans l'Orient Hellenise. Heracles en Asie Centrale et dans l'Inde du nord-ouest // Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 2007.
- Berdimuradov A., Cazzoli S., Cereti C, Mantinelli S.** New Discoveries at Kafir Kala, Samarkand, Uzbekistan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 11. Leiden-Brill, 2005.
- Вопеараччи О.** Monnaies Greco-Bactriennes et Indo-Grecques. Catalogue raisonne. Paris, 1991.
- Furtwangler A.** Die Antiken Gemmen. Geschichte der steinscheidekunst im Klassischen altertum. Tafeln. Amsterdam-Osnabrueck, 1964.
- Grenet F., Marshak B.** Le mythe de Nana dans l'art de la Sogdiane // Arts Asiatiques, 1998.
- Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC). II, 2. Zurich und Munchen, 1967.
- Sims-Williams N., Cribb J.** A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. Vol. 4.1995/96.

А. Ходжаев
Узбекистан

СВЕДЕНИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВО САМАРКАНДЕ

Одним из дошедших до наших дней древнейших китайских письменных памятников является «Му-тяньцзы чжуань» («Повесть о сыне Неба Му»), посвященный поездке правителя Му (Му-вана — время его правления 1001-945 гг. до н. э.) в Восточный Туркестан страны на западе Памира, в 989-988 годах до нашей эры. В древнем Китае Му-ван был правителем царства Чжоу (1122-247 гг. до н. э.). «Му-тяньцзы чжуань» найден в 281 году в одной из древних могил, относящихся к 318-296 годам до нашей эры [Гу Сисин цзи, 1987-К]. Оригинал этого памятника написан на бамбуковых дощечках рисункообразными иероглифами. В III веке он переписан современными для того времени иероглифами.

Большинство ученых считает, что время написания источника «Му-тяньцзы чжуань» — не позднее конца первой четверти IV века до нашей эры. Одни ученые видят в этом памятнике ценный источник, способный кардинально изменить некоторые научные подходы к историческим фактам, другие же вообще подвергают сомнению его подлинность.

После перевода на узбекский язык и сопоставительного анализа с имеющимися историческими данными мы убедились в достоверности путешествия Му-вана в западные страны, лежащие далеко за Памиром. Подробное повествование с приведением точных дат и географических названий местностей не оставляет сомнений в правдивости изложенного. Кроме того, как отмечается в конце источника, за два года этот правитель преодолел в общей сложности 20 160 км (35 000 ли) пути, в среднем по 833 км в месяц. По математическим подсчетам, это соответствует географическим данным и физическим возможностям человека, и цифры, указанные в сочинении, не случайны.

Согласно сведениям «Му-тяньцзы чжуань», в середине 6-луны 989 года до нашей эры правитель Му перешел Памир (Чунынань # Ш), посетил многие интересные места, в ю день 7-луны прибыл в местность под названием Кивенджанзие (Kiwenjanzie, в современном китайском произношении Juanhanshi ШШ&), где погода была теплая, было много драгоценных вещей и домашних животных, местные жители выращивали пшено и пшеницу. После двухдневного отдыха Му-тяньцзы был на приеме, во время которого человек из Кивенджан (ШХ) Уфу миwa миu Яb% подарил ему 500 голов коней, 300 голов обученных для домашних работ быков, 7кэ породистых собак, 200 диких быков, 300 диких коней, 2000 голов коров, 300 телег пшена и пшеницы и др. В ответ Му-ван подарил Уфу 47 слитков желтого золота, 50 драгоценных поясов и 3 ожерелья [Гу Сисин цзи, 1987. С. 14].

Упомянутый в этом отрывке топоним Кивенджанзие встречается в «Му-тяньцзы чжуань» два раза. Причем, во второй раз он пишется Кивенджан (Kiwenjjan ШШ). Если учесть, что китайцы не произносят согласные звуки без добавления гласного впереди или после него и часто пропускают звуки, то можно представить, что на языке местных народов этот топоним звучал Kent-janz или Kent-jan.

Некоторые китайские ученые считают, что местность Кивенджанзие соответствует Самарканду, а другие — Бухаре [Гу Сисин цзи, 1987. С. 16]. На наш взгляд, правы те, кто ло-

кализует этот топоним в Самарканде. В защиту этого тезиса можно привести тот факт из рассказа, что путь Мутяньцзы в Кивенджанзие лежал со стороны гор Дарварзин (на территории Таджикистана) на запад через населенный пункт, расположенный в предгорье Темиртага (Тешань I&U4). Это расстояние он преодолел за 7 дней. Из Кивенджанзие Му-ван снова направился на запад и через день прибыл к озеру Юйсюаньчи (ГЗ&Ш древнее чтение Jiu-jüwen-chi, Jiwa-jüwen-chi), которое локализуется в низовье реки Зеравшан и идентифицируется с оз. Каракёль (Халакулэ Вн ШШШ), которое по другому называлось Тенгис (Денцзисы ШаШ). По утверждениям ученых, это озеро уже не существует, но топоним Каракёль сохранился [Гу сисин цзи, 1987. С. 16]. 6-ой день з-луны 988 г. Му-ван вступил в обратный дорогу от берегов Каспия по другому маршруту и вторично в Самарканд не въезжал.

Приведенная из сочинения «Му-тяньцзы чжуань» информация дает основание считать, что Kiwenjan или Kent-jan является названием Самарканда периода 3 тысячелетней давности.

В китайских источниках нет информации о прибытии из Китая в Туркестан послов или путешественников на протяжении 7 веков после поездки правителя Му на запад. В них также отсутствуют упоминания о городах Туркестана этого периода. Видимо, это объясняется тем, что, во-первых, в это время территория Китая ограничивалась регионом между двумя великими реками Хуанхэ и Яньцзы, а само государство было занято развитием отношений с ближайшими соседними народами. Во-вторых, в течение нескольких веков Китай находился в раздробленном состоянии. В-третьих, на протяжении более 8 столетий до середины II века до нашей эры восточная часть Великого Шелкового пути находилась под контролем государства Руэ (в современном чтении Юэчжи), расположенного на территории Хэсиского коридора и Восточного Туркестана. Лишь в 129 году до нашей эры, когда это государство было разбито хуннами и Китай начал расширение собственной территории, в Фергану прибыл посланник империи Западный Хань (206 до н.э. — 8 н.э.) Чжан Цянь (166-114 гг. до н.э.). Ему была поручена миссия найти союзников в борьбе против империи Хуннов.

Согласно сведениям Чжан Цяня, во II веке до нашей эры на территории республик Центральной Азии существовал ряд достаточно развитых для того времени государств. Самым крупным из них было царство Кангкия (Канжюй ШШ), которое имело родственные связи с империей Хуннов. Оно существовало в течение более 700 лет (с III века до н.э. по IV век н.э.). Его территория охватывала Южный Казахстан, Ташкентскую, Самаркандскую, Кашкадарьинскую области, Шахрисабзский и Ургенчский районы Узбекистана [Ходжаев, 2004- С. 67-75; 2005- С. 96-108; 2009. С. 52-66].

В середине первой половины I в. н.э. в южной части Центральной Азии образовалось Кушанское царство, территория которого занимала пространство от Мервского оазиса до юго-западной части Таримского бассейна, Афганистана и Кашмира. В первой четверти V века в регионе возникло царство эфталитов (Яда, Ида), усиление которого положило конец существованию государств Кангкия и Кушан. В результате в южной части территории Кангкии образовалось 8 мелких самостоятельных царств: Самаркандское (Кан), Сод (Сутэ), Кушания (Гуйшань, Куйсань Хэго), Кибут (Цао, древнее чтение Dzeu), Шаш (Ши - иероглиф, обозначающий камень), Нахшаб (Нахэйшабу, Насеп), Кеш (Ши — иероглиф, обозначающий историю, древнее чтение Siausie, Siesiau, Sie), Малый Кеш (Сяоши), Бухоро (Ань), Маймарх (Ми). В китайских источниках они часто называются «Чжаоу цзюсин го».

В 386 году на севере от древнего Китая возникло новое государство под названием Северный Вэй (Бэйвэй — 386-535), которое было создано сяньбицами во главе с Тобагумем. По этническому происхождению основатели этого государства имели отношение к восточным тюркам. В период расцвета его территория охватывала южные и северные берега реки Хуанхэ, Внутреннюю Монголию, Хэсиский коридор (современная провинция Ганьсу Китайской Народной Республики). В 435-440 годах четвертый правитель царства Тайюди отправил дворцовых чиновников Дун Вань (ШШ) и Гао Мин (ШШ) в Туркестан с целью установления торгово-дипломатических связей с местными царствами и склонения их к покорности [Вэй Шу, 1958. С. 9695 (1313)]- После возвращения на родину доклады этих послов были использованы дворцовыми историками в составлении истории династии Вэй. Поэтому сведения о Самарканде, выделенные отдельным пунктом, впервые встречаются в истории династии Вэй (Вэй шу), которая была написана в 550-566 годах придворным историком Вэй Шоу (506-572 гг.)-

В этом источнике Самарканд именуется государством Сиетмокен (Sietmokien-guo, в современном чтении Сиваньцзинь-го ШТЛмШ) [Вэй Шу, 1958. С. 9694 (13¹²)]- В нем указывается, что «столицей государства Самарканд (Сиетмокен) является город Сиетмокен, расположенный на западе Маймарха (Сими). Он отдален от столицы Вэй расстоянием в 12 720 ли (около 7326 км). На юге этого царства имеются горы под названием Касан (Касайна, Цзяцайна §ШШ), где имеются львы. Послы преподносят их в дар двору» [Вэй Шу, 1958. С. 9701 (1319)]-

В «Вэй шу» отмечается, что после распада государства Кангкия (Канцзюй) появилось царство Канг (Kang-guo ШШ). Во всех китайских справочниках имеется пояснение о том, что иероглиф Kang является сокращенной китайской транскрипцией топонима Самарканд, второй иероглиф guo означает государство или царство. Сведения о том, что Канго на языке местных народов называется Самаркандом (Самоцзянь) имеется также в трудах китайских путешественников, о которых будет сказано ниже. Приезжавшим в Китай на постоянное жительство людям из Самарканда древние китайцы присваивали фамилию Кан [Ходжаев, 2004. С. 58-59]-

Анализ сведений китайских источников о государстве Кангкия показывает, что время образования государства Самарканд (Kang-guo) относится к 30 годам V века.

В этом источнике правитель Самарканда носил фамилию Вэнь Ом), имя — Шифуби (Ш & Ш). Его предки в далеком прошлом жили на восточном участке Тангригага, во второй половине II века до нашей эры, пройдя через Памир, переселились в Самаркандскую область (Самоцзянь). Приводится также информация о том, что в V веке рузийцы (юэчжи), создавшие Кушанское царство, составляли основную политическую силу на территории Мавераннахра и стали основателями вышеуказанных 9 мелких царств. Жители Самарканда были с глубоко посаженными глазами и прямым носом, но их обычаи проведения свадеб и похорон были тюркские, а вероисповедование — буддизм. Они делали виноградное вино, занимались торговлей, соблюдали законы хуннов, играли на барабанах разной величины, на струнных музыкальных инструментах пипа (пиба ШШ) и чанг (кунхоу ШШ с 25 струнами) [Вэй Шу, 1958. С. 9707 (1325)]-

Самарканд поддерживал торгово-дипломатические связи с государствами Северный Вэй (386-534) и Суй (581-618 гг.) в Китае. Первый посланник от него прибыл в Китай в 435 году [Вэй Шу, 1958. С. 9707 (1325)]- В 436-437 годах Северный Вэй отправил в Туркестан Дун

Ваня (годы жизни не известны) и Гао Мина в качестве своих послов. Они побывали в государствах Усун, Фергана (Полона), Шаш (Чжэшэ, Ташкент), Самарканд (Самоцзянь) и др. По возвращению на родину вэйские послы представили императору Тай-уди подробный доклад о положении в этих государствах [Ван Чжилай, 1979- С. 599]

Более подробные сведения о Самаркандском государстве (Кан-го) приводятся в малоизвестных нам источниках «Тундянь» («Трактат законов») [Ду Ю, 1995] и «Тайпин хуаньюй цзи» («Записки о пространстве воцарения мира») [Лэ Ши, цзюань 184, л. 76–8а]. Первый из них был написан придворным историком Ду Ю (735–812 гг.) в 766–801, а второй — Лэ Ши (960–1007 гг.) в 990–1005 годах. Оба они остались вне поля зрения Н.Я. Бичурина, который перевел на русский язык большой объем китайских материалов по Центральной Азии,

Включенные в «Тундянь» сведения о странах и народах Центральной Азии были взяты из дневника его брата Ду Хуаня, который попал в плен во время арабо-китайского сражения у реки Тараз (Талас) в 751 году и долгие годы был вынужден скитаться по Центральной Азии и Ближнему Востоку [Гу сисин цзи, 1987. С. 130–137]– Согласно этому источнику, столица царства Самарканд находилась у реки Сиаб (Сабаошуй), правитель носил на голове узорчатую золотую корону, на которой закреплены драгоценные камни. Государство Самарканд считалось сильным владением, которому подчинялось множество соседних стран [Ду Ю, 1995- С. 27–37; Лэ Ши, гл. 183, л. 2а].

В «Тундяне» также приводятся данные о том, что столицей государства Самарканд был город Алуди (ШШШШ), находившийся у реки Сабаошуй (ШЙтК р. Сиаб) [Вэй Шу, 1958. С. 9707 (1325); Боровкова, 1989. С. 138]. До сих пор ученым не удалось локализовать топоним Алуди, так как в китайских справочниках он не встречается. Мы предполагаем, что Алуди является китайской транскрипцией термина «Орда» (Центр или Цитадель), где была размещена резиденция правителя Самарканда.

Данные «Тундяня» о Самарканде повторяются в источнике «Тайпин хуань цзи».

Сведения о Самарканде как о крупном городе и международном торговом центре содержатся и в дневнике «Сифань цзы» («Записки о западных владениях») посла императора Янди (605–616 гг.) Суйской династии Вэй Цзе, побывавшего в городах современного Узбекистана и Афганистана. Отмечено, что жители государства Самарканд искусны в торговле, мальчики с 5 лет ходят в школу. В 648 году правитель Самарканда прислал Танскому императору персики, величиной с камень, которые имеют золотистый оттенок, в силу чего они были названы золотыми персиками [Ду Ю, 1995- С. 12–34]–

Из дневника «Да Тан Сиюй цзи» («Записки о западных странах [период] Великой династии Тан») китайского монаха Сюаньчжана (600/596–664 гг.), посетившего Туркестан в 629–630 годах по пути в Индию, в первой четверти VII века Самарканд предстает крупным оживленным городом и международным торговым центром. В частности, написано, что окружность владения государства Самарканд составляет около 1251–1267 км, с востока на запад оно длиннее, а с севера на юг — уже. Центральный город в диаметре составляет более 5,2 км, он укреплен стенами и многолюден. В нем имеются все иностранные драгоценности и товары [Гу сисин цзи, 1987. С. 71–72].

После появления на исторической арене Тюркского каганата государство Самарканд оказалось в зависимости от него, но все же продолжало существовать. Более того, после распада каганата на западную и восточную части, оно получило покровительство западно-

тюркских правителей и пользовалось независимостью во внешних связях. Об этом свидетельствуют факты прибытия в столицу Танского Китая Чанъань послов от правителя Самарканд [Гу сисин цзи, 1987. С. 225] в 627, 631, 713 и 719, 731, 737, 754, 755 годах [Бичурин, ир. Б. зи; Ван Чжилай, 1979- С. 254]- Подобная самостоятельность во внешней политике объяснялась тем, что во второй половине VI века Самаркандским государством правил Шибуби, который был женат на дочери тюркского кагана Даду (Билге Тарду-каган — 567-700 гг.). Это родство давало возможность Самарканду пользоваться определенной благожелательностью правителей [Вэй Шу, 1958. С. 97-8].

В 742 году Тюркский каганат перестал существовать, а в 751 году арабы, одержав окончательную победу над войсками Танского Китая у реки Тараз, смогли упрочить свои позиции в Туркестане. После 755 года прибытие самаркандских послов в Китай прекратилось [Ван Чжилай, 1979- С. 260, 263]. Последнее позволяет заключить, что конец существования государства Самарканд как отдельного владения относится к 60-годам VIII века.

После образования государства Караханидов в 840 году Самарканд возродился и снова стал одним из развитых культурных центров. В период западного Караханидского государства (1040-1212 гг.) Самарканд стал его столицей, что еще больше усилило его значение в международной торговле. В это время общая площадь города достигла 630 гектаров. Площадь Бухары была на 30 гектаров меньше. В правлении Ибрахима бин Насра (1040-1092 гг.) в Самарканде был построен красивый дворец [Сиюй тунши, 1996. С. 275, 283].

В сочинении «Сию лу» («Записки о путешествии на запад»), написанном Елуй Чуцаем, побывавшим в 1218-1225 годах в городах Туркестана, указано, что на западе имеется большой город под названием Самарканд (Сюньсиган), он очень богатый, в торговле используются золотые и медные монеты без отверстия посередине. Город окружен стеной, длина которой составляет несколько десятков ли (1 ли = 576 м.), и похож на большой сад. Каждая семья имеет свой собственный сад. Дыни очень большие, самые крупные с голову коня. Здесь растут все виды зерновых и бобовых. Лето бывает без дождей, но поля орошаются, растут тутовники, производятся коконы, но местные жители одевают одежду из хлопчатобумажных тканей. Для них одежда белого цвета считается праздничной, а темного цвета — траурной. Поэтому обычно все носят одежду белого цвета [Гу сисин цзи, 1987. С. 181]. Из-за богатства Самарканд также назывался Семизкент (Семисигань) [Гу сисин цзи, 1987. С. 184, комм. 22, 205; Ван Чжилай, 1986. С. 153; Гооо. С. 218].

В 1220 году Самарканд посетила группа послов Чингизхана, среди них был 73-летний старик Цючуцзи. Как отмечается в его дневнике, Самарканд был большим городом с населением более юо тысяч семей. В центре города был холм высотой более 40 метров, на котором был построен новый дворец. На приеме гостей угощали вином, зимой подавали свежий виноград. По городу ходили индийские слоны и павлины [Гу сисин цзи, 1987 С. 205-206].

На протяжении XIII-XV веков Самарканд продолжал оставаться крупным городом и международным торговым центром. Например, в дневнике Чан Дэ (годы жизни неизвестны) — посланника первого императора Шицзу (монгольское имя Хубилай, время правления 1280-1294 гг.) монгольской империи Юань (1279-1368) в Китае в Западную Азию, отмечается, что этот посланник побывал в Самарканде в начале 5 луны 1259 года. В это время Самарканд (Сюньсиган) был большим и многолюдным городом. Везде росли цветы и множество отсутствующих в Китае лекарственных трав, которыми эффективно лечили различные болезни.

Розы похожи на китайские, но имеется много других цветов, которые не растут в Китае. На западной стороне города были большие виноградные сады, рисовые и пшеничные поля [Гу Сисин цзи, 1987. С. 239]- В сочинении «Сиюй фаньго чжи» («Записки о западных соседних странах»), написанном Чэн Чэн, Ли Сянь, выполнявшим миссию послов китайской династии Мин в Герат в 1414 году, отмечено, что Самарканд (Самаэрхан) расположен в прекрасном и просторном месте, его поля плодородны, через него протекает река по направлению на север, на востоке города имеется поселение. Сам город растянут с востока на запад, длина более 5,76 километров, а ширина его территории с юга на север составляет около 3 км, имеет 6 ворот. На севере города имеется маленький городок, резиденция правителя расположена в его северо-западной части. Гости из соседних стран останавливались в юго-западной части города. Город многолюдный, улицы в нем расположены вдоль и поперек. По краям городских улиц тесно расположены магазины, в них продавалось много иностранных товаров. В торговле использовались только местные серебряные монеты. Запрещалась торговля крепкими спиртными напитками. Кровь животных не употреблялась в пищу. На востоке города находился земляной дом, где мусульмане молились. От посетителей требовалось строгое соблюдение правил. Внутренние отделки этого дома очень красивые, по четырем сторонам располагались айваны, а посередине — большой зал для чтения Корана. Все исламские книги написаны позолоченными буквами и переплетены кожаными обложками. Горожане выглядели изящными и красивыми. Самаркандцы искусны в рукоделии, производили ковры и предметы из золота, серебра, меди, железа. В Самарканде росли декоративные и фруктовые деревья — серебристый тополь, чинара, ива, персик, абрикосы, груши, виноград и яблони [Гу Сисин цзи, 1987. С. 288-289].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод: хотя сведения древнекитайских источников о Самарканде носят фрагментальный характер и не позволяют воссоздать его подробную историю, они имеют ценное научное значение. Отражая малоизвестные или полностью неизвестные страницы истории Самарканда, они показывают, что с V века нашей эры Самарканд был столичным городом и одним из центров культуры и международной торговли. Видимо, по этой причине Амир Темур выбрал этот город столицей своего государства.

Литература

- Бичурин Н. Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград, 1957. Т. 2.
- Боровкова Л. А.** Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. Москва, 1989.
- Ван Чжилай.** Чжунъя шиган (Очерки истории Центральной Азии). Чанша, 1986.
- Ван Чжилай.** Цыхай (Море слов). Шанхай, 1979-
- Вэй Шоу.** Вэй шу (История династии Вэй) // Эршиси ши (24 истории). Пекин-Шанхай 1958. Т. 4- Далее-Вэй шу.
- Гу Сисин Цзи** (Записки о древних путешествиях на Запад). Иинчуань (пров. Нинся), 1987.
- Ду Ю.** Тундянь (Трактат законов). В 3-х т. Чанша (пров. Хунань), 1995-
- Лэ Ши.** Тайпин хуаньюй цзи. (Записки о пространстве воцарения мира). Без указания времени написания и места печатания. Сочинение состоит из 200 цзюаней (глав) и носит историко-географический характер. Цзюань 184.

Сидй тунши (Общая история западных стран). Чжэнчжоу, 1996.

Ходжаев А. Хитой манбаларидаги сугдиларга оид айрим маълумотлар (Некоторые сведения китайских источников о согдийцах) // O'zbekiston tarixi, 2004. № 1.

Ходжаев А. Сведения китайских источников о южных границах государства Кангкия (Канцзюй) // Узбекистан этнологияси: янгича кдрашлар ва ёндашувлар. Ташкент, гооф

Ходжаев А. Сведения китайских источников о государстве Кангкия (Канцзюй) // Shygys. Kazakhstan, 2005. № 2.

Ходжаев А. Сведения о Ташкенте в китайских источниках древнего периода // O'zbekiston tarixi. 2009. № 3-

Хужаев А. Буюк ипак йули: муносабатлар ва такдирлар, Тошкент, 2007.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ У ФРА МАУРО: СИНТЕЗ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ РАЗЛИЧНЫХ ЗНАНИЙ¹

1. *Marraemundi* переходного периода (XIV-XV вв.) между реальностями античности, средневековья и нового времени

Топонимическая структура Средней Азии² в период предшествующий открытию Америки формировалась на основе различных источников, среди которых свидетельства о Пресвитере Иоанне (после 1145)³ соседствовали с информацией первых европейских и армянских путешественников, побывавших в Азии в XIII-XV вв.⁴, с фрагментами трактатов мусульманских авторов и с вновь открытой, Географией Птолемея⁵, которая противопоставила точку зрения этого античного автора увиденному современниками. Роль *scripta itineraria*, которые радикально изменили картографический образ многих регионов мира, была более чем незначительна в этом процессе, за исключением переосмысления картографии побережья Каспийского моря⁶.

Средняя Азия, как и остальные части света, пополняя свое изображение новыми деталями, оказалась в ситуации сосуществования трех различных реальностей: новые данные соседствовали, с одной стороны, с картографическими схемами греко-римских и средневековых географов, прочно вошедших в ученую традицию, и, с другой стороны, с возвращением и прогрессивным усвоением данных Птолемея. Целью данной статьи, посвященной истории картографии, является реконструкция цепочки трансформаций между периодом до и после открытий первых путешественников, привнесших новую топографическую номенклатуру, и между периодом до и после заново открытого Птолемея, чья География ввела в оборот новую картографическую проекцию. Эти изменения происходили главным образом в треугольнике Италия-Каталония-Португалия, где сохранялись тесные связи с мусульманским миром⁷.

Синтез этих разнохарактерных знаний не был прямолинеен. С одной стороны, существовала относительная независимость между свидетельствами путешественников и картами, создаваемыми профессиональными картографами, которые постоянно сталкивались со сложностью введения новых текстуальных данных в картографическую схему, не имеющую еще четкой системы координат и ориентиров⁸. В то же время, картографы не могли оставлять без внимания эти новые сведения, которые к XV в. становятся все более многочисленными. Особенность ситуации, как то отметил Патрик Готье Дальше (Patrick Gautier Dalche), заключалась именно в этой способности принять нововведения, проблематизируя их и изменяя свой взгляд на карты: главная забота картографов XII-XIII вв. избежать ошибки при копировании сменяется в XIV-XV вв. желанием как можно точнее воспроизвести реальность, для чего привлекаются и подвергаются критическому анализу все возможные источники. Эта подчиненность критическому взгляду знаний различного происхождения, повлекла за собой создание карт по принципу «любительская сборка на скорую

руку», где, используя все имеющееся под рукой средства и строя новую структуру с помощью элементов прежних изживших себя конструкций, были совмещены различные, порой противоречивые, концепты; однако при этом ни у создателей карт, ни у их пользователей не возникло понимания того, что появившиеся противоречия несовместимы⁹.

l Сохраняя в некоторых случаях традиционную круглую форму с ориентацией на Восток и Иерусалимом в центре мира, средне-средневековые карты начали структурные трансформации с изменения топографического содержания, опираясь на новую номенклатуру, привнесенную путешественниками. Эта первая фаза переходного периода представлена итальянскими картами первой половины XIV в. (Санудо / Sanudo, Висконте / Vesconte и Паулин / Paulin) и Каталонским Атласом 1375¹⁰ которые представляют образ мира до появления новых сведений, связанных с путешествиями португальских мореходов в Индию. В своем желании модернизации знания картографы пытались быть максимально исчерпывающими, доходя в этом стремлении до абсурда. Усваивая картографическое видение [Птолея, карты переходного периода постепенно и посекторно заменяют средневековую схему 0-Т иными графическими решениями, как-то можно видеть в карте Фра Мауро / Fra Mauro¹¹, наиболее важной из серии карт этого этапа, включающей в себя карты Андреа Бианко / Andrea Bianco (1432-1436)¹², Джованни Леарда / Giovanni Leardo (1442-1453)¹³, Борджиа / Borgia (1410-1458)¹⁴, Андреаса Вальспергера / Andreas Walsperger (1448)¹⁵, Генриха Хаммера / Heinrich Hammer (1490)¹⁶, Каталонскую карту из библиотеки Эстенсе де Модена (1450)¹⁷ и Генуэзскую карту¹⁸. Так называемая карта Винланда, если предположить, что она не является подделкой, также должна быть включена в эту серию¹⁸.

f Эта группа карт иллюстрирует процесс создания нового образа мира в эпоху великих географических открытий, в ходе которых картографические репрезентации, принципы их создания и корректировки опирались на различные, часто несовместимые, традиции.

2. Карта Фра Мауро (1448-1459): вопросы, связанные с картографическим пространством

A) Разнообразие доступных источников и их критический анализ

Карта Фра Мауро, своего рода синтез и вершина всех разнохарактерных знаний средневековой картографии, является наиболее известным примером последней фазы переходного периода¹⁹. Созданная между 1448 и 1459 гг. в Венеции по заказу короля Португалии Альфонса V и исчезнувшая по дороге к заказчику²⁰ (что, возможно, спровоцировало смерть ее автора в 1460 г.), эта карта дошла до нас в копии, выполненной в том же году в ателье Фра Мауро предположительно Андреа Бианко²¹, с которым Фра Мауро тесно сотрудничал²².

Эта круглая карта, вписанная в квадрат, использует различные принципы организации картографического пространства: выстроенная с учетом античного принципа ойкумены, состоящей из суши и Всемирного океана, и согласно правилам средневекового символизма, продиктовавшим расположение Иерусалима в центре мира, она уже вынесла изображение рая за собственно картографическое пространство в нижний левый угол. Главную особенность этой карты составляют 2 легенды, из которых гоо являются космографическими описаниями, включающими в себя не только фрагменты натуральной философии и описания народов и стран с отсылками к их реальной или мифической истории, но и элементы ком-

мерческой географии. Так, на карте показаны направления возможной экономической экспансии для нарождающегося капиталистического мира с центром в Венеции, а также даны обозначения морских и сухопутных дорог, что делает карту Фра Мауро своего рода картографическим переложением путеводителя для торговцев, подготовленным Пеголотти / Pegolotti в 1340 г.²³. Именно благодаря этим многочисленным легендам можно понять механизм анализа различных по характеру и по происхождению знаний, сформировавшихся на протяжении долгого времени. Как отметил П. Готье Далше, эта карта «выражает обостренное сознание в отношении условного характера любой репрезентации и недоверие к спекуляциям»²⁴. Размах этой впервые предпринятой в картографии критической переработки существующих источников тем более удивителен с учетом того, что Фра Мауро прожил большую часть своей жизни в монастыре на острове Сан Мишеле де Мурано. Географическая изолированность венецианского картографа не обернулась сужением кругозора: карта Фра Мауро создавалась на основе всех доступных в эту эпоху сведений, многие из которых происходили из богатой библиотеки монастыря. Среди своих источников автор цитирует греческих, латинских, арабских и средневековых авторов, в частности, литературные источники XII-XIII вв., повествующие о Пресвитере Иоанне, теологические, натурфилософские и схоластические средневековые трактаты²⁵. Помимо этих письменных свидетельств, Фра Мауро использовал также все существующие картографические схемы: средневековые *mappe mundi*, арабские карты (откуда проистекает ориентация его карты на юг²⁶), маршрутные карты²⁷, таблицы и алфавитные списки географических объектов.

Среди этих многочисленных интеллектуальных авторитетов Птолемей не занимал привилегированного места. Как указывал сам Фра Мауро, он не следовал ни картографической линии Птолемея, ни его системе долгот и широт, хотя и использовал некоторые наименования, присутствующие в античных картах как дополнение к современным ему топонимам. Независимость мышления Фра Мауро проявляется также в отношении проведения границ между континентами. В одной из легенд карты венецианский картограф, перечислив все возможные мнения, размещает границу Европы не по Дону-Танаису, а по Волге, радикально изменяя традиционную схему и утверждая, что таким образом нет необходимости прибегать к «придуманным линиям»²⁸.

Книжные знания, литературные и графические, были дополнены сведениями современников. Богатые библиотеки Венеции давали доступ к новейшей картографической документации, представленной большей частью портуланом Италии, Каталонии и Португалии, а также к описаниям европейских путешественников, побывавших на Востоке, которые Фра Мауро регулярно сверял с устными свидетельствами, циркулировавшими в городском космополите Венеции²⁹.

Следы этого критического анализа источников заметны в легендах карты, где соседствуют и анализируются полярные точки зрения, приводятся исторические дискурсы³⁰, звучат сомнения, аргументируются личные предпочтения автора и сделанный выбор. Подобная манера конструировать диалог с читателями создавала ощущение мира, переполненного информацией³¹. Так, в частности, Фра Мауро объясняет свою позицию в отношении расположения страны Гог и Магог, сохраняя однако дублионы, отражающие противоречивость различных источников³². Та же ситуация повторяется и с Амазонками, трижды изображенными на карте (на севере от Каспия, на Кавказе и далеко в северо-восточной Азии)³³.

И Среди «среднеазиатских топонимов» упомянутых Фра Мауро, фигурируют, в частности, Balasian / Badascian (Бадахшан), Balch / Bale (Балх), Qagatai, Vochara / Bucara (Бухара), Samagan, Choach (Чач, Ташкент), Organca (Ургенч), Magchilta (Мангышлак), Gothan / Cotan (Хотан), Chaschar (Кашгар), Chataio / Catai (Катай), deserto Lop³⁴, Termit (Термез), Candar, и т.д.³⁵. Вместе с тем, при их фиксации в пространстве Фра Мауро учитывал также и политическую ситуацию, указывая, что после Яксарта начинается Скифия, под которой он понимал «Чагатай, Органза, Малый и Большой Сарай, за которыми следуют Эдил, Танаис, Озуш, и которых можно всех называть скифами или тартарами»³⁶. Эти данные Фра Мауро восходят главным образом к Марко Поло и Николо де Конти / Niccolo de' Conti³⁷.

Количественно более малочисленные, чем европейские, среднеазиатские топонимы (как впрочем и африканские) в целях создания графического равновесия были представлены на карте в большем масштабе, что сделало их более видимыми³⁸.

Б). Железные ворота Дербента (Дагестан и Узбекистан): в поисках источников, повествующих о трансформациях «Каспийских ворот Кавказа»

Информация, которая была доступна Фра Мауро в Венеции, была дополнена сведениями, предоставленными заказчиком карты, королем Португалии³⁹. Вполне возможно, что помимо карт документация короля включала в себя и повествование Руи Гонзалеса де Клавихо, посла короля Кастилии Генри III, посетившего царство Тимура⁴⁰. Рассказ об этом путешествии, длившемся с 1403 по 1406 гг., был с большой помпой представлен при дворе Испании. Несмотря на то, что его первое издание было осуществлено только в 1582 г. в Сицилии и второе в 1782 г. в Мадриде, широкое распространение этого повествования началось гораздо раньше благодаря многочисленным рукописным копиям, доступным для публикации с 1407 г.

Гипотеза о том, что Фра Мауро использовал сведения Клавихо основывается на упоминании в районе Чагатай / Qagatai топонима Regno de Samargante, поблизости от реки Termit, которая далее по течению фигурирует под названием Ocus. Недалеко от этой реки указан топоним Porte de fero с легендой «Questa vale serada da do forteze la qual se chiama Porte de ferro» [Эта долина закрыта двумя крепостями и называется Железные Ворота]⁴¹, который появляется здесь первый раз не в связи с Железными Воротами Дербента в Дагестане (Фра Мауро расположил их на западе от Каспийского моря), но в контексте Железных Ворот Термеза, через которые прошел Клавихо, первый европеец, путешествовавший по дороге от Термеза к Самарканду и рассказавший об этом в своем повествовании⁴².

Представление двух Железных Ворот у Фра Мауро является новым элементом в картографии, которая ранее оперировала только топонимом Каспийские Ворота / Porte Caspie. Связанные в источниках с моментом вступления Александра Македонского на территорию Средней Азии Каспийские ворота на границе Мидии и Парфии прошли, начиная с I века, долгую историю картографических конфузов в ходе нескончаемых перемещений с запада на юго-восток по обширному картографическому пространству.

• Так, Плиний, несмотря на понимание того, что его предшественники, повествуя о походе Александра Великого, трансформировали «Кавказ» (Гиндукуш), который македонский пересек по дороге из Индии в Среднюю Азию, в реальный Кавказ, расположенный между Черным и Каспийскими морями, перепутал в свою очередь Каспийские Ворота с Кавказскими Воротами. Два различных объекта слились под его пером в единый проход,

который должен был якобы выходить к дальним северным странам. Хотя Тацит указывает на реальную локализацию Каспийских Ворот⁴³, эта ошибка прочно вошла в картографию, как-то можно видеть на примере таблицы Потингерианы. Амальгама между походом I Александра и настоящим Кавказом, который он якобы пересек, зарегистрированная в многочисленных версиях Романа Александра, позволяет понять, почему Кавказские горы начали фигурировать под именем Каспийских гор в момент, когда Александр оградил непроходимой стеной народ Гог и Магог⁴⁴.

В то время как Кавказские ворота изначально соотносились с Дарьяльским ущельем в центре Кавказского массива, мифические Каспийские ворота постоянно и свободно перемещались по картографическому пространству вдоль Каспийского моря. Придерживаясь мифического контекста, гряда Каспийских ворот, традиционно представляемая как пересекающая всю северно-восточную Азию, существовала исключительно при наличии Гога и Магога⁴⁵.

Обращаясь к различным символическим атрибутам этих ворот—Александр Македонский, Гог и Магог, Каспийское море, Каспийские горы, Кавказские горы — эрудиты приумножали символы между известным и неизвестным. Вместе с тем, опираясь на новую информации путешественников, они ввели в картографическую номенклатуру на равных наименования Ворот Каспийских, Кавказских и Железных. Как все блуждающие топонимы, связанные с библейской картиной мира, они не имели четкой географической привязанности вплоть до того момента, пока их не связали с определенным пейзажем и реальным топонимом Дербент, пришедшим с Востока с рассказами первых путешественников.

Рубрук неоднократно упоминает город Porta Ferræ, отмечая, что он сам прошел через него на обратном пути 15 ноября 1245 г. Согласно ему, Porta Ferræ, зажатые между морем и горами, расположены на западном берегу Каспия; через середину города пролегает большая дорога, а его местоположение позволяет ему контролировать пути на юге и севере от Кавказа. Важным элементом описания является упоминание того, что Александр снабдил город мощными воротами, чтобы защитить его от варваров Персии (sic) и что «тартары» к моменту визита Рубрука уже уничтожили фортификационные сооружения, развалины которых он видел своими глазами⁴⁶.

Рассказ армянского историка Киракоса о поездке царя Хетума к татарам, повествующий о том, как царь пересек «Ворота Дербента», располагает Porta ferræ на крайнем севере Армении и упоминает о дороге Lederbent, пересекающей Ворота, которую можно использовать зимой⁴⁷.

Марко Поло уточняет, что Александр построил Porte de Fer в Грузии между морем и горами в узком ущелье⁴⁸. Оставаясь в плену ошибочных античных теорий (Александрия Кавказская, Гиндукуш-античные «Кавказ» трансформировавшийся в реальный Кавказ), Мандевиль пишет, что между Черным и Каспийским морями в горах Chotaz [Кавказ] находится узкое ущелье, пройдя через которое можно попасть в Индию. Именно здесь, согласно этому автору, Александр построил город Alizandre с целью помешать кому-либо пройти по этой дороге без его разрешения. В эпоху рассказчика жители города именовали ворота города «Воротами ада» / the Zate of Helle. Это место, через которое прошел к Индии один из важных правителей, уточняет Мандевиль в другом отрывке, называется Дербент⁴⁹.

Роджер Бэкон / Roger Bacon, олицетворение эрудиции XIII в., упоминает о городе Porte de Fer d'Alexandre, который был построен Александром на берегу моря между Мидией

и Парфии («Эти Ворота Каспийские, а не Кавказские, как то предполагает Плиний») и напоминает, что Рубрук прошел через эти ворота⁵⁰. Вторые Ворота, называемые Кавказскими, находясь, согласно Бэкону, между Каспийским и Черным морями, где-то на Кавказе или на противоположном берегу Каспия, т. к. они удалены от Каспийских Ворот приблизительно на 200 лье⁵¹. Далее его описание отсылает к образу Апокалипсиса: это место, согласно философу, называют также замком Александра, благодаря возведению которого последний предотвратил разрушительное нашествие к южному морю северных народов, с которыми он был в военном противостоянии; в ходе этого строительства «Бог ему помог, совершив землетрясение, которое сблизило горы»⁵².

Эти описания способствовали изменению картографического образа. Топоним Каспийские Ворота сменяется топонимом Железные Ворота, который был впервые упомянут на карте Санудо-Весконтэ-Пулина 1321-1334 гг. на западном берегу Каспийского моря, расположенного на западе (на карте представлены несколько Каспийских морей), между побережьем и горами, за которыми находится Georgia и Colcia.

Каталанский Атлас впервые упоминает на западном берегу Каспия город Derbt (sic), расположенный рядом с горной цепью⁵³. Андреа Бианко и карта Боржия сохраняют это же расположение, позиционируя Porte de fero между Черным и Каспийским морями. Фра Мауро, подытоживая этот процесс, правильно размещает Железные Ворота Дагестана на западе Каспия, однако гора, которую они защищают, носит двойное имя Chausago и Chaspio.

I Генуэзская карта

Картографическое удвоение этих ворот происходит впервые в Генуэзской карте 1457 г., практически современной карте Фра Мауро. Эта эллипсоидная по форме карта, согласно Лю Багрову, была выполнена анонимным автором, не бывшим профессиональным картографом, но хорошо информированным о Центральной Азии благодаря повествованиям Марко Поло (1298), Николо де Конти (1444) и Географии Птолемея⁵⁴. Форма Каспия повторяет форму, данную Птолемеем, Sormatia prima между Днестром и Доном располагается напротив Sormatia Secunda, зафиксированной в районе Волги; Дальний Восток определен античным термином Sine или Sina, который никогда не употреблялся в средневековой картографии⁵⁵. Территория Монголов, начинающаяся от Днестра, отмечена фигурой Lordo Rex, монгольским правителем и предводителем Золотой Орды, кочевниками на повозках между Днестром и Доном, и фигурой на восточном берегу реки с легендой Cambellannas rex magni cannis filius [Царь Камбелланнас, сын великого хана], которая возможно представляется Тимуром⁵⁶. Пространство вокруг Каспия связано с Железными Воротами, которые легко распознаются рядом с городом Drebbent (sic) на Кавказе на западном берегу моря в сопровождении легенды «Drebbent quod lingua eorum id quod porte ferri»⁵⁷. Та же иконографическая схема представлена в карте Пидзигано (Pizzigano) 1367 г.⁵⁸.

Однако автор Генуэзской карты добавляет вторые Железные Ворота, за которыми Александр якобы запер «тартар» (Porte ferri ubi Alexander Tartaros inclusit), располагая их на востоке от Каспия и Парфии (последняя закрыта прямоугольником гор согласно модели Птолемея); эти Ворота расположены на пересечении двух горных непроходимых цепей (montes inaccessibiles). Первая из них, Ymaus mons, отделяет Scythie intra Ymaum на западе от Scythia ultra Ymaum на востоке; вторая, горизонтальная, отделяет Скифию от Индии.

Укрепленная Пресвитером Иоаном, зафиксированным иконографически, она отделяет I народ Гог от Магог⁵⁹, а также «тартар» от южных территорий, где располагается великий хан Камбалика (Rex Cambalech hoc est magnus cannis), представленный здесь как правитель Catayum⁶⁰.

Приумножение атрибутов, которые все без исключения «блуждающие» по обширному пространству от Памира и Гиндукуша до Гималаи и Кунлуна, не дает возможности географически идентифицировать эти вторые Железные Ворота, хотя некоторые исследователи соотносили их с реальными географическими объектами, такими как Хайберский перевал (Edward Luther Stevenson)⁶¹ или Бамьян (Hellberg)⁶². Следуя этой логике, с нашей точки зрения изначально ошибочной, возможно предложить с тем же успехом и Железные Ворота Дербента на севере от Термеза. Вместе с тем, представляется наиболее разумным не приумножать идентификации, отталкиваясь от современных знаний и спутниковых снимков, а искать в средневековых картах «реальные географические сведения». Более верным будет признать, что автор этой карты по прежнему находился в рамках логики средневековой картографии, которая ограничивалась сопоставлением устных рассказов, нередко слухов, и застывших иконографических схем.

Топонимика Дербента — Железных Ворот

Появление различных топонимов, определяющих ущелья, также не дает возможности реальной географической идентификации. Описанные средневековыми путешественниками наряду с реальными местностями то как естественные укрепления, то как искусственно возведенные фортификации, они могли, однако, соотноситься со многими мифическими воротами и ущельями, подобными тем, о которых повествует переводчик Салам ат-Тарджуман в своем рассказе о путешествии на Восток в IX в.⁶³. Стратегическая значимость этих объектов способствовала долгой жизни топонимов, которые их обозначали: вплоть до наших дней можно встретить в ирано-тюркском мире ущелья, которые носят наименования Дербент или Железные Ворота (похожий феномен можно наблюдать и в Европе)⁶⁴. Если не учитывать ложной параллели Генуэзской карты 1457 г., карта Фра Мауро является первой картой, где четко дистанцируются Железные Ворота Дагестана от Железных Ворот Узбекистана.

Свидетельства плененного в Азии между 1402 и 1427 гг. баварца Ионна Шильтбергера (Johann Schiltberger) нередко привлекались для описания Железных Ворот Дербента в Узбекистане⁶⁵, однако более правильным было бы идентифицировать Железные Ворота I (Temurtarip / Timurcarı), через которые он прошел вместе с Тимуром, с Дербентом Кавказа («на границах Персии и Татарии»⁶⁶), а не с упомянутыми Железными Воротами в Байсуне и ни с Железными Воротами Тимура в районе Джизака по дороге от Самарканда до Ташкента. Предположение о том, что Фра Мауро использовал этот источник проблематично, т. к. Шильтбергер вернулся в Европу в 1427 г. (примерно за год до начала работы Фра Мауро), а его записки были опубликованы только в 1473 г.⁶⁷ в Улме, лежащем вне традиционных путей обмена информацией в треугольнике Италия-Каталония-Португалия.

К этому времени Железные Ворота Дагестана уже хорошо укоренились в картографии и иранские топонимы Derbent или Darband, обозначающие «закрытые ворота», были широко известны в Европе. Форма Derbt и Drebent, которую дает Каталонский Атлас и Генуэзская кар-

к соответствует Дербенту Дагестана, т. к. поселение Дербент рядом с Железными Воротами Узбекистана еще не было известно их авторам. Другим наименованием Железных Ворот является тюркское Demir-Kari, ставшее известным в арабском мире как Bab al-«Ворота Ворот», описанные в повествовании Абулфеда⁶⁷.

Ущелье Железные Ворота в Узбекистане, через которое Александр прошел между 329 и 337 гг., не нашло отражения в античных источниках⁶⁸. Наиболее раннее упоминание о нем под этим наименованием — «Железные Ворота» — восходит к путешествию китайского паломника Сюаньцзана / Xuanzang в 630 г.⁶⁹.

Единственным описанием, которое четко разводит Железные Ворота Узбекистана и Дагестана и на которое мог опираться Фра Мауро, является рассказ Клавихо. Последний казвал, что эти двое ворот отделены друг от друга 1500 лье⁷⁰ и что Железные Ворота, связанные с Самаркандом, носят также наименование Porte de Termit (откуда возможно появилось второе наименование Окса у Фра Мауро, Termit). Клавихо не упоминает кишлак Дербент, расположенный у входа в каньон Шерабад-Дарьи рядом с фортификационной стеной, но указывает, что другие Железные Ворота (Кавказские) находятся поблизости от большого города Дербента, который дал свое имя Воротам и который контролирует сообщения между Кафрой, «Тартарией» и Персией (те же граничащие между собой страны были упомянуты Шильтбергером).

Согласно этому описанию Фра Мауро изобразил одни Железные Ворота на западном берегу Каспия, в районе Гиркании, на оконечности горной цепи, носящей двойное наименование Chasprio и Chaucago (Кавказ) со следующей сопроводительной легендой:

«Эти ворота, которые на местном языке называются Дербентскими, т. е. Железными Воротами, потому что они неприступные, носят также наименование Каспийские Ворота (Porte Chasprie), так как, чтобы перейти через Каспийские горы, их надо пересечь»⁷¹.

Расположение географических объектов на территории, соответствующей современному Узбекистану, подтверждает предположение о том, что Фра Мауро использовал рассказ Клавихо, несмотря на то, что манера транскрипции наименований географических объектов, используемая кастильским посланником, который испанизировал в частности название Бухары как Bouag и Балха как Vaecq, не была принята итальянским картографом. Так, Железные Ворота (Porte de Fero), четко связанные с Самаркандом, расположены на единственном существующем пути, ведущим к Балху (Бактрам), как то описано в рассказе Клавихо⁷². Имеете с тем, карта Фра Мауро не свободна от погрешностей. На северо-востоке от Каспия, находится Lago Insical / Insicol (Иссык-Куль), рядом с которым фигурирует легенда «В этом озере есть жемчуг, но его невозможно выловить, т. к. он хорошо охраняем»; на севере оно ограничено высокими горами, непроходимыми по причине буранов (Vallis tempestuosa)⁷³. Из этого озера истекает река, Аму, которая на уровне Vochara получает наименование Termit и далее делится на два рукава — Ocus на севере и Ixartes на юге (согласно перевернутой по отношению к концепции Птолемея схеме), которые впадают в свою очередь в Chasprium. Два города, Vosaga и Termici, расположены по отношению к Самарканду на противоположной стороне реки Аму-Termit-Ocus, со стороны Orgasa.

Возможно, что топоним Organca Nuol'a [Ургенч] также восходит к Клавихо: Каталонский Аргас ограничивается упоминанием Organchi без эпитета «новый», который не мог появиться ранее уничтожения этого города в 1388 г. Тимуром и возведения на его месте но-

вого урбанизированного центра. Имя Тимура часто цитируется Фра Мауро в различных исторических контекстах, в частности по отношению к Дели: «когда-то этот знатный род властвовал над всей страной Дели или Индией Прима, но после нашествия Тимура И могущество перешло к городу Гере»⁷⁴.

Вполне возможно, что именно с Клавихо связаны многочисленные описания Самарканда, расположенные в различных картушах: «Questa magnifica cita e fabrica nobilissimamente I de belissimi edificij e specialmente el castelo el qual e grande e fortissimo. El suo sempre e state I de la gratio de i chataini saluo da Tamberlan...», «questo regno de Samargante fu subiugato. I Tamberlam e tutta questa parte verso el griego et oriente infina Otrar e li mori», или «In questo I regno de Samargante e una aqua che a questa proprieta che dove la si portava non li puo viver I locuste» [«Этот великолепный город имеет благородный облик, благодаря очень кра- I вым зданиям, среди которых выделяется замок, большой и мощный [...]»; «это королев- I ство Samargante и все эта страна на северо-востоке и на востоке до Отрара была подчин- I на Тамерлану, который умер в Отраре»; «в этом королевстве Samargante есть специальная I вода, которая, если ею оросить землю, останавливает саранчу»⁷⁵.

Почти точно согласуясь с реальностью, Самарканд находится на притоке Окса, юж- ная Хива (Chiaua) расположена далее на правом берегу Оха / Окса.

Заключение

Слияние в рассказах путешественников их собственных реальных наблюдений, «чуж- ых», рассказанных местными проводниками, и элементов античных полуполюгендарных, пол- ных неточностей событий привело к созданию двойственного картографического обра- 1] Средней Азии, который можно определить как практически реалистичный, хотя он и со- 1 хранял, на восток от Каспия, свой мифический характер.

В ситуации подобного соседства, которое можно встретить также в других регионах мира⁶, география Птолемея постепенно сдавала позиции под натиском новых сведений путе- 1 ственников, несмотря на то, что картографы по-прежнему испытывали уважение к анти- 1 ной традиции. Масса топонимов, происходивших из различных источников и первоначаль- 1 но предназначавшихся для заполнения белых пятен на карте, создавала обманчивое су- 1 щение точности приводимых сведений. Это было не более чем иллюзией, т. к. до появления 1 современной системы географических измерений ни один ориентир не был научно и жестко 1 зафиксирован в пространстве. В зависимости от карт различные местности перемещались 1 по картографическому полю все всякой линейной логики прогресса, отступая каждый раз 1 к новым terraе incognitae, которые также были картографическими мигрантами.

Конструирование картографического образа Средней Азии так, как это было описано 1 выше, ставит под сомнение расхожую идею о плохом распространении информации, при- 1 внесенной первыми путешественниками XIII-XIV вв. Быстрая передача сведений в от- 1 дельных пластах общества была реальна, об этом свидетельствует появление наимено- 1 вания Самарканд в документах, повествующих о Пресвитере Иоанне⁷⁷, и в круглых картах 1 начала XIII в. Об этом же свидетельствует и связь между картой Фра Мауро и повество- 1 ванием Клавихо, несмотря на то, что до сих не ясно, каким образом этот контакт состоял- 1 ся. Подытоживая все сказанное, можно без сомнения констатировать, что, начиная с эпо-

- ФраМауро картография приобретает интернациональный характер, который со временем только усиливается.

I Примечания

Эта статья представляет адаптированный отрывок докторской диссертации «От Тартарии до Средней Азии: сердце континента в истории идей, между картографией и идеологией» (*De la Tartarie a l'Asie centrale: le coeur d'un continent dans l'histoire des idees entre la cartographie et la geopolitique*), Сарбонна (Paris I) и Университет Лозанны, 2007.

Понятие Средняя/Центральная Азия появилось не ранее начала XIX века.

Michel Tardieu, «Histoire des syncrétismes de la fin de l'Antiquité», «Cours: La religion du Pretre Jean; Seminaire: Itinéraires mongols d'après les documents orientaux relatifs au Pretre Jean», *Annuaire du College de France*, 104e année, 2003-2004; Jean Richard, *Au-delà de la Perse et de l'Arménie. L'Orient latin et la découverte de l'Asie intérieure. Quelques textes inégalement connus aux origines de l'alliance entre Francs et Mongols (1145-1262)*, Turnhout: Brepols, 2005.

• Michel Guéret-Laferté, *Sur les routes de l'empire mongol: ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIe-XIIIe siècles*, Paris: H. Champion; Genève: Slatkine; collection: Nouvelle bibliothèque du Moyen Âge, t. 28, 1994; Michel Mollat, *Les explorateurs du XIIIe au XVIe siècle. Premiers regards sur des mondes nouveaux*, Paris: Edition du CTHS, Format 57, 2005.

Подробнее об истории открытия Птолемея, начиная с / Maxime Planude (1260-1310), см. Leo Bagrow, *History of Cartography*, London: C. A. Watts, 1964; O. A. W. Dilke, "Cartography in the Byzantine Empire", in J. B. Harley et David Woodward (eds.), *The History of Cartography*, vol. 1, *Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean*, Chicago-London: Univ. of Chicago Press, 1987, p. 258-275; Germaine Aujac, *Claude Ptolemée: astronome, astrologue, géographe. Connaissance et représentation du monde habité*, Paris: éditions du CTHS, 1993, p. 166-173.

Этот регион был представлен в нескольких картах, созданных для нужд навигации итальянских купцов, о которых писал Марко Поло, но понимание которых остается проблематичным из-за того, что они были коррумпированы текстами, повествующими о путешествии Патрокла ок. 300 г. до н. э. "Итальянские картографы часто уезжали учиться в Каталонию, в то время как каталонцы приезжали и жили в Италии. Так же часты были связи и с Португалией: так, сын автора Каталонского Алма Абраама Грека, Яфуда Грек, уезжает в 1419^г - в Португалию для организации там морской обсерватории. Bagrow, op. cit, 1964, p. 66-68.

⁸ Poggio Bracciolini (Le Pogge), *De l'Inde: les voyages en Asie de Niccolo de' Conti*, texte établi, trad., et commenté par Michele Guéret-Laferté, Turnhout: Brepols, 2003, p. 51 (résumé des idées de M. Milanese).

Gerard Genette, «Structuralisme et critique littéraire», in *Figures II*, Paris: Seuil, 1966, p. 145; Patrick Gauthier Dalche, «Pour une histoire du regard géographique. Conception et usage de la carte au XVe siècle», *Micrologus*, n° 4, «Il teatro della natura», 1996, p. 93.

"Карта находится в Biblioteca Marciana de Venise (n° inv. 106173), in Marcel Destombes, *Mappemondes. A. D. 1200-1500. Catalogues préparés par la Commission des cartes anciennes de l'Union géographique internationale*, Amsterdam: N. Israel; collection: Monuments cartographiques anciens / Monumenta cartographica vetustioris aevi A. D. 1200-1500, vol. 1, 1964, p. 223-227.

¹¹ Карта находится в Венеции в Biblioteca Marciana (Atlante, MS. Fondo Ant. It. Z. 76) (Isabella Pezzini [et al.] *L'Oriente: Storie di viaggiatori italiani*, préface de Fernand Braudel, Milano: Nuovo Banco Ambrosiano,

Electa Editrice, 1985, Р- юг) и в Милане в Biblioteca Ambrosiana de Milan (Edward Luther Stevenson, 1912, Genoese world map 1457, fac-simile and critical text incorporating, in free translation, the studies of professor Theobald Fisher, revised with the addition of copious notes, New York: Publications of the Hispanic Society of America, No. 83, p. 4).

¹² Одна из трех известных копий этой карты, созданной между 1442 и 1453 гг., находится в Biblioteca Civica Bertoliana de Vicence (598A): Destombes, op. cit., 1964, p. 208. Вторая копия 1442 г. находится в городской библиотеке Вероны; третья копия 1452-1453 гг. — в американском географическом обществе Нью-Йорка. Карта 1447 г. не дошла до наших дней: Leo BAGROW, A History of Russian Cartography up to 1800, Ontario: Walker Press, 1975, p. 60-61.

¹³ Карта находится в Biblioteca Apostolica du Vatican (Borgia XVI, Galerie): Destombes, op. cit., 1964, p. 239-240.

* Карта находится в Biblioteca Apostolica du Vatican (Palat. Lat. 1362b): Destombes, op. cit., 1964, p. 212-214.

¹⁵ Egon KLEMP, Africa. Auf Karten des 12. bis 18. Jahrhunderts, Leipzig: Rudolf Uhlisch, 1968, pi. 8. Карта, находящаяся в Национальной библиотеке Франции, отличается от карты того же автора, выполненной в традициях Птолемея, согласно образцу данному Вальдсимиуллером / Waldseemuller и находящейся в настоящее время в Yule University Library de New Haven (Connecticut): Destombes, op. cit., 1964, p. 229-234.

¹⁶ Карта находится в Biblioteca Estense de Modene (C. G. A. 1): Destombes, op. cit., 1964, p. 217-221.

¹⁷ Карта находится в Biblioteca Nazionale centrale de Florence, port. 1: Destombes, op. cit., 1964, p. 222-223.

¹⁸ Raleigh Ashlin Skelton, Thomas E. Marston and George D. Painter, The Vinland map and the Tartar relation, foreword by Alexander O. Viator, with an introduction by George D. Painter and essays by Wilcomb E. Washburn and all., New Haven-London: Yale Univ. Press, 1995, p. 112.

¹⁹ См. подробную библиографию in Angelo Cattaneo, «Fra Mauro Cosmographus Incomparabilis and his Mappamundi: documents, sources, and protocols for mapping», in Diego Ramada Curto, Angelo Cattaneo et Andre Ferrand Almeida (ed.), 2003: La cartografia europea tra primo Rinascimento e fine deH'illuminismo: atti del convegno internazionale The Making of European Cartography, Firenze, 13-15 dicembre 2001, Firenze: Leo S. Olschki, 2003, p. 27-28. Отметим также, что эта, выдающаяся по своим качествам, карта входит, согласно Лео Багрову, в малочисленную типологическую группу, представленную тремя картами: сама карта Фра Мауро из Biblioteca Marciana de Venise; анонимная карта известная под именем Borgia V из библиотеки Ватикана, выполненная в 1410-1458 гг., возможно в ателье Фра Мауро незадолго до его смерти; и карта п° 6 Атласа Анжело Фредуччи / Angelo Freducci 1556 г. из Bibliotheque de Mantoue: Leo Bagrow, <Italians on the Caspian>, Imago Mundi, 1956, vol. 13, p. 8.

²⁰ Багров считает, что эта карта была создана Фра Мауро и Андреа Бианко в 1457-1459 гг. — на основе предварительных работ Фра Мауро в 1448-1449 гг.: BAGROW, op. cit., 1964, p. 72-73. Анжело Каттaneo / Angelo Cattaneo отмечает, что Фра Мауро был ангажирован португальским королем для подготовки карты мира между 8 февраля 1457 г. и 24 апреля 1459 г., однако ему представляется, что работа была выполнена между 1448 и 1453 гг., или же, еще точнее, между 1448 и 1449 гг.: Cattaneo, op. cit., 2003, p. 26-29.

²¹ Bagrow, op. cit., 1964, p. 72-73. Детали биографии Фра Мауро см.: CATTANEO, op. cit., 2003, p. 26-28.

²² Bagrow, op. cit., 1956, p. 8.

²³ Cattaneo, op. cit., 2003, p. 33-34.

²⁴ Gautier Dalche, 1996, op. cit., p. 96.

²⁵ Cattaneo, op. cit., 2003, p. 24, 37-39, 41.

- David Woodward, «Medieval Mappaemundi», in J. B. Harley et David Woodward (ed.), *The History of Cartography*, vol. 1, *Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean*, Chicago-London: Univ. of Chicago Press, 1987, p. 316.
- ^ Cattaneo, op. cit., 2003, p. 40.
- ⁹ Paul Pelliot, *Notes on Marco Polo*, Paris: Imprimerie Nationale, Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959-1963, s. v. «Europe», p. 652; Gautier Dalche, op. cit., 1996, p. 96.
- " Федчина В. Н. Как создавалась карта Средней Азии. Москва: Наука, 1967, с. 19.
- I ^ Так, в отношении провинции Siroan рядом с Каспийским морем, Фра Мауро пишет, что «ранее эту землю называли Альбания / Albania»: Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Albania», p. 15.
- ³¹ Cattaneo, op. cit., 2003, p. 34.
- I ³⁴ Ibidem, p. 229; Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Gog et Magog», p. 228-229.
- ^ Ibidem, s. v. «Amazones», p. 22-23.
- I ³⁵ Ibidem, s. v. «Lop», p. 316-318.
- ^ Идентификации транскрипций, за исключением специально оговоренных терминов, восходят к Pelliot, op. cit., 1959-1973.1.1, 1959, s. v. «Badascian», p. 63; s. v. «Bale», p. 71; s. v. «Belor», p. 91; s. v. «Bucara», p. 108; s. v. «Caracorom», p. 165; s. v. «Catai», p. 216; s. v. «Cotan», p. 408.
- I * Ivar Hallberg, *L'Extreme Orient dans la litterature et la cartographie de l'Occident des XIIe, XIVe et XVe siecles: etude sur l'histoire de la geographie*, Goeteborg: Universite d'Upsa, 1907, s. v. «Amol», p. 25; s. v. «Jaxartes», p. 280; s. v. «Oxus», p. 387.
- ³⁷ Patrick Gautier Dalche, "Les representations de l'espace en Occident de l'Antiquite tardive au XVIe siecle", *Livret-Annuaire de l'EPHE, Sorbonne*, 18, 2002-2003, p. 138; Bracciolini (introduction de M. Gueret-Laferte), *Ир. cit.*, 2003, p. 25-35; Cattaneo, op. cit., 2003, p. 24.
- I * Gautier Dalche, op. cit., 1996, p. 96.
- " Bagrow, op. cit., 1964, p. 72-73.
- I " Хальберг / Hallberg также провел параллель между рассказом Клавихо и картой Фра Мауро: Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Porte de fer», p. 414.
- I " Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Porte de fer», p. 414-415.
- I ^ Clavijo, op. cit., 1928, p. 204-206.
- «Annales VI.
- «Andrew Runni Anderson, *Alexander's Gate, Gog and Magog and the inclosed nations*, Cambridge, Mass.: The Mediaeval Academy of America, 1932, p. VII.
- I ⁴⁵ В карте Герфорда Каспийские ворота расположены на горе: Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Derbend», p. 184.
- ⁴⁶ Ibidem, p. 184.
- I ⁴⁷ Ibidem, p. 184-185.
- I ⁴⁸ Ibidem, p. 185.
- «Ibidem, p. 185.
- I ⁵⁰ Pierre Bergeron, *Voyages faits principalement en Asie dans les XIIe, XIIIe, XIVe, et XVe siecles*, par Benjamin deTudele, Jean du Plan-Carpin, N. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc Paul Venitien, Haiton, Jean de Mandeville, et Ambroise Contarim: accompagnes de l'Histoire des Sarasins et des Tartares, et precedez d'une introduction concernant les voyages et les nouvelles decouvertes des principaux voyageurs: [I] «Quelques observations du moine Bacon touchant les parties Septentrionales du monde, avec les relations touchant les Tartares, tirees de l'Histoire de R. Wendover et de Mat. Paris avec quelques lettres sur le meme sujet», [1735], col. 3, 13-14.

⁵¹ *Ibidem*, col. 14.

⁵² *Ibidem*, col. 14.

⁵³ Hallberg, *op. cit.*, 1907, s. v. «Derbend», p. 185.

⁵⁴ Bagrow, *op. cit.*, 1964, p. 75; Stevenson, *op. cit.*, 1912, p. 4, 8-9, 18, 24; Bracciolini (introduction de M. Gueret-Laferte), *op. cit.*, 2003, p. 53.

⁵⁵ Bagrow, *op. cit.*, 1964, p. 75; Stevenson, *op. cit.*, 1912, p. 4, 8-9, 18, 24; Bracciolini (introduction de M. Gueret-Laferte), *op. cit.*, 2003, p. 53.

⁵⁶ Stevenson, *op. cit.*, 1912, p. 12-15, 37-

⁵⁷ Hallberg, *op. cit.*, 1907, s. v. «Derbend», p. 186.

⁵⁸ Stevenson, *op. cit.*, 1912, p. 30-31.

⁵⁹ Hallberg, *op. cit.*, 1907, p. s. v. «Imaus», 259-260.

⁶⁰ Stevenson, *op. cit.*, 1912, p. 37.

⁶¹ *Ibidem*, p. 33.

⁶² Hallberg, *op. cit.*, 1907, s. v. «Bamian», p. 65; s. v. «Porte de fer», p. 414.

⁶³ Салам ат-Тарджуман отправился в путешествие в 842-843 гг. по приказу халифа ал-Ватика (842-847) чтобы проверить состояние стены, выстроенной Македонским с целью отгородить народ Гог и Магог. Его маршрут проходил сначала через Армению, Грузию, Хазарию, вокруг Каспия, озера Балкаш, Джунгарию, затем, на обратном пути к Саммару, через Талас, Самарканд, Бухару и Хорасан: И. Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература*, Москва: Восточная литература, 2004 [1957] с. 137-141 - О мусульманской традиции представления Гог и Магог: Anderson, *op. cit.*, 1932, P- 92-100.

⁶⁴ Полный лист вариантов этого топонима см.: Hallberg, *op. cit.*, 1907, s. v. «Derbend», p. 186-187.

⁶⁵ Можно процитировать два противоположных мнения. Конрад Мальт-Брюн / Conrad Malte-Brun, *op. cit.*, 1847, p. 249: «Проход, который называется Темурсарит или Железные Ворота, надо искать между Тартарией и Монголией, но не в Дербенте». Карл Фридрих Номанн / Karl Friedrich Neumann, Генри Юль / Henry Yule и Ивар Хальберг / Ivar Hallberg соотносят этот топоним с городом Дербентом на Кавказе: Johann Schiltberger, *The bondage and travels of Johann Schiltberger: a native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396-1427, translated from the Heidelberg ms. edited in 1859 by Karl Friedrich Neumann, by J. Buchan Telfer with notes by P. Bruun and a preface, introduction, and notes by the translator and editor, London: Printed for the Hakluyt Society, 1879, p. 34; Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Derbend», p. 186. См. также карту Ж. Бушана Тельфера / J. Buchan Telfer который располагает Дербент на западном берегу Каспия: Schiltberger, *op. cit.*, 1879- Можно упомянуть также город Дамир-Капи, который находится рядом с Трапезундом в современной Турции (Christiane Deluz упоминает так же Дамир-Капи недалеко от Тегерана [Jean de Mandeville. *Le livre des merveilles du monde*, Paris: CNRS editions, collection: Sources d'histoire medievale, Institut de recherches et d'histoire des textes, 2000, p. 417]).*

⁶⁶ Schiltberger, *op. cit.*, 1879, p. XXII-XXIII, 34; Hallberg, *op. cit.*, 1907, s. v. «Derbend», p. 186.

⁶⁷ См. энциклопедические статьи: Н. Кузнецов «Дербент», in Ф. А. Брогауз и И. А. Эфрон (изд.), *Энциклопедический словарь*, т. X, Санкт-Петербург, 1893 с. 423-424; Erich Kettnerhofen, «Darband», in Ehsan Yarshater (ed.), *Encyclopaedia Iranica*, vol. VII, Costa Mesa, California: Mazda Publisher, 1996, P-13-19-

⁶⁸ По поводу топонимии согдийских «скал» см. Claude Rapin, Aumon Baud, Frantz Grenet и Shohimardan Rakhmanov, 2006: «Исследования района Железных Ворот Согдианы: краткое состояние вопросов в 2005 г. / Les recherches sur la region des Portes de Fer de Sogdiane: bref etat des questions en 2005», *История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ)*, 35. Самарканд, 2007, с. 48-73-

"Samuel Beal, Si-yu-ki [de Xuanzang]. Buddhist Records of the Western World, London: Trubner & Co. Ltd, 1884, p. 36; Thomas Watters, On Yuan Chwang's Travels in India (A. D. 629-645), ed. after his death by T. Watters Davids and S. W. Bushell, London: Royal Asiatic Society, 1904-1905, p. 100-101. Упомянутый источник описывает, возможно, каньон Бузгала-хана недалеко от стены Дербента в долине Шуроба; первые результаты изучения этого городища: Эдвард Ртвеладзе, «Дар-и Аханин-Дарбанд», Труды Бойсунской научной экспедиции, вып. 1, Ташкент, 2003; с. 13-22; Шохимардан Рахманов, Клод Рапин, «Железные Ворота», Труды Бойсунской Научной экспедиции, вып. 1, Ташкент, 2003, p. 22-23; о маршруте Александра Македонского: Rapin, Baud, Grenet et Rakhmanov, op. cit., 2007.

¹Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Derbend», p. 185.

²Ibidem, p. 186.

³Перевод согласно Люсьену Керену / L. Kehren in Ruy Gonzalez de Clavijo, La route de Samarkand au temps de Tamerlan: relation du voyage de l'ambassade de Castille a la cour de Timour Beg, 1403-1406, trad. et comment, par Lucien Kehren, Paris: Imprimerie Nationale, 1990, p. 196.

Чальберг попытался идентифицировать его с озерами Балхаш и Иссыкуль (op. cit., 1907, s. v. «Issik», p. 563-564).

⁴Hallberg, op. cit., 1907, s. v. «Delhi», p. 183.

⁵Ibidem, s. v. «Samarcan», p. 446-447.

⁶Согласно Матэо Х. Эдней / Matthew H. Edney, Индия в эту эпоху находилась в такой же ситуации: античный картографический образ Индии, который был мгновенно воспринят в эпоху Ренессанса на основе географии Птолемея и Страбона, скоро уступил свое место новым достаточно реалистичным картографическим схемам, которые были созданы португальскими мореходами, но при этом эллинистическая номенклатура была сохранена: Matthew H. Edney, Mapping an Empire: The Geographic Construction of British India, 1765-1843, Chicago and London: Univ. of Chicago Press, 1997, p. 3.

⁷Tardieu, op. cit., 2003-2004, p. 641.

МЫККУРГАН И КОШТЕПА (К ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ УСТРУШАНЫ)

Мыккурган и Коштепа — два археологических памятника, расположенные в Янгибадском I районе Джизакской области Узбекистана, близ так называемой Шахристанской котловины. I

Мыккурган — один из известнейших уструшанских археологических памятников — признан ключевым на древнем караванном пути, шедшем из средневекового Сабата в столицу Уструшаны город Бунджикат [Негматов, Хмельницкий, 1966. С. 195; Негматов, Пушков, I Хмельницкий, 1973- С. юб]. Именно это обстоятельство и побудило нас провести на нем раскопки. I

Поселение входит в Ходжамушкентскую группу памятников, расположенных на одном из крупнейших водотоков Уструшаны — Ходжамушкентсае. Группа насчитывает почти 30 памятников (рис. 1). Самым крупным из них является городище Культепа, I отождествляемое с средневековым Сабатом — центром одноименного степного рустака [Грицина, 199²- С. 50-541-

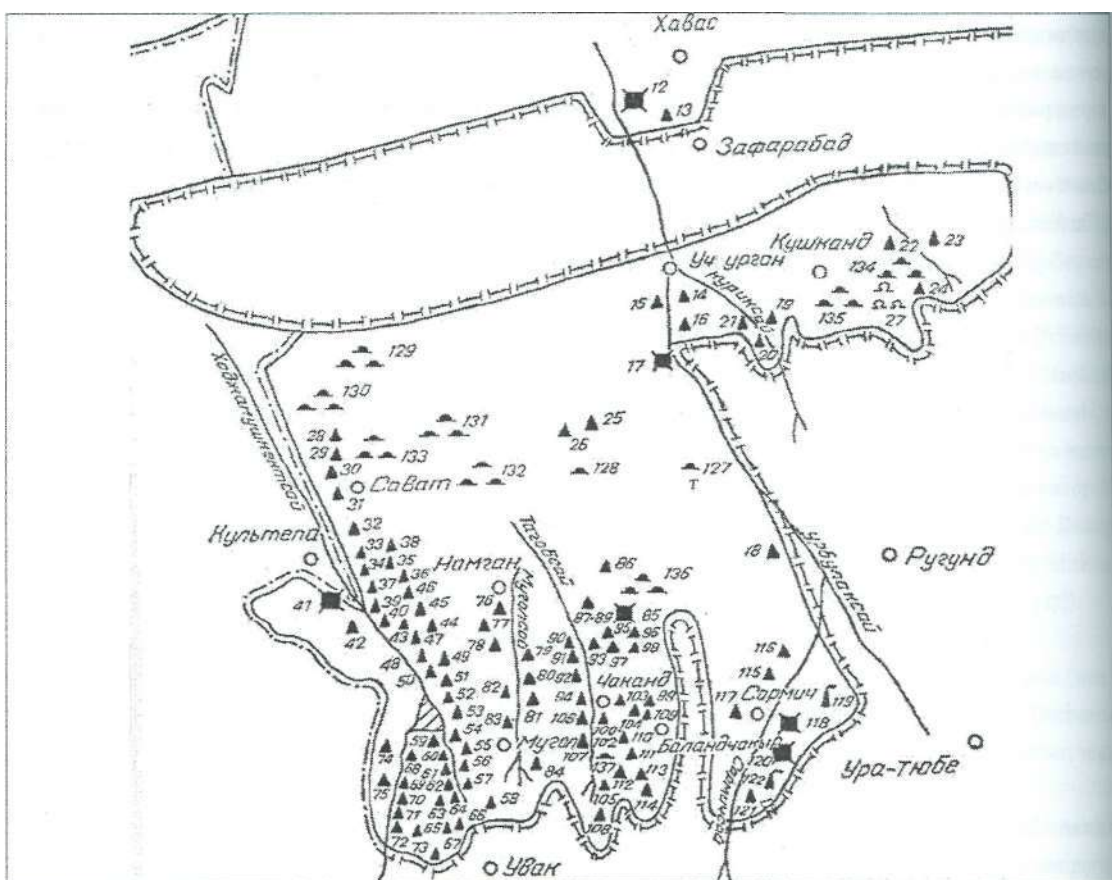

Рис. 1. Археологические памятники Ходжамушкентсаиской и Тагобсайской групп: 41 — Городище Культепа (средневековый Сабат). 54 — Мыккурган. 85 — Городище Коштепа.

Ходжамушкентсай формируется из многочисленных родников на относительно небольшой площади и от селения Оювлы мощным потоком устремляется вниз. По данным О.Ф. Нейман, дебет составляет 9,7 м/сек. и приближается к дебету Зааминсу [Нейман, 1925. С. 64]. В средневековье сай обеспечивал водой один из крупнейших городов Уструшаны — Сабани его густозаселённый рустак [Грицина, 1992. С. 29-30]. По расходу воды сай следует отнести к первому типу горных потоков [Шульц, Саидов, 1975- С. 58]. Ещё в начале прошлого века на нём функционировало несколько мельниц [Билалов, 1980. С. 2.6].

Вбрав в себя воды десятков ключей, сай протекает по живописному ущелью, сложенному из палеозойских сланцев и верхних конгломератов и вырывается в степную зону Илассовьк адыров, где полностью разбирается на нужды орошения (рис. 4)- Водами сая пользуются свыше десятка селений, среди которых несколько крупных: Сават, Эрганали, Ходжамушкент, Культепа (рис. 1). В настоящее время у селения Ходжамушкент, в месте слияния Ходжамушкентсая с Обишорсаем возведена плотина, образовавшая водохранилище. Левая ветка сая в прошлом доходила до г. Даштабада [Ульяново] и вместе с Зааминсу питала Илассовьк населенный пункт на месте городища Каратепе и его округу [Грицина, 1992. С. 8].

Мыккурган расположен на правом берегу сая, на северной окраине с. Ходжамушкент, напротив с. Оювлы. Состоит из внушительной цитадели и отделенной впадиной, подпрямоугольной в плане, прилегающей с востока, укрепленной территории (рис. 2). Сохранность памятника вполне удовлетворительная. Наиболее пострадала от естественных природных явлений (атмосферные осадки, выветривание и т.п.) южная часть центрального бугра, где хорошо прослеживаются обнажения стен и культурных слоев. Высота цитадели 25 м, размеры верхней площадки 20 x 85 м, прилегающей территории юо x 145 м, общая площадь превышает 1,5 га (рис. 3)- С северной стороны поселение защищено глубоким ущельем, а с восточной и южной — промоинами. Подъем на поселение осуществлялся с южной части. Наиболее неприступной была цитадель, расположенная на естественном возвышении. Судя по полученным материалам, сначала была освоена именно эта часть, впоследствии и прилегающая территория.

Раскоп был заложен на цитадели таким образом, чтобы он прорезал крепостную стену и доходил до материка. В ходе раскопок выделено два основных жилых горизонта. Нижний горизонт (IX — середина VI яруса) связан с возведением непосредственно на материке внешней мощной оборонительной стены шириной более 5 м. Заполнение его представляло собой зольно-органические накопления с включением зольников, гумусных прослоек, обожжённой земли, угля, камней, костей животных и керамики. Во втором жилом горизонте (середина V-середина II яруса) вскрыто помещение из прямоугольных кирпичей - 54 x 25 x 9-ю, 54 x 27 x 12 см. Кирпичи не очень прочны из-за обильной примеси шугала. Стены помещения возведены на фундаменте из крупных валунов, который подстилала забутовка (середина VI — середина V яруса), перекрывающая нижележащий горизонт. Верхний горизонт (II-I яруса) представлял собой перемешанные слои караханидского и позднесредневекового времени.

Керамический комплекс нижнего жилого горизонта представлен хумами и хумча (рис. 5, 17-28), котлами (рис. 5, 34~4i), горшками (рис. 5, 29-33), кувшинами (рис. 5, 42-44), кружками, бокалами (рис. 5, 46-47)- Сосуды, как обычно, формовались на круге и ручным способом. По форме и качеству данный комплекс наиболее сопоставим с комплексом второго жилого

горизонта городища Культепа [Древний Заамин, 1994- С. 43~44> рис. ig]. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие процарапанного орнамента. Отличительной особенностью мыккурганского комплекса является наличие в нем узко резервуарных бокалов. Нахождение их здесь, видимо, не случайно, так как они встречались и в подъемном материале. Как уже отмечалось выше, бокалы встречались и на других раннесредневековых памятниках Уструшаны (городище Культепа, Актепа Шурбулаксайское). Следовательно, наличие бокалов можно объяснить либо их более продолжительным бытованием (до V в. н. э.), либо комплексы с бокалами следует датировать несколько более ранним временем. Аналогичная ситуация отмечена С. К. Кабановым в Кашкадарье, где на од-
 послойном памятнике Негузтепа в керамическом комплексе III—V вв. найдены бокалы, на основании чего был удревнен и весь комплекс [Кабанов, 197 С. 31-32, рис. 18]. Что касается нашего комплекса, то его следует датировать концом IV-VB

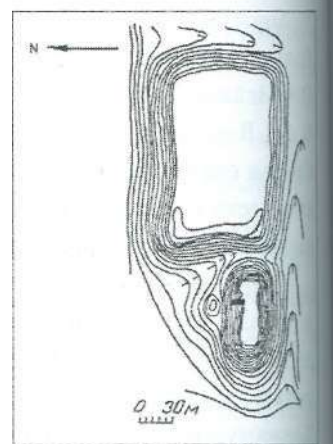

Рис. 2. План Мыккургана.

Керамика второго жилого горизонта также формовалась на круге и вручную, ~~одна~~ набор форм здесь беднее, хотя качество изготовления заметно улучшается (рис. 5, 4¹6)1. Довольно часто сосуды украшались процарапанным орнаментом. Встречаются ~~черт~~ки с плотным ангобным покрытием. Более изящны кувшины-ойнохоя со следами ~~ока~~ски. Верхняя часть ручек венчалась округлым налетом, характерным для верхнего ~~ста~~I Пенджикента [Бентович, 1964. С. 281, рис. 19; Исаков, 1977- С. 133, рис. 41,2]. У котлов и ~~гирн~~ков кружальной формовки появляется острое ребро (рис. 5, 5, 7)- Комплекс наиболее ~~согн~~ставим с материалами третьего жилого горизонта городища Культепа [Древний Заамин, 1994- С. 44~45, рис: 20], может быть датирован VII-VIII вв. Таким образом, верхний ~~жил~~ой горизонт можно датировать в пределах VI-VIII вв., скорее всего, VII-VIII вв. н. э. ~~Нижний~~ горизонт мы склонны датировать IV-VI вв.

Тагобсайская группа. В состав группы входит 30 памятников. В нее включены и ~~памят~~ники, расположенные в округе селения Баланчакыр, сложившегося на базе местных ~~кю~~чей и канала, выведенного из Шахристанся. ~~И~~ Организующим ядром поселенческой структуры является городище Коштепа (рис. i).

Городище Коштепа расположено на правом берегу сая, в 2 км к северу от селения Чаканд. Выявлено в 1985 г. Сырдарьинским отрядом Института археологии АН Узбекистана. Городище вытянуто в долготном направлении. Название оно получило по двум самым высоким холмам цитадели (Кош — значит «Двойной»). Высота одного холма и,5 м, другого — более ю м. Цитадель с прилегающей территорией отделяется от остальной части ~~городища глубоким рвом. Шахристан распо-~~

Рис. 3- Цитадель Мыккургана. Вид с запада.

Рис. 4- Ущелье Ходжамушкентская. Вид с цитадели Мыккургона.

ложен к югу и востоку от цитадели, который, по-видимому, был защищен стеной. Более четко стены прослеживаются с северной стороны. В южной части городища высится безымянный холм. Общая площадь городища — не менее 12 га. В холмления с раннесредневековой керамикой тянутся почти до Чаканда, являясь либо частью городища, либо составляя его округу (рис. 6).

Тагобсай образуют ключи, выходящие из галечника и лессовых отложений к югу от селения Чаканд. Дебет приблизительно составляет 1,7м³/сек [Нейман, 1925. С. 64]. Относится к третьему типу горных потоков. Сай полностью обеспечивает водой упомянутое селение и округу. В недавнем прошлом вода сая подавалась в соседнее селение Намган, о чём свидетельствует сохранившийся вдоль левого берега канал (рис. 6). На городище Коштепа заложено два раскопа. Раскоп 1 (3 x 5 м) расположен северо-восточнее восточного холма цитадели, на возвышенности, представляющей собой, видимо, дворовую часть. Уже в сере-

Тагобсай образуют ключи, выходящие из галечника и лессовых отложений к югу от селения Чаканд. Дебет приблизительно составляет 1,7м³/сек [Нейман, 1925. С. 64]. Относится к третьему типу горных потоков.

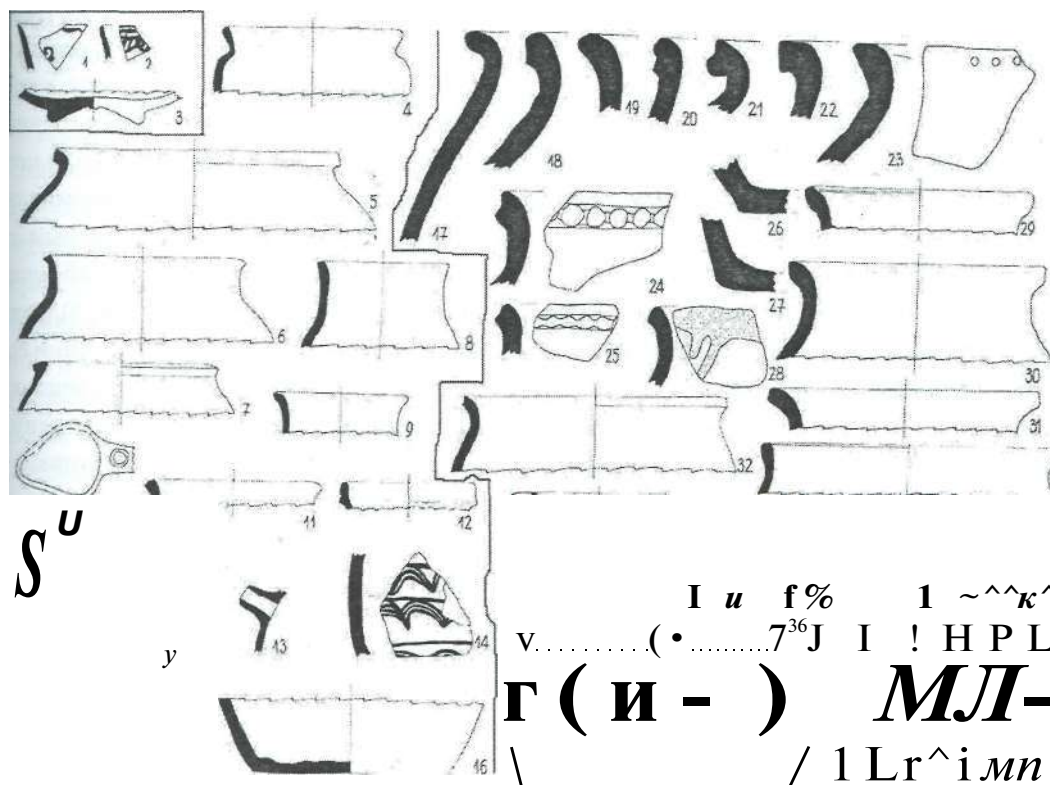

Рис. 5- Мыккурган. Таблица керамики: 1—3 — Керамика верхнего горизонта; 4—16 — Керамика второго горизонта; 17-47 — Керамика нижнего горизонта.

дине III яруса был зафиксирован уровень пола, лежащий на материке. В ходе раскопок расчищена внешняя пахсовая стена толщиной 1,5 м и стена помещения из сырца размерами 51 x 22–23 x 8 см.

Большинство найденных фрагментов керамики — это стенки от различных сосудов, в основном крупногабаритных, сформованных ручным способом. Отметим фрагмент бракованного сосуда, свидетельствующего о наличии местного гончарного производства. Кроме керамики, найдено 7 обломков зернотерок, ядроподобный терочник и два биконических пряслица. Аналогичные пряслица происходят из второго жилого горизонта Р-і городища Культепа.

Раскоп 2 (з х 6 м) заложен в шахристане городища. В конце III яруса зафиксирован уровень пола, лежащий на материке. Вскрыто три помещения, возведенных из пахсы. Толщина стен — 50–60 см. В помещении 3 найдены два, а в помещении 2 — один хум, врытые в пол (рис. 7). По-видимому, помещения имели хозяйственное назначение, представляя собой хумхона. Своеобразный комплекс керамики из этих помещений заставляет остановиться на ней подробнее.

Хумы по внешнему виду делятся на два типа. Форма первого типа восстанавливается I по двум археологически целым сосудам из помещения 3- Они яйцевидной формы, с четкой профилированной закраиной и короткой шейкой. Верхняя их часть формовалась отдельно I от нижней и, видимо, подправлялась на круге. Затем обе половины соединялись, а место соединения тщательно заглаживалось. Венчики некоторых хумов и хумча оформлялись I защипами или пальцевыми вдавлениями по нижнему краю, тулово — меандровым про- I царпаным орнаментом и потеками (рис. 8, 1–8). Второй тип хумов очень грубой ручной I работы, с овальным в сечении венчиком, плавно переходящим в тулово (рис. 8, 3)- Котлы I также делятся на два типа. К первому типу относятся относительно тонкостенные осу- I ды шаровидной формы, сформованные на круге. Некоторые из них имеют под венчиком слив со смятым устьем (рис. 8, 18–19), что встречается крайне редко. Ко второму типу от- I нсятся толстостенные котлы с ручками-упорами, демонстрируя воочию традицию, уве-

Рис. 7- Коштепа. Раскоп 2. Хумхона.

Рис. 6. Коштепа. 1. План городища.

дающую в древнеуструшанские керамические комплексы и прерывающуюся с нашествием \ арабов. Кувшины кружальной формовки делятся на широкогорлые безручные сосуды (рис. 8, 9 > 11, 13¹⁴) и сосуды со смятым устьем и ручкой, возвышающейся над ним, известные по материалам нижнего слоя Пенджикента [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973- С 5], рис. 23]. Ко второму типу относятся небольшие по размерам сосуды ручной формовки (рис. 8, 17). Почти все кувшины обильно укра-

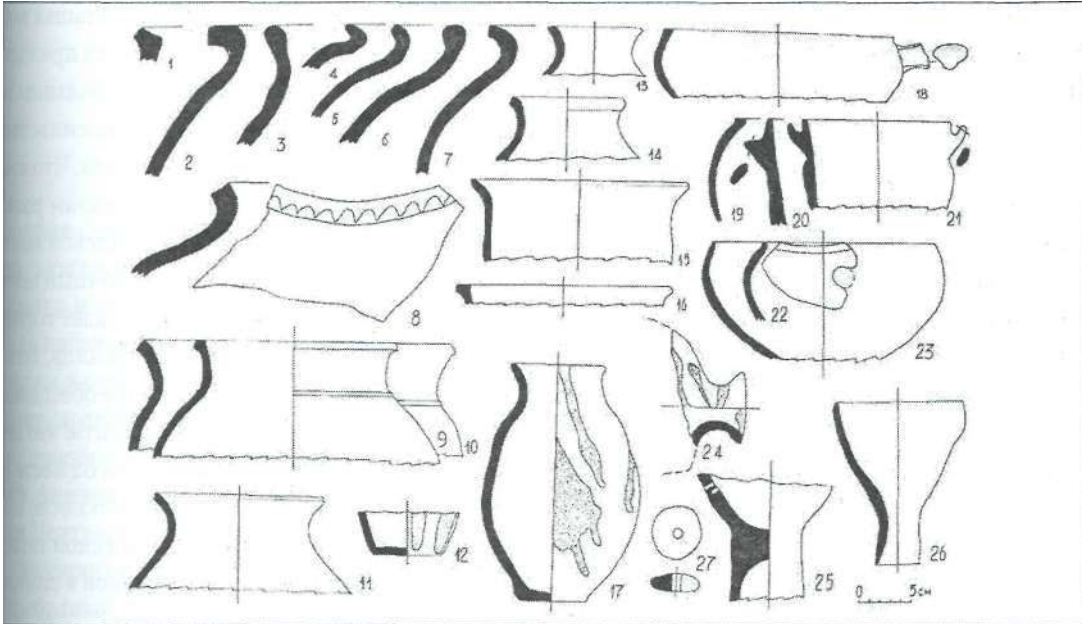

Рис. 8. Коштепа. Таблица керамики.

цены потеками или брызгами ангоба. Чаши формовались на круге. Первый тип сосудов полусферической формы, с загнутым вовнутрь венчиком. Закраина иногда отделялась от тулова желобком. Некоторые из них также украшены потеками (рис. 8, 22-23). Второй тип сосудов — с оттянутым венчиком (рис. 8, 15). Оба типа чаш известны по находкам из Пенджикента [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973- С. 51, рис. 23; Исаков, 1977- С. 126, рис. 3б, 1-4] и уструшанских памятниках [Бердимуратов, Пардаев, 1990- С. 157, рис. 2; Пардаев М. и Пардаев А., 1998. С. 67, рис. 6]. Миски ручной формовки, полусферической формы с прямостоящим или оттянутым венчиком (рис. 8, 23). Корчаги — емкие сосуды яйцевидной формы, украшенные широкими полосами ангоба. Фляги (рис. 8, 24), курильницы (рис. 8, 25), пряслица (рис. 8, 27) представлены в единственном экземпляре. К числу редких находок на раннесредневековых памятниках относятся воронки. В нашей коллекции имеется несколько фрагментов и один целый экземпляр (рис. 8, 26). Аналогичные изделия из замка Аултапа С. К. Кабанов относил к предметам производственного назначения и датировал V-VI вв. [Кабанов, 1981. С. н8]. Поскольку на обнаруженных предметах не найдены следы производственной деятельности (копоти, ошлакованности и т. п.), то их функциональное назначение можно определить из внешнего вида — они могли служить в качестве воронок. Кроме керамики, в раскопе найдены зернотерки и терочки. Керамический комплекс наиболее сопоставим с материалами второго жилого горизонта раскопа 1 (в его древнейшей части) и раскопа 3 городища Культепа. Его отличительной особенностью является наличие среди керамики архаических признаков (котлы с рудиментарными ручками-упорами), окраска практически всех форм сосудов, за исключением котлов, потёками и брызгами ангоба, небольшое количество орнаментированной посуды, отсутствие или слабо выраженное каунчинское влияние. Время обживания городища -V—перв. пол. VI в. Таким образом, исследования показали, что городище существо-

А. ГРИЦИНА

вало относительно короткий промежуток времени, о чем свидетельствует небольшая мощность культурного слоя. По сути дела, памятник является однослойным. Город приходит в запустение еще до нашествия арабов. Во время раскопок не отмечено следов больших пожаров и разрушений, следовательно, запустение происходит не в результате насильственных действий, а, скорее всего, из-за изменившегося баланса водных источников. Что касается атрибуции памятника, то мы предполагаем следующее. Памятник по своим размерам является самым крупным раннесредневековым городищем в Шахристанской долине, расположен в той же ирригационной системе, что и Калаи Кахкаха-столичный центр Уструшаны, возник раньше последнего и когда жизнь на нем замерла возникает городище Калаи Кахкаха выше по Шахристансаю. Место, где возводится новая столица, более надежно защищено природными условиями и, самое главное, намного лучше обеспечено водой. Все приведенные выше обстоятельства дают возможность предположить, что первоначально столичный центр раннесредневековой Уструшаны мог находиться на месте городища Коштепа, а затем, не ранее VI в. н. э. перемещается на новое место. Это могло произойти по каким-то военно-политическим причинам. Однако основной причиной такого передвижения, скорее всего, являлся изменившийся баланс водных источников в сторону их значительного сокращения.

Литература

- Бентович И. Б.** Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // Москва-Ленинград, 1964 (МИА. № 124).
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.** Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973-
- Бердимуратов А. Э., Пардаев М. Х.** Раскопки верхнего здания Алмантепа // ИМКУ. 1990. Вып. 23-
- Билалов А. И.** Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980.
- Грицина А. А.** Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент, 1992 Древний Заамин (история, археология, нумизматика, этнография). Ташкент, 1994-
- Исаков А. И.** Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977-
- Кабанов С. К.** Культура сельских поселений Южного Согда. Ташкент, 1981.
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г.** Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г.** Уртакурган и Темирзактепа. Душанбе, 1973-
- Нейман О. Ф.** Гидрогеологический очерк Туркестанского хребта в бассейне рек Зааминсу и Бюроган и прилегающей степи // Вестник ирригации. 1925, № 2.
- Пардаев М. Х., Пардаев А. Х.** Жиззах вохасининг IV-VI асрлардаги кулоллик идишлари // ИМКУ. Самарканд, 1998. Вып. 29.
- Шульц В. Л., Саидов А. С.** Реки и саи как источники орошения // Ирригация Узбекистана. Том 1. Ташкент, 1975

У. Мавланов
Узбекистан

РОЛЬ КОММУНИКАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

История формирования и развития системы коммуникаций, региональных и межрегиональных экономических и культурных связей, отражает поэтапный генезис древних культур и цивилизаций Центральной Азии. Развитие путей как исторический процесс было неразрывно связано с эволюцией социально-экономических отношений от обмена сырьем и орудием труда до первых торговых отношений, положивших начало использованию древних транспортных средств, строительству дорог и придорожных сооружений, что приобрело значение в эпоху становления государственности и городской цивилизации. Анализ этих процессов имеет актуальное значение для изучения всех периодов истории Центральной Азии.

Различные древние пути, известные в литературе как Лазуритовый, Золотой, Шелковый, Серебряный, Степной, Царская дорога, сыграли особую роль в экономических и культурных связях Средней Азии и Древнего Востока, в системе междивизиационных отношений в целом. Среди них большое значение имел Великий Шелковый путь. Ныне осуществляется целенаправленная работа международного сообщества с целью восстановления его трасс и создания современных дорог, которые связывали бы Узбекистан с Китаем, а также через Иран и Закавказье с портами Черного моря, через территорию Афганистана с портами Индийского океана. Поэтому исследование путей транзитного сообщения и экономических отношений, динамики внутренних и внешних связей, их основных направлений имеет и практическое значение с точки зрения использования исторического опыта на современном этапе.

В эволюции коммуникаций Средней Азии можно выделить древние и средневековые этапы развития. Мы в силу временного ограничения попытаемся охарактеризовать лишь древние периоды развития коммуникаций и культурных взаимосвязей.

1. Ранние пути сформировались в регионе в эпоху камня и связывали поселения с природными источниками продуктов питания и питьевой воды, объектами присваивающего хозяйства (собирательство, охота, рыболовство). Они составляли расстояние, проходящее за день, в среднем 15-25 км. Маршруты к каменным месторождениям для изготовления орудий охватывали большие территории, а разработка и переработка сырья, изготовление орудий на месте [Массой, 1953- С. 6-7; Касымов, 197²- С. 123] повышали значение первых коммуникаций.

Важное значение для формирования и развития ранних коммуникаций имела необходимость обмена сырьем и продукцией между различными территориями. Этот процесс получил развитие уже в позднем палеолите-мезолите и был вызван разными природными условиями, неравномерным распределением продуктов и сырьевых ресурсов.

Формирование в Средней Азии в эпоху неолита (VI-V тыс. до н. э.) культур, отличавшихся друг от друга методами ведения хозяйства, явилось одной из причин появления путей не только местного, но и регионального значения. В эту эпоху возросло значение дорог,

связывавших поселения с земледельческими и скотоводческими территориями расселения, охотничьими угодьями, источниками сырья. В эпоху неолита сформировались и транс- межобластного значения. Это прослеживается на примере джейтунской, кельтеминар- ской, сазаганской и других культур [Массон В., 1964. С. 37; Толстов, 1948- С. 59~66; Исламов, I Тимофеев, 1986; Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов, 1992- С. 54~56; Сагдуллаев, 2004. С. 7-12]. Археологические находки из поселений показывают и наличие связей Средней Азии с территориями Ирана и Месопотамии, Индии, Восточного Туркестана и Китая, Сибири и Приуралья [Толстов, 1948. С. 64-66; Массон В., 1964. С. 4, 37, 86-88; Массон В, I 2000. С. 114-117; Васильев, 1961.; Крюков, 1964; Журакулов М, Журакулова Д, 2007. С. 7-9]. Первые пути занимали важное место в первобытных хозяйственных связях, служили миграции. Процессы переселения в регионе начались в позднем палеолите и продолжались в эпоху мезолита и неолита [Айтбоев, 1999; Крахмаль, 2003]. Они способствовали поэтапному освоению новых территорий с разнообразной фауной и флорой, а также месторождений сырья, необходимого для изготовления орудий труда. Вместе с тем, маршруты коммуникаций эпохи камня, когда еще не использовались вьючные животные и колесные транспортные средства, не стали регулярными, а изменялись в непосредственной связи с социально-экономическими процессами.

2. Новый этап в истории культурных и экономических связей начался в эпоху неолита и бронзы. Зарождение поливного земледелия и кочевого скотоводства, использование металла и расширение антропогенных ландшафтов послужили формированию новых путей. Важная особенность этого этапа истории определяется началом использования вьючных животных и транспортных средств. Эти изменения стали основой для развития в III-II тыс. до н. э. системы коммуникаций, имевшей как местное, так и транзитное значение. Культурно-экономические связи, осуществлявшиеся по древним путям, сыграли важную роль в становлении центров цивилизации Средней Азии эпохи бронзы.

В этот период и формируются маршруты, связывающие поселения с месторождениями металла. Неравномерное распределение в регионе медных и других месторождений металлов (олово, свинец и др.), а также социально-экономические причины явились факторами неравномерного развития горнорудного дела и металлургии в различных областях региона [Буряков, 2001; 2003; Лордкипанидзе, 2001. С. и]. Продукция древних рудников (драгоценные камни, серебро, золото и др.) доставлялась на поселения по внутренним дорогам. В частности, ювелирные украшения, найденные в верхнем течении реки Зеравшан (Саразм) [Массон В., 1964. С. 114] и его низовьях (Заманбаба) [Гулямов Я. в соавт., 1966. С. 63, 156; Сагдуллаев, 2004. С. 3²-33] в Южном Туркменистане (Алтындепе, Анау и Намазга) [Сарианиди, 1968. С. 3-45; Массон В., 1981. С. 84; Курбансахатов, 1987. С. 149] позволили уточнить маршруты, связывавшие данные поселения с месторождениями лазурита в Бадахшане. Были пути, которые связывали территории расселения оседло-земледельческих и скотоводческих племен. Важное значение имел маршрут, который начинался в предгорьях Копетдага и проходил через Мургабский оазис в Северный Афганистан (Дашлы) и оазис Сурхана (Сапалли) [Аскарлов, 1977- С. 156-158], а также ведущий в Южный Туркменистан, оазисы Мургаба и верхнего Зеравшана [Исаков, 1991- С. 137; Кирчо, 2007- С. 97-¹⁰¹] и дороги, связывавшие Хорезм с Мургабским, Зеравшанским и Сурханским оазисами. Скотоводческие

Меня, проживавшие в горных, предгорных и степных районах наряду с разведением домашних животных занимались также горнорудным делом и имели тесные экономические связи с оседло-земледельческими племенами [Заднепровский, 1962; Ширинов, 1990]. Освоение новых земель в период энеолита и бронзы положило начало формированию новых дорог, основные трассы которых проходили вдоль водных артерий. Для этого важным характерным является и формирование устойчивых трасс между Средней Азией и странами Древнего Востока. Эта эпоха занимает важное место в истории как время начала интенсивного развития международных культурных и экономических связей. В формировании транзитных дорог большое значение имели экономические факторы, концентрация сырья (медь, свинец, золото, серебро, драгоценные камни). На основании находок шпателей из лазурита в Месопотамии и Египте [Культура..., 1953- С. 8; Чайлд, 1956- С. 202; Кае, 1952. С. 402], Индии [Fairervis, 1956. Р. 230; Сагдуллаев, 2000. С. 19], Малой Азии (Троя-Гиссарлыктепа) [Melaart, 1956. Р. 26, 32] и сведений шумерских надписей [Крамер, 1991- С. 35] рассмотрены маршруты Лазуритового пути [Сарианиди, 1968. Рис. 2] из горного Бадахшана в центры цивилизаций Древнего Востока.

Основными маршрутами дорог из южных и центральных областей Средней Азии в Иран и Месопотамию проходили через поселения Южного Туркменистана (Анау, Намазга и Алтындепе) и играли важную роль в культурно-экономических отношениях, а также в процессах миграции населения [Массой В., 1981. С. ш]. В эпоху бронзы сложились основные направления дорог из долины Инда в Среднюю Азию. Они проходили через Шортугай, долины Сурхана, Кашкадарьи, в Саразм [Ширинов, 2000. С. п8; Сулейманов, 2000. С. 73; Массой В., 2000. С. 114], средний Зеравшан (Карнаб) [Ламберг-Карловски в соавт., 1991- С. 185; Ширинов, 2000. С. 117-118] и Южный Туркменистан [Массой В., 1986. 13; Массой В., 2000. С. 114-117]. Археологические материалы свидетельствуют о культурных взаимосвязях населения долины Зеравшана и Хорезма с Поволжьем и Сибирью [Толстов, 1948. С. 67; Вванесова, 1990. С. 240].

Имеющиеся данные [Франкфорт, 1989; Ртвеладзе. С. юб] позволяют сделать вывод, что экономические связи населения Средней Азии и Китая существовали уже в эпоху бронзы. Об этом говорят находки изделий из шелка на Сапаллитепе в Сурхане [Аскарлов, 1973- С. Ш-134; 1977- С. 126]. В эпоху поздней бронзы-раннего железа экономические отношения с Китаем поддерживало также население Ферганы и Чача, что подтверждается находками ремесленных изделий на поселениях Укунбака (Циньбака), Чует и Бургулюк [Буряков, 2004. С. 24].

Таким образом, древние пути формировались на территории Средней Азии уже в эпоху камня. Широкое освоение человеком горных и предгорных районов, а также речных долин, меняющийся антропогенный ландшафт, зарождение производящих форм хозяйства, горного дела и металлургии, другие социально-экономические факторы способствовали формированию и поэтапной эволюции трасс внутренних и внешних экономических связей.

Гири, найденные на Саразме [Исамиддинов, 2002. С. 181], свидетельствуют, что в эпоху бронзы были известны эквиваленты, определяющие ценность товара [Сагдуллаев, 1987. К. 66-68; Ширинов, 1990. С. 441]. В это время появились центры обмена изделиями ремесла и сельскохозяйственной продукцией. О наличии дальней торговли свидетельствуют сосуды из золота и серебра, бронзовые изделия, найденные в Бактрии, Маргиане и Фергане

(Хакский клад), которые были изготовлены в Месопотамии, Эламе, в северо-восточном Иране, Белуджистане и Хараппе. Они проникали в регион в результате торговли и прямой миграции населения Передней Азии и представителей индской цивилизации в Среднюю Азию.

3- Третий этап развития коммуникаций региона датируется I тыс. до н.э. В этот период началось развитие древних городов и государств, металлургии, а также проявились новшества в социально-политической, культурно-экономической жизни, которые имели важное значение в расширении сети коммуникаций региона и формировании новых устойчивых маршрутов дорог регионального и международного значения [Аскарлов в соавт., 1990]. С. 5-8]. Экономические связи интенсивно осуществлялись между такими областями, как Парфия, Бактрия, Согдиана, Маргиана, Хорезм, Фергана, Чач и Уструшана [Сагдуллаев, 1990. С. 6-17].

Города и крупные поселения играли важную роль в системе торговых путей [Толстов, 1948. С. 74~76; Массой В., 1959- С. 63-73; Буряков, 1982. С. 70; Грицина, 199». С. 14-22; Сулейманов, гооо. С. 72-79; Исамиддинов, 2002. С. 35~39; Матбабаев, 2004]. В региональных социально-экономических отношениях стратегическое значение имели пути через такие горные перевалы, как Акратат, Кальтаминар (Гиссар), Тахтакарача (Зеравшанский хребет), Камчик, Куйипангар (Чаткало-Кураминская система), а также переправы через Амударью и Сырдарью.

Большую роль продолжают играть маршруты, связывавшие оседло-земледельческие оазисы Средней Азии с территориями расселения кочевых скотоводческих племен. В горных и предгорных, степных и пустынных районах развивается полукочевое и кочевое скотоводство — тип ведения хозяйства в оптимальной степени приспособленный к природным условиям [Акишев, 1972. С. 33~34; Омельченко, 2002. С. 196-199]-

В эпоху раннего железа и ахеменидский период появились новые направления транзитных дорог («Золотой», «Степной»), игравших особую роль в развитии внешних связей Средней Азии. В этот период важное место в экономических отношениях населения региона занимали Иран, Индия, Месопотамия, Египет, Передняя Азия, Алтай и Восточный Туркестан, Урал и Сибирь. Благодаря своему географическому положению Средняя Азия имела особое значение в транзитных связях Алтая с Ираном и Месопотамией, Индии с Алтаем и степями между реками Итиль и Яйик [Ртвеладзе, 1998. С. 19; Руденко, 1960. С. 292]. К началу I тыс. до н. э. началось регулярное использование двух маршрутов Степного пути из Алтая в Ассирию, а в последующем в города государства Ахеменидов. Он начинался на территории расселения кочевников [Геродот. С. 214-252; Ртвеладзе, 1998. С. 29; Ртвеладзе, 1991. С. д] и проходил через Среднюю Азию. Важное место во взаимоотношениях Средней Азии с Сибирью, Алтаем и Восточным Туркестаном занимали Ташкентский оазис и Семиречье [Буряков, 2004- С. 24].

Разработка серебряных и золотых рудников в Бактрии, доставка лазурита и сердолика из Согдианы и Бактрии в Переднюю Азию [Дандамаев в соавт., 1980. С. 86; Сагдуллаев, 1996. С. 27-29; Ртвеладзе, 1998. С. 18-19] свидетельствуют о ведущей роли экономических факторов в отношениях населения Древнего Востока и Средней Азии. В частности, важное значение имел трансрегиональный «Золотой путь», начинавшийся в районах расположения золотых рудников Горного Алтая [Руденко, 1961. С. 6], который проходил через Среднюю Азию и вел в крупные города Персидского царства.

В Во второй половине VI в. до н. э., во время правления Дария I, были заложены основы так называемой «Царской дороги», которая вела из города Сарды в Сузы и Персеполь. Среди торговых путей из Средней Азии в Персеполь, Сузы и другие центры, важное место занимала дорога Бактры-Мерв-Экбатаны-Персеполь-Сузы. Пути из городов Согда и Хорезма соединялись с ней в центральном городе Маргианы — Мерве.

Анализ таких фактов как доставка бадахшанского лазурита в Китай в середине I тыс. до н. э. [Кобзев, 2005. С. 6], находки изделий из нефрита на Чустском поселении, относящихся к началу I тыс. до н. э., а также изделий из шелка на Халчаяне, в древнем Термезе и других территориях [Ртвеладзе, 1998. С. 132-133] подтверждают, что связи Средней Азии с Китаем установились значительно ранее формирования Великого Шелкового пути.

Сведения о стране серов [Томсон, 1953- С 428,427~439! Абдухалик Абдурасул угли, 2005; Stein, 1921], поставлявшей шелк в Парфию и Римскую империю, свидетельствуют о наличии дорог, проходивших через Памир в Восточный Туркестан. Подчинение территорий на востоке до стран «фаунов и серов» во время правления греко-бактрийского царя Евтидема I позволило Бактрии установить контроль над этой важной трассой [Тамн, 1950. Р. 84-85]. О ведущей роли бактрийцев в транзитных связях региона свидетельствует тот факт, что в эпоху античности бактрийские купцы достигали Александрии Египетской и вели там торговлю [Ширкова, 1991]- Изготовленная в Бактрии продукция, в частности шерстяные кани, высоко ценилась в городах и столице Римской империи [Зелинский, 1976].

4. Следующий этап в эволюции торговых трасс относится ко времени установления регулярных политических и культурно-экономических связей между Средней Азии с Китаем (II-I вв. до н. э.), что явилось фактором расширения торгового пути, начинавшегося на берегу Средиземного моря и достигавшего северных территорий Средней Азии. Маршрут Чжан Цзяня [Бичурин, 1998. С. 151-158] стал основой формирования Шелкового пути. Если на начальном этапе он имел два направления — южное и северное [Ртвеладзе, 1998. С. 120; Хужаев, 2004. С. 77], то к началу нашей эры были освоены и другие направления [Хужаев, 2005. С. 362].

Города Средней Азии были вовлечены в активные международные отношения, осуществлявшиеся по Великому Шелковому пути. Внешние связи способствовали также расширению сети внутренних дорог. Развитие Великого Шелкового пути повысило значение Центральной Азии в системе международной коммуникации. Ранние маршруты торговых дорог из Китая и Кашгара через перевалы Тянь-Шаня находились под контролем государств Давань и кочевников усуней в Семиречье [Бичурин, 1997 С. 192; Ходжаев, 2004- С. 60-68]. Пути, проходившие через среднее и нижнее течение Сырдарьи, контролировались государством Кангюй [Буряков, 1982. С. 113]. Согдийцы, издавна занимавшие ведущее место в торговле, контролировали трассы между Амударьей и Сырдарьей [Ртвеладзе, 1998. С. юб; Беляева, 1990. С. 78; Сулейманов, 2000. С. 14-15]- Кушанское царство во время правления Канишки контролировало торговые пути от Восточного Туркестана до Северной Индии, по которым осуществлялись международные экономические, политические взаимосвязи с Парфией, Римской империей, Индией и Китаем [Уилер, 2005. С и 112; Пидаев, 1994- С. 52-53]-

Таким образом, период I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э. можно охарактеризовать как время формирования новых торговых путей, появления новых городов и торго-

экономических центров, как начало деятельности стационарной системы караванных дорог. В этот период строились дороги, мосты и придорожные сооружения, широко использовались вьючные и колесные транспортные средства, формировалась система услуг на караванных дорогах [Мавлонов, 2008. С. 251-311]-

Особую роль в системе коммуникаций региона играли водные пути. Начиная с эпохи бронзы, особенно раннежелезного века, было налажено строительство лодок и судов, начато систематическое использование водных путей по Амударье и Сырдарье. Зарождение судоходства в Средней Азии относится к глубокой древности. В период мезолита и неолита появились плоты и лодки для плавания на реках и озерах [Семенов 1963. С. 261; Алексеев в соавт., 1990- С. 224]. Изображение судна на петроглифах, относящихся к эпохе бронзы в Бештепе, расположенном в 70 км к югу от Нукуса [Толстов, 1948 С. 15, 75- Рис. 14], свидетельствует о том, что судоходство в Хорезме имело древние истоки. Изображения судна на булле из Каратепа в Старом Термезе, в живописи Афрасиаба дают важные сведения о средневековых средствах водного передвижения [Ртвеладзе, 2005. С. 247-248]. Согдийцы и хорезмийцы принимали активное участие в освоение водных путей по Каспию и Аральскому морю, что подтверждено соответствующими источниками [Страбон, 2004- С. зп; Бичурин, 1998. С. 155,188; Бартольд, 1965- С. 15-94; Ртвеладзе, 2005. С. 243; Мавлонов, 2008. С. 216-250].

Коммуникации способствовали распространению разных религий и учений, письменности и других культурных ценностей. Эти процессы происходили в результате тесных культурных контактов или миграции определенных этнических групп. Центральная Азия, расположенная на перекрестке стратегически важных транзитных караванных путей, связывала страны Запада с Китаем и Юго-Восточной Азией с одной стороны, Индии с Восточной Европой с другой. Народы региона сыграли большую роль в накоплении, сохранении, обогащении и передаче культурных достижений. В истории культурной жизни древней Центральной Азии прослеживается определенное влияние центров цивилизации Индии, Ирана, эллинистического мира и Рима, а также Китая. В свою очередь, народы Центральной Азии оказали огромное влияние на развитие культуры сопредельных стран. Культурные связи способствовали распространению передовых идей и технических новшеств. Интенсивное развитие взаимоотношений социально-экономического характера привело к появлению первичных и вторичных центров цивилизации [Ртвеладзе в цит. авт., 2000. С. 46].

По мнению большинства ученых, в ранние периоды развития южные и центральные районы Центральной Азии находились под экономическим и культурным влиянием древневосточных центров цивилизации. В результате этих контактов были освоены навыки ирригационного земледелия, гончарный круг, металлообработка, опыт градостроительства, система письменности. Однако следует учесть, что Центральная Азия была активным участником международных культурных взаимосвязей. Установлено, что культуры Хорезма, Согда, Бактрии и Маргианы даже в VI-IV вв. до н. э. существенно отличались от культуры ахеменидского Ирана. Кроме того, учение Заратуштры распространилось из Средней Азии в Иран и зороастризм стал здесь государственной религией [Сагдуллаев, 1996. С. 16-22]. По мнению некоторых специалистов, которые основываются на новых находках из Южного Согда, Ферганской долины и других территорий, еще до проникнове-

И ня в Центральную Азию арамейского алфавита местные народы имели свою систему
И письменности, которая рассматривается как вариант прототюркского рунического пись-
Иа[Содиков, 2004- С. ю-12].

И Таким образом, в развитии цивилизации Центральной Азии немаловажное значение
И имели системы коммуникации. Они изменялись и развивались под влиянием торговых,
И социально-политических и духовных факторов, способствовали не только экономическо-
И му росту, но и интенсивному культурному обмену и взаимовлиянию как внутри региона,
И ж и в межгосударственном масштабе.

Литература

- И Абдухалик, Абдурасул угли. «Ипак мамлакати» хакида // Узбекистан тарихи моддий
И маданият ва ёзма манбаларда: Илмий анжуман материаллари. Тошкент, 2005.
- | Аванесова Н. А. У истоков Шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого
• Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990-
- И Айтбоев А. Кадимда Марказий Осиё халкларининг кучиши хакида // Шарқшунослик.
! 1999- № 9-
- И Акишев К. А. К проблеме происхождения нomaдизма в аридной зоне древнего Казахстана
И // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972.
- И Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного обществ. Москва: Высшая шко-
И Ва, 1990.
- И Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973-
- И Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент:
И Фан, 1977-
- И Аскарлов А., Буряков Ю.Ф., Гуляев В. И., Сайко Э.В. Город в структурной органи-
И зации Шелкового пути // Формирования и развитие трасс Великого Шелкового пути
И в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного се-
И минара ЮНЕСКО. Ташкент: Фан, 1990.
- И Баргольд. В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших вре-
И мен до XVI века / Соч. в 8 томах. Москва: Наука, 1965. Т. III.
- И Беляева Т. В. К исторической топографии городов Уструшаны // Древняя и средневеко-
И вья археология Средней Азии. Ташкент: Фан, 1990.
- [Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древ-
И ние времена. В трех частях. Алмата: ТОО «Жалын Баспасы», 1998. Ч. II.
- И Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса.
И Ташкент, 1982.
- И Буряков Ю. Ф. Состояние металлургического производства в период возникновения
И г Авеслы // Ozbekiston tarixi. Ташкент, 2001. № 3.
- И Буряков Ю. Ф. Из истории горного дела и металлургии древнего Согда // Центральная
И Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-ле-
И тию Е. А. Давидович и Б. И. Литвинского. Москва, 2003.
- И Буряков Ю. Ф. Экономические и культурные связи Чача и Ферганы // Буюк Ипак йули
И ва Фаргона водийси. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. Ташкент, 2004.

- Васильев Л. Земледелие в Древнем Китае // Вестник истории мировой культуры. Москва, 1961. № 1.
- Геродот. История. В девяти книгах.
- Грицина А. А. К сложению городов и поселений на древних путях северной Уструшаны! // На Среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры.! Ташкент: Фан, 1990.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Л". Культура и экономика древнего Ирана. Москва, 1980
- Джуракулов М. Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зерафшана. Ташкент: I Фан, 1991-
- Журакулов М., Журакулова Д.М. Самарканд худудининг энг кадимги маданият тарихи сахифаси // Самарканд шахрининг умумбашари маданият таракдаёт тарихида тутган! урни. Халкаро илмий симпозиум материаллари. Тошкент-Самарканд: Фан, 2007.
- Заднепровский ЮА. Древнеземледельческая культура в Фергане // МИА. 1962. Москва, I Вып. и8;
- Зелинский А. И. Памир и Великий Шелковый путь // Народы Азии и Африки. Москва,] 1976. № 5-
- Исаков А. С. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины. Душанбе: Дониш, 1991-
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент: Халк I МерОСИ, 2002.
- Исламов УЛ1., Тимофеев ВЛ1. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: Фан, 1986.
- Касымов М. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Фан, 1972.
- Кирчо Л. Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана во второй половине IV—III тыс. до н. э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Матер. Международного науч. симпозиума, поев. 2750-летнему юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд: Фан, 2007.
- Кобзева О. П. Великий шелковый путь: история и современность. Ташкент: Фан, 2005.
- Крамер СЛН. История начинается в Шумере / Пер. с английского Ф.Л. Мендельсона. Предисловие, переводы шумерских поэтических текстов и комментарии В. К. Афанасьевой. Москва, Наука, 1991-
- Крахмаль К. К истории возникновения гипотезы о Центральноазиатском центре происхождения человека // O'zbekiston tarixi. Ташкент, 2003. № 2.
- Крюков М. В. У истоков древних культур Восточной Азии // Народы Азии и Африки. 1964. № 6.
- Культура и искусство Вавилонии, Ассирии и соседних стран. Москва, 1953-
- Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад: Ылым, 1987.
- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезо-америка. 1991-

- Нордкипанидзе Л. Н. История геологического изучения Узбекистана в системе цивилизации Азии. Ташкент: Гидроингео, 2001.
- Иукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта // Пер. с англ. В.И. Савченко. Москва: Иностр. лит., 1952.
- Мавлонов У. Марказий Осиёнинг қадимги йуллари. Тошкент: Академия, 2008.
- ассон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953-
- Массой В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. Москва-Ленинград, 1959-
- Массой В.М. Средняя Азия и Древний Восток. Москва-Ленинград: Наука, 1964-
- Массой В.М. Алтын-депе: (Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане)
- Труды ЮТАКЭ. Ленинград: Наука. 1981. Т. XVIII.
- Массой В.М. О культурных стандартах в древнейших земледельческо-скотоводческих обществах // Древний Восток и мировая культура. Москва, 1981.
- Массой В.М. Массой В.М. Алтын-депе — город бронзового века // Сквозь века. М. 1986.
- Вып. 2.
- Массой В.М. Средняя Азия и Индия: 5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
- Матбабаев Б.Х. Древние города Ферганской долины (по археологическим материалам) // Буюк ипак йули ва Фаргона водийси. Республика илмий-амалий анжумани материал-Вари. Тошкент, 2004.
- Омельченко А. В. Влияние климатического фактора на хозяйство скотоводческих племен Евразии в эпоху бронзы // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.
- Пидаев Ш. Р. Кухня Термиз ва «Буюк ипак йули» // Буюк ипак йулидаги Марказий Осиё шарлари. Самарканд, 1994-
- Ртвеладзе Э.В. По Великому шелковому пути. Алма-Ата: КРИСТАЛ-Реклама, 1991.
- ! Ртвеладзе Э.В. Великий Шелковый путь. Ташкент, 1998.
- Ртвеладзе Э. В., Саидов А.Х., Абдуллаев Е. В. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент, 2000.
- Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент. 2005.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в Скифское время. Москва-Ленинград, 1960.
- Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии. Москва, 1961.
- Сагдуллаев А. С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987.
- : Сагдуллаев А. С. К эволюции древнейших путей на юге Средней Азии // На Среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент: Фан, 1990-
- Сагдуллаев А. С. Кадимги Узбекистан илк ёзма манбаларда. Тошкент, 1998-
- Сагдуллаев А. С. Средняя Азия и Индия. Формирование и развитие ранних путей историко-культурных связей // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
- Сагдуллаев А. С. Кадимги Урта Осиё тарихи. Тошкент: Университет, 2004.
- Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А. Фергана. Чустская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва: Наука, 1985.
- Сарианиди В. И. О великом Лазуриновом пути на Древнем Востоке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Москва: Наука, 1968. Вып. 114.
- Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука, 1963.

- Содикрв Қ.** Кук турк битиклари: матн ва унинг тарихий талкини. Тошкент, 2004.
- Страбон.** География. В семнадцати книгах / Пер. с греч., вступ. статья и комм. Г. А. Стратановского. Москва, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
- Сулейманов Р. Х.** Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
- Толстое С. П.** Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Изд. МГУ 1948.
- Томсон Дж. О.** История древней географии. Москва, 1953-
- Уилер М.** Древний Индостан. Раннеиндийская цивилизация / Пер. с английского С. К. Меркулова. Москва: Центрполиграф, 2005
- Франкфорт А. П.** Существовал ли Великий шелковый путь во II—I тыс. до н.э. // • Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989.
- Холматов Н.У.** Общее и особенное центральноферганского и сазаганского неолита // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Самарканд, 1992
- Чайлд Г.** Древнейший Восток в свете новых раскопок / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. Москва: Изд. иностр. лит., 1956.
- Ширинов Т. Ш.** Древнейшие торговые пути Средней Азии (III-II тыс. до н. э.) // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.
- Ширинов Т. Ш.** *Связи Средней Азии и Индийского субконтинента во II тысячелетии до н.э. // Индия и Центральная Азия (доисламский период).* Ташкент, 2000.
- Ширкова Т. А.** Египет и Кушанское царство. Москва, 1991-
- Ходжаев А.** Сведения древних китайских источников о городах-государствах Фергана (Дайюань) // Буюк ипак йули ва Фаргона водийси. Республика илм. -амал. анжумани материаллари. Тошкент, 2004-
- Хужаев А.** Яйлов йули // Узбекистон Миллий энциклопедияси. Тошкент: Узбекистон Миллий энциклопедияси Давлат нашриёти, 2005. ю-жилд.
- Хужаев А.** Буюк ипак йули: муносабатлар ва такдирлар. Тошкент: Узбекистон миллий энциклопедияси. Давлат илмий нашриёти, 2007.
- Fairservis W.** Excavations in the Quetta Valley. — New York, 1956.
- Melaart I.** Anatolia, c 4000-2300 b. c Cambridge, 1956.
- Stein A.** Serindia. Detailed of Archeological exploration in Central Asia and Westmont China. I Ohus, 1921.
- Tarn W. W.** The Greeks in Bactria and India. — Cambridge, 1950. — P. 84-85.

Х. Матякубов
Узбекистан

ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Хорезмский оазис с развитой материальной и духовной культурой является одним из древнейших центров Центральной Азии. Широкомасштабные археологические исследования, проводимые с 30-х годов прошлого столетия, свидетельствуют о том, что в многовековом процессе социально-экономического и культурного развития региона, начиная с VI в. до н. э., древний Хорезм являлся одним из центров ранней государственности и фундаментом его духовных основ. Как свидетельствуют материальные и письменные источники, к середине I тысячелетия до н. э. в Хорезме имелись все исторические условия для перехода к государственности. Начиная с той поры отмечается развитие в хозяйственной жизни оазиса сети ирригации, связанной с градостроительством и поливным земледелием. Начавшиеся формирование в ту пору крупные ирригационные системы и оборонительные сооружения, возведенные благодаря вековым научно-практическим знаниям, определенным планам и точным расчетам, несомненно, являются продуктом высочайшей материальной и духовной культуры населения этого региона.

Известно, что важным признаком любой государственности является наличие культуры письма. Несмотря на то, что в Хорезме выявлены неопровержимые признаки, присущие древней государственности, образцы письма, относящегося к данному периоду науки не обнаружены. Природно-климатические условия Хорезма, близость грунтовых вод к поверхности земли (в некоторых местах 30-40 см), возможно, не способствовали сохранению до наших дней редких образцов письма.

Первые образцы письма в Хорезме найдены на памятнике Айбуйир-кала, относящимся к IV веку до нашей эры — I н. э. Короткая надпись на кувшине сделана на арами, по мнению ученых, в ней указана вместимость сосуда [Мамбетуллаев, 1990. С. 99-100]. Данная находка является самым древним образцом письма не только в Хорезме, но во всей Средней Азии.

На памятнике Кой-крылган-кала (III-IV вв. до н. э.) в нескольких кувшинах также обнаружены образцы письма древнего Хорезма. Надписи сохранены плохо, что представляет огромную трудность для их прочтения. Исходя из графики сохранившихся букв установлено, что они выполнены на восточном языке ираноязычным алфавитом арами [Кой-крылган кала, 1967. С. 221-222; Лившиц, 1962. С. 38].

Древняя согдийская и парфянская письменности Центральной Азии, основанные на алфавите арами, хоть и являются родственными по происхождению, но каждая начиная с III-IV в. в. до н. э. отделилась от традиционного арами и стала развиваться самостоятельно [Исхаков, 2008. С. 24-25]. То же характерно и для хорезмского письма, историческое развитие которого продолжалось около тысячи лет, вплоть до VIII-IX вв. нашей эры. Хорезмский алфавит состоял из 22 букв и, по мнению ученых-языковедов, больше всех других алфавитов Центральной Азии сохранил черты арамейского. В ходе длительного исторического развития местное письмо претерпело важные функциональные изменения и в первой четверти I тысячелетия нашей эры достигло совершенства.

Наибольшее количество хорезмских писем того периода найдено на памятнике Топроккала. В его государственном архиве сохранились ценные и редкие письменные реликвии, относящиеся III—IV вв. нашей эры. Развалины данного города, расположенного на территории Элликалинского района, были приняты С. П. Толстовым за столицу Хорезмшахов. Однако исследования, проведенные за последние годы показали, что Топроккала, полностью основанный на ремесленничестве, был лишь резиденцией падишахов древнего Хорезмского государства, а не столицей [Труды ХАЭЭ, 1984— С. 287]. Сегодня получил свое научное подтверждение факт, что столицей Хорезма с IV по III в. н. э. была крепость Акчаханкала, расположенная в 15 км южнее горных систем Султан-Увайс, в Берунийском районе Республики Каракалпакстан [Ходжаниязов в соавт., 2002.].

В процессе раскопок письменные документы были обнаружены в четырех комнатах в юго-восточной части центрального массива комплекса Топроккала. Эти письма известны в науке как архив Топроккала, из них 19 текстов на дереве и 8 текстов на коже, последние сохранились несколько лучше. Их первичный палеографический и источниковедческий анализ опубликовал в своих трудах известный археолог, этнограф С. П. Толстов [1949! 1952. С. 42-44; 1958. С. 208-211; 1962. С. 215-222], а историческая и языковедческая интерпретация более тысячи восстановленных образцов писем сделана согдиологом В. А. Лившиц.

С. П. Толстов, первым изучавший архивные документы Топроккала, разделил их на две группы: письма, выполненные на коже и письма на деревянных дощечках. Из многочисленных писем, выполненных на коже, лишь в 8 документах фразы сохранились относительно хорошо. Исходя из стиля написания текста, значения слов и идеограмм, встречающихся в них, С. П. Толстов с самого начала установил, что письма на коже являются ведомостями административно-хозяйственной сферы. Условно назвав документы на коже К-1, К-2,... К-8, остановимся на их содержании [Труды ХАЭЭ, 1984. С. 254-264].

В документе К-1 сохранилась запись в го-строк, впервые их трактовку дал С. П. Толстов, а позже с несколькими изменениями — В. А. Лившиц. В начале 1, 3, 5 > 9 и 11-17 строк имеется идеограмма на арами MN, которая соответствует предлогу «дан» (от). Рядом с ним идут имена лиц. Записи на 15-17 строках С. П. Толстов прочел в форме TN «тан», «бадан» (тело). В. А. Лившиц считает, что данное сочетание букв можно прочесть как SN (осетин, «соен» - «май» (вино). Во 2 строке документа идеограмма на арами SMYD, означающая «мука», в остальных строках указано в каком количестве именно и кем доставлен этот продукт. Еще одно историческое значение данного документа состоит в том, что в 18 строке его приведена дата по счету определенной эры. Текст написан как BSNTIIC XX XX XIIYHYB. Исходя из того, что идеограмма BSNT означает «год», YHYB на арами yhb «давать», данную фразу переводят как «выдано в 252 году» (С. П. Толстов читает как 231 год). Сохранившиеся на документе другие записи являются идеограммами, указывающими на имена людей и количество доставленной продукции. В общем, все сохранившиеся в документе К-1 записи можно прочесть следующим образом:

1) от... г) 13 мука з) от... М... 4) 13 (?) 5) от Т... 6) 19 7) - от Хваса 8) от... 25 9) от Кундака ю) от... 25 и) от Абс... 12) от Маргвы 13) от Рахйармака 14) от Вахвашпаса 15) от Ораштака 11 (-?) Хин 16) от Абгавфарна 10 (-?) Хин 18) дано в 252 году 19) Х... (дал?) Кар... 20) 200... Из текста видно, что в первой части указана доставка лицами муки, а во второй части записано о приеме какого-то продукта (вина?).

Документ К-2 несколько короче, состоит из 4 строк. И в данном документе имеются идеограммы на арами BSNT, MN, в 4 строке употребляется арамейское слово sxg (или sxd), Хорезмское сахг — «колесо». Текст можно перевести:

1) в 231 году (дано) 2) Фрагарт оглы Дуруку, ва ... 3) от Шиартава ... 4) — ю колес.

На одной стороне документа К-3 имеется запись в 6 строк, а на другой в 4 строки, которые также отражают сведения связанные с приемом-сдачей муки. Аббревиатура S употребляется в нем для обозначения количества муки.

Исходя из своеобразия и сочетаний букв (графем) в 5-строчной записи на документе К-4, сохранившейся не очень хорошо, и того, что они редко встречаются на других документах, В.А. Лившиц считает данный документ самым древним образцом письма из Топроккала.

В документе К-5 имеется запись в 4 строки. На 4-ой строке данного документа, а также на 3, 4 и 8-ой строках документа К-6 встречается аббревиатура у. В записях, сохранившихся на грунте, данная аббревиатура используется для обозначения количества вина (HMR y..., т. е. «вино в количестве ...»). Аббревиатура у является письменной формой Хорезмской меры объема угw (др. иранск. grīva, парф. griv) арами grb, grīb. Однако количество данной единицы измерения в хорезмских документах не указано. В документах из Топроккала не употребляется единица измерения пну, встречающаяся в памятниках, предыдущих периоду Айбуйир-кала (V-IV в. в. до н. э.). Возможно, вместо пгу в данный период употребляли угw.

Документ К-6 состоит из 8 строк. Исходя из наличия в них аббревиатур S и у, можно сказать, что это запись, связанная с административно-налоговой регистрацией. И этот документ указан с определенной датой, на i-ой строке сохранилась лишь идеограмма BSNT. Женские имена, приведенные в тексте, свидетельствуют о том, что владельцами домов, подвергшихся налогообложению, являются женщины.

Учитывая, что в документах на коже много идеограмм арами, цифровых знаков, единиц измерения количества (объема), наименований различной продукции и что они повторяются, эти документы можем считать финансово-хозяйственными списками обязательств и платежей граждан и семей, подвергнувшихся налогообложению.

Документов, написанных на дереве больше чем выполненных на коже, всего 19 экземпляров (документы I-XIX) [Труды ХАЭЭ, 1984]. Документы I-V и VI-XV в научной литературе называют «списками семей», первые считаются наиболее значимыми и хорошо сохранившимися образцами письма из Топроккала. Документы XVI-XIX являются хозяйственными и отличаются краткостью записей — всего 4~5 строк.

Документ I, выполненный на дереве, состоит из 26 строк в три столбика. В нем приводятся имена 21 мужчины: владельца дома, 2-х сыновей, зятя и у/ рабов.

Полностью восстановленный вариант списка можно привести в следующем виде: i) дом Гаунашами; 2) Гаунашами (сыновья); 3) впервые присутствующий M...; 4) впервые присутствующий Фрияхваш; 5) зять Гавфарнак; 6) рабы: 7) Сатаёодак; 8) Катфанак; 9) Душитанак; 10) Хвашак; и) Фрабодак; 12) Мартисак; 13) Михрибартак; 14) Хварзбанак; 15) Рандкасак; iб) Савбагдак; 17) Беварсавак; 18) Вахушмари; 19) рабы владелицы дома; 2<э) Размбеварак; 2l) Ританак; 22) рабы детей 23) Как; 24) Фарнабгавик; 25) раб внебрачного сына; 26) впервые присутствующий Дартеганак.

Документ II состоит из 10 строк, выполненных на левой и правой стороне дощечки с ручкой. Стиль его написания очень схож с документом I. В документе приводятся 15 мужских

имен — владельца дома, двух его сыновей, 12 рабов: ю рабов владельца дома и его сыновей, 2 раба хозяйки дома.

В документе III (го строк в три столбика) — 2/ мужских имен: хозяин дома, зять и 15 рабов. Документ IV включает 15 мужских имен: хозяин дома, двое сыновей и 12 рабов.

В документе V приведены 4 мужских имени: хозяин дома и три раба. Один из рабов принадлежал хозяину дома, другой хозяйке и третий матери хозяина.

В оставшихся документах VI-XV вв., выполненных на дереве, также приводятся списки домов, количество лиц в них меньше чем в предыдущих документах, тексты составляют 2-3, самое большее 6-7 строк. Стил и техника написания данных документов очень сюжи, в них повторяются термины и фразы. Во многих случаях фиксируются имена, происхождение которых близко к иранскому языку.

По сути «списки домов» можно принять за списки взрослых мужчин, составленные в мобилизационных целях. Предположение, что документ мог быть подготовлен для налогообложения населения, далеко от истины, так как в древности в странах Передней Азии налогами облагались лишь лица в возрасте и свободные граждане.

В документах часто встречаются идеограммы арами ВУГ («дом», «семейство»), ВДп' («раб») и 'yt. Последнее в документах I-V употребляется 26 раз. С. П. Толстов прочитал данное слово как 'ZT (азат-«свободный член общества») [1962. С. 220]. Позже В. Б. Хеннинг и В. А. Лившиц пришли к выводу, что данная идеограмма имеет значение «явившийся» (пришедший), «впервые регистрируемый».

В «списках домов» большую часть составляют имена рабов. В документах I-V их количество составляет 59- Однако делать окончательные выводы о статусе и весомости рабов в социальной жизни Хорезма в начале нашей эры по этим документам, считаем, было бы логически не верным. Имена рабов, приведенные в «списках домов» все хорезмские (точнее иранские). Правильнее было бы считать, что в документах говорится о рабах хорезмийцах, принадлежащих хозяину дома — главе патриархальной семьи. Однако не следует забывать, что обозначаемый идеограммой 'ВДп' общесемитский термин 'bd («раб») одинаково употреблялся в значениях раб божий, «тобеин» — раб падишаха, раб хозяина-кормильца, т. е. обозначал любого зависимого человека. Поэтому идеограмма 'ВДп', встречающаяся в документах, не дает возможности представить точно степень зависимости рабов Топраккала. Исходя из содержания документов, слово 'ВДп' можно толковать как «слуга» (прислуга).

2-ая группа документов включает 4 дощечки. Текст относится к XVI-XIX вв.

Документ XVI написан на обеих сторонах в пять столбиков. Документ XVII состоит из 2 строк. Исходя из имеющейся идеограммы sxg — «колесо», можно полагать, что это оформление приема-сдачи (купли-продажи) данного товара.

Запись, сохранившаяся в 4 строках документа XVIII в., можно перевести следующим образом: 1) ... 1 вол; 2) ю баранов ... 3) 4 вола ... 1 баран ... 4) от ... 2 скота.

В документе XIX в. из 4 строк отражена запись о какой-то отданной вещи. Исходя из наличия в 3-ей строке идеограммы 'LH' («божество», «бог»), можно предположить, что данная вещь принесена в качестве жертвоприношения или дара.

Ещё одну группу письменных памятников, найденных в Топраккала, составляют письма, отразившиеся на грунте или камнях. Тысячи образцов документов, имеющих значение для глубокого исследования социально-экономической структуры общества

И того времени. Их восстановление требует большой и кропотливой работы. В большинстве случаев вернуть первоначальное состояние невозможно, однако и небольшое количество дошедших до нас образцов письма дает основания делать некоторые исторические выводы.

В записях, отразившихся на грунте, часто встречаются слова арами HMR (вино) и SMYD' (мука). Доставка вина обозначена идеограммой MN KRMYN (доставлено из виноградника; в письменных документах, найденных в древней столице Парфии — городе Нисо данная идеограмма употребляется именно в этом значении). Наличие в записях идеограммы 'MR' [(в Библии и арами 'тг — «барашек») указывает на то, что в документах отражена доставка скота. Частичная сохранность текстов усложняет уточнение значения идеограммы D'wn'. Можно лишь предположить, что речь идет об обязательствах по доставке вола или коровы (др. перс, YW — корова). То что колесо принималось как средство оплаты подтверждает наличие в письмах идеограммы sxg (sxd, SHR?) — «колесо», ибо данное слово не раз повторяется во всех документах.

Идеограмма MSRH' (или MSDH') может быть несколько измененным в хорезмских текстах арамейским словом msh' (misha) — «масло», «жир».

В записях, отразившихся на грунте, дважды встречается идеограмма 'LHY'. Известно, что в арамейских ('LHY — 'laha), парфийских ('LH' = bag), пехлавийских ('RHY - bay) текстах это слово употребляется в значении «бог» или «властелин». И в письме Топроккала данная идеограмма, вероятно, имела, тот же смысл и регистрируемая вещь могла быть представлена как в качестве жертвоприношения — дара богу, так и подарка правителю представителем зависимой от него категории людей.

В заключение можно отметить, что до наших дней сохранилась лишь очень незначительная часть письменных источников древнего Хорезма. Однако эти редкие письменные памятники служат для расширения наших знаний о социально-экономической жизни хорезмского общества древних времен.

Известно, что в Древнем Востоке, в частности в Центральной Азии и Хорезме, государственные объединения основывались на власти религиозно-светских династий. С этой точки зрения дворцово-храмовый комплекс Топроккала была семейным центром-резиденцией местных правителей Хорезмшахов. Можно предположить, что в найденных документах перечислены дары населения в виде кафсан светскому правителю, а не массовые налоговые обязательства. В Древнем Востоке города вплоть до средних веков были тесно связаны с сельским хозяйством и земледелием. Об этом свидетельствуют и виды сельхозпродуктов в документах Топроккала. Экономическую основу городов составляли доходы от земли. Кустарничество и торговля хоть и занимали определенное место в экономической основе городов, не могли достичь уровня городов Запада. Древние города на Востоке не могли выйти за рамки городов аграрного характера. Ибо для этого владение землей должно было иметь очень крупные масштабы, что и произошло в Средней Азии в X-XI вв.

Литература

Исхаков М. Центральная Азия в системе мировой письменной культуры. Ташкент, 2008. Кой-кырган-кала. Москва, 1967.

Х. МАТЯКУБОВ

Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии. Народы Средней Азии и Казахстана. Москва, 1962. Вып. I.

Мамбетуллаев М. Городище большая Айбуйир-кала. Археология Приаралья. Т., 1990. Вып. IV.

Толстое С. П. Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1949, № 3-

Толстов С. П. Труды Хорезмской экспедиции. Москва, 1952. Т. I.

Толетов С. П. Труды Хорезмской экспедиции. Москва, 1958, Т. П.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962.

Труды ХАЭЭ. XIV. Топраккала. Дворец. Москва, 1984-

Ходжаниязов Г. Х., Хелм С. У., Снеддон Э. Археологические исследования на городище Акчахан-кала в 2001 году. Самарканд. 2002.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

SPIRITUAL CULTURE AND ART OF PEOPLES OF CENTRAL ASIA: COMMONALITY AND DIFFERENCE

А. Хакимов
Узбекистан

ИДИОМАТИКА СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Исторический опыт развития цивилизаций Центральной Азии показывает, что в регионе на протяжении многих веков развития была выработана своеобразная и уникальная модель единства многообразий. Регион издревле был местом пересечения традиций западных и восточных цивилизаций. Причем в доисламское время понятие Запад для среднеазиатского междуречья имело иное значение. Средняя Азия, именуемая сегодня Центральной, в тот период для культур и цивилизаций к востоку от нее культурно-географически являлась Западом. Ситуация изменилась в VIII веке. С этого времени Средняя Азия входит в культурный мир ислама и прежние координаты меняются. Теперь регион представляет универсальную исламскую культуру Востока, ментально противопоставляемую христианскому Западу [Хакимов, 2007].

I В условиях исторического взаимодействия в регионе оседлых (городских) и кочевых (скотоводческих) народов значение ислама для них было разным. Ислам как городская религия в первую очередь распространился в среде оседлого населения региона — предков узбекского и таджикского народов, которые стали опорой новой религии в регионе. Кочевые народы — предки казахов, киргизов — приняли ислам несколькими столетиями позже и в их культуре прежние верования и законы кочевой жизни сохраняли свою силу и часто брали верх над установлениями шариата. У туркмен это соотношение было более сбалансированным, но, в целом, кланово-номадическое сознание всегда стояло выше религиозных правил. Этот фон во многом определял культурное восприятие мира народами региона. Центрально-азиатская цивилизация вобрала в себя две составляющие — цивилизации кочевников и оседлых земледельцев, взаимно обогащавших друг друга и создавших важные цивилизационные основы исторического развития региона. Номадизм и урбанизм Центральной Азии — характерная особенность ее исторического развития. Нами подчеркивается неприемлемость конфронтационно сопоставительных оценок (номадизм или урбаноцентризм).

[Атеистическая концепция советского времени (1917-1990 гг.) кардинально изменила облик быта, культуры и искусства народов региона. Но как показала практика политической и культурной жизни независимых государств, прежние религиозные и этнокультур-

ные традиции не были забыты, их значение стало весьма существенным фактором развития новых обществ, их идеологии и культурной ментальности.

С обретением независимости закономерное и интенсивное стремление государств региона к исторической самоидентификации объясняется так называемым феноменом национального признания. Как писал в начале 1990-х годов Фрэнсис Фукуяма. «Национализм сейчас на подъеме в таких регионах, как Восточная Европа и Советский Союз, где народы долгое время отказывали в признании их национальной идентичности, но и в самых старых и надежных национальных государствах мира национализм претерпевает изменения. Требование национального признания в Западной Европе одомашнено и согласуется с универсальным признанием...» [Фукуяма. С. 13]. Бурный процесс роста национального самознания вызвал интерес к собственной национальной истории, религии и поэтике традиционной культуры в отдельных молодых государствах региона и мы можем уверенно говорить о поисках «национальных идентичностей» как своеобразном проявлении региональной идентичности. На наш взгляд, сегодня тенденции к сознательной или бессознательной дезинтеграции в искусстве региона выглядят более очевидными, нежели попытка демонстрации «региональной идентичности». В этой связи, нам представляется более точным говорить об интенциях к интеграции, а не о «региональной идентичности», которая имела место в историческом прошлом и которая возможно появится в будущем, но едва ли близком.

Сегодня одна из наиболее острых проблем современного и будущего развития культуры и искусства региона — выбор путей развития национальных культурных парадигм в XXI веке в условиях преобладания в каждой из республик того или иного пласта традиций — конфессиональных (Таджикистан, Узбекистана), этнокультурных и этнобытовых (Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан). Это оказывает существенное влияние на характер адаптации западных инноваций, проникающих в современную художественную практику региона. В качестве ведущих ценностных ориентиров новой культурной политики во всех государствах региона был провозглашен симбиоз национальных и общечеловеческих ценностей — эти две составляющие придали своеобразие современным эстетическим поискам в искусстве региона. Снятие железного занавеса позволило напрямую соприкоснуться с творческим опытом и авангардными явлениями современного мирового искусства. Таким образом, мы наблюдаем картину, когда, с одной стороны, усилились модернистские тенденции в искусстве государств региона, с другой — стали очевидными апелляции к традиционным пластам эстетического сознания.

Имманентные трансформации в искусстве государств региона сопровождались и серьезными изменениями в отношении к искусству самого общества, его роли и места в изменяющемся культурном обиходе нации. В связи с усилением позиций исламской религии обострилась ранее не ощущавшаяся оппозиция «ислам и светское искусство». Новая этнокультурная среда потребителей искусства вызвала новые импульсы художественной культуры, появились новые критерии и отсчеты в творческом процессе. Авангард и традиционализм отразили противостояние представлений о предназначении искусства, сложившихся в общественном сознании. Наследие и современность порой стали представляться полярными, антагонистическими категориями, глобализация искусства как проявление анти-традиции воспринимается определенной частью населения как враждебная культурная интервенция.

В условиях, когда нет диктата Москвы и идеологических догматов соцреализма, возникает проблема формирования новой художественной парадигмы. В то же время, культурно-политика независимых государств отличается друг от друга, что создает новый теоретический дискурс, в котором выявляются такие приоритетные факторы развития современного искусства во всех республиках, как религиозный, этнокультурный и глобализационный. Между предпочтениями в отношении этих трех составляющих и формируется своеобразие национальных искусств в государствах региона.

Одной из таких составляющих является постмодернизм. Расплывчатость самого понятия «постмодернизм», его плохо окаймляемая стилевая дефиниция позволяют включить в зону постмодернистских явлений практически любую современную культурно-философскую инновацию. Между тем очевидно, что постмодернизм — это явление, преимущественно характерное для институций западного общества, с приоритетом нигилистического восприятия и обостренной антиутопической философией. Эти концептуальные архетипы постмодернизма составляют семантику современного искусства Запада и адекватны его социополитической конструкции. Нигилизм, правда иного образца, был свойственен движению московского андерграунда конца 1980-х годов. Так, например, в период перестройки московский соц-арт как проявление неофициального искусства оказался параллельным западным моделям постмодерна, став его «самобытным стилистическим ответвлением». Хотя российский постмодернизм географически и ментально ближе к европейскому аналогу, тем не менее и в его дефинициях существует много спорного и неясного [Берг]. По мере продвижения на восток — сначала в Россию, а затем в регионы Центральной Азии эта постмодернистская традиция теряла свою первоначальную силу и аутентичность, образуя новые модификации и ответвления. Речь идет о характере трансформаций принципов европейского постмодернизма в восточных регионах: является ли это расширение зоны полноценным или остается на уровне восприятия внешних атрибуций, без углубленного осознания самих концептуальных основ феномена. Постмодернизм — это не просто пластические рефлексии, но во многом социально-философский феномен, способный полноценно функционировать на определенной стадии развития демократических институций общества. Для полноценного существования таких концептуальных феноменов в евроазиатской среде (даже максимально европеизированной), субстанционально инициированных социальной антиутопией западного толка, необходима соответствующая атмосфера и условия вне поля художественных факторов. Итак, постмодернизм — не столько пространственная форма и не столько пластический инструментарий, а философия восприятия жизни. Некий набор определенных критериев оценки современности. Социально-протестный пафос, его философский нигилизм, ирония и самоирония, гротеск, дискретность и сознательная хаотичность повествования, скептицизм и альтернативная пластическая форма, толерантность, доведенная до эклектики, стирание различий между элитарным и массовым сознанием — все это находится в арсенале постмодернизма [Хакимов, гооб. С. 13].

Практика инновационных проектов — инсталляции, концептуальные проекты, видеоарт, перформансы — с конца 1990-х годов становится привычной для региона. Идеинная установка исламской теологической доктрины на нейтрализацию собственного Я в пользу высшего Абсолюта подсознательно близка художникам Узбекистана и Таджикистана. Возможно, этот историко-мировоззренческий дискурс объясняет приверженность нацио-

нальных живописцев Узбекистана к социально-индифферентной, лирико-романтической с гедонистическими интонациями эстетики. С другой стороны, в искусстве Узбекистана \ последних лет можно отметить новую тенденцию — стремление художников к философской интерпретации социальной проблематики. Возникает ощущение, что поиск национальной идентичности переместился в зону, в которой прежняя арт-модель социально индифферентного мышления уступает место более концентрированной на жизненно важной проблематике художественно-философской точке зрения. В Казахстане и Кыргызстане вековые традиции номадической культуры обусловили особое отношение к традиции — уважительное, но не догматическое. Именно в этих республиках начались первые в регионе и достаточно радикальные эксперименты по созданию инсталляций, перформансов, видеоарта, связанные с постмодернистской парадигмой западной культуры. У киргизских художников-актуалистов (Ч. Осмонова, А. Сейталиев, У. Джапаров, Г. Трякин-Бухаров и др.) постмодернистская десакрализация советских ценностей проявляется в целом ряде работ. Тем не менее антиутопическая интонация в них достаточно мягкая и неконфронтационная. У художников Казахстана более жесткая, провоцирующая, эпатажная лексика, подсознательно ассоциирующаяся с архетипами сакрально-номадического сознания (А. Менлибаева, Е. Мельдибеков, А. Угай). На первый взгляд, общий уровень интерпретации постмодернистских форм и жанров во всем регионе позволил говорить о вярности, определенной имитационности центрально-азиатских экспериментов. В то же время, это не совсем корректная оценка. Такое ощущение возникает не в силу отсталости профессионального или ментального уровня местных художников, а в силу существования онтологических различий в современной ситуации на Западе и на Востоке; художники лишь отражают эту неадекватность. Создается искусство, которое не хуже и не лучше, просто оно — другое.

Искусство Центральной Азии на рубеже XX-XXI вв. меняется на глазах. С арт-сцены региона уходит творческая элита, оставившая миметическое художественное наследие, современное поколение артистов пытается найти собственный язык изложения, адекватный вызовам мировой и отечественной истории и эстетики, актуальные формы искусства — инсталляция или видеоарт — сами по себе не являются показателем тектонических сдвигов в художественном сознании. В поисках национальной и культурной идентичности главным критерием является наличие нестандартных творческих идей, с одной стороны, сохраняющих автономию эстетического пространства, а с другой — способных продвинуть общественное сознание к прогрессивным формам социальных институтов.

Период независимости в государствах региона отмечен заявлениями о построении в них гражданского общества, стремлением к социальной модернизации и открытости культурного пространства. Рыночная экономика, политические свободы, демократизация обуславливают усиление роли искусства в общественном процессе с максимальным вниманием к индивидуальному дискурсу. Если исходить из мирового опыта динамики соотношения искусства и политики, то значение искусства в формировании стратегий цивилизационного развития региона с каждым годом должно возрастать. Во всяком случае, новейшая западноевропейская история показывает, какой важный вклад внесло искусство в формирование демократического сознания европейского обывателя. После глобального кризиса 2009 года идеи либеральных ценностей, рыночной экономики и феномена демократии

И стали подвергаться переоценке. Возникла мировоззренческая ситуация в Универсальной истории (термин Фукуямы), когда в условиях недоверия либеральной рыночной философии, вызвавшей глобальный экономический кризис, государство, а не свободный рынок, становится главным регулирующим игроком. Соответственно, предшествующие ценности и непоколебимость либеральной демократии, в известной мере, подвергаются десакрализации и частичной корректировке. Хотя социальный нигилизм и стал ипостасью постмодернизма последних десятилетий в западном искусстве, тем не менее сегодня в мировом арт-поле намечается некая настороженность в однозначном опровержении либеральных идей. Эсхатологическая игра западных художников актуалистов, поверивших в возможность бесконечной критики собственного же либерализма, который, как они считали, в принципе непоколебим и в этом смысле выдержит все их философские натиски, столкнулась с серьезным испытанием. В условиях, когда шанс потерять прежние либеральные ценности, составляющие их неотъемлемый антропологический ландшафт, ими же двусмысленно и порой лукаво опровергавшиеся (вспомним в среднеазиатской традиции, когда родители чертыхают детей в апотропеических целях — сакральный ритуал как обман демонов и злых сил), становится реальным, художники — актуалисты, как нам кажется, или будут акцентировать внимание на автономных задачах художественного пространства или способствовать гуманизации и смягчению прежних радикальных идей и жестов.

В региональном контексте ожидается усиление роли искусства как проводника демократических и либеральных идей, которые, несмотря на их временную девальвацию из-за глобального мирового экономического кризиса, не теряют для государств региона своей актуальности.

Литература

Хакимов А. Историко-культурный и художественный контекст центральноазиатской идентичности // Проект «Коллоквиум III. Искусство Узбекистана. Динамика идентичности». Ташкент. 2007.

Фукуяма Ф. Конец истории. Электронный вариант книги. Адрес сайта в Интернете: http://polbu.ru/fucuyama_lastman/choo_i.html

Берг М. Указанное сочинение 1 глава. Электронный вариант книги. Адрес сайта в Интернете: <http://www.mberg.net/utreipis>.

Хакимов А. Клип и видеоарт — артефакты массового и элитарного сознания // Проект «Коллоквиум 2»: «Клип и видеоарт: стратиграфия языка». Ташкент, гооб.

**К ВОПРОСУ О РАННЕМ УРБАНИЗМЕ И ОСОБЕННОСТЯХ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗОНЕ КОНТАКТОВ ДРЕВНИХ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПРИСЫРДАРЬИНСКИХ РЕГИОНОВ)**

Процесс зарождения и развития земледельческой культуры и как его результат возникновение городской системы жизни и социальной организации, на территории Средней Азии протекал с древности неравномерно. С определенной долей условности выделяются южная, центральная и северная зоны урбанизации. Как показывают, в основном, результаты археологических исследований, зарождение протогородов и ранние этапы урбанизации в первых двух зонах восходят ко II—I тысячелетиям до н. э.

В то время как в южных и центральных оазисах Средней Азии (Маргиана, Бактрия, Согдиана) с начала раннежелезного века на базе искусственного орошения и земледельческого хозяйства складываются первые древние города, в северной зоне обитало население, создавшее полуседлый земледельческо-скотоводческий хозяйственный комплекс.

Здесь с древности процессы культуругенеза протекали в таких природно-экологических условиях, которые определили основной направленностью хозяйства скотоводство, но не отличавшееся повышенной мобильностью. Гидрографическая ситуация приречных земель, прежде всего, определялась состоянием дельты Сырдарьи и ее взаимосвязи с Аралом в системе русел Инкардарьи, праКувандарьи и Жаныдарьи, которые по всей дельте образовывали многочисленные озера и болота [Андрианов и др., 1974- С. 53~54]- Вместе с тем, в дельте Сырдарьи и в оазисах главных притоков ее среднего течения — рек Чирчика и Ахангарана - с древности также сложились условия для земледельческого хозяйства и формирования городов. Процесс урбанизации в северном регионе постоянно шел в русле взаимодействия этих двух систем хозяйства и культуры. Прогресс в изучении конкретных проявлений урбанизации в северной зоне зависит от состояния источников, каковыми в данном регионе являются результаты археологических раскопок.

По данным археологических исследований в Приаралье процесс ранней урбанизации в зоне южных дельтовых русел Сырдарьи шел самобытным путем. Здесь с конца V-IV вв. до н. э. на базе культуры ранних саков и сильного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии сложилась чирикратская культура [Вайнберг, 1999- С. 177-182]. Для наиболее развитой части чирикратского ареала характерна оазисная концентрация поселений, часть которых укрепленного типа. Выделяются два раннегородских поселения Чирик-рабат и Бабиш-мулла. Первый считается убежищем и резиденцией вождей. Внешняя оборонительная стена с башнями и бойницами не только вмещала жилые постройки, но давала защиту мавзолеям и погребальным курганам племенной элиты.

Своеобразным обликом отличается памятник — Бабиш-мулла, урбанистические черты которого выражены как в правильной квадратной планировке очерченного оборонительной стеной городища с мощным привратным донжоном, так и во внутренней сложной постройке (так называемом Большом доме), в которой видят резиденцию ахеменидского сапра-

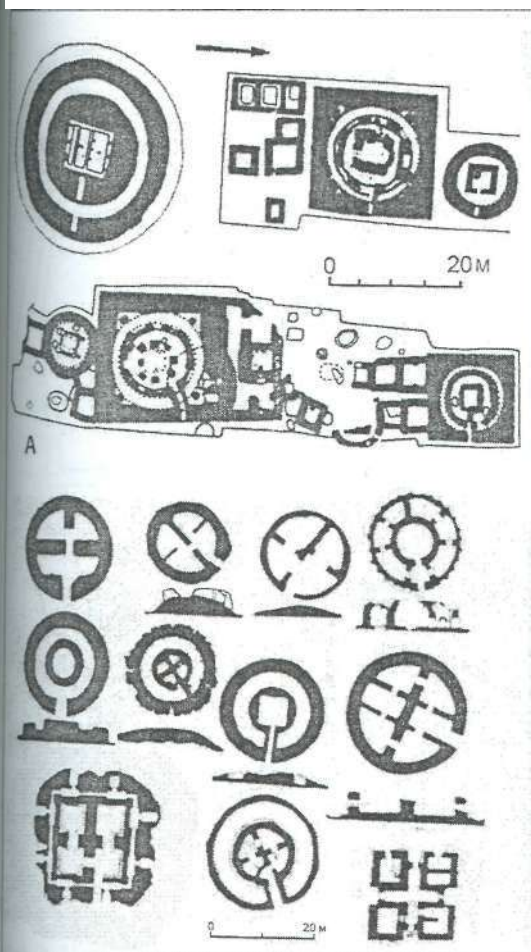

Рис. 1. Сводная таблица «крестовин»:
А-могилиник Северный Тагискан
Б-крестовины Чирикратской культуры.

па IV в. до н.э. Связь этой культуры с сакской основой прослеживается в унаследованном от эпохи бронзы принципе возведения погребальных сырцовых конструкций, план которых основан на сочетании креста и круга, квадрата и круга, так называемых «крестовин». Основные приемы строительства и фортификации поселений, некоторые элементы материальной культуры исследователи связывают с югом (Парфией и Согдом) и древним Хорезмом.

Установлено, что чирикратская культура постепенно исчезает с территории своего формирования на протяжении III и к концу II века до н.э. Согласно Б. И. Вайнберг и Л. М. Левиной, причиной стало изменение гидрографической ситуации в дельте Сырдарьи и иссушение ее южных протоков. На территории прародины этой культуры не осталось ее наследников. В науке не без основания высказано мнение об уходе ее носителей в юго-восточный Прикаспий [Вайнберг в соавт., 1993- С. 90 и ел.; Вайнберг, 1999- С. 264]- Выявляется немаловажная доля участия артефактов чирикратской культуры в формировании городской культуры и развитии процессов урбанизации на территории средней Сырдарьи, в частности

в долине Чирчика. Об этом свидетельствуют результаты раскопок городища Шаштепа, расположенного в южной части современного Ташкента [Филанович, 2010. с. 98 и ел.]. На центральном бугре этого городища изучено сырцовое архитектурное сооружение, выстроенное по плану «крестовины», вписанной в двойное кольцо обводной стены со сводчатым коридором. Его строительство датировано по стратиграфии временем не позднее II в. до н.э. Здание возведено на месте некрополя, оставленного ранее кочевыми племенами, проследовавшими на юг до среднего течения Амударьи [Филанович, 2010. С. 71 и ел.]. Следует подчеркнуть, что это первый пример градостроительной деятельности в Чирчикской долине, где до этого не было почвы для строительства городов. Как показало исследование этого сооружения, начало урбанизма, как на территории Ташкента, так и по всей долине Чирчика, видимо, следует связывать с привнесением навыков градостроительства. «Крестовина» Шаштепа демонстрирует все основные строительные навыки, присущие градостроителям чирикратской культуры. Эта преемственность выражается как в приемах строительства (размеры квадратного сыр-

цового кирпича, формы арок и сводов, деревянный каркас вдоль стен) фортификации (стреловидные бойницы, выступающие квадратные башни), самой планировке в виде креста в кольце стен, так и в составе керамического комплекса, ряд форм которого, в том числе сосуды с гончарного круга, встречает аналогии в чирикрабатской керамике. Таким образом напрашивается вывод, что первоначальный импульс урбанизация в долине Чирчика получила из Восточного Приаралья, главным образом из ареала чирикрабатской культуры.

Следует отметить, что суть урбанистического феномена в присырдарьинской контактной зоне в этот период заключалась в том, что рождение городов шло в обстановке постоянных этнических передвижений и вторжения новых кочевых племен. По данным археологии установлено, что часть племен — носителей чирикрабатской культуры обладало знаниями архитектурного строительства и фортификации, в то время как другая часть вела скотоводческое хозяйство с сезонными перекочевками.

В условиях прогрессивного изменения экологии в зоне усыхающих южных русел дельты Сырдарьи, что неуклонно сокращало базовую основу хозяйства чирикрабатцев на их прародине, миграция племен в поисках новых удобных мест для жизни была неизбежна. Исследователи этой культуры отождествляют ее носителей с племенами парнов, которые были частью племенного союза дахов [Вайнберг, 1999- С. 260 и ел.], упомянутых в античных письменных источниках. Полагают, что парны переместились из Приаралья на юг на территорию Парфиены, принадлежавшей Селевкидам и в борьбе с ними захватив часть земель создали Парфянское царство с династией из рода Аршака.

Археологические исследования показывают, что существовал и другой путь миграции из Восточного Приаралья — путь вверх по Яксарту-Сырдарье. Раньше здесь прошли кочевые племена, чтобы в итоге оказаться на юге Средней Азии, на правом берегу среднего течения Окса-Амударьи. Часть племен-мигрантов оставили свой след в Кызылкумах, что видно из анализа материала раскопок могильника Кулкудук, и в долине Зеравшана [Маньлов, 1990. С. 46 и ел.; Маньлов, 1993' С. 59 и ел.; Обельченко, 1961. С. 105].

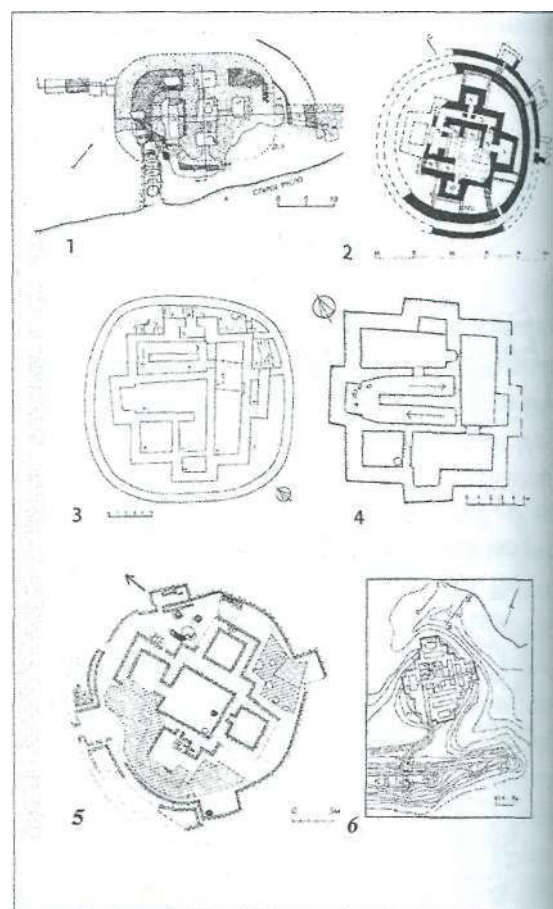
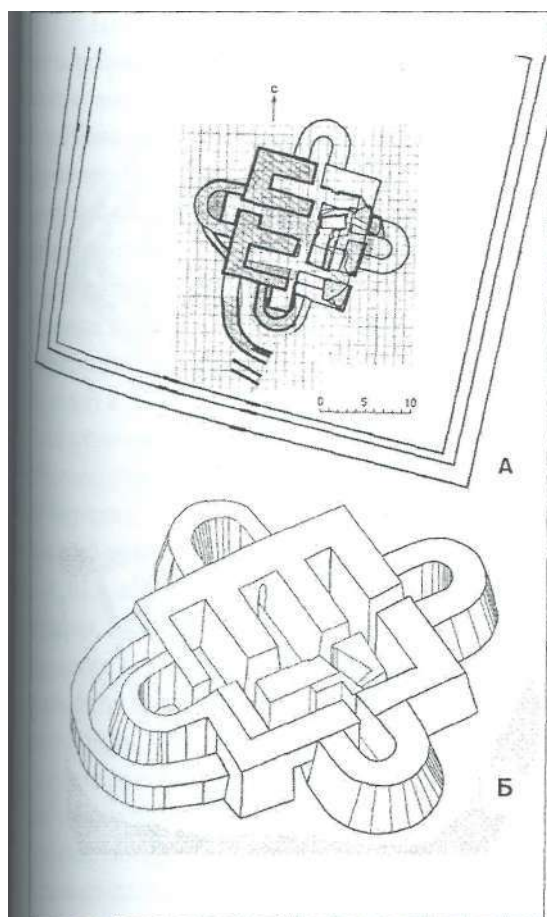

Рис. 2. Сводная таблица «крестовин»:
 1-городище Актобе 2. Чардара; 2-Шаштепа;
 3-Шахр-и Кумис Бугор XIII Иран; 4- Шахр-и
 Кумис Бугор VIII, Иран; 5-Билувургтепе. Фергана,
 6-Арктете. Фергана.

(Рис.3.Мингурик:
А-план здания нижнего горизонта
; Б-аксонометрия здания нижнего горизонта.

Со следующей волной из Восточного Приаралья пришли носители чирикратской культуры, владевшие градостроительной техникой. Результатом их присутствия в долине Чирчика и стало строительство здания крестообразной планировки на Шаштепа. Отметим, что следы чирикратской культуры зафиксированы и в долине Арыси [Байтанаев, 2008. С. 371-

Сооружения, в основе плана которых лежит сочетание креста и круга, исследованы вдоль всего русла Сырдарьи от дельты до верхнего течения в пределах Ферганской долины. В результате возникает вопрос о религиозной принадлежности племен, оставивших эти солярные планировки. Наиболее ранний пример таких конструкций мы встречаем в мавзолеях некрополя Северного Тагискена в Восточном Приаралье, сочетающих в плане круг, квадрат или крест (рис. 1а). Эти здания, выстроенные из сырцового кирпича с использованием деревянных балок и обрешетки, датированы X-VIII вв. до н.э. Они содержат в конструкции ряд элементов, повторенных затем в «крестовинах» чирикратской культуры и здании Шаштепа (рис. 1б) [Итина в соавт., 2001. С. 18, 38, 4°, юз; Толстов в соавт., 1963. С. 40

• ел; Рапопорт в соавт., 2сюо. С. 126]. Вместе с тем сама «крестовина» Шаштепа не копирует чирикратские формы, сохранив лишь солярный принцип. Сооружение Шаштепа по сути демонстрирует дальнейшее развитие этого типа плана. Перенесены и традиционные знаковые детали устройства, в частности, деревянный частокол вдоль стен здания.

В верованиях кочевых и полуседлых племен Приаралья есть сведения письменных источников начиная с середины первого тысячелетия до нашей эры. Геродот сообщает о поклонении солнцу массагетов (Геродот, 1, 212), как выяснено обитавших к западу от Арала. Солнце и огонь чтили саки, сарматы и другие племена Евразии. Некоторые погребальные и храмовые конструкции этих племен воспроизводят древнейшие солярные символы индийской космогонии — круг, квадрат, крест [Лелеков, 1972. С. 128]. Символом солнца и огня была и свастика в сосудах и других предметах как степных скотоводов эпохи бронзы, так и на стенах индийских храмов, посвященных богу солнца [Кузьмина, 1986. С. 71-72]. Кольцевые планировки в сочетании с фигурой креста отражены в тантрических мандалах и буддистских ступах как итоговые схемы общеарийской космограммы [Рамачандра Рао 2002. С. 23, 41, 42]. Таким образом, солнце и огонь воплощались индоиранцами во

взаимосвязанные образы [Акишев, 1984. С. 16-19, 20]. Возжигание огромного всепоглощающего огня, дающего сильный жар, ассоциировалось с движением солнца. Считалось, что в их слиянии заключена идея гармонии.

Если идея адорации солнца в здании Шаштепа выражена в планировочной схеме его построения, то связь с огнем, отношение к нему как к священной стихии, эманации солнечной субстанции выражено в ряде деталей интерьера. Это — алтарик огня в помещении с красными стенами, знаки свастики на стенках тарных сосудов, стоящих в коридоре, слой горячей золы, на котором было осуществлено захоронение человеческого черепа в сопровождении перевернутого сосуда, и, наконец, следы мощного бушующего огня, для возжигания которого отводилось одно из помещений «крестовины».

Как уже отмечено, крестовидные планировки в обводе кольцевой стены обнаружены и исследованы практически на всем пространстве сырдарьинской зоны. Хронология каждого из открытых объектов показывает временной приоритет Восточного Приаралья. Этот принцип лежит в основе планировки здания в цитадели Городища Актобе 2 в районе Чардары (I-II вв. н. э.)

(рис. 2, 1) [Максимова в соавт., 1968. С. 21 и ел.]. На средней Сырдарье этот тип представлен в структуре Шаштепа (рис. 2, 2), а выше по реке, в Фергане это — Билувуртепа I—II вв. н.э. [Заднепровский, 1985. С. 88-94] и Арктепа II-III вв. н. э. (рис. 2, 5, 6) [Горбунова, 1994- С. 191 и ел.; рис. 1]. Таким образом, можно констатировать, что часть племен, неотъемлемым признаком культуры которых является возведение солярных планировок, продвигалась и вверх по долине Сырдарьи. Какая-то группа этих племен обосновалась в Ташкентском оазисе, обретя здесь благоприятную почву для развития своей материальной и духовной культуры. Они и принесли не только навыки и планировочные принципы градостроительства со своей прародины, но и планировку культово-мемориальных зданий, выражавших систему верований, основанную на поклонении солнцу и огню.

Примечательно, что крестовина в кольце Шаштепа находит близкие соответствия в планах крестовидных построек на территории Ирана, особенно в Шахр-и-Кумис. Постройки Шахр-и-Кумиса (бугры IV, VII, XIII) также определяются исследователями как культовые и датируются временем не позднее I в. до н.э. (рис. 2, 3, 4) [Hansman, Stronach, 1974].

Захоронение человеческих черепов, осуществленное в одной из крестовин Шахр-и-Кумиса почти в том же контексте, что на Шаштепа, по мнению исследователей иранского памятника отражает древние традиции скифо-парфянской культурной среды. [Hansman,

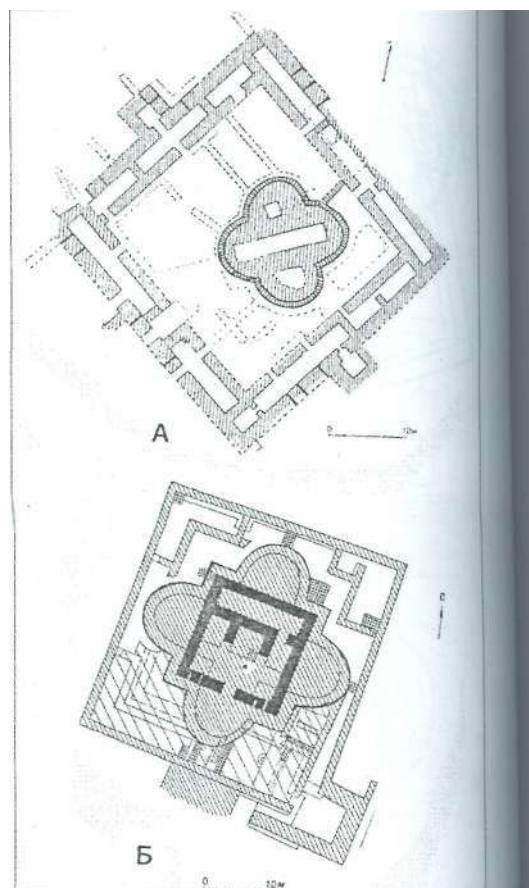

Рис. 4- Городище Сетатак 1. План.

Р. ш-139; Hansman, Stronach, 1971- P 8-22]. Параллели постройки Шаштепа в пределах парфянского государства, видимо, подтверждают их связь с какими-то племенами дахского союза, возможно, парнами, которые мигрировали из экологически неблагоприятного региона восточного Приаралья как в южном (в Иран), так и в восточном направлении (в Ташкентский оазис). Как видно из результатов исследования, в пределах этого оазиса истоки урбанизации в долине Чирчика связаны с Восточным Приаральем и первые артефакты культуры городского типа появились здесь не ранее II в до н.э.

Несколько иным путем шел процесс формирования городов в долине Ахангарана. Приводя в пример изучение городища Канка, Ю.Ф. Буряков относит начало процесса урбанизации на этой территории к более раннему времени, с рубежа IV—III вв. до н. э. Истоки он видит в эллинизированной культуре и градостроительстве Согда из долины Зеравшана. Хотя эллинистическое влияние в Чаче не было длительным [Буряков, 2008. С. 74]- Таким образом, зарождение городской культуры в этой долине начинается раньше, чем в долине Чирчика, но линия ранней урбанизации обрывается с наводнением Чача номадами, по крайней мере со второй половины III в. до н.э.

С III в. до н. э. во всей среднесырдарьинской зоне наступает так называемый «темный период», заполненный мощными волнами вторжений пришлых кочевых племен степной Евразии с территории распространения сарматоидных культур. Возникнув в начале этого периода до крупных этнических перемещений, ранние урбанизированные центры долины Ахангарана вряд ли могли продолжать испытывать в условиях наплыва кочевников влияние цивилизации из самаркандского Согда. Прежде всего потому, что, как установлено изучением памятников в долине Зеравшана, в частности Коктепа и Афрасиаба, прежняя эллинистическая культура ранних городов самого Согда была подавлена волнами кочевников из-за Яксарта [Rapp, 2001. P. 75]- Эта первая волна кочевников в долине Чирчика, видимо, оставила свой некрополь середины III в. до н. э. на Шаштепе, на разрушенных погребениях которого и было возведено впоследствии крестообразное здание.

Таким образом, первый пункт городского характера на Шаштепе возникает после прохождения первой волны кочевников. В это же время, то есть со II в. до н.э. началась насыщенная программа градостроительства и в Согде. В долине Ахангарана Канка и, видимо, ряд других объектов Чача демонстрируют новый подъем урбанизма, но на тех же принципах, что появились и в Чирчикской долине. Ряд новых пунктов появляется и в долине Чирчика в рамках этой оживленной градостроительной деятельности. Они расположены по берегам канала Салар (в Ташкенте) и тяготеют к главному центру, исследованному на городище Мингурик, также снабжавшегося водой из Салара.

Городище, занимавшее на карте г. Ташкента 1871 года площадь около 40 га., включало возвышенный бугор, холм цитадели и обширную городскую территорию, некогда обведенную оборонительной стеной. Раскопки, проведенные в последний сезон (2008-2009 гг.) на центральном бугре, дали важные результаты для освещения раннего урбанизма в Чаче [Филанович в соавт., 2009. С. 52-58] и верований его жителей.

Сооружение первого периода городской застройки на этом бугре демонстрирует тот же планировочный принцип, что и «крестовина» Шаштепа, но датируется по археологическим признакам I-IV вв. н. э. (рис. 3, А, Б). Отличие заключается лишь в том, что в здании Мингурика лопасти креста имеют форму полуовальных башен, а само сооружение, видимо,

было вписано не в кольцо стены, но в квадрат или прямоугольник, судя по направлению обводной стены, сохранившейся лишь на небольшом участке. Этот ранний архитектурно-строительный комплекс ориентирован как и «крестовина» Шаштепа по странам света с не-большим отклонением к северо-востоку.

В планировке отражен тот же солярный принцип с обращением главного входа на восток. В здании Мингурика отмечается изначальная его связь с огнем: прокаленность нижних частей стен некоторых помещений, слой угля, смешанного с золой на полах. Указывает на это также алтарик, расположенный в торцовой стене почти по главной оси в центральной комнате. Значительная прокаленность алтарика и использование в нем сменяемых, также сильно прокаленных жаровен, свидетельствует о постоянно возжигаемом медленно горящем огне. На культовый характер первоначального здания намекают и выстилки полов этой комнаты, примыкающего к ней участка коридора и некоторых других мест в здании булыжными камнями мелкого и среднего размера. Этот прием отмечен на Шаштепе и других памятниках, в частности, в сооружении на Сангиртепе в Южном Согде в древнем Кеше, и Коктепа в долине Заравшана [Хасанов в соавт., гооб. С. 208-220; Рапен, 2007 С. 351]. Обычно это считается признаком храмовой принадлежности здания. Примечательно мощное накопление древесного тлена в одном из помещений здания, как возможных остатков запаса топлива для алтарей. Связь с возжиганием огня становится еще более очевидной на последнем этапе существования крестообразного здания, когда после забутовки основных его помещений и устройства пандуса на вершине главные культовые действия были перенесены на этот уровень, вознесенный более чем на 7 метров над окружающей территорией. Он, как и пандус, выстлан булыжными камнями и несет следы зольного слоя. Но главные зольные накопления, связанные, очевидно, с возжиганием на этой площадке огня, отмечены за северным обрывистым фасом здания. Включение в эти слои небольшого количества керамики, костей животных, вероятно, связано с жертвенным характером культовых церемоний. Отмечается слоистость зольника, как бы перемеженного слоями желтой глины, что является показателем преднамеренного захоронения священной золы после каждой культовой церемонии возжигания огня под открытым небом.

В одной из башен при ее забутовке было осуществлено захоронение черепа в сопровождении сосуда. В этом также проявляется сходство с «крестовиной» Шаштепа.

Развивая традиционный солярный принцип планировки, сооружение нижнего горизонта бугра Мингурика входит в ряд подобного рода зданий античной эпохи в сырдарьинской зоне. В районе среднего течения реки Талас М. С. Мерциевым также изучены два родственных ему поселения — Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе, датированные им I-IV вв. н.э. [Мерциев, 1970. С. 79-92 > P^{nc}.* > 2]. На возвышенных участках этих городищ открыты комплексы, не только по идее, заложенной в их конструкции, но и по планировке (рис. 4, А), проявляющие сходство, или даже генетическое родство, с комплексом бугра Мингурика. Близкое сходство можно отметить с тем обликом здания бугра, которое оно, видимо, начало приобретать после ряда пристроек изогнутых стен к башням к концу своего существования. Оба казахстанских памятника имеют идентичную с ташкентским объектом ориентировку по отношению к странам света и планировку четырехлепесткового креста (или розетки), окруженного прямоугольником двойной стены.

- Примечательно обнаружение и мощной толщи зольников в раскопанной части двора на Кзыл-Кайнар-тобе [Мершиев, 1970. С. 87]. Автор раскопок предполагает храмовое назначение открытых им комплексов, что подтверждает идентичность планировочного принципа с сооружением Мингурика, видимо, как и заложенной в нем идеи и связь их с культом возжиганием огня. Примечательно, что эти комплексы были заброшены к концу ШВЕ. Н.Э., когда в пустующем помещении Кзыл-Кайнар-тобе было осуществлено погребение воина по гуннскому обряду, что и определило время заупустения комплекса.
- Устройство пандуса и спуска в колодец на последнем этапе функционирования комплекса Мингурика находит близкую аналогию в конструкции лестницы, которая частично легла толщу стены, и колодца в так называемом «дворце» Актобе 2 в Чардаре [Максимова • авт., 1968. С. 24., рис. 8, ю, 15, 18, 19]. Напомним, что исследователи датируют памятники V-I-IV вв. н. э. с оговоркой, что начальную дату можно перенести к I в. до н. э.
- троительство комплекса на Мингурике, где главные ритуальные действия были связаны с возжиганием открытого огня на высоко поднятой платформе, откуда на северную сторону сбрасывалась зола, вписывается в систему древних воззрений арийских племен и роли в них огня. Если на юге Средней Азии эта «старая религия» реформировалась в Зороастризм, то в северной территории не была затронута реформой. Здесь, очевидно, продолжали существовать архаичные формы поклонения Солнцу и огню — его солнечной эманиции, как и старые авестийские культы почитания быка и фарна в облике барана. Таковы были основные воззрения носителей кангюйской культуры, распространенной у племен, создавших кангюйскую конфедерацию.
- Учитывая некоторые аналогии в сырдарьинском регионе, а также некую преемственность Вольтового центра на Шаштепа (II в. до н.э.), можно считать, что территория современно-Гашкента в древности входила в ареал крупного культового центра государства Кангюй I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры. Ядро этого государства, по мнению большинства исследователей, составлял ташкентский оазис в широком смысле, а северные территории включали долину Таласа. При этом конфедерация племен, как земледельческих, так и кочевников, входивших в состав Кангюя, занимала обширные пространства от Ферганы до Приаралья и от южного Урала до южного Согда. Нахождение крупного храма в Чаче, в центре государства Кангюй, возможно, в какой-то степени объясняет эпипет, данный ему в Авесте — «Высокая, священная Кангха». Для Ташкентского микрооазиса — это время сложения первого городского центра, который формировался вокруг главного храма, где отмечались, видимо, сезонные праздники в честь солнечного бога Митры (Михраган), в честь божеств воскресающей природы (Навруз) и в честь предков правителя. Праздники притягивали толпы народа, устраивались торжища, ремесленники предлагали свою продукцию, пригонялись жертвенные животные. В священный ритуал могли входить действия по выплавке металла, что в древности носило сакральный характер и выпекался ритуальный хлеб. Об этом можно судить по наличию в отвалах священной золы кусочков металлических шлаков и находкам зернотерок в раскопках. Этот культово-мемориальный комплекс оказал впоследствии огромное влияние на все присырдарьинские регионы, а также Западный Согд и Фергану.

В связи с этим следует отметить идентичность планировки мингурикского комплекса последнего периода и культово-мемориального сооружения, открытого на городище

Сеталак I в западном Согде (Бухарская область). Возведенный здесь в конце последнего строительного периода комплекс «крестовины», взятой в квадрат обводной стены, в деталях повторяет здание Мингурика (рис. 4, Б) [Культура..., 1983. С. 66 и ел., рис. 22, 33, 34]. Функционально здание связывается с возжиганием огня и сбрасыванием пепла от открытых алтарей за стены «крестовины», где он, по мнению исследователей памятника, также почитался как сакральный и тщательно закрывался слоями глины. В скопление золы также входят кости и керамика, связываемые с остатками ритуальных действий. Примечательно наличие в комплексе Сеталак колодца и захоронения очищенных костей человека. Авторы раскопок, определяя назначение комплекса как святыни с ярким проявлением культа огня подчеркивают, что характер культа не менялся на всем протяжении его функционирования. Памятник интерпретируется как культовый центр группы поселений III–V вв. на [Культура..., 1983. С. 115]. Судя по комплексу материальной культуры с поселений северного западного района древнебухарского оазиса, в основном керамики, обнаруживающей большую близость с каунчинским комплексом ташкентского оазиса, появление этих поселений и освоение этого района относятся примерно к концу III в. н.э. [Культура..., 1983. С. ил.]

Вернувшись к мингурическому культовому комплексу⁷, отметим, что по данным stratigraphии это сооружение, как и здание на Шаштепа было оставлено и приходит в запустение, очевидно, в то же время что и памятники на Таласе, т. е. к концу IV в. н. э. Тот факт, что функционировавшие длительное время храмы солнце- и огнепоклонников в Ташкентском микрооазисе и на Таласе пустеют примерно в одно время, хорошо согласуется с зафиксированным распространением каунчинской традиции в Согде, в южном и западном направлениях, связанным, видимо, с перемещением этносов, отмечаемым в это время. В IV–V вв. н. э. каунчинская традиция не только в керамике, но и в строительстве культовых сооружений и самом культе распространяется в Бухарский Согд и Фергану [Горбунова, 1985. С. 46–48; Горбунова, 1994. С. 204]. По всей видимости, эти процессы следует рассматривать в рамках этнокультурных миграций племен хионитов и кидаритов.

Ташкентский оазис к эпохе раннего средневековья превращается в крупный культурогенный регион. Весомую роль в его развитии играл фактор урбанизации. По свидетельству письменных источников и археологических обследований спецификой региона стало большое количество городских центров. Именно в них перерабатывались и сливались в единое целое достижения локальной традиционной культуры (известной как каунчинская культура) и инноваций — результатов культурного обмена и прямых этномиграций. Важным фактором, постоянно влиявшим на облик культуры Ташкентского оазиса (Чач), была длительная и традиционная связь с кочевой степью. Тем более, что на протяжении всей истории региона кочевники-скотоводы составляли часть его населения.

Литература

- Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения // Советская этнография. 1974. № 5.
Баитанаев Б. А. К вопросу генезиса ранних поселений Испиджабского историко-культурного района // Древняя и средневековая урбанизация и возраст города Шымкента. Шымкент, 2008.

- I Буяков Ю. Ф. К истории урбанистических процессов древнего Чача // Древняя и средневековая урбанизация и возраст города Шымкента. Шымкент, 2008.
- I Вайнберг Б. Л. 1., Левина Л. М. Чирикабатская культура. Москва, 1993-
Вайнберг Б. Л. 1. Этногеография Турана в древности. Москва, 1999-
- I Горбунова Н. Г. Памятники Киркидонской группы в Южной Фергане // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1985. Вып. 26.
- I Горбунова Н. Г. Поселение Арктепе в Южной Фергане // Российская археология. 1994- № 4-
- I Заднепровский Ю. А. Городище Биловур-тепе (Восточная Фергана) // КСИА. 1985. Вып. 184.
- Итина М. А., Яблонский Л. Л.¹. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век нижней Сырдарьи. Москва, 2001.
- | Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе. 1986.
- | Культура древнебухарского оазиса III–VI вв. н. э. Ташкент, 1983.
- Лелеков Л. К исследованию погребального обряда в Тагискене // Советская этнография. 1972 № 1.
- Максимова А., Мершиев М., Вайнберг Б., Левина Л. Древности Чардары. Алма-ата, 1968.
- I Маньлов Ю. П. Раскопки Кулдукской курганный группы в Центральных Кызылкумах // ИМКУ. Вып. 23- Ташкент, 199°-
- Маньлов Ю. П. Курганы Кокпатаса // ИМКУ. 1993- Вып. 26.
- Мершиев М. С. Поселение Кызыл-кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина [ГУ-Увека // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
- Обельченко О. В. Лявндакский могильник // ИМКУ. 1961. Вып. 2.
- Рамачандра Рао. Тантра, Мантра, Янтра. Москва, 2002.
- Рапен К. Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Рапопорт Ю., Неразик Е., Левина Л. В низовьях Окса и Яксарта. Образы Древнего Приаралья. Москва, 2000.
- Толстое С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. АН СССР в 1958–1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958–1961 гг. Т. I. Москва, 1963.
- Филанович М. И., Богомолов Г. И., Ильясова С. Р. Новые данные по древней истории Ташкента // Труды международной научной конференции «Ташкент 2009». Ташкент, 2009.
- Филанович М. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Т., 2010.
- Хасанов М., Механдели С, Гударзе Ш. О работах на Сангиртепа в 2000–2005 гг. // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 гг. Ташкент, 2006. Вып. 5-
- Hansman J. The problems of Qumis // Journal of the royal Asiatic society, 1968.
- Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-i-Quimis, 1971 // Journal of the royal Asiatic society. 1974.
- Rapin Cl. en collaboration avec M. M. Isamiddinov et M. Khasanov. La Tombe d'une princesse nomade a Koktepa pres de Samarkand // Comptes rendus de l'Academie des inscriptions et Belles-Lettres. Janvier-mars, 2001.

Р. Мурадов
Туркменистан

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ ТУРКМЕНИСТАНА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Г. А. ПУГАЧЕНКОВОЙ

В обширной и многогранной деятельности академика Галины Анатольевны Пугаченковой (1915-2007), оставившей нам почти 40 авторских книг и несколько сотен научных статей, творившей на стыке археологии, истории архитектуры и искусствоведения, важное место занимают труды, связанные с Туркменистаном, где она плодотворно работала в самый, быть может, счастливый период своей долгой жизни. Это были годы ее молодости - от тридцати до сорока — когда счастливое стечение обстоятельств позволило раскрыться ее незаурядному таланту. Период ранней Пугаченковой — это время, когда она стремительно вошла в мир науки и прочно в нем утвердилась, сочетая напряженную полевую работу в Туркмении с интенсивной публикацией своих исследований. Масштаб сделанного ею в области изучения древнего и средневекового зодчества, а также изобразительного искусства центральноазиатского региона столь значителен, что любые восторженные эпитеты в отношении нее будут совершенно справедливы. Но нуждается ли она в дифирамбах?

Имя Пугаченковой еще при ее жизни перешло в категорию таких весомых и неоспоримых величин, которые сами по себе служат олицетворением своей сферы деятельности, вызывая вполне конкретные ассоциации. Нет человека, который занимался бы историей материальной культуры Среднего Востока и Центральной Азии и не знал бы этого имени. И нет такой серьезной работы данного профиля, которая обошлась бы без ссылок на труды Пугаченковой. Объясняется это очень просто: ее многочисленные фундаментальные публикации — это, чаще всего, первоисточники как по отдельным памятникам, так и по целым периодам, историческим областям, школам и направлениям в античной, средневековой архитектуре, монументальном и декоративном искусстве, книжной миниатюре. Можно по-разному относиться к ее интерпретациям и методике, можно указывать на ее недостатки и критиковать выдвинутые ею теории, но обойтись без нее уже никак невозможно.

Г. А. Пугаченкова впервые приехала в Туркменистан в 1946 г., когда развернула свои работы Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона. Перед Галиной Анатольевной, по ее же словам, было поставлено несколько задач. Прежде всего, это архитектурные обмеры, графическая фиксация и, в отдельных случаях, гипотетическая реконструкция вскрытых сооружений Нисы и Мерва. Следующая задача — маршрутные исследования сохранившихся на поверхности памятников архитектуры по всему региону от прикаспийских степей до Серахского и Мервского оазисов, а также среднего течения Амударьи. Предварительные сведения об этих объектах собирались путем опроса старожилов и поиска в письменных источниках, а также в фотоархивах конца XIX — начала XX в. На основании собранных материалов предполагалось выстроить историю архитектуры Южного Туркменистана с древнейших времен до поздних образцов народного зодчества. Наконец, это искусствоведческий анализ вновь открытых объектов изобразительного и прикладного искусства разных периодов [Горшенина, 2001. С. 129]. Все три направления Г. А. Пугаченкова освоила на таком высоком профессиональ-

пом уровне, что с тех пор созданная ею источниковедческая база остается краеугольной • для всех последующих исследований, а ее книги успешно заменяют учебные пособия для каждого, кто только начинает постигать основы специальности.

К моменту создания ЮТАКЭ уже сформировался круг научных интересов и пристра- Ирий Г. А. Пугаченковой, был накоплен определенный опыт благодаря участию в Термезской И экспедиции, преподавательской деятельности на кафедрах археологии и искусствоведе- И ния САГУ. Теперь перед ней развернулось широкое поле для натуральных исследований и от- И крытий, значительно пополнивших реестр известных науке памятников. Ее знакомство • туркменскими объектами началось на городищах Нисы осенью 1946 г. Раскопки ЮТАКЭ И затронули парфянские здания так называемого Центрального комплекса Старой Нисы, И одну из «красных камер» парфянского некрополя Новой Нисы, баню XII в. в новонисий- И ской цитадели, руины намазгаха XIV в. между двумя городищами у подножия гор, маза- И ры XVIII–XIX вв. в селе Багир, а также ряд фрагментов архитектурного декора — как вновь И выявленных, так и хранящихся в ашхабадских фондах [Пугаченкова 1949- С. 202; Жуков, И 199- С. 177-178]. В том же сезоне она вместе с М. Е. Массовым давала консультации ашха- И бадским коллегам по вопросам охраны, ремонта и изучения мечети Анау, инструктирова- И ла московскую архитектурную группу по проведению обмерных работ на некоторых па- И мятниках Ташаузской области [Массой, 1949- С. 14].

! Во время второго ютакинского сезона осенью 1947 г. создается постоянный архитектур- И ный отряд VII под руководством Г. Пугаченковой, перед которым встают две задачи: ши- И ркий охват и углубленное историко-архитектурное изучение ряда малоизвестных памят- И ников, а также изучение градостроительных приемов и отдельных объектов «поздних» по- И селений Туркменистана [Массой, 1953- С. 193]. Сама Галина Анатольевна вместе с архитек- И торами Е. С. Александровой и Б. В. Дмитриевским и археологом О. В. Обельченко в течение И двух месяцев занималась изучением тимуридской мечети в Анау. Кроме того, она успела И присоединиться к маршрутным археологическим отрядам в нескольких районах Южного И Туркменистана — от Дехистана до Серахса и обследовала средневековые постройки на клад- И бище Машад-ата и на городищах Мисриан, Ферава, Абиверд, Чугундор, Мехне и Серахс.

Весной 1948 г. Г. А. Пугаченкова занималась детальным изучением средневековых мав- И золеев и некоторых жилых усадеб XVIII–XIX вв. в селе Астана-баба близ г. Керки, в летне- И осеннем сезоне 1949 г. — продолжила изучение парфянской архитектуры Нисы и мавзо- И ля Абу Сайда в Мехне, где ее особое внимание привлекли руины мечети, которую она при- И няла за ханаку, 1950 г. отмечен началом работ Галины Анатольевны в Мерве. Обследованы И 12 кёшков и средневековых жилых домов этого города, дома на Мунон-депе, Харам-кёшк, И два безымянных кёшка к северу и западу от Султан-калы, кёшки Нагим-калы, мавзолеев И Санджара, мечеть-мавзолеев Мухаммеда ибн Зейда, мечеть Талхатан-баба, мечеть и карван- И сарай на городище Гуртлы, крупное здание на городище Кишман-депе (средневековый И Хурмузфарра), принятое сначала за караван-сарай, но представлявшее собой дворовую И пятничную мечеть IX в., парфянская крепость Чильбурдж, ледохранилища Мерва, пави- И льон XV в. (ымарат), мавзолеев асхабов, мечеть Ходжа Юсупа Хамадани, стены Абдуллахан- И калы, а также группа старых марыиских жилищ. В том же сезоне вместе с архитектором И Н. В. Князевым она отправилась в Чарджоускую область для изучения сырцовых усадеб- И ховлы в зоне Средней Амударьи.

В 1951 г- отряд VII продолжил исследования парфянских памятников Нисы (Большой квадратный дом), Джин-депе и Дурнали, а также средневековых построек Мервского оазиса. Это были христианская базилика Хароба-кёшк, комплекс мавзолеев в урочище Гёк-гумбез, жилые дома и замки на Кара-депе, Яз-депе, ал-Аскер, Сулу-кёшк, Оккуйли-кёшк, караван-сарай на городищах Ахча-депе, Сули-депе, ал-Аскер, сельджукский мавзолей Худайназар-Овлия и жилые дома туркмен-сарыков XVIII-XIX вв. Г. А. Пугаченкова занималась объектами Старой Нисы и в ходе раскопок сезона 1952 г., в течение которого ею были также обследованы мавзолей XV в. Кумбетли-яйла в Ашхабадском районе и средневековые караван-сарай Марыйской области (ал-Диваб, ал-Тахламадж, Акча-кала). Это был последний полевой сезон, когда она непосредственно находилась на Нисе. Продолжая в дальнейшем сотрудничать с археологами, копавшими Нису (прежде всего, с Н. И. Крашенинниковой), она обрабатывала добытые материалы, участвуя в так называемых камеральных работах, и готовила обобщающие публикации, которые, по мнению современных специалистов, «являются основным источником знаний о Нисе» [Пилипко, 2001. С. 413]-

В 1953 г- отряд VII во главе с Г. А. Пугаченковой начал работу в Дарганатинском районе на левобережье Амударьи (Южный Хорезм), продолженную в 1954 г¹ - Здесь обследованы сельджукский караван-сарай Дая-Хатын на более раннем городище Тахирия, средневековые городища Дарган (с мавзолеем Дарган-ата) и Садвар (с руинами гофрированного здания Чаш-кала). В том же 1954 г¹ - ² оазисе Мерва осмотрены сырцовые руины караван-сарая внутригородского типа на городище Куртлы (средневековый Башан).

В 1955 г- Г. А. Пугаченкова в составе маршрутного XVIII отряда под руководством М. Е. Массона обследовала памятники на старом пути из Мерва в Хорезм: это караван-сарай Оде-мерген-кала (рабат Суран) и остатки караван-сарая на городище Ерез-депе в 2 км севернее парфянской крепости Чильбурдж [Пугаченкова, 1963. С. 234~239]-

В 1956 г. детально изучен серахский мавзолей Ярты-гумбез, предварительно обследованный еще в 1947 г. В Мерве отряд VII занимался руинами безымянной мечети X в. классического колонно-дворового типа на городище к северу от Чильбурджа и двумя открытыми вдоль трассы из Мерва в Серахс сырцовыми зданиями с гофрированными стенами: это Овлияли-кёшк и Кыз-кала на городище Кельте-Минар [Пугаченкова, 1963. С. 225-227]. Той же осенью в долине Сумбара впервые подвергнуты специальному архитектурному изучению мавзолей Махтум-муэззем, Ших-Овезберды, Парау-биби в Кызыл-Арватском районе, Ак-имам и Кызыл-имам в Дуруне, а также Хаджи Фараби на правом берегу Амударьи в районе Старого Фараба [Массой, 1978- С. 152-154]-

В 1957 г. в связи с рождением дочери Г. А. Пугаченкова в экспедиции не участвовала, но весной 1958 г. она снова вместе со своим отрядом VII обследовала мавзолей Абдуллы ибн Бурейды (Ходжа Абдулла) близ современного Мары, а осенью отправилась в Ташаузскую область, где была зарегистрирована группа объектов на городищах Девкесен и Шемаха-кала, а также отдельно стоящие в разных районах левобережного Хорезма мазары Кызыл-гумбез, Налач-баба, Лалазем-ата, Исмамут-ата и загадочный Аксарай-динг, ранее отмеченный, но не изучавшийся [Бачинский, 1950, с. 22]. Это был ее последний полевой сезон в Туркмении: перейдя на работу в Институт искусствознания им. Хамзы, с 1959 г¹ - Галина Анатольевна возглавила Узбекскую искусствоведческую экспедицию и сосредоточилась на исследованиях античной Бактрии (Южный

• Узбекистан и Северный Афганистан), но еще несколько лет продолжала готовить к печати и публиковать туркменские материалы.

Публикации. Ее первые крупные работы по Туркменистану появились одновременно в 1949^г - в первом томе Трудов ЮТАКЭ и первом выпуске Материалов ЮТАКЭ. Это были, соответственно, статьи «Архитектурные памятники Нисы» и «К проблеме возникновения «шапуровых мавзолеев» Хорасана». За 60 лет, прошедшие с тех пор, значение их нисколько не устарело. Конечно, по мере накопления нового материала (в первую очередь, благодаря продолжающимся раскопкам Нисы) Г. А. Пугаченкова вносила коррективы и в свои первоначальные представления о некоторых объектах и процессах, что находило отражение в ее последующих публикациях. В 1952 г. в научных журналах выходят ее статьи «К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы», «Парфянские крепости Южного Туркменистана» и «Конструктивные элементы мавзолея Санджара». В 1953 г. — статья «Храм и некрополь в парфянской Нисе», а также второй том Трудов ЮТАКЭ с двумя большими статьями: «Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Сарахса» и «Реконструкция квадратного зала парфянского ансамбля Старой Нисы». В том же году увидел свет и третий том Трудов ЮТАКЭ под названием «Архитектура туркменского народного жилища» (совм. с В. А. Левиной и Д. Овезовым). Все эти публикации сопровождалась интенсивной подготовкой большой монографии «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана при рабовладении и феодализме» и были по существу ее составными частями, представляя собой журнальные варианты обобщающего труда по истории архитектуры указанного региона. К ним относятся и статьи 1954 г. — «Буддийская кумирня в Мерве», «Хароба-кошук», а также «Некоторые архитектурные памятники левобережной Амударьи» (1955) «Джаме мечети Анау», «Основные черты средневекового архитектурного наследия Южного Туркменистана» и «Ханка в Мехне» — все три за 1956 г.

Еще в 1953 г. «Пути развития...» были в основном завершены в качестве докторской диссертации, но степень доктора искусствоведения была присуждена Пугаченковой только в 1959^г - монографии, через год после ее выхода в свет в качестве VI тома Трудов ЮТАКЭ. К тому времени ею уже были изданы и общие обзоры архитектурных памятников в книге «Очерки по истории искусства Туркменистана» (А., 1956) и в первом томе «Истории Туркменской ССР» (А., 1957), плюс монография «Мечеть Анау» (А., 1959)[»] статьи 1958 г.: «Археологическая рекогносцировка областей Среднего Мургаба», «Новые материалы к истории архитектуры Южного Туркменистана» и «Своды в архитектуре Южного Туркменистана». Но главный результат этого периода, конечно, фундаментальные «Пути развития...». Автор первой рецензии отметил, в частности, что «круг исследуемых в книге проблем охватывает не только обозначенную в ее названии географическую зону; серьезные, глубоко аргументированное решение находят в книге также многие проблемы генезиса архитектурных стилей и форм различных областей Средней Азии и сопредельных стран» [Хмельницкий, 1959- С. 148].

[К первой столь всеобъемлющей работе Г. А. Пугаченковой больше всего претензий может быть предъявлено по части ее общеисторической терминологии и встроенное[™] в ныне отвергнутую марксистскую концепцию формационного развития классового общества (при этом она вполне обошлась без неперемных в то время ссылок на Маркса, Ленина и т. п.).

Но мешает ли это восприятию основного массива того фактического материала, кото-

рый ценен сам по себе? Ни в коей мере! Пользуясь этой книгой как исключительно емким справочником, мы совершенно не обращаем внимания на ее титульный лист или формулировки глав. Не в них суть. При всем аполитизме темы, бесконечно далекой от реалий середины XX в., нельзя забывать, что монография создавалась в крайне специфических условиях. Хотя это и был период так называемой «оттепели», идеологические вериги советские историки носили как само собой разумеющееся. Поэтому Галина Анатольевна не стала возражать, когда на обсуждении в Академии архитектуры СССР, как свидетельствуем С. М. Горшенина, в названии монографии было предложено заменить слова «античность и средневековье» более «правильным» выражением: «пора рабовладения и феодализма» [Горшенина, 2001. С. 134].

Наконец, что такое Южный Туркменистан в заголовке? Исторической области с таким названием никогда не было, но Пугаченковой не оставалось ничего иного, как взять ту условно выделенную географическую зону, которая уже была закреплена в названии самой экспедиции. Как известно, Туркменистан появился на политической карте в 1924 г. в результате национального размежевания Средней Азии. С тех пор это геополитическая реальность, с которой не только нельзя не считаться, но которая обрела еще более выраженную лепетность после распада СССР и образования новых независимых государств, в том числе и Туркменистана. Точнее было бы в заглавии книги использовать понятие Северный Хорасан, являющееся синонимом Южного Туркменистана, но оно ушло из современной лексики, а само понятие «Хорасан» сузилось до размеров одноименной провинции Ирана. Между прочим, не только советские авторы, писавшие о средневековой архитектуре этой области, вынуждены были дробить некогда единый исторический Хорасан по линиям нынешних государственных границ и оставлять за полями своих работ труднодоступные для них памятники Ирана, Афганистана и т.д. Точно также их западные коллеги, обогатившие науку публикацией важнейших объектов Среднего Востока, ничего не могли сказать о среднеазиатской архитектуре, кроме ссылок прежде всего на Пугаченкову. Самый наглядный пример такого рода — фундаментальный каталог профессора Американского университета в Каире Б. О'Кана «Тимуридская архитектура в Хорасане», где отсутствуют памятники Мерва и Ангу, о чем, правда, автор предупреждает в предисловии [О'Кане, 1987. Р. xi]. И только Пугаченкова в своей книге 1976 г. «Зодчество Центральной Азии, XV век», а после нее — Лиза Голумбек и Дональд Уилбер преодолели эту вынужденную ограниченность, показав тимуридскую архитектуру во всей ее полноте [Golombek, Wilber, 1988]. Но все это работы в довольно узких хронологических и географических рамках, тогда как в «Пути развития...» дана широкая панорама истории архитектуры одного большого региона от архаики до XIX в. Конечно, выдающиеся археологические открытия последних десятилетий существенно изменили наши представления именно о так называемой архаической архитектуре — прежде всего связанной с эпохой бронзы. Сама Галина Анатольевна уже после завершения работы над диссертацией ввела в научный оборот еще целый ряд памятников средневековья, которые не вошли в монографию, но опубликованы в серии ее статей 1958-1963 гг.

Когда-то Л. И. Ремпель, ознакомившись с авторефератом докторской диссертации Пугаченковой, высказал ряд критических замечаний, большинство которых она учла при подготовке монографии к печати. Конечно, как и во всякой большой работе, здесь можно найти немало ошибок и неточностей, на некоторые из которых указывал в своей рецензии

Г. А. Хмельницкий. Но такая «ловля блох» ни в коей мере не может затмить значительность этой до сих пор никем не превзойденного труда. С сожалением приходится признать, что после поколения Пугаченковой (включая тех, кто был старше или младше её на ю-20 лет) в русскоязычной науке фактически не осталось никого, кто бы специализировался в этой области. Исследования Нисы теперь ведут в основном итальянцы, в Мерве работают англичане, в Серахе — поляки, в Абиверде — французы, в Дехистане — испанцы. В России не осталось ни одного специалиста по туркменским древностям, кто был бы моложе 50 лет, а это значит, что данное направление российского востоковедения обречено на исчезновение. В самом Туркменистане ситуация аналогичная: после ликвидации ЮТАКЭ четверть века назад прекратилась и подготовка национальных кадров высококвалифицированных археологов, искусствоведов, историков. Те, кто прошли школу Пугаченковой, профессионально общались с ней и считают себя ее учениками, стали теперь «последними из могикан».

В начале 60-х Пугаченкова продолжала публиковать статьи обзорного характера, в которых кратко и внятно показаны как общие тенденции архитектурной истории отдельных районов Туркменистана, так и особенности вновь открытых сооружений. Вот их перечень: «Этнографические памятники туркменской народной архитектуры», «К характеристике крепостной архитектуры Султан-калы», «Мавзолей Абдуллы ибн Бурейды», «Яртыгумбэ», «Материалы к истории хорезмского зодчества», «Новое в архитектуре средневекового Мерва», «Круглый храм парфянской Нисы» (совм. с Н. Крашенинковой). Все эти работы служат дополнением к знаменитому VI тому и отражают результаты ее полевых исследований, выполненных до 1959 г.¹ Ее книга «Искусство Туркменистана с древнейших времен до 1917 г.» (М., 1967) в значительной мере также посвящена архитектуре. В период с 1973 по 1983 г. Г. А. Пугаченкова опубликовала серию работ теоретического характера, основанных на туркменских материалах и связанных с интерпретацией и типологией некоторых парфянских памятников, а также средневековых мавзолеев Хорасана. Последней специальной работой по Туркмении стала написанная совм. с З. И. Усмановой статья «Буддийский комплекс в Гяур-кале» (Вестник древней истории, 1994; № 1).

Г. А. Пугаченкова всегда отстаивала идею автохтонности тех архитектурных традиций, которые существовали в означенном регионе. Она считала важным, по ее же словам, «показать равную созидательную роль смешанного тюрко-иранского населения Хорасана в местном зодчестве, которое не было привилегией одних только персидских мастеров». Это не могло не вызвать целой волны критики в ее адрес, которая в те времена была как профессионально обоснованной, так и доходящей до совершенно абсурдных обвинений в пантюризме. Эта волна достигла апогея чуть позже, когда появился ее следующая крупная монография «История искусств Узбекистана» (совм. с Л. И. Ремпелем). Но прошли годы, страсти улеглись и сегодня те же «Пути развития...» — ничто иное, как классика науки. И если эта работа будет когда-либо переиздана, то делать это нужно не с исправлениями и дополнениями, и не просто факсимильно. Она заслуживает критического издания, сохраняющего все особенности оригинала, как памятник исторической мысли, с необходимыми комментариями, разъясняющими те места, которые спустя полвека могут быть дополнены новыми данными и другими взглядами. Не только этот, но и другие труды Галины Анатольевны едва ли не сразу после выхода в свет становились раритетами. Что уж говорить об их нынешней рыночной стоимости, когда они превратились в настоящий антиквариат!

Если бы не ЮТАКЭ, если бы не такие яркие фигуры в составе этой теперь уже легендарной экспедиции, очень многое из архитектурного наследия Туркменистана попросту бы исчезло бесследно, как исчезли сотни и тысячи построек древности и средневековья, не сохранившиеся до 50-х гг. прошлого века, и как исчезают на наших глазах те реликты, которые Пугаченкова еще застала и успела зафиксировать в обмерах, чертежах, фотографиях и реконструкциях, позволяющих достоверно представить их первоначальный облик. Время неумолимо и сырцовые руины особенно уязвимы на фоне таких постоянных угроз как атмосферные осадки, дефляция, засоление почв и все возрастающее антропогенное изменение ландшафта. Пока мы не в силах обеспечить надежный охранный статус заповедных территорий, не можем найти эффективную методику долговременной консервации глиняной архитектуры и даже проводя какие-то локальные работы по поддержанию сохранности этих руин не имеем никаких ресурсов для того, чтобы расширить свой опыт и распространить его на все объекты, которые требуют неотложной помощи. Несмотря на то, что парфянские крепости Нисы, Древний Мерв и Куня-Ургенч за последнее десятилетие были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, учитывая реальное положение дел в этих и других историко-культурных заповедниках, можно уверенно прогнозировать, что в XXI веке исчезнут с лица земли большинство из тех памятников Туркменистана, которые 60 лет назад Г. А. Пугаченкова застала в гораздо лучшем состоянии, чем они находятся сегодня. Но они дойдут до наших далеких потомков через ее труды, которым хотя бы по этой причине суждено пережить свое время и самим стать памятниками науки, по отношению к которым прилагательное «устаревшие» попросту теряет смысл. Устаревшими могут стать теории, но никак не первоисточники.

Литература

- Бачинский Н. М.** Искусство старых зодчих Туркмении. Москва, 1950.
- Горшенина С.** Галина Пугаченкова. Ташкент, 2001.
- Жуков В. Д.** Изучение пригорода Нисы в 1946 г. // Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949-
- Массой М. Е.** Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года // Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949-
- Массой М. Е.** Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ (1955-1957) // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XVI. Ашхабад, 1978.
- Пилипко В. Н.** Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. Москва, 2001.
- Пугаченкова Г. А.** Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949-
- Пугаченкова Г. А.** Новое по архитектуре средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
- Хмельницкий С. Г. Книга по истории среднеазиатского зодчества // Вестник Академии наук СССР, 1959. № 4-
- Golombek L., Wilber D.** The Timurid Architecture of Iran and Turan. Vol. I—II. Princeton — New Jersey, 1988.
- O'Kane B.** Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa, 1987.

Б. Матбабаев, Чжао Фэн
Узбекистан, КНР

К ИСТОРИИ ТКАЧЕСТВА В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ (ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА)

Ферганская долина с древних времен считается крупным центром ткачества в Центральной Азии. По археологическим данным история ремесла насчитывает более 3000 лет. Образцы самого текстиля, конечно, до нас не дошли. Однако имеются прямые доказательства развитости ткачества в древней Фергане [Абдулгазиева, 2004. С. 44~48] Так, на внутренней стороне керамических сосудов племен древнеземледельческой чустской культуры Ферганы (XII-VII вв. до н.э.) сохранились отпечатки тканей [Заднепровский, 1962. Табл. XVI; Коробкова, 1962. С. 231-234]- Объясняется это тем, что первоначально керамические сосуды изготавливались вручную лепным способом, когда форма изделию придавалась при помощи мешочка, заполненного песком или землей, который облепливался валиками-лентами глины. Таким образом, гончар сам не подозревая об этом, проделывал жизнь тканей, отпечатывавшихся на дне и стенках сосуда (рис. 3)- Волокно бралось из коконов шелкопряда, хлопка и лубяных культур (лен, кенаф). По мнению специалистов, основную часть составляли ткани полотняного и репсового плетения, меньше было саржевого плетения. Однако определить к какому из видов относится то или иное волокно очень сложно. Необходимо отметить, что другими вещественными данными ткацкого производства являются связанные с этим процессом орудия труда: костяные гребенки, челнок, прясла, веретено (рис. 1, 2, 8) и образцы сохранившихся тканей. Структура и сложность плетения древних тканей указывает на то, что они были изготовлены на ткацком станке, который, по мнению исследователей, был вертикальным. От ткацкого станка из эпохи бронзы сохранились челнок (рис. 1) [Спришевский, 1954- С. 74, рис. 8, 1] и гребенки (для прибавания утка), изготовленные из костей животного [Заднепровский, 1962. Табл. XXIII, 1-8, ю-12, 21-24]. Для натягивания нитей использовались специальные грузики, вырезанные из фрагментов разбитых сосудов.

О развитии ткацкого производства свидетельствуют также многочисленные керамические пряслица из раскопок. Исследователь чустской культуры Ю. А. Заднепровский выделяет три типа изделий: чечевицеобразные, конические и биконические [Заднепровский, 1962. С. 83].

До недавнего времени считалось, что в древности основным сырьем для ткацкого ремесла в Ферганской долине служило волокно хлопка. Нити, изготовленные из волокна и семян хлопчатника, выявлены на многих памятниках Ферганы [Салтовская, 1971- С. 18]. Однако отсутствовали археологические материалы о производстве шелковых тканей, не встречались сведения об этом и в письменных источниках. Правда, единственный ранний образец шелка для Средней Азии был выявлен на городище Сапаллитепа (XVII-

оЩй

: t

/ \$ |

I .Л

(• |

, |

ЖI

I

й^й?

o w

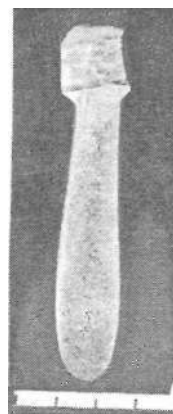

Рис. 1 - Костяной предмет (челнок?) из Чустского поселения (эпоха поздней бронзы).

XIV вв. до н.э.) в Сурхандарьинской области [Аскарлов, 1973-С. 173-174; Аскарлов, 1977- С. 101-126]. Отметим, что полученные в последнее время данные позволяют по-новому взглянуть на возникновение шелкоткачества в Ферганской долине. Пока самые ранние находки шелка выявлены в могильнике Карабулак в Южной Фергане (рис. 4-5), который датируется последними веками до н. э. — 1-й вв. н. э. [Баруздин, 1961. С. 43-82; Литвинский, 1972. С. 133-136]. Две трети всех представленных тканей составляли шелковые самого разного качества: гладкие, камки, полихромные, вышивки [Лубо-Лесниченко, 1982. С. 48-53]- Очень интересны фрагменты тканей с изображением полуобнаженных женщин, держащих в руках мифических драконов с длинными носами. Женские божества со змеевидными существами в руках — широко распространенный образ в мифологии древнего мира. Некоторые узоры на шелковых тканях из Карабулака по своему оформлению происходят из сцен орнаментального искусства Юго-Восточной Азии.

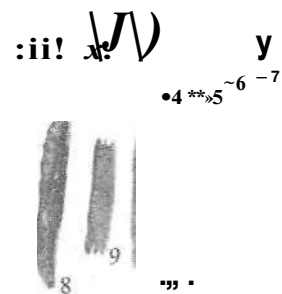

Рис. 2. Костяные гребенки (эпоха поздней бронзы, Чустское поселение).

Среди карабулакских шелковых изделий выделяются лицевые покрывала, наглазники (так называемые «очки»), вотивные фляжки, кисет и, конечно, одежда. Представляет интерес погребальный обряд, связанный с лицевыми покрывалами и наглазниками. О его широком распространении свидетельствуют раскопки городского могильника Мунчактепа (около города Пап в Наманганской области Республики Узбекистан), где были обнаружены схожие элементы погребального обряда, которые являются очень важными для изучения религиозных представлений народов Ферганской долины. Обычаи, связанные с лицевым покрывалом, наглазниками считаются одним из ритуалов погребальной практики и известны в ряде памятников Ферганы (могильники Карабулак, Боркорбаз) и Шиньжана-Синьцзяна (КНР) (могильники Кара Ходжа, Астана, Яр Хотю). Описывая лицевые покрывала из Синьцзяна, китаевед Е. И. Лубо-Лесниченко справедливо считает их среднеазиатскими по происхождению. В Синьцзяне (могильник Астана) и Южной Фергане (могильник Карабулак) лицевые покрывала, в отличие от мунчактепских (рис. 6), обнаружены с наглазниками. В Карабулаке на место наглазника вставлены маленькие «подушки» из шелка. В могильниках Астана и Карабулак лицевые покрывала имеют своеобразие — средняя часть изготовлялась из полихромной шелковой ткани, а края

сшиты из простого одноцветного лоскута. В некоторых лицевых покрывалах из Синьцзяна выявлены гладкие подкладки с внутренней стороны. Хронологически обряд, связанный с лицевыми покрывалами и наглазниками, как выявлено при сопо-

Рис. 3- Отпечаток ткани на керамике с памятника Сарвонтепа (VI-III вв. до н.э.) (ул. Сужаг, г. Андижан).

• ставлении с другими памятниками, первоначально появляется в Карабулаке, а затем распространяется в Мунчактепа и могильниках Синьцзяна. Предполагается, что лицевые покрывала и наглазники выполняли две функции: ритуальную и социальную. В ритуальном плане они предназначались для того, чтобы при погребении умершему закрыть глаза и лицо, как бы «ослепить» покойного, дабы он не смог найти путь в мир живых. По сведениям этнографов, у многих народов по настоящее время сохраняется обряд прикрывать ища и глаза умершего тканью. В социальном

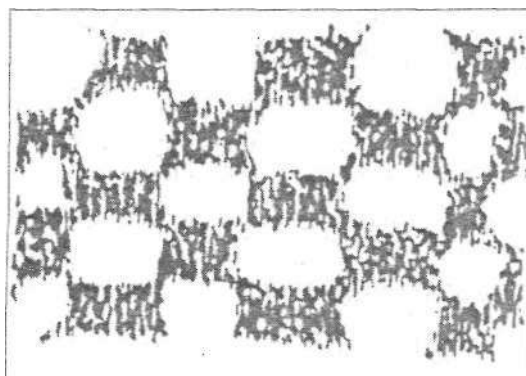

Рис. 4- Могильник Карабулак (I—II вв.). Образцы тканей.

плане этот обычай отражал статус покойного в обществе, лицевые покрывала и наглазники функционально приравнивались к погребальным маскам из драгоценных металлов.

Уникальные находки текстиля из мог. Мунчактепа свидетельствуют, что в Ферганской долине в эпоху раннего средневековья были выработаны несколько типов тканей (рис. 6, 7). Текстильные остатки найдены в более 30 случаях: в 27 камышовых гробах склепа 5, в склепах 1, 3, 9 а также в одиночных погребениях. Ткань представлена в виде остатков материи из хлопка, шелка и шерсти. Выявленная ткань представляет собой остатки одежды, лицевых покрывал, головных уборов и ритуальных «подушек». Хорошо сохранились остатки декора ёлочкой поверх хлопковой основы. Выявленные шелковые рубашки сшиты из тканей местной выработки. В качестве декорировки использованы полихромные шелка типа самит, украшенные растительным рисунком. В одном случае в декоре накладного воротника использованы китайские (?) камчатые шелка с геометрическим орнаментом. Большая часть одежды сшита из тканей, окрашенных краской маренго. В качестве красителя использовалось также индиго. Эти материалы исследованы совместно узбекскими учеными и специалистами Китайского национального музея шелка под руководством БХ. Матбабаева и Фэн Чжао.

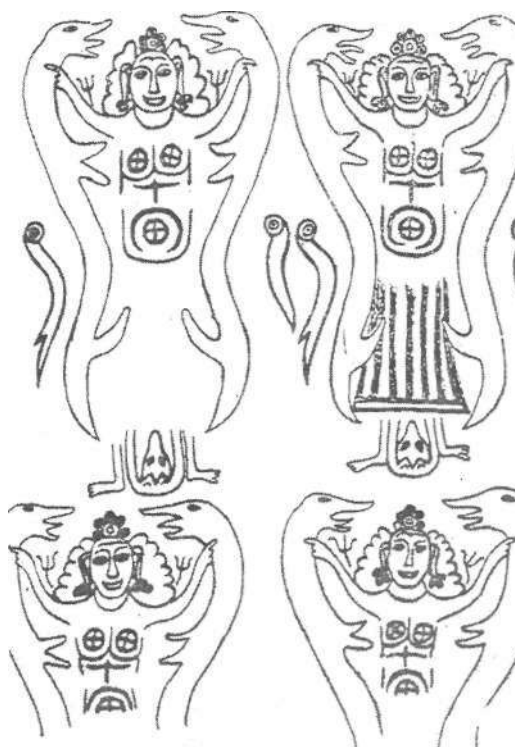

Рис. 5- Могильник Карабулак. Образцы тканей.

Следует отметить, что найденные раннесредневековые текстильные изделия из Мунчактепа делятся на две группы: хлопок и шелк. Первый встречается в меньшем количестве и худшем качестве, а последний — чаще и сохранился значительно лучше. В ком-

плексе найдено множество остатков хлопковой ткани, хотя все они в силу разных причин были в плохом состоянии. Лучшее всего сохранилась хлопковая ткань на муаре — Б-1-3 (камышовый гроб). С поверхности видны 12 нитей на 1 см в основе и 12 в утке. Еще один небольшой кусок хлопковой материи в хорошем состоянии находится между двумя слоями муара Г-9-1- Однако волокна очень хрупкие, образец взять трудно, качество определено только методом инфракрасной спектроскопии. Хлопковая ткань, вероятнее всего, была произведена в Ферганской долине. По сообщению китайского паломника Хой Чао, в Фергане производили хлопчатобумажную ткань «дебу» [Бернштам, 195²- С. 193; Литвинский, 1978. С 38-59]-

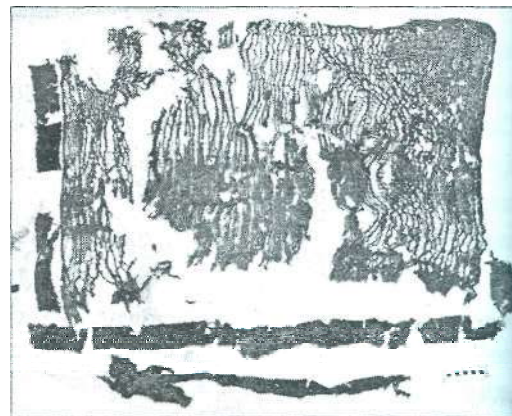

Рис. 6. Могильник Мунчактепа (V-VIII вв), Лицевое покрывало из тонкого шелка.

По структуре переплетения нитей и техническим элементам найденные изделия из шелка делятся на пять категорий: такет с шелковой пряжей, такет с плоским шелком, парча, Дамаск и муар. Все пять видов были найдены в северо-западном Китае, так что мы можем сравнить текстиль из Мунчактепа с подобными материалами китайского участка Шелкового Пути.

Основываясь на наших предыдущих данных, можно предположить, что такеты с шелковой нитью производились на территории Центральной Азии, включая Киузи, Суле, а также Кача в Синьцзяне. Однако сам факт, что подобные образцы в большом количестве встречаются также в Мунчактепе в Ферганской долине, позволяет предположить возможность производства данной группы текстильных товаров в ограниченном районе, т. е. в Фергане.

Проверка полотна для такета с плоским шелком показала, что маленькое, но ровное поперечное сечение более характерно для шелка, который производился в Центральном Китае из коконов одомашненного тутового шелкопряда. Тогда наиболее вероятно, что ткань такета с плоским шелком была выработана в Центральной Азии, скорее всего в Согде, а шелк как таковой импортировался из дальних районов Центрального Китая.

Обнаруженные образцы парчи позволяют утверждать, что структура парчового узора была впервые изобретена и соткана на территории Согда. Скорее всего, ткань производилась в Согде, а затем по Шелковому пути переправлялась в Фергану.

Возможно также, что ткань производилась и на тер-

Рис. 7- Могильник Мунчактепа. Образцы ткани с узором.

территории самой Ферганы. По сравнению с парчой, найденной на памятниках вдоль Шелкового Пути и находящихся в коллекциях различных институтов и кафедральных соборов, фрагменты из Мунчактепа являются самыми ранними.

Изучение образцов шелкового муара (измерено 10 образцов) показало, что возможно, ширина ткацкого станка, равна приблизительно 50-ти см. Размер характерен для периода династии Хань. В соответствии с историческими документами династии Хань обычная ширина ткацкого станка на рынке составляла 2 чи (ханьский фут) и 2 кун (ханьский дюйм), что приблизительно составляло 50 см (один ханьский чи равен 23 см). Следовательно, какой-то тип муара ввозился в Ферганскую долину из Китая. Форма поперечного сечения, взятая из образцов шелковых волюнов Дамаска и муара, также однозначно подтверждает данное предположение, так как последние полностью совпадают с поперечным сечением образцов того же периода, обнаруженных в Китае. Результаты радиоуглеродного анализа C14 в лаборатории Пекинского университета в конце 2008 года показали, что ткань выработана приблизительно в $195 \pm 3^\circ$ году н. э. Позже лаборатория скорректировала данные анализа C14, выдав результаты в процентном соотношении: 47,7% между 275-335 г. и 94,4% между 210-390 г.

Образцы ткани из Мунчактепа в большинстве своем являются шелковым муаром, включая такеты с шелковой пряжей, такеты с плоским шелком, шелковую парчу и дамаск. Чаще встречаются шелковый муар и дамаск, являющиеся достаточно простыми по техническому исполнению. Эти ткани, по-видимому, импортировались из Центрального Китая, в то время как такет с плоским шелком и шелковая парча, вероятно, вырабатывались на территории Согда, а затем экспортировались в Китай по Шелковому Пути. Отметим, что «в настоящее время невозможно провести четкое различие между занданахи и тканями, производимыми в Восточном Туркестане (Шинжань). Возможно, часть тканей, считающихся согдийскими, произведена в восточно-туркестанских мастерских» [Лубо-Лесниченко, 1995- С. 66]. Однако весьма вероятно, что такет с шелковой пряжей вырабатывался на территории к северо-западу от Китая в восточном регионе Узбекистана, в Ферганской долине.

Таким образом, обнаружение большой коллекции шелковых тканей в могильнике Мунчактепа указывает, что ферганцы на основе местного шелка и китайских технологий создавали собственные ткани, имевшие глубокие исторические корни. Так как Фергана являлась самым близким регионом к родине шелка — Китаю, вероятно, традиция шелкоткачества пришла в долину намного раньше. Отметим, что с середины II тыс. до н. э. через Синьцзян (Восточный Туркестан) шелк начинает распространяться по всей Центральной Азии как товар. По сведениям источников в конце II века до н. э. рынки были заполнены китайскими товарами [Лубо-Лесниченко, 1995- С. 54]. Однако технология производства шелка в Китае длительное время была засекречена. Учитывая археологические материалы можно предположить, что производство шелка в Фергане осваивается в начале нашей эры при непосредственном влиянии — Китая. Следовательно, Ферганская долина наряду

•И ЯШ

Рис. 8. Веретено из могильника Мунчактепа.

с Согдом, но возможно и раньше — уже в III—IV вв. становится центром шелкового производства. Шелкоткачество, несомненно, формировалось на основе древних традиций и опыта множество поколений местных ткачей. Все вышесказанное свидетельствует о существовании в древней Фергане школы ткачества высокого уровня.

Литература

- Абдулгазиева Б.** О ткачестве в древней Фергане // Материалы республиканской научно-практической конференции «Великий шелковый путь и Ферганская долина». Ташкент. 2004.
- Аскарлов А.** Сапаллитепа. Ташкент. 1973-
- Аскарлов А. А.** Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент. 1977-
- Баруздин Ю. Д.** Кара-Булакский могильник // Известия АН Киргизской ССР. Фрунзе. Серия общественных наук. (История). 1961. Том III. Вып. 3-
- Бернштам А. Н.** Тюрки и Средняя Азия в описаниях Хой Чао (726) // ВДИ. 1952. № 1.
- Заднепровский Ю. А.** Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. Вып. п8.
- Коробкова Г. Ф.** Отпечатки тканей на керамике (по материалам Дальверзина, Эйлапана и Дарауткурмана) // Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. 1962. Вып. и8.
- Литвинский Б. А.** Курганы и курумы Западной Ферганы. Москва. 1972-
- Литвинский Б. А.** Керамика из могильников Западной Ферганы. Москва. 1973-
- Литвинский Б. А.** Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. Москва. 1978.
- Лубо-Лесниченко Е. И.** Тканые узоры // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе. 1982.
- Лубо-Лесниченко Е.** Ткачество // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. 1995-
- Матбабаев Б.Х., Майтдинова Г.М.** Ткани и одежда из Мунчактепа // Археология и художественная культура Центральной Азии. Труды. Ташкент. 1995- Часть 2.
- Матбабаев Б.** Древние истоки ткачества Ферганы // Fan va turmush. Ташкент. № 5-6. 2007-
- Матбабаев Б., Чжао Фэн и др.** Раннесредневековые ткани и одежда Ферганской долины (по материалам могильника Мунчактепа в Узбекистане) (в печати).
- Салтовская Е. Д.** Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. дисс... к.и.н. Душанбе. 1971-
- Спришевский В. И.** Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 года) // Советская этнография. 1954- № 3-

К. Абдуллаев
Узбекистан

ЖИВОПИСЬ КРЕПОСТИ ТАЖА. К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА (ПО ДАННЫМ НАСТЕННЫХ РОСПИСЕЙ)

[1989] году Сурхандарьинским отрядом Института археологии, возглавляемым [Рахмоновым], были осуществлены раскопки в крепости Тавкакала или Тавка [Рахмонов, 01]. Памятник расположен в 4 км к северу от г. Шерабада среди крутых горных склонов, к бы загораживающих русло реки Шерабадарья и образующих в этом месте горлови- f (узкий проход — «дахана»). Крепость возведена на высоком утесе, на левом берегу реки. года с высоты почти юо м от уровня дороги открывается широкая панорама на живо- ично речную долину, раскинувшуюся в южном направлении (рис. 1). С другой стороны можно видеть серпантин асфальтовой дороги, ведущей на север в Согд (Кашкадарьинскую нСамаркандскую области). Такое расположение памятника позволило автору раскопа ин- терпретировать его как государственный таможенный пункт. Не вдаваясь в детали отмечу, что основанием к такому определению памятника явились лишь особенности ландшафта, I другие аргументы в пользу подобного толкования слабо обоснованы. Наиболее приемле- I ьм представляется определение Тавкакалы как наблюдательного и сигнального пункта. К В этом качестве крепость идеальна для наблюдения за дорогой с севера на юг и сама хоро- III> просматривается на всем протяжении долины.

• Наиболее примечательной находкой при раскопках Тавкакалы явилось открытие на- | стенок росписей. Не останавливаясь на общей характеристике комплекса — это в пол- | кой мере отражено в монографии Ш. Рахмонова [2001], хотелось бы отметить, что живо- | I пись состояла из двух регистров, нижний из которых, сохранившийся большей частью in | situ, представляет композицию со сценой охоты — излюбленный сюжет монументальной | живописи древнего Востока.

Верхний живописный ярус дошел до нас в виде множества мелких кусков, крошева и не- | скольких крупных фрагментов, расчищенных в завале центрального помещения, размеры | которых 8,2 x 5 м (рис. 2) [Рахмонов, 2001. С. ю8]. Данное сообщение посвящено некоторым

Рис.1

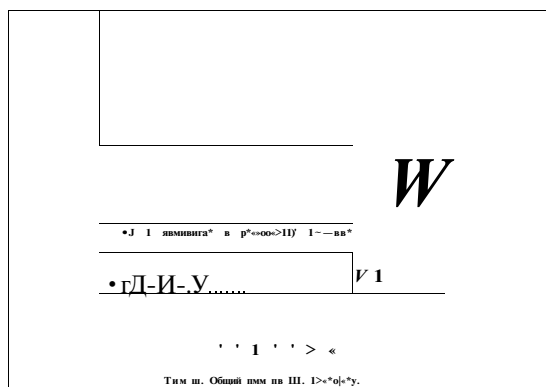

РИС.2

деталю изображений, не отраженным в публикации. Они имеют первостепенное значение при иконографическом анализе, позволяя выявить антропологические признаки персонажа на росписи и сделать несколько шагов в определении их этнической принадлежности. I

Как я уже отмечал, фрагментарность находок не дает возможности воссоздать характер живописи верхнего регистра, хотя по сохранившимся фрагментам, позам и атрибутам персонажей видно, что сюжет носит светский характер и в основе его лежит не столько действие, сколько предстояние персонажей. Главные герои композиции показаны в крупном масштабе, между тем как второстепенные изображены мелко.

Изображение знатной дамы — одного из центральных персонажей, дошло до нас в относительно хорошей сохранности [Рахмонов, 2001. С. 39> 4¹» рис. 36]. Фигура дана фронтально, между тем как голова повернута вправо в три четверти (рис. 3) — Персонаж обличен в одежду типа халата с треугольным отворотом с правой стороны, богато орнаментированную растительными мотивами в виде четырехлепестковых розеток с округлой сердцевинной золотистого цвета. Контуры лепестков, как и центрального круга — двойные, т.е. розетка состоит как бы из колец, правильных в центре и примыкающих к нему с четырех сторон незамкнутых петель. Рисунок расположен не раппортом, его элементы свободно разбросаны по светлому фону. Характер и расположение узора позволяет с большой долей уверенности предположить, что изображенная верхняя одежда была изготовлена из дорогой шелковой ткани с тканым полихромным рисунком (самит?) китайского производства. Ткань с розетками подобных очертаний можно видеть на персонаже из Балалыктепа (рис. 4) — фигура 7 третьей группы на южной стене, с той лишь разницей, что центральные кольца меньших размеров и в большинстве случаев к ним примыкает только три лепестка [Альбаум, 1960. Рис. 101, юг]. Одежда китайской принцессы с северной стены афрасиабской росписи отделана деталями из ткани с пятилепестковыми розетками [Альбаум, 1975- Таб. XXXIX], принцип орнаментации которой аналогичен: повторяющийся элемент расположен свободно, без соблюдения симметрии и раппортного принципа (рис. 5) —

Из натальной одежды видна рубаха, перехваченная у горловины полосой светло-коричневого цвета. На шее ожерелье в виде спаренных шнурков золотистого цвета (гривна), прикрепленных по центру тремя медальонами с белыми вставками (жемчуг). По форме ожерелье напо-

Рис. 3

Рис. 4

минает образцы, знакомые нам по изображениям чаганианских послов (рис. 6) афрасиабских росписей [Альбаум, 1975- Таб. VI, XIV]. Лицо крупной формы с прямым носом и небольшим ртом; разрез глаз удлиненный с подчеркнутой линией ресниц. Верхнее веко намечено, как и на росписях Балалыктепа, коротким, чуть изогнутым росчерком. Длинные тонкие брови изящно изогнуты. С правой стороны свисает длинный и заостренный книзу височный локон черного цвета. Конец локона как бы спрятан под полосой ткани. На мочке ушной раковины длинная подвеска в виде колечка, с прикрепленным снизу шариком желтого цвета (золото). В средней части (на уровне чуть ниже мочки уха) локон украшен шариком белого цвета, с левой стороны на том же уровне виден такой же шарик, что заставляет предположить симметричный локон слева. Рот маленький, с пухлыми, изящно очерченными губами.

Рис. 5

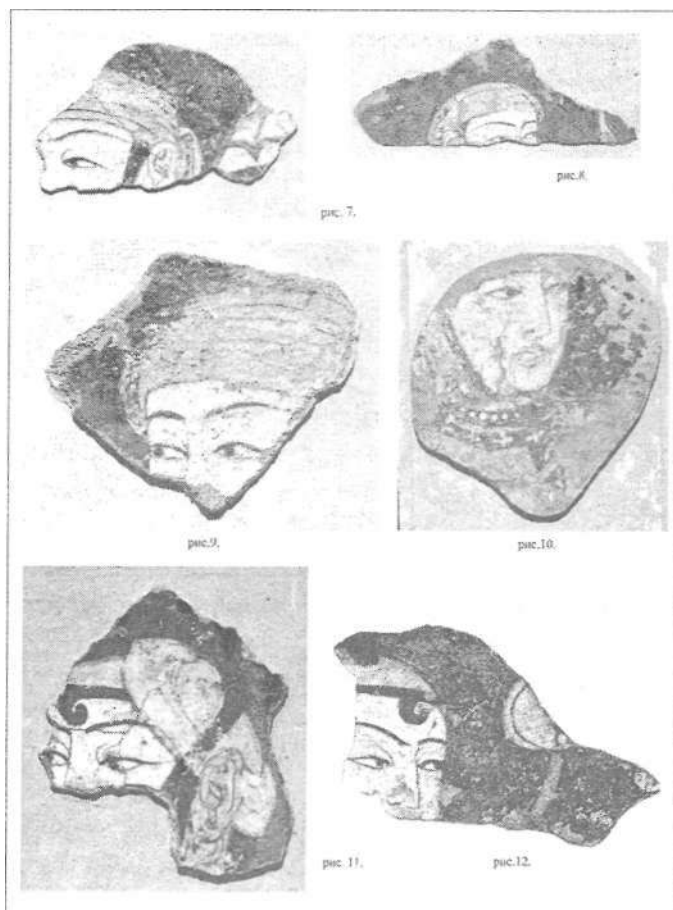

****~III --ИГ 1**

Рис. 6

Автор определяет головной убор как «чалму», поверх которой надет «калпок» [Рахмонов, 2001. С. 39, 4¹!- На самом деле волосы персонажа перехвачены широкой драпированной повязкой, поверх которой тем же цветом, что и локон, показана голова. В отличие от чалмы повязка персонажей не обернута многократно вокруг головы, создавая дополнительный объем и меняя контур головы, а, напротив, туго стягивает голову, плотно прижимая волосы. Я предположил бы, что она обвивает голову 1-2 раза и завязывается за ухом. Фигура показана на синем

фоне, что подчеркивает белизну кожи персонажа. Точный, лаконичный, крайне выразительный рисунок заставляет признать высокое мастерство художника, передавшего одухотворенный образ с изящными чертами лица. Аналогию убору можно видеть на ряде других изображений, дошедших, к сожалению, во фрагментированном виде (рис. 7; 8; 9; возможно, рис. ю).

Следующий фрагмент доносит до нас оригинальную прическу (рис. и). Голова дана в трехчетвертном обороте влево. Тип лица примерно тот же, что и на предыдущем изображении, с узким разрезом глаз, тонким прямым носом продолжающим утолщенную линию брови. Создается впечатление некоторой уплощенности, как и впрочем всего лица. Можно сказать, что лицо не лишено некоторой монголоидной примеси. Интересным на этом изображении является прическа. Ш. Рахмонов предполагает наличие «светло-серого колпака-такья, поверх которого — чалма розоватого цвета, чуть скошенная к левой части головы» [Рахмонов, 2001. С. 112, рис. 40]. Мы не можем принять это толкование в силу следующих причин. То, что автор называет «светло-серым колпаком» на самом деле — выбритая часть головы. Волосы оставлены на определенных участках: надо лбом в виде тонкой полоски с закрученным коротким локоном, спадающим на переносицу. Длинная прядь спускается от затылка по выбритой части головы и поверх складчатой материи головного убора и смешивается с длинной прядью на виске. Сзади на шее ниже убора следует темная полоса, возможно, показывающая не выбритый участок головы. Ушная раковина проработана детально, через мочку продето кольцо, ниже роспись утрачена (подвеска). Темный цвет, большой размер и грубость изображения уха резко контрастирует со светлым цветом и изысканной прорисовкой лица (так же, как и в некоторых других изображениях — возможно, рука ученика или другого мастера, пишущего отдельные детали?). Головному убору этого персонажа мне не удалось найти аналогий. Кольцо-розетка из драпированной розовой ткани с открытой серединой лихо сдвинута на левый висок и ухо наподобие берета, оставляя открытой всю выбритую голову; весь убор так смещен влево, что верхний край его не доходит даже до темени. Длинная теменная прядь опущена на висок таким образом, что помогает головному убору удерживаться сбоку, то есть он как бы продет под нее.

К вышеописанной форме прически можно отнести другой фрагмент росписи. На этом изображении отсутствует убор в виде матерчатой повязки, но зато отчетливо виден пучок оставленных волос на гладко выбритой голове (рис. 12). Голова повернута вправо, лицо дано в три четверти. Разрез глаз имеет раскосую форму. Брови тонкие с легким изгибом, нос тонкий. При описании этого фрагмента автор допускает ошибку, называя персонаж «девушкой» и считая, что на голову надет колпак, из-под которого видны локоны волос.

Еще один фрагмент росписи, не вошедший в монографию Ш. Рахмонова, также иллюстрирует прическу вышеописанного типа (рис. 13). На фрагменте верхняя часть головы персонажа, повернутого в профиль влево. Высоко поднятая тонкая бровь над узким раскосым глазом, далеко подрисованном в сторону виска; выбритая до синевы голова с длинной черной прядью у виска, другая черная полоса следует вдоль затылка — пучок, спускающийся с темени, далее темно-синим цветом показан фон. Сохранилась верхняя часть гигант-

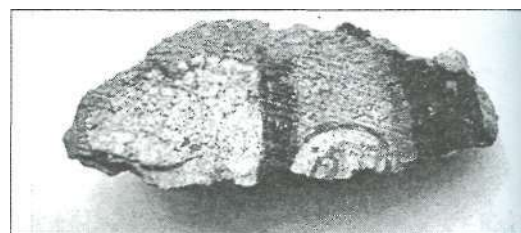

Рис. 13

ского несоразмерного уха — признак, на который мы уже обращали внимание. Резкий контраст между тонкими изящными лицами и непропорционально большими грубыми ушами кажется странным, но вряд ли это объясняется случайными причинами. Возможно, в этом кроется смысловая или символическая подоплека, которая со временем будет разгадана.

Из приведенных выше примеров мы не можем дать полную конструкцию прически с выбрированными частями головы. Как же она выглядела в целом? На первом фрагменте часть прически прикрыта повязкой, на других значитель-

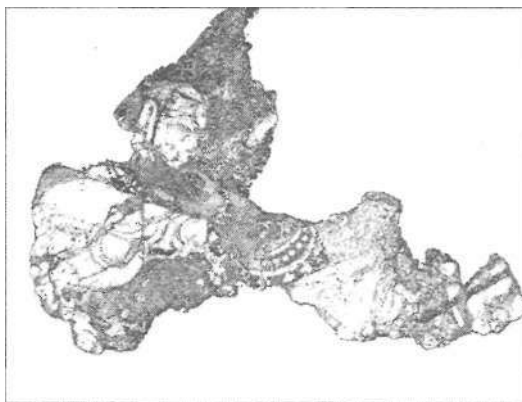

Рис. 14

ная часть изображения утрачена. Возможность реконструировать данную форму прически дает еще один фрагмент росписи с крохотной фигуркой персонажа, который показан в довольно необычном ракурсе, о чем мы скажем позднее (рис. 14). Здесь же я хочу обратить внимание на то, как художник трактует ту же прическу в профильном изображении. И так, на фрагменте показана горизонтальная линия волос, проходящая надо лбом и под прямым углом опущенная на висок, образуя длинный височный локон. Другая полоска небрированных волос проходит от виска назад на затылок.

Большой интерес представляет сам персонаж. Прежде всего обращает на себя внимание, как уже отмечалось, необычность позы. Автор публикации Ш. Рахмонов полагает, что «персонаж на данном фрагменте по позе можно толковать как изображение всадницы» [Рахмонов, 2001. С. 53-54] ИЗ, рис. 50, 5!- Однако с таким толкованием трудно согласиться. Фигура изображена в профиль в сложном ракурсе; подчеркнута грудь и вся фигура несколько прогнута назад, что немыслимо при стоячей или сидячей позе. Правая рука вытянута вперед, там, где должна быть кисть, утрата. Далее изображено

ожерелье, то самое или совершенно аналогичное тому, которое мы видим на одном из персонажей — ряд крупных перлов на черном фоне (нашпы на ткань?), ниже светлый обруч (серебро?), от которого ритмически отходят такие же светлые крестовидные подвески (трилистники?), показанные на черном фоне (рис. ю). Нетрудно догадаться, что в вытянутой руке фигурка держит ожерелье и преподносит его центральному персонажу, расположенному, надо думать, правее на этом участке росписи. Не представляет ли персонаж, которому подносят ожерелье и персонаж, уже украшенный этим ожерельем, два изображения одного и того же лица, совмещенных в единую композицию? Образное мышление древнего художника, обычно очень точно-

Рис. 15

Я

го в передаче реалий, допускает вольное обращение с такими абстрактными понятиями, как время и пространство.

Я полагаю, что миниатюрная фигурка парит в воздухе, наподобие ангелов, эротов, путти, часто венчающих центрального героя композиции. Ближайшую аналогию к данному сюжету можно найти на росписях Пенджикента. А. М. Беленицкий называет подобные фигуры фантастическими, по всей вероятности, исходя из репертуара пенджикентских мастеров, включавших наряду с антропоморфными фигурками мифические и фантастические существа [Беленицкий, 1973- С. 23, илл. ю]. В качестве примера я приведу лишь два изображения из росписей Пенджикента. Первое из помещения VI со второго яруса из второго эпизода представляет собой крайнюю справа фигуру со сложной прической и головным убором; его рука поднята в указующем жесте (рис. 15). Слева на

Рис. 16

уровне головы (на фоне небесного цвета) изображена мелкая летящая фигурка, обращенная к персонажу и несущая ожерелье. Второе изображение происходит из тронного зала и изображает обнаженную крылатую фигурку, напоминающую эрота античной изобразительной традиции (рис. 16), хотя четко обозначенные рельефы груди указывают на женский (или двойной) пол персонажа. Следует думать, однако, что в раннесредневековом искусстве, эти персонажи приобретают символический смысл и имеют двупольный или беспольный характер. Летящая фигурка из Тавки сочетает признаки двух полов: женские формы с пышной грудью и мужскую прическу.

Если обратиться к более ранней эпохе, то можно заметить, что древние мастера все-таки разграничивают половую принадлежность и функциональную особенность подобного рода персонажей. Напомню в этой связи крылатую Нику в эллинистическом искусстве или Нику-Хванинду в кушанском изобразительном искусстве. Например, на реверсе монет правителя Герая изображен всадник, которого венчает летящая сзади крылатая фигурка. Интересно отметить, что на рельефе из Бишапура со сценой триумфа Шапура I (вторая половина 3 в. н. э.) на верхней части композиции парит обнаженная фигурка, обращенная к царю с лентой в руках (рис. 17) [Cristensen, 1936. Fig. 15; Ghirshman, 1982. Fig. 198, 199]. Все эти сцены, надо полагать, намекают на божественную сущность происходящего, а полужантастические или мифические персонажи являются полноправными или вспомогательными участниками этих сцен.

Рис. 17

Итак, перед нами совершенно оригинальный тип прически. Пожалуй, что эта

Рис. 18

Рис. 19

несколько необычная форма прически представляет один из выразительных признаков этнического характера. Попробуем найти к ней аналогии. По времени персонажи из Тавкакалы наиболее близки к росписям Кучи [Busagli, 1963. III. 86, 87; Rowland, 1970. S. 158-159], откуда происходит образ амура-музыканта в медальоне из перлов на реликварий (рис. 18). Росписи Кучи датируются

VII в. н. э., хотя М. Бусальи склонен датировать этот реликварий более ранним временем [Busagli, 1963. P. 87]. Г. А. Пугаченкова между тем относит его к III-V вв. н. э. [Пугаченкова, 1979- С. 140]. Стрижка эта характерна для мальчиков детского и отроческого возраста. Описывая гуннов, Прокопий Кесарийский говорит, что они стриглись наголо, оставляя при этом чуб [1876].

Рис. 20

Приск Панийский, описывая этнически смешанную скифскую среду с разнообразием языков, включая «уннов» и «готфов», упоминает «человека», голова которого «была острижена в кружок» [1860. С. 69-52]. Китайская хроника Бейши (гл. 97. 177-178) дает краткое описание «Дома» Йеда (эфталитов), отмечая, что они «остригают волосы на голове» [Бичурин, т. II, 1950. С. 268]. Отдаленно такой тип прически можно проследить и в гандхарской скульптуре [Tissot, 1985. PL XIX, 1, 3, fig. 154], датируемой первой половиной I тысячелетия н. э. (рис. 22; 23; 24). Наконец, наиболее поздняя реплика запечатлена на панно из хлопчатой ткани Берлинского музея со сценой рая, происходящем из Синь Цзяня и дати-

РИС. 21

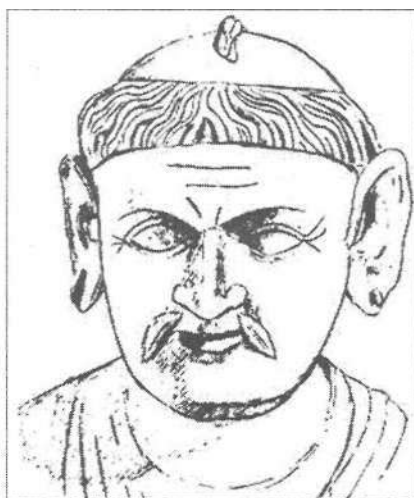

РИС. 22

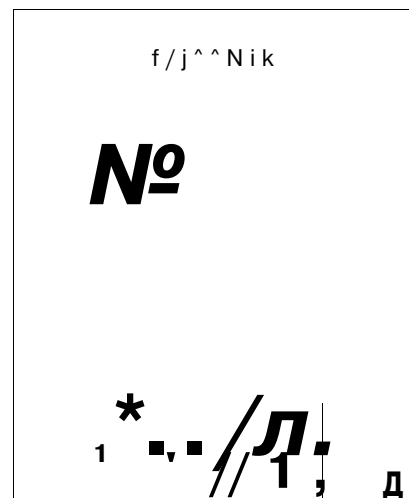

РИС. 23

руемом X-XI вв. [Turks, 2005. Fig. 1, P. 177]- Композиция передает изображение боддхисаттвы Кшитигарбху и ю царей ада (рис. 19). Здесь в третьей сцене левого ряда на переднем плане изображены две фигурки со связанными за спиной руками и в шейных колдовках (рис. 20). Нас интересует правая полуобнаженная фигурка; ее прическа очертаниями напоминает персонажей росписей Тавки, т. е. горизонтальная полоска надо лбом с чубом, длинными височным локоном прядями на затылке (рис. 2i).

Обращаясь к истокам этой прически, мы затрагиваем более ранний культурный пласт, связанный с более ранней волной миграции кочевников в Среднюю Азию, а именно юэней. Напомню в этой связи фрагмент халчаянской росписи [Пугаченкова, 1966. С. 153, рис. 88; 1971- Рис. 8] с персонажем монголоидного облика с аналогично выбритой головой и пучками полос, оставленными на висках и темени (рис. 25). К халчаянской росписи по времени наиболее близкой аналогией является гребень, выточенный из слоновой кости из погребения Тиллятепа в Афганистане [Sarianidi, 1985. Fig. 142, Cat. 3, 56] с изображением юноши с выбритой головой и длинными височными локонами и пучком, спускающимся от темени на затылок (рис. 26). Гребень, как и весь тиллятепинский комплекс, датируется 1 в. до н. э. — 1 в. н. э. Говоря о монголоидной примеси в физическом облике населения этого периода, можно привести два сюжета. Один из них происходит все с того же Тиллятепа

.....*Si

Рис. 24

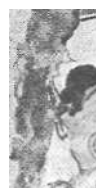

Рис. 25

РИС. 26

Рис.27

Рис. 28

И представляет собой подвеску, в центре которой изображена мужская фигура, держащая И по бокам пару грифонов. Обращает на себя внимание персонаж с лицом округлой фор- И мы с подчеркнутым раскосым разрезом глаз [Sarianidi, 1985. Fig. 44- Cat. 2, 7], как бы при- И поднятых к вискам (рис. 27). Второй сюжет — это три терракотовые головки, найденные И водном культурном слое на памятнике Паенкурган (Северная Бактрия) в комплексе с мо- И нтой Канишки I, указывающие со всей очевидностью на сосуществование различных эт- И нических типов населения региона (рис. 28) [Abdullaev, 2003. Fig. П-2, И-6, П-7].

И Если на росписях Афрасиаба, к которым мы неоднократно обращались, художник пы- И тался передать различие в костюмах, прическах и во всем физическом облике персона- И Вей, то настенная живопись Балалыктепа, близкая к Тавке как географически, так и хро- И нологически, передает обобщенный образ персонажей с круглыми головами, характер- И ной прической и костюмом. Парадные помещения замка Балалыктепа были украшены И росписями на тему пиршества. Возможно, что сцена банкета персонажей имеет и куль- И товую окраску, как полагает Л. И. Альбаум [1960. С. 196]. В данном случае главное для И нас росписях Балалыктепа — сами персонажи и их физический облик. Манера переда- И чи лиц почти одинакова — это разворот головы в три четверти, реже в профиль, положе- И ние варьируется от легкого оборота до строгого трехчетвертного оборота. Цветовая моде- И лировка рельефа и мускулатуры отсутствует, черты лица переданы лаконичными и до- И вольно изящными линиями. Почти у всех персонажей округлая форма лица с большим И широким разрезом глаз, на некоторых изображениях верхнее веко подчеркнуто длин- И ной линией до соединения с внешним краем глаза. На многих лицах персонажей верх- И нее веко показано лишь коротким росчерком. При анализе этнической принадлежности И изображенных возникает одна проблема, а именно: передавал ли художник единый ан- И тропологический тип или это единообразие лиц можно отнести к выработанной манере И мастера, который привычным для него приемом трактует образ. Как пишет автор рас- И копок, «антропологически фигуры росписей Балалыктепа можно отнести к европеоид- И ной расе брахицефального типа среднеазиатского Междуречья, к которому, по опреде- И лению Ошанина, принадлежат современные таджики и узбеки» [Альбаум, 1960. С. 190]. И Правда, Л. И. Альбаум [1960. Рис. юз, 104], говоря о едином европеоидном типе персонажей И Балалыктепа, оговаривает одну женскую фигуру на южной стене помещения, на которой И художник пытался передать монголоидность. Действительно, разрез глаз этого персонажа

заужен, остальными чертами он сходен с другими изображениями (рис. 29. Фигура № и).

Иконографический анализ Альбаума, опирающийся в основном на форму костюма и атрибутику персонажей, сближает фигуры на росписях Балалыктепа с каменными изваяниями — балбалами, распространенными на территории Казахстана и Монголии. Действительно, костюм персонажей этих двух типов изображений имеет сходную конструкцию с характерным треугольным отворотом на правой стороне. Основная идея, что каменные изваяния передают образ главного врага, отраженная в работах Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда, приводит к выводу, что каменные статуи на могилах тюрков (воинов), изображают эфталитов [Альбаум, 1960. С. 192].

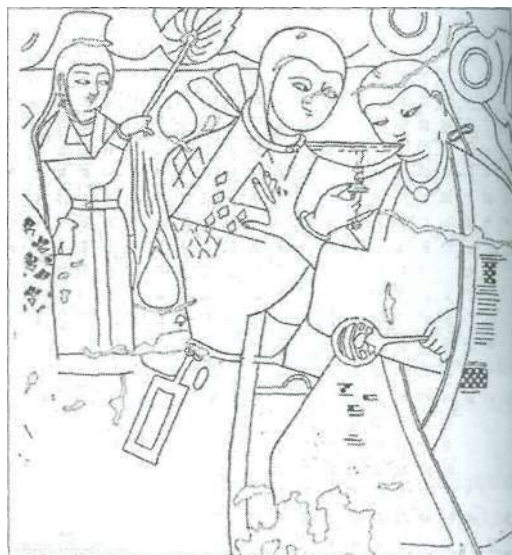

Рис. 29

Однако в этом случае следует отметить некоторые несовпадения. Во-первых, если эти изваяния передают образ эфталитов, то их внешний облик явно европеоидного типа на росписях Балалыктепа не совпадает с обликом монголоидного типа на балбалах. Альбаум приводит один балбал из Карабалты, опубликованный В. В. Бартольдом, который изображает женскую фигуру европеоидного облика в аналогичном балалыктепинском росписям костюме с кубком в руке. Однако вряд ли можно принять это изображение в качестве «главного врага» воина-тюрка. Нельзя не согласиться с мнением Л. И. Альбаума [1960. С. 206], что эфталиты представляли смешанный этнический состав, куда могли входить как представители монголоидной так и европеоидной расы. Если следовать этой теории как вполне допустимой, то мы можем говорить о процентном соотношении, но не в конкретных цифрах, а в целом. К идее Альбаума о том, что этнический состав эфталитов был смешанным, пришел и французский ученый Этьен Де ла Вессьер [Vaissiere, 2005. P. 119-132].

Еще рано делать окончательные выводы, однако, росписи Тавкакалы демонстрируют нам представителей этноса, имеющего небольшую монголоидную примесь, а форма некоторых персонажей с выстриженной головой и отдельными оставленными локонами явно указывают на принадлежность их к гуннскому кругу. Следует отметить еще несколько отличительных признаков изображений Тавкакалы от других изобразительных комплексов. На Балалыктепа можно найти некоторые элементы прически, например, длинный височный локон. Однако на этих росписях отсутствует такой элемент головного убора как повязка. Ее можно видеть на росписях Афрасиаба, в частности, на персонажах делегации Чаганиана (рис. 6). Следует учитывать также хронологическую близость этих двух памятников искусства. Кроме того, персонажи Балалыктепа, за исключением одного, имеют европеоидный облик, между тем как на росписях Тавкакалы более значительна монголоидная примесь. Несмотря на схожесть некоторых деталей прически и формы костюма, мы считаем, что с антропологической точки зрения Балалыктепа и Тавкакала демонстрируют нам два отличных типа, хотя в культурном отношении они могут быть вполне близкими.

I Литература

- I Альбаум Л. И. Балалыктепе. Ташкент, 1960.
- I Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975-
- I Беленицкий А. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М. Искусство, 1973-
- I Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. Москва-Ленинград: изд. Академии наук СССР, 1950.
- I Рахмонов Ш. Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001.
- I Прик Панийский. Сказания. Перевод с древнегреческого. Санкт-Петербург, 1860.
- I Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. Санкт-Петербург, 1876.
- I Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент. 1966.
- I Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. Москва: Искусство. 197*-
- Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. Москва: Искусство, 1979-
- Abdullaev K. Nana in Bactrian Art // Silk Road Art and Archaeology, 9. 2003.
- Busagli M. La peinture de l'Asie Centrale. Geneve, 1963.
- Christensen A. Les arts sous les Sassanides. Levin&Munksgaard. Ejnar Munksgaard. Copenhagen, 1936
- Ghirshman R. Parti i Sassanidi. Milano. Editore Rizzoli, 1982.
- [Rowland B. Zentralasien. "Kunst der Welt". Baden-Baden, 1970.
- Sarianidi V. I. Bactrian Gold. Aurora Art Publishers. Leningrad, 1985.
- Tissot F. Gandhara. Librairie d'Amérique et d'Orient. Paris, 1985.
- Turks. A Journey of a Thousand Years, 600-1600. Edited by David J. Roxburgh. Royal Academy of Arts, London, 2005.
- Vaissiere E. De la "Is There" Nationality of the Hephtalites? / Bulletin of Asia Institute, vol. 17.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТАТУСЕ ХАММАМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Историко-эволюционное развитие общественных зданий народных бань — хаммам в Центральной Азии прослеживается на протяжении многих столетий. Этот процесс В. Л. Ворониной разделен на три этапа: первый — это домонгольский период, охватывающий VIII-XII века; второй этап начинается с сохранившихся донные зданий XV-XVI веков вплоть до середины XX века; третий этап относится к советскому периоду и знаменуется строительством новых зданий бань — хаммам.

В связи с приведённой периодизацией исторического развития хаммам вполне закономерно возникает вопрос: существовали ли в Центральной Азии бани или специальные помещения, предназначенные для купания до VIII века? Ознакомление с археологическими данными позволяет дать положительный ответ. Обнаруженные остатки отдельных санитарных устройств «ташнау» с водоотводящей канализацией, а также наличие в составе отдельных памятников I-VII вв. и жилых комплексов VII-VIII вв. специальных помещений и подпольных обогревательных печей типа «каан» [Мирбабаев, 1986. С. 171] свидетельствуют, что они вместе с соответствующим оборудованием (ташнау, каан) могли быть использованы в качестве небольших придомовых бань. Остатки таких построек обнаружены, например, в составе некоторых секций жилых комплексов VII-VIII вв. в городище древнего Пенджикента (Северный Таджикистан) [Всеобщая история..., 1969. С. 197], в составе богатого дома X-XI вв. в городище Сайед и Манзара [Гулямов Э., 1984. С. 9] (Южный Таджикистан), а также хозяйственно-жилого комплекса XI-начало XIII в. в городище Старого Термеза (Узбекистан) [Пидаев, 1986. С. 171].

В некоторых памятниках (жилые комплексы Пенджикента и городище старого Термеза) домовые бани названы как холодные бани. В них могла быть использована и горячая вода, которую согревали в соседней или в одной из расположенных поблизости комнат. В других памятниках (дом на городище Сайед и Манзара) домовые бани имели подпольную систему отопления типа «каан».

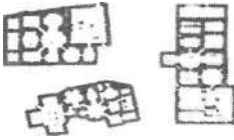

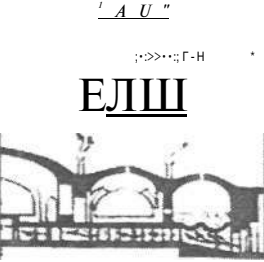
Обсуждая историю возникновения бань в Средней Азии, нужно отметить, что «... относительная замкнутость раннесредневековой городской жизни, вероятно, регламентированная зороастрийскими традициями и слабым развитием междугородних экономических связей, не позволила активизировать сооружение в городах общественных бань, т. е. в основном строились домовые бани. Однако включение в IX веке Мавераннахра и Хорасана в сферу влияния Арабского Халифата привело к тому, что такие города, как Нишапур, Мерв, Балх, Бухара, Самарканд, Ходжент, Исфиджаб и другие стали наводняться огромным количеством паломников, торговцев, ученых, дервишей, воинов, рабов. В результате возникла острая потребность в жилых и помещениях гигиенического назначения. В силу этих причин в городах Средней Азии стали интенсивными темпами строить придорожные караван-сарай, «рабады», бани, колодцы и «сардоба» [Мирбабаев, С. 171]. К сказанному добавим, что широкое строительство общественных

Баня в этот период объясняется не только и не столько необходимостью удовлетворить потребности приезжих, но и соответствовало шариатским канонам мусульманской религии [Saladin, 1908, P. 491]

Письменные источники IX–XII вв. сообщают о существовании общественных бань в Нузваре, Денденакане, Мерве, Бухаре [Материалы..., 1939; Наршахи, 1897]– Средневековые авторы, хотя и оставили лестные отзывы об этих банях, но не дали конкретных описаний. Лаконизм их оценок восполняет археология. На территории Центральной Азии самым ранним из обнаруженных раскопками общественных бань-хаммам является городской банный квартал (IX) на северо-западе Афрасиаба [Шишкина, 1973– С. 127–143]– Афрасиабские бани, по-видимому, обслуживали не только жителей городища, но и торгово-ремесленные слои многочисленных базаров Афрасиаба. Вероятно, поэтому банный квартал находился близко к одному из ворот шахристана. Помещения бани располагались вокруг дворов, просторных и связанных между собой узкими улочками. Дворы и окружающие их комнаты с отдельными кабинками для мытья были вымощены жженым кирпичом. В каждой комнате имелаась утопленная в полу ванна, размеры которой колебались от очень маленьких (1,0 x 0,6) до очень больших (2,5 x 1,3 м) [Шишкина, 1973– С. 136]. Помещения бани согревались подпольными жаровыми каналами. Это не единственный пример. Ранее на западной и восточной частях Афрасиаба были раскопаны остатки еще двух раннесредневековых бань, датируемых IX–X вв. [Гулямов Л. в соавт., 1969 С. 275]. В. Л. Воронина предполагает, что бани Афрасиаба, а вслед за ними и другие домонгольские постройки того же назначения, следовали местному опыту, который сложился в Средней Азии еще до арабского завоевания [Воронина, 1983. С. 145]–

К X–XI вв. относится также баня на территории древнего Тараза (Казахстан), от которой сохранились остатки фундамента и часть стен. Планировочная композиция заключалась в прямоугольнике размером 13,5 x 12,4 м [Бернштам, 1940]. По мнению Т. Н. Сениговой, баня имела два отделения: мужское с тремя комнатками — прихожей и помещениями для омовений и массажа, и женское в четыре комнаты [Сенигова, 1972. С. 129]. Помещения бани перекладывались сферическими куполами, обогревалась подпольными жаровыми каналами типа «каанов», которые сообщались с керамическими дымоходами в стенах. В полу обнаружены ванна и корытца. Баня обеспечивалась водой из колодца. Примерно в это время, то есть в конце IX–начале X века, в Средней Азии появляются и лечебно-целебные бани, так называемые «курук хаммам» (сухая баня) и «обзан» (лечебная ванна), известные по письменным источникам [Уралов, 2007. С. 13]. При раскопках древнего городища Ахсыкент (Узбекистан) обнаружены остатки бани, датируемой началом XI века [Ахраров. С. 53–58]– Здесь сохранены основания стен пяти помещений, выполненные из жженого кирпича. Баня была снабжена подпольной системой отопления и дымоходами в стенах. Полы и стены на высоту 1–1,5 м были оштукатурены гидравлическим раствором — «кыр». Остатки еще двух общественных бань-хаммам домонгольского периода были обнаружены на городище Шахджувартепе, расположенном на северо-восточной границе Ташкентской области [Фонарев, 1999– С. 58]. Оба здания относятся к XII — началу XIII в. и представляют собой небольшие многокамерные сводчато-купольные постройки, состоявшие из 5–6 помещений и одного моечного отделения. Бани имели подпольную отопительную систему «каанов», где одновременно подогревалась вода.

Второй этап в истории развития центрально-азиатских хаммам начинается с XV-XVIII вв. и заканчивается нач. XX века. В Самарканде, близ площади Регистан, юго-западнее медресе Улугбека, были обнаружены остатки бани, относящейся к XV в. По мнению Е. Ю. Буряковой, эта баня имела парадный характер, подземную систему отопления, резервуары для хранения воды, парикмахерскую и подсобные помещения для отдыха [Бурякова, 1986. С. 165]. Она отождествляется с известной в источниках «баней Мирзы», построенной Улугбеком. Баня того же периода была вскрыта на территории цитадели Тимура [Бурякова, 1863. С. 168-169]. Она имела прямоугольную в плане полуподземную часть здания (24 x 18 м) и включала в себя раздевальню, довольно большой набор помывочных помещений с различным

Принципы объемно-планировочных решений	Наглядность принципа	Эффект архитектурного решения
Применение компактного пространственно-замкнутого архитектурного решения и планировочных композиций (центричная, продольно-осевая, сложно-компактная)		Обеспечивает защиту зданий от неблагоприятных воздействий внешней среды жаркого климата (весьма высокая температура в летний период, нередко низкая - в зимний, сильная солнечная радиация, наличие пыльных и горячих песчаных ветров)
Сочетание двух архитектурно-конструктивных систем: стоечно-балочной для раздевально-вестибюльной и сводчато-купальной для помывочной группы помещений (исключение имели некоторые бухарские бани: бани Саррафон и Мисгарон)		Сочетание конструктивных систем обладает очень высокими художественно-образными и композиционными качествами. Сводчато-купольная конструкция обуславливает более низкую температуру нагрева поверхности покрытия и создает благоприятные условия для ее снижения под воздействием ветра. Лучшее организует сток воды с внутренней поверхности покрытия мокрых и влажных помещений хаммам образуемых при конденсате пара.
Взаимосвязь купальных помещений с учетом постепенного повышения их температур и периметральное расположение их вокруг центрального помывочного зала Применение единой подпольной системы отопления и обогрева воды, использование теплых полов и суфлежанок для купальных помещений		Обеспечивает максимальную коррекцию неблагоприятных воздействий внешней среды на организм человека и позволяет посетителю выбрать необходимые для себя условия банной среды Улучшает эксплуатацию здания, повышает оздоровительный эффект банной процедуры, позволяет рационально использовать пространства и конструкции здания
Ориентация помещений хаммам: для мокрых и влажных помещений часто южная и юго-западная стороны горизонта, для сухих - северная и северо-восточная	В	Способствуют улучшению санитарно-гигиенических условий и увеличивают срок службы здания
Возведение зданий хаммам из местных традиционных строительных материалов	Обожженный кирпич, кирпич-сырец, глина, водонепроницаемый раствор - «кыр»	Приводит к значительной экономии средств в строительстве

температурным режимом, отопление велось подпольной топочной системой. Аналогичные по планировке бани известны в Шахрисабзе, Карши, Бухаре, Ташкенте, Хиве, Ходженте, Ура-Тюбе и других городах Центральной Азии. Часть из них сохранились и успешно эксплуатируются и в наши дни, например в Бухаре бани Мисгарон и Саррафон.

Таким образом, к XV в. (возможно, уже и к XIV в.) бани Центральной Азии имели совершенно иной чем в домонгольский период вид: «это капитально построенные из жженого кирпича сооружения, компактные и детально продуманные по плану, с выделением композиционного акцента главного помывочного зала, со строго последовательной системой соединения помещений и температурной градацией» [Воронина, 1983. С. 145]

Во второй половине XIX- начала XX века в связи с изменением внутрифеодальных отношений в Центральной Азии и влиянием европейской культуры в некоторых городах (Фергане, Намангане, в старом Ходженте и др.) отмечены функциональные изменения в организации народных бань. В частности, тенденции увеличения их оздоровительно-гигиенического цикла: частично расширялась группа вспомогательных и купальных помещений, заметно улучшилась их планировочная взаимосвязь между отдельными группами помещений, а также инженерно-техническое оборудование. Бани строились в блокировке с чайханой и мечетью. Построенные ранее бани-хаммам реконструировались с пристройкой женского отделения. В этот период в составе центрально-азиатских бань впервые появляются индивидуальные ванно-душевые номера. Тогда же в Центральной Азии строятся первые бани русского типа [Шарко, 1976.] В XIX столетии небольшие здания хаммам появляются также и в селах Центральной Азии, включаясь в структуры общественно-культурных зданий и располагаясь часто в блокировке с мечетью и чайханой.

Ярким свидетельством и подтверждением освоения прогрессивного наследия прошлого служат многочисленные хаммам, построенные в годы советской власти. Бани этого периода отличаются улучшенным составом помещений, обязательным становится включение в структуру индивидуальных номеров, состоящих из трех последовательно соединенных комнат (раздевалки, массажной, моечной). Архитектура бань получает более четкие формы. Хаммам, созданные народными мастерами-«усто» в содружестве с профессиональными архитекторами, приобретают вид зданий подлинно-общественного характера; они приподнимаются над землей, часто строятся на цоколях, кроме того сооружаются и женские отделения. В состав входной группы помещений включаются чайхана, парикмахерская, нередко можно видеть и широкие айваны. Постепенно появляется и декор, украшающий вестибюль и предбанную группу помещений. В новых зданиях с большим мастерством сочетались конструктивная логичность, экономичность затрат, целесообразность планировки и красота и изящество форм. Таковы общественные здания хаммам в Алма-Ате, Самарканде, Коканде, Намангане, Джизаке, Сырдарье и других городах республик Центральной Азии, построенные в советский период.

Таким образом, на протяжении всех этапов типологического формирования и историко-эволюционного развития хаммам социально-экономические условия строительства и климатические особенности являлись главными факторами, определяющими объемно-планировочные решения и величину банно-купальных зданий, а также общие закономерности функционально-технологических изменений в их организации. Более подробная характеристика и принципы архитектурно-планировочных решений зданий бань-хаммам XV-XIX вв. приведены в таблице.

Особенности народных бань отразились также на лечебно-гигиенической функции и составе помещений, куда вошли: предбанник (чорхары), комната для отдыха (дам олиш хона), главный зал (миан сарай или катта гумбаз), массажная (хатми хона), парная (гарм хона или иссик хона), холодная моечная (хунук хана или совук хана), комнаты с резервуарами горячей и холодной воды (об хона или сув хона) и топочная (дулах или олов хона).

Архитектурно-градостроительную типологию народных хаммам Центральной Азии можно представить следующим образом. К этой классификации можно добавить и передвижные бани тюрков, в том числе и тимуридские, которые сопровождали армию в походах [У. Турон, 1995]-

НАЗНАЧЕНИЕ	ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНИ			ЧАСТНЫЕ БАНИ	СЕЛЬСКИЕ БАНИ
	Общегородские — «базарные»	Квартальные «гузарные» Бани «муррича»	Бани, вошедшие в архитектурные комплексы или ансамбли		
Градостроительная типология и система размещения				В составе дворцовых сооружений, крепостей, замков и садов-парковых резиденций	В структуре общественно-бытовых или культовых зданий
Наглядные примеры					
Примеры из существующих зданий	Пушти хаммам в Чорсу в Ташкенте Хаммамы Саррафон и Мисгарон в Бухаре Старогородская баня в Ходженте и др.	Хаммам Панжаб и Довути в Самарканде, XIX в. Бани в квартале Дарвозан Болдо в Уратюбе, XIX в.	Бани в комплексе Ходжа Ахмеда Яссава, Комплекс Ак-Мечети и бани Анушахана в Хиве и др.	Баня в цитадели Темура в Самарканде, XIV в. Баня дворцового комплекса Ширваншахов в Баку	Баня в комплексе мечети Коры Мир-Хусейна, село Зосун, XIV в. Баня в селе Дашт, нач. XX в. Баня в селе Похуд, XIX в.

В заключение следует отметить, что хаммам служили важным социальным институтом средневекового восточного общества, их функции выходили за пределы узко-гигиенического назначения. В частности, сухая баня и ванна, подобные «курук-хаммам» и «обзан», выполняли и лечебно-оздоровительные функции.

На формирование и изменение типологических особенностей архитектуры зданий хаммам влияли конкретные социально-экономические условия, климат и сложившиеся народные лечебно-гигиенические традиции, обусловленные необходимостью нейтрализации неблагоприятных воздействий жаркого сухого климата на организм человека [Уралов, 2002. С. 97]- Этими факторами и определялись общие закономерности формирования таких специфических типов бань, каковым является восточный хаммам.

Подобно тому огромному опыту, который накопили народы центрально-азиатского региона в сооружении жилых и общественных зданий, не должны быть преданы забвению и те региональные явления, которые относятся к историческому наследию в строительстве зданий хаммам прошлого и настоящего. Этот опыт, помноженный на принципы современной архитектуры и строительной техники, несомненно, может в будущем значительно повысить не только конкретный экономический эффект строительства подобных зданий, но и общий социальный эффект такого строительства в условиях самостоятельного развития архитектуры стран Центральной Азии.

I Литература

- I Абу Али Ибн Сина. Канон врачебной науки. Кн. 1. Ташкент, 1954-
- I Ахраров И. Археологические исследования городища Ахсыкент в 1960 г. // *Общественные науки в Узбекистане*, 1962. № 3-
- I Бернштам А. Н. Бани древнего Тараза и ее датировка // Государственный Эрмитаж. Труды Института истории и культуры Востока. Ленинград, 1940- Вып. II.
- I Бурякова Е. Д. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // *История материальной культуры Узбекистана*. Ташкент, 1986. Вып. 20.
- Всобщая история архитектуры. Москва, 1969. Т. 8.
- Воронина В. Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // *Архитектурное наследие*, 1983. № 31-
- Гулямов Э. Раскопки древневековых городищ Хульбук и Сайед (1978 г.). // *Архитектура Республики Таджикистан*. Душанбе, 1984. Вып. i8.
- Гулямов Л. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаба • 1967-1968 гг. // *Афрасиаб*. Ташкент, 1969. Вып. 1.
- Материалы и истории туркмен и Туркмении. Москва-Ленинград, 1939- Т. 1.
- | Мирбабаев А. К. Ходжентские квартальные бани «мурича» одна из древнейших традиций среднеазиатской миниатюрной бани // *Исследования по истории и истории культуры Таджикистана*. Душанбе, 1986.
- Наршахи М. История Бухары. Ташкент, 1897-
- Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972-
- Пидаев Ш. Р. Хозяйственно-жилой комплекс XI-начала XIII в. на городище Старого Вермеца // *Строительство и архитектура Узбекистана*, 1986. № и.
- Уралов А. Прогрессивные тенденции развития типов зданий бань в условиях Узбекистана. Автореф. дисс... канд. техн. н. Ленинград, 1977-
- Уралов А. С. Бани-хаммам в зодчестве Центральной Азии. Самарканд, 2002.
- I Уралов А. С. Средневековая ванна и сухая баня народов Центральной Азии // *Журнал «Гумбез»*, 2007- № 2.
- I Усмон Турон. Туркий халклар мафкуриси. Тошкент, 1995-
- I Фонарёв С. Предмонгольские бани городища Шахджувар // *Архитектурные проблемы [использования исторического наследия в современной архитектурной практике. Сб. тезисов докл. Самарканд, 1990.*
- I Шарко В.Ф. Бани в селах Средней Азии // *Строительство и архитектура Узбекистана*, 1976. № 8.
- I Шишкина Г. В. Городские кварталы XIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба. В кн: *Афрасиаб*. I Ташкент, 1973- Вып. II.
- I Saladin H. *Tunis et Kairoin*. Paris, 1908.

К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНИХ ПЕТРОГЛИФОВ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

В Узбекистане, столь богатом разнообразными археологическими памятниками, особое место занимают памятники наскального искусства. В настоящее время в горных и предгорных районах республики обнаружено более 150 местонахождений наскальных рисунков, "возраст которых определяется от мезолита до позднего средневековья.

Первое сообщение о них относится к первой половине XIX века (1834 г), когда во внутреннем Кызылкуме, в горном массиве Букантау были отмечены скальные поверхности с наскальными рисунками [Демезон, 1983. С. 17-83].

В 80-х годах XIX в. были открыты наскальные рисунки Западного Тянь-Шаня [Веселовский, 1887. С. 28-29]. Позднее наскальные изображения были зафиксированы в горах Моголау [Андреев, 1896. С. 6-8] и в Наманганском уезде [Баумгарт, 1897 С- 8-9]. Краткие сообщения о надписях и наскальных изображениях этого периода имеются также у Н. С. Лыкошина [Лыкошин, 1906. С. 165-167; Кастанье, 1915- С. 40-41], В. И. Масальского [Масальский, 1913 С. 69], Д.Н. Логфета [Логфет, 1913- С. 393-394] и других.

В 20-40 годы XX века выявлены новые находки наскальных изображений. Так Н. Л. Корженевским в ущелье Исфарамсай были найдены рисунки различных животных и неопределенные знаки [Корженевский, 1922. С. 9]. Летом в 1923 г. во время путешествия по Западному Тянь-Шаню Д. Кашкаров и А. Коровин обнаружили много наскальных изображений. Исходя из того, что рисунки были покрыты плотным слоем пустынного загара, они ошибочно отнесли их к «мадленской эпохе палеолита» [Кашкаров, Коровин, 1926. С. 21]. В 1934 г. М. Е. Массой в долине реки Ахангаран в ущелье Кызатасай обнаружил изображение пешего лучника с собакой, преследующей марала [Массой, 1953- С. 30-31]- Эти памятники относятся ко второму очагу наскального искусства Узбекистана.

Замечательное открытие сделал в 1912 г. военный топограф Федоров, зафиксировав наскальную живопись Зараутсая. В 1936 г. становится известно о наскальных изображениях в долинах небольших горных рек Агалыкского хребта [Сухарев, 1938. С. 61-67]. Это Бурибуи, Сундук-таш, Тамга-таш, Санги-Дарига, Катар-тут и Сай-и-Бойчако. Основная тематика - фигуры людей и животных горные козлы, архары, олени, собаки, змеи, верблюды, ружье и неясные рисунки. И. А. Сухарев предполагал, что наиболее ранние рисунки относятся к 1 тыс. до н.э., более поздние — к 1 тыс. н.э. Эти памятники относятся к третьему очагу наскального искусства на территории Узбекистана.

Таким образом, на территории Республики Узбекистан выявились три крупных очага наскальных изображений. Они сконцентрированы в его северо-восточной (Ташкентский оазис, Джизакский район и в западной части Ферганской долины), центральной и южной (Зеравшанской долине, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской областей) и северо-западной (Кызылкумы) части. Получены весьма интересные данные о палеоэкологии каждого очага. Стационарное изучение наскальных рисунков было начато только в 40-х годах прошлого

ролетия, первые стационарные исследования проводились на территории третьего очага мятников наскального искусства Узбекистана.

1С 1940 г. в результате обширных поисковых работ, возглавляемых в течение нескольких «директором Сурхандаринского музея археологом Г.В. Парфеновым, в Южной части екистана было открыто и изучено несколько пунктов древних наскальных изображений.

вым из них был замечательный памятник с росписями Зараутсая. С 1940 до 1945¹» ов Г. В. Парфеновым был осуществлен ряд экспедиций, в результате чего обнаружено бо- ге 200 наскальных изображений, которые нанесены красной охрой [Парфенов, 194¹; 19435

1945]- В ходе этих исследований были сняты копии с изображений Зараут-камара и тща- тельно осмотрены другие навесы и ниши Зараутсая. В 1950 г. издана книга для детей ху- дожницы А. Ю. Рогинской, участвовавшей в копировании живописи Зараутсая. Здесь вос- произведены практически все росписи Зараут-камара и несколько изображений из других

пунктов [Рогинская, 1950]. И в статьях Г. В. Парфенова, и в книге А. Ю. Рогинской, следовав- ши в интерпретации археологических материалов Г. В. Парфенову, отмечается, что боль- шинство росписей — это произведения палеолитических художников. Наскальная живо- пь Зараутсая привлекла также внимание А. А. Формозова [1951- С. 213-216; 1966. С. 60-78], б.П. Окладникова [1966. С. 69~75), А. Кабирова [1976. С. 73-82]. С их точки зрения, наибо- лее вероятная дата древних слоев живописи — мезолит, неолит, а поздних — средневековье.

Кроме того, о наскальной живописи Зараутсая упоминается в обобщающих работах [Мног исследователей по первобытному искусству, истории древнего прошлого Средней Азии, энциклопедиях, отдельных научных статьях и заметках. В 1996 году осенью здесь работала Узбекско-Польская экспедиция по изучению петроглифов. Она заново скопиро- вала и сфотографировала наскальные росписи Зараутсая [Хужаназаров, 1996].

Новыми открытиями были ознаменованы 60-70 годы XX века. В начале 60-х гг. архео- логом Х. И. Мухаммедовым на территории центральной части республики были открыты наскальные изображения Сармишсая. Этот памятник находится в среднем течении реки Зеравшан, в горах, в 30-40 км к северо-востоку от г. Навои. Первая научная публикация принадлежит Н.Х. Ташкенбаеву [1966. С. 36-39]- Затем в течение нескольких полевых се- зонов Сармишсай изучался Дж. Кабировым [197²- С. 5°~55]>⁸ результате чего скопировано и сфотографировано более 300 рисунков [Кабиров, 1976. С. 17]. Большинство существую- щих в настоящее время гипотез, связанных с вопросами датировки и семантики, выдвиг- нуты Д. ж. Кабировым и автором настоящей статьи. Дж. Кабиров, высоко оценивший па- мятник как первоклассный источник, не смог показать значение петроглифов для пери- одизации наскальных рисунков Центральной Азии. По нашему мнению, многие изобра- жения этого памятника являются своеобразным археологическим эталоном, к которому могут быть привязаны многие центрально — азиатские петроглифы. С 1993 г. здесь рабо- тают специалисты Института Археологии АН РУз, группа «Сармиш». К ним присоеди- нились ученые из Познанского университета им. Адама Мицкевича (Польша), Норвежского Риксентикварена и других стран мира [Хужаназаров, Тодерич, 2008. С. 53~57]-

В настоящее время археологический комплекс Сармишсая площадью 35 кв. км насчиты- вает более 200 памятников — кремнеобрабатывающих мастерских каменного века, дре- вних и средневековых поселений, могильников, курумов, курганов и петроглифов, относя- щихся к разным историческим эпохам. Вместе они образуют уникальный археологический

комплекс, отражающий историю многих древних и современных народов нашей страны на протяжении нескольких тысячелетий. Петроглифы представляют наиболее важный научный источник и обладают огромной художественной ценностью. Многие изображения этого древнейшего памятника — своеобразный археологический эталон, с которым могут быть соотнесены и другие центрально-азиатские петроглифы. Сармишсай — пока единственный памятник в Узбекистане и Центральной Азии, где на небольшом, но весьма насыщенном рисунками участке сосредоточены разнообразные композиции и отдельные сюжеты. Сегодня здесь зафиксированы более 5000 петроглифов [Хужаназаров и др. 2005. С. 471

Основная часть петроглифов выбита в среднем течении сая, где начинается узкий каменный каньон протяженностью 2-2,5 км. Рисунки нанесены на вертикальные, иногда горизонтальные плоскости коренных выходов красноцветных песчаников кембрийского возраста, переслаивающихся сланцами и известняками. Большинство петроглифов выбиты или рельефны, в отдельных случаях они вырезаны, высечены или выдавлены. Глубина выбивки обычно невелика 0,5-3,0 мм, а ширина варьирует от 1 до 4 мм. Мотивы петроглифов богаты и разнообразны. Это изображения животных: быки-туры, верблюды, архары (горные козлы), лошади, собаки, львы, а также антропоморфные и геометрические фигуры. Многие сюжеты зачастую объединены в композиции и сцены. Наиболее ранняя группа наскальных рисунков Сармишсай отнесена к неолиту (VI-V тысячелетия до н. э.). Значительная часть изображений датируется эпохой бронзы и последовательно этапами от эпохи железа до средневековья. Петроглифы Сармишсай широко известны в специальной литературе.

Третий очаг наскальных изображений выделяется разнообразием тематики, оригинальностью большинства сюжетов. В 1987 г. нами было возобновлено изучение наскальных изображений Нуратинского хребта и его отрогов Актау и Каратау. При выявлении и фиксации петроглифов Нуратинских гор мы использовали метод «сплошного» и планомерного обследования всех скал и крупных валунов. Этот метод был ранее успешно применен сибирскими археологами в горном Алтае. Нами открыто более 30 местонахождений наскальных рисунков на территории Хатырчинского и Нуратинского районов Самаркандской области. Только в ущелье Аксакалатасая Хатырчинского района нами зафиксировано более 500 изображений. В этом же сае на стенах небольшого навеса обнаружены рисунки, сделанные красной краской. Здесь изображены восемь широко раскрытых ладоней и один круг со спирально закрученной линией, схематическая фигура человека и неясные изображения. Отметим, что в Узбекистане это второе местонахождение (после Зараутсай), где в наскальных рисунках использована краска. О датировке и назначении данных рисунков можно будет говорить после всестороннего анализа [Хужаназаров, 1990. С. 116-122].

Стиль, техника нанесения и оттенки пустынного загара петроглифов хребта Нурата разнообразны. По сюжетам петроглифы этого района можно разделить на два класса: образы и знаки. К первому относятся антропоморфные, зооморфные и другие изображения. Во второй класс включены рисунки, которые хорошо читаются, но не находят себе ясных прототипов, ни в реальном, ни в мире фантастических существ. Изображения людей встречаются реже чем животных, среди последних преобладают изображения козлов, часто встречаются сцены охоты, изображения трапеций, треугольников и других геометрических фигур.

Физико-географическая обстановка Северо-Западного очага древних наскальных изображений, занимающего территорию Кызылкумов, несколько отличается от центрально-

•ю очага. Основную часть этого региона занимают равнина и впадины, и здесь же располагаются невысокие горные массивы, где и обнаружены наскальные рисунки.

[В 1940 г. во время разведки по маршруту Турткуль-Нукус на западном отроге Султануаиздага С.П. Толстов обследовал городище Чильпык [Толстов, 1948. С. 71-76).

В центре его находится скала, поверхность которой сплошь покрыта разновременными надписями и знаками. Основную массу составляют сложные геометрические фигуры. Позже начертания подобного типа были открыты на смежной возвышенности Каратюбе и на расположенных примерно в 20 км. к югу от Нукуса буграх Беш-Тюбе. По технике исполнения тематике знаки и надписи были разделены С. П. Толстовым на 4 группы. Он считал, что они сопоставимы с гравировками каменной могилы и пиктограммами древнего Востока и должны датироваться III—I тыс. до н.э. Согласно С.П. Толстову, скалистые площадки Беш-Тюбе, Кара-Тюбе и Чильпыка могли быть местами проведения культовых церемоний.

В Северо-Западный очаг входят Султон Увайс, Букантау, Тамдытау и другие. В каждом из них, помимо древних изображений, открыто большое число хозяйственно-бытовых, культовых и погребальных памятников эпохи палеометалла. Наиболее выразительная часть Кзылкумских изображений выявлена в горах Букантау. Они выбиты на скалах и плитах как хозяйственно-бытового, так и культового назначения. Здесь обнаружены многочисленные сюжеты связанные с символикой небесных светил [Оськин, 1981; 1990]. Хронологические рамки Кзылкумских изображений охватывают эпоху неолита, бронзы и железный век.

Природно-географические условия Северо-Восточного очага древних наскальных изображений Узбекистана, охватывающего высокогорную зону, резко отличаются от Центральных и Кзылкумов. От Западного Тянь-Шаня отходят могучие хребты Каржантау, Угамский, Пскемский, Чаткальский и Кураминский. Горы сложены девонскими и карбоновыми известняками, сланцами, песчаниками, гранитами и конгломератами. Известняки — серые с грубой поверхностью, сланцы и песчаники, напротив, гладки и ровны. Древние изображения выбиты именно на поверхности таких скал, основные пункты распространения — высокогорные летние пастбища. Основные сюжеты рисунков — люди, домашние, дикие и фантастические животные, змеи, колесницы, солярные знаки и неопределенные фигуры. Преобладают рисунки коз. Много сюжетных изображений со сценами охоты, ритуально-обрядовых танцев, сражающихся бойцов и т.д. Все эти рисунки по размерам невелики. Выполнены они, главным образом, силуэтным, контурным и линейно-схематичными приемами. Разнообразна и техника нанесения изображения, преимущественно каменными и металлическими орудиями. Наскальные изображения Западного Тянь-Шаня датированы эпохами энеолита, бронзы, раннего железа и средневековьям.

Одним из значительных памятников являются петроглифы Ходжакента. Наскальные изображения были открыты археологом Х. Алпысбаевым. В ходе обследования верховьев р. Чирчик (село Ходжакент) Х. Алпысбаев услышал от местных жителей о следах копыт легендарного коня Дуль-Дуль халифа Али. При внимательном обследовании «следов» ему стало ясно, что это не что иное, как изображение закрученных рогов архара. Кроме того, на скалах были обнаружены рисунки людей, козлов и неопределенные знаки. Исследователь зафиксировал здесь 23 изображения. По аналогии с другими местонахождениями, Х. Алпысбаев отнес большинство рисунков к I тыс. до н. э. [1956. С. 188]. К сожалению, успешные работы Х. Алпысбаева в Ходжакенте не были завершены.

В 1980-1983 гг. этот памятник детально обследовался М. Хужаназаровым. В результате было зафиксировано более 90 отдельных изображений и сцен. Основные сюжеты рисунков — горные козлы, архары, олени, лошади, одиночные фигуры быка, собаки и неопределенные знаки. Изображения людей на скалах Ходжакента повторяются многократно. Самые ранние рисунки Ходжакента датируются IV- и первой половиной III тысячелетия до н.э. [Хужаназаров, 1995- С. 58-62]. Такова краткая характеристика основных очагов памятников наскального искусства на территории Узбекистана.

Итак, в настоящее время территория Узбекистана располагает крупнейшей коллекцией наскальных изображений Центральной Азии, имеющей большое научное значение. Данная коллекция, обладая огромным хронологическим диапазоном, отличается богатством тематики, оригинальностью сюжетов и высоким художественным уровнем исполнения.

Литература

- Алпысбаев Х.** Новые наскальные изображения Бостандикского района // ТИИАЭ АН КазССР, Археология. 1956. Т. 1.
- Андреев М. С. Местность Туркестана в археологическом комплексном отношении. ПТКЛА // Среднеазиатский вестник. Ташкент. 1896. № 1
- Баумгарт С. Н.** Протокол от 16 октября 1897 года. ПТКЛА, Год — 2-й. Ташкент 1987
- Веселовекий Н. И.** Поездка в местность Сусингяй // ЗВОРАО, 1887. Т. 2. Вып. 1.
- Демезон П. И.** Записки о Бухарском ханстве (отчеты П. И. Демезона и И. В. Веткевича) Москва: Наука. 1983.
- Кабиров Дж.** Наскальные изображения Сармишсая. ИМКУ Ташкент. 1972. Вып. 9.
- Кабиров Ж.** Сармишсойнинг коя тошларидаги расмлар. Тошкент: Фан 1976-
- Кабиров Дж.** Древнейшая наскальная живопись Зараутсая. Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
- Кастанье И. А.** Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану (пещера Лайлакян). ИТОРГО, ч. 2. Ташкент, 1915- Т. и, № 2.
- Кашкаров Д., Коровин Н.** Экскурсия в Таласский Алатау летом 1923 г. ИСАК. Т., 1926. Вып. 1.
- Корженевский Н. Л.** Ландшафты путей из Ферганы на Памир. Ташкент, 1922.
- Логфет Д. Н.** В горах и равнинах Бухары. Очерки Средней Азии. Санкт-Петербург-Ташкент, 1913-
- Лыкошин Н. С.** Чалакульская волость Ходжакентского уезда Самаркандской области, 1906.
- Масальский В. И.** Туркестанский край // Россия. Санкт-Петербург — Ташкент, 1913- Т. 13.
- Массой М. Е.** Ахангаран. Археолого-топографический очерк (по материалам Таджикско-Памирской экспедиции 1934^г)- Ташкент, 1953-
- Парфенов Г. В.** Первобытные художники // Фотогазета Ташкент, 1945- № 6-7.
- Рогинская А.Ю.** Зараут-сай. Москва-Ленинград. 1950.
- Сухарев И. А.** Наскальные изображения Илян-сая. Ташкент, 1938.
- Окладников А. П.** Верхнепалеолитическое и мезолитическое время. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва-Ленинград, 1966.
- Оськин А. В.** Символика небесных светил в петроглифах Внутренних Кызылкумов. Культура и искусство древнего Хорезма. Москва: Наука, 1981.

- Оськин А. В. Небесные светила в символике петроглифов Букантау. Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва, 1990.
- Ташкенбаев Н. Х. Наскальные изображения Караунгурсая и Сармыша // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1966. Вып. 8.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. Москва, 1948.
- Формозов А. А. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане // СЭ, 1951- № 3-4
- Формозов А. А. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-сай // СА, 1966. №4-
- Хужаназаров М. Изучение наскальных изображений Узбекистана. В кн.: Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва, 1990.
- Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. Самарканд, 1995-
- Хужаназаров М. Наскальные изображения Сармишсая // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1998. № 4~5-
- Хужаназаров М., Реутова М. А, Хужаназаров А. М.** На пути к музеификации наскальных рисунков Сармишсая. Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Тезисы докладов. Алматы, 2005.
- Хужаназаров М., Тодерич К.Н.** Сармишсаи — музей под открытым небом — требует защиты // Экологическая безопасность и гражданская инициатива. Ташкент, 2008. № 8.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА БУХАРЫ ЭПОХИ ТИМУРИДОВ

Конец XIV-XV вв. в истории народов Центральной Азии характеризуются созданием гигантской державы Тимуридов, силой оружия объединившей большую часть наиболее развитых стран Старого Востока. Вывоз огромных богатств и представителей ремесленной элиты способствовали невиданному расцвету культуры и искусства, наиболее выраженному в одном из массовых и показательных видов ремесла — керамическом производстве. Исследования в этом направлении в большей степени отражены на столичных материалах Самарканда, а глазурованная керамика из других центров до сих пор остаётся практически неизученной и представляет особый интерес.

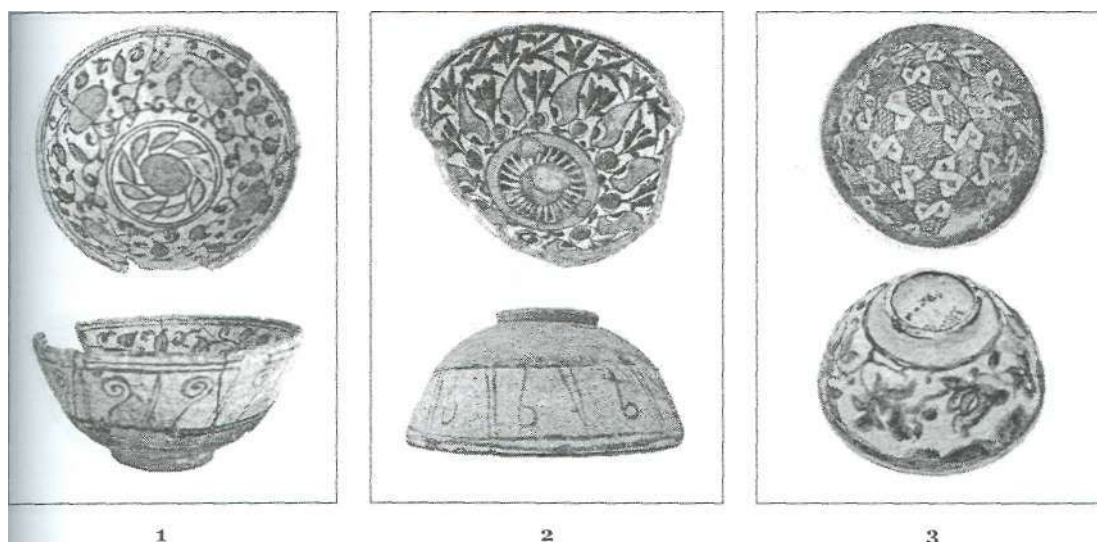
Основная масса нашего материала получена при археологических исследованиях первого шахристана Бухары в 70-е годы прошлого столетия и была связана с проведением работ на раскопе 50 x 50 м. к северу от медресе Мири Араб.

Прежде всего нам хотелось бы остановиться на керамических материалах из мусорной ямы, которая являясь единовременным закрытым комплексом, выявленном из строительных горизонтов XV-XVI вв., даёт определенное представление о бытовавшей в домашнем обиходе столовой посуде и предметах специального назначения. Комплекс состоял из двух чаш (коса), чашечки (пиала), блюда (табок) и ароматницы.

Чаши (коса) имеют кольцевые донца, полусферические по основанию и слегка расширяющиеся кверху стенки (рис. 1,2). Ангобы белые, глазури прозрачные, покрывали всю внутреннюю и части внешней поверхности изделия. Богатая, состоящая из чёрных, голубых и синих красок полихромная орнаментация с вихревыми лепестковыми розетками по центру и окружающими растительных, цветочно-ягодных композиций, украшала внутреннюю поверхность. По внешней плоскости нанесены лишь стандартные, часто повторяющиеся, схематические, шаблонные мотивы в виде концентрических кругов, штрихов, стилизованных в виде знака вопроса, растительных побегов [Культура и искусство древнего Узбекистана, кн. 2, 1991, рис. 757]

Чашечка (пиала) выявлена в одном экземпляре, выполнена из мягкого пористого кашина белого цвета, оформлена росписью кобальтом [Культура и искусство древнего Узбекистана, кн. 2, 1991, рис. 761]. Имеет кольцевой поддон, полусферическую форму стенок с заострённым венчиком (рис. 3). Покрывается прозрачной бесцветной глазурью вплоть до основания поддона внешней поверхности. Орнаментальная композиция по внутренней плоскости чашечки состоит из шестиугольной розетки по центру, в окружении восьмёрки с косыми штрихами, сеточками и волнистыми мотивами в резервах. По внешней плоскости более размашистый рисунок заполнен сплошным извивающимся мотивом побега ислими. Розетка по центру в некоторой степени напоминает шестизвездный орнамент и волнистые мотивы дна блюда, датированного концом второго десятилетия XV в. Из медресе Улугбека в Самарканде [Сухарев, 1948, рис. 2].

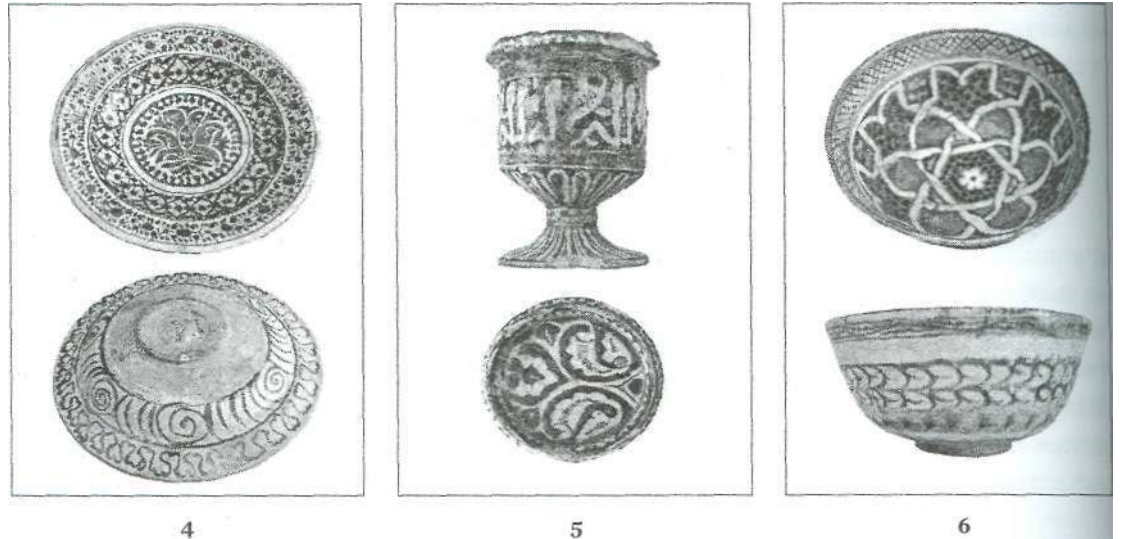
Блюдо (табок) в одном экземпляре, имеет небольшой кольцевой поддон, полусферический по основанию стенки и отогнутый наружу широкий бортик [Культура и искусство древнего Узбекистана, кн. 2, 1991, рис. 755]. Исходя из формы, орнаментальная композиция по белому

ангобу и под прозрачной глазурью делится на три ленточных пояса (рис. 4)- По центру нанесено схематическое изображение цветка, по крутой изогнутой части и отогнутому наружу бортику повторяющийся листовидный и сплошной извивающийся мотив побега. Внешняя поверхность блюда оформлена двумя рядами схематически расписанных меандров, спиралевидных и штриховых мотивов. Описанное блюдо имеет близкие параллели с иранскими образцами [Watson, 2004- Cat. Q. 23] и является подражанием под более дорогой импортный китайский фарфор.

. Ароматница выполнена в кубковидной форме на профилированной изящной ножке (рис. 5)- Её стенки, слегка опускаясь по венчику на 0,5 см внутрь, полностью перекрывают резервуар сосуда и имеют с краю характерное с горошину отверстие. Под прозрачной глазурью по тулову нанесена почерком куфи стилизованная надпись. Богатой растительной и геометрической орнаментацией кобальтом покрыта и остальная часть изделия. Функциональное назначение подобных сосудов, по данным литературы, до сих пор авторами не идентифицировано. Но исходя из небольших размеров, полого цилиндрического тулова и единственного маленького отверстия, из которого жидкость выливается плохо, можно предположить его двоякое использование. Во-первых, как столового прибора для укуса, который, безусловно, в малых дозах, мог добавляться к пище. Во-вторых, как ароматницы, т. е. косметического сосуда для розовой воды, которая использовалась в гигиенических целях, а при торжественных приемах и празднествах — как ароматизатор в помещениях. Учитывая, что уксусная кислота отрицательно воздействует на внешнюю поливу изделия, а парадный характер оформления исключает практическое использование, можно с уверенностью принять второй вариант его назначения.

В период, предшествующий развитию средневековью, известны стеклянные образцы парадной ароматницы с округлой формой тулова и длинной, суживающейся горловиной, находящейся прямые аналогии в соседних регионах [Мирзаахмедов, Адьялов, Матбабаев, 2008, рис. 9: б) и странах Ближнего Востока [La medicine au temps des califes. 1996. ill. 118-123; Islamische Kunst. Band 1.1984. Glas, ill. 192], в сценах миниатюрной живописи и этнографических материалах [Масленицына, 1975, рис. 52]. Значительно ближе с ароматницей из Бухары соотносятся редко встречающиеся в комплексах X — нач. XIII вв. невысокие поливные, та-

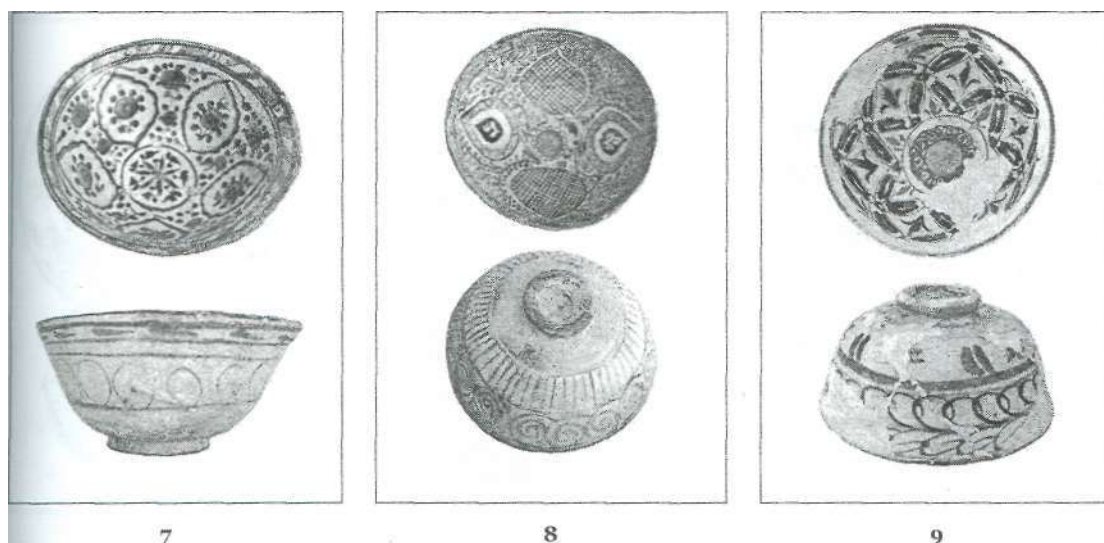

кой же цилиндрической формы, или для раннего средневековья — неполивные, подпрямоугольных форм, керамические сосуды с характерным отверстием, но без ножек-подставок, j

Таким образом, исходя из наших материалов, предшествующие по времени с идентичной или близкой по форме резервуара изделия, безусловно, можно отнести к более ранним прототипам ароматницы из керамического комплекса в Бухаре.

В отношении других находок из комплекса, прежде всего, остановимся на отмеченных выше двух чашах. В конкретном случае для эпохи характерно преобладание в столовой посуде форм чаш над блюдами. Эта тенденция в еще большей степени выражена в предшествующий период, XIII-XIV вв., но лишь к XV веку, видимо, начинают вырабатываться стандарты соотношений между двумя этими формами столовой посуды, которые зависят от численного состава семьи, и предпочитаемой пищи (первые и вторые блюда). Второй особенностью форм чаш является полное отсутствие или слабо выраженный отгиб закраин венчиков чаш в сравнении с образцами этого времени из Самарканда или китайским фарфором. По нашему мнению, отгиб закраины венчиков чаш является показателем традиционно установившейся формы индивидуальной столовой посуды, бытующей и по сей день, с её преимущественным удобством использования для жидких видов пищи. Осуществление подобных тенденций в сложении форм чаш — коса уже относится к XIII-XIV вв., когда окончательно оформляются ярко выраженные полусферические стенки и кольцевые донца. Последнее было удобно не только при установке чаш на дастархан, но, прежде всего, при переносе горячей пищи. Таким образом, отсутствие или слабо выраженный отгиб закраины венчиков на представленных образцах чаш является показателем отставания Бухары в развитии форм «коса» по сравнению не только со столичным центром Самарканда [Пугаченкова, 1950, илл. i], но и такими городскими центрами Мавераннахра как Ташкент [Мирзаахмедов, 199²» рис. 9-41 Шахрухия [Мирзаахмедов, Алимов. 2006, рис. 9-ю], Эски Туркестан [Смагулов, 199²> рис. 1, з] и Нисы [Пугаченкова, 1949> рис. 12,13].

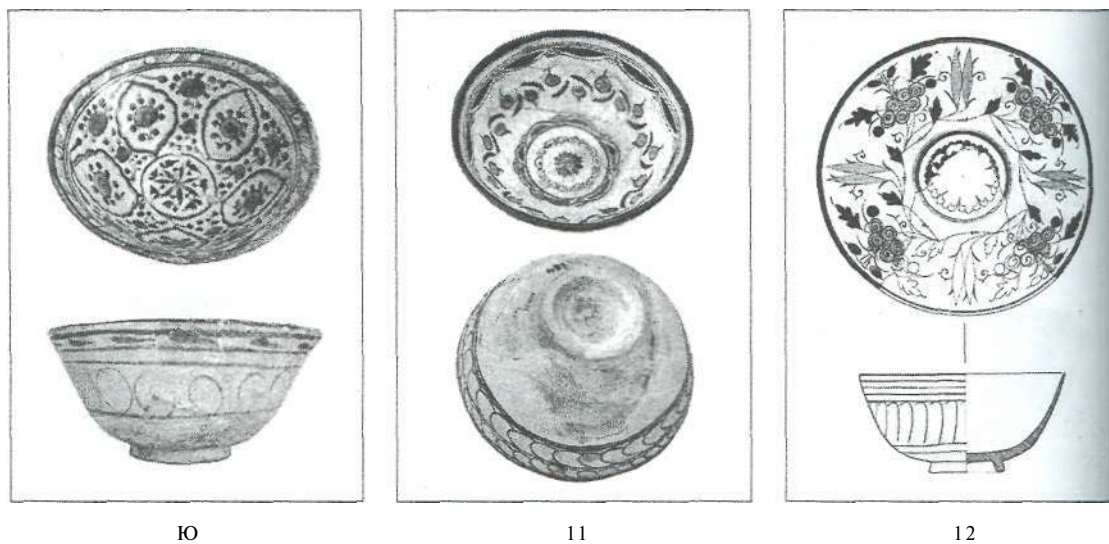
Также наблюдается тенденция к отставанию со столицей и другими региональными центрами в композиционном распределении основной орнаментальной нагрузки на чашах. Так, до XV в. подобная нагрузка на чашах приходилась на их внутреннюю плоскость. По внешней же

И орнаментация или полностью отсутствовала, или представляла простейшие стилизованные, символические, дежурные мотивы. Эта мода, видимо, определялась не только эстетическими нормами эпохи развитого средневековья, но и требованиями населения. Изделия, богато оформленные полихромными росписями или эпиграфическими мотивами из благожелательных надписей, вывешивались на стены или украшали полки в михманхане. Начиная с XV в. для самаркандских, ташкентских и туркестанских чаш мы уже наблюдаем постепенную тенденцию перехода основной нагрузки орнаментальной композиции с внутренней на внешнюю плоскость посуды, оставляя внутреннюю поверхность белой, максимально приближенной гигиенический под её чисто функциональное назначение [Мирзаахмедов, 1992, рис. 1-4; Смагулов, 1992, рис. з> 41 т. е. как и на современной традиционной посуде.

Переходя к характеристике инновационных особенностей блюда, полученного из комплекса, необходимо отметить не только его новую форму с широко отогнутым наружу косым бортиком, но и монохромное орнаментальное оформление росписью кобальтом. В первом случае, как уже было отмечено выше, формы блюд с широко отогнутыми наружу бортиками были приспособлены под густые виды пищи. Во-вторых, размер блюд предполагает их использование не в индивидуальных, а коллективных трапезах. И, в-третьих, широкое распространение в данную эпоху монохромной посуды с росписью кобальтом соответствует моде в керамическом искусстве эпохи, получившей массовое распространение от образцов китайского фарфора.

Но и здесь мы продолжаем наблюдать отставание в развитии формы блюда из комплекса, где прослеживается традиционное изготовление образцов с небольшим донцем в сравнении с аналогичными изделиями столичного Самарканда (т. е. второго блюда 1417-1420 годов XV в. из медресе Улугбека [Сухарев, 1948, рис. з!) или дома мировой моды эпохи фарфора Поднебесной империи, где их новые формы с отогнутыми наружу бортиками базируются на массивных широких основаниях [Watson, 2004. Cat. 1]. Последние напрямую или близко соответствуют завершающим стадию формирования на сегодняшний день блюдам типа ляган, приспособленных исключительно для коллективных трапез и густой пищи. Тем не менее, представленные образцы с отогнутым наружу бортиками и небольшими донцами продолжают широко использоваться в соседних регионах [Смагулов, 1992, рис. 5] и госу-

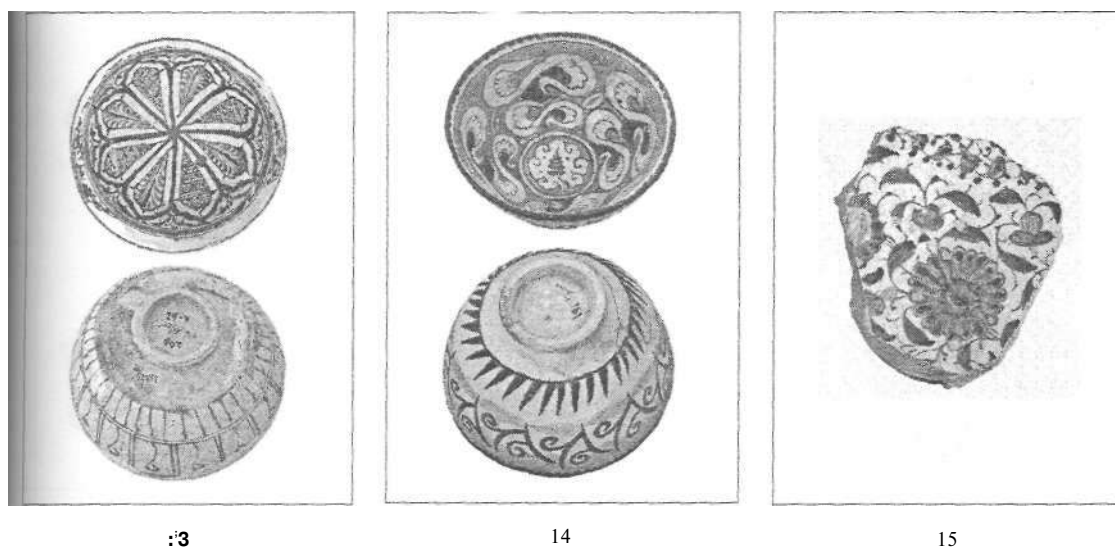

дарствах [Golombek, Mason, Bailey, 1994- Chapter 5. Fig. 5.2] как в исследуемую так и последующие эпохи [Мирзаахмедов, 1990, рис. 11-14]. Их скорее необходимо соотносить с новой производной блуд — тарелкообразными [Мирзаахмедов, 1981, рис. 3-5]-

И наконец, ещё одной формой, полученной в единственном образце, является кашиню-вая чашечка из белой силикатной пористой массы. Тонкость исполнения орнамента ко-бальтом, лёгкость, пористость массы, безусловно, свидетельствуют не только о его парадном характере но и местном изготовлении. Близка по композиции орнамента чаша, относимая авторами к Самарканду (?) [Golombek, Mason, Bailey, 1994- Plate 15]. Изящная роспись изге-ометрических мотивов по внутренней и извивающегося побега ислими по внешней нахо-дит параллели на образцах китайского фарфора и в традиционных местных поливных из-делиях. Форма на кольцевом донце и полусферических стенках, практически близка к со-временным образцам пиалы, за исключением отгиба наружу закраины венчика. Таким об-разом, и здесь налицо отставание в развитии формы и так же как на чашах-коса отсутствует смещение основной нагрузки орнаментальной композиции на внешнюю плоскость посуды.

Подытоживая описание материалов комплекса, прежде всего необходимо отметить, что полихромные и монохромные орнаментальные композиции, выполненные чёрной, тёмно-коричневой, голубой и синей (кобальт) краской по внутренней поверхности посуды в мас-совой для исследуемого периода манере с упрощёнными повторяющимися стилизованны-ми, шаблонными мотивами по внешней поверхности, в достаточной степени отличаются от образцов так называемого тимуридского керамического стиля, характерного для эпо-хи расцвета империи, вплоть до конца правления Улугбека. Кашинную пиалу и кубковид-ную керамическую ароматницу можно скорее отнести к парадной посуде. Поэтому в целом комплекс может быть хронологически отнесён ко второй половине XV — нач. XVI в. и на-ходит параллели в образцах посуды из других регионов Средней Азии.

Близки к описанным выше материалам комплекса ещё несколько чаш и фрагмент дон-ца блюда, полученные из культурных горизонтов XV-XVI вв. этого же раскопа к северу от медресе Мири Араб. Подавляющую их группу составляют керамические чаши отмеч-ных выше форм (рис. 6-14). На двух первых (рис. б-г) монохромная орнаментация пол-

13

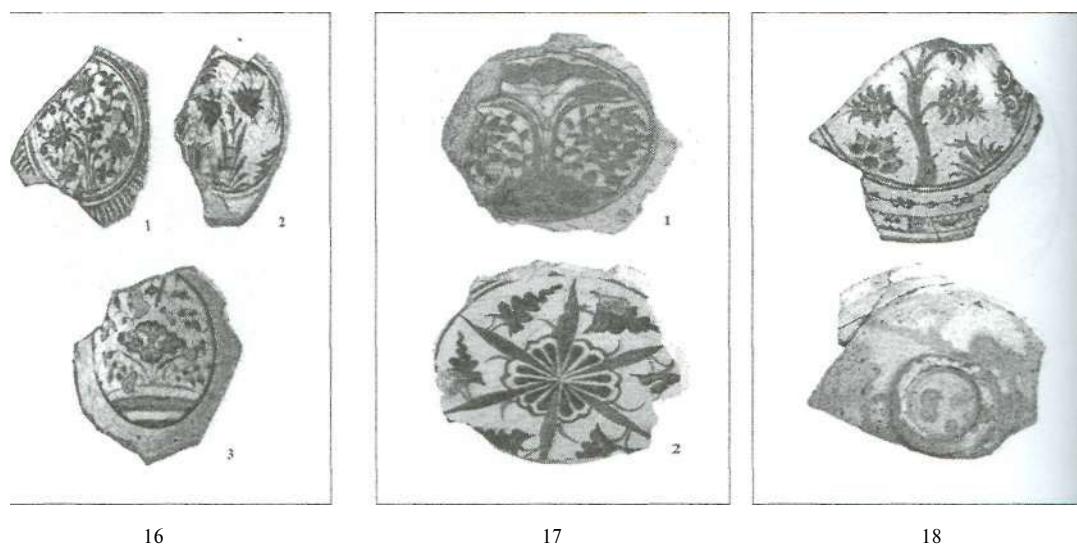
14

15

Гонстью выполнена росписью кобальтом из растительных и геометрических мотивов различной сложности.

На семи следующих (рис. 8-14) орнаментация носит полихромный характер и состоит преимущественно из растительных композиций, выполненных тёмно-коричневыми, чёрными, голубыми и синими красками по белому ангобу. Её основная нагрузка, как и на чашах комплекса, приходится на внутреннюю плоскость посуды, разделяясь, в основном, на лепестковые розетки по центру, различной сложности растительные композиции по стенкам и неширокого ленточного бордюра со стилизованными повторяющимися мотивами по закраине венчика. На обратной стороне изделий схематические, повторяющиеся, шаблонные мотивы из штрихов, кругов, спиралей, побегов, вписанные в одну или две ленточные полосы, занимают большую часть внешней плоскости посуды. Лишь на двух чашах орнаментация несколько отличается от остальных. На первой [рис. 13] она имеет центрический характер с мотивами веточек и псевдонадписей по стенкам, на второй (рис. 14) орнамент выполнен в подражание китайским образцам и состоит из центрального мотива побега и извивающихся в природном хаосе схематических восьмёрок, символизирующих, видимо, бровьевые мотивы или всеобъемлющие философские понятия земного равновесия — инь и янь. Фрагмент массивного донца блюда с лепестковой розеткой в центре, окруженной сплошными растительными мотивами росписью кобальтом (подражание китайским образцам), можно отнести к этой же группе изделий (рис. 15).

Как было отмечено выше, описанные материалы, выполненные на керамической основе черепка по белому ангобу, в идентичных цветовых гаммах и близкой манере сюжетов росписи, могут быть также датированы в пределах второй половины XV-XVI вв. В целом, для полихромных изделий характерным является широкое использование тёмно-коричневых или чёрных растительных композиций в сочетании с голубыми мотивами, символизовавшими плоды, ягоды, цветы, лепестки. Как для полихромных так и монохромов типа кобальт характерна полная переработка очень популярной в XV в. китайской символики на фарфоре под свои местные, глубоко традиционные мотивы орнаментики. При этом сами керамисты выделяли свою подражательную продукцию под китайский стиль моно-

хромной росписью кобальтом, а для дорогих парадных изделий еще и белой кашиновой под фарфор структуры черепка.

Следующие материалы, хотя и представлены во фрагментарном состоянии, но, исходя из характера орнаментальных композиций, могут быть отнесены к несколько более раннему этапу ее развития (рис. 16-18). Получены они как из раскопа 50 x 50 м к северу от медресе Мир Араб, так и из других пунктов старого шахристана Бухары в ходе новостроечных работ.

В основном это фрагменты донца чаш и блюд, выполненных как на керамической, так и кашинной основе черепка. Орнаментация в основном монохромная, выполнена росписью кобальтом густых и светлых тонов, реже черной краской, ангобы белые, глазури прозрачные.

Донные композиции очерчены круговыми линиями и состоят из очень тонко исполненных изящных поднимающихся линий растительного мотива. Этот керамический стиль принято называть тимуридским и относить к отвесным композициям парковых сюжетов, когда у орнамента есть «верх» и «низ», чаще всего это как бы кочка, из которой растут кусты, травы, цветы [Пугаченкова, 1950. С. 100].

На представленных образцах это композиции свободно извивающихся кустов, цветов, остролистных трав, лепестковых розеток (рис. 16-18). На одном из них (рис. 16:1) частично сохранился мотив орнаментации стенок из поднимающихся попеременно синих и темно-коричневых вертикальных линий, имевших широкое распространение на чашах исследуемого периода [Мирзаахмедов, 2006, рис. 4]- На других наблюдается белый фон оформления стенок, указывая на присутствие отдельных новационных образцов чаш с переходом орнаментальных композиций с внутренней на внешнюю плоскость изделия (рис. 16: 2,3; рис. 17: 1). При этом, два последних донца выполнены на белой мягкой кашиновой основе, со слегка подкрашенной синеватой прозрачной глазурью (рис. 17).

Формы тарелок представлены единичным экземпляром на небольшом кольцевом донце с полусферическим основанием стенок, переходящих в плавно отогнутый наружу небольшой бортик (рис. 18). Основную часть широкой внутренней поверхности занимает донная композиция из реалистично переданного изображения ветвистого дерева в окружении остролистных кустарников, ягодных и цветочных растений. По крутому изгибу стенок

19

20

21

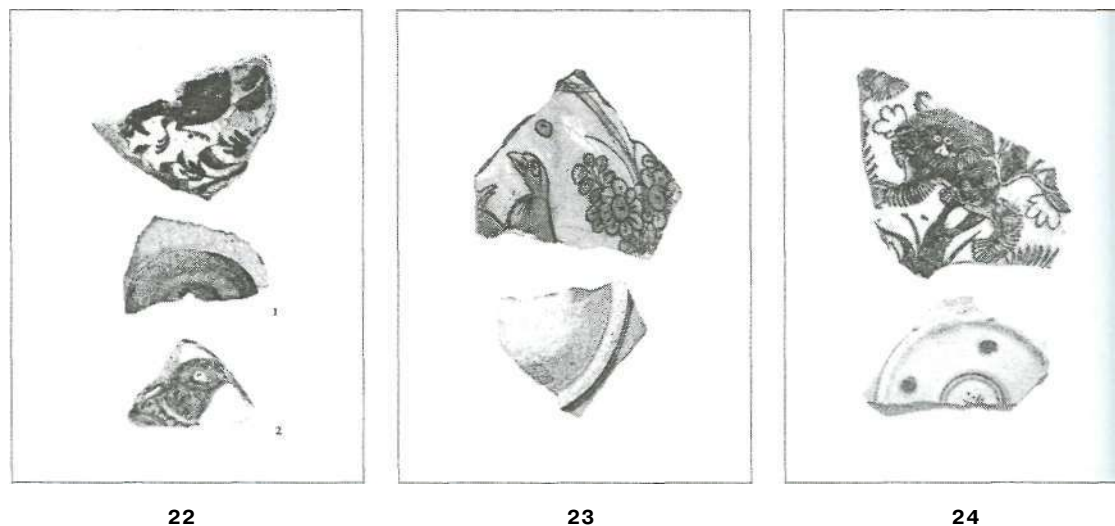
и бортику нанесены в виде бордюров повторяющиеся схематические стилизованные растительные элементы. По внешней поверхности поливой покрыта лишь верхняя часть стенок при полном отсутствии художественного оформления.

Несмотря на фрагментарность представленной группы изделий, необходимо отметить исключительно высокий декоративный характер исполнения в подражание образцам китайского фарфора. Если принять во внимание, что часть имеет кашиную основу черепка, а большинство расписано кобальтом, то подобная имитация под более дорогой, более качественный фарфор, свидетельствует о вхождении местного керамического ремесла в орбиту широких международных контактов, принятии и творческой переработки последних достижений и веяний мировой моды. Время производства подобной посуды, безусловно, относится к эпохе расцвета государства Тимуридов и датируется в пределах первой половины середины XV в. Следующая группа (рис. 22), кроме одного керамического изделия, представлена фрагментами донца чаш и блюд из кашина.

Кашин белый, различной степени плотности, но в большинстве случаев пористый, мягкий. Дороговизна состава основы предполагает парадный характер ее оформления, состоящий из антропоморфных, орнитоморфных и зооморфных изображений.

Среди антропоморфных наиболее интересным представляется фрагмент донца чаши с изображением фигуры всадника, скачущего на коне (рис. 19). Частично сохранившееся лицо всадника передано очень схематично, на голове нечто похожее на тюрбан, в правой руке прямой узкий предмет похожий на плеть. На вельможность всадника и дорожку порою скакуна также указывают специально выделенные султаны на груди и крупе последнего. Вся сцена передана на частично сохранившемся фоне из типично китайских парковых сюжетов, в виде кочки с кустом остролистных трав и ветви дерева.

На втором фрагменте донца блюда — подгрудное изображение персонажа со слегка приподнятыми и разведенными в стороны кистями рук, напоминает танцующего мужчину (рис. 20). Его лицо передано очень смутно, на голове сдвинутый набрекень островерхий колпак. Возможно, сюжет представляет сцену праздничных гуляний с выступлениями танцоров и народных актеров. На третьем фрагменте донца блюда (рис. 21) сохрани-

лось поясное изображение статного мужчины, одна рука опущена, другая — приподнята и согнута в локте, на нее, одет какой-то предмет в виде грубой перчатки. Лицо не прорисовано, на голове убор в виде тюрбана. Несмотря на общую схематичность, можно предположить, что рисунок передает вельможного персонажа на соколиной охоте.

В целом, для антропоморфных изображений характерно схематическое или полное отсутствие очертаний лица, глазурь имеет слегка голубоватый, глубокий оттенок, покрыт цеком. Характер изображений разнообразен, но окружающие пейзажные мотивы носят определенный дальневосточный колорит.

На следующих нескольких фрагментах донца представлены орнитоморфные изображения (рис. 22-23). На первом основании керамической чаши сохранилось частичное воспроизведение бегущей хвостатой птицы, в окружении пышной растительности (рис. 22: 1)

На втором, еще меньшем фрагменте от толстостенного широкого основания блюда, крупно отображена голова птицы (рис. 22: 2). Несмотря на незначительность сохранившихся размеров, можно с уверенностью отметить ширину основания, что свидетельствует о появлении в Бухаре блюд типа ляган. На третьем фрагменте донца блюда сохранилась верхняя часть мастерски переданного кистью зрелого художника изображения хищной птицы (рис. 23). Она, несомненно, располагается в своем гнезде, так как рядом сохранилось изображение головки птенца.

Если на первых двух образцах монохромная роспись кобальтом передана в более насыщенном колорите, то на последнем это светло-синий цвет, оконтуренный для исключения распылов черной краской. Глазурь для придания глубины слегка подкрашена в голубоватый тон.

На последнем фрагменте массивного донца блюда с зооморфным сюжетом в типично китайской манере, в окружении буйной растительности, на ветвях дерева передано изображение обезьяны (рис. 24). Плотный спекшийся беловатый черепок, слегка подкрашенная для придания глубины рисунка в голубоватый цвет глазурь, покрывавшая и внешнюю, вплоть до поддона, поверхность, а также частично сохранившиеся здесь остатки марки свидетельствуют, что блюдо было изготовлено из менее качественного фарфора на одном из частных китайских заводов.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на некоторое отставание в формах и характере расположения художественных композиций отдельные высокохудожественные фрагменты массовой посуды Бухары свидетельствуют о процессах активного принятия и синкретизации самых последних достижений дальневосточного ремесла. Исключительно реалистично передаваемые на парадных образцах парковые и пейзажные композиции, антропоморфные и орнитоморфные мотивы, несомненно, являются показателем общего взлёта культуры, искусства, ремесла по всем регионам Средней Азии.

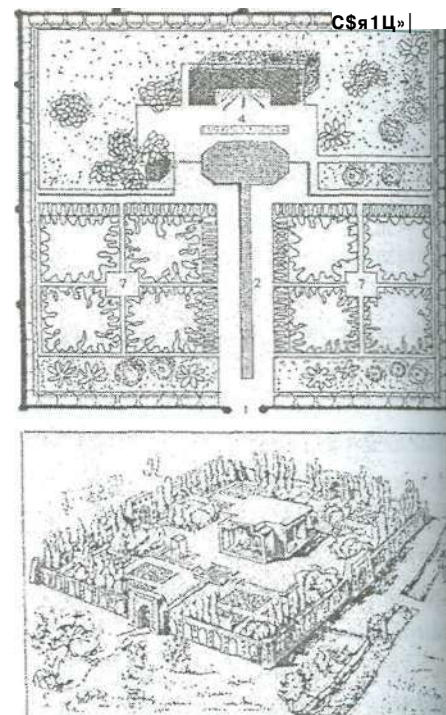
Исключительно реалистично передаваемые на парадных образцах парковые и пейзажные композиции, антропоморфные и орнитоморфные мотивы, несомненно, являются показателем общего взлёта культуры, искусства, ремесла по всем регионам Средней Азии. Безупречное воспроизведение и переработка мастерами-керамистами сюжетов дальневосточного фарфора и ближневосточных фаянсов указывают на широкие международные экономические и культурные контакты, толерантность общества и отсутствие консерватизма среди населения края.

Литература

- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 2. Москва, 1991-
- Масленицына С. Искусство Ирана в собрании государственного музея искусства народов Востока. Ленинград, 1975-
- Мирзаахмедов Д. Глазурованная керамика Ташкента конца XV-XVI вв. // ИМКУ. Т. 1992. Вып. 26.
- Мирзаахмедов Д. К. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII- первой половины XVIII вв. // ИМКУ. Ташкент, 1981. Вып. 16.
- Мирзаахмедов Д. К. Глазурованная керамика Ташкента XVII в. // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 199°-
- Мирзаахмедов Д. К. Новые позднесредневековые археологические комплексы по материалам Бухары// Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд-Рим. 2004.
- Мирзаахмедов Д. К., Алимов У. Новые находки позднесредневековой поливной керамики Шахрухии// ИМКУ. Ташкент, гооб. Вып. 35'
- Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т., Матбабаев Б. Х. Результаты археологических исследований на объекте Р 56 городища Кува // ИМКУ. Ташкент, 2008. Вып. 36.
- Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XVВ. // Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1948-
- Пугаченкова Г. Глазурованная керамика Нисы XV-XVI вв. // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949- Т. I.
- Смагулов Е. Комплекс керамики из бадраба городища Эски — Туркестан// ИМКУ Т., 199²- Вып. 26.
- Сухарев И. Два блюда XV в. из Самарканда // Труды института истории и археологии. Т., 1948. Т. I.
- Islamische kunst. Loseblattkatalog unpublizierter werke aus deiitschen museen. Band 1. Glas. Mainz/ Rhein, 1984.
- La medicine au temps des califes. Paris. 1996.
- Lisa Golombek, Robert B. Masson, Gauvin Bailey. Tamerlane's Tableware. A New Approach to the Chinoiserie Ceramics of Fifteenth- and Sixteenth-Century Iran. London, 1994.
- Oliver Watson. Ceramics from Islamic lands. London, 2004.

О ЛАНДШАФТНОМ ЗОДЧЕСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ШКОЛАМИ

Ландшафтное зодчество Центральной Азии достаточно емкое понятие. Садово-парковое искусство как отдельная отрасль ландшафтного зодчества всегда привлекало внимание специалистов и ученых. Характеристика центральноазиатского паркового зодчества, олицетворенного в ландшафтной культуре Индии и стран Востока, нашла свое отражение в средневековых рукописях, иллюстрациях и литературных источниках. Некоторые ученые посвятили свои труды поискам истоков формирования садово-паркового искусства, работы других, охватывающие значительные отрезки истории, можно считать капитальными трудами архитекторов-ландшафтников. Имеются значительные исследования, которые рассматривают историю садов с неканонической философской позиции, раскрывающей эмоциональный аспект садового искусства. Большое количество научных изысканий по обсуждаемой теме содержит общую обзорную информацию.

Вместе с тем необходимо отметить, что такие вопросы, как изучение ландшафтного зодчества, в том числе и садово-паркового искусства в системе градостроительной культуры Центральной Азии, выявление основ, формирующих образ ландшафтного зодчества в градостроительной структуре городов и его взаимодействие с различными региональными школами парковой культуры мира, не становились объектом специальных исследований. В свете вышесказанного нами сделана попытка изучить градоформирующую роль ландшафтного зодчества Центральной Азии, выявить его основные архитектурно-художественные и композиционно-планировочные критерии в процессе общего эволюционно-исторического развития.

Как установлено, в решении объемно-пространственных и планировочных задач градостроительной системы участвуют агитационно-идеологические, утилитарно-декоративные, инженерно-конструктивные критерии, создающие новый архитектурно-композиционный образ города. При этом происходит формирование концепции новой ландшафтной композиции с объемно-пространственным решением городской среды и модернизированной водно-ирригационной сетью.

Необходимо отметить, что основой мировоззрения мусульманского общества является философия «Чор-унсур» (четыре предмета), трактуемая окружающий мир как

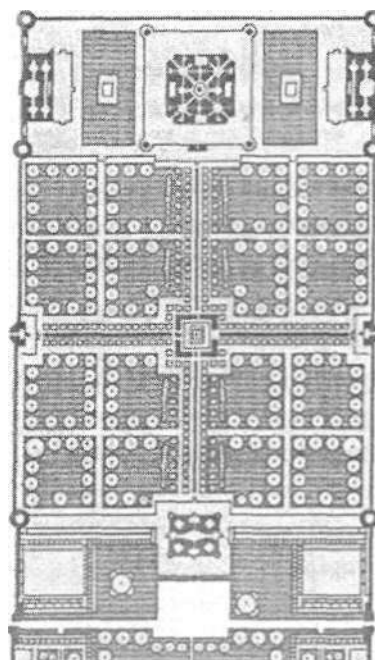
единство четырех стихии — земли, воды, огня и воздуха, а сам мир представляется состоящим из четырех сторон по вертикали и двух сторон по горизонтали. Присущая исламской религии философия «Чор-унсур» характеризует Рай, символом которого считается сад, I огражденный с четырех сторон стенами. В центре расположен «райский источник», из которого вода течет по аркам, направленным к четырем сторонам сада. Этот сад, в основе которого I лежит вышеупомянутый символ с четырьмя огражденными стенами и павильоном (кушк) в центре над райским источником, и есть основа садово-паркового искусства исламского мира.

Примером вышесказанному может служить архитектурно-композиционная система I сада «Чор-бог», возникшая в раннеисламский период. В ней выражен внутренний мир общества, уровень его мышления, основанного на канонах исламской философии, являющейся образцом эстетико-экологической культуры с ее бережным отношением к природе и окружающей среде, особенно к воде, с оптимальным использованием ее в ландшафтно-водном дизайне. «Чор-бог» профессионально можно охарактеризовать как четырехугольные сады-парки, с гармонично пропорциональной планировкой в виде симметричных центрических композиций, со строгим соподчинением целого и всех элементов, основанные на единой главной оси. Они формируют садово-хозяйственный облик раннеисламского периода. На таких же строгих геометрических приемах формируется призыв одновременно и к строгому соблюдению мусульманских канонов, и к романтическому настроению.

В дальнейшем, в эпоху Тимуридов (XIV-XV вв.), наблюдается возрождение раннеисламской системы сада «Чор-бог», дальнейшее преемственное развитие этой системы садово-паркового искусства в различных региональных школах. Факт влияния архитектурно-строительных традиций «тимуридских садов» Центральной Азии на парковое строительство стран Испании, Италии, Флоренции, Индии и Ближнего Востока имеет серьезную доказательную базу.

В результате проведенного сравнительного анализа выявляется соподчинение паркового строительства эпохи итальянского Возрождения, во Франции, в средневековой Европе и России некоторым принципам парковой культуры Центральной Азии, основанной на системе «тимурид-

Щ — тмтм "" • "" "" — Щ
*Г

Б. Аманбаева
Кыргызстан

САКРАЛЬНЫЕ ГОРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ФЕРГАНЫ

Фергана является одной из крупных и важных историко-культурных областей Центральной Азии, внесшей значительный вклад в его историю и культуру. Исследование ее памятников началось еще в XIX в. и нашло отражение в отчетах и путевых заметках российских служивых людей и путешественников, а также любителей-краеведов. Работы советской эпохи были интенсивными и эффективными, в результате которых было выявлено и изучено множество разнотипных памятников, характеризующих культуру Ферганы в значительном временном диапазоне [История..., 1984. С. 25-46]. Они же позволили определить роль, место и специфику этого региона в общем центрально-азиатском историческом контексте. Несомненно, что большое место в культуре древних ферганцев, занимали религиозные представления, которые охватывали различные стороны жизни общества, регламентируя нормы поведения и социальные взаимоотношения, эстетические пристрастия и т.д. [Средняя Азия..., 1999- С. 103-111; Богомолов, 2007. С. 93-96]. Вопрос о верованиях и культах, распространенных в Фергане, неоднократно рассматривался разными исследователями, однако, как справедливо отмечает Г. Богомолов, приоритет всегда «отдавался погребальной обрядности» [Богомолов, 2007 С. 93]- Тем не менее, накопленный за последние десятилетия объем материалов и данных позволяет исследователям сделать некоторые выводы: во-первых, в Фергане, как и в других соседних регионах Центральной Азии, в древности и средневековье существовали разнообразные и устойчивые религиозные представления; во-вторых, ни одна из них не оформилась в единую, официальную идеологическую систему; в третьих, при сходстве с культами других областей здесь имелись и заметные различия.

К числу последних относится наличие большого количества культовых мест, представленных сакрализованными природными объектами, в том числе и священными горами. В первую очередь, к ним относится главный культовый объект Ошского оазиса в юго-восточной Фергане — гора Сулайман-Тоо. Известно несколько вариантов названия горы: Сулайман-Таг, Тахти-Сулеймен, Тахти-Сулайман, Сулайман-Таш, Хазрети-Сулеймен. Самым ранним упоминанием этой «поклонной» горы, видимо, следует считать сведения китайских источников (I-я половина I тыс. н.э.) о Гуйшан-чэне, «городе у высокочтимой горы», локализуемом некоторыми исследователями именно в районе Оша [Боровкова, 1989. С. 56-57]. Благодаря средневековым письменным источникам зафиксировано также историческое название горы: в XV в. она называлась на фарси Бара-Кух (Захириддин Бабур); это же название, но в искаженной форме — «Барак» было известно уже в конце XIII в. (Джамал Карши). Название Тахти-Сулайман (Сулейман), переводимое как «трон», «престол» или «ложе» Соломона-Сулаймана, связанное с мусульманской легендой о пребывании здесь библейского Соломона или пророка Сулаймана, в арабоязычных источниках впервые появляется в XVII в. (Махмуд-ибн-Вали). В настоящее время наиболее употребляемым является кыргызское название горы — Сулайман-Тоо. Зафиксированы также и другие названия горы: Ханаф, Мекка-Ажаам (то есть «Мекка не для арабов»), Кара-Таш, но в настоящее время они используются редко.

Гора представлена пятью вершинами, каждая из которых имеет свое название. На протяжении XIX-XX вв. как культурный ландшафт ее вершины, объекты и памятники обследовались неоднократно. В конце 1980-х годов в ходе подготовки научного обоснования для определения границ охранной зоны Сулайман-Тоо

проведены совместные исследования Министерства культуры

и Академии наук Киргизской ССР, ставшие в дальнейшем основой для специальных научных изысканий и проектов по сохранению, реставрации и консервации многих объектов горы. Материалы, полученные в результате этих работ, хранятся в архиве Научно-исследовательского проектного бюро «Кыргызреставрация». Значимым этапом в изучении историко-культурных памятников горы Сулайман-Тоо стал 3000-летний юбилей города Оша в 2000 г., когда проводились целенаправленные исследования, результаты которых были опубликованы в нескольких сборниках и монографиях.

В 2004-2006 гг. работы велись в рамках двух проектов ЮНЕСКО, в результате было подготовлено досье номинации для включения этого объекта в Список всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО по категории «священная гора». Проведено документирование петроглифов и культовых мест; исследованы археологические и архитектурные памятники; собран топонимический и этнографический материал; составлен менеджмент-план [Мазары..., 2007]. В итоге, в 2009 г. гора Сулайман-Тоо стала первым памятником Кыргызстана, включенным в этот престижный перечень объектов мирового наследия как типичная священная гора ферганского региона в Центральной Азии, которая включает самые разнообразные природные и культурные компоненты разных эпох, выражающие духовные устремления различных сообществ, объединенных универсальными мировыми представлениями. Благодаря своему выгодному географическому положению этот объект находился на пересечении миграционных и торговых путей с древности до нового времени, на участке одного из узловых районов коммуникаций Центральной Азии. Это обусловило симбиоз многих культур и традиций, сохранившихся в течение более чем трех тысячелетий, и нашло отражение в различных элементах культурного ландшафта: в тематике наскальных изображений, в системе расположения культовых мест, в верованиях и ритуалах. Все эти компоненты органично используются и в современных обрядах поклонения и жертвоприношений. Особенностью горы является её доминирующее положение на равнинной местности, с ее вершин и склонов открывается впечатляющая панорама живописных окрестностей. Во всей Ферганской долине люди почитают эту местность как объект особого ритуального поклонения.

Немаловажное значение при функционировании описываемого объекта играет его эстетическое восприятие. Особую живописность и привлекательность горе придают причудливые формы и четкий контур пяти вершин, которые в различные сезоны года, в разное

Е
В*
s.

Ifcg

ч

время суток, с разных точек просмотра визуально трансформируются, приобретая различные очертания. Все это в сумме психологически воздействует на восприятие объекта. Это использовалось и используется служителями культов для поддержания сакральной значимости горы на протяжении более чем трех тысяч лет. Очень умело использовались также геологическая и морфологическая структура горы, особенно в эпоху бронзы (середина II тыс. до н. э. — начало I тыс.). В первую очередь, осваивались хорошо доступные и обозримые вертикальные поверхности, на которые наносились графические фигуративные композиции. Включена была в систему и особая пластинчатая структура известняка, которая использовалась различным образом: здесь размещался особый набор петроглифов, сочетающийся с горизонтально расположенными гротами и вертикальными расщелинами. Пространственное освоение учитывало вертикальное, трехпоясное членение горы, что соответствовало представлению древних о «мировой горе» и «мировом древе». Этому же принципу подчинено ассоциативное освоение пространства по сторонам света. При этом учитывалось семантическое значение востока и юга как основных позитивных направлений; культово-значимыми становились те пещеры, вход которых ориентирован в этих направлениях. Север связывался с загробным миром и культом предков, о чем свидетельствует расположение культовых объектов в виде наклонных плит с отполированными поверхностями и изображениями стоп. Западный склон горы противопоставлен трем другим — как сторона, куда уходит солнце. Здесь гора остается почти неосвоенной, что также соотносимо с мифологическими представлениями ирано- и тюркоязычных народов Центральной Азии. Исключения составляют небольшие по размерам горизонтальные площадки, к которым ведут искусственные ступеньки. Таким образом, ассоциативное освоение горы человеком явилось совокупностью элементов природного ландшафта и культурных достижений. Выделяет Сулайман-Тоо и наличие горизонтальных каменных площадок, расположенных на разных уровнях и словно самой природой предназначенных для коллективных ритуалов. Подобное их использование в прошлом позволяют предполагать и выбитые на них петроглифы. Причем набор сюжетов преимущественно повторяется. Например, на первой, восточной вершине выгодно расположен широкий и длинный горизонтальный уступ, на котором представлены стопы — окружности — черточки. Другой пример — плоская обширная площадка в той же части массива с аналогичным набором знаков. Представляется, что они могли быть местами обращения к высшим силам. На одной из подобных горизонтальных площадок, на северо-восточном склоне, находятся изображения лабиринтов. Наскальные рисунки отразили также сложные представления их творцов о мире. В репертуаре петроглифов горы Сулайман-Тоо присутствуют антропоморфные следы, окружности, скобки, запятые, древовидные, подпрямоугольные, с рассеченным заполнением геометрические фигуры, солнечные и другие знаки. Наблюдаются различия в технике нанесения рисунков в зависимости от места расположения. В частности, гравированные рисунки в основном нанесены на стены и потолки пещер, гротов и навесов [Аманбаева и др., 2009- С. 341]. Изучение мотивов наскального искусства Сулайман-Тоо и их сопоставление с данными мифологии позволяет приблизиться к дешифровке семантики петроглифов. Их сходство с другими, чрезвычайно удаленными местонахождениями, не ограничивается лишь мотивом лабиринта. В различных частях Евразии на определенном историческом этапе возникали

сходные представления, воплощавшиеся аналогичным образом. Среди таких универсалий — солярные знаки, изображение кистей рук и стоп, а также сочетание наскальных изображений с культовыми камнями, на которых прошлифованы желоба или выполнены чашечные углубления и лунки [Аманбаева в соавт., 1999]-

В едином историко-культурном контексте с наскальными изображениями и культовыми местами находились и поселения эпохи бронзы, которые обслуживали и обеспечивали защиту основной сакральной зоны Сулайман-Тоо. В ландшафтном отношении они располагались на нижних уровнях горы. Сами поселения, возможно, не были включены в сакральное пространство. Одно из них располагалось в нижней трети южного склона третьей вершины; другое — у подножия первой восточной вершины, откуда и начиналась тропа паломничества [Заднепровский, 1997]- Цельность культурного ландшафта обеспечивалась и органичной взаимосвязью его компонентов, что наблюдается и в настоящее время. Сегодня имеют место такие ритуалы, как жертвоприношения животных и птиц определенных видов, коллективные и индивидуальные моления, шаманисткая практика, связанная в основном с идеей плодородия, культом предков и лечебной магией. Особенностью святых мест на Сулайман-Тоо является и то, что многие из них связаны с ритуалами, осуществляемыми женщинами. В то же время многочисленные следы возжигания огня в пещерах и расщелинах на вершинах связаны с представлениями о небесном происхождении огня. Огонь — это сын солнца, поэтому он служит посредником между землей и небом, между людьми и божествами. Сохранившиеся следы культов индоиранцев древней Ферганы свидетельствуют о религиозно-мифологических системах, воспринимавших огонь в качестве универсального принципа, суммарно олицетворяющего весь космос. В «Ригведе» отразилось понимание огня как посредника между различными мирами, несущего жертву от людей к богам. В данном случае, существование на Сулайман-Тоо ритуалов, связанных с культами плодородия, огня и предков, причисляет этот объект к культовым святым горам, характерным для иранской и поркской культурных традиций.

Обряды, осуществляемые на вершинах гор тюрками, также были ориентированы на их признак как святых. Эти ритуалы выполняли уже шаманы, ориентируясь на них как на маркеры родовых и племенных территорий, а также источник жизни, как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Сами же тюркские шаманы, т. е. их души, навсегда оставались в этих горах и после смерти. Они как бы вселялись в камни гор. Именно к ним и обращались с просьбой о каких-либо благах. Уже в мусульманское время название горы, принявшее имя Сулаймана, также подчеркивает антропоморфность идей, связанных с ее святостью. Процесс преобразования природного и культурного ландшафта активно продолжался и в средневековье, когда гора стала доминантой большого города, и в новое время. У ее подножия была возведена основная часть ранних мусульманских памятников [Мазары..., 2007. С. 28-31], что и определяет непреходящую культурную значимость Сулайман-Тоо.

Соответствия ему по культам можно видеть и на других объектах в пределах Ошского оазиса, например, на вершинах Айрымач-Тоо (Суротту-Таш), Керме-Тоо, а также находящейся недалеко от них Дулдул-Ате (Араванской скале).

На юго-восточном отроге Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш), называемого местным населением Орто-Тоо, расположенного к северу от Сулайман-Тоо, имеются сходные культовые места, также приуроченные к природным особенностям рельефа. Формирование здесь святилища, вероятно, шло параллельно с Сулайман-Тоо, однако, позже оно приняло более узкую, специализированную форму, связанную с культом коня, который в свою очередь, был тесно связан с соляным культом. Основное время его функционирования приходится, видимо, на последние века I тыс. до н.э. — первые века I тыс. н.э. [Массой, 1947- С. 131; Бернштам, 1997- С. 383-384]- Частичное сохранение сакральных функций отмечается и в настоящее время. В частности, первая вершина, являющаяся мазаром, носит название Камбар-Ата, который, как известно, является мифическим покровителем лошадей у тюркских народов. Моления, сопровождающиеся завязыванием разноцветных лоскутков на деревья и кустарники (обряд «ялача»- жалача) и скатыванием по каменному желобу, наблюдаются также на основной вершине.

Керме-Тоо. Этот объект находится к западу от Сулайман-Тоо. О культовом характере некоторых пещер этой гряды в древности свидетельствуют петроглифы, зафиксированные на вертикальных площадках у входов, на полу, на стенах и потолках, наличие чашевидных углублений и отполированность отдельных участков полов, стен и т. д. [Аманбаева и др., 2009. С. 37]- Комплексное изучение Сулайман-Тоо показало, что сакральный ландшафт выходит за физические пределы горы, а соседние вершины Айрымач-Тоо и Керме-Тоо, как и окружающая их равнина, находятся с ней в едином природном и культурном контексте. Причем виртуальным центром является Сулайман-Тоо, именно поэтому они были включены в его буферную зону. Такая мера необходима была для сохранения всех компонентов культурного ландшафта, так и для восстановления визуальных связей, существующих между ними.

Дулдул-Ата расположен к западу от Ошского оазиса. На этом мазаре, помимо основной скалы с изображениями коней, широко известной в исследовательской литературе как Араванская, имеется площадка с многочисленными искусственными лунками и грот с фалломорфным каменным фетишем, активно используемая современными паломниками.

В настоящее время среди исследователей нет единой точки зрения относительно вопроса, с какими религиозными воззрениями можно увязать ранние культы Сулайман-Тоо. Не вызывает сомнений, что архаичный пласт сакрализации этого места относится к эпохе бронзы, то есть ко II тыс. до н.э. [Заднепровский, 1997; Малтаев, 2000]. В целом признается также индоиранская атрибуция населения эпохи бронзы Средней Азии, в том числе Ферганской долины, причем как оседло-земледельческого, так и «степных» племен, скотоводческих и кочевых. Наконец, зафиксированные в Фергане культы не всегда вписываются в рамки априорно постулируемого зороастризма, известного по «Авесте» и этнографии парсов. Очень интересной и перспективной для решения данного вопроса является точка зрения Р.Х. Сулейменова. Он предполагает, что «весь комплекс имеющегося материала позволяет проследить к середине II тыс. до н. э. преобладание в восточной зоне племен индоарийской принадлежности, создавших позже ведийскую культовую традицию, а в западной зоне Средней Азии — сложение авестийской культовой традиции» [Сулейменов, 2000. С. 226].

В свете изложенного можно предположить, что наиболее ранним культом Сулайман-Тоо был митраизм. Митра — древнейшее индоиранское божество, впоследствии включенное в зороастрийский пантеон. У него было много функций: божество света, союза и договора, часто он выступал в паре с Варуной. Мифологическая традиция говорит о том, что он был рожден из скалы или камня в пещере. Основной сутью поклонения Митре были возлияния сакрального напитка — хаомы, вкушаемого участниками церемонии поклонения, о чем свидетельствует Михр-яшт [Авеста, 1990- С. 233]- Считается, что он был тесно связан с воинским сословием, которое и устраивало кровавые жертвоприношения, чтобы обеспечить массовое плодородие животного и растительного мира. Кстати, подобные действия клеймились в Гатах и, в противовес им, воспевался мирный созидательный труд третьего сословия — скотоводов и земледельцев. На горе с митраизмом могут быть связаны следующие виды памятников: прежде всего, пещеры и гроты, особенно сквозные, с полом, отполированным от бесчисленных скольжений и скатываний, имитирующих, видимо, акт рождения Митры. Особо показательна пещера в труднодоступном месте третьей вершины, на гребне; а также, жертвенные плиты со скатами и желобами, расположенные на всех склонах горы, кроме западного склона. Они могли быть использованы для ритуальных обрядов, широко практиковавшихся в митраизме.

Другим видом памятников, особенно многочисленным, были жертвенные лунки различных размеров. Среди них есть так называемые чашевидные углубления, имеющие значительный диаметр (пример — культовое место Баш-Таш) и лунки диаметром всего в 1-3 см. Они также могли использоваться в ритуалах, о которых мы говорили выше.

Весьма интересны обширные горизонтальные площадки, расположенные на различной высоте, которые уже упоминались. Они словно самой природой предназначены для проведения многолюдных церемоний. Особенно значительно их число на первой вершине, где они буквально опоясывают макушку. На них нанесены ограниченные по сюжетам изображения: чаще всего стопы, иногда до трех пар одновременно, окружности, горизонтальные и вертикальные черточки, змеи в характерной для Сулайман-Тоо иконографии. Создается впечатление, что подобные культовые площадки как бы фиксировали точки, из которых могли возноситься молитвы, то есть они были не просто местами проведения ритуалов, а своего рода трибунами.

Другой особенностью Сулайман-Тоо является широкое и повсеместное использование огня в ритуальной практике, о чем уже говорилось. Следы возжигания огня встречаются практически во всех пещерах и гротах, а также в различных углублениях, трещинах, иногда просто в укромных, защищенных от ветра местах. Именно эта традиция дает основание некоторым исследователям (К. Малтаеву, Б. Абытову, В. Огудину и др.) считать Сулайман-Тоо исключительно зороастрийским памятником. Однако, кажется, уместнее говорить об авестийской традиции, причем, связывая ее сложение с другой эпохой — раннежелезным веком, который ознаменовался активным переселением племен и народов, сопровождавшимся кардинальными переменами в материальной и духовной сфере. Эта же традиция преобладала, видимо, и в последующее время, сохраняя, при этом, местную специфику. На шоробашатском и мархаматском этапах истории Ферганы (IV-I вв. до н. э. — I-IV вв. н. э.) наряду со святыщами, подобными Сулайман-Тоо и Айрымач-Тоо (Суротпуу-

Таш), появляются и архитектурно оформленные храмы и специальные помещения в жилых зданиях, о чем свидетельствуют археологические материалы [Абдулгазиева, 1994- С. 27-28; Анарбаев, Максудов, 2007. С. 135-136; История..., 1984. С. 183-184.]

В середине 1-го тыс. н. э. — начале раннего средневековья, возможно, религиозная роль горы несколько ослабла в связи с изменениями в этнической, политической и идеологической жизни региона. В это время по-прежнему функционируют храмы и домашние «капеллы», что подтверждают раскопки на городище Ак-Буура [Аманбаева, Абдуллоев, 2000. С. 6-ю], а также информация о храме огня в самом городе, о котором, судя по письменным источникам, еще помнили в XI в. Процессу десакрализации горы могло способствовать появление в VII в. нового этноса — тюрков, а в VIII в. — распространение новой религии — ислама. Однако со временем произошло переосмысление и привязка старой традиции почитания этого места к новым святыням, которые, пережив века, дошли до наших дней, продолжая играть при этом активную социальную роль в современном обществе.

Литература

- Абдулгазиева Б.** Стратиграфические исследования памятников шурабашатской культуры // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994-
- Абдулгазиева Б.** Храмы огнепоклонников древней Ферганы // Верования и культы домусульманской Средней Азии. Москва, 1997-
- Авеста.** Избранные гимны / Пер. с авестийского и комментарии проф. И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990.
- Аманбаева Б. А., Абдуллоев Д. А.** Доарабский Ош в свете раскопок Ак-Бууринского городища / Ош и древности южного Кыргызстана. Бишкек, 2000.
- Аманбаева Б.Э., Дэвлет Е.Г.** Петроглифы Сулайман-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2. Бишкек, 1999-
- Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М.** Наскальное искусство Кыргызстана. Бишкек, 2009-
- Анарбаев А. А., Максудов Ф. А.** Древний Маргилан. Ташкент, 2007.
- Богомоллов Г. И.** К вопросу о верованиях и культовых местах Ферганы // Роль Маргилана в истории мировой цивилизации. Ташкент-Маргилан, 2007.
- Боровкова Л.А.** Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. // Историко-географический обзор по древнекитайским источникам. Москва, 1989.
- Заднепровский Ю. А.** Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997-
- История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т. 2.
- Мазары Ферганской долины. Бишкек, 2007
- Малгаев К.** Сулайман-Тоо — древнейший поднебесный храм в Центральной Азии. Ош, 2000.
- Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. Москва, 1999-
- Сулейменов Р.Х.** Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент, 2000.

Л Я Л **ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ**
ЭК Н Ь І ТЕАТРОВ ТУРКЕСТАНА КОНЦА ХІХ - НАЧАЛА ХХ ВВ.

Жрздийиояные виды зрелищного искусства, народов Центральной Азии, генезис и эволюция которых продолжалась на протяжении многих столетий, в XIX — нач. XX в. подверглись определенным изменениям. В этот период были развиты такие жанры традиционного зрелищного искусства, как скоморошничество и клоунада (масхарабоз, кизикчи) и кукольные представления (кугирчок уйин). Представители традиционного народного театра-клоуны (масхарабозы), канатоходцы (дарбозы) и кукольники давали представления под аккомпанемент традиционной музыки (карнай, сурнай, дойра, нагора) на сайилях (гулянях) и свадьбах [Рахмонов, 1968]. Традиционный театр народов Туркестана не имел специальных театральных зданий, артисты выступали в центре зрительского круга [Кодиров, 1981. С. 36].

Артисты различных жанров объединялись в цеховые объединения по примеру представителей иных профессий, уделяли особое внимание подготовке преемников, обучали их на протяжении многих лет и передавали секреты своей профессии. У них имелись свои уставы - рисола, где регламентировались общие правила, этические и профессиональные нормы деятельности представителей актерского цеха [История..., 1968. С. 482]. Руководили такими объединениями наиболее авторитетные мастера — корфармоны, которые во время представлений выполняли и функции конферансье.

Отметим, что традиционный театр это не только уличные выступления бродячих трупп. Широко была распространена деятельность придворных театральных трупп. Так, в середине XIX в. во дворце кокандских правителей функционировала труппа скоморохов под руководством Зокира Эшона [Остроумов, 1890. С. 48]. После смерти Зокира Эшона группа распалась, а отдельные артисты сформировали собственные труппы, выступавших по всей Ферганской долине. Так, это была труппа Матхолик-кизика — в Андижане, Саьди-кизика - в Маргилане, Нормата-кизика в Коканде, в репертуаре которого имелось более 300 образов и ролей. В рассматриваемый период при дворце кокандского хана функционировала труппа во главе с Иклим додхо, состоящая исключительно из женщин [Кодиров, 1981. С. 125].

В конце XIX — нач. XX в. широкой популярностью пользовались постановки труппы Юсуфжона-кизика 1869-1959 объездившего практически всю Ферганскую долину. Мастерски владея более юо приемами национального танца, искусством подражания, скоморошества, Юсуфжон-кизик исполнял главные роли в ряде комедий, в частности отображал образы шейха («Мозор»), председателя («Заркокил»), мударриса («Мударрис»), учителя («Бола уки тиш»), казн («Ёр булиш»), отца («Мамаюсуф»), жениха («Келин туширди»), лекаря («Хитой табиби») и др. Труппа Юсуфжона, в состав которой входили артисты кизикчи, дорбозы, гастролировала и в населенных пунктах соседних регионов, в частности в Хиве, Бухаре, Туркестане, Етгисув, Гулже, Кашкаре, Иране, Турции, Афганистане. В целом, Юсуфжон-кизик был истинным носителем традиционного театра исполнителем и организатором, корфармоном и автором, сделавшим значительный вклад в сохранение, развитие и доведение до последующих поколений традиции национального зрелищного искусства.

Другим популярным в народной среде жанром являлись уличные кукольные представления (кугирчок уйин), которые также организовывались на торговых площадях в дни народных гуляний и праздников. Сценическим экспозитом при этом обычно служили обыкновенный матерчатый занавес и деревянные куклы, управляемые артистом. Куклы отображали образы людей различных профессий, народных героев и животных. Наряду с народными сказками также разыгрывались события и различные истории из реальной жизни.

Традиционные народные театры существовали в Центральной Азии повсеместно, в частности в Бухарском и Хивинском ханствах. Практически во всех сравнительно крупных городах Бухарского ханства — Бухаре, Кермене, Гиждуване, Каттакургане, Карши, Шахрисабзе, Денау, Термезе, Ходженте имелись собственные труппы артистов, которыми руководили аксакалы, калонпо, усто, колибы. В административной системе Бухары существовал специальный орган — Колибхона, осуществлявшая контроль за деятельностью и репертуаром различных трупп. Желавший пригласить артистов на какое-либо мероприятие, должен был прежде всего получить письменное разрешение Коллиббоши. При резиденции областных правителей также состояли труппы артистов, при беках Шахрисабза, Карши, Гузара работали лучшие труппы танцоров и скоморохов [Яворский, 1882. С. 373-374 и ел.]. Наиболее известные труппы работали при дворе эмира [Туркестанские..., 1875]- Так, большую популярность среди актеров-кукольников Бухары конца XIX в. получила придворная труппа Зарифа-мискара. Для его постановок в резиденции эмира была возведена специальная сцена, для зрителей эмира, его приближенных и придворных были установлены кресла. Как правило, представления демонстрировались вечерами при свете факелов. Придворные труппы эмира Бухары показывали свои концертные номера не только во дворце. По приказу правителя в дни общенародных праздников и гуляний они давали бесплатные представления на площадях и улицах [Крестовский, 1887. С. 143]- Подобные выступления («Чавки») организовывались дважды в день и продолжались в течение двух часов. Охрану и порядок при его проведении организовывал юзбоши вместе с прикрепленными к нему солдатами. В дневных представлениях принимали участие канатаходцы, чупбозы (жонглеры), клоуны. Герои кукольного театра обычно выступали в вечернее время.

У каждой придворной труппы был руководитель, назначенный эмиром (аксакал, колиб, корфармон, уста), который проводил репетиции, составлял репертуар и готовил программы, защищал права и интересы членов труппы. Он подчинялся непосредственно кушбеги и нес ответственность за художественный уровень и дисциплину работников труппы. Каждый художественный коллектив работал самостоятельно, но при необходимости танцовщицы, исполнители макомов, скоморохи, кукольники и музыканты давали объединенные представления, а иногда все труппы выступали по одной программе на протяжении нескольких часов [Крестовский, 1887. С. 142-144] и 60, 175-177; Яворский, 1882. С. 142-144]-

На свадьбах и сайилях представлялись тщательно разработанные программы масхарабозов (клоунов). Они состояли из логично связанных между собой комедийных сцен и пантомим и исполнялись в определенном порядке. Художественный цикл «Катта масхарабозлик» состоял из двадцати юмористических сцен типа «Козибозлик», «Мактаб», «Корибозлик», «Мироб», «Хундибозлик», «Полвонбозлик», «Кассоблик», «Эшаксавдоси», «Кема уйин», «Сартарошлик», «Тегирмончи» и продолжался на протяжении 8-ю часов.

В каждом ханстве были свои прославленные артисты и популярные жанры. В Хивинском скоморохи — Худойберган кур, Матчон кур, Буважон и Упирди, Буважон из Гурлана, Бейли чиплок, Сайд коки из Ханки, Айтбой лумма, Жабби масхарабоз из Турткуля. В традиционном зрелищном искусстве Хорезма приоритет отдавался пантомиме, пародии и комедийным постановкам на злободневные темы. Сцены обычно были эпизодичны и кратки, персонажи малочисленны, масштабно использовались музыка и танец. В Мангитской области (нынешний Амударьинский район Республики Каракалпакстан) в XIX — нач. XX в. насчитывалось около двадцати постоянно действующих трупп масхарабозов.

Заметные трансформационные процессы в общественной и экономической жизни Центральной Азии в XIX — нач. XX в., обусловленные завоеванием региона Россией и проникновением новых цивилизационных форм, способствовали эволюции традиционного зрелищного искусства, изменению ее содержания и институциональной формы. В комедийные сцены стали включаться и пародии на представителей колониальной администрации. Репертуар трупп пополнился новыми злободневными реалиями повседневной жизни. В частности, появились такие постановки, как «Таржимон», «Тарозибон», «Эликбоши сайлови», отразившие различные негативные факты из жизни населения. На дальнейшую эволюцию национального театрального искусства значительное влияние оказало начавшееся в этот период проникновение русского, татарского и азербайджанского театров. Ограниченный формат выступления не представляет возможности для детальной характеристики данного процесса. Отметим лишь, что театр европейского образца, проникавший в регион в ходе гастролей и деятельности трупп русского, татарского и азербайджанского театров оказал сильное влияние на развитие идеи национального прогрессивного движения — джадизма. В своей концепции обновления центрально-азиатского общества его представители отводили театру ключевую роль как действенному инструменту, способствующему развитию просвещения и образования широких масс. Именно в среде джадидов зарождаются первые национальные драматические произведения, которые впоследствии успешно ставятся на сценах местных театров. Наиболее примечательна в этом отношении драма «Падаркуш», написанная в 1911 году одним из лидеров национально прогрессивного движения М. Бехбуди. В Ташкенте 27 февраля 1914^{г.} Р^и содействии азербайджанских режиссеров в узбекском национальном театре «Турон» состоялась премьера драмы, затем успешные гастроли по всей Ферганской области. (К слову, первый национальный театр был организован в г. Самарканде в конце 1913 года). Труппа театра «Турон» сыграла довольно важную роль в пропаганде нового театрального искусства, в повышении издревле известных уличных зрелищ до уровня театрального мастерства. В Ферганской долины под влиянием джадидского театра начали формироваться новые театральные коллективы. В частности, в Коканде, Андижане, Намангане были созданы самодеятельные труппы, которые не только осуществили постановку названной пьесы М. Бехбуди, но и разработали собственный репертуар.

Другим важным процессом рассматриваемого периода стало объединение представителей различных жанров — кизикчи, масхарабозов, аскиячи, дорбозов в комплексные театральные труппы, дающие цирковые представления. Основателями национальной цирковой труппы были Юсуфжон-кизик и М. Мансуров. Труппа, в которой одновременно работали канатоходцы, скоморохи, клоуны, выступала не только в Туркестане, но и в соседних регионах.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. народный театр не только не утратил свое значение в новой социально-культурной обстановке, но более того — он сохранил свои традиции и вместе с тем получил качественно новое развитие, приобрел более широкую популярность и обогатился в плане содержания. Именно в этот период на базе народных зрелищ сформировались первые национальные театры и цирки — новые виды зрелищных искусств, пронизанных духом времени и соответствующих требованиям эпохи. Создавались они на основе традиционных устных народных выступлений. Труппы национальных театров формировались под влиянием русского, татарского и азербайджанского театров. В тот же период впервые начали ставить спектакли по произведениям национальной драматургии, которые очень быстро приобретали популярность среди народа.

Литература

История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Том II.

Кодиров М. Узбек халк томоша санъати (Узбекское народное зрелищное искусство). Тошент, 1981.

Крестовский В. В. В гостях у эмира Бухарского. Санкт-Петербург, 1887.

Остроумов Н. П. Сарты. Ташкент, 1890.

Рахмонов М. Узбек театри тарихи (История узбекского театра). Ташкент, 1968.

Туркестанские ведомости. 1875, 14 января, № 3- Две недели в Шахрсабзе.

Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. Санкт-Петербург, 1882. Т. 1-2.

МУЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ САМАРКАНДЕ

Профессиональное музыкальное искусство Самарканда в позднее средневековье было прямым продолжением лучших традиций музыкальной культуры предшествующей эпохи Улугбека-Навои. Как и в других городах здесь организовываются своеобразные придворные оркестры-ногорахона. Изучение письменных источников и публикаций специалистов-музыковедов, относящихся к XVI-XIX вв., позволило выявить свыше ста двадцати деятелей музыкальной культуры, как профессиональных музыкантов — исполнителей, так и композиторов (бастакоров), теоретиков музыки. Поэзия и музыка развивалась в тесной взаимосвязи. По сложившейся традиции, стихи декламировались хафизом нараспев. Воздействие музыки на восточную поэзию сказалось и на некоторых закономерностях развертывания формы, гибкости метроритмических соотношений, на частом описании музыкальных сцен.

Крупнейшим музыковедом-теоретиком был Дарвеш Али — исполнитель на чанге (цимбала), автор «Рисало-йи мусики» («Трактат о музыке»), «Тухфат-ус-сурур» («Радостный подарок»). Он прекрасно играл также на гижане, кануне, мугане, уде. В течение сорока лет Дарвеш Али собирал материалы для трактата «Тухфат-ус-сурур», содержащего ценные сведения о теории музыки, биографии более ста музыкантов-макаμισтов и композиторов-бастакоров (из них 26 человек — выходцы из Самарканда). Судя по произведению Дарвеша Али автор хорошо знал средневековую историю музыкальной культуры народов Средней Азии, Ирана, Афганистана, Северной Индии, Восточного Туркестана (Кашгарии), Турции.

Определенный вклад в теорию народной классической музыки, дальнейшее усовершенствование музыкальных инструментов внесли и самаркандские исполнители — Мавлян Хасан, Мавляна Риза-йи, Мирзо Хотим бинни Баки Девон-и, Устаз Мухиб-Али-Раббани, Мир Али Акбар, Мавляна Баки-и Джаррох, Мавляна Паендэ табиб, Мавляна Баки-и-шохиди, Хафиз Паендэ-йи Кабузи и др. Большим мастерством среди музыкантов и певцов Самарканда славились и непрофессиональные артисты, например, Мулло Ахми Кафшдуз (ремесленник, шьющий кафши), Мавляна Баки Дерзи (портной), Мавляна Мумин-и Кемангар (мастер, изготавливающий руни), Мавляна Пир Мухаммад Кулял (гончар), Фатхулло (переплетчик и торговец книг) и другие [Семенов, 1946. С. 64].

Профессиональными шашмакомистами — музыкантами и певцами были Дарвеш Бузгола, Косим, Чакар Ханум, Устод Тулаки наи, Дарвеш Ахмади кануни, Хофизы Ушоти, Ходжа Дустмирак Мавлоно Мутриби [Дарвеш Али, л. 59а], Устод Зейтун-и гижани, Устод Шади (мастер макома «ирак»), Ходжа Юсуфи Андижани (мастер макома «навруз» в ритме туризарб; о нем писал А. Навои. Некоторое время жил в Самарканде), Шахнули-йи гижани из Герата, Устод амир куш-йи Танбури, Дарвеш Максуди Андижани, Хафиз Баки Руд-и, Мавляна Кахи, Мухаммад Уди [Дарвеш Али, л. 167а], Ходжаги Джафар-и Самарканд-и кануни [Дарвеш Али, л. 137а], Ахмад Девона-и Най-и [Дарвеш Али, л. 59б], Махмуд-зода-и Ушоти Хоразми (учитель музыки Дарвеша Али, мастер макоме «дугах»; составитель савтов, накшей и пешрав) [Дарвеш Али, л. 128а, б], Хафиз-Бобо-и кануни-и Уротепаги (из г. Ура-Тюбе; прекрасно знал 12 макомов и все 24 шувба, играл на кабузе, найе) [Дарвеш

Али, л. 1456, 146а] и другие. В шестой главе («Макоми шашум») Дарвеш Али дает характеристику музыкальным инструментам, как например: танбур, ченг, най, канун, уд, барбэт, ребаб, кобуз, руд, гиджан и др. [Дарвеш Али, л. 276, 28а, 296, 30а, 34&].

Среди широких народных масс наиболее распространенными являлись следующие музыкальные инструменты: дойра, дутар [Раджабов, С. 307], сурнай, карнай и др. Музыкальные инструменты средневековья, относящиеся к памятникам материальной культуры и сохранившиеся благодаря подвижнической деятельности работников музеев, а также данного дела энтузиастов, отражают многовековой этап развития искусства изготовления инструментов, создания весьма оригинальной инструментальной национальной музыки.

Характерной чертой древней музыкальной культуры узбекского и таджикского народов является то, что наряду с народной песней (обрядовой, лирической, игровой и др.) и народной инструментальной музыкой, сложилось и достигло уровня профессионализма музыкальное искусство устной традиции, которое отличалось от народных песен большей развитостью мелодии, сложностью формы, тщательно разработанным методом исполнения.

Узбекская и таджикская классическая музыка, объединенная в один огромный инструментальный и вокально-инструментальный цикл, дошла до нас под названием «шашмаком». И не случайно знаменитый цикл шести бухарских макомов «шашмаком» два народа с равным правом считают своим национальным наследием. Исполнители должны были строго придерживаться предписаний «Рисола-и мусики», в котором определены правила исполнения каждого в отдельности макома. По дошедшим до нас спискам поэтических текстов видно, что шашмаком в Бухаре уже в XVI в. представлял собой вполне законченный инструментальный цикл [Вызго. С. *д/*]. В его формирование и развитие большой вклад внесли и самаркандские шашмакомисты. Впрочем, музыкальная культура народов долины Зеравшана с древнейших времен воспринимается как единое целое. В музыковедческой литературе узбекские макомы подразделяют на три цикла: бухарский, хорезмский и фергано-ташкентский. Основанием для этого служило отсутствие в них обязательных для макомов закономерностей в отношении частей, строения цикла и его отдельных разделов.

Музыканты (карнайчи, сурнайчи, нагорачи и др.) вместе с актерами народного театра и цирка входили в одну общую корпорацию, имевшую свой устав-рисола [Самойлович, 1927]. В репертуар народных певцов и инструменталистов входили разнообразные по тематике и исполнению народные песни, инструментальные пьесы и произведения профессиональной музыки устной традиции. Для творчества профессиональных певцов более характерными были вокальные части макомов и песни на лирические стихи широко известных восточных поэтов Абу Абдуллаха Джафара Рудаки, Омара Хайяма, Джала-Эд-Дина Руми, Низами, Саъди Шерази, Хафиза, А. Джамии, А. Навои, Бинаи, Камал-ад-Дина Ходжи, Физули, Васифи, Лутфи, Сайида Насафи, Бедиля, Зебунисо, Нодира и многих других.

Изучение истории позднесредневековой музыкальной культуры народов Средней Азии, в частности Самарканда, позволяет сделать вывод, что она имела глубокие местные корни и опиралась на художественные традиции предшествующих столетий. У колыбели классических форм музыкального искусства находились многие и многие ныне безызвестные теоретики. И только в результате их усилий могли появиться известные нам труды восточных музыковедов.

И. САИДОВ

Литература

Вызго Т. С. Введение // Народные музыканты Узбекистана.

Дарвеш Али. Тухфат-ус-сурур. Рукопись.

Раджабов И. Р. О музыке Самарканда // Из истории искусства великого города...

Самоилович А. Туркестанский устав-рисола цеха артистов // Материалы этнографии. Вып. 2. Ленинград, 1927. Т. 3-

Семенов А. А. Среднеазиатский трактат по музыке Дарвеш Али (XVII в.). Научно-исследовательский институт искусствоведения РУз. Ташкент, 1946.

ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

ETHNIC AND REGIONAL CULTURES IN CENTRAL ASIA IN PRE-MODERN AND MODERN PERIODS: TRADITIONS AND INOVATIONS

Mushtaq A. Kaw
India

UZBEKISTAN AND KASHMIR: COMMON HISTORICO-CULTURAL TIES

Religious Connections

(i) Primitive Faith:

To begin with the historical reality that Iran and Kashmir were closely connected with each other from early times. The given connections were so profound that Kashmir is often termed as the Iran-i Saghira. Incidentally, modern Uzbekistan served as a bridge in their sustenance for it had a strategic location and was a part of the vast Persian Empire. In fact, Iran-Kashmir relations are amply substantiated by a common myth whereby both are believed to have been two water bodies/lakes occupied by the dreaded dragons. On their killing by two holy saints, water was released and land was rendered habitable for the early Iranian and Kashmiri men around 5000-3 000 BC.

Such bilateral connections are evenly reinforced by the primitive forms of faith characterizing serpent and fire worship in a vast region spanning Iran, Uzbekistan, Tajikistan, North India and Kashmir. Historically speaking, snake cult was popular among the anthropoid apes since Paleolithic times: they "worshipped serpents and buried them with a supply of insects in their graves as a provision for their future life." A universal phenomenon though, such a cult was brought by the early Aryans to Kashmir along Central Asia, Afghanistan and northern areas in Gilgit, Astor, Dardistan, Hunza, Garkun, Kargil and Dardistan Ladakh. Like their Central Asian counterparts, the early Kashmiris, the Nagas, worshipped serpents as semi-divines with the belief that they possessed sufficient supernatural powers to guard their "dwellings, treasures and the graves of their progeny".

Obviously, Kashmiri Hindus and Muslims extended great respect to the dwellings of snakes in springs and lakes, and carved their images on stones, walls etc. Abul Fazl, the 16th century chronicler of Mughal India, reports about seven hundred such places about which "wonderful legends are told", though most of them were without designs and the motifs. The graven snake images in religious structures was not specific to Kashmir but to whole region including Uzbekistan.

Like snake worship, fire worship was practiced in the entire region, for its ideology, founded by one Ahur Mazda at Balkh in the 6th century BC, advocated veneration of several Iranian gods, of

whom fire god was perceived to be strong enough to purify body and kill evil intents in humans besides ensuring them peace and salvation. While fire worship has since ceased as a popular form of faith, its influence is nonetheless felt in the practices related to the marriages, beliefs, and annual anniversaries of the great men in Uzbekistan and Kashmir,

(ii) Buddhism & Islam:

The Uzbek-Kashmir relationship was subsequently strengthened by ancient Indian faith of Buddhism (5th century BC), which travelled to Central Asia either across Kashmir or Afghanistan. It was based on eight-fold principles, essential for transforming an ordinary man into a perfect human being, the Sakya Mani, with no mundane ends. Fascinating as it was, Buddhism was overwhelmingly followed in India, Kashmir, Uzbekistan and the former Soviet Central Asian space as is vindicated by the presence of hoards of Buddhist monasteries and sculptures in the aforementioned region. The Indo-Greeks, Sakas (Scythians), Parthians and Kushanas had a significant role in carving Buddha's images and symbols, patronizing monasteries by land grants and spreading Buddhism to China and Central Asia. King Kanishka in particular publicized it by holding the largest ever congregation of the Buddhist monks from South, Central and South East Asia in Kashmir, the 3rd Buddhist conference in the 1st-2nd century AD. It was indeed representative of a great Buddhist world to which Uzbekistan and Kashmir were integral constituents.

The religious connections between the two regions were again reinforced by the monotheistic faith of Islam. Having originated in Arabia, Islam was established in Central Asia in the 6th-7th century AD notwithstanding initial resistance from the natives of Samarqand & Bukhara. Later, however, it got deeply entrenched into their psyche which is better explained by a Muslim tradition quoted in Sharaf Namai-Shakhi of Hafiz-i Tanish ibn Mir Muhammad Bukhariya: "In the lands of the East there is a country they called Khorasan...[with] ...three of its cities... adorned with rubies, pearls and coral. They will shine... The Prophet... may Allah bless and greet him ...asked: 'O Gabriel, call out the names of these cities.' Gabriel said: The first in Arabic they call Qasimiyya, in Farsi Washgird; the second in Arabic they call Samranat, in Farsi Samarkand, the third in Arabic Fakhira, in Farsi Bukhara.' The Prophet asked: 'why do they call it Fakhira?' Gabriel said: 'Because on the day of resurrection from the dead it will pride itself among all cities by the number of martyrs for the faith.' The Prophet said: Allah bless the ones in Fakhira and purify their hearts in piety and multiply their deeds and acts with good for my people.'" Samarqand was also esteemed as the 'Samarqand Behesht Manand' [Paradise like], and the 'Fat Town' [Simzkand] abounding with fertile and irrigated lands. It was even called the 'Qubbat-ul Islam' [Cupola of Islam] and the 'Bukharaa-ya sharif [the Noble Bulhara] for the great piety of the holy men such as Imam Bukhari and Bahau-ud Din Naqashbandhi. Such was the contribution of Islam to the sacred history of the holy lands of modern Uzbekistan.

Nevertheless, such a Central Asian Islam had not an egalitarian character, for it was an embodiment of Islamic and un-Islamic customs and traditions; hence, quite distant from the puritan Islam. However, it had great social strength for the support it enjoyed from the nomads and the sedentary peoples, ruling elite and the missionary groups. As a matter of fact, the latter group was pivotal in enkindling the light of Islam in Kashmir in the 14th century. It began with painstaking efforts of two great souls, Bulbul Shah from Swat NWFP, and Sayyid Ali from Hamadan Iran. During their missionary activities, they and their accomplices from Bukhara, Kashan, Badakhshan, Geelan etc. toured and settled in Kashmir villages and towns, and formed their own Diaspora, the

Bukharis, Kashanis, Badakhshanis, Geelanis, Naqashbandhis, Andrabis and Sayyids. Over the years, they raised shrines, tombs and mausoleums on their graves with the belief that the deceased would reciprocate them in the resolution of their ends in this and the world hereafter. The same belief was in vogue in Uzbekistan, which too had villages and shrines named after the Kashmiri rulers, saints and poets, and which devotees invariably thronged, tied tags and lit candles on to invoke their blessings for curing ailments, bearing children, auguring bumper harvests, to name only a few ends. The devotees comprised all gender groups, men, women, and children. The peasantry in particular esteemed the holy men and donated cattle, slaughtered animals etc. at their shrines. The presence of the shrines of Sayyid Ali Hamadani and Bahau-ud Din Naqashbandhi in Tajikistan, Bukhara and Kashmir respectively, offer the typical example of Uzbek-Kashmir religio-cultural ties of yester years.

Arts & Crafts

The Uzbek land was a celebrated centre of Islamic civilization and industrial expertise. Samarqand and Bukhara were its largest contributories; hence, played a significant role in transmitting Central Asian influences to neighbourhood including Kashmir. It had long back started under the centralized monarchies of Indo-Bactrian Greeks, Scythians (2nd-1st century BC), Sakas & Parthians (90 BC - 64 AD), Kushanas (1st-2nd century AD) and Huns (5th century AD), though the intervening period had intermittently experienced unprecedented events of political uncertainty. But that never hampered the gradual shift of industrial technology from Central Asia to Kashmir. The archaeological finds, religious structures, sculptures, iconographic and numismatic evidences, especially Kushana coins (2nd-3rd) from Semthan and the Hun tiles (6th century) from Harwan in proper Srinagar Kashmir, bear considerable alien influences on Kashmir. These influences diversified with the establishment of the Sultanate in Kashmir (14th century), whence scores of professionals, artisans, craftsmen, litterateur, physicians, poets, etc., accompanying missionaries, made Kashmir a permanent abode. They entered into matrimonial alliances with the local Kashmiri women, and effortlessly created families and Diasporas in Kashmir. During their settlement, they radiated their indigenous ideas, thought, language, arts and crafts to the natives of Kashmir. Their inflow was stimulated by the famous Kashmiri king, Sultan Zainul Abidin (1420-70). Having great yearning for Central Asian arts and crafts, he personally visited and sent Kashmiri craftsmen to Samarqand and Bukhara, and offered incentives to the Central Asian craftsmen to settle in and teach arts and crafts to the Kashmiris. To quote Srivara, "Who did not seek to please the monarch and what artists, possessed of great design in art did not come from distant countries like bees to the monarch who was almost the Kalpa tree". Thus the immigrants introduced such arts and crafts in Kashmir, on seeing which a 16th century Central Asian Chaghtai chronicler, Mirza Haidar Dughlat, was thrilled to state: "In Kashmir, one meets with all those arts and crafts, which in most cities, are uncommon such as stone polishing, stone-cutting, bottle-making, window-cutting, and, gold-beating. In the whole of Maura-un Nahr, except in Samarqand and Bukhara, these are nowhere to be found while in Kashmir they are abundant. This is all due to Sultan Zainul Abidin". All this presupposes that the Uzbek master craftsmen were quite open to share their expertise with their Kashmiri counterparts in craft technology, pattern of labour organisation, tool typology, designs and techniques and form of raw material.

Trade & Commerce

As argued above whole geographical zone encompassing Uzbekistan and Kashmir, was characteristic of the Grand Silk Route connecting China and Rome across Central Asia. Uzbek land was a majority contributory to such a multifarious and transcontinental trade as it laid enroute. The caravans or qafilas comprising both settled and moving groups of merchants, contained pack animals, loaded with distinct merchandise, traversed Samarqand and Bukhara during their onward movement to Middle Eastern countries, Turkey and Europe. Incidentally, Kashmir was a partner to the Silk Route network. On passing through Kashmir, the caravans, joined main trade highway toward Europe. On the way, they converged at several settlements including Samarqand and Bukhara. Abundant literature exists to substantiate the heydays of merchant communities, who transacted in both high-bulk and low-value and low-value and high-bulk commodities between Kashmir, Lahore, Samarqand, Bukhara, Russia, China, India, Afghanistan, etc. while resisting man-made and God made hazards. Kashmir and India imported brocades, carpets, felts, silk, both raw and fabric, satin cloth, porcelain, chinaware, silver and gold dust, tea, shawl wool, hemp, hashish, camlet, jewellery, precious stones, horses, etc., and exported there against saffron, kiriyana, kemkhabb, white silk, shawl etc. To reiterate, Kashmiri shawl was much demanded in Uzbekistan for it was a status symbol and a precious article in the region's "commodity trade structure". Even it was under great demand beyond the Khanate borders towards Russia. Quite exactly, the Russian Govt, sent a deputation under Mekhti Rafailov to explore the markets of Eastern Turkistan and Kashmir for regular supply of priced commodities. Together with shawls, saffron, red chillies, honey, edible oil, ornamented shoes and jade utensils were exported from Kashmir to Khanates either for self consumption or onward trade to Europe or Russia. In its wake, a number of Kashmiri merchants made Khokand and its environs as a permanent home. To quote Wathen: "Because of constant trade, Kashmiris had come to settle in Khokand, which had a large colony of Jews, about 20 Hindus and many Cashmerians, no American." The instances of Kashmirian Diaspora are also traced from the Eastern part of Central Turkistan. To .quote Wathen: "Many natives of Kashmir have settled at Yarkand; a very few Hindus, some Shia's, or, as they are called, worshippers of Ali, but no Jews or Nogai Tartars." Thus the people of Uzbekistan and Kashmir created their respective settlements from the both sides of the border for religious and economic pursuits. Their future generations are spread over whole Kashmir Valley, and are engaged in different professions.

Commonalities

In view of elongated structure of Uzbek-Kashmir ties, one is not surprised to observe a great deal of affinity in the cultures of the two regions: in art, architecture, literature, language, and whole socio-economic and educational set up. True one does not come across exhaustive works on cultural affinity between Uzbekistan and Kashmir except few references here and there in travel accounts. But the recent empirical studies and the scientific cooperation between the University of Kashmir and Central Asian universities and research institutes have brought to surface diverse resemblances between the two regions. In fact, these have evolved over a long historical course, and were not, therefore, exclusively indigenous to either region but rather the by-product of set trend of "Cultural Universalism". In other words, the two regions invariably assimilated mutual influences in their in-

nate socio-economic constructs. Such integration is usually unthinkable about two different ethnic stereotypes, one Turkic and another Iranian. But since Uzbekistan, Tajikistan, Iran, North India and Kashmir formed a single politico-cultural space, the Uzbek-Kashmir multilateral amalgamation is obviously intelligible. Its reflexes are easily echoed in traditional religio-educational structures and the make, form, design, technology and raw material of different arts and crafts- a fact reported by Mirza Haidar Dughlat in his *Ta'rikh-i Rashidi* and found true by the investigator during his empirical studies in Tajikistan and Uzbekistan. Even these commonalities are amply manifest in customs and traditions pertaining to the religious and marital practices. Marriages are generally arranged on patriarchal lines. The consent of family chief is entailed even where the boys & girls make their own choice. The marriage ceremonies commence with the *Hinabandhi* and the recitation of *Nikah*, the actual marriage contract, by a Mullah or an Imam of a mosque in presence of family elders. The amount of *Mehr*, as a wedding gift, is fixed and paid for on the spot by the groom. The *Nik'ah* function is followed by the solemn obeisance paid by the newly wedded couple at the shrines of the holy men to invoke blessings for a happy and prosperous life. Like marriages, the ceremonies associated with the funerals exhibit considerable commonalities. Despite the Islamic law to hold mourning only for the first three days, the funeral-related ceremonies stretch over days, months, and years together: on the 7th, 15th, 20th and the 40th day respectively. However, the annual anniversaries are quite common. These characterize social gatherings and recitation of holy Qur'an to bestow peace to the deceased. The professional priest, the Mullah or Imam of a mosque, conducts such congregations, and like other professionals, the wash men/w^rash women and grave diggers, are paid for the services rendered, and fed with tea and meals in company of other guests, for which sheep and goat are sacrificed by the bereaved families. The wash men/wash women and grave diggers are also provided clothes, ornaments and vessels of the deceased.

No doubt, educational system has been and continues to be undergoing a radical change. Nonetheless, medieval institutions with focus on religion and ethics continue to have a considerable share in the educational system of the two regions. Consequently, both regions are dotted with *maktabs* and *madrassas*, attached with shrines and mosques, and manned and managed both by the state and the private individuals. The *Sherdoor*, *Mir-i Arab* and *Ulugh Beg maddrassas* in Samarqand and Bukhara have their medieval counterparts in Kashmir in terms of structure, nature and character, objective, orientation, syllabi and language. Despite craze for English, the global language, the Arabic and the local languages, form the prominent medium of instruction in these medieval institutions. However, keeping regard to the changing times, and the need to secularise education, subjects of modern sciences are simultaneously taught in these institutions. The *Mir-i Arab* madrassa in proper Bukhara offers, besides Qur'an, *Hadi'th* and *Fiqh*, courses on Physics, Chemistry, Zoology, Botany, Geography, Mathematics, Information Technology etc. Likewise, despite globalization, medieval proclivities still dominate rural life in both regions. Women folk are largely shy and conservative though some of them have a strong propensity to change and integrate into the progressive world community. The village fields and dwellings give a medieval look with mud walls, earthen plasters, thatched roofs and dab and wattle structures. However, land relations, cropping pattern, agricultural and industrial and other forms and means of production are under change for a successful living and integration into the rapidly transforming world. Retaining a primordial character, the peasantry upholds joint family system though the nuclear families are also coming up during rural-urban shift under globalization. Showing respect to elders and demonstrating a high level of hospitality towards guests, is still holds good in two societies.

MUSHTAQA. KAW

Sum Up

Thus Uzbek-Kashmir relations antedated prehistoric times, and were wide in range and structure spanning politics, economics, religion and culture. Different elite, economic and cultural groups invariably contributed to these relations for individual and collective benefits. In the process, developed an ambience of "human coexistence", "cultural pluralism" and "commonality of thought, faith, customs and traditions". It is indeed this legacy that the peoples of two regions require upholding as a key to progress and development. Doing so would not only strengthen their bilateral ties but even empower them against the threats from within and without. Accordingly, the social scientists from across the borders need reinterpreting history to build a bright future in this otherwise tension-ridden region and war-weary world.

В. Хан
Узбекистан

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В советский период формирование узбеков и узбекской идентичности рассматривался как эволюционный, естественно исторический, линейный поступательный процесс. Начало такому подходу положил А.Ю. Якубовский. Еще в 1941^г - он писал: «Современные узбеки... не являются народом, не знающим своего происхождения... этот народ имеет долгую и непрерывную историю своего развития на территории Узбекистана...» [Якубовский, 1941- С. 18]. С точки зрения А. Ю. Якубовского нужно различать время появления народа и время обретения им этнонима: «Настоящее своё имя он (узбекский народ — В. С. Хан) получил много позже, чем сам он существует, что ни в какой мере не подрывает его права на историческое прошлое, предшествовавшее появлению его наименования» [Якубовский, 1941- С. 18]. В связи с этим он предложил «преодолев чисто формалистические соображения имени «узбеки», обозначить термином «староузбекский» все тюркское прошлое на территории Узбекистана до XVI в.» [Якубовский, 1941. С. 4]. Однако такой взгляд, нивелирующий дифференциацию среди различных родоплеменных образований тюрков, постепенно стал сменяться подходом, где тюрки представлены не как гетерогенное образование. Так, М. Г. Вахабов различает следующие группы узбеков: тюрко-язычные сарты, тюрки Мавераннахра, кочевые узбеки [Вахабов, 1961. С. 44~51]. В 60-70-е проводится ряд фундаментальных исследований по родо-племенным образованиям, вошедшим в узбекский этнос (карлукам, кипчакам, курама) [Шаниязов, 1964; 1974; Файзиев, 1963].

В постсоветский период по вопросу узбекской идентичности опубликован ряд работ, как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В них можно выделить как труды, написанные в традиционно-этнографическом ключе (И. Джаббаров), так и работы, основанные на методологии конструктивизма (А. Ильхамов). Современная узбекская идентичность в годы независимости так и не стала предметом специального анализа, уступая по-прежнему изучению традиционной культуры. Достаточно обратиться к диссертационным исследованиям по этнологии, которые в подавляющем большинстве посвящены тем или иным аспектам культуры и быта узбеков в XIX — нач. XX в.

Однако традиционные культура, поведенческие модели и ментальность, выражаемые понятием «узбекчилик», широко используемым в научной литературе, публицистике и обиходной речи, уже не достаточны для понимания современной многослойной узбекской идентичности. Сложные перипетии XX века и начала нового тысячелетия оказали глубокое и разностороннее воздействие на традиционные ценностные ориентации и идентичность коренных народов Средней Азии, в том числе и узбеков. Многие компоненты ценностной системы этих народов (принадлежность к определенным родоплеменным общностям, родные языки, верования, обряды, материальная культура, менталитет и поведенческие модели) подверглись заметной трансформации. Говоря об изучении современной узбекской идентичности, необходимо сформулировать методологические принципы анализа.

Принцип историзма и динамической природы этнической идентичности. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, в связи с направленностью государственной поли-

тики Узбекистана на возрождение национальных ценностей, в выступлениях государственных и общественных деятелей, публицистике и даже в обычном обиходе, стали часто говорить об узбекской идентичности или «узбекчилик» («узбекскости»), под которой понимается этническая модель образа мышления, ценностных ориентации и поведения представителя традиционного узбекского общества, с которой должны соотноситься или на которую должны ориентироваться образ мышления и поступки современных поколений узбеков. Эта модель и есть собственно важная сторона узбекской идентичности; то есть, это не только схожая внешность, общность языка или кухни, а нечто большее — наличие одинаковых парадигм в психологии (наличие отличительной узбекской ментальности или национального сознания) и поведенческих интенций. Эта идентичность должна быть направлена на укрепление национального единства и гомогенных идентификационных компонентов в нем.

Понятие «узбекчилик» в обыденном сознании и политической риторике часто выступает как некий статичный набор характеристик. Причем последние зачастую абсолютизируются и идеологизируются. Однако с точки зрения современной науки, основанной на идее развития, этническая идентичность не является абстрактной, внеисторической, статичной и раз навсегда данной сущностью. Наоборот, она имеет ярко выраженную динамическую природу и существует в конкретно-исторических формах и в рамках конкретно-исторического контекста. Поэтому, как только мы начинаем вести разговор об узбекской (как и любой другой этнической) идентичности, сразу же возникает вопрос: «О какой идентичности идет речь?» Ведь о ней можно говорить с точки зрения временных, территориальных, социально-стратификационных и даже личностных параметров.

Формирование и развитие современной узбекской идентичности можно рассматривать:

1) С точки зрения хронологических периодов в нем можно выделить два этапа: а) становление и развитие национальной узбекской идентичности в рамках Узбекской ССР (20-80-е годы XX в.) и б) развитие узбекской идентичности в рамках независимого государства — Республики Узбекистан (с 90-е годов XX в. по настоящее время). Эти этапы в свою очередь имеют подэтапы.

2) С точки зрения целостности и структурированности узбекского этноса в развитии узбекской идентичности можно выделить: консолидационные процессы (интеграцию) и дисперсные процессы (дифференциацию).

3) С точки зрения изменений (оппозиции «традиции — инновации») в узбекской идентичности можно выделить следующие процессы: сохранение, модернизацию, возрождение и трансформацию элементов традиционной идентичности.

Эти ракурсы не исключают друг друга. Мало того, они взаимосвязаны.

В XX — нач. XXI в. узбекский народ прошел через такие глобальные, системообразующие социально-политические процессы и перемены, которые не могли не сказаться на его идентичности. Это — периоды пребывания в составе царской России, а затем СССР (революция, коллективизация, индустриализация, вторая мировая война, создание новых форм национальной культуры, длительное совместное проживание со славянскими и другими немусульманскими народами, новая структура социальной стратификации и многое другое) и, в конечном счете, создание суверенного государства — Республики Узбекистан. В связи с этим имеет смысл говорить о традиционной и современной узбекской идентичности, идентичности различных субрегиональных и субкультурных групп, или другими словами, ее многослойности.

Принцип несовпадения этнического и национального или принцип исторических форм этнических общностей. Когда мы говорим об узбекской идентичности, необходимо различать национальную идентичность и этническую идентичность. Зачастую, в публицистических и даже научных работах они отождествляются, в результате чего следует, что современные узбеки и тюркское население региона, прежде всего, на территории современного Узбекистана, это — одна этническая общность (один народ), разделенная во времени. Данный вывод, нам представляется, противоречащим принципу историзма, а именно, признанию исторических форм этнических общностей. Население региона до XX века представляло собой мозаику десятков, если не сотен, различных тюркских родоплеменных образований (и не только тюркских), объединявшихся в союзы, прежде всего, не по этническому признаку, а политико-административному. Если же говорить об узбеках как нации, то они, как и всякая нация, продукт образования национального государства, которое со всеми атрибутами возникает лишь в XX веке.

Становление новой единой узбекской идентичности связано с новыми политико-идеологическими, социально-экономическими и духовно-культурными событиями и процессами, начавшимися в 20-х годах XX века. В его основе лежат глубокие трансформационные процессы в различных областях жизни (политике, экономике, культуре, быту и т.д.). Основным содержанием развития узбекской идентичности ближайших десятилетий становится преодоление родоплеменных, сословных и, в меньшей степени, региональных различий внутри узбекского этноса, и его национальная консолидация в XX веке. Иными словами, речь идет о становлении единой узбекской национальной идентичности, которая начинает приходить на смену плюралистичной этнической родоплеменной идентичности. Результатом данного процесса стало образование узбекской нации (в том смысле как это понятие употребляется в науке) со всеми присущими данной ступени атрибутами. Это, прежде всего, создание Узбекской ССР как национального государственного образования (в рамках более широкой федерации — СССР). Именно в рамках УзССР происходит формирование узбеков как нации и, соответственно, узбекской национальной идентичности как интегрального конструкта. В числе наиболее активных участников процесса проектирования новой узбекской идентичности на начальном его этапе исследователи называют три силы: джадиды, национал-коммунисты и центральный партийно-политический аппарат [Ильхамов, 2002. С. 288].

Важнейшими факторами этнической интеграции и формирования национальной идентичности в рамках созданной в результате национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924-1929 гг. Узбекской ССР становятся:

- единая территория с фиксированными границами;
- наличие единого правового поля и единой системы управления на данной территории (партийная, законодательная, исполнительная и судебная власти);
- единый экономический комплекс;
- единая система образования (включая национальную школу и соответствующие отделения в средних специальных и высших учебных заведениях) и формирование новых стандартизированных (советских) элементов мировоззрения;
- объединение родоплеменных образований в более крупные таксоны в переписях и, в конечном счете, единая этническая категоризация в паспортах, в которых в качестве национальной принадлежности записано «узбек»;

- формирование общего национального литературного языка (в основу которого легло чагатайское наречие);
- формирование общего национального информационного пространства (радио, телевидения, периодической печати, книжного рынка);
- формирование новой советской узбекской культуры в виде современной литературы, драматического и театра оперы и балета, кинематографа, эстрады, скульптуры, станковой живописи и т.д., глубоко влияющих на ценностные ориентации национального сознания;
- формирование нового типа узбекской интеллигенции;
- появление новых интегрирующих патриотических символов, кумиров, стилей и семантики одежды, поведения и речи.

Особое место среди факторов формирования национальной идентичности в рамках созданных в 20-е годы республик, в том числе и Узбекской ССР, занимают переписи и соответствующие методики учета населения. Как пишут узбекистанские этнологи З. Х. Арифханова и О. Артыков: «Необходимость учета населения, проведения переписей требовала определенной классификации народов, унификации этнических подразделений. Советская власть продолжила политику Российского государства по ликвидации иерархичности полиэтничного населения. В ходе переписей, проведенных в первой четверти XX в., вводились современные стандарты этнического разделения населения, происходило упрощение национальной структуры» [Арифханова, Артыков, 2009. С. 431- Если взять переписи /*Vqj*, 1926, 1939 " *959 " -> то мы увидим, как менялась учетная этнографическая номенклатура. В переписи 1926 г. исчезли сарты, учтенные как самая большая группа по переписи 1897 г. и во всей текущей статистике между этими переписями. По итогам переписи 1939 г. исчезли такие группы как кипчаки, курама, тюрки и др. В конечном счете все родоплеменные и этнографические группы были объединены в одну категорию — узбек [Абашин. С. *иц-176*, 179~195; Бушков, Зотова. С. 110-137]-

Важнейшим фактором современной узбекской идентичности стало конструирование новой исторической памяти и, как следствие, нациообразующих исторических символов, отвечавших задачам советской национальной политики, и новых национальных элит. Значительную роль в этом сыграли работы историков, прежде всего, академика А. Якубовского, приведшие к:

- отказу от связи между историями формирования народа и его имени;
- удревнению периода формирования узбекской народности (принятые в трудах В. Бартольда, А. Семенова и П. Иванова XIV-XV вв. были заменен на X-XI вв.);
- редукции к термину «староузбекский» всего тюркского прошлого на территории Узбекистана до XVI в.;
- автохтонизации исходного этногенетического компонента, минимизации роли Шейбанидов и Золотой Орды в этногенезе узбеков;
- выявлению однонаправленных действий народов Средней Азии и России в историческом прошлом (например, против «татаро-монгольского ига») и такого же их единства в XX веке [Якубовский, 1941; История народов Узбекистана, 1950].

Сегодня эти работы рассматриваются как «академический» ответ на социальный заказ советской власти на необходимость массовой мобилизации и патриотического оптимизма в годы войны после репрессий 30-х годов, создавших атмосферу тотального страха и чувства депрессивной фрустрации. Так, А. Ильхамов пишет: «После насильственной

коллективизации и массового голода кочевых народов в 30-х гг., после последовавшего затем десятилетия массовых репрессий, особенно против национальных кадров, Сталин почувствовал слабость своих тылов и, отвечая на вызов трудностей мобилизации населения на борьбу с немецкой оккупацией, был вынуждено кардинально пересмотреть государственную идеологию в общем и национальную политику в частности. Классовый подход как главный компонент генеральной линии партии, культивировавшийся до того момента и под эгидой которого совершались репрессии 30-х гг., стал постепенно замещаться идеологией советского патриотизма. Последний, в свою очередь, тесно увязывался с национальным фактором — локальным патриотизмом национальных республик, краев и областей» [Илхамов, 2002. С. 295-299; Allworth, 199°]-

В постсталинский период этногенетическая доктрина А. Якубовского сохранилась и оформилась в качестве официальной позиции советской науки [История..., 1955-1958; Вахабов, 1961]. Формирование узбекской нации в рамках Узбекской ССР означало постепенное становление однородности (конечно, относительной) узбекского, ранее разноплеменного, этноса. Родоплеменные образования и этнографические группы исчезают из учетной статистики и паспортной категоризации. Этнокультурное разнообразие начинает подчиняться логике развития национальной целостности и единства.

Принцип гетерогенной природы этногенетических компонентов образования узбекской национальной идентичности. Известно, что среднеазиатский регион, включая территорию современного Узбекистана, с древности являлся зоной проживания и интенсивных межкультурных, межэтнических и межконфессиональных контактов большого количества родоплеменных объединений. Важнейшим фактором полиэтнической мозаики здесь на протяжении веков стал Великий Шелковый путь. Как результат в регионе всегда существовало полилингвистическое и мультикультурное поле взаимодействий различных племен и народов. На протяжении многих веков эти многовекторные взаимодействия влияли на идентичность этих этнических образований и видоизменяли ее. Причем, они были обусловлены не только естественными контактными зонами, но и политическими конструктами (вхождением тех или иных родоплеменных общностей в различные государственные объединения, построением поведенческих моделей в зависимости от проводимой политики в отношении этих общностей и т. д.). Вхождение центральноазиатского региона в империи Ахеменидов, Александра Македонского, Тюркского Каганата, Арабского Халифата, Чингисхана и Чингизидов, Амира Тимура и Тимуридов, другие государственные образования (Российскую империю, СССР), безусловно, сказалось на многослойное™ и векторах изменения идентичности населяющих его народов.

Достаточно обратиться к языку, являющемуся важным маркером этнической идентичности. В период вхождения Центральной Азии в зону политического и культурного влияния персидской империи Ахеменидов в регионе создаются хорезмииская и согдийская письменности, в основе которых лежало арамейское письмо [История Узбекской ССР, Т. 1., Ч. 1., 1955- С. 50; Исхаков, 2000. С491 С завоеваниями Македонского начинается эллинизация Центральной Азии. В Греко-Бактрийском царстве наряду с арамейским письмом широко применялись греческое письмо и кароштити, распространенное в Индии. В сложившихся на территории Центральной Азии древних государствах, например, в Кушанской империи, сосуществовали различные виды письменности: арамейская, хорезмииская, со-

гдийская, греческая, кушанская и карошты. Затем приходят арабский и персидский языки с соответствующей графикой. А с завоеванием региона Российской империей и последующим его вхождением в СССР его народы вовлекаются в орбиту русского языка и кириллицы. Не менее мозаичную панораму дает обращение к конфессиональной идентичности региона. Здесь и племенные культы, и буддизм, и зороастризм, и христианство, и ислам. Причем, речь идет не только о различных этноконфессиональных группах, таких как иудеи, но и об этнических группах, менявших свою конфессиональную идентичность под влиянием ли завоевателей, доминантной этнической группы или другим факторам, имеющим адаптационную природу.

Принцип разнообразия оснований идентичности. Как показывают историко-этнологические исследования, до прихода русских в Среднюю Азию во второй половине XIX в. самоидентификация населения региона определялась по различным основаниям, не сводящимся к этнической идентичности.

Весьма многообразной и очень важной была и территориально-региональная идентичность — ферганцы, бухарцы, самаркандцы, хорезмийцы — и идентичность, связанная с вхождением того или иного ареала в определенное государственное образование [Джаббаров, 2007. С. 343- Так, в 1937 г. первый секретарь Компартии Узбекской ССР А. Икрамов следующим образом охарактеризовал ситуацию с самоидентификацией населения на территории республики до ее образования: «Трудящиеся массы узбеков не осознавали себя как единую национальность. Ферганских узбеков обычно называли коканлыками, по названию ханства; зарафшанских, кашкадарьинских, сурхандарьинских узбеков называли бухарцами. Кочевые узбеки Кашкадарьи и Сурхандарьи узбекское население наших городов не считали узбеками. Хорезмийцы, например, всех узбеков, приезжавших из других частей Узбекистана, называли почему-то таджиками, а русские колонизаторы называли всех их сартами» [Икрамов, 1937- С. 42].

Сильным было и сословное самосознание, весьма характерное для традиционных обществ.

В 1994 г. вопрос самоидентификации населения региона, не сводящийся к этнической идентичности, поднял американский ученый Дж. Шоберлайн-Энгел в своей докторской диссертации «Идентичность в Центральной Азии: конструирование и спор в понятиях «узбек», «таджик», «мусульманин», «самаркандец» и других групп» [Schoeberlein-Engel, 1994], опубликовавший эти же идеи в российском журнале «Восток» [Шоберлайн-Энгел, 1997]- Такой же позиции придерживается российский этнолог С. Н. Абашин: «Главные, повседневно необходимые идентичности основывались на сословных (белая и черная кость), религиозных (сунниты, шииты и исмаилиты, принадлежность к различным суфийским братствам), хозяйственно-культурных (оседлое, кочевое и полукочевое, горное), региональных (бухарцы, самаркандцы, ходжентцы, дарвазцы и др.), родственных, родо-племенных и прочих делениях. Причем в каждом государственном образовании и просто в каждом регионе была собственная номенклатура и иерархия статусных позиций или категорий, на которые делилось население» [Абашин, 2004. С. 39! 2007]. Схожие позиции по пониманию идентичности народов Средней Азии на рубеже XIX-XX вв. занимают узбекистанские ученые З. Арифханова [2009], И. Джаббаров [2007], А. Ильхамов [2002].

Если применить данные принципы к анализу современной узбекской идентичности, то в ее формировании можно выделить два стержневых направления. Первое можно обо-

значить как становление новой единой узбекской идентичности и дисперсные процессы в ней, а второе — как консервацию и развитие традиционной идентичности в новых условиях. В свою очередь, каждое из этих направлений состоит из противоположных процессов: в первом направлении — консолидация и дифференциация, во втором направлении — консервация и модернизация.

Литература

- Абашин С. Н.** Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. Москва, 2007.
- Абашин С. Н.** Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX-начале XX века) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004.
- Арифханова З.** Политические процессы 20-30-х гг. и их роль в складывании узбекской нации // Отчет отдела этнологии АН РУз за 2009 г. «Этнич. идент. -я узбеков: формирование, особенности, трансформация».
- Арифханова З., Артыков О.** Этнический состав населения Узбекистана в XX веке // Отчет отдела этнологии АН РУз за 2009 г. по гранту «Этнич. идент. -я узбеков: формирование, особенности, трансформация».
- Бушков В. И., Зотова Н.А.** Сельское население Наманганского уезда на рубеже XIX-XX веков (по статистическим данным) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. Москва, 2004.
- Вахабов М. Г.** Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961.
- Джаббаров И.** Узбеки. Ташкент, 2007.
- Икрамов А.** О проекте Конституции Узбекской ССР: Из доклада на Чрезвычайном VI съезде Советов Узбекской ССР 12 февраля 1937 г. // Революция и национальности. 1937, № 4 (86).
- Ильхамов А.** Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002.
- История Узбекской ССР: В 4-х т. Ташкент, 1955-1958.
- История народов Узбекистана. В 2-х т. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент, 1950. Т. 1.
- Исхаков М.** Преемственность в истории древних тюркских систем письменности (согдийско-тюркские контракты) // O'zbekiston tarixi. 2000, № 4-
- Шаниязов К.** Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент: Фан, 1964.
- Шаниязов К.** К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974-
- Файзиев Т.** Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. дис... к.и.н. Ташкент, 1963.
- Шоберлайн-Энгел Д.** Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997- № 3-
- Якубовский А. Ю.** К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: Фан, 194¹-
- AUworth E. A.** The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: a Cultural History. Stanford, 1990.
- Schoeberlein-Engel J. S.** Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions "Ozbek", "Tajik", "Muslim", "Samarqandi" and Other Groups. Ph. D. Dissertation. Harvard University, 1994.

M. Buttino

Italy

HISTORIES OF MINORITIES AND OF MAHALLA IN SAMARKAND: THE BUKHARAN JEWS AND THE KOREANS

Annexation into the Russian Empire transformed the cities of Central Asia. The European presence increased steadily from year to year and new city neighborhoods were created alongside the old quarters in which the autochthonous population lived. With increased immigration during the Soviet era, the majority of the population in the principal cities were either Slavs or Russified minorities, and the common language used by all, including the autochthonous inhabitants, who continued to use their mother tongue, was Russian. The Soviets saw these changes as part of a process of modernization that from the Russian neighborhoods would spread progressively to the local population.

I wish to examine how this process of Russification developed in Samarkand in the course of the nineteenth and twentieth centuries and how it was subsequently abandoned. We will focus our attention on two minorities which played an important role in Samarkand and which have now nearly entirely emigrated: Bukharan Jews and Koreans. Both groups came from afar and became physically and culturally integrated because they were involved in the same formative process as the city's Soviet population. Later, after the collapse of the Soviet Union, they would seek new spaces and new distinctions, following the different viable avenues of action open to them. Signs of their presence are still present in the city today.

1. Spaces

At different times and in different ways, each community constructed a defined space for itself in the city, a mahalla (a district or quarter). The majority, but not all of the community's members lived in its mahalla.

Even before the Russian conquest, the Bukharan Jews lived in a quarter in the old city, called either Mahallya-i-shark or Mahallya Yahudmn (Jewish quarter), and this continued to exist throughout the Soviet era. To eliminate its "national" connotation, the Russians called the district Mahalla Vostok, which means Eastern Quarter. Even during the Imperial era, a minority of Bukharan Jews were also present in the new, Russian, part of the city, where they did not however have a space of their own.

It is still possible to see many of the houses the Jews built in Samarkand between the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century. In Mahalla Vostok there are buildings which are evidence of their owners' prosperity, their Oriental culture and strong religious ties (many had private synagogues), as well as the influence of the new Russian arrivals. There are also small family houses whose style is entirely Russian, similar to those found in the new city. Some of these belonged to Bukharan Jews who bought them from Russians in order to then rent them to other Russians (army officers, civil servants, businessmen), some were inhabited by Bukharan Jews who had chosen a Russian/European lifestyle. Built of brick, unlike the Tajik and Uzbek houses in the old city, the buildings conferred a further benefit on their owners: merchant

families were able to use them as collateral to obtain loans from Russian banks to finance their commercial activities.

It was their proximity to the Russian world, which had begun over a century before, that was the basis of integration which continued, although it became more complex and difficult during the Soviet years. The richest of the houses built before October 1917 were requisitioned, while the others became state property but continued to be inhabited by Jewish families.

The Koreans' presence in the city is of course much more recent. They arrived in the rural areas of Uzbekistan and Kazakhstan in 1938 and in the years which followed began to move to the cities. There was never a massive wave of Korean immigration to Samarkand, yet little by little over the years a Korean quarter came into being. The mahalla in which the majority of the Koreans lived was known as *Shanghaj* (a name probably derived from the conviction that everyone who has Oriental features is Chinese; some argue, however, that the name comes from the fact that the quarter is chaotic, as Chinese cities were thought to be). It was quite a particular mahalla, made up of small private dwellings, constructed following the whims of each family, without benefit of city planning. Its intricate appearance is the fruit of Koreans moving to the city over a period of many years, often coming to join their families who were already there, made possible by a lack of official controls. The district was not exclusively Korean, but the Koreans were in the majority. There were also Crimean Tatars, a few Armenians and Meshket Turks. Russian was spoken in the streets.

Koreans also lived in other areas of the city, both in the new, Russian city, and in the more recently built Soviet industrial outskirts. Their work as vendors at the city's bazars was not however accompanied by the existence of other Korean residential neighbourhoods or even blocks in Samarkand. The community, if it can be seen as such, throughout the entire Soviet period, never had a significant political or religious point of reference.

2. The starting point: becoming Soviet citizens

The first phase of development was the thorough destruction of the two communities' cultures and ways of life.

At the end of the nineteenth century, the Bukharan Jews were recognized as part of the autochthonous population of Samarkand. They were an expression of the strength of attraction exerted by the Empire, which did not discriminate against them (as the Emirate of Bukhara did), offered them new economic possibilities and sought their collaboration. The early Soviet years were difficult for the community: their artisanal activities, businesses and synagogues were shut down. Rich families were marginalized and their property expropriated. Like the rest of the community, they were reduced to poverty. In the fifteen years after October 1917, the Bukharan Jews' society was devastated: their traditional occupations disappeared; the social order of the past and the community's relative autonomy were wiped out; religious observance was repressed.

It was this period that created the conditions for the co-opting of Bukharan Jews into the Soviet system. Bukharan Jews were not, however, passive subjects; they had capacities on which to base their strategies. There were two principal reasons they were relatively strong: their knowledge of both Tajik and Russian, which had enabled them to dialogue with the Russian authorities and act as go-betweens with the local population; their level of instruction in comparison to that of the local population.

The community's real legitimization would occur later, as we will see, with the inclusion of its members in *kolkhoz* and factories and, then, as a reward for their loyalty to the state during the

World War. Over 300 Bukharan Jews from Samarkand died fighting in the War, approximately one out of every five adult men. This further destruction created the basis of a new legitimacy, as full-fledged Soviet citizens (despite the state anti-Semitism of the final years of Stalin's regime) and opened the way for placing Bukharan Jews in positions of responsibility.

The pre-War years saw the arrival in Samarkand of new inhabitants, the Koreans. They came from the Region of the Far East and most of them were farmers. They arrived in the region in 1938, not by choice because they were deported there by the authorities, the first of the deported minorities (Poles, Crimean Tatars, various minorities from the Caucasus) that arrived during the World War, the majority of which were not Slavs.

The Koreans had lived under the tsarist Empire for several decades, had experience of dealings with the Russian authorities and some of them spoke Russian. Once deported to the Samarkand region, like other non-Slavic minorities they went through a process of integration and assimilation into the Russian world. Using may be an imprecise term, we can say that it was expected that these minorities would be attracted by the "colonial" society of the city's European neighborhoods. They were not intended to integrate with autochthonous peoples (who in turn were undergoing a process of moving closer to the modern, European, Soviet, Russian-speaking urban world).

The process the Koreans went through also began with a destructive phase — their deportation and the dire poverty of their early years in Central Asia. On the eve of the War, the majority of Koreans were farmers with a marginal standard of living on Uzbek kolkhoz and kolkhoz of their own built on the poorest land. A minority had been sent directly to Samarkand, where, however, no preparations had been made for integrating them into city life. The war represented an opportunity for them, too. They were not enlisted, except for a few volunteers, but stepped in to take over the jobs of those who had left for the front. Although their legitimization was not the result of having sacrificed themselves in combat, they found a way to benefit from affirmative-action programs, adapting ingeniously to the new environment and negotiating their position in the local society with the Soviet authorities.

Their strength consisted in having managed to leave cotton farms (where the Uzbeks worked), set up kolkhoz of their own and devote themselves principally to growing rice. Within a few years, the Koreans were supplying the city with the rice used by Uzbek and Tajik families to make plov, their traditional dish.

Another of their strong points originated in what was a weakness: their language could be used only within their own community. They had no alternative similar to the Bukharan Jews' knowledge of Tajik. They therefore needed to learn Russian and did so as quickly as possible.

3. Language

Policies of cultural integration were principally put into effect through the schools. It is therefore relevant to examine how school programs used local languages and fostered the learning of Russian. Three local languages were used: Uzbek, Tajik and Russian. We will now see how young people in the two minorities we are considering fared in terms of learning Russian. In the early Soviet years, from 1918 to 1928, schools in the Bukharan Jews' mahalla actually enjoyed a certain degree of autonomy. Their language, a dialect of Tajik which had absorbed Hebrew and Russian words and had a distinctive pronunciation, was taught there. Their spoken language was there-

fore very close to the language used by the city's Tajik population, which lived in nearby mahallas. But their written language used the Hebrew alphabet, which was a factor in the Jews' maintaining their ability to read their sacred texts (just as Muslims had to know Arabic characters in order to read their sacred texts).

In 1928 the Communist Party decided that all national languages should be written in the Roman alphabet and with the change in characters used in the Jews' Tajik dialect, Hebrew and Russian words were eliminated. Their written language thereby became Tajik (corrected with phonetic symbols that were soon thereafter eliminated). All those who had studied in the early Soviet years and in general all the adults, did not know how to read Roman letters, while young students could not read texts using the Hebrew alphabet that had been printed in the previous years. The change in alphabet led to the emergence of illiteracy.

In 1938 the Uzbek Communist Party decided that Russian should be taught in all schools, although Tajik continued to be the principal language used in teaching in the ones in the old city. On the eve of the war, in 1940, a new reform abolished the use of Roman characters, and adopted the Cyrillic alphabet, once more creating obstacles to young Jewish and Muslim students' reading ability. Their distance from the local culture was thereby increased, at the same time as Russian was made the core language in teaching and Russian culture was established as a shared reference point for the younger generations. These were the first signs of nascent Soviet patriotism.

In the two schools in Mahalla Vostok attended by Jewish students there was a shift from a clear prevalence of Tajik in the immediate post-War years — 1946-47 — to the nearly total disappearance of Tajik and its replacement by Russian in 1985-86. No longer able to study their own language, the only viable option for Bukharian Jews was all-out Russification.

At this point, neither young Bukharan Jews (nor their parents) any longer knew the Hebrew alphabet. They no longer studied Tajik in school and therefore could speak but could not read or write it. The language in which they were literate was Russian.

In Mahalla Vostok the integration of young Jews into the Russian language and the world of Soviet cultural values was overseen by the principals and teachers and of the district's two schools. The first of these and the majority of the latter were Bukharan Jews, as is clear from their last names, those of families which were historically well-known in the community. They were either Party members or at least had close ties to it, and were distinguished, especially in the 1960s and 1970s, for their role in the city's cultural life. It can be said that whereas once, before the Revolution, the participation of Bukharan Jews in the city's public life was through the activities of merchant families and their relations with the Russian world, by the Sixties it was these Party intellectuals who were the interlocutors of the city authorities.

For the Koreans the road towards learning Russian was different as their language was never part of the curriculum of the city's schools. The young acquired their knowledge of Russian as part of the literacy process. Korean continued to be spoken by the older generations, those who arrived as deportees, but was progressively forgotten by their children and grandchildren.

4. Social affirmation in the Soviet years

In the mid-1920s, when the Bukharan Jewish community in Samarkand was losing its traditional occupations, the Party decided to employ its members in agriculture and industry. The ruraliza-

tion campaign involving Jews began in 1926, decreed by Moscow. The plan, which was to involve a mass population shift from cities to the country, was subsequently scaled down. We do not in fact know how many Jews were actually moved from Samarkand to the country. We only know that in the early 1930s, approximately one-fifth of all Jewish families in Turkestan were working on kolkhoz, a total of 4 000 to 5 000 people. It is reasonable to assume that roughly 1500 of them came from Samarkand.

Ruralization was large-scale but short-lived. Once the emergency was over and the emphasis of the propaganda of the early years of collectivization was toned down, whenever they could, Jews returned to the city.

After the mid-1920s, when a campaign against traditions and religions was underway, the Party not only directed repression, but also attempted to involve local people. The factory and the birth of an autochthonous working class therefore became an important benchmark of the success of this policy.

A silk mill, called Hujum, was opened on the border of the Jewish mahalla. Bukharan Jews served as its directors and on the Party committee in the factory, and constituted a significant part of its workers, especially the women assigned to processing cocoons. In addition to working at Hujum, Bukharan Jews also worked at Kozhzavod, a leather-working plant, and at Tekstil'naya Fabrika, a textile mill, located in the same area. The period when most Jews were employed in these factories was during the War years, when women were mobilized as workers within the framework of the overall war effort. They then continued to work there until the 1960s.

In any case, factory work only marginally involved Bukharan Jews, and very few men worked in them. They were employed mainly in the tertiary sector. There were Bukharan Jews in prestigious official positions: academics, doctors, musicians, artists, etc. In Mahalla Vostok, in the final years of Soviet rule, Bukharan Jews were schoolteachers, and doctors, nurses and administrators in Poliklinik 1, the district's hospital. They also worked as business agents but did not operate stalls or shops in the Tajik-controlled Siabskij bazar, the largest in the city. It is likely that Bukharan Jews played an important but informal role as brokers in the blat' economy. As late as the 1980s, Mahalla Vostok had a rich social life: the synagogue had a congregation; there was a baniya that could be used to prepare for the Shabbat; there were kosher butchers selling meat and shaslik, a small bazar, two fully-functioning factories, two schools attended by the community's young people, a cultural center and a music school.

Let us now look at how the Koreans fared in terms of social affirmation. In the spring of 1938 the first kolkhoz with only Koreans working on them were set up. Little over a year later, two-thirds of them were living on all-Korean kolkhoz and only one-third on Uzbek kolkhoz. What motivated Koreans to move to these kolkhoz was the fact that the way of working was different from that on Uzbek kolkhoz. The main difference was that they did not produce only cotton. The Koreans asked to be allowed to devote themselves principally to their traditional crop, rice, and to work autonomously in their traditional way, that is in large family-based units of production, and then to sell their harvest not exclusively to the State. In this way the Koreans were less dependent on the official system of remuneration found in the Uzbek kolkhozy and had direct access to the town markets. Soon they became to raise more money than their Uzbek counterparts and to orient their strategies towards the city.

Not all the Koreans were sent to rural areas: about one-fifth of the deportees in the oblast of Samarkand were sent to its capital city. It was a small group of people, approximately 2 000

when the census was made in 1939- Having been left in the city, the Koreans expected they would be given jobs as factory or clerical workers, while instead many of them went for months without work, until they obtained authorization to move to the kolkhoz of their fellow Koreans. In the small group that remained in the city, there was a political elite that acted as intermediaries between the Koreans living in the country and the Soviet authorities and cooperated with the official bodies responsible for settling Koreans in the region.

Soviet affirmative-action policies were also applied to the Koreans. After the War, young people started to leave the kolkhoz and move to Samarkand. Their families did not however entirely give up farming, in particular rice growing. They used the earnings that came from their kolkhoz to send their children to the city and set in motion a process of upwards social mobility. Koreans were placed in Russian-language classes at school, were appointed to positions of responsibility, and were Party representatives.

Yet some of them remained on the margins of the official system of participation in civic life. In the final years of Soviet rule, Mahalla Shangaj had a reputation as being a district that was little subject to police control, where criminality was rife. It is true that Koreans gamble and it is said that large sums of money circulated in the quarter. Although I have found no evidence that there were important, officially recognized business activities in the district, it is likely there were artisans and small retail shops. There were Korean vendors working in all the city's bazars.

5. After the USSR: emigration

We have thus far considered the essential aspects of the processes of assimilation which led to the loss of many of the distinctive features of Samarkand's Bukharan Jewish community and its Korean community: language, the importance of religious affiliation, traditional occupations. The strong endogamous preference that persisted in both groups throughout the Soviet period indicates, however, that strong, preferential social ties were maintained between community members.

After the collapse of the USSR the process of assimilation came to a halt as it had been an assimilation into the colonial-Russian world rather into that of the autochthonous population. Russians began to leave the area during the years of the crisis and by the late 1990s had abandoned Samarkand. The deported minorities followed their example.

Bukharan Jews and Koreans experienced a revival of community life, in large part, however, because their members were preparing to emigrate.

Both communities had an important resource in the new situation: they were able to activate relational networks with other regions and other countries. For the Jews, emigration or "the return" to Israel was facilitated by the fact that there had been waves of emigration there in the past: in the early Soviet years, after the War, and then in the 1970s and 1980s. Nearly every family of Bukharan Jews in Samarkand had a family member in Israel or the United States. Emigration was able to resume by re-activating these family networks. The money needed for the trip and surviving the first few months in their new place of settlement was obtained through the sale of their houses in Mahalla Vostok. The community, which seemed to have undergone a renaissance when Soviet rule ended, instead disappeared.

The Koreans had family networks mainly in Kazakhstan and Kyrgyzstan and by activating their contacts with them they were able to leave Samarkand and seek spaces for new commercial ventures elsewhere. Little is left of their community in Samarkand.

M. BUTTINO

The colonial and Soviet social policy is abandoned. Samarkand is being transformed and is seeking a new Uzbek identity.

Table 1

Samarkand: inhabitants divided on the basis of national groups (census data)

	1897	1926	1939	1959
Total	55,128	105,106	136,283	196,484
Russians*	*8,393	30,031	50,304	70,110
Uzbeks	5,506	43,304	37,275	63,585
Tajiks	36,845	10,716	16,439	9,093
Bukharan Jews*		7,740	7,593**	6,459
Koreans			1,959	2,912

*Russians and Ukrainians **Counted as "Jews" without further specification

M. Tavakol
Iran

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CENTRAL ASIA

The causes of development are multi-dimensional, the obstacles to development, also, are multi-dimensional. In this paper the major obstacles to development rooted historically in the Central Asia are reviewed; they are scientific-technological, theological, economic-managerial, cultural-intellectual, political-legal, international-regional, and, finally, specific sociological obstacles. These are obstacles generally present in Central Asia-though with different degrees and even with the absent of some in special cases.

"Development" has been regarded, both in the academic and in the planning circles, as one of the most important issues since the Second World War. This is due to the fact that the advanced world, as well as the relatively backward countries, were on the verge of reviewing the old and designing a new socio-economic system for their societies. The attention of the politicians and the social scientists was focused upon the best designs so that it should be achievable and lead to the deliberate goals and results with the minimum side-effects. This was, and still is, the core of "development".

In this way, it seems that the end of the Second World War signaled a world competition for a higher stage of development. The decades 60's and 70's and 80's were called decades of development by the United Nations. Now, the world is approaching the end of the first decade of twenty first century, and in one way or another, Development is still a very important matter. It is true, now we have new terminologies related to the concept of development, and new compound words made of development — the most dominant of which being sustainable development. However, nobody, no longer, disputes that development is a comprehensive and multi-dimensional concept, that factors of different nature play role in it, that these different factors influence/facilitate/hinder the realization of Development — and differently in different societies. As a result development nowadays is not seen equivalent to merely economic development, and the economic factor is not seen as the only cause or even the major cause of development.

In what follows, we have listed the major factors hindering the realization of development in Central Asia which we call them obstacles to Development. They are briefly, scientific-technological, theological, economic, cultural, political-legal, international, and finally sociological obstacles. We passingly go through each one by one.

The Science-Technology Obstacles

a) The unfavorable scientific-technological grounds in the past and specially in the recent period, in our sub-region, prevented the realization of development. This was in spite of the presence of some other favorable factors such as the political will and economic possibilities.

b) The present underdevelopment state of science and technology itself is caused by the internal factors related to the scientific community or sphere, the external national or social factors, and the international parameters.

The following factors are prominent:

1. The internal organization of the scientific community, as an obstacle to the development of science.
2. The present situation in financial and manpower resources, acts an obstacle to the science-technology development.

3. The management, the qualitative and quantitative organization of the scientific sector as an obstacle to the science & technology development.
4. The service & equipments conditions as an obstacle to the development of science & technology.
5. Lack of linkages with socio-economic activities, as an obstacle to the development of science & technology.
6. The inappropriate socio-cultural grounds as obstacle to scientific and technological development.
7. External parameters, such as transfer of technology, contacts with foreign centers, and brain drain in their present situation of shortages of manpower as obstacles to scientific and technological development.

The Theological Obstacles:

As Islamic theology and metaphysics have a strong, though with different degrees, presence in the contemporary social-economic-cultural-historical realities and conducts in the sub-region, and because they influence the personal, individual, and social domains, some of the factors and obstacles related to development as well as underdevelopment, should be sought in this realm:

1. Among the general indicators of development some are, from the Islamic theological point of view, acceptable, some should be rejected and some are abstained.
2. Among the requirements and the necessities to achieve these indicators, some are, from the theological point of view, permitted/ supported, some are rejected, and some are abstained.
3. Among the obstacles and prerequisites, mentioned in 2, some belong to or rooted in the Islamic theology.

The Economy-Management-Industry-Trade Obstacles

Although we said in the introduction that development does not mean only economic development and that even in the economic development other parameters are at work, it must be emphasized that economic development is an essential part of a comprehensive development, and that the economic parameters play an essential role in a comprehensive development of the sub-region.

In other words, one of the main obstacles to development lies in the domain of economy, management, industry and trade.

The following obstacles are the most important:

1. The present pattern of foreign trade as an obstacle.
2. The present situation in internal trade as an obstacle.
3. The negative role of government in economic development as an obstacle.
4. The role of the state in the economic management as an obstacle.
5. The industrial obstacles to development.
6. The structure of the sector of oil and oil-related products and industry as an obstacle.
7. The agricultural obstacles to development.
8. The obstacles related to the financial structure of the state.
9. Poor management as an obstacle to the economic development.
10. Economic development models as obstacles for development.

The Intellectual-Cultural-Traditional Obstacles

One of the issues on which there has been a consensus among almost all the specialists is the indisputable importance of the cultural factors in development. Historically speaking, the concept of development came into being and grew in a specific cultural framework. Moreover, cer-

tain intellectual, cultural, and even traditional components could, and can, objectively, establish and maintain it in a given society.

In other words, a favorable mental-cultural ground with specific characteristics are required to realize development in its various dimensions; economic, industrial, scientific, and political. Various historical and cultural evidences can be cited to support this proposition.

The mental-cultural framework in the West, in which the idea of development took roots and flourished later, has been widely discussed. It was in that framework that a new outlook concerning nature and man was formed. As a result it is logical to study the causes of the lack of such a genuine outlook in the modern culture of the sub-region, both subjectively and objectively. If this was done then it can be claimed that the cultural, intellectual, and traditional obstacles, and specially their major elements, to development in our societies had been emphasized.

The following obstacles are considered crucial:

1. Illiteracy or insufficient literacy as an obstacle to development.
2. The lack of incentive for development in childhood.
3. Lack of incentive for development in adolescence.
4. The cultural-educational obstacles to development.
5. The traditional way of thinking of Bazaar as a cultural obstacle to development.
6. The traditional view concerning government as an obstacle to development.
7. The anti-modernist thought as an obstacle to development.

The Political-Legal-Military Obstacles

Looking transiently into the development process in the progressive West and the underdevelopment background in the backward Third World, the importance of the political dimension of development becomes evident. The idea of development and progress came into being along with a transformation in the political, legal, and military structures there which led to economic, commercial and industrial development. The Third World has shown its political-legal structure to be even more determining & decisive than what was in the West. In the Third World, at times, the economic possibilities have been present but because of the presence of a legal-political structure which served to maintain the status-quo of underdevelopment (and not the one to support and guarantee development), these possibilities did not lead to the realization of development.

The Latin American countries, and specially Chile, is a case in point.

The Following political-legal-military obstacles to the development are the most important.

1. The political obstacles to development in modern history of the sub- region.
2. The military obstacles to the development in the sub-region.
3. The legal obstacles to the national developments.
4. Lack of distinction between the concepts of civil and the state as an obstacle to development.
5. The structure of political power in the sub-region as an obstacle to development.
6. The complicated bureaucratic system in the sub-region as an obstacle to development.

The International Obstacles

Hundred years ago was, perhaps, conceivable for a country to plan and execute her affairs as she desired independent of the foreign parameters. At that time, the most common channel to exercise power on a country by another country was the military channel. The conditions are different now.

First of all, now the countries are linked to the world system and to certain foreign countries on an unprecedented scale — no matter this linkage is of subordination category or cooperation.

Secondly, at present, the dominant world system controls and manipulates the movements of any country more than any other period in history, and this manipulation is realized through economic, political, cultural, and industrial means and even through science and technology rather than through military means which formerly was the dominant form.

As a result, the foreign parameters (both regionally and internationally) are, at times, acting as decisive obstacles to development in the third world, including in this sub-region. Development is an internal process, but complex network of the present international relations shows its presence in various ways, at the national level, in any step taken in the path of development. These parameters deliberately act as obstacles to development in the backward countries.

Thus the following obstacles play role:

1. The regional obstacles to development.
2. The international obstacles to development.
3. The international legal-statutory obstacles to development.

The Specific Sociological Obstacles

It is said that development neither is purely an economic phenomenon nor has purely economic root. The social parameters and roots influence development differently in different countries.

However, the sociological obstacles to development are also crucial in the development process of the sub-region. These include a wide range of factors and obstacles from human and social environment, to personality, organization of production and distribution, demographic structure, social change, social order etc. With a little reflection, it can be discerned that the set of social parameters have a very effective presence as a network within which the activities and the processes aiming at development are capable to reach their goal, i. e. to achieve development. These are major sociological obstacles more or less present in central Asian sub-region:

1. The fabric of historical structure of the society as a historical obstacle to development.
2. The environmental constraints and the geographical obstacles to development.
3. The demographic structure as obstacle to development.
4. The present typologies of personality as obstacles to development.
5. The social inequalities as obstacle to development.
6. The lack of appropriate social order as an obstacle to development.

To finish, we should mention that the obstacles discussed above within seven categories are not, or have not been, all active or present in each part or each country of Central Asia—they are the general and frequent obstacles to development—and more or less present in the sub-region.

References

- Abazov R.** Culture and Customs of Central Asia Republics, Ct- USA, Greenwood, 2007.
Akiner Sh. Sustainable Development in Central Asia, London, Routledge, 1998.
Osborne P. Modernity, Transition form the Past to the Present, Oxford, Blackwell, 1997.
Pinkneys T. An Introduction to the Definition of Modernism, Oxford, Blackwell, 1996.
Tavakol M. Bibliography of Development (Persian), Tehran, **IRPD**. 2000.
Tavakol M. Obstacles to Development — a comparative study of Iran, Morocco, Turkamanistan (Persian), Tehran, PMFA, 2002.

Р. Назаров, Д. Юнусова, В. Алиева
Узбекистан

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНИЧЕСКОГО, РЕГИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Культура как всеобщий феномен является достоянием человечества в целом. Общечеловеческая культура — объединяющее начало, способствующее взаимопониманию этносов. Её отношение к региональным этническим культурам — аналогично отношению общего к особенному и единичному [Назаров, Татыбаев, 2000. С. 48-52]. Как общее существует в единичном и через него, так и глобальное, общечеловеческое существует в региональных этнических культурах, выражается через них. Поэтому столь важно сохранение всех этнических культур, т. к. каждая из них — одна из граней выражения общечеловеческой культуры.

Единичное выступает основой общего, но само общее так же необходимо для единичного. Замыкание в этнических рамках — опасно для развития культуры любого этноса, т. к. приводит к отключению от «культурного поля» планеты, способствует нарастанию стагнации ввиду недостатка культурной информации. Любые попытки сформировать этнически «чистую» культуру не имели успеха, если не считать примитивных изолированных сообществ (островных, высокогорных, пустынных и т.д.). Необходимо отметить, что «каждая новая цивилизация не возникает на пустом месте, она всегда, вольно или невольно, впитывает в себя культурно-исторические ценности предшествующих и экспансированных сообществ. Весь ход мировой истории являет собой пример взаимодействия различных культур на локальном, региональном, национальном и мировом уровне» [Евсеев, 2003. С. 124].

Открытая и обширная зона Центральной Азии (ЦА) диктовала взаимодействие и пересечение различных культур, кочевого и оседлого населения. На современной территории Центральной Азии пересекались пути самых разных племен и народов: тюрки, иранцы, арабы, монголы, индийцы, китайцы, славяне и т.д.

Народы современной Центральной Азии унаследовали от прошлого разнообразие национальных культур и традиций. Проживающие на ее территории представители почти полутора столетия этнических групп образуют уникальную культурную мозаику, сочетающую азиатские и европейские компоненты. Поэтому в условиях массового тиражирования глобальных культурных стандартов и шаблонов сохранение культурного многообразия и самобытной культурной традиции приобретает особую актуальность. *В этой связи* актуальны такие проблемы, как:

- Центральная Азия как модификатор разнообразных национальных культур и традиций;
- соотношение тюркского и иных компонентов (иранского, арабского, монгольского, славянского и т. д.) в истории, культуре, традициях Центральной Азии;
- Великий Шелковый Путь — трансформатор и интегратор восточной и западной культур;
- единство и разнообразие регионального историко-культурного наследия ЦА;
- роль интеллектуальных элит и научных сообществ в возрождении и комплексном исследовании историко-культурного наследия Центральной Азии.

Современные процессы развития культуры Центральной Азии есть часть культурного развития человечества в глобальном масштабе, в связи с чем исследовательский интерес выявляет триединство этнического, регионального и общечеловеческого (глобального) аспектов [Назаров, 2006. С. 194-202]. Социокультурный ракурс выделяет соотношение проблем национально-культурной идентичности и процессов глобализации как наиболее актуальных вопросов общественного развития [Парадигма..., 2001.].

Исследование культуры Центральной Азии в подобном контексте с необходимостью затрагивает общерегиональный аспект и восходит к тенденции глобализации. В этой связи возникает проблема межкультурного диалога: «Постановка вопроса о необходимости диалога культур, этносов, конфессий, идеологий, государств актуализирует проблему сути диалога, его содержания и социального механизма развертывания» [Тюгашев, 2007. С. j\].

Современная ситуация проецирует особенности переходного общества ЦА, культурный аспект в данном случае акцентирует внимание на противоречиях в соотношении традиционного и современного, что реализует критерий адаптации в XXI веке — веке информационного всплеска, коллективного разума и высоких технологий. Наиболее проблемный момент — возможности культур народов Центральной Азии в плане возрождения интереса к развитию этнонациональных особенностей и нахождение собственной ниши в мировом глобализационном пространстве. Как отметил российский этнолог А. В. Гадло: «Географическое положение Средней Азии и природно-климатические особенности определили ее исторические связи с югом Сибири и юго-востоком Восточной Европы. В результате многочисленных перемещений кочевых скотоводческих групп и объединений, населявших южно-сибирские, северо-казахские и восточно-европейские степи в течение двух тысячелетий, и их слияния с аборигенным населением самой Средней Азии, ее срединных степных районов и земледельческого юга, сформировалось большинство этнических общностей, населяющих регион сегодня» [Гадло, 1998- С. 4]- В этой связи важны такие моменты как:

- историческое прошлое и общее наследие народов, проживающих на пространстве ЦА;
- совместная история — как сфера конфронтации или добрососедского сотрудничества [Ртвеладзе, 2006.];
- взаимообогащение культур и добрососедское сотрудничество народов как критерии объективного взгляда на общую историю;
- роль интеллектуальных элит и научных сообществ в объективном прочтении совместной истории;
- роль гражданского общества в формировании исторического сознания народов в контексте укрепления добрососедства.

История Центральной Азии полна примеров интенсивного и продуктивного междивизиационного взаимодействия, мощного социокультурного и экономического взаимопроникновения. Среди наиболее ярких из них — события, связанные с великими переселениями народов, в результате которых появились контуры современной Европы; Великий Шелковый путь, ставший ключевой торгово-экономической артерией древности; появились государственные формирования региона — Тюркские каганаты, гуннские державы, золотоордынские ханства, государства Амира Темура и Темуридов, ханства позднего средневековья и т.д., представлявшие собой гармоничные модели симбиоза, включающего в себя разные этносы, культуры, религии.

В современном мире практически все народы включены в процессы межкультурных контактов и испытывают определенные этнокультурные трансформации. Это обусловлено тем, что взаимодействующие общества обычно находятся на разных уровнях социально-экономического развития и их контакты носят асимметричный характер: культурные заимствования и ассимиляционные процессы протекают преимущественно в одном направлении — от обществ, более развитых политически и экономически к менее развитым. Отмеченная особенность выступает показателем проявления такой всеобщей закономерности развития общечеловеческой культуры, как ее зависимость от многообразия региональных, локальных, этнических культур [Человек и культура..., 1995-1-

Глобальные трансформации, неизбежно приводящие к усилению доминирующих культурных установок, не приводят к полной трансформации недоминантных культур. Взаимодействие локальной и глобальной культуры проходит не по схеме вытеснения культур, а, наоборот, в конечном этапе происходит переработка культурных инноваций и приспособление их «под себя».

Существует некоторый порог восприятия культурных инноваций цивилизационной системой, который определяется уровнем традиционализма данного общества. Основой сохранения, возрождения и развития этнической культуры служат, с одной стороны, органическое единство традиций и инноваций, а с другой — процесс взаимодействия, постижения ценностей и традиций других культур. «Этнокультурная самодостаточность опасна. Ведь сам человек формируется только за счет заимствования, т. е. нет ни одного народа, который был бы культурно самодостаточным... Наше спасение во взаимообогащении культур. Самоизоляция — это путь к деградации нации» [Исфандиёров].

Например, культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для своего поступательного и динамичного развития. Говоря «культура Узбекистана», мы не подразумеваем исключительно узбекскую этническую культуру. Понятие «узбекская культура» включает в себя культуру всех частей узбекского этноса, проживающих в любом регионе Узбекистана, любом государстве ближнего или дальнего зарубежья. В то же время в понятие «культура Узбекистана» входит культура всех этносов и этнических групп, населяющих республику.

Культура всех этносов и этнических групп Узбекистана входит в более широкое понятие — «культура народов СНГ», поскольку культурные реалии подвержены значительно более медленным изменениям, чем реалии политические, экономические или социальные. Этнические культуры узбеков, казахов, каракалпаков, кыргызов, туркмен, таджиков составляют центрально-азиатский региональный блок культуры народов СНГ.

В более широких этнокультурных рамках культуры всех этих этносов (и других — татар, башкир, крымских татар, уйгур, турок, азербайджанцев и т.д.) включены в мусульманскую суперэтническую систему. Также культуры практически всех мусульманских этносов Узбекистана (за исключением ираноязычных этносов — таджиков, иранцев, курдов) входят и в другую суперэтническую систему — тюркскую.

Этнокультурные связи народов Узбекистана не ограничиваются «культурными полями» СНГ, ислама и тюркского мира. Многокрасочность этнической и культурной палитры Узбекистана обеспечивает культурный плюрализм, подключённость к «культурным полям» других суперэтнических систем. Через русскую и русскоязычную культуру обе-

спечивается связь и обмен со славянством. Через славян, армян, грузин, греков и т.д. есть связь с широкой суперэтнической культурной системой — христианской (православной, католической, протестантской, григорианской и т.д.). Через западные этнические группы (немцы [Назаров, 1999], прибалты, поляки) есть связь с культурой Европы, через группы восточного происхождения — связь с Ближним (европейские евреи, среднеазиатские евреи [Назаров в соавт., 2005. С. 166], арабы) и Дальним Востоком (корейцы [Назаров в соавт., 2007- С. 454~455] дунгане, китайцы) и т.д. Мы привели пример, касающийся культуры Узбекистана. Но аналогичные процессы можно наблюдать в культурах и других государствах региона.

На пространстве Центральной Азии Запад и Восток выступают как цивилизационные сотрудничающие субъекты. Евразия играет роль сооригинального цивилизационного потенциала для создания перспективного сотрудничества сообщества культур и народов, основанного на ценностях межконфессиональной и межэтнической толерантности. В этой связи важными аспектами выступают такие вопросы как:

- Центральная Азия в мировом диалоге цивилизаций;
- Межэтническое и межкультурное сообщество Центральной Азии;
- Феномены глобализации в Евразии и будущее этого процесса;
- Межцивилизационный потенциал как основа инновационного развития человека и общества.

Само положение Центральной Азии — на стыке великих мировых цивилизаций — предопределяет ее уникальную роль в межцивилизационном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии человеческих обществ, народов и государств. Эта роль принадлежала ей веками и тысячелетиями, в ее истории отражается все многообразие процессов межкультурного взаимодействия.

Проблемы поиска национально-культурной идентичности активизируют феномен этносоциальной памяти, отражающий уровень национального самосознания, этнического менталитета. «Проблема менталитета в науке, культуре и особенно в государственной и общественно-политической практике приобретает все более актуальное значение в сфере самоорганизации полиэтнических общностей. Учет специфики национального менталитета в межкультурных связях и отношениях является на сегодняшний день важным условием успеха в адаптационных усилиях социумов и этносов» [Баглиева, 2009. С. 3].

В нынешних условиях востребован именно объемный взгляд на национальные истории, их совместное прочтение профессиональными сообществами специалистов различных направлений общественных наук (историками, философами, этнологами, культурологами, социологами, политологами и т.д.), выявление в них предпосылок позитивного сосуществования народов, их совместного движения к добрососедству. Актуальность обсуждения стремительно возрастает в историческом контексте развития национальной идентичности в условиях глобализации и в целях предотвращения конфликтных толкований тех или иных событий прошлого.

Вся история человеческой цивилизации — это история этнокультурных контактов на региональном, государственном, групповом, индивидуальном уровнях. Из самой возможности пересадки элементов культуры (языка, религии, обычаев, особенностей хозяйства и быта и т.д.) с одной этнической почвы на другую, из реальной возможности органиче-

ского синтеза элементов различных этнических культур можно сделать выводы о наличии глубоких общечеловеческих основ в культуре любого этноса. Наличие элементов единой общечеловеческой культуры в каждой этнической культуре — это реальная основа для межэтнической культурной интеграции, которая всегда способствует обогащению духовной сферы общества. Мы имеем дело с сочетанием двух тенденций в развитии этнических культур: тенденции к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденции к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание — тем сильнее тяга к взаимодействию.

Литература

Баглиева А. З. Социокультурная дисперсия менталитета в полиэтническом пространстве Дагестана в условиях глобализации. Автореф. дисс... д.ф.н. Махачкала: ДГПУ, 2009.
Гадло А. В. Этнография народов Средней Азии и Закавказья: традиционная культура. Санкт-Петербург, 1998.

Евсеев С. Н. Мировое сообщество: конфронтация и конвергенция // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. Санкт-Петербург, 2003-

Исфандиёров Д. Культура в центральноазиатских государствах СНГ: поиск новых путей идентификации // [http://www.rusamny.com/403/to2\(403\).htm](http://www.rusamny.com/403/to2(403).htm)

Назаров Р. Р. Немцы в Узбекистане: к истории вопроса. // Немцы Сибири: история и культура. Омск: СФРИК, 1999-

Назаров Р. Р. Татыбаев А. С. Культура: единство национального и общечеловеческого // Историко-культурное наследие Центрально-Азиатского региона. Уральск: Евразия, 2СЮ0.

Назаров Р. Р., Юнусова Д. М., Алиева В. Р. Роль бухарско-еврейской диаспоры в истории музыкальной культуры Узбекистана // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург. МАЭ РАН, 2005.

Назаров Р. Р. Новые подходы к изучению постсоветской Центральной Азии: вопросы методологии региональной истории // К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии (Towards New Standards of Social Sciences Development in Central Asia). Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

Назаров Р. Р., Юнусова Д. М., Алиева В. Р. Корейская диаспора в социокультурном пространстве Узбекистана // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Саранск: ИЭА РАН, НИИГН, 2007.

Парадигма социального развития: национальные и глобальные аспекты. Самарканд: СамГУ, 2001.

Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Ташкент, гооб.

Тюгашев Е. А. Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. Вып. 8.

Человек и культура межнационального общения. Ташкент: Мехнат, 1995-

Ш. Мухамедов
Узбекистан

ИСЛАМИЗАЦИЯ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: КАЗАНЬ, УФА, ТУРКЕСТАН - ТРАНЗИТ

В начале XX века в казахской степи происходит ряд изменений, которые серьезно обеспокоили администрацию Туркестанского края. В 1913 году главный инспектор учебных заведений Туркестана в своем послании сообщает краевому начальству о том, что в село Джулек Перовского уезда на летние каникулы приезжают молодые татары — мударисы медресе «Галлие», находящегося в городе Уфе, и открывают летучие школы-юрты для местного киргизского (казахского — Ш. М.) населения: «Обучение в этих школах, открываемых без всякого разрешения, ведется по новому методу, но далеко не в интересах Русской государственности» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. i]. Почему же так всполошились чины царской администрации? И какая политика проводилась среди кочевого населения Туркестанского края в религиозном отношении? Для того чтобы найти ответы на эти и другие интересующие нас вопросы, необходимо вернуться в прошлое.

После завоевания Средней Азии Российская Империя оказалась лицом к лицу с разными по уровню развития народами и племенами. Оседлое население исповедовало ислам уже на протяжении тысячелетия, а среди кочевого казахского и киргизского населения исламские традиции были не столь сильны [Пален, 1910. С. 5]. Российская администрация считала, что кочевое население Туркестана добровольно подчинилось русскому правлению, видя в нем защиту от хищнических набегов и притеснений соседних ханов. «В то же время южная часть Туркестана, густо заселенная оседлыми народами, обладавшими многовековой мусульманской, а потому враждебной христианству, культурой была подчинена Россией силою оружия». По отношению к кочевникам российское правительство придерживалось политики невмешательства в их внутренние дела [Пален, 1910. С. 1].

Тем не менее кочевая степь оказывается под многосторонним давлением различных идеологических и религиозных сил. И, конечно же, в первую очередь большее влияние оказывало на казахов исламское духовенство в лице ишанов и мулл из Бухары и Хивы, которые кроме идейных имели еще и материальные интересы среди кочевников. После колонизации в степи появляются и христианские миссионеры. Интересны воспоминания Ефрема Елисеева (крещеного татарина — Ш. М.), находившегося среди казахов в 1892-1899 годы: «В 1881 году, когда еще магометанство, как черная туча сплошь покрывало киргизскую степь, а выходцы из Казани татары, бухарские сарты, персиане и арабы, как хищные коршуны, терзали степных киргизов и злоупотребляли их религиозными чувствами, на далекой окраине русского государства, в соседней с Китаем Семипалатинской области, указом Святейшего синода, была открыта противомусульманская киргизская духовная миссия» [Записки..., 1900. С. 3] Местопребыванием первого киргизского миссионерского центра были сначала города Усть-Каменогорск и Семипалатинск, а с 1884 г. — поселок Буконский затем село Преображенское. Первым миссионером киргизской миссии был о. Филарет

Алексеевич Синьковский, ставший позже преосвященным Владимиром, епископом Владикавказским и Маздокским [Записки..., 1900. С. 31-

Автор рассказывает о своей миссионерской работе среди казахов. Владение местным языком и знание Корана помогают ему общаться с кочевниками, доказывать «превосходство» христианства. В религиозных спорах о. Ефрем часто оказывается на высоте, так как мусульманские священники, вызубрив основные аяты и суры из Священного писания, не понимают их смысл. [Записки..., 1900. С. ю]. Однако и экономическое положение кочевника-казаха располагает к тому, чтобы он стал верующим и нашел убежище в религии, из-за непредсказуемых условий кочевой жизни казах беднеет в самое короткое время. По наблюдению автора, «...почти каждый из них жалуется на то, что год, два — три тому назад имел несколько сот баранов, верблюдов и т.д., а потом неожиданно — нежданно, из-за засухи, сделался самым бедным джатаком» (бедняком — Ш. М.) [Записки..., 1900. С. 12].

Однако даже будучи талантливым миссионером о. Ефрем не смог достичь хороших результатов и его паства увеличилась незначительно. Автор называет главную причину неудачи своей семилетней миссионерской деятельности среди казахов. Он считает, что сама мусульманская религия так естественна и сродни кочевому киргизу. «По своим умственным и моральным качествам Магомет представляется идеалом для простого кочевника. Его личность и вероучение потому и обаятельны для киргиза, что каждый киргиз видит в них свои свойства или недостатки, освещаемые Кораном» [Записки..., 1900. С. 151]. Это смелое признание православного миссионера дает нам ответ на вопрос, почему казахи-степняки не переходят в христианство и другие религиозные конфессии, предпочитая им ислам.

Российская администрация Туркестанского края также имела свои виды на кочевников-казахов. Именно с казахов начинает проводить свою русификаторскую политику первый Генерал-губернатор края К. П. фон Кауфман. Очень подробно и объективно об этом пишет в своей аналитической статье один из ветеранов учебного дела в Туркестане Н. П. Остроумов [1900], посвященной проблеме образования местных народов. Автор отмечает, будучи осведомлен ненадлежащим образом о современном положении мусульманских учебных заведений — медресе и мактабов, фон Кауфман считал, что они себя уже исчерпали. «Во внутреннюю силу мусульманства покойный генерал-губернатор не верил, отчасти под влиянием господствовавшего тогда представления о Турции как о больном организме, и считал вообще мусульманскую культуру отжившею свой век и неспособною к пробуждению и дальнейшему прогрессу». К. П. фон Кауфман как российский администратор верил только в европейское образование. В Туркестанском крае Генерал-губернатор «намерен был держаться обрусительной политики при посредстве русской школы» [Остроумов, 1910. С. 139-140]. Начальник края знал, что в Туркестане существуют кочевые племена казахов, которые хотя и были близки к сартам и татарам, но влияние на них ислама, по его мнению, было минимально, «поэтому он решил сосредоточить все свое просвещенное внимание на устройстве в Туркестанском крае русских школ именно для детей киргизов и рассчитывал, что дети киргизов в русских школах обрусееют и примкнут к русской гражданственности, после чего узкое одностороннее мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них своего влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации» [Остроумов, 1910. С. 140].

Этот взгляд на мусульманство и на казахов сформировался у фон Кауфмана под влиянием авторитетного профессора истории Востока В. В. Григорьева и руководителя миссионерской Казанской школы Н. И. Ильминского. Жизнь показала глубокую ошибочность этих взглядов. Однако именно эта политика фон Кауфмана в отношении ислама и исламских учебных заведений продолжалась до 1917 года и получила название «политика игнорирования». «В Министерстве народного просвещения Российской империи к тому времени (1876 г. — Ш. М.) так же не было определенных и устойчивых взглядов на образование инородцев» [Остроумов, 1910. С. 140-141]-

Российская администрация при фон Кауфмане начинает открывать русско- туземные школы, в первую очередь для казахских детей, на которые государство тратит 23 000 руб. в год. Однако дети местных национальностей «посещали их весьма неохотно и крайне неаккуратно, и многие еще не получив знаний переставали учиться когда хотели» [Остроумов, 1910. С. 144]- Главная причина такого нерадивого отношения к русско-туземным школам заключалась в том, что в них из-за нехватки кадров не обучали местным языкам, не преподавали каноны шариата. Большой проблемой для детей кочевников являлось также отсутствие языковой среды и, особенно в зимнее время, дальность расстояний. [Пален, 1910. С. 105].

Таким образом, сделав небольшой экскурс в прошлое, вернемся в 1913 год, когда по заданию Генерал-губернатора старший чиновник по особым поручениям А. Миллер выезжает в степь для изучения сложившейся обстановки с приездом татарских учителей. В своем сообщении он пишет, что молодые татары — ученики Уфимского медресе «Галлия» в Джулекский участок Перовского уезда начали приезжать с лета 1911 года. Во время пребывания джулекских казахов на летовках в местности по реке Сара-Су и в горах Каратау «приезжие учителя открывают там школы в юртах» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 3]. Преподавание ведется по звуковому методу с помощью изданных в Казани татарских учебников. Дети обучаются письму и грамоте, арифметике, истории, географии, а также арабскому языку и чтению Корана, преподают основы шариата на татарском языке. Такие учителя нанимаются более состоятельными казаками одним или несколькими в складчину. «Кроме платы за обучение, в среднем около 100 рублей в лето, они получают еще с родителей учеников масло, бараньи шкуры и зякет — известный процент со скота, который перед отъездом распродают» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 3 об.]. Каждое лето приезжает более 40 учителей. Приезжие учителя, по словам заведующего Джулекским русско-туземным училищем Есенова, внушают казахам, что русско-туземные школы излишни, так как русскому языку можно научиться и у них с помощью татарских учебников-самоучителей, а прочие предметы могут преподаваться на тюркском языке. «Кроме того они привозят и распродают среди казахов изданные на казахском языке «вредного направления» брошюры, отпечатанные в уфимских и казанских типографиях, например, брошюры «Уян казак» — Проснись киргиз, «Тур казак» — Вставай киргиз и сборник басен «Маса» — Комар [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 3 об.]. В них отмечается нынешнее тяжелое, бесправное положение казахов, живших будто бы гораздо лучше и привольнее при ханах. Затрагивается аграрный вопрос с указанием на уменьшение площади земель, находящихся в пользовании казахов. Обращается также внимание на трудности положения при выборе должностных лиц волостного управления, так как присутствующий чин полиции, в виду незнания местного языка, недоступен для казахов, а «переводчику надо давать взятки» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27,

д. 148, л. з об., 4]. Содержание сборника басен такого же тенденциозного, антиправительственного направления, в одной из них выражается неудовольствие по поводу отсутствия в Государственной думе депутата от казахского населения [ЦГА, ф. И-і, оп. ij, д. 148, л. 4]-

По мнению Есенова, востребованность учителей-татар объясняется как объективными факторами — недостатком русско-туземных школ — так и возможно личным стремлением студентов Уфимского медресе заработать за время летних каникул [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 4]- В сообщении А. Миллера приводятся факты усиления исламского фактора в городах Семиреченской области. Как сообщает учитель инспектор 3-классного Казалинского городского училища Статский советник Подгорный, число туземных школ в Казалинке за последнее время увеличилось. При всех городских мечетях, а также в некоторых частных домах татар и сартов открыты школы [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 5]. В русских школах города татарских и сартовских детей почти нет, наблюдаются лишь единичные случаи. Вообще татары относятся отрицательно к поступлению их детей в русские школы, причем это влияние разными путями распространяется и на степь [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 5]-

В тот же период (1913¹ - ~ Ш. М.) Туркестанское районное охранное отделение проводит свое собственное секретное расследование по факту деятельности татар в казахской степи. В письме Туркестанскому Генерал-губернатору сообщается много интересных фактов по расследуемой проблеме. Обучение казахов и сартовского населения приезжими по новому методу ведется татарами-учителями почти совершенно свободно во всем Туркестанском крае. В Перовском и Казалинском уездах Сырдарьинской области почти нет такого аула, в котором бы не было приезжего учителя-татарина [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 28]. Успех татарских учителей можно приписать и следующему обстоятельству: местное население, безусловно, признало преимущество нового метода. Школьники быстро овладевали грамотой и легче усваивали предметы. Отдавать же детей в русско-туземные школы казахи боялись, так как муллы предостерегали население, что «дети их в русско-туземных школах могут заразиться духом христианской религии, и в последствии даже перейти в христианство» [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 28 об.]. Недоверчивое отношение отчасти распространяется и на татар, приезжающих в европейской одежде, а потому после прохождения начального курса обучения по новому методу, казахи отдают детей для укрепления в религиозных обрядах в старометодные мактабы [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 28, об.]. В местности с казахским населением учителя съезжаются ежегодно к 5 марта. От 5 до 10 марта идет распределение учителей по казахским семействам, затем казахи уходят на «летовки» по реке Сары-Су, в горы Каратау и Акмолинскую область. Наем учителей происходит следующим образом. Все требования от населения на учителей идут при посредстве волостных управителей и сельских старшин к местным ишанам (ишан-духовное лицо, священник — Ш. М.). К ним же направляются приехавшие учителя. В зависимости от требований ишан распределяет учителей между желающими [ЦГА, ф. И-і, оп. 27, д. 148, л. 29]. В Казалинском уезде этим руководит известный «Ишан» Ходжам-Берды-Ахун, который имеет в городе Казалинке и по аулам несколько своих мечетей. В Перовском уезде рекомендацией учителей занимается Ахмет-Ишан-Уразаев, житель местности Тугулум, Тургайской области и уезда, известный среди местного населения как святой человек, пророк и «чудотворец». В качестве учителей приезжают большей частью преподаватели и ученики старших классов медресе «Галлия», «Османия» (в гор. Уфе), «Хусеиния» (в гор. Оренбурге)

и «Мухамедия» в (гор. Казани), последние в основном из числа местных жителей [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 29, об.].

Подводя итоги, охранное ведомство отмечает: «...в Константинополе, Бейруте, Медине и больших городах Турции постоянно обучаются по несколько десятков русских мусульман, которые возвращаются в Россию в качестве учителей в вышеназванные и другие медресе, где и воспитывают учащихся, преследуя узко-националистические цели, в духе панисламизма» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 29 об.]. Таким образом, делается вывод в отчете, приезжающие в качестве учителей воспитатели, проникнутые панисламистскими идеями, являются распространителями таковых среди местного населения и воспитывают их детей не в интересах русской государственности [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 30].

В отчете о расследовании говорится и об обратной связи казахской степи и вышеуказанных медресе. По сообщению начальника Уфимского жандармского управления, в медресе «Галлия» имеется немало выходцев из Туркестанского края, а именно из Сырдарьинской и Семиреченской областей, ряда уездов, в том числе Перовского, Казалинского, Акмолинского, Лепсинского, Копальского и других [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 30 об.]. По сообщению начальника Казанского Губернского Жандармского управления, в летнее время ученики — казахи Казанских медресе также выезжают в казахские степи «для обучения детей грамоте, чем они зарабатывают себе на пропитание» [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 31].

Таким образом, в завершение обсуждаемой темы необходимо сделать некоторые выводы. После завоевания Российской империей Средней Азии кочевые народы, населяющие этот регион, становятся главным объектом в русификаторской политике царской администрации как менее подверженные исламскому влиянию. Деятельность православных миссионеров в казахской степи в основном не имела успеха. Эксперименты, предпринятые в области просвещения казахов фон Кауфманом и в дальнейшем другими генерал-губернаторами Туркестанского края, не дали желаемых результатов. Русско-туземные школы не пользовались успехом среди простого народа, прежде всего казахи боялись христианского влияния.

В начале XX века происходит бурный рост популярности ислама во всем мире, что отражается и на казахской степи. Активизируется просветительская деятельность татарских учителей среди кочевников Туркестана. Большую роль здесь сыграло то, что исламские традиции были близки кочевникам. Главное, это использование нового метода обучения «усули — джадид», по методике крымско-татарского просветителя И. Гаспринского, примененный учителями-татарами, который оказался очень эффективным и пользовался успехом среди казахов. Царская администрация в колониях, в частности уездное начальство, фактически была далека от стремлений и нужд населения, чиновники не были знакомы с мусульманской религией, не владели местным языком и не стремились его изучать. При опросе уездных начальников А. Миллером выяснилось, что они не имеют никакой информации относительно деятельности татар-учителей. Аналогичный отрицательный ответ последовал и при опросе 16 волостных старшин Казалинского уезда [ЦГА, ф. И-1, оп. 27, д. 148, л. 5 об.], хотя представители местной администрации сами являлись инициаторами приезда последних в казахскую степь. Налицо факт, когда процессы, происходившие в казахской степи, регулировались казахской кочевой элитой и тщательно скрывались от российской колониальной администрации. Именно этим можно объяснить мощное выступление кочевников в 1916 году, формальным поводом к которому явился призыв на ты-

ловые работы. Проблемы кочевой степи, долгое время игнорировавшиеся царской администрацией, в том числе необдуманная переселенческая и политика двойных стандартов в отношении русских переселенцев и местных кочевников, постепенно готовили последних к выступлению против российской власти.

Именно исламизация казахской степи в начале XX века сыграла решающую роль в процессе осознания национальной самоидентичности казахского народа, определив тем самым его развитие в будущем.

Литература

Записки миссионера Буконского стана Киргизской степи. За 1892-1899 годы. Санкт-Петербург, 1900.

Остроумов Н. П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. Кауфманский сборник. Москва, 1910.

Пален К. К. Правовой быт туземного населения. Санкт-Петербург, 1910.

Пален К. К. Уездное правление. Санкт-Петербург, 1910.

Пален К. К. Учебное дело. Санкт-Петербург, 1910.

Б. Эргашев
Узбекистан

**ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В КУЛЬТУРЕ БЫТА
КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАНЦЕЛЯРИИ
ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА)**

Вопросы истории кочевого населения Средней Азии являются одной из проблемных направлений источниковедения. О хозяйственной жизни, быте и культуре кочевого населения писали многие историки, путешественники и дипломаты. Например: персидский историк Фазлаллах Исфাহани, будучи историографом Мухаммеда Шейбани, в начале XVI века написал историко-географическую книгу «Записки Бухарского гостя» («Михманнамеи Бухара»), в этой книге автор описал жизнь кочевого населения. В главе под названием «Описание Дешт-и-кипчака и страны узбеков» он, говоря о жизни народов Дешт-и-кипчака, пишет, что «всемогущий бог пожаловал им летние и зимние становища». И далее: «Эта обширная степь является летним становищем узбеков. Вследствие множества скота и нужды в пастбищах они занимают всю эту обширную степь. Когда наступает осенняя пора, погода в этой стране становится холодной и выпадают обильные снега, то, разумеется, казахи для зимовки направляются из степи на зимние стойбища» [История... 1988. С. 16-17].

В последующем, уже в Российском источнике первой половины XIX века, приводятся сведения о непосредственной хозяйственной жизни кочевого населения. Так, «киргизцы, богатые скотоводством, пригоняют в Бухарию стада свои к Российской границе; променяют и продают в значительном числе баранов, коров; свои изделия — кошмы, армячину, верблюжью шерсть, арканы, сырую кожу, звериные шкуры, а бухарцы отдают им халаты, бязи, булки, выбойки, сапоги, ковры, пшено и др. Пошлину киргизцы платят таковую же, как и прочие Магометане, а с бухарцев сами берут неопределенно, ибо у них, как у народа... кочующего, никакого положения на сие нет» [История... 1988. С. 221]. Эти сведения приведены в журнале «Отечественные записки» (1821 г.).

Спустя более 60 лет русский ученый И. Ф. Бларамберг в своих «Воспоминаниях» пишет о районах по ту сторону Урала, населенных киргизами. Он приводит ряд примеров из жизни кочевых киргизов. Так, с приходом весны киргизы выжигают в степи некоторые районы, чтобы уничтожить прошлогоднюю густую и жесткую траву. Степной климат подвержен большим колебаниям: летом жара достигает 35° и более градусов по Реомюру, зимой термометр показывает 35° ниже нуля» [Бларамберг, 1978. С. 216-217]. Он же описывает жизнь кочевых киргизов в зимний период как суровую и тяжёлую. Аналогичную оценку жизни кочевников-скотоводов достоверно описывает видный русский учёный — востоковед Н. В. Ханьков. [Халфин, Рассадина, 1977- С. 35]-

Со второй половины XIX века Средняя Азия постепенно, в течение более чем 20 лет, стала включаться в сферу экономических и политических интересов Российского капитализма. На завоеванных территориях были установлены методы колониального управления. Народы постепенно начали привыкать к царским названиям управления — уезд, уездный начальник, военный губернатор, полицейское управление, суды и т.д.

Среднюю Азию по принципу народозаселения можно разделить на две основные категории. Это народы, проживающие в городах и близлежащих населённых пунктах, где хозяйственный уклад жизни был связан с земледелием. Вторая категория населения ведет кочевой и полукочевой образ жизни и занимается животноводством-скотоводством.

Следует отметить, что кочевой или полукочевой образ жизни народов Туркестана предопределялся исторически сложившимся регионам края разделением труда, обусловленным природно-хозяйственными условиями проживания. В культурных центрах Туркестана, какими являлись города, эти факторы обусловили не только развитие производства хлопка, шёлка и других промышленных товаров, но и торговли. Требовались продукты питания, сырьё для ремесленных мастерских, которые производились у полусёдлого и кочевом населения Средней Азии. Кочевой образ жизни было тесно связан, правильнее сказать востребован, повсеместной хозяйственной деятельностью населения края.

Вопросы повседневной хозяйственной жизни кочевого населения Средней Азии можно изучать по материалам канцелярии Туркестанского Генерал-губернаторства, (фонд И-1) в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан.

Ещё в начальный период колонизации ставились задачи сближения с кочевым населением. Так, 29 ноября 1868 года Военный губернатор Сырдарьинской области рапортом на имя Генерал-губернатора сообщает, что комиссия Кураминского организационного комитета на основании просьб ряда волостей ходатайствует об открытии базаров (рынков) в нескольких селениях. Так, было предложено открыть базар в селение Майдатал, где «...густота оседлого населения в Майдатальской и Гаиб-атинской волостях в каждой до юоо дворов тесно живущих, за исключением такого же почти числа кочевников, тем самым оказать содействие в развитии торговли между оседлыми киргизами...» [ЦГА, ф. И-1, оп. 16, д. 213, ¹ - 1 об.]. Общеизвестно, что Ташкент очень близко расположен к перекрёстку кочевых торговых дорог и поэтому кочевники казахи и киргизы, жители соседних степных районов были тесно связаны между собою. Соответственно, Ташкент можно считать не только центром Генерал-губернаторства, но и центром взаимовлияния степной кочевой жизни и оседлых земледельческих центров региона.

Военный губернатор Семиреченской области в своём отчёте за 1902 год приводит следующие факты: область занимала площадь 35² 979 кв. км, из них 6370 кв. км занимало оседлое население, т. е. 1,8% от общей территории. Остальные 346 609 кв. км территории занимали кочевники численностью 794 475 человек. Как отмечает военный губернатор, «в обширных Прибалхашских степях, в низовьях рек Или, Каратала и особенно по реке Чу, также в горных долинах Джумгана, Сусамыра и Когарта встречаются повсеместно остатки значительных ирригационных сооружений, развалины древних крепостей и городищ, которые свидетельствуют, что некогда на территории области земледельческая культура процветала» [ЦГА, ф. И-1, оп. 12, д. 396, л. 31 об.]. Далее в отчёте говорится, что основным занятием киргизов-кочевников стало скотоводство. Земледелием занимались бедные и это они считали для себя унижительным. Губернатор полагает, что колонизация края поспособствует прикреплению киргизов к земле и скорейшему переходу к оседлости. В отчёте военного губернатора Ферганской области говорится, что туземное население с большим интересом относилось «ко всяким полезным нововведениям» [ЦГА, ф. И-1, оп. 12, д. 396, л. 4 об.]. Это относится и к кочевому населению края. Далее военный губер-

натор Семиречья пишет, что земледелие в области заметно развивается и улучшается система его ведения. Открытие в городе Верном казенного склада земледельческих орудий труда вызвало появление в разных пунктах области частных складов и население охотно заменяет первобытную соху заводским плугом, а ручную уборку урожая машинного [ЦГА, ф. И-1, оп. 12, д. 396, л. 32 об.].

В отчёте особо отмечается стремление киргизов улучшить породы разводимого поголовья. Спрос на семиреченский скот был высок и в других областях Туркестана, Сибири и Европейской части России, но по качеству они уступали и поэтому несколько волостей Пишпекского уезда приняли решение о покупке чистокровных производителей. Если это один из фактов изменения повседневной жизни и условий хозяйствования киргизского народа, следующий факт сообщает о том, что администрацией области ставилась задача организации сельскохозяйственных школ в средоточьях киргизских кочевков. Также отмечается необходимость развития садоводства, то есть разведения у кочевников промышленного садоводства согласно статьи № 125 «Степного положения» [ЦГА, ф. И-1, оп. 12, д. 396, л. 33, об.].

В Туркестане ещё в 1871 году было образовано «Общество сельского хозяйства». В уставе общества записано, что «Туркестанское общество сельского хозяйства» имеет цель способствовать развитию и улучшению сельского хозяйства как в Туркестанском крае, так и по возможности в соседних среднеазиатских ханствах» [ЦГА, ф. И-1, оп. 15, д. 92, л. 2-3 об.].

В отчёте губернатора Семиреченской области за 1903 год высказано мнение об изъятии земель у кочевников для устройства Семиреченского казачьего полка. Сообщается, что продолжительная снежная зима и холодная весна оказала пагубное влияние на кочевое скотоводство. Так, на 1.01.1904 года у кочевников зарегистрировано лишь 5 669 246 голов скота [ЦГА, ф. И-1, оп. 12, д. 529, л. 14 об.]. Касаясь вновь факта открытия в Верном казенного склада сельскохозяйственных орудий труда, сообщается следующее: «Усовершенствованные орудия распространяются главным образом среди русского населения, но его примеру начинают следовать и кочевники. Как подтверждение можно указать на зажиточного киргиза Арасанской волости, который, потеряв много скота от бескормицы и видя продуктивность работы сенокосилки у соседа — почтосодержателя, ещё в 1902 году купил и для себя эту технику. Затем его примеру последовали три киргиза этой волости» [ЦГА, ф. И-1, оп. 12, д. 529, л. 15 об.]. Отмечается, что при большой склонности киргиз к подражанию почти с уверенностью можно сказать, что косилки войдут у них в употребление, а с распространением их начнут увеличиваться и запасы корма на зиму. Так как усовершенствованные орудия для обработки почвы и уборки урожаев проникают лишь в кочевые волости, близкие к русским селениям, то колонизация степи должна считаться очень важным средством для распространения среди кочевого населения рационального земледелия. Это исторический факт изменения хозяйственной жизни кочевников.

Отчёт также содержит сведения и об образовательной системе проводимой администрацией Семиреченской области среди туземного населения. В отчётном 1903 году администрация обратила внимание на русско-туземные школы, которые не оправдали возлагавшихся на них надежд. Опыт показал, что успешное обучение детей туземцев русской грамоте и быстрое усвоение русского языка достигаются только при совместном обучении с русскоговорящими школьниками. Военный губернатор области Ионов посетил русско-

туземную школу в долине реки Джумгала. Он пишет: «Здание школы выстроено прекрасное на содержание школы киргизские общества отпускали ежегодно юоо рублей, но учащихся в ней не нет. При опросе местные киргизы заявили, что их дети обучаясь русской грамоте, не понимают языка, не имеют практики в разговорной речи» [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 529, л. 17 об.]. Успешными были организации бесплатных чтений на местном языке, они вызвали живой интерес и население охотно их посещало.

Не менее важным фактором изменения повседневной жизни местного населения можно рассматривать привлечение на военную службу, поскольку местные киргизы изъявляли желание сформировать сотню джигитов для похода в Кульджу. Ионов пишет, нет данных предполагать, что среди киргизов-кочевников, имеющих отличные качества наездников, не выработаются прекрасно дисциплинированные кавалеристы, подобно тому как из дунган получаются пехотинцы. По утверждению Ионова, «во всех военных операциях в Средней Азии из туземцев всегда образовывались так называемые команды джигитов для разведочной и почтовой службы» [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 529, л. 19 об.]. Он же даёт характеристику кочевого населения: «Среди почти миллионного туземного населения области, в особенности кочующего в горах, не может не быть известного процента людей, отличающихся удалью и воинственностью, которые в лучших случаях делаются страстными охотниками за диким зверем, а в большинстве превращаются в барантачей-конокрадов, находя применения своей удали в набегах на враждебные им аулы или что чаще бывало, в грабежах в пределах Китая, для предупреждения которых приходилось до 1901 года держать по границе на постах целый казачий полк».

О кочевом населении говорится и в документах военных губернаторов других областей. Например, губернатор Самаркандской области генерал-лейтенант Галкин в своём отчёте по 1909 году (в канцелярии зарегистрировано под номером № іобі от 16 августа 1910 года) пишет: «Скотоводство, составляющее главный промысел кочевого населения области и подсобный для оседлого земледелия, протекло в отчётном году в общем благоприятных условиях и количество скота в области увеличилось, почти вдвое увеличилось каракулевое овцеводство, дающее населению огромные выгоды» [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 1588, л. 8 об.].

Администрация Туркестанского генерал-губернаторства, в частности Семиреченской области, продолжает создавать русские поселения на колонизированных землях. Так, по отчёту исполняющего обязанности военного-губернатора, «области, в особенности в южной его части, представляют отменные уголья для образования на них русских поселений. Но так как пространства эти отдалены на значительное расстояние и раскинуты среди кочевий киргизов или вблизи границы с Ферганской областью, то в целях политических желательнее, чтобы вновь учреждаемые селения были исключительно казачьими» [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 164, л. 2 об.]. Как видим, мнения отражают стратегические задачи царской власти по освоению территории области.

Положение кочевого населения в Закаспийской области несколько отличается от других регионов края. Из сведений отчёта губернатора Закаспийской области генерал-лейтенанта Евринова за 1909 следует, что «между Уральской и Закаспийской областями нужно было решить вопрос о взаимоотношениях киргизов кочевников, так как киргизы (надо понимать казахи) Уральской области летом перекочевывали в Гурьевский и Темирские уезды. В связи с этим ставилась задача о выделении им необходимых кочевых путей. Далее воен-

ный пишет об основной специфике Закаспийской области — недостаток водных ресурсов», о необходимости решать ирригационные вопросы [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 1588, л. 18, об.].

В отчёте говорится и о кочевниках-туркменах, которые ведут оседлый образ жизни. «Вода небольших источников, достаточная в былое время для нужд туркмен-кочевников, совсем оказалась недостаточной туркменам, осевшим и занявшимся земледельем. Поэтому во всех уездах заметно стремление туркмен, а отчасти и русских поселенцев, к разработке новых и расчистке заброшенных кяризов. В 1909 году в одном Асхабадском уезде разрабатывалось 14 кяризов» [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 1588, л. 21 об.].

Общеизвестно слава туркменских ковров, но со временем качество продукции местных кустарей стало меняться. В отчете указывается причина: «Переход к земледелию, культура хлопка, недостаток свободного времени, вздорожание рабочих рук, развитие торговли и развитие новых потребностей и вкусов делают уже невозможным производство тех тонких дорогих ковров, которыми так славился край» [ЦГА, ф. И-і, оп. 12, д. 1588, л. 26 об.].

Узбекский учёный Ф. Исаков считает: «... ускорение процесса перехода к оседлости связано с тем, что российской текстильной промышленности нужно было всё больше хлопка. Поэтому с 1906 г. был взят курс на постепенный, но активный перевод кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни». Ссылаясь на материалы Туркестанских ведомостей за № 78 от 1914 г. он приводит следующий факт: «под влиянием наглядного примера своих соседей-поселенцев киргизы мало по малому начинают тоже склоняться к той мысли, что оседлый образ жизни не в пример лучше» [Исаков, 1977- С. иб].

На основе вышеприведенных архивных материалов можно сделать некоторые выводы:

- кочевой образ жизни и хозяйствования является объективной необходимой стороной жизни населения некоторой части Средней Азии.
- Повседневная жизнь кочевого населения была непосредственно связана с земледельческим оседлым населением Туркестана. Они были взаимосвязаны хозяйственной жизнью и дополняли друг друга.
- Документы свидетельствуют о том, что кочевое население Средней Азии с большим интересом относилось к тем новшествам, внедрение которых вносило изменения в хозяйственную жизнь.
- Несмотря на колониальную сущность политики царизма в Туркестане, кочевое население в результате стало постепенно приобщаться к более эффективным методам хозяйства. Стала меняться культура повседневной жизни кочевого населения.
- Процесс перехода от кочевого к оседлому образу жизни ускорило применение новых методов хозяйствования.

Литература

- Бларамберг И.** Воспоминания. Перевод с немецкого О. И. Шигалиной и Э. Ф. Шмидта. Вступительная статья Н.А. Халфина. Москва: Наука, 1978-
- История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX в. Ташкент: Фан, 1988.
- Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.** Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат. Москва: Наука, 1977-
- Исаков Ф.** Национальная политика Царизма в Туркестане (1867-1917 гг). Ташкент: Фан, 1977

Список сокращений, принятых в сборнике

АВ	Археологические вести, С-Пб.
ЗИИМК РАН	Записки ИИМК РАН, С-Пб.
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, С-Пб.
МАИКЦА	Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии, Москва.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград.
СА	Советская археология, Москва.
САИ	Свод археологических источников, Москва, Ленинград.
СЭ	Советская этнография, Москва.
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЮТАКЭ	Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
АИ	Археологические исследования в Узбекистане.
АРТ	Археологические работы в Таджикистане.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии.
МГУ	Московский государственный университет.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
ОНУ	Общественные науки Узбекистана.
САИ	Свод археологических исследований.
МАЭ	Маргианская археологическая экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВОЙ И ОСЕДЛОЙ КУЛЬТУР В ИСТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Байпаков К. <i>Города округа Кенжида-Кендже</i>	5
Буряков Ю. <i>Взаимодействие оседлых и кочевых народов Средней Сырдарьи (в древности и средневековье)</i>	14
Кляшторный С. <i>Древнетюркские рунические памятники и их авторы</i>	24
Алимова Д. <i>К вопросу о взаимодействии кочевой и оседлой культур Центральной Азии: историографический аспект</i>	29
Асадов Ф. <i>Длинные стены: забытая граница с кочевниками-тюрками Центральной Азии в VII-Xвв</i>	34
Тоган И. <i>Вариации на тему — тюркоязычные народы и ислам</i>	42
Агзамова Г. <i>Среднеазиатские города — центры взаимодействия оседлой и кочевой культур (XVI - первая половина XIX века)</i>	55
Абдуллаев Б. <i>Об элементах кочевой культуры в фортификационных сооружениях Ферганы</i>	61

ДРЕВНЯЯ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Сагдуллаев А. <i>Этнокультурные процессы в древней Центральной Азии (некоторые итоги изучения, современные проблемы и подходы)</i>	68
Грене Ф. <i>Узбекско-французская экспедиция в Согдиане и художественное наследие Узбекистана</i>	74
Алексин В. <i>Датировка могильника Заманбаба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века)</i>	80
Холматов Н. <i>Неолит Каратюбе Среднего Зеравшана</i>	90
Рузанов В. <i>Металлургия Согда в эпоху энеолита и бронзы</i>	97
Аванесова Н. <i>Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре</i>	107
Якубов Ю. <i>Изображение Заратуштры на археологических памятниках Центральной Азии</i>	134
Рапен К. <i>От Коктепе до Киндикли-тепе: новый подход к истории возникновения ирригации в северной части Зеравшанской долины</i>	139
Исамиддинов М. <i>Ремесло древней Средней Азии и общество Авесты</i>	151
Бердимуродов А. <i>Буллы Кафиркалы как источник изучения культуры раннесредневекового Согда</i>	156
Ходжаев А. <i>Сведения древнекитайских путешественников о Самарканде</i>	163
Горшенина С. <i>Картографический образ Средней Азии у Фра Мауро: синтез на перекрестке различных знаний</i>	170

Грицина А. <i>Мыккурган и Коштепа (к истории раннесредневековой культуры Уструшаны)</i>	184
Мавланов У. <i>Роль коммуникаций в формировании цивилизации Центральной Азии</i>	191
Матякубов Х. <i>Письменность древнего Хорезма как исторический источник</i>	201

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Хакимов А. <i>Идиоматика современного искусства Центральной Азии</i>	207
Филанович М. <i>К вопросу о раннем урбанизме и особенностях духовной культуры в зоне контактов древних земледельцев и скотоводов (на примере присырдарьинских регионов)</i>	212
Мурадов Р. <i>Памятники архитектуры Туркменистана в научном наследии Г.А. Пугаченковой</i>	222
Матбабаев Б., Чжао Фэн. <i>К истории ткачества в Ферганской долине (древность и средние века)</i>	229
Абдуллаев К. <i>Живопись крепости Тавка. К проблеме этнической ситуации Северного Тохаристана (по данным настенных росписей)</i>	235
Уралов А., Рахимов К. <i>Об общественном статусе хаммам в средневековой Центральной Азии</i>	246
Хужаназаров М. <i>К историко-культурной интерпретации древних петроглифов на территории Узбекистана</i>	252
Мирзаахмедов Д. <i>Художественная поливная керамика Бухары эпохи Тимуридов</i>	258
Рахимов К., Эльмуродов Б., Айматов А. <i>О ландшафтном зодчестве Центральной Азии и его взаимодействии с региональными школами</i>	268
Аманбаева Б. <i>Сакральные горы юго-восточной Ферганы</i>	271
Зияева Д. <i>Трансформация традиционных народных театров Туркестана конца XIX — нач. XX вв.</i>	278
Саидов И. <i>Музыка в средневековом Самарканде</i>	282

ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Кау М. <i>Узбекистан и Кашмир: общие историко-культурные связи</i>	285
Хан В. <i>К вопросу о методологических принципах изучения узбекской идентичности</i>	291
Буттино М. <i>История меньшинств и махалли в Самарканде: бухарские евреи и корейцы</i>	298
Тавакол М. <i>Некоторые аспекты развития Центральной Азии</i>	305
Назаров Р., Юнусова Д., Алиева В. <i>Взаимодействие этнического, регионального и глобального в традиционных культурах народов Центральной Азии</i>	309

СОДЕРЖАНИЕ

Мухамедов Ш. <i>Исламизация казахской степи: Казань, Уфа, Туркестан — транзит</i>	3 ^x 4
Эргашев Б. <i>Об изменениях в культуре быта кочевого населения Средней Азии (по материалам канцелярии Туркестанского Генерал-губернаторства)</i>	320

CONTENT

INTERACTION BETWEEN NOMADIC AND SEDENTARY CULTURES IN HISTORY OF CENTRAL ASIA

Baypakov K. <i>Kenjida-Kendje district towns</i>	5
Buryakov Y. <i>Interaction between sedentary and nomadic people in the middle Syrdarya (antiquity and the middle ages)</i>	14
Klyashtorniy S. <i>The ancient Turkic runic texts and their authors</i>	24
Alimova D. <i>On the interaction between nomadic and sedentary cultures in Central Asia: historiographical aspects</i>	29
Asadov F. <i>Long walls — border of the world of Turkic nomads in Central Asia in the VII-X centuries</i>	34
Togan I. <i>Variations on a theme: Turkic speaking peoples and Islam</i>	42
Agzamova G. <i>The Central-Asian city as the centre of interaction between sedentary and nomadic cultures (XVI -first half of XIX centuries)</i>	55
Abdullaev B. <i>On some elements of nomadic culture in fortification structures of Ferghana</i>	61

CENTRAL ASIA IN ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES: ORIGIN AND DEVELOPMENT OF CULTURAL INTERACTIONS

Sagdullaev A. <i>Ethno-cultural processes in Central Asia in ancient period (some results of studying modern issues and approaches)</i>	68
Grenet F. <i>The Uzbek-French expedition in Sogdiana and cultural heritage of Uzbekistan</i>	74
Alekshin V. <i>Dating Zamanbaba (on material of Central Asian terracottas of the eneolithic epoch and bronze age)</i>	80
Kholmatov N. <i>The neolith Karatube of the middle Zeravshan Valley</i>	90
Ruzanov V. <i>Metallurgy of Sogd in the eneolithic epoch and bronze age</i>	97
Avanesova N. <i>The manifestation of steppe tradition in the culture of Sapalli</i>	107
Yakubov Y. <i>Zoroaster images in archaeological monuments of Central Asia</i>	134
Rapin C. <i>From Koktepe to Kindikli-Tepe: new observations on the origins of irrigation in the north of Zeravshan's plain</i>	139
Isamiddinov M. <i>Handicraft of ancient Central Asia and community of Avesta</i>	151
Berdimuradov A. <i>The bullas of Kafirkala as a source for the study of the early medieval Sogd</i>	156
Khodjaev A. <i>Information of ancient Chinese travelers about Samarkand</i>	163
Gorshenina S. <i>Cartographical image of Central Asia by Fra Mauro: synthesis on crossroads of different knowledge</i>	170
Gritsina A. <i>Myk-kurghan mound and Koshtepa (on the history of the early medieval cultures of Ustrushana)</i>	184
Mavlanov U. <i>The role of communications in shaping the civilization of Central Asia</i>	191

CONTENT

Matyakubov H. *Ancient Khorezmian scripts as a historical source.* 201

**SPIRITUAL CULTURE AND ART OF PEOPLES OF CENTRAL ASIA:
COMMONALITY AND DIFFERENCE**

Khakimov A. *Idioms of the modern art of Central Asia*—207

Filanovich M. *On the early urbanization and Peculiarities of the spiritual culture in the contact zone of ancient farmers and cattle-breeders (Syrdarya region case study).* 212

Muradov R. *Architectural monuments of Turkmenistan in the scientific heritage of G. A. Pugachenkova.* 222

Matbabaev B., Chjao Phen. *On the history of weaving in the Fergana Valley (ancient and middle ages).* 229

Abdullaev K. *Painting of the Tavka fortress. On the ethnic situation in north Toharistan (according to petroglyphs data).* 235

Uralov A., Rakhimov K. *On the social status of hammam in the medieval Central Asia.* 246

Khudjanazarov M. *On historical-cultural interpretation of the ancient petroglyphs of Uzbekistan.* 252

Mirzaakhmedov D. *Artistic ceramics of Bukhara in Timurid era*—258

Rakhimov K., Elmuradov B., Aimatov A. *Landscape architecture of Central Asia and its interaction with other regional schools.* 268

Amanbaeva B. *The cult of the Sacral mountains of the south-eastern Ferghana*—271

Ziyaeva D. *Transformation of the traditional theatrics of Turkestan at the end of the XIX — at the beginning of XX century*—278

Saidov I. *Music in medieval Samarkand.* 282

**ETHNIC AND REGIONAL CULTURES IN CENTRAL ASIA
IN PRE-MODERN AND MODERN PERIODS:
TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Kaw M. *Uzbekistan and Kashmir: common historical-cultural ties.* 285

Khan V. *On the methodology of studying modern Uzbek identity*—291

Buttino M. *Histories of minorities and of mahalla in Samarkand: the Bukharan Jews and the Koreans.* 298

Tavakol M. *Some aspects of the development of Central Asia*—305

Nazarov R., Yunusova D., Alieva V. *The interaction of ethnic, regional and global elements in traditional Central Asian folk culture*—309

Mukhamedov Sh. *Islamization of Kazakh steppe: Kazan, Ufa, Turkestan- transit*—314

Ergashev B. *Sources about changes to culture of the everyday life of the nomadic population to Central Asia (from material of the chancelleries of the Turkestan General-Governorate)* 320

**CIVILIZATIONS AND CULTURES OF CENTRAL ASIA
IN UNITY AND DIVERSITY**

Proceedings of the International Conference
Samarkand, 7-8 September, 2009

**ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ЕДИНСТВЕ И МНОГООБРАЗИИ**

Материалы Международной конференции
Самарканд, 7-8 сентября 2009 г.

Издатель

Арапов А.В.

Технический редактор

Османова И.А.

Подготовка материала

Очилов Т. и Юлдашев А.

Компьютерная верстка и дизайн

Абиджанов К.

МИЦАИ: 140129, г. Самарканд, Университетский бульвар, 19

SMI-ASIA: юоооо, г.Ташкент, пл.Х.Алимджана, зб-2а

Подписано в печать 15.09.2010 г. Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 20,75. Тираж 200 экз. Заказ № 854.

Отпечатано в типографии 000 «ТОPRINT»,
г. Ташкент, Мирабадский район, ул. Таллимаржон (Фетисова), 1/1.

ISBN 978-9943-357-08-2 (IICAS)

www.iicas-unesco.org

ISBN 978-9943-17-026-1 (SMI-ASIA)

www.smi-asia.uz

